ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Сборник

С.А. КАЛАБАЛИН

Составитель и редактор
Л.В. Мардахаев

IUSTITIA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборник включены материалы, опубликованные С.А. Калабалиным в различных источниках, а также тексты его выступлений перед педагогической общественностью.

Собранные и представленные в сборнике материалы могут быть полезны родителям, студентам, магистрантам, аспирантам и докторантам педагогических вузов, а также всем, кто занимается воспитанием подрастающего поколения.

- Семён Афанасьевич Калабалин
  -
  -
  - Предисловие
  - Раздел I
    - Бродячее детство[1]
      - Я ухожу из дому
      - Я становлюсь поводырём
      - Мы расстаёмся с дедушкой
      - Богатая жизнь
      - Цыганская жизнь
      - Дорога вниз
      - Вор-грабитель
      - По верной дороге
      - Лечу в пропасть
      - Конный резерв милиции
      - Неизвестный человек делает странное предложение
      - Я выхожу из тюрьмы
      - Я получаю важное поручение
      - Выполняю больше, чем мне поручено
      - …И последнее
      - Пятьдесят лет спустя
    - Я стал гражданином[2]
    - Дисциплина[3]
    - Комсомольцы[4]
  - Раздел II
    - Человек с большой буквы
    - Выдающийся советский педагог Антон Семёнович Макаренко[5]
      -
      - О моей работе в детском доме
    - Мой учитель

- Воспоминания о жизни и педагогической деятельности А.С. Макаренко[6]
- Не верьте, что Макаренко устарел![7]
- Ответ профессору Шимбиреву и наши предложения[8]
- К 70-летию А.С. Макаренко[9]

○ Раздел III
- Выступление на заседании Московского городского педагогического общества в Московском Педагогическом институте имени В.И. Ленина
- Выступление на заседании педагогического клуба Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена 14 ноября 1954 года
- Встреча С.А. Калабалина и Ф.А. Вигдоровой со студентами и педагогическим коллективом ленинградского государственного педагогического института имени Герцена 22 ноября 1954 года
- Выступление перед педагогическим сообществом[12]
- Как нас воспитывал А.С. Макаренко[13]
- Радиообращение С.А. Калабалина[14]
- Самое главное[15]
- Подушка
- Самый сладкий стакан соленого чая[16]
- Трудовой долг
- Педагогический оптимизм А.С. Макаренко
- По стопам своего учителя[18]

○ Раздел IV
- Начало педагогического опыта
- Вопрос о воспитании физически здорового и высоконравственного поколения
  -
  - О мерах, предупреждающих аморальное поведение подростков
- Воспитание человека[19]
- О кадрах, о людях
- Когда мать – Родина[20]
- Наказание… поцелуем
- Интервью через годы[22]
- Все лучшее в детях даётся воспитанием[24]
- это развивает настоящее чувство

коллективизма[25]
- Это надо помнить всегда[26]
- Замечания по автореферату тов. С.С. Коваленко «История возникновения и развития детских домов Украинской ССР в период с 1917 по 1929 годы»[27]

○ Раздел V
- Беседа с Калабалиным
- Наша атакующая сила
- Воспитание детского коллектива
- Использование наследия А.С. Макаренко в организации и воспитании коллектива
  -
  - Переход от толпы к коллективу
  - Что такое командирские рапорта?
  - Что такое утренний санитарный обход?
  - Отряд
  - Группа
  - Командир отряда
  - Командир группы
  - Дежурная коллегия
  - Дежурный воспитатель
  - Дежурный член пищевой комиссии
- Будни детского дома
- О мерах поощрения и наказания
- Просто подлечили парня
- Самая важная специальности
- Свист[28]
- Так каким же должен быть детский дом?[29]
- Это наше родительское дело

○ Раздел VI
-
- Г.К. Калабалиной
- Воспитание в семье
- О происшествии в шестом классе[30]
  -
  - О страхе
- Дорогие хлопцы!
- Редактору «Литературной газеты» О. Войтинской и критику Ф. Левину[31]
- Дорогая Манефа Ильинична![32]
- Уважаемая Наталия Николаевна![33]
- Дорогой друг Илья![34]
- Дорогие друзья – братья!

        - Дорогой товарищ Георгий![35]
        - Из дневников С.А. Калабалина
        - Педагогические мысли С.А. Калабалина[36]
            -
            - О педагогике
            - О воспитании
            - О методике воспитания
            - О педагоге, воспитателе
            - О коллективе, воспитании коллектива
            - Об индивидуальном подходе
            - О семье, родителях
            - Школа и воспитание
            - О себе и своей воспитательной деятельности
            - О воспитанниках
            - Наказание и поощрение в воспитании
    - Раздел VII
        - Д. Барсков[37]
        - Д. Барсков
            -
            - Страница первая
            - Страница вторая
            - Страница третья
        - В.В. Морозов
        - С.С. Невская,
        - Ф.Н. Мер[38]
        - В.И. Слободчиков[39]
        - А.С. Калабалин[42]
        - В.И. Максакова
        - Л.В. Мардахаев
        - Е.В. Пестова[46]
        - А.П. Прокофичев[47]
        - М.Х. Халиков[48]
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

Семён Афанасьевич Калабалин Педагогические размышления

© Мардахаев Л.В., составитель и редактор, 2017
© ООО «Юстиция», 2017

* * *

Семён Афанасьевич Калабалин (1903–1972) – один из любимых учеников выдающегося отечественного педагога Антона Семёновича Макаренко, человек, который всю свою жизнь посвятил детям, трудным в воспитательном отношении, детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Как подчеркивал С.А. Калабалин – это были дети, которые не имели будущего и выжить самостоятельно не могли. Именно им, он и его жена, Галина Константиновна, их сын Антон Семёнович, посвятили всю свою жизнь, помогая сформироваться как самодостаточным личностям, чтобы самореализоваться в жизни на благо Отечества.

Семён Афанасьевич со всей ответственностью писал: «на совести моей и моей жены, Галины Константиновны, нет ни одного пятна, которое помешало бы нам смотреть открытыми очами в глаза Родины, в глаза десяти тысяч воспитанных нами граждан». Это, действительно, выдающийся педагогический подвиг! Данный факт позволяет относить Семёна Афанасьевича Калабалина, его супругу, Галину Константиновичу, как и их учителя Антона Семёновича Макаренко, а также их сына Антона Семёновича Калабалина к выдающимся педагогам России – национальному богатству. Им удалось сохранить для Отечества, поставить на ноги несовершеннолетних сформировавшихся личностей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и не имевших будущего в жизни, и, что самое главное, выпустить в самостоятельную жизнь тысячи молодых людей – патриотов России.

Предисловие

Семён Афанасьевич прошел суровую школу жизни. Воспитанный улицей, он хорошо понимал самых трудных воспитанников и мог найти к каждому из них свой подход. Он подчеркивал: «Не могу без трудновоспитуемой братии»; «Я не нахожу полного применения моим силам в нормальном детском доме». Ему приходилось работать с исключительно сложным контингентом воспитанников. Существо отношения Семёна Афанасьевича к своим воспитанникам и назначению своей педагогической деятельности можно охарактеризовать словами его самого: «Часто, бывают такие ребята, что… ну живой организм. Но это ещё не значит, что его нужно любить, потому что он скорее вызывает какое-то опасение, какую-то тревогу и какую-то настороженность, опаску. И всё-таки мы многое в себе человеческое перебарываем, влюбляемся в нашего воспитанника, ещё не воспитанного, а затем делаем его таким красавцем. И так неудержимо влюбляемся, что потом, когда расстаёмся, как будто кусок сердца откалываем». В этом существо Семёна Афанасьевича – педагога и патриота.

Иллюстрацией к личности Семёна Афанасьевича выступают высказывания французских педагогов Мориса и Даниэль Приу: «Неужели тот самый, из «Педагогической поэмы»? Отчаянно смелый и нежный, упрямый и бесшабашно весёлый, гроза кулацких погребов, а потом верный друг Макаренко… Совпадает его внешний портрет, написанный Макаренко, хотя тому Карабанову было на 45 лет меньше: «Он неотразимо ярок и грациозен… от него несёт выдержанной в степях воловьей силой, и он как будто её нарочно сдерживает». Но он изменился за эти четыре десятилетия. От него веет теперь совсем другой силой – силой человека большой культуры, силой педагога с железным тактом, увлечённого своей тяжелейшей и нужнейшей работой… А сколько его силы уже израсходовано, сколько отдано щедро и безвозмездно! Чем и как измерить её? Ведь Семён Карабанов не из тех служивых педагогов, что занимаются с детьми от звонка до звонка. Он следовал заповеди своего учителя: «Если ты хочешь быть настоящим человекоделателем – страдай и радуйся вместе с воспитанниками, совершенствуйся с ними каждый день…»

Значительное место в педагогических размышлениях Семёна Афанасьевича принадлежит осмыслению природы отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Он старается показать родителям и педагогам, что многие проблемы закладываются в раннем возрасте в виде безобидных, казалось бы,

шалостей детей. Работать с такими сложными воспитанниками для С.А. Калабалина представляло «особое удовольствие, особый педагогический интерес – **сделать из каждого такого ребенка человека** *(выделено мной – Л.В.)*. Влюбить его самого в себя. Влюбить в него своих коллег, хотя он абсолютно не даёт никаких признаков, по которым можно было отнестись к нему с любовью».

Анализируя педагогическую деятельность Семёна Афанасьевича, следует отметить, что всякий раз, работая в исключительно сложной детской воспитательной среде, ему удавалось навести порядок, организовать воспитательную деятельность в воспитательном учреждении и получить исключительно конструктивный воспитательный результат. Результат, который он получал в воспитании несовершеннолетних, удивлял всех, кто знакомился с его опытом. Не случайно опыт воспитательной деятельности С.А. Калабалина привлекал и привлекает внимание педагогов многих стран мира как уникальный. В учреждения, в которых он работал, нередко приезжали гости из регионов Советского Союза, а также из-за рубежа. Заслуживают внимания высказывания об опыте воспитательной деятельности Семёна Афанасьевича, приведенные им в одной из публикаций:

• голландских педагогов: «Школа есть вдохновение и пример того, что следует сделать и в других странах»;

• американских педагогов: «Мы были чрезвычайно заинтересованы видеть колонию и остались под большим впечатлением от организации дела воспитания детей и царящей атмосферы дружбы и взаимного доверия между заведующим и детьми, и отсутствия наказаний, и суровой дисциплины. Огород произвел впечатление чистоты проделанной в нем работы под руководством организатора – учителя»;

• английских педагогов: «Большие успехи достигнуты в деле строительства школы-коммуны. Объездив Европу, мы нигде ничего подобного еще не встречали. Система воспитания должна быть употреблена во всех школах. Мы надеемся и будем стараться над ее осуществлением во всем мире» и т. д.

В то же время С.А. Калабалину, как и его учителю А.С. Макаренко, приходилось постоянно преодолевать негативизм со стороны чиновников по отношению к их воспитательной деятельности. Они восхищались полученными результатами в воспитании тем, «что дети стали неузнаваемые, здоровые, культурные, политически развитые, веселые» и одновременно отмечали: «Система воспитания в полном разрезе с положением от… до и т. д.». Уметь преодолевать подобные оценки и при этом продолжать свою воспитательную деятельность —

это и мудрость педагога, и высочайшая ответственность перед воспитанниками, которые его любили и бесконечно ему доверяли.

Семён Афанасьевич на практике сумел доказать ценность педагогического наследия А.С. Макаренко. Об этом убедительно свидетельствует такой факт: по данным его воспитанников В.В. Морозова и Д.П. Барскова он 18 раз менял различные воспитательные учреждения, в которых воспитывался особый контингент и учреждения находились в состоянии их расформирования ввиду неуправляемости (школа-колония № 66 для трудновоспитуемых, Ленинград, 1931 г.; Якушенская колония для рецидива, Винницкая область, 1934 г.; Соколовский детский дом, Винница, 1938 г.; Барыбинский детский дом № 3, Москва, 1939 г.; Московский детский дом № 60 особого режима, Сокольники, 1941 г.; Катав-Ивановский детский дом № 60 Челябинская область, 1941 г.; детский дом для испанских детей, город Солнечногорск, Подмосковье, 1944 г.; воспитательная колония МВД Грузии, город Кутаиси, 1946 г.; Сталинирская ТВК, Южная Осетия, 1947 г.; Мотовиловский детский дом, Киевская область, 1950 г.; Клемёновский детский дом, Егорьевск, Московская область, 1956 г. и др.).

Семён Афанасьевич приводит интересный приказ зав. гороно Тюркина по учреждению, подобно которому приходилось ему работать: «Вследствие полного развала воспитательной и хозяйственной работы и совершенного отсутствия данных к восстановлению нормальной работы 66-ю колонию (школа-колония для трудновоспитуемых. – *Л.М.)* закрыть…». Воспитанники этой колонии, подчеркивал С.А. Калабалин, настолько озверели, что педагоги могли только через трубу вылезать из квартиры.

С.А. Калабалин был одним из активных пропагандистов педагогического наследия А.С. Макаренко. Он выступал перед студентами ряда педагогических вузов России в Москве, Рязани, Ленинграде (Санкт-Петербурге) и др., различными педагогическими коллективами как живой представитель «Педагогической поэмы» и практик воспитания трудных детей. Его выступления всегда встречались тепло и вызывали много вопросов. К нему нередко обращались за советом педагоги, особенно молодые, и он очень корректно старался подсказать, помочь. Многие примеры приведены в педагогических размышлениях Семёна Афанасьевича.

Выступая перед педагогической аудиторией, С.А. Калабалин часто говорил, что хочет познакомить их с Антоном Семёновичем, ещё больше влюбить в него. Он подчеркивал, что «мы,

воспитанники Антона Семёновича, так любили своего учителя, что нам хотелось говорить так, как он говорил, с такой же хрипотцой, которая чувствовалась в его голосе; нам хотелось писать таким же почерком, как он писал; мы хотели ходить так, как ходил Антон Семёнович, его походкой; нам хотелось носить косоворотку так, как носил её Антон Семёнович, даже тем этого хотелось, кому это совсем не шло». Это свидетельство огромной любви воспитанников к своему воспитателю, человеку, который смог сделать их счастливыми в жизни, и который для них стал примером, образцом и идеалом как в жизни, так и в педагогической деятельности.

Практика воспитательной деятельности С.А. Калабалина позволила ему развить учение А.С. Макаренко о детском воспитательном коллективе. В каждом своем выступлении перед педагогическими коллективами он старался раскрыть существо этого учения, иллюстрируя воспитательную деятельность примерами, приведенными А.С. Макаренко в его «Педагогических поэмах», и из своего педагогического опыта. Демонстрируя свой опыт создания детских воспитательных коллективов в различных воспитательных учреждениях, Семён Афанасьевич убедительно доказывает справедливость учения А.С. Макаренко.

Представленные материалы демонстрируют замечательный опыт того, как методически грамотно использовать учение А.С. Макаренко при создании детского воспитательного коллектива, поддерживать и обеспечивать его дальнейшее развитие. При этом постоянно подчеркивал, что воспитание – это жизнь, в которой каждая ситуация носит воспитательный характер и ее необходимо творчески использовать. Опираясь на опыт А.С. Макаренко и свой воспитательной работы с несовершеннолетними, Семён Афанасьевич приводит убедительные примеры ситуационного воспитания, анализирует их, демонстрируя воспитательный потенциал. Одновременно он приводит значительное примеров, показывая, где происходит упущение в воспитании, закладывается будущая трагедия.

Пособие включает огромный аналитический материал воспитательной деятельности С.А. Калабалина. Оно позволит воспитателям, педагогам осмыслить процессы, происходящие в детской воспитательной среде, увидеть важность ее развития, а также многообразие воспитанников и ситуаций, существенно влияющих на их проявление и воспитание. Все это позволит обогатить их необходимым знанием в понимании своеобразия воспитательной среды и каждого воспитанника, уметь творчески реализовать себя в воспитании. По существу, пособие поможет педагогу видеть не только негатив, но и позитив в

воспитательной среде и каждом воспитаннике.

В сборнике собраны публикации С.А. Калабалина, стенограммы его выступлений перед различными аудиториями, аудиозаписи. Материал систематизирован и представляет интерес для педагогических работников различного уровня, особенно тех, кто встречается с детьми, трудными в воспитательном отношении. Сборник включает сведения о педагогическом наследии А.С. Макаренко, развитии его идей, о жизненном пути и личном педагогическом опыте С.А. Калабалина.

Огромное педагогическое богатство несет в себе эпистолярное, дневниковое и методическое наследие С.А. Калабалина. В сборник вошли только его малая часть. Письма – это можно сказать самоанализ педагогической ситуации (педагогического явления), самовыражение по отношению к полученному материалу, советы, рекомендации ориентированные конкретному лицу. Дневниковые записи – это, самоанализ, размышления об особенностях воспитанника (воспитанников), проектирование своей деятельности и анализ достигнутых результатов, излагаемые для себя. Методические материалы, – это сценарии различных мероприятий, построенные на реальных событиях и носящие воспитательный характер, предназначенные для погружения в них воспитанников; конспекты тезисов, текстов для выступлений и прочее предназначенные для как подспорье для реализации в соответствие с замыслом. Своего рода демонстрация, как использовать ситуации жизни воспитанников, их поступков в основу сценариев мероприятий, проводимых с ними. Все это богатейший педагогический материал, который ждет своего исследователя.

Завершает сборник разделом, включающим материалы первых калабалинских социально-педагогических чтений, посвященных С.А. Калабалину. В него вошли материалы, дополняющих сведения о Семёне Афанасьевиче, полученные его воспитанниками. Вошли также воспоминания воспитанников С.А. Калабалина о нем и его воспитательной деятельности, а также одни из первых аналитических материалов, раскрывающих педагогическое наследие С.А. Калабалина. По существу – это один из первых подходов по осмыслению его педагогического наследия.

Издание сборника позволит сделать достоянием широкой педагогической общественности педагогическое учение С.А. Калабалина, в котором многие студенты увидят перспективы педагогической деятельности, а практики – размышления о том, на что следует обращать внимание, чтобы добиваться успеха в

исключительно важном деле – воспитании подрастающего поколения России.

При подготовке сборника использованы архивные материалы, любезно предоставленные хранителем основного фонда Калабалиных Владимиром Васильевичем Морозовым. Ему удалось собрать эти материалы из архива Г.К. Калабалиной и А.Н. Мешкова. Он предоставил информацию и о других источниках архивного наследия Калабалиных: это Егорьевский краеведческий музей; Педагогический музей А.С. Макаренко; Московский музей образования; Саввинская школа имени С.А. Калабалина; клуб дер. Клемёново, в которые была передана часть материалов Г.К. Калабалиной и Е.С. Филинской.

Выражаю искреннюю признательность Владимиру Васильевичу Морозову, воспитаннику Калабалиных, кандидату педагогических наук, хранителю их архива. Он не только предоставил материалы для подготовки и включения в сборник, но и высказал очень ценные и важные замечания и рекомендации по подготовленной рукописи, которые в полном объеме были учтены.

Огромная признательность Виктору Ивановичу Слободчикову, воспитаннику Калабалиных, доктору психологических наук, профессору, члену-корреспонденту РАО, за участие в рецензировании рукописи и высказанные рекомендации.

Пособие будет полезно педагогам разного уровня, родителям, исследователям вопросов воспитания, практикам, занимающимся исправлением результата воспитания несовершеннолетних, стимулированием их ресоциализации, а также студентам, избравшим для себя путь педагога: прочитав сборник, они узнают, с чем им придется встретиться и что необходимо сформировать в себе, чтобы стать достойным педагогом.

Раздел I
О себе

Бродячее детство[1]

Я ухожу из дому

Я родился 21 августа 1903 года в деревне Сторожево, что километрах в сорока от Полтавы. Так сказано в выписке из церковных книг. Быть может, впрочем, родился я несколько раньше, а 21 августа меня крестили. Когда перед поступлением на рабфак я поехал домой, чтобы достать метрику или хотя бы уточнить с матерью дату своего рождения, мать вспоминала: «Та я не помню, як це було и колы воно було. Ото ж згадую, що як раз тоды дуркувата Евдоха выйшла замуж, а у кривого Карпа сдохла корова… Ну да це було як раз на Петра и Павла, на пятый день святой Параскевы. Ще в цю ничь пидпалыли скирды у помещика, и то як в дары ли на пожар у здоровый колокол, а я ж лежала на печи, ты в той час и запросився…»

Установить сейчас, когда у кривого Карпа сдохла корова, а «дурковата Евдоха выйша замуж», решительно невозможно.

У моих родителей было шестнадцать детей. Ровно половина из них умерла. Восемь (пять мальчиков и три девочки) остались живы. Я был самый младший. Когда я начинаю себя помнить, старшие мои братья – Ефим и Иван – работали уже рабочими на сахарном заводе помещика Дурново на станции Кочубеевка. Дурново был очень богатый помещик, имел спирто-водочные и сахарные заводы. Отец мой всю жизнь батрачил. Всю жизнь он прожил по чужим хатам и вырастил восемь детей. Понятно, что каждый кусок хлеба был на счету и дети начинали работать в том возрасте, в котором современные дети идут в школу: лет в семь, а иногда и раньше. Лет семи пошёл работать пастушонком и я. Летом пас коров, зимой убирал в хлеву или в конюшне и вообще делал то, что прикажут. А весной 1915 года я ушёл из дому. Получилось это так. Коров я пас у помещицы Голтвянской. Дело было в августе. Коров одолели слепни, и они, точно взбесившись, помчались домой в коровник. Я делал всё, что положено: кричал, бил их кнутом, но с коровами происходило непонятное. Какая-то коровья истерика овладела ими. Как бешеные промчались они через двор, не обращая внимания на удары наших пастушеских кнутов, на наши крики и вопли.

Наша хозяйка помещица Голтвянская варила во дворе варенье. Взбесившиеся коровы прогалопировали мимо неё и скрылись в коровнике. За коровами мчались мы, пастушата, надрываясь, кричали и щёлкали кнутами. Помещица долго

разбираться не стала. Она схватила меня за волосы и, обзывая «байстрюком», колотила ложкой, которой мешала варенье, по лицу. Я был вне себя от всего происшедшего, от погони за взбесившимися коровами, от собственного крика, от страха, от боли. Я знал, что вины моей никакой нет и что бьют меня несправедливо. Кровь бросилась мне в голову. Неожиданно для самого себя, пожертвовав клоком волос и вырвавшись из цепких рук помещицы, я изо всей силы хлестнул её кнутом. Видно, удар был удачным. На помещице треснуло платье. Она стала громко кричать.

Понимая, что случилось непоправимое, я бросил кнут и бежал.

С неделю я скрывался в селе. Я прятался на сеновалах и в пустых амбарах. Я наладил связь с моей сестрёнкой. Она доставляла мне в условленное место утаённые дома куски хлеба. Она же сообщала, как обстоят дела. Дела обстояли плохо. Помещица была в ярости, утверждала, что я хотел её убить, и пылала жаждой мести. Отец мой тоже был в ярости. Он знал только то, что ему рассказала Голтвянская. Кроме того, я получал жалованье, не помню, три или четыре рубля за лето. На эти деньги отец рассчитывал. Они входили в будущий бюджет. Впрочем, больше помещицы и отца пугали меня сыновья Голтвянской. Их было двое, оба офицеры, оба всегда молчали и очень страшно таращили глаза. Сейчас мне кажется удивительным, что весной пятнадцатого года, в разгар мировой войны, два здоровенных кадровых офицера отсиживались дома. В то время такие мысли не приходили мне в голову. Я просто очень боялся этих пучеглазых людей. Я считал, что, если попадусь им, я пропал.

Через неделю я понял, что в селе дела мои безнадёжны, и отправился в Полтаву, единственный город, о котором в то время слышал.

Мне было двенадцать лет, я еле разбирал буквы. Я ничего не знал о городах, о железных дорогах, вообще об огромном мире, в котором существую. Я почти ничего не знал о войне, во всяком случае не понимал, что это такое. Одет я был в лохмотья. Денег у меня не было ни копейки. Цель у меня была одна: как-нибудь прокормиться. Я был маленьким дикарём, живущим в двадцатом веке в центре европейского государства.

В деревнях я просил под окнами и мне подавали куски хлеба, иногда даже сала. Если бы не страх, что меня догонят пучеглазые Голтвянские, я бы чувствовал себя превосходно. На второй день показалась Полтава. Каменные дома, златоверхие церкви, булыжная мостовая. Если б я был более развит, я бы удивлялся,

любопытствовал, спрашивал. Но меня ничто не могло удивить. Я слишком мало знал, чтобы что-нибудь показалось мне необычным. Думал я только о еде и о месте для ночлега. Повторяю: мне было двенадцать лет. Если бы дело происходило в наше время, я переходил быв пятый класс.

Я становлюсь поводырём

Оказалось, что в Полтаве жить можно. Кому воды наносишь, кому дров наколешь – покормят да ещё дадут две-три копейки. Скоро нашёлся у меня дружок. Вместе с ним мы шныряли по городу, искали где заработать, вместе просили милостыню, вместе и жили. Да, представьте себе, нашли мы и жильё. В прежнее время богатые семьи строили на кладбище склепы. Это были крытые помещения, построенные солидно, с дверями, запиравшимися на замок. Так сказать, место коллективного успокоения всей родни. Один из них мы приспособили под жильё.

Сорвали замок с двери, натаскали сена, а со временем… нашли печурку и даже подтапливали в холодные ночи. Было, конечно, голодновато, но жили. Впрочем, сытно я и раньше не жил, так что не огорчался.

Над Полтавой на холме стоит Крестовоздвиженский монастырь. В воскресные и праздничные дни на дороге к монастырю собирались нищие со всей Полтавы. Подавали там хорошо. С утра выстраивались безногие и безрукие, глухие, слепые и припадочные. Шедшие в церковь и возвращавшиеся из церкви раздавали убогим по копейке или по две, а все просящие показывали своё убожество, гнусавили, просили, молились и пели. Мы с приятелем в праздничные дни пристрастились ходить в монастырь. Мы тоже стояли в ряду убогих и тоже просили, выставляя на вид свою детскую беспомощность, грязь и лохмотья. Не бывало так, чтобы к вечеру мы не насобирали на пироги с ливером.

Конечно, об одежде нечего было и думать. Впрочем, лохмотья меня ничуть не смущали, и, пока не наступили холода, я никакой нужды в обуви не испытывал. А ещё до холодов, в октябре месяце, в судьбе моей произошла неожиданная перемена.

Дело было так: в одно из воскресений стоял я на дороге к монастырю и без конца повторял какие-то, раз и навсегда отработанные фразы о том, что я бедный сиротка и что буду за подавшего копеечку бога молить, словом, то самое, что говорить полагается.

И вдруг передо мной остановился человек. Одет он был в пиджачную пару, в рубашку, подпоясанную шёлковым шнурком,

на голове красовалась шляпа с красиво загнутыми полями. На вид показался он мне богатым. Для меня это была единая категория и в тонкостях я не разбирался. Учитель или помещик, купец или чиновник, мне было всё равно. Все эти люди принадлежали к знакомому мне только по виду племени богатых людей. Так вот, человек, остановившийся передо мной, был богатый, пан.

– Ты чей? – спросил он меня.

Хорошо помню, что смотрел он мне прямо в глаза властным, подчиняющим взглядом.

Вопрос не показался мне странным. Я объяснил, что пока как будто ничей.

– Хорошо, – сказал он, – пойдёшь со мной!

Я и пошёл с ним. Мне даже в голову не пришло спорить.

Он привёл меня в двухэтажный каменный дом. Мы поднялись на второй этаж. Вошли в квартиру. По тогдашним моим понятиям, она мне показалась царской палатой. Нас встретила девушка, прислуга, как тогда говорили. Мой загадочный хозяин подтолкнул меня к ней.

– Оденешь, – сказал он коротко и ушёл в глубину квартиры.

Мне дали старые сношенные башмаки. Лохмотья, в которые я был одет, сочли удовлетворительными. На них только нашили заплаты, причём разных цветов, чтобы они бросались в глаза. Спать меня отвели в дворницкую, внизу.

Как я сейчас вспоминаю, мне не казалось ни удивительным, ни безобразным то, что мною распоряжаются, не спрашивая моего согласия. Человек в пиджачной паре и шляпе мог распоряжаться мной, как ему было угодно. Это не подлежало сомнению. Спорить тут было не о чем. Я без возражений выполнял всё, что мне приказывали. Не помню, чтоб я особенно и огорчался. Случилось так, могло случиться иначе. Поесть мне дали. Я спокойно заснул.

Утром меня повели наверх к хозяину. Я сначала даже не узнал его. Он был одет в сношенный, порванный армяк, и во внешности его ничего не осталось от облика богатого человека. Это был нищий, такой, каких я видал десятки у себя в селе. Только лицо было то же. Нет, и лицо было другое. Куда девался его уверенный, повелительный взгляд. У него вообще никакого взгляда не было. Его глаза просто не видели. В каждой руке он держал по большому посоху. На каждом посохе висело по торбе. Ещё две торбы висели у него за плечами.

Две палки поменьше дали и мне.

– Я слепой, – сказал мне хозяин, – ты понял? Я слепой!

И это тоже не показалось мне удивительным. Я так мало знал о том, как устроен мир, что не мог различить обыкновенное и необыкновенное. По-совести говоря, я и не вдумывался в то, что

происходит. Раз происходит, значит, так и надо.

Мой хозяин взял меня за плечо, ведь он был слепой, а я его поводырь, и мы вышли из дому. Хотя поводырём был я, но его рука уверенно мне сигнализировала, где идти прямо, а где свернуть. Когда мы вышли из города, он объяснил, что звать я его должен дедушка Онуфрий, что будем мы с ним просить милостыню, чтобы я не вздумал утаить что-нибудь, потому что он хоть и слепой, а всё видит, что я должен петь молитвы и просить.

Видно, я был у него не первым поводырём и технику обращения с нашим братом он разработал здорово. Мы вышли из города и отправились бродить по Украине.

Мы обошли Полтавщину, Киевщину, Екатеринославщину. Медленно двигались мы по пыльным улицам сёл, монотонно гнусавили свои унылые просьбы, обрывки молитв, жалобно протягивали руки, неистово крестились. Подавали нам хорошо. Кто не подаст слепому старцу! Когда мы входили в село, он прямо на глазах становился немощным старцем, который по убожеству своему только и жив подаянием да помощью этого маленького невинного хлопчика.

Сейчас я довольно высокий человек, но расти начал лет с пятнадцати, а в то время, хотя мне уже исполнилось двенадцать, я выглядел лет на десять, не больше.

Да, подавали нам хорошо. Нам подавали и хлеб, и сало, и муку. Иной раз и кусок полотна длиною в аршин, а то и больше. Подавали и яйца, подавали и деньги: копейку, а то и две. Иной раз богомольный лавочник давал и гривенник.

Если бы знали подающие, каким мерзавцем был дедушка Онуфрий!

Он меня бил и щипал нещадно. Не за что-нибудь, а просто так, из удовольствия мучить. Он любил неожиданно схватить меня за уши и поднять в воздух, так что несколько часов после этого у меня шумело в ушах и трещала голова. Он обладал зоркостью орла, этот жалкий слепец, дрожащей рукою державшийся за поводыря. Если хозяйка, подав милостыню слепому совала и мне грошик или кусочек сала, то как только мы выходили со двора, он сразу же хватал меня за руку.

– Отдай, – говорил он зло. И хоть я никогда не спорил и сразу отдавал, он всё время подозревал, что я обкрадываю его. Ох, каким безжалостным, каким злобным был он, пока никого вокруг не было. Но вот мы входили в село, и снова шагала по улице трогательная пара: беспомощный несчастный слепец и маленький хлопчик, единственная его опора.

Мы пространствовали с ним месяцев семь или восемь. За это время дважды мы приходили в Полтаву. Дома мой хозяин

преображался. Он мылся в бане и надевал пиджачную пару. Снова он был важный, барственный человек из племени богатых. Он и действительно был богат. Я теперь считался в доме почти своим, и дворник (я по-прежнему ночевал в дворницкой) рассказал мне, что этот каменный дом принадлежит моему слепому и, кроме того, у него ещё два дома в Полтаве. Отдохнув день-другой, мы снова уходили, и снова шли по сёлам, и дедушка Онуфрий бормотал благодарственные молитвы, принимая милостыню от крестьянина, богаче которого он был в тысячу раз.

Очень скоро я понял, что нищенство не простое дело. Сто человек не смогли бы съесть то сало, те яйца, тот хлеб и муку, которые мы выпрашивали. Раз в неделю заходили мы в какие-то особенные дома, в которых нас уже ждали. Тут кипел самовар и стояла водка. Меня выгоняли в сени, но я подглядывал, когда отворялась дверь, а иногда про меня забывали, и я пробирался в комнату. Шли какие-то финансовые операции. Оценивалось выпрошенное сало, выпрошенный хлеб и выпрошенные куски полотна. Грошики и копейки обменивались на золотые десятки. Торбы наши после каждого такого посещения становились пустыми.

Примерно раз в месяц, тоже в заранее, очевидно, условленный день, приходили мы в дом, в который одновременно с нами приходило ещё много таких же, как мы, нищих. Больше всего, пожалуй, было слепых. Мужчин вели такие же мальчики, как я, женщин – девочки-поводырки десяти-двенадцати лет. Были ли среди слепых настоящие слепые? Не знаю. Я долго после того как убежал от дедушки Онуфрия, не мог отличить слепого от зрячего. Во всяком случае, в этом доме они не выглядели жалкими. Начиналось пьянство. Пили одинаково мужчины и женщины, пили и засыпали, валились на стол или на лавку, просыпались и пили снова. Гульба и пьянство шли несколько дней. Счастье моё, что не понимал разврата, потому что разврат был циничный и откровенный. Я многого не видел, а из того, что видел, многого не понимал. Понял гораздо позже, когда мне это было уже не страшно.

Мы, поводыри, сидели в сенях, хотя там и было холодно. Нас не пускали в хату, не потому, что стеснялись, а просто чтобы мы не путались под ногами. Но и кормить не кормили. Иногда только хозяйка дома выносила нам кучу объедков, которые мы с жадностью разбирали. Интересно, что в селе, в котором происходили эти пьяные оргии, мы никогда не просили милостыню. Это было по меньшей мере благоразумно. Вряд ли в селе можно скрыть многодневную попойку.

Если бы дедушка Онуфрий знал меру и не очень издевался

надо мной, возможно, что я долго ходил бы с ним, помогая ему вызывать слезу и выпрашивать подаяние у добрых украинских крестьянок. Но моя безропотность словно подхлёстывала его. Он бил и мучил меня месяц от месяца безжалостнее и чаще.

Мы расстаёмся с дедушкой

Собирался ли я бежать от моего слепца? Пожалуй, нет. Слишком я был запуган. Мысль о том, что я не обязан терпеть его побои, мне даже в голову не приходила. Я мог разве только помечтать о том, чтобы каким-нибудь чудом снова обрести свою свободу. Спасти меня мог только случай.

Он заставил себя долго ждать. До самого мая. Почти восемь месяцев. Зато, когда он, наконец, пришёл, я не упустил его.

Дело было во время одной из оргий, о которых я уже рассказывал. Несколько дней шло беспробудное пьянство. Однажды ночью я вышел из сеней, где спали вповалку дети-поводыри и поводыри, и увидел, что сатана Онуфрий – я давно уже звал его про себя сатаной – сидит на лавочке перед хатой и спит. Это был уже, собственно говоря, не сон, а пьяная одурь, когда человека можно раздеть или унести, а он даже не почувствует. Я достаточно знал сатану, чтобы различать разные стадии его опьянения.

Обстановка складывалась исключительно благоприятно: нищие все были пьяны и спали беспробудно. Спали и дети. Спало и всё село. Когда я подумал об этом, сон с меня как рукой сняло. Я понял, что моя минута настала.

Мне захотелось броситься бежать, но я удержался.

Страх перед сатаной был очень силён. Я представил себе, как, проснувшись и увидев, что меня нет, он гигантскими шагами, в полверсты каждый, мчится за мной и злорадно улыбаясь, настигает меня. Тогда мне пришёл в голову очень хитрый план. Я подумал, что если обрезать ему пуговицу на штанах, то как только он за мной побежит, штаны упадут, и придётся ему повозиться. А я пока убегу далеко.

План этот мне показался верным. Не помню, где я достал нож. Наверное, просто зашёл в комнату и взял со стола. Помню тихую лунную ночь, сонную сельскую улицу, спящего мёртвым сном сатану и себя, срезающего пуговицу с его штанов.

Следует, впрочем, объяснить, что я имею в виду, говоря «пуговица». Пуговицы в современном смысле слова носили только богатые, с моей точки зрения, люди. Люди же моего, так сказать, круга привязывали к одежде цурки. Что такое цурка? Это деревянная палочка, утончённая на середине и перевязанная по

самому узкому месту очень узеньким ремешком. Впрочем, для этого годилась любая верёвка и даже толстая нитка, но предпочитались, конечно, более крепкие ремешки. Другим концом ремешок привязывался к материи, из которой сшита одежда. Цурку не надо было покупать, каждый мог сделать её сам. В то же время, просунутая в петлю, она держала лучше всякой пуговицы. Так вот, нищенский костюм сатаны держался на цурке.

Итак, я начал искать ремешок. До сих пор помню, какой трудной это оказалось работой. Конечно, сатана был пьян, как свинья, но я глубоко верил, что он обладает какими-то сверхъестественными способностями. Поэтому, вопреки всякой логике, я ждал каждую минуту, что он проснётся. Всё время мне попадались какие-то другие ремешки. Но мне нужен был именно тот, на котором держалась цурка. Я должен был быть уверен, что он меня не догонит. Я должен был быть уверен, что, когда он встанет, штаны сразу же упадут на землю.

С одним ремешком я очень намучился. Он был толще других, и, как я ни старался, нож его не брал. Я потянул проклятый ремешок в надежде, что развяжу или найду тонкое место. Он тянулся, тянулся, и не было ему конца. Наконец из-под штанов вылез, привязанный к концу ремешка, мешочек. Что могло в нём быть? Пощупал. Монеты! Я похолодел. Красть я не собирался. С другой стороны, зол я на сатану был ужасно. В ту минуту мной руководил не расчёт. Я не стремился приобрести богатство. Я хотел только как можно сильнее отомстить проклятому Онуфрию. Дрожащей рукой перерезал я ремешок. Мешочек был у меня в руках. Цурка валялась на земле. Долго предстояло возиться Онуфрию, чтобы хоть шаг пройти по земле, не потеряв штанов.

Я пустился бежать. Как всякому беглецу с нечистою совестью мне слышались догоняющие меня шаги. Ясно я представлял себе, как проснулся мой сатана и поднял тревогу, как бежит он, а за ним и другие нищие, чтобы до смерти забить меня своими посохами.

До сих пор жалею, что не видел пробуждения Онуфрия.

Я бежал долго. Конечно, не по дороге. Сначала полем, потом через лес, потом опять полем. Уже рассвело, когда я оказался в густом дубовом лесу. Сил бежать больше не было, да здесь, кажется, я был в безопасности. Я лёг под дубом и долго громко дышал, пока, наконец, постепенно пришёл в себя. Тогда я раздёрнул верёвочку, которой был стянут мешочек. Из мешочка высыпались монеты. Передо мной лежало богатство, которое мне и во сне не снилось. Тут были грошики и полушки, к виду которых я привык, тут были пятачки, которых я в своей жизни

видел мало, тут были серебряные монетки: гривенники и пятиалтынные, тут были серебряные рубли, наконец, тут были три золотые монеты: две по десяти рублей и один пятирублёвик.

Я долго раскладывал монеты по кучкам – копейка к копейке, гривенник к гривеннику. Моё знакомство с математикой носило самый общий характер. Солнце стояло уже высоко, когда с помощью пальцев, чёрточек на земле и отложенных прутиков, в результате огромного напряжения ума, подсчёт был закончен: я стал обладателем огромного богатства. В мешочке лежало сорок два рубля.

Следует иметь в виду, что по тогдашним ценам на эти деньги можно было купить пару быков. Следует также иметь в виду, что моё реальное представление о валюте находилось в пределах десяти, очень редко пятнадцати копеек. Мне было ясно, что теперь до конца своих дней я буду вести обеспеченную жизнь состоятельного человека. Главная задача состояла в том, чтобы донести этот огромный капитал до Полтавы.

Да, я решил идти в Полтаву. Казалось бы, как раз туда не следует мне соваться. Туда раньше или позже непременно придёт полтавский домовладелец, нищий-слепец Онуфрий. Но, с другой стороны, что было мне делать? Других городов я не знал и даже не твёрдо был уверен, есть ли, кроме Полтавы, ещё города на земле. Зато уж Полтава представлялась мне таким огромным центром, населённым такой массой народа, что только там я мог наверняка как следует затеряться.

Итак, я отправился в Полтаву. Я знал, что до города около двухсот вёрст, но это меня ничуть не пугало. Мешочек я спрятал за пазуху. Обнаруживать в селе моё богатство было опасно. Деньги могли отнять или даже арестовать меня как подозрительного. Я решил идти побираясь. Мне это было не внове.

Днями я шёл весело. Подавали мне щедро, и просил я тогда, когда хотел есть. Один только раз испугался я, когда сердобольная крестьянка, накормив меня, сказала, чтоб я разделся, она мне постирает. Раздеваться мне было никак нельзя, мог обнаружиться мой капитал. С трудом я уговорил эту добрую женщину, что привык сам на себя стирать. Да, днём было весело. Но зато как страшны были ночи!

Ночевать я устраивался где-нибудь в лесу или в поле, там, где мешочек с моим сокровищем никому не мог попасться на глаза. Но и тут я не был один. С неба смотрел на меня бог, который всё видел. Я вёл с ним длинные разговоры. Факты я не опровергал. Я понимал, что тут ничего не скроешь. Я просто пытался их истолковать в благоприятном для меня смысле. Тут я

позволял себе настойчиво спорить.

– А то, что он меня бил, это хорошо, да? – говорил я. – А щипаться хорошо, да?

Бог мне не возражал. В этом он был со мною согласен. И всё-таки продолжал, это я чувствовал, смотреть на меня с укором. Очевидно, не отрицая вины Онуфрия, он всё-таки считал, что я поступил нечестно.

– Боженька, – убедительно говорил я, – а он эти деньги честно заработал? Ведь он просил, говорил, что голоден, а сам продавал. Он говорит, что слепенький, а сам, знаешь, как видит.

Я не знал, убедили мои доводы бога или нет, но мне было неспокойно. Я метался во сне, кажется, даже кричал. Мысль о заслуженной мною небесной каре очень меня пугала.

Богатая жизнь

На этот раз в Полтаве я, действительно, повёл жизнь состоятельного человека. Правда, ночевал я где приходилось: на кладбище или в чьём-нибудь саду. В моём старом склепе поселились другие хлопчики и совсем не собирались меня пускать. Мой бывший сожитель и друг куда-то исчез. Снять угол мне даже не пришло в голову. Вообще вопрос о ночлеге беспокоил меня мало. Зато в первый раз в жизни я позволил себе одеться с ног до головы. Я купил себе штаны и рубашку, сапоги, не совсем новые, но хорошо залатанные, и даже картузик, что было уже совершенным франтовством, потому что нужды в головном уборе я никогда не испытывал. Зеркала у меня не было, но я смотрелся во все зеркала, стоявшие в витринах магазинов и парикмахерских, и получал большое удовольствие от своего аккуратного, даже щеголеватого вида. Я ел сколько угодно пирогов с ливером, которые торговки жарили тут же на улице и продавали с пылу с жару, горячие. Я впервые в жизни попробовал мороженое, убедился, что это прекрасная вещь, и съел его столько, что мне и сейчас страшно вспомнить. Словом, мои материальные нужды были полностью удовлетворены.

Что же касается потребностей духовных, то и о них я не забывал. Я ходил в церковь и продолжал свой затянувшийся спор с богом. Я всё силился доказать ему, что сатана наделал мне много гадостей и кража моя была, собственно, не кражей, но актом высшей справедливости. Бог всё-таки продолжал сомневаться, и, чтобы склонить его на свою сторону, я не жалел денег на копеечные свечи и не ленился выстаивать долгие службы. Остающееся время, а его оставалось много, я проводил на базаре. Полтавский базар, расположенный рядом с тюрьмой,

шумел и сверкал каждый день с утра и до вечера. Какое тут продавалось сало! Каких свиней привозили сюда! Какие пряники, какие вишни! Сколько тут было народу, сколько разговоров и смеха, как интересно было слушать, когда торгуются опытный покупатель с опытным продавцом! Я наслаждался этим шумом толпы, этим человеческим многообразием, этим бурным и непрерывным течением жизни. Как у всякого богатого человека, у меня было много друзей. Я угощал их пирогами и мороженым, и нам никогда не было скучно толкаться в толпе.

Но самое интересное всё-таки было не на базаре, вернее, не на главной его территории. В стороне помещался конный базар, или, как его называли, «цыганский толчок». Вот там уже была действительно прекрасная жизнь. Там продавали и покупали коней. Я с детства любил горячей, но неразделённой любовью этих благородных и красивых животных. У отца моего никогда не было лошади. Я бывал счастлив, когда мне удавалось с ребятами отправиться в ночное. Это бывало редко, пастушеские мои обязанности загружали меня целиком. Большею частью мне удавалось только издали насладиться видом скачущего коня. А тут на цыганском толчке лошади были кругом. Каждый день пригоняли откуда-то всё новых и новых. Чтобы показать товар лицом, их проваживали, проезжали на них по кругу верхом, их горячили и успокаивали. Среди дня их гнали купаться на реку Ворсклу. Эта ответственная операция поручалась доверенным мальчикам. Скоро в их числе оказался и я. Мало того, я заслужил полное доверие владельцев и продавцов коней – цыган. Другим ребятам для того, чтобы сесть на лошадь, нужно было стать на скамеечку или на телегу, а мне только дай ухватиться за гриву: я взмётывался на коня прямо с земли. Не помню, как я научился ездить верхом. От рождения умел, что ли. Не было для меня большего удовольствия, как, вскочив прямо с земли на лошадь, пустить её вскачь, въехать в реку и уже в воде соскользнуть с лошадиной спины.

Приглядевшись, как танцуют цыганята, стал, подражая им, танцевать и я. Я был подвижен, горяч и танцевал хорошо. Скоро я добился даже некоторой популярности. Когда вечером прекращался торг на цыганском толчке и цыганки варили кулеш – я до сих пор считаю, что так, как цыганки, никто кулеш варить не умеет, – когда один за одним показывали цыганята своё танцевальное умение, обязательно наступал момент, когда вызывали меня. Я мог плясать без конца, выдумывая новые и новые колена. То я ускорял до невозможного темп, то замедлял его, щеголяя тем, что всё могу. Лучшие цыганские танцоры хвалили меня.

Так бездумно проходило лето. Денег становилось всё меньше и меньше, но я не приучен был думать о будущем, и меня это ничуть не беспокоило.

Мне было двенадцать лет, скоро, как я теперь знаю, должно было исполниться тринадцать. Я с трудом разбирал буквы. У меня не было крыши над головой. Я ничему не учился и даже не знал, что учиться надо.

Через несколько лет после революции и гражданской войны страну зальёт волна беспризорщины. Об этом будут тревожно писать газеты, правительство будет посвящать заседания этому вопросу, лучшие педагоги пойдут на борьбу с беспризорностью, станут работать деткомиссии, детприёмники, целая огромная сеть учреждений и организаций. Но сейчас я вспоминаю лето 1916 года, последнего года царской России. В Полтаве толкались десятки ребят, таких же, как я, нигде не живших, ничему не учившихся. Да, после революции и гражданской войны их стало больше, но тогда об этом и говорили, как о народной беде, тогда с этим боролись, не жалея ни средств, ни сил. Тогда в течение нескольких лет ликвидировали беспризорность. А в шестнадцатом году это не считалось народной бедой, с которой надо бороться. Это считалось нормальным. Никто и не думал о том, что растёт целый слой дикарей в цивилизованном государстве. Дикарей, из которых обязательно вырастут воры, грабители и убийцы.

К преступной доле вела судьба и меня, но случай дал мне некоторую отсрочку.

С полтавского базара исчезли вишни. На полтавском базаре появились яблоки и груши. Дело шло к осени.

Однажды вечером я, как обычно, плясал у цыганского костра, и, когда собирался уже идти искать место для ночлега, меня окликнул цыган. Я знал его. Я гонял купать его коней, и много раз он хвалил меня за то, как я пляшу. Это был красивый человек, и у него была красивая жена. Детей у них не было.

– Хочешь, – спросил меня цыган, – пойдём с нами, будешь моим сыном?

– Хочу, – ответил я.

Почему я согласился? Не знаю. Наверное, потому, что идти с цыганами значило снова гонять лошадей на водопой, возиться с лошадьми, ездить на них верхом. Наверное, отчасти и потому, что деньги мои непонятным образом исчезали и их оставалось совсем уже мало. И, наверное, главным образом потому, что мне было всё равно как жить дальше, я, повторяю, не привык думать о своём будущем.

Через несколько дней лошади, предназначенные на продажу,

были распроданы. На рассвете заскрипели колёса бричек. Табор снялся и отправился в свой бесконечный путь.

Ушёл с табором и я.

Цыганская жизнь

Почти год странствовал я с цыганским табором. За это время в Петрограде свергли царя и Россия стала республикой. Не помню, слышал ли я тогда об этом. Наверное, нет. Иначе запомнил бы. У нас в таборе менялись только времена года, во всём остальном время будто остановилось. Также горели костры по вечерам, иногда, если вблизи был базар или ярмарка, продавали и покупали лошадей; если поблизости было большое село, ходили туда, играли на скрипке, плясали, гадали. Пили настой полыни, считалось, что это предохраняет от простуды, и, действительно, никогда не простуживались. Словом, шла обычная таборная жизнь.

Я по наружности похож на цыгана. У меня тёмные глаза, и очень может быть, что где-то в прошлых поколениях в меня была заронена капля восточной, может быть, турецкой крови. Были же на Украине, как и на Дону, пленные турчанки. За этот год, или почти год, я стал настоящим цыганёнком. Я научился гадать, и гадал не хуже других. Чего только я не предсказывал торопящимся замуж украинским девушкам или солдаткам, мужья которых были на войне. При небольшом опыте нетрудно угадать, чего хочется каждому человеку. Танцором я считался лучшим в таборе. Именно это и заставило меня, в конце концов, с табором расстаться. Но об этом я расскажу потом.

В таборе за маленькими девочками ухаживают. Так или иначе их воспитывают. Зато мальчики полностью предоставлены сами себе. Это происходит не потому, что им не уделяют внимания. Просто считается, что мужчина должен через всё пройти и набраться собственного опыта, иначе он не мужчина. Мы, мальчики, жили весёлой оравой, до всего доходили своим умом, учились ловчить, учились зарабатывать гаданием или плясками или просто выпрашивать хлеб, сало или копеечку. В то время считалось, что таборные цыгане воруют всё, что плохо лежит. Это верно только отчасти. Действительно, если нам попадался кусок полотна, разложенный для отбелки, сувоя, как он назывался на Украине, то он таинственным образом исчезал. Хозяин мог подозревать кого угодно, но доказательств, что сувою украли мы, цыганята, у него не было. Но что касается более крупных краж, тут всё было иначе.

Цыганский табор возглавляет старейшина. В сущности

говоря, он полновластный хозяин или даже царёк. Он пользуется всеобщим уважением, и приказания его обсуждению не подлежат. Был такой старейшина и у нас. Он был богат, насколько может быть богат кочевник, хорошо одет, уверен в себе, важен. Думаю, что он был человек действительно умный. Я могу судить об этом по одному случаю, непосредственно касавшемуся меня.

В то время большим бедствием для крестьян на Украине, да, наверное, и по всей стране, были конокрады. По отношению к ним крестьяне были беспощадны. Была, например, придумана даже специальная, очень страшная казнь для конокрадов. Она называлась «гнуть козла». Человека клали на землю лицом вниз, потом поднимали за руки и ноги, несколько человек садились ему на спину и «гнули дугу». Сидели до тех пор, пока не раздавался негромкий хруст. Тогда его бросали и уходили. Надежды выжить у человека с переломанным позвоночником не было никакой. В то же время вроде бы убийства не произошло. Надо сказать, что тем не менее конокрадство не уменьшалось.

И вот однажды компания цыганят, в которую входил и я, решила угнать коней из деревни. Во-первых, это было нам очень интересно с точки зрения чисто спортивной. Во-вторых, мы с мальчишеской хитростью рассчитали, что сейчас самый подходящий момент для этой операции. Следующим утром табор должен был подняться с места. Нам казалось, что, когда табор уйдёт, мы будем недосягаемы. И вот, никому ничего не сказав, мы ночью незаметно ушли из табора и, действительно, угнали лошадей, угнали незаметно, так что никто ничего не видел и не слышал.

Ночью же мы пригнали их в табор. Мы были уверены, что нас встретят восторженно. К нашему удивлению, однако, восторгов не было. В таборе поднялась тревога. Мужчины собрались вокруг нас. Пришёл старейшина. Все ждали, что скажет он. Он распорядился прежде всего всех участников операции выпороть. Нас немедленно выпороли. При этом очень торопились, так что выпороли не слишком больно. Потом старейшина приказал нам сейчас же угнать коней километров за десять, оставить их в поле, спутав им ноги, чтобы они далеко не ушли, и возвращаться в табор. Всё это мы успели проделать до рассвета. Когда мы вернулись, оказалось, что табор сегодня не будет сниматься с места и что нельзя даже вспоминать о том, что мы собирались утром уходить. Всё это были, как оказалось, разумные распоряжения. Утром к нам явились крестьяне из ограбленного села во главе с сельским стражником. Старейшина объяснил, что мы ничего не знаем, и попросил осмотреть всех наших коней. Крестьяне были настроены воинственно, но никаких следов

украденных лошадей не обнаружили. Они ушли ворча. Мы всё-таки оставались под подозрением. Табор продолжал стоять на месте, он стоял и день, и два, и три, пока к нам не заехал стражник, чтобы сообщить, что лошади нашлись. Они паслись стреноженными совсем в другой стороне от села, километрах в десяти от нас. Видно, это сельские ребята баловались. Он не просил, конечно, у нас извинения, но по тону его было ясно, что нас зря заподозрили и что мы можем считать себя вне подозрений. Только тогда старейшина отдал приказ на следующее утро уходить.

История, из-за которой я покинул табор, произошла в июне семнадцатого года. Дело в том, что благосостояние каждого цыгана определяется хорошей лошадью, хорошей бричкой, злой собакой и красивой женой. У моего приёмного отца были хорошие лошадь и бричка. Была и красивая жена. А вот собаки не было никакой. Был другой цыган у нас в таборе, у которого было четыре превосходных пса. Он же считался в таборе и лучшим скрипачом.

Насчёт собак дело обстоит не так просто. Собаку нельзя купить, её можно только украсть или выиграть. Тогда собака будет хорошей. И вот мой приёмный отец предложил скрипачу биться об заклад. Скрипач будет играть, а я плясать под его музыку. Кто из нас дольше выдержит. Не знаю, что поставил мой приёмный отец, а скрипач поставил собаку.

Собрался весь табор. Соревнование началось.

Не могу себе даже приблизительно представить, сколько времени оно продолжалось. Я плясал сначала с увлечением, потом вяло, потом выбиваясь из последних сил, чувствуя, что земля и небо кружатся вокруг меня. Потом у меня дрожали руки и ноги, я обливался потом, а сердце стучало так, что я его слышал. Я продолжал плясать. Я чувствовал, что сейчас упаду, но проклятый скрипач всё играл, и цыгане, сидевшие вокруг, всё хлопали в такт, и этому не было конца, и всё кружилось в моих глазах. Я понимал, что с минуты на минуту упаду, понимал, что у меня больше нет сил, и… продолжал плясать. Наверное, через минуту или через пять минут я бы упал без сознания, но, видно, скрипачу тоже приходилось нелегко. Он сдал раньше, чем я. Как человек азартный, он не мог спокойно пережить свой позор. Он подошёл ко мне, я даже не слышал, что скрипка замолкла, и разбил скрипку о мою голову. Собаку выиграл мой приёмный отец. Я упал на землю. Вероятно, я был без сознания. Кажется, мне дали выпить полынного настоя. Кажется, приёмный отец положил мне в руку полтинник. Потом я этого полтинника не обнаружил. Может, он мне только почудился, а может быть, я его

выронил. И всё-таки я ещё не знал, как сложно стать по цыганскому обычаю владельцем собаки.

Оказывается, что нужна не просто собака, а обязательно злая. Это понятно, злая собака – хороший сторож. Но оказывается также, что есть только один способ сделать собаку злой: того, кто помог выиграть или украсть собаку, надо избить цыганским кнутом. Я не видел в этом никакой логики, но, к сожалению, мои взгляды никого не интересовали. И вот пока я лежал на земле, и мир крутился передо мной, и в голове у меня шумело, и я не мог отличить бред от яви, мой приёмный отец нанёс мне десять ударов цыганским кнутом.

Надо знать, что такое цыганский кнут! Если бить умеючи, им не трудно убить человека. Наверное, приёмный отец бил не в полную силу. Он не испытывал ко мне никакого зла. Наоборот, вероятно, он был мне благодарен за то, что я ему выиграл собаку. Он просто вынужден был исполнить обычай. Ему пришлось меня бить, потому что иначе собака не стала бы злой и всё соревнование пошло бы впустую. Такова была, как я себе представляю, его точка зрения.

Но моя точка зрения была совершенно противоположной. Когда я почувствовал, что за мои тяжкие труды, за мою выдержку и упорство, за то, что я победил и выиграл, мне наносят мучительно болезненные, непереносимо обжигающие удары цыганским кнутом, я сначала просто ничего не понял. Потом я постарался скрючиться так, чтобы защитить хотя бы лицо и глаза. Потом я, кажется, опять потерял сознание.

Когда я пришёл в себя, цыгане разошлись. Соревнование было закончено, мой приёмный отец выиграл собаку, и, поскольку все обычаи были соблюдены, собака обязательно будет злой, то есть такой, как надо. Мальчик отлежится и придёт в себя. Говоря современным языком, это закалит его характер и сделает более мужественным. Да и обычаи он, испытав их на собственной шкуре, лучше запомнит.

Но у меня, повторяю, была на всё это своя точка зрения. Я считал, что со мной поступили чудовищно и несправедливо. Я чувствовал, что ни при каких обстоятельствах эту несправедливость никогда простить не смогу. Я даже не решил уйти. Я просто почувствовал, что не уйти не могу. Несколько минут я ещё лежал, а потом встал и, шатаясь, ушёл из табора. Меня никто не задерживал. Я понимал, почему: ни один цыганёнок не будет плакать на людях, это позор. Мальчику больно, вероятно рассуждали цыгане, он уйдёт в сторонку, за деревья, там поплачет, чтобы никто не видел, и вернётся.

Я шёл, шатаясь, пока не дошёл до ручья. Там я умылся

холодной водой, немножко ещё посидел и медленно побрёл к ближайшему селу. В табор я никогда уже не вернулся. Никогда не видел никого из этого табора и не знаю, как сложилась дальше судьба моего приёмного отца. Интересно, оказалась ли его собака достаточно злой, или он не рассчитал и недодал мне ещё несколько ударов кнутом. Отлежавшись возле села, я снова пошёл, прося подаяния, в единственный известный мне большой город Полтаву.

Всё это произошло пятьдесят лет назад. Всё это пережил я, человек, который и по сей день работает и надеется работать ещё не один год. Думаю, что в обстоятельствах моего детства для того времени не было ничего необычного. Просто неудачная судьба, для сына батрака даже, пожалуй, обычная. Меня удивляет другое: как мир, в котором всё это происходило, не похож на мир, в котором я живу сейчас. Я директор детского дома, и среди моих воспитанников нет ни одного, у которого бы детство сложилось удачно. Но какой ребёнок тринадцати-четырнадцати лет чувствует сегодня ту полную беззащитность, полное равнодушие окружающих к своей судьбе, полную нормальность своей неудачливости, которую чувствовал тогда я.

Дорога вниз

Когда я убежал из дому, два моих старших брата, Ефим и Иван, работали на сахарном заводе помещика Дурново. Я об этом уже говорил, но хочу ещё раз напомнить, потому что до сих пор кажутся мне удивительными и чудесными две встречи с моими братьями.

Оба раза встречи эти происходили тогда, когда казалось, что ничто уже не может меня поднять с того человеческого дна, на которое я опустился. И оба раза встречи эти круто поворачивали мою жизнь.

Не могу сказать почему, но когда я вернулся Полтаву, уйдя из цыганского табора, город встретил меня немилостиво. Пытался я встать на трудовой путь и устроился к сапожнику, обещавшему выучить меня ремеслу. Но очень уж больно дрался этот сапожник шпандырем, да и учить ничему не учил, а больше посылал разносить заказы да покупать водку. Довольно скоро я понял, что тут меня ничему не научат, и благоразумно ушёл от сапожника, не известив его об этом заранее. Просил я и милостыню, но мне почти ничего не подавали. То ли я разучился просить, то ли стал слишком велик и не вызывал жалости. Так или иначе, жилось мне очень голодно.

Однажды я пошёл на кражу, больше, пожалуй, со зла, чем от

голода. Очень уж меня разозлила необыкновенно толстая и жирная кулацкая дочка с тупым, самодовольным лицом, сидевшая на возу и без конца жевавшая сало. Я униженно попросил у неё кусочек хлебца. Она меня обозвала всеми обидными словами, какие знала, и пригрозила отцом, который вот-вот появится. Столько в этой жирной копне было отвратительного самодовольства, столько было ни на чём не основанного убеждения, что она принадлежит к неизмеримо лучшей породе людей, чем я, что я не удержался.

– Ой, гляньте, тётечка! – закричал я, указывая пальцем на быков. – Бык быка доедае!

Дивчина оглянулась. Я схватил с воза мешок с харчами и бросился бежать.

– Ратуйте! – закричала дурёха, но исчезнуть в толпе было нетрудно. В испуге я добежал до самой реки Тарапуньки, название которой теперь взял псевдонимом известный эстрадный артист. Это была жалкая речонка, но место на берегу было пустынное, и здесь я мог спокойно поесть. В мешке оказался шматок сала килограмма на полтора, буханка хлеба да ещё пирожки с мясом. Только я начал наслаждаться едой, как почувствовал, что на меня смотрят. Я обернулся.

Хлопчик, гораздо меньше меня и гораздо худее, жадно смотрел на хлеб и сало. Я пригласил его разделить мой роскошный обед, и мы молча жевали до тех пор, пока не съели всё, что было в мешке.

Потом опять пошли голодные дни. Постепенно я слабел от голода и окончательно терял уверенность в себе. Жизнь казалась мне безнадёжной. Я ничего не ждал и ни на что не надеялся.

Однажды в состоянии полнейшего уныния я присел на крыльцо какого-то дома, присел потому просто, что ноги болели и не могли больше ходить. Рядом со мной присел, по тогдашним моим понятиям, богато одетый парень в целых, хороших сапогах, в аккуратной рубашечке со щеголеватым пояском. Он был, может быть, на два-три года старше меня, но казался таким уверенным в себе, таким преуспевающим, что я никогда в жизни не решился бы с ним заговорить. К счастью, он сам заговорил со мною.

– Чего приуныл, хлопчик? – спросил он.

Я посмотрел на него подозрительно. Нет, он не смеялся. Он, кажется, даже искренне сочувствовал мне.

Я рассказал ему, как печальны мои дела. Я был слаб от голода и отчаяния. В другое время я, может быть, и постыдился бы жаловаться незнакомому парню, но больно горькая была эта минута, и не было у меня сил приукрашивать своё положение. Парень выслушал меня внимательно и сказал:

– Ну, пойдём со мной. Накормим тебя и дело дадим. Голодать не будешь.

Я не понимал, куда он меня зовёт, да и не очень интересовался этим. За еду я пошёл бы с ним на край света. Но нам было гораздо ближе. Мы отправились на Третью Кобищанскую улицу. Я уже знал, что улица эта – средоточие воровских притонов, что мирные люди вечером не заходят туда, чтобы не быть ограбленными. Я знал всё это, но мне было всё равно. Мне хотелось есть.

Я не знал того, что парень, который куда-то ведёт меня и обещает накормить, – это полтавская знаменитость, карманный вор Крамаренко, Васька Крамарь для товарищей по профессии, известный ещё под красивым прозвищем Прыщик. Впрочем, если бы я и знал это, я бы всё равно с ним пошёл. Мне очень хотелось есть.

С этого дня началась моя воровская жизнь. Хозяйка квартиры, куда привёл меня Крамаренко, была бубличница. В одной комнате стояла печь, где пеклись бублики, другая была предоставлена Крамаренко и его друзьям. Как я теперь догадываюсь, Васька был любовником хозяйки. В то время мне это не приходило в голову. В комнате вечно толкался народ. Тут были ребята, мало говорившие о своей профессии и своих делах, тут были молодые девчонки, проститутки, с которыми мы все обходились по-товарищески. На столе не переводилась еда, часто появлялась водка. Вдоль стен стояли широкие кровати, на которых спали все вповалку.

Секреты этого дома узнал я гораздо позже. Первые дни я только отъедался. Ощущение постоянной сытости, совершенно непривычное для меня ощущение, вот, пожалуй, что мне больше всего запомнилось о первых днях пребывания у Крамаренко. Через несколько дней, когда я отъелся и окреп, когда во мне снова заиграла энергия, и я из тощего, вялого существа снова превратился в полного веселья парня, Крамаренко сказал, что надо мне приучаться к делу.

Я догадывался, о каком деле идёт речь. Бродячая жизнь многому меня научила. Я уже понимал, что нахожусь в шайке карманных воров, понимал и то, что кормят меня не из милости. Насколько я вспоминаю, никакие этические проблемы не вставали передо мной. Я твёрдо знал одно: до встречи с Васькой я был постоянно голоден, а теперь постоянно сыт. Это было соображение решающее, если не единственное.

Вор-грабитель

Итак, я стал карманным вором. Сначала я должен был крутиться вокруг места кражи, чтобы в случае нужды создать толкотню или принять незаметно украденное от настоящего вора – словом, быть, так сказать, подсобником, ничем особенно не рискующим, но необходимым в этом деле. Меня, однако, такая второстепенная роль устраивала недолго, и скоро я перешёл на главные роли. Теперь другие крутились вокруг меня, а на мне лежала ответственная задача засунуть руку в чужой карман. Следует сказать, что вором я был удачливым. Ни разу за всё время моего пребывания в шайке я не только не попался, но даже и не был в рискованных положениях.

Что меня привлекало в кражах? Деньги? Нет, к ним я довольно скоро потерял интерес. Я уже забыл, что такое голод, и, в сущности, деньги мне были нужны только для картёжной игры. Я их отдавал очень легко, и мне никогда не было жалко. Скорее всего увлекал меня интерес спортивный. Хоть мне и было тогда только четырнадцать лет, всё-таки в своей среде, то есть в шайке, я пользовался уважением и авторитетом. Я приходил после очередной удачной кражи, обычно товарищи уже знали об обстоятельствах дела и о том, какую я проявил смелость и ловкость, и, конечно же, мне очень нравилось, что все смотрят на меня с уважением, даже с некоторым восторгом. Бродили какие-то и романтические мысли в моём мозгу. Вряд ли слышал я в то время о Робин Гуде и о других известных в литературе «благородных разбойниках», и всё-таки образ преступника, который, рискуя свободой и жизнью, крадёт у богатых несправедливо нажитые деньги, чтобы отдать их беднякам, в моём представлении существовал. Иначе нельзя объяснить трюк, который я проделывал неоднократно и всегда с большим удовольствием. Трюк этот был таков: мне становилось, предположим, известно, что в сыром подвале живёт бедная вдова, прачка, которая одна растит пятерых детей. И вот после очередной удачной кражи или выигрыша в карты, а в карты я теперь играл постоянно и выигрывал много, я заворачиваю небольшой камушек в крупную денежную купюру и изо всех сил бросаю его в окно подвала. Звенит разбитое стекло, из подвала доносятся изобретательные проклятия бедной прачки. Я прячусь за углом и предвкушаю то, что непременно случится дальше. И в самом деле, прачка, разглядев, что камень, разбивший её стекло, завёрнут, по её представлениям, в целое богатство, выскакивает на улицу. Громко призывает она благословения мою голову. Я с удовольствием слушаю, и кажется мне, что я, неизвестный благодетель, искупил этим добрым поступком все свои преступления.

Нет, положим, не все. Чувство вины, вероятно, у меня было. Оно исчезало в момент «работы», когда мною владел азарт, когда я знал, что моей ловкостью восторгаются стоящие в толпе мои товарищи, что позже они об этом будут рассказывать в квартире на Третьей Кобищанской, и там меня тоже будут хвалить и восторгаться мною. Но в более будничные минуты совесть всё-таки грызла меня, иначе, наверное, не молился бы я так горячо на Рождество в церкви Крестовоздвиженского монастыря, не опускал бы деньги в кружку для бедных и на украшение храма.

Скоро я перешёл на более высокую, пожалуй, на высшую ступень преступного мира. Я стал грабить квартиры. Мало того, я стал верховодом целой шайки, которая ждала от меня распоряжений и беспрекословно их выполняла. У нас был наводчик-точильщик, который ходил по домам точить ножи-ножницы, наблюдал за распорядком жизни хозяев, узнавал, когда квартира остаётся пустой и есть ли ценные вещи, тщательно осматривал замки. Потом появлялись мы, «рыцари удачи». Я командовал. Мы уносили мешки с награбленным добром к Каину. Каином у нас, да, кажется, и всюду, назывался скупщик краденого. Наш Каин работал истопником. Награбленное мы сносили к нему в подвал. Он нам давал деньги. Много! Гораздо больше, чем нужно было для удовлетворения наших потребностей, включая игру в карты. Мало! Гораздо меньше, чем награбленное стоило.

Сейчас, вспоминая то время, думаю, что хоть и лёгкая была у меня тогда жизнь, хоть и сопутствовала мне всё время удача, хоть и хватало мне денег и на еду, и на одежду, и на игру в карты, всё-таки инстинктом я ощущал страшную пустоту этой жизни. Хоть и был я маленьким дикарем, а всё-таки чувствовал, что живу не так, как должен. Да, конечно, чувствовал, иначе не бросил бы так легко свою блестяще складывающуюся «карьеру».

Произошло это совершенно неожиданно.

Надо сказать, что, хотя проститутки у нас в доме на Третьей Кобищанской бывали постоянно и относились мы к ним по-товарищески, ни с одной из них никогда не было у меня близких отношений. Я, да и все мы, охотно давали им деньги, когда дела у них были плохи, охотно болтали с ними, но этим всё и ограничивалось. Влюбился я однажды в девушку, которую встретил на дороге. Она шла с бойни и несла телячьи ножки для студня. Мы с ней разговорились, оказалось, что отец её рабочий и живут они в собственном домике. Я ей сказал, что работаю и зарабатываю хорошо. Иначе нельзя было объяснить мою, по тем временам, богатую одежду. Договорились, что я к ней на днях зайду. Я взял приятеля карманника Кирюшу Мица. Мы купили

конфет и отправились. Шёл март восемнадцатого года, и конфеты были большой редкостью. Девушка удивилась такому подарку, но с удовольствием стала есть. Мы болтали, стоя у калитки, но очень скоро строгая мать позвала её домой. Отправились домой и мы с Кирюшей.

Здесь я должен сделать отступление. Шёл, повторяю, март восемнадцатого года. Четыре месяца прошло со дня Октябрьской революции. Политическая жизнь страны кипела. До хрипоты кричали на митингах ораторы, ревела толпа, выражая сочувствие или протест. Уже почти все понимали, что дело миром не обойдётся. Собирались офицерские отряды защищать веру, царя и отечество, собирались рабочие отряды драться за социализм. До нас на нашей Третьей Кобищанской доносился только смутный гул, который, казалось нам, нас не касается. Симпатии наши были на стороне «красных» или «рабочих», хотя представляли мы их очень приблизительно. Мы считали, что тоже воюем против богатых. Значит, очевидно, мы были за бедных. Впрочем, волновала нас политика очень мало. Быт Полтавы пока ещё не изменился, и точильщик сообщал нам, что в богатых домах есть достаточно ценных вещей. Это нас действительно интересовало.

И всё-таки, повторяю, только тем, что я был глубоко неудовлетворен своей благополучною и легкой жизнью, можно объяснить то, что произошло в этот вечер.

Мы с Кирюшей шли мимо юнкерского училища, когда услышали в темноте крики и перестрелку. Мы подошли ближе. Какие-то люди торопливо переносили из училища на подводы пулемёты «максим», винтовки и патроны. От зрителей, которых, как это бывает, всегда немало стояло вокруг, мы узнали, что здание захвачено рабочим партизанским отрядом, который и выносит оружие, чтобы увезти в отряд. Мы стали вместе со всеми носить винтовки. Пожилой рабочий нас похвалил. Не помню уж, я или Кирюша спросил, не может ли он и нас зачислить в отряд. Он сказал, что зачислить не может, однако, если мы хотим, может представить нас командиру. Мы хотели. Нам предложили идти с отрядом. Мы пошли в компании с приветливым рабочим, я шёпотом предупредил Кирюшу, чтобы он не рассказывал о том, чем мы с ним занимаемся. Он понял меня с полуслова. Оба мы если не знали, то чувствовали, что занятие наше постыдно. Приехали мы в лес под Диканькой. Пожилой рабочий, который взялся представить нас командиру, спросил наши фамилии. Услышав фамилию Калабалин, он удивился и попросил меня повторить.

Я заволновался. Может быть, он знает про меня что-нибудь нехорошее и меня не примут в отряд. Рабочий промолчал и ввёл

нас в дом. За столом сидел вооружённый человек, перетянутый пулемётными лентами, несколько тоже вооружённых людей окружали его.

– Товарищ командир, – сказал рабочий, – я тут двух ребят привёл, в отряд просятся. Один ваш однофамилец.

Человек, перетянутый пулемётными лентами, поднял голову. Это был мой старший брат Иван. Увидев меня, он радостно улыбнулся.

– Сенька, – сказал он, – нашёлся! Ну что ж, если у товарищей нет возражений, примем тебя в отряд.

Мы с братом расцеловались.

Всё-таки долго я был на земле один. Всё-таки долго не было у меня близкого человека. Я расплакался как очень маленький мальчишка.

– Тю! – ласково и шутливо сказал мне брат. Я благодарно заулыбался.

По верной дороге

Так я стал бойцом рабочего партизанского отряда, которым командовал мой брат Иван. Нам, рядовым бойцам и командирам, будущее отряда, революции, страны казалось ещё непонятным. Это был тот бурный период, когда в хаосе, взбудораженном революцией, выковывалась будущая Красная Армия. В то время ещё не было линии фронтов, вернее, фронты проходили везде. Возникали и буйствовали банды анархистов, гайдамаков, просто неизвестных людей, целью которых было пограбить. Оружием каждый отряд снабжал себя сам. И отряд брата вынужден был снабжаться оружием от противника: других способов не было.

В этом снабжении принимал некоторое участие и я: шнырял по Полтаве, следил за пьяными офицерами, вытаскивал у них маузеры и наганы. Между прочим, вспомнил я о склепе, в котором когда-то жил. Разыскал его. «Квартира» оказалась не занята. Я хранил там оружие, добытое мною, пока его не удавалось переправить в отряд.

Скоро отряд занял Полтаву. Однажды я отправился навестить своих бывших коллег на Третью Кобищанскую. На нашей квартире не было почти никого из старых моих товарищей. Никаких лирических чувств у меня это посещение не вызвало. Я чувствовал, что теперешняя моя жизнь правильная, а та, старая, была нехорошая и нечистая. Я с удовольствием простился с несколькими знакомыми, которых ещё застал, и отправился к себе в отряд. В то время я носил уже военную форму, поскольку время партизанщины для отряда миновало. То ли воздух был

такой особенный на Третьей Кобищанской, то ли воспоминания подействовали на меня вредоносным образом; но я, хотя у меня не было копейки денег, нанял извозчика и важно назвал ему адрес. У извозчика не возникло сомнений в моей платежеспособности: военная форма ручалась за меня.

Дом, куда я велел ему ехать, находился в двух шагах от штаба отряда, но, главное, в нём был проходной двор. Уж полтавские проходные дворы я к этому времени изучил досконально. Сказав извозчику, что я сейчас вынесу из дома мешок, я ушёл через проходной двор и отправился в штаб. По сравнению с прежними моими похождениями это была невинная шутка, но судьба меня наказала и предостерегла. Через полчаса меня позвали в один из отделов штаба. В комнате я застал жену одного из наших командиров, работавшую в штабе машинисткой. Рядом с ней стоял тот самый извозчик, которого, по моим расчётам, я не должен был никогда больше видеть. Мы сразу узнали друг друга, встреча доставила мне мало удовольствия. Жена командира заплатила извозчику, но строго меня отчитала, возражать мне было нечего. Я запомнил этот урок.

Скоро отряд влился в 1-й Украинский советский полк имени Шевченко. Брат стал командиром второго батальона. Я был причислен к взводу разведки. Полк погрузили в эшелоны, и мы отправились в направлении на Херсон и Николаев сражаться с гайдамаками. Не только, впрочем, с гайдамаками. Там же где-то орудовала банда Григорьева, там появлялись и бесследно исчезали сегодня, чтобы завтра появиться снова, ещё десятки более мелких банд. Противник всюду. В стране бушевал хаос, и только первые частицы той организованной силы, которой стала Красная Армия через год, бесстрашно сражались с этим хаосом.

Мы заняли Херсон с налёту и освободили три тысячи херсонцев, запертых греко-румынами в амбарах. Вероятно, этих людей собирались уничтожить, но удалось освободить их вовремя.

Замечательную операцию провёл наш полк на станции Раздельная. Это большая узловая станция километрах в семидесяти от Одессы. Она была занята гайдамаками. Батальон, которым командовал мой брат, ворвался на станцию так неожиданно, что взял её почти без сопротивления. Мы захватили несколько десятков эшелонов с оружием, с обмундированием, с продуктами. Мы взяли орудия и пулемёты, снаряды и патроны, теперь наш полк был снабжён всем необходимым, предстояли большие дела. Полк пошёл на Тирасполь. Под Тирасполем я был легко ранен. Меня положили в госпиталь. Рана была пустяковой, и я пролежал бы недолго, если бы не заразился сыпным тифом.

Тогда сыпной тиф косил красноармейцев не меньше, чем пули врага. Плакаты на стенах кричали, что «вошь – враг социализма». Сейчас это звучит странно, но тогда это было действительно так.

Меня перевезли в Полтаву, я долго лежал в полтавском госпитале и вышел из него худой, как тень, и ослабевший до того, что еле волочил ноги. Я очень огорчался, что из-за раны и болезни не принимал участия в операциях своего полка. Полк за это время совершил много. О нём рассказывали удивительные истории. Немало удивительного рассказали мне и о моём брате Иване. Он заслужил славу храброго и находчивого воина. В моих глазах образ его становился всё значительнее и ярче. Мне даже странно было, что мой родной брат, рабочий сахарного завода, выросший в той же семье, что и я, совершает подвиги, о которых рассказывают посторонние люди. Как горевал я, что меня не было с ним в то время, когда он сражался и побеждал, когда каждый день угрожала ему опасность.

Очень я горевал об этом, но судьба готовила мне большее горе.

Жена Ивана жила в деревне Сторожево. Она ждала ребёнка, и вот, наконец, зашёл в штаб крестьянин из этой деревни и сообщил, что у Ивана родился сын. Время было такое, что несколько дней Иван не мог выбраться посмотреть сына. Наконец, командир полка отпустил его. С транспортом было плохо, и отправился Иван в Сторожево пешком. Посмотрел сына, поцеловал жену и двинулся пешком же обратно в полк.

Надо представить себе Украину тех дней. Сёла, в которых прячутся гайдамаки, в которых кулаки готовы выстрелить в каждого красноармейца, крестьянские дворы, в которых зарыты гранаты и пулемёты. Вероятно, действительно стал известен командир второго батальона полка имени Шевченко Иван Калабалин. В него выпустили из-за угла две пули и для верности ещё швырнули гранату. Он был убит, мой брат, отец новорождённого ребёнка.

Меня, только что вышедшего из госпиталя, устроили в рабочую семью, чтобы я отлежался и окреп после болезни. Эта семья, как и многие другие рабочие семьи, охотно брала на поправку выздоравливающих красноармейцев, в госпиталях мест не хватало. Они сами жили впроголодь, но с прибавкой моего пайка мы могли прокормиться.

Я был слаб и беспомощен, я не мог ходить. У меня подгибались ноги, меня шатало. Целые дни я лежал один и думал о гибели брата. Как я ненавидел проклятых гайдамаков, белых офицеров, скрывавшихся по деревням, кулаков, прятавших винтовки и пулемёты, чтобы стрелять из-за угла в наших бойцов.

Это был девятнадцатый год. Мне было шестнадцать лет. Любой сегодняшний третьеклассник образованнее, чем я был в то время. Ненависть к убийцам брата сжигала меня. Я старался лежать неподвижно, чтобы быстрее поправиться. У меня созрел план, который я торопился привести в исполнение. Я дал себе клятву отомстить за убийство брата.

Лечу в пропасть

Наконец, я снова здоров и крепок. Моя обязанность найти свой полк и вернуться в свой взвод разведки. Но, во-первых, полк имени Шевченко сражается где-то далеко от Полтавы, а, во-вторых, у меня есть более важная, более серьёзная обязанность – отомстить за убитого брата. Не тем именно людям, которые послали из-за угла две предательские пули. Этих людей теперь не найдёшь. Да и кто они, эти люди? Пусть я не знаю их имен, но я твёрдо знаю, что это кулаки или украинские националисты. Я, Семён Калабалин, кулакам и националистам объявляю войну! Для этой войны я решаю собрать отряд. Сначала в этом отряде только пять человек, пять знакомых, которых я убедил в том, что мстить за убитого моего брата их прямая обязанность. Что можем сделать мы вшестером? Нас мало, надо отряд увеличить. Вокруг Полтавы кулацкие хутора, помещичьи усадьбы, там прячутся переодетые офицеры, скрываются гайдамаки, там каждый горит ненавистью к Советской власти, там в погребах укрыты пулемёты, обрезы, гранаты. Мы не знаем, кто убил брата, но это неважно. За его смерть отвечают все кулаки, все офицеры, все националисты.

Сейчас мне кажется даже странным, как быстро стал расти мой отряд. Самые разные люди охотно приставали к нам. У нас были и русские, и украинцы, и цыгане. Думаю, что сначала нас объединяла некая идея. Вряд ли это была идея мщения за смерть Ивана, многие из отряда его и не знали, о нём и не слышали. Может быть, это была идея борьбы с помещиками и кулаками, с офицерами и националистами? Да, вероятно, в первых наших налётах именно эта идея руководила нами.

Налетали мы на богатые помещичьи дома и кулацкие хутора. Что только не уносили мы оттуда! Одежды сколько хочешь и какой угодно, наганы, обрезы и пулемёты, еда какая хочешь и сколько хочешь.

Это было благодатное время для грабежей. Сколько могло скрываться вооружённых людей в помещичьей усадьбе или кулацком доме? Ну, пять человек, ну, десять. А нас было много. Нас становилось всё больше и больше. Скоро в отряде насчитывалось сто сорок человек.

Всё это был лихой народ. Боюсь, что большинством руководила одна нехитрая цель – пограбить. Мы были прекрасно одетый хорошо вооружены. У нас были отличные лошади. Мы почти не встречали сопротивления. Слухи мчались впереди отряда. Нас боялись, перед нами беспрекословно распахивали ворота.

Нам отпирали, или мы сами взламывали заветные сундуки. Мы разбрасывали по полу накопленное добро и брали то, что подороже или что понравилось кому-нибудь из нас. Если дело было к ночи, мы заставляли хозяев накрыть на стол и пировали допоздна.

Выставив часовых, мы спали вповалку и уезжали утром.

Часто, отъехав несколько километров, мы бросали у дороги шубы и сапоги, куски полотна и знаменитых украинских смушек: нам не нужно, кому нужно, пусть подберёт.

Мы ничего не ценили. Мы знали, что в следующей усадьбе, на следующем хуторе возьмём ещё больше!

Как ни странно, командовать отрядом продолжал я. Говорю странно, потому что мне было только шестнадцать лет. Сейчас я думаю, что отряд признавал меня командиром потому только, что в общем всем было безразлично, кто, собственно, командует. Когда перепуганные хозяева открывали ворота и мы врывались в хутор, каждый брал что хотел и тут командир был ему не указчик. Ну, а кто скомандует отход – не всё ли равно?

Так мы носились по районам, ближним к Полтаве, точно стая волков, не думая о будущем, не дорожа награбленным, уверенная в себе, обнаглевшая банда. Думал ли я в то время о том, как получилось, что вместо мщения за убийство брата я занимаюсь самым обыкновенным грабежом? Не помню. Помню только, что в глубине души я чувствовал: всё получается не так, как должно было быть.

В самом деле, когда-то я представлял себе некий орден мстителей, некое общество людей, живущих одной высокой и благородной целью. Я не мог не отдавать себе отчёта в том, что мы не знали, были те, кого мы грабили, украинскими националистами или просто богатыми крестьянами. Имели они отношение к убийству моего брата и ко многим другим убийствам советских работников и командиров или не имели. Нас интересовало только одно: найдём мы чем поживиться? Сможем мы обменять пару коней на лучших? Найдём ли что-нибудь стоящее из одежды, такое, чего ещё нет у нас, или есть, но не у всех? Хорошо ли, наконец, угостят нас ограбленные? Сперва я ещё пытался узнать, кто эти люди, к которым мы ворвались, сундуки которых мы взламываем, у которых отбираем бережно

хранимые богатства. Но как мы могли узнать, что это за люди, если все одинаково прикидывались мирными хозяевами, все одинаково отрицали за собой всякую вину?

И, снова набрав ненужного барахла, мы выезжали из ворот, оставляя озлобленных, проклинающих нас людей, чтобы выбросить большую часть барахла прямо в грязь за первым поворотом дороги.

Формально командиром считался я. Но, в сущности говоря, не я командовал отрядом, а отряд командовал мною. Я не мог запретить грабить. Если я начинал говорить о мщении за смерть брата, меня просто не слушали или слушали, думая о своём. Я мог только отдавать команды, такие, которые кто-нибудь всё равно должен был отдавать. Я ехал впереди отряда, безусый юнец в кожаной куртке, и знал, что завтра будет то же, что и сегодня: испуганные глаза хозяев, взломанные сундуки, грабёж ненужных нам вещей. Этому не было конца. Да и какой мог быть этому конец! День шёл за днём. Один не отличался от другого, пока однажды в одной деревне нам не сказали, что по нашим следам идёт конный резерв полтавской милиции. Мы сначала не придали этому значения, нам казалось, что наш отряд так силён, что никакой конный резерв нам не страшен.

Конный резерв милиции

Через несколько дней мы опять услышали о конном резерве милиции. В каждом селе хоть у кого-нибудь из отряда находился родственник или дружок, который сообщал нам последние сведения: где находится резерв, куда он, по слухам, направляется завтра. Но, вероятно, и у бойцов конного резерва милиции тоже были в каждом селе родственники и знакомые. В конном резерве милиции тоже знали, где мы были вчера и куда мы собирались двинуться дальше. Мы носились по дорогам и сёлам Полтавщины, как будто привязанные друг к другу. Только что, сделав неожиданный маневр, мы уходили от резерва, как назавтра в следующем селе нам уже сообщали печальные новости: конная милиция снова напала на след, конная милиция снова идёт за нами.

Расстояние между отрядом и милицией могло сегодня быть больше, чем вчера, но в общем оно неуклонно сокращалось. Видимо, милиция взялась за нас всерьёз. Мы по-прежнему лихо налетали на хутор или усадьбу, но нам уже не так легко открывали ворота. Приходилось спорить и угрожать. Иногда приходилось врываться силой. Мы уже не решались, ограбив хозяев, требовать, чтобы нам накрыли стол. Мы уже не решались

после шумного ужина улечься спать, выставив для страховки часовых. Мы торопились исчезнуть. Мы знали наверняка, что, когда мы врывались на хутор, незаметный хлопец или дивчина уходили с хутора задами, чтобы разыскать начальника резерва. У нас исчезло чувство безопасности, а значит, исчезла и уверенность в собственной силе.

Доходили слухи, что начальник резерва – человек упрямый и боевой. Доходили слухи, что от начальника резерва, если уже он пустился в погоню, не спрятаться и не оторваться. Конный резерв милиции день за днём неуклонно шёл по нашим следам.

Настал день, когда мы оказались в кольце. Вероятно, хорошо был информирован о наших передвижениях начальник резерва. Его отряды заняли все дороги, по которым мы могли бы уйти из кольца. Сопротивление было бессмысленно. В нашей шайке было много храбрых людей, и всё-таки как боевая единица мы никуда не годились. Мы были способны лихо налететь на беззащитный хутор, напугать всё село, промчавшись по главной улице, но к правильной обороне мы не были способны. Мы вообще не могли сражаться с организованной воинской частью. А наши информаторы сообщали, что в конном резерве строгая дисциплина, опытные командиры и отчаянные бойцы.

Ох, как далеко было нашему сброду до настоящей воинской части! Как только стало ясно, что мы окружены, лихой дух ватаги сразу резко упал. Ещё вчера вокруг меня были, казалось, смельчаки, бесстрашно нападавшие на хутора и усадьбы, лихие вояки, не боявшиеся ни чёрта. Куда делась теперь их лихость, их бесшабашность и уверенность в себе. Мрачные люди были вокруг меня, и если они не разбежались, то потому только, что некуда было бежать. Нельзя было даже разойтись по одному, потому что в каждом из окрестных сёл одинокого бандита не задумались бы схватить и выдать. Очень уж мы осточертели населению Полтавщины.

А конный резерв милиции начал сжимать кольцо. Всё меньше становился район, в котором мы могли передвигаться. Наконец нам осталось одно: молча ждать, пока нас возьмут в плен. Все дали клятву не выдавать атамана. Было, мол, объединение на свободных началах. Никакого начальства, все одинаково грабили, все одинаково и должны отвечать. Мы надеялись, что не станут расстреливать сто сорок человек.

Наконец, мы увидели, как из ближайшего леса вышел в конном строю отряд резерва милиции.

Сопротивление было бессмысленно. Мы мрачно ждали конца. Нас обезоружили и разместили в ближайшем селе. По одному вызывали нас на допрос. Мы перестали быть отрядом мстителей.

Впрочем, были ли мы мстителями когда-нибудь? Мы перестали быть даже разбойничьей шайкой. Мы были просто пойманные преступники, каждый из которых мог надеяться только на то, что вымолит себе наказание помягче.

Я надеялся, что хлопцы сдержат слово и не выдадут меня. Но то ли кого-нибудь из них припугнули, и он разболтал со страху, то ли просто настроение было такое, что, мол, снявши голову, нечего плакать по волосам, во всяком случае, очень скоро узнали, что я атаман. Меня повели на допрос к самому начальнику конного резерва. Я шёл мрачный, опустив голову. Что я мог сказать в своё оправдание? Что я собирался мстить за убийство брата Ивана? Кто мне поверит, когда сотни свидетелей покажут, что отряд занимался только грабежами, только налётами, что никто и не слышал о какой-то мести. Сколько угодно можно было раздумывать о том, как это получилось. Важно было то, что получилось именно так.

Меня ввели в хату, где начальник конного резерва должен был допрашивать атамана «отряда мстителей». Я стоял, опустив голову. Отрицать что-нибудь было бессмысленно, признаваться было, в сущности, не в чем, всё было известно и так.

И вот я услышал голос, показавшийся мне знакомым.

– Сенечка, – сказал начальник конного резерва милиции, – ты бы голову поднял, братец милый.

Я поднял голову. За столом сидел второй из моих старших братьев, Ефим. Нехорошая улыбка была у него на лице.

Я не обрадовался и не огорчился. Я даже не удивился. Я был в состоянии, в котором ничто не могло произвести на меня впечатление.

Ефим встал из-за стола и подошёл ко мне, держа плётку в руках. Лицо у него подергивалось от злости.

– Ну что ж, поцелуемся? – спросил он и изо всей силы ударил меня плёткой.

Я был в кожаной куртке, поэтому боли не почувствовал, и всё-таки вздрогнул. Не от боли, а оттого, что очень уж страшно было получить непереносимый этот по оскорбительности удар от родного моего брата Ефима.

По-моему, Ефим не задал мне ни одного вопроса, наверное, он счёл это за лишнее. Ему было известно достаточно, чтобы быть уверенным в моей вине. Вероятно, если бы он и стал меня допрашивать, я бы не сказал ни слова. Я просто не в силах был рассказать ему о своих винах и преступлениях. Не мог же я, в самом деле, рассказывать о намерении моём отомстить за брата Ивана. Что значили мои слова по сравнению с показаниями десятков или сотен ограбленных.

Ефим распорядился, и меня увели. Утром под конвоем отправили меня в Полтаву, в Чрезвычайную комиссию, в ЧК, как все её сокращенно называли. Я понимал, что мне пришёл конец. Я не сердился на Ефима и не собирался оправдываться. Я был в состоянии отупения. Я знал, что меня ждёт, и не думал спорить. Всё, что мне предстояло, я заслужил.

Камеры полтавской тюрьмы в то время были набиты народом. С какими же разными людьми мне довелось там встретиться! Здесь были украинские националисты со свисающими вниз длинными усами, делающие вид, что ни слова не говорят по-русски. Были и кулаки с глазами, горящими ненавистью, те самые, которые прятали в соломе обрезы и пулемёты. Были царские офицеры, очень похожие на тех пучеглазых братьев Голтвянских, которых когда-то я так боялся. Были, наконец, попы, проповедовавшие не кротость и смирение, а кровавую войну, не мир, но меч, не духовные пастыри, а руководители подполья и организаторы заговоров. Конечно, кто-нибудь из сидевших со мной или из их друзей послал из-за угла пули, убившие моего брата Ивана. Именно им или их друзьям собирался я мстить. Как же получилось так, что я сижу с ними в одной камере, если не за общую вину, то за схожие преступления? Как получилось, что я стал врагом моему брату Ефиму и был бы, наверно, врагом Ивану, если бы он остался жив? Я думал и передумывал, и в голове моей не укладывалось, как же это всё-таки получилось.

Когда меня вызывали на допрос, я ничего не отрицал. В самом деле, все обвинения были справедливы. Грабил, разбойничал, врывался в чужие дома с целью личного обогащения. А с какой же другой целью? Не мог же я, в самом деле, объяснить хмурому, серьёзному следователю, что всё это я делал, видите ли, для того чтобы отомстить за убитого украинскими националистами большевика Ивана Калабалина. Это прозвучало бы издевательски. Кто бы мне поверил? Да я и сам уже не верил в это.

Итак, я подтверждал все обвинения, которые мне предъявлялись. Да, этот хутор ограбил. И эту усадьбу тоже ограбил. Лисий салоп взял? Взял. Куда его дел?

Я не помню лисьего салопа, но, может быть, кто-нибудь из банды, действительно, прихватил его в суматохе. Скорее всего, так и было. Куда он его дел? Кто его знает. Может, захотелось выпить, и сменял на самогонку, а может, показалось тяжело тащить, и выбросил в канаву на повороте дороги. Какую роль мог играть лишний салоп, даже лишний налёт на хутор или усадьбу в бесконечно длинном списке преступлений моих и моей шайки!

Я не спорил ни с чем. Я признавался во всём. И в том, что,

наверное, было правдой, и в том, чего, может, совсем не было. Вероятно, следствие по моему делу было очень лёгким. Поэтому оно быстро закончилось. Чрезвычайная комиссия меня приговорила к расстрелу. Так заявил мне следователь. Может, такого решения ЧК и не было, но в камеру смертников меня перевели. Вот уж где я оказался среди отборных негодяев! Всем, кто сидел в нашей камере, терять было нечего, поэтому разговоры велись откровенные. Чего только не наслушался я! С какой ненавистью здесь говорили о большевиках и о Красной Армии. Несколько раз с проклятиями поминали и полк имени Шевченко, разведчиком в котором я был когда-то, батальоном которого командовал Иван. Не мог же я, в самом деле, вдруг здесь, в камере смертников, защищать Советскую власть и Красную Армию. Наверное, если бы я попробовал, все бы смеялись, слушая меня. Кто был я сам? Такой же, как они, главарь бандитской шайки. Объявлять себя красным было глупо. Может быть, сидевшие в моей камере заподозрили бы меня в трусливом расчёте на то, что Чрезвычайная комиссия, узнав о моих просоветских высказываниях, растрогается и отменит свой приговор, то есть меня бы заподозрили не только в глупости, но и в подлости. Я молчал.

Каждый день несколько человек уводили из камеры на расстрел. Некоторые плакали, некоторые крестились, некоторые уходили в полубессознательном состоянии, не помню, чтобы были какие-нибудь трогательные прощания, объятия, слёзы. Всем предстояла смерть, и каждый думал о себе. Когда кончали читать список вызванных на сегодня, у тех, кто не был в этом списке, веселели лица. Они считали, что им повезло. Ещё бы, им наверняка предстоят ещё сутки жизни. Сутки жизни в этой грязной, тесной и мрачной камере.

Новичков в нашу камеру не приводили. Не знаю, потому ли, что наиболее крупные заговоры были ликвидированы и волна репрессий ослабела, или напряжённая борьба продолжалась, а смертников помещали в другом месте.

Наша камера пустела. Настал, наконец, день, когда я остался один. Последнюю группу: двух кулаков, трёх офицеров и одного попа увели. Пока читали список, я был уверен, что услышу и свою фамилию, но её в списке не оказалось. Шестеро уходящих даже не простились со мной. Они были слишком заняты тем, что им предстояло. Я остался в камере один. Хотя я знал точно, что не сегодня-завтра буду расстрелян, и расстреляют за дело, так что и обижаться-то не на что, хотя внешне я был, кажется, спокоен, даже равнодушен ко всему, всё-таки во мне шевелились какие-то чувства, какие-то мысли бродили в моей голове, на что-то,

наверное, я, даже не понимая этого, надеялся, как-то прикидывал, когда меня расстреляют.

Я оставался один в этой проклятой камере. Кажется, я был не совсем нормален. Я плохо помню, как прошли следующие сутки. Снова настало утро, и, когда в камеру вошли, у меня не оставалось надежды, я был один, значит, пришли за мной. Действительно, назвали мою фамилию, имя и отчество. Я встал. Мы, конвоир и я, вышли в коридор. Все, кого вели на расстрел, я точно помнил, поворачивали по коридору направо. Меня повели налево. У меня не проснулось никакой надежды или недоумения. Переутомлённый мозг просто отметил: меня почему-то повели не туда, куда отводили других.

Привели меня к следователю, тому самому, который уже много раз меня допрашивал. Он посмотрел на меня, как всегда, хмуро и раздражённо. Он задал мне несколько дополнительных и, по-моему, лишних вопросов. Потом он сказал, я не помню какими словами, что меня не расстреляют. Не помню, что я почувствовал и подумал в эту минуту. Кажется, ничего. Следователь не сказал мне, помилован я или решение ЧК пересмотрено. Он сообщил, что не расстреляют, и всё. Я выслушал это с неизменившимся лицом и ничего в ответ не сказал. Следователь вызвал конвоиров, и меня повели обратно, в ту же самую, пустую теперь, камеру смертников. Когда дверь за мною закрылась, я сел на нары и заплакал. Плакал долго, беззвучно и неожиданно уснул. Мне снились страшные сны. Какие-то пиявки впились в моё тело. Я метался и кричал во сне и сам слышал свой крик. На меня напали отъевшиеся клопы. Они привыкли, что в камере много людей, и свирепо набросились на одного.

Я просыпался от страха и, не придя в себя, засыпал снова. Так прошла ещё ночь и ещё день. Наконец, за мной пришли. Меня отвели в губернскую тюрьму. Здесь началась нормальная тюремная повседневность, ожидание очередной еды, вынос параши, ленивые разговоры ни о чём.

В этой тюрьме я просидел три месяца.

Неизвестный человек делает странное предложение

День походил на день. В тюремной камере ничто не менялось. Та же скудная еда времён военного коммунизма, те же тоскливые заботы тюремной камеры, та же похлёбка из ячменя, распорядок дежурств, очередь уборки. День как день, и дням этим нет конца.

Как я теперь понимаю, никто не знал, что, собственно, со мной следует делать. Расстрелу я, вероятно, не подлежал как

несовершеннолетний. Освобождению тоже не мог подлежать как преступник, и преступник серьёзный. Осудить меня на несколько лет заключения? Но кто мог в то время взять на себя такую обузу – несколько лет содержать заключённого? Новый строй боролся за существование. Его сторонники считали, что со дня на день наступит мировая революция, а противники ждали, что со дня на день он рухнет. В обстановке напряжённой борьбы бандитов расстреливали нещадно. И вдруг нашёлся бандит, которого расстреливать нельзя. Со мною просто не знали, что делать. Вот я и сидел, ел ячменную похлёбку, в очередь убирал камеру и выносил парашу, и казалось мне, повторяю, что эта однообразная и тоскливая жизнь не кончится никогда.

И вот 20 декабря 1920 года меня вызвали из камеры. Вызывали меня, конечно, и раньше. Я предполагал, что опять повторится очередной допрос, то ли потому, что дело попало к новому следователю, то ли приехало начальство решать, что со мною делать. Снова, наверное, выслушают мои много раз повторенные показания, снова будут думать, как быть, если и расстрелять меня нельзя и отпустить на волю опасно.

Привели меня в кабинет начальника тюрьмы, в котором я и раньше неоднократно бывал. Начальник тюрьмы сидел за письменным столом. В кресле перед ним сидел незнакомый мне человек. Был он в поношенной шинельке, в очках. Ничто в нём не привлекло моего внимания, ничто не показалось из ряда вон выходящим. Это мог быть какой-нибудь «комиссар», проверяющий заключённых, или, как я думал и раньше, какой-нибудь новый следователь.

Неизвестный человек посмотрел на меня, встал и сказал:

– Извини, пожалуйста. Из-за меня тебя побеспокоили и пригласили в кабинет.

Правду сказать, я не помнил, чтобы следователи извинялись перед заключёнными. Я промычал что-то неопределённое. Он назвал мне свою фамилию – Макаренко. Сказал как-то между прочим: «А тебя, кажется, Семёном зовут? Вот и хорошо. Мы с тобою почти тёзки – меня зовут Антон Семёнович».

После этого он начал излагать своё дело. Напомню: был декабрь двадцатого года. То, что сейчас, почти через полвека, могло показаться обыкновенным, в то время должно было своей неожиданной новизной произвести на меня впечатление ошеломляющее. Должно было произвести, но не произвело.

Макаренко тоном очень обыкновенным, по-видимому, совершенно не стараясь произвести на меня впечатление, заговорил о том, что, мол, недалеко от Полтавы создаётся трудовая колония и что он предлагает мне в эту колонию

перейти. Я не помню, разумеется, какими словами эту колонию описывал мне Макаренко. Во всяком случае, рассказ его ни в какой степени меня не поразил. Почему-то представилось мне довольно тоскливое место и не очень сытая жизнь. Во всяком случае, точно могу сказать, что никакого радостного возбуждения, никакого предвкушения новой радостной жизни я не испытал. Немного, как я уже говорил, удивило то, что он передо мной извинился, но это показалось мне просто чудачеством, а вовсе не признаком нового ко мне отношения. Запомнилось из его слов, что в колонии, кроме земли, будут и мастерские, и он надеется, если ребята ему помогут, что из колонии может получиться толк. О планах своих он говорил не очень уверенно, стараясь как бы внушить мне: всё это только попытка, и что из этого получится – предсказать трудно. Закончил он фразой, тоже в тюремных условиях необычной, но сказанной так просто, что всю её необычность понял я гораздо позже. Смысл этой фразы заключался приблизительно в том, что если, мол, ты, Семён Калабалин, разделяешь мою точку зрения и тоже думаешь, что из колонии может выйти толк, то давай попробуем.

За всё время, пока этот загадочный Макаренко нарочито прозаическим тоном излагал свои очень скромные планы, начальник тюрьмы не произнёс ни слова. Я-то знал, что всё равно именно начальник здесь главный и от него всё зависит. Я-то краем глаза посматривал, думал, может, он улыбнётся, кивнёт, так сказать, подтверждая этой улыбкой или кивком, что, мол, он, начальник тюрьмы, не возражает против моего ухода. Но начальник ни разу не кивнул и не улыбнулся. Он сидел с неподвижным лицом, ничем не выражая своего отношения к словам странного посетителя. Молчал и я, не зная, что отвечать.

– Ну, так как ты решаешь? – спросил Макаренко.

Я пробурчал что-то не очень внятное, из чего, впрочем, можно было понять, что не возражаю.

Я выхожу из тюрьмы

Не помню, тогда ли мне пришло в голову, что за всё время после ареста впервые я получил возможность сам решать вопрос, касающийся моей судьбы. Скорее всего я потом подумал об этом. Вероятно, в то время меня заставила согласиться просто жажда перемен. Вероятно, на что угодно согласился бы я ради того, чтобы избавиться от бесконечного однообразия жизни в камере, от тоскливых разговоров с другими заключёнными, разговоров ни о чём, потому что всё интересное давно переговорено, а говорить

надо, чтобы не сойти с ума от тоски.

– Ну что ж, – сказал Макаренко, – тогда пойди к себе в комнату, собери вещи и отправимся.

Я довольно смущенно объяснил, что своей комнаты у меня здесь нет и вообще ходить незачем, поскольку вещей у меня, собственно говоря, нет. Всё при мне.

При этом я ещё раз кинул взгляд на начальника тюрьмы. Я ждал, что он как-нибудь запротестует или, по крайней мере, скажет, что, мол, нужно соблюсти некоторые формальности, проделать некоторые процедуры. Но он по-прежнему молчал, как будто не слышал, и лицо его по-прежнему не выражало ничего.

Макаренко не придал, по-видимому, никакого значения тому, что у меня нет вещей.

– Ну что ж, тогда пошли, – сказал он, вставая. Он снял с гвоздя, вбитого в стену, башлык – в декабре в Полтаве бывают большиє морозы – и, протянув руку начальнику тюрьмы, сказал: – Спасибо. Значит, мы пошли, до свиданья.

Начальник тюрьмы пожал руку Макаренко и тоже сказал:

– До свиданья.

Следовало, очевидно, попрощаться с начальником тюрьмы и мне. Надо сказать, что я находился в расстроенных чувствах. Я привык к тому, что ходить мне можно только с конвоиром, и не понимал, пойдёт ли со мной конвоир и в эту колонию. А без конвоира кто же меня выпустит из тюрьмы. Тут у всех выходов часовые.

Наконец, должен ли я протянуть руку начальнику тюрьмы или лучше не рисковать и руку не протягивать, а просто кивнуть головой. Но это тоже рискованно. «Как это до свиданья? – скажет начальник тюрьмы. – Хорошенькое дело! Заключённый вдруг собирается уйти! Кто же это ему позволит!»

– До свиданья, – кивнул мне начальник.

Я ответил:

– До свиданья.

Пожалуй, в эти минуты мне больше всего хотелось просто выйти за ворота. Я был совсем не уверен, что это удастся. Есть ещё проходная, и часовые, и замки, и ключи. Что-то я не видел, чтобы писались какие-нибудь пропуска, подписывались какие-нибудь акты…

Макаренко замотал башлык вокруг шеи и повторил очень спокойно, не придавая, по-видимому, этому никакого значения.

– Ну, пошли.

И вышел в дверь. За ним вышел и я.

Казалось, что мы с Макаренко вдруг стали невидимы. Мы проходили мимо часовых, а часовые на нас не обращали

внимания и, кажется, даже не замечали, что мы идём. Когда мы подходили к запертой двери, дежурный молча отпирал замок и распахивал перед нами дверь. Нас никто и ни о чём не спрашивал. У Макаренко был такой вид, как будто это совершенно естественно, как будто так и положено, не спрашивая пропуска, выпускать заключённого из тюрьмы. Сколько уж лет прошло с тех пор, а я всё не могу забыть этот короткий путь от кабинета начальника тюрьмы до обыкновенной полтавской улицы. На моих глазах совершались чудеса, отпирались замки, растворялись двери, часовые отводили глаза. А спутник мой этих чудес не замечал.

Он как будто считал всё удивительное, что происходило, совершенно нормальным. Наконец, распахнулась последняя дверь, и мы вышли из тюремных ворот.

Даже воздух был здесь совсем другой, чем в тюрьме. У меня закружилась голова, когда я увидел такую привычную прежде полтавскую улицу. Молча мы шагали по тротуару. Я ни о чём не думал. Я просто наслаждался воздухом, ходьбой, свободой. Мы прошли метров двести, когда Макаренко вдруг остановился.

– Ах, неудача, – сказал он. – Забыл, понимаешь, у начальника тюрьмы башлык. Придётся вернуться. Ты подожди меня.

Он не оглядываясь зашагал обратно к тюрьме. Я остался один. Я стоял растерянный. Чудеса продолжались. Этот человек не только вывел меня из тюрьмы, но и оставил на улице одного. Даже не оглядывается. Даже не смотрит, не убежал ли я. А мне убежать ничего не стоит. Шагнул за угол и пропал.

Однако я стоял и смотрел на Антона Семёновича. Я видел, как он стучал в дверь, как приоткрылся глазок, изнутри на него посмотрели, как дверь открылась и снова закрылась за ним. Только в последнюю секунду перед тем, как он исчез за дверью, я понял, что башлык-то ведь на нём. Тот самый башлык, который он будто бы забыл в кабинете начальника тюрьмы. Не знаю, почему я не убежал. Наверное, просто не хватило внутренних сил. Слишком много мне пришлось пережить за последние месяцы. Наконец-то поверил я человеку. Наконец показалось мне, что жизнь моя изменится к лучшему, и вот опять… Мрачный стоял я и, не отрываясь, смотрел на закрытую дверь тюрьмы.

Я получаю важное поручение

Дверь долго была закрыта. Когда она, наконец, открылась, я был готов к самому худшему. Но Макаренко вышел из тюрьмы один. Шея его была по-прежнему закутана башлыком. Он удивительно спокойно сказал:

– Ну, пошли.

Ни в дороге, ни после в колонии я его не спросил, зачем он ходил в тюрьму, если башлык, который он будто бы там оставил, был на нём.

И вот мы пошли по улицам когда-то такой дорогой для меня, а теперь такой мне чужой Полтавы. Мир мой, так долго ограниченный четырьмя стенами камеры, расширился до прежних размеров. Каждый дом, каждая улица, каждый закоулок был мне когда-то знаком. Я узнавал и не узнавал их. Как они изменились за время нашего расставания. Неужели по этой улице шёл я когда-то с дедушкой Онуфрием, державшим меня за плечо. Неужели в этом магазине, витрины которого сейчас заколочены досками, я когда-то крал деньги у зазевавшегося покупателя. Как будто всё тогда выглядело иначе.

Теперь я понимаю, что дело не только в том, что витрины магазинов в ту холодную, голодную зиму были наглухо забиты, и не только в том, что дома как будто облупились и постарели, что многолюдная, оживлённая, любимая моя Полтава стала мёртвым, заваленным снегом, пустынным городом. Дело ещё и в том, и это может быть самое главное, что за это время изменился я сам. Я был ещё диким зверьком, в котором было много плохого, и хоть очень немного, но всё-таки было хорошее. Но я не был уже несмышлёнышем, не отличающим злое от доброго, принимающим зло и добро как данность, не подлежащую суждению. Я ещё не мог бороться со злом, но уже умел отличать его от добра.

Итак, голова моя ходила как на шарнирах. Я смотрел по сторонам, узнавал или не узнавал знакомый дом, переулок, улицу. Иногда я вспоминал о тюрьме и тогда невольно оглядывался, смотрел: вдруг да крадётся сзади по заснеженной улице конвой. Впрочем, тут же я успокаивал себя. Видно, на этого человека, который шагал рядом, можно положиться. Вероятно, и он мне на самом деле верил. Ему ж ничего не стоило попросить у начальника тюрьмы конвой, если не сразу, то хотя бы тогда, когда он вернулся в тюрьму за забытым им башлыком. Конечно, башлык он не забывал, и зачем он возвращался, я не знаю, но так или иначе конвоя сзади нет, мы идём по пустынной улице, и мне ничего не стоит, если б я захотел, нырнуть в любой проходной двор, которых сколько угодно я знал в Полтаве. Ищи-свищи тогда Семёна Калабалина. Но Семёну Калабалину хотелось другого. Ему хотелось шагать не рядом с Макаренко, а впереди, чтобы таинственный этот человек всё время видел: вот он, Семён, которому я поверил и который поэтому не обманет меня и не убежит. До сих пор я не знаю, понимал в то время Антон

Семёнович моё состояние или не понимал. Может быть, и не понимал. Напомню, что в декабре двадцатого года лет ему было тридцать с небольшим, что только три года, как он кончил педагогический институт. Что только два года он заведовал школой, обыкновенной школой, в которой учились обыкновенные дети с обыкновенными детскими судьбами. Напомню, что тот эксперимент, к осуществлению которого он приступал в те дни, не имел подобного себе во всей истории человечества. Что он вступал на путь, по которому ещё никто никогда не ходил.

А скорее всего всё-таки он понимал, что творилось в моей душе. Понимал, потому что смело шёл на отчаянный риск, потому что каким-то шестым, наверное, чувством знал, что я не убегу, и не убегу потому именно, что могу легко убежать. Да, наверное, понимал, но виду не показывал. Он говорил, говорил, говорил. Ни о чём, просто так, о ерунде. Он не затруднял себя выбором темы, говорил первое, что приходило в голову: «Да, подвалило снежку»; «Да, морозец прихватывает»; «Теперь с интервентами в основном покончено»; «Теперь пойдёт дело, ого!»

Он говорил всё это для того только, чтобы вызвать меня на разговор, чтобы создать у меня впечатление, что ничего удивительного не происходит. Просто идут по пустынной улице два человека и разговаривают обо всём, что приходит в голову.

Вызвать на разговор в настоящем смысле ему меня не удалось. Я отвечал короткими и мало что выражающими словами «гм», «угу». И всё-таки, несмотря на невразумительность моих ответов, что-то вроде разговора получалось, и самочувствие моё становилось лучше.

Да, действительно: идут два человека, разговаривают. Всё нормально. Ничего особенного не происходит.

Наконец, мы вошли в какой-то двор. Во дворе уныло дремала лошадь, запряжённая в высоченную бричку.

– Вот, знакомься, – сказал Антон Семёнович, – это наш Малыш. На нём мы с тобой и помчимся в педагогические пенаты.

То, что лошадь зовут Малыш, это я понял, и то, что на высокой бричке мы поедем, это я тоже понял. А что такое педагогические пенаты – не понял. Оба слова показались мне совершенно загадочными.

– Теперь вот какая у меня к тебе просьба, Семён. Уже около трёх часов. Времени в обрез. Пока я буду бегать по кабинетам, будь другом, получи продукты для колонии. Получать надо там, в полуподвале, видишь?

Небрежно, видимо не придавая этому никакого значения, протянул он мне маленькую пачку ордеров.

Я стоял молча и не брал ордера.

– Ну что же, – спросил Макаренко, – ты, может, неграмотный, расписаться не сможешь?

– Да нет, грамотный, – хрипло ответил я.

– Ну и хорошо. Всякие горшки, мешки и мешочки в бричке под соломой.

Он всунул мне в руку ордера, повернулся и пошёл. Потом остановился и заговорил, как-то смущаясь, будто даже виновато:

– Знаешь, Семён, у меня с этими продуктами вечно неладно получается. Не то меня обсчитывают или обвешивают, не то я сам сослепу путаю, так что, пожалуйста, будь внимателен.

После этого он ушёл.

Я остался в совершенной растерянности. «Может, он решил меня испытать, – размышлял я, стоя посреди двора. – Мало того, что забрал из тюрьмы и одного оставил на улице, как будто я и убежать не могу, так теперь ещё ордера всучил. Может, это проверка? Стану я удирать, а часовые меня захватят». – Я огляделся. Двор был пуст. Даже из окон, кажется, никто на меня не смотрел.

Не то чтобы я решил убежать, хотя мысль о бегстве бродила у меня в голове. Не то чтобы я твёрдо решил остаться. Хотя бродила у меня в голове и такая мысль. Так или иначе убежать можно было и после, а пока надо было получать продукты. Я отправился на склад.

Выполняю больше, чем мне поручено

По совести говоря, на складе я не заметил, чтобы меня пытались обвесить. Мне аккуратно выдали то, что причиталось по ордерам. Я всё уложил в мешки, в мешочки и в глечики – горшки. Всё снёс в бричку и прикрыл соломой. Теперь оставалось ждать Макаренко. Пока можно было спокойно подумать о нём. Я и думал. Не могу сказать, чтобы это были связные рассуждения или цепь догадок. Мысли толпились у меня в голове, совершенно не связанные друг с другом. Возникали и сразу опровергались самые неожиданные догадки, вплоть до того, что Антон Семёнович гипнотизер. В своё время доходили до меня самые невероятные слухи о гипнотизерах. «Как всё-таки чудно получилось, – думал я, – сидел, сидел в тюрьме, вдруг пришёл какой-то Макаренко, взял и вывел». Иногда мне представлялось, что я хозяйственный человек, заслуживающий полного доверия, и что совершенно естественно, мне поручают ордера и продукты. Но тут же я вспоминал о своём прошлом, и мне приходила в голову гораздо более вероятная мысль, что ордера и продукты мне может доверить только человек ненормальный, как у нас на Украине

говорят, «чудной». Словом, мысли толкались в голове без всякого смысла. Слишком мало я видел и знал, чтобы разобраться в происходящем. Впрочем, в то время человек поумней и поопытней меня, вероятно, остановился быв недоумении перед поступками Макаренко.

Раздался голос незаметно подошедшего Антона Семёновича:

– Всё получил?

– Всё, – хмуро отозвался я, – можете проверить.

– То есть как это проверить? – неожиданно резко спросил Макаренко. – Как прикажешь понимать «проверить»? Что проверить? Кого проверять – тебя?

Я не понимал, чем я мог рассердить этого спокойного и вежливого человека. В том мире, в котором я существовал, сказанные мною слова каждому показались бы вполне естественными. Но так или иначе я его рассердил. Это меня испугало. Но Макаренко вдруг улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он, – согласен. Я проверю, что на возу, а ты, голуба, мотай по этажам, проверь все сто пятьдесят кабинетов, все ли я их обегал, чего добился, кто принял меня, кто выставил. Иди, иди. Нет, так мы с тобой не по-человечески будем жить…

– Простите, Антон Семёнович, – буркнул я, – не так… не думал… Минуту мы молчали.

– Вот так-то лучше, – сказал Антон Семёнович. – И ты извини меня, пожалуйста. Трудное это дело, человеческие отношения. Ещё когда в них впутываются буханки хлеба, тюрьма и другая всякая ерунда. Садись, Семён, поехали к чертям с этого двора.

Антон Семёнович легко взобрался на бричку. Я пристроился на облучке.

Пожалуй, первое чувство, которое вызвал во мне своим поведением Антон Семёнович, было удивление. Я бы ничуть не был удивлён, если бы на меня кричали, ругали меня, запугивали, если бы угрожали мне всем, чем угодно, вплоть до расстрела. Я не удивился бы даже, если бы меня стали бить. Всего этого в жизни моей было так много, что хватило бы на долгий век, по глубокую старость. Если Антон Семёнович и не знал подробностей моей коротенькой жизни, то уж в общих-то чертах он мою биографию знал. Знал он и то, или догадывался о том, что поразить, покорить меня могло только спокойное дружелюбие, только подчёркнутая уважительность, только товарищеское отношение старшего к младшему, то есть то, к чему я совсем не привык. Должен сказать, что всё это, действительно, ошеломило и покорило меня. Странно, кажется, но хотя я и знал Макаренко всего полтора-два часа, но вспоминаю, что уже и тогда

я был влюблён в него преданною мужскою любовью младшего к старшему.

Малыш долго раздумывал, надо ли уже двигаться в путь или можно ещё постоять неподвижно. Удивительно это всё-таки была вялая, равнодушная ко всему лошадь.

– Садись, Семён, – сказал Макаренко, – рядом со мною. Теплее будет. А то до самых костей замерзаю. Наши, брат, с тобою шубы одинаково ветром подбиты.

Я слез с облучка, устроился рядом с ним и постарался прижаться теснее. Малыш внял, наконец, подергиванию вожжей, чмоканью и понуканию, тяжело вздохнул и, примирившись с неизбежностью, начал медленно переступать ногами. Мы молчали. Хоть и холодно было мне, а всё-таки необыкновенно спокойно. Малыш медленно трусил по заснеженной улице, а мне хотелось ещё теснее прижаться к этому человеку, который, как я понимал, не похож на всех виденных мною людей. Метров двести отъехали мы от Губнаробраза, когда Антон Семёнович тронул меня за плечо и тихо, будто по секрету, сказал:

– Остановись, голуба. Видишь ли, на складе случилось недоразумение. Я забежал туда, чтобы узнать, когда следующий раз приезжать за продуктами, и кладовщики сказали, что дали по ошибке хлеба больше на две буханки. Отнеси их, пожалуйста, я тебя тут подожду.

Я растерялся ужасно. Я так покраснел, что мне даже стало жарко. Малыш, почувствовав, что его не понукают, сразу остановился как вкопанный. Я сидел, не глядя на Макаренко, и думал: считает ли он, что я украл эти проклятые буханки, или понимает, что я их прихватил просто для общей пользы.

– Только, пожалуйста, скорее возвращайся, а то один я тут совсем замерзну.

Я не слез, а, собственно говоря, сполз с брички, неловкими, не столько от мороза, сколько от растерянности, пальцами я развязал мешок, извлек две проклятые буханки и хмуро поплёлся обратно.

Неужели он подумал, что я украл хлеб?!

Сам я считал, что операцию с хлебом ни в коем случае нельзя считать воровством и возвращать буханки просто глупо. Ведь он же сам говорил, что его обвешивали и обсчитывали кладовщики. Наверное, уж они на нём больше двух буханок заработали. Вот я эти две буханки и взял в счёт недоданного. Правда, взял при помощи воровской техники. Но ведь не украл же, а взял. Плохо то, что я даже не могу с ним спорить. То ли он из вежливости сказал, будто кладовщики ошиблись, то ли и в самом деле думает, что я тут ни при чём. Удивительно получалось глупо. Я,

можно сказать, использовал всё своё богатое воровское умение для того, чтобы помочь этому приятнейшему человеку, и теперь этого же приятнейшего человека приходится стыдиться.

В полуподвал я спустился в отвратительном настроении и, бросив буханки на стойку, буркнул, не глядя на кладовщика:

– Возьмите. Да не зевайте. И сами не обкрадывайте.

Вышел я из полуподвала и остановился подумать: идти к нему или не идти? Я отлично помнил, что стоит только перелезть через невысокий забор, и я окажусь в проходном дворе, то есть вырвусь на оперативный простор. «Подамся в Красную Армию», – думал я. Я точно помню, что думал податься в Красную Армию. О Третьей Кобищанской у меня даже и мысли не было. Потом я представил себе, как сидит, съёжившись в бричке, Антон Семёнович и как его со всех сторон продувают холодные декабрьские ветра. Потом я подумал о том, что Макаренко ещё может решить, что я взял две буханки и смылся. Мне стало ясно, что вернуться необходимо.

Медленно шёл я эти двести метров до брички, пожалуй, медленнее, чем трусил Малыш. «Может, я уже из той колонии уйду», – размышлял я.

Не то чтобы я действительно собирался удирать из колонии. Такой резервный план просто делал моё положение менее безнадёжным. Что ж, мол, возвращаюсь, а не понравится – так уйду.

«А если станет корить? – размышлял я, медленно шагая по снегу. – Если скажет: «Я тебя из тюрьмы забрал, я тебе такое богатство доверил – продукты, а ты…»

Ну и пусть ругает, спорил я сам с собой, может, и правильно, что поругает.

Уже совсем стемнело. Завьюжило. По улице забегали дымки срывающегося снега. Бричка проступала сквозь туман. Маленькой и беспомощной показалась мне съёженная фигурка Антона Семёновича. Так мне стало жалко его, что я бегом пустился к бричке.

– Скорей залезай да поехали, – сказал он.

Он, видно, действительно промерз до костей. Я сел рядом и прижался к нему.

…И последнее

Прошло уже месяца три, как я попал к Антону Семёновичу Макаренко. Я не буду описывать эти три месяца моей жизни, я не хочу и не могу повторять «Педагогическую поэму». И вот в марте 1921 года в колонию приконвоировали нового колониста. Это

был Крамарь, Крамаренко, тот самый, который когда-то втянул меня в шайку и сделал карманным вором. Мы холодно поздоровались. Воспоминания о воровском периоде моей жизни в это время не доставляли мне никакого удовольствия.

– Что тут у вас такое? – спросил Крамаренко. – Командиры какие-то, работать заставляют, давай, может, сообразим что-нибудь вдвоём?

– Нет, – сказал я, – я завязал.

Крамаренко пожал плечами.

– Зря. Ты за бандитизм попал? Ну, бандитам, действительно, сейчас плохо. А карманникам жить ещё можно. Если работать умеючи, то попадаться не обязательно.

Я промолчал. После этого разговора мы с Крамарем долго не сталкивались. Встречались, конечно, в колонии нельзя было не встречаться, но друг на друга старались даже не смотреть.

Крамарь вёл себя в колонии безобразно. Он отказывался от какой бы то ни было работы. Держал себя барином, которого судьба случайно закинула в холопский мир. Я скоро заметил, однако, что он приобрёл немалое влияние среди малышей. Секрет этого влияния разгадать мне было нетрудно. Вдали от глаз воспитателей и от моих, конечно, тоже, Крамарь вовлёк малышей в азартную картёжную игру. Денег у малышей не было, и играли на продукты. У беззащитных парнишек блестели от голода глаза. Встретив Крамаря, я ему сказал:

– Прекрати картёж!

– Донеси, – с вызовом сказал Крамарь.

– Донести не донесу, а будет плохо.

Теперь каждый день в столовой я следил за малышами. Я требовал, чтобы всё положенное им они съедали при мне. Малыши съедали. Отдавать Крамарю им стало нечего. Крамарь косился на меня, но столкновения избегал. Только потом я узнал, что картёж тем не менее продолжался. Теперь играли не на продукты. Ставка была другая. Проигравший становился «рабом» того, кто выигрывал. Выигрывал, конечно, Крамарь. Проигрывали, конечно, малыши.

Однажды днём, зайдя по какому-то делу в спальню, я увидел такую картину: Крамарь, небрежно раскинувшись, лежал на кровати. Босые ноги он просунул сквозь спинку. Пацан десяти или одиннадцати лет почесывал ему пятки. Вид у Крамаря был такой, будто он о несчастном пацане и забыл, а занят какими-то серьёзными размышлениями. У пацана был вид очень испуганный. Кажется, ему хотелось заплакать, но он не знал, как к этому отнесётся «барин». У меня даже в глазах потемнело.

– Уходи, – сказал я пацану.

Вероятно, сказал очень серьёзно, потому что он, не спрашивая у «барина» позволения, испуганно сверкнул глазами и исчез.

Крамарь потерял свой барственный вид и сел, понимая, что разговор предстоит серьёзный.

– И ты тоже уходи, – сказал я Крамарю. – Совсем уходи. Из колонии. Чтобы духу твоего здесь не было!

– Донесёшь? – спросил Крамарь.

– Нет, не донесу. Но жизни тебе не дам. Последний раз советую добром: уходи из колонии.

Кажется, в этот же день, может быть, днём позже, Крамарь исчез.

Я рассказываю про мою стычку с Крамарем, потому что, мне кажется, очень важным сказать про огромную силу педагогического воздействия Антона Семёновича. Он начал меня воспитывать с первого слова, сказанного им ещё там, в кабинете начальника тюрьмы. Прошло только три месяца, как я был в колонии, и уже ни на секунду не возникло у меня сомнений, что малышей нужно защищать, что с Крамарем, старым моим товарищем по воровской шайке, нужно бороться.

И всё-таки были случаи, когда даже огромный педагогический талант Макаренко оказывался бессильным.

Мне ещё раз, уже в последний, пришлось встретиться с Крамаренко. Было это в июле того же двадцать первого года в один из жарких солнечных воскресных дней.

Прибежали малыши, те самые, из-за которых в марте столкнулся я с Крамаренко. Глаза у них были расширены от испуга и от сознания важности того, что они имеют сообщить.

– Крамарь заявился! Велел сказать, чтоб ты к нему на озеро шёл. Он тебя ждёт.

Я пошёл на озеро.

Крамарь сидел на пеньке, одетый хорошо, несколько даже щеголевато, в целых, до блеска начищенных сапогах. Вид у него был, как всегда, очень заносчивый, несколько даже презрительный. Он, наверное, считал себя оскорблённым. Он, наверное, долго готовился к этой встрече, предвкушал её, и подготовился так, что, казалось ему, все козыри у него на руках и проигрыша быть не может. Чуть усмехаясь, он смотрел на меня.

– Чего ж не приветствуешь? – спросил он. – Попроси у меня прощения. Поцелуй сапожок! Может, прощу. А не поцелуешь сапожок – не прощу!

Он вытащил из кармана руку. В руке был браунинг. Дуло браунинга смотрело мне прямо в глаза. Не думая ни одной секунды, я сделал самое умное, что можно было сделать:

стремительно ударил ногой по вытянутой его руке с револьвером. Удар был сильный. Браунинг упал на траву. Всё происходило так быстро, что я даже не заметил, каким образом в руке у Крамаренко оказался нож.

Он занёс его над моей головой. Думать опять не было времени. Рукой я схватил нож за лезвие и сжал его так крепко, что Крамарь не мог им шевельнуть. Потом я отвёл руку с ножом в сторону и кинулся на Крамаря.

Должен сказать, что избиение было страшным. Помню, что лупил я противника нещадно. Нож лежал где-то в траве, а Крамарь, обалделый, растерявшийся, почти не сопротивлялся. Струйки крови текли у него из носа. Я швырнул его в озеро. У берега было мелко, но он лежал под водой не в силах подняться. Тогда я вытащил его из воды, чтобы он не захлебнулся. Крамарь только всхлипывал и утирал кровь. Как боевая сила он перестал существовать. Я подобрал браунинг и сунул себе в карман. На мизинце левой руки, которой я схватил нож, было несколько капель крови. Я решил, что это пустяк, на который не стоит обращать внимания. Потом оказалось, что сухожилие повреждено, и мизинец у меня остался согнутым по сей день. Не обращая внимания на подвывающего, вытирающего кровь и слезы Крамаря, я пошёл от озера через заросли кустарника.

Теперь только я увидел, что почти за каждым кустом сидели пацаны. Колония знала о драке! Колония следила за ходом драки! Колония готова была прийти на помощь. События развернулись так быстро, что этого не потребовалось, но, честно говоря, мне это всё же было приятно.

Любопытные пацаны видели, как, отстонав, отвытирав кровь и слезы, отвсхлипывавши, поплёлся битый Крамарь из колонии навсегда.

Два или три года спустя ему ночью в полтавском сквере всадила нож в спину его собственная возлюбленная. Наверное, много он издевался над ней, если довёл женщину до такого.

Сейчас, когда мне шестьдесят пять лет и за плечами у меня сорок пять лет педагогической работы, я знаю, что драться нехорошо, что дракой не решаются споры, и всё-таки я знаю теперь то, чего не знал, а чувствовал тогда, когда дрался с Крамаренко: хоть и редко, но бывают всё-таки справедливые драки.

Если уж Макаренко не мог переделать Крамаря, значит, никто его не мог переделать. Гниение зашло слишком глубоко. Но уже тогда у коллектива, который создал Макаренко, хватило сил победить Крамаря и извергнуть.

Пятьдесят лет спустя

Без малого пятьдесят лет прошло с той поры, как ленивый Малыш неторопливым шагом дошагал, наконец, до колонии и в темноте вспыхнул неяркий огонёк трубки Калины Ивановича.

– А це шо за молодой человек? Нового паразита привезли? Извиняюсь, молодой человек, вы, наверное, замёрзли? Идить, пожалуйста, в дортуар, это, значит, в спальню, там уже есть таких же пять паразитов.

Я более или менее точно привожу слова, с которыми обратился ко мне Калина Иванович, но не смогу передать то удивительное добродушие, ту грубоватую ласковость тона, которая превращала эти нелюбезные, казалось бы, слова в дружеское, гостеприимное приветствие.

Так началась моя жизнь в трудовой колонии для малолетних правонарушителей.

Про жизнь нашей колонии рассказал в «Педагогической поэме» сам Макаренко. Лучше его не скажешь, и добавить к тому, что он рассказал, мне нечего. Хочу рассказать только то, что мне стало известным много позже, в тридцатых годах, со слов покойного Антона Семёновича.

Я уже был воспитателем, и наши отношения с Макаренко стали дружескими. Дружба эта ничуть не исключала моего глубочайшего к нему уважения. Думаю, что все воспитанники колонии испытывали к нему те же чувства.

И вот, кажется, в тридцать пятом году вызвал меня Антон Семёнович телеграммой. Речь шла о новом назначении, которое он мне предлагал. Сидели мы у него в гостинице, пили чай, разговаривали, и зашла речь о том, как я попал в колонию. Вот что мне рассказал Макаренко.

Первые пять воспитанников были доставлены в колонию под конвоем. Макаренко уже определил свою задачу: «Нового человека надо по-новому и воспитывать». Загвоздка была в том, как именно по-новому. Искать приходилось на ходу, совмещая поиски с изнурительной повседневной работой, с хозяйственной разрухой, голодом и нищетой. Антон Семёнович почувствовал, что неправильно привозить под конвоем целую группу малолетних правонарушителей. Надо решительно изменить порядок.

И вот за несколько дней до того, как вызвать меня из камеры, зашёл он к начальнику полтавской тюрьмы. Антон Семёнович всё время думал, как, собственно говоря, надо выбирать, как принимать новых ребят, с чего начинать своё знакомство с ними и их знакомство с колонией. С конвоя? С расписок? С

некоторыми? Может быть. Со всеми? Ни в коем случае. А с чего иначе? И с кем как знакомиться?

Он искал и не находил решения.

Поздоровались они с начальником тюрьмы, и начальник спросил, как ведут себя его бывшие заключённые. Антон Семёнович ответил, что отлично, и поинтересовался, есть ли новые кандидаты в колонию.

– Есть, – ответил начальник, – и довольно интересные экземпляры. Хотите посмотреть? Я прикажу их вызвать.

– Нет, нет, – ответил Антон Семёнович, – зачем мне на них смотреть. Они не лошади, я не купец. Покажите мне просто их дела.

На первый случай начальник тюрьмы дал ему десять папок с делами. Антон Семёнович понимал, что привозить в колонию сразу десять новых человек слишком рискованно. Он решил положиться на случай и отобрать из пачки каждое третье дело: раз, два, три – моё, раз, два, три – моё, раз, два, три – моё. Отобранными оказались три дела: Плешова, Колоса и Калабалина.

Плешов (в «Педагогической поэме» – Леший), судя по материалам, был бродяжка, мелкий воришка, попрошайка.

Ваня Колос (в «Педагогической поэме» – Голос) – участник банды «Ангела» (был и такой атаман в то время на Украине).

Семён Калабалин (в «Педагогической поэме» – Карабанов) был… впрочем, я достаточно подробно рассказал уже, кем я был.

Просмотрев эти три дела, Антон Семёнович сказал:

– Давайте договоримся, товарищ, что впредь вы не будете без моего согласия направлять в колонию ребят. Я буду к вам заходить, и вместе будем решать, кого к нам направить, когда и как. Во всяком случае, отправлять будете по одному. Пачками я принимать не могу. На первый случай я отобрал три дела. Доставлять этих хлопцев надо по-разному. Плешова просто проконвоируете. Для него это неважно. Это его не оскорбит. Чести у него пока нет. Колоса пришлите, пожалуйста, одного без всякого конвоя. Напишите мне какое-нибудь письмо, неважно какое, и поручите ему отнести это письмо ко мне. А за Калабалиным я приеду сам.

– Товарищ Макаренко, – в ужасе сказал начальник тюрьмы, – вы рискуете! Плешова мы доставим вам в целости. Но Колос и к вам не придёт, и к нам не вернётся. А кто будет отвечать?

Ну, а Калабалин уйдёт от вас без труда. Для него это пустяшное дело. Рискуете, товарищ учитель.

Антон Семёнович рассказывал, что фраза «рискуете, товарищ учитель», казалось бы, простая, деловая фраза, прозвучала для

него откровением. В самом деле, рассуждал он, в любом деле без риска невозможно, как же можно не рисковать в деле воспитания.

Он сказал начальнику, что отвечать за всё будет, естественно, он, и тут же написал расписку «в том, что принял заключённого Колоса и полностью за него отвечает».

Плешов был доставлен в колонию под конвоем. Как ни странно, он почему-то гордился этим. Ему казалось, что конвой придаёт его скромной фигуре некоторую значительность.

Про то, что я вопреки мрачным предсказаниям начальника тюрьмы не убежал, вы уже знаете. С Колосом получилось неожиданно сложно. Он, действительно, пришёл сам, без всякого конвоя и вручил письмо. Трудности начались дальше. Его надо было оставить в колонии, но он упрямо рвался обратно в тюрьму.

Битый час уговаривал его Антон Семёнович остаться переночевать.

– Нельзя, гражданин заведующий, – упрямо повторял он.

– Какой я тебе гражданин, меня зовут Антон Семёнович, – говорил Макаренко, старясь найти менее официальный тон.

– Ну ладно, гражданин Антон Семёнович, – стоял на своём Колос. – Нельзя мне оставаться. Там ещё подумают, что я воспользовался и убежал. Если мне захочется бежать, так я лучше прямо из тюрьмы убегу. А так нельзя.

– Насилу уговорил, – рассказывал, улыбаясь, Антон Семёнович. – Пришлось дать честное слово, что поеду с ним сам в тюрьму и всё устрою. Скажу, что я виноват. Побоялся, мол, отпустить глядя на ночь. Бандитов тогда по дорогам бродило много.

У Антона Семёновича было счастливое лицо, когда он добавил:

– Угадал в нём честного человека.

Интуиция? А может быть, новое отношение к человеку – уважение, доверие?

Кажется, в том же разговоре я задал Антону Семёновичу вопрос, который давно меня интересовал, но который я как-то не решался задать.

– А скажите, Антон Семёнович, – сказал я, – когда вы забирали меня из тюрьмы, помните, мы уже вышли за ворота, наверное, целый квартал прошли, а вы вдруг говорите: «Постой здесь или иди потихоньку, я быстро, башлык забыл». Я вам вслед посмотрел и подумал нехорошо. Наверное, думаю, решил всё-таки конвоира взять. Башлык-то был у вас на плечах.

Антон Семёнович улыбнулся очень смущенно.

– Да, это я маху дал. Так растерялся, что ляпнул про башлык. Тут же спохватился, что он на мне, да уж поздно было. Видишь

ли, я решил, что мы с тобой познакомимся, потом ты вернёшься в камеру за вещами, а я пока напишу начальнику тюрьмы расписку и поручительство за тебя. А ты вдруг заявляешь, что никаких вещей у тебя нет и в камеру тебе возвращаться незачем. Не при тебе же было проделывать эту унизительную процедуру. Я боялся, что начальник тюрьмы без расписки не выпустит, но он, молодец, промолчал. Ну, вышли мы на улицу, положение у меня глупейшее, начальника тоже подводить не хочется, документы оформить надо. Ну вот, мне и пришла в голову дурацкая мысль с башлыком.

В заключение хочу сказать, что риск, на который смело шёл Антон Семёнович, оправдывался его удивительной интуицией.

Плешов прожил безупречно честную трудовую жизнь и сейчас почётный гражданин города Полтавы.

Колос – инженер, уважаемый человек в городе Мончегорске.

Что касается меня, то я много лет работаю директором детских домов, и, пожалуй, нет в Советском Союзе ни одной республики, области или края, где бы не было моих бывших воспитанников.

Когда-нибудь я обязательно расскажу о своей педагогической работе, о многих человеческих судьбах, на которые мне, воспитателю, удалось повлиять, о своих педагогических победах и неудачах.

Это долгий рассказ, к которому надо подготовиться, многое вспомнить, многое ещё раз продумать.

Пока на этом я обрываю свои воспоминания.

Я стал гражданином [2]

В 1903 году, месяца не установлено, но мама довольно «точно» утверждала, что не то за неделю до Петра и Павла, не то после, во всяком случае, не в Варварин день, без всякого предупреждения со стороны судьбы родился я. Отец по этому поводу безнадежно сплюнул в то место избы, где кисли помои и остывал постный борщ, и запыхтел доморощенным самосадом такой крепости, что у некурящего соседа (в доме через улицу) запершило в носу.

Мать уже через час после моего появления, десятого по счету ребенка, топила печь и грела воду с гречневой золой, наверное, для того, чтобы меня сполоснуть, и упрекала сконфуженного отца:

– Ну що, родый, ще одын дармоид? И блызько нэ пидходь до мэнэ: тилькыдо гриха доводышь, просты, Господи.

Жизнь я принял довольно оптимистично. В девять лет мне довелось пережить восторг, которому позавидовал бы каждый: я первый раз в жизни надел штаны. Да, да, настоящие штаны, сшитые из крестьянского холста руками отца, а на другой день я был торжественно отведен в школу.

В десять лет я уже был трехрублевым пастухом у одного кулака, а в двенадцать – восьмирублевым у помещика Голтвянского и пас сразу сто пятьдесят коров.

Оставшиеся в живых братья Ефим и Иван работали на сахарном заводе. У старшей сестры Софьи рос уже парень, мой племянник, старше своего дяди на два года. Андрей, Марк, Мария проходили тяжкие годы трудового воспитания в домах кулаков и в помещичьих конюшнях…

Окончив в 13 лет четырехлетнюю церковноприходскую школу в селе Сторожевом, на Полтавщине, был торжественно переведен в высшую ступень батрачества: наняли к помещику пасти коней.

Как раз в тот период своей жизни я впервые увидел на большом украинском шляху автомобиль: ехал в нем пан Старицкий. Машина так пылила, что казалось, земля взорвалась. От испуга мы, пастушки, попадали, а потом бежали за автомобилем с версту, крестясь на отпечатки шин на пыли.

Потом я решил посмотреть «чавунку» (поезд). Километров 20 шел, а поезда в этот день так и не увидел. Повезло со второго раза и надолго: поезд увез меня в Полтаву… Город меня проглотил. Первое время я был настроен неподкупно благочестиво. Решительно отвергал попрошайничество, считая, что не умереть с голоду можно только трудясь; таскал воду,

рубил дрова, кому-то подносил какой-то товар, продавал пирожки и бублики, убирал дворы, подметал базарную площадь.

Погубило меня сало. Да, обычное украинское сало. Не выдержала душа соблазна. Попробуйте устоять, когда вы последний раз ели, кажется, позавчера, а тут перед вами сидит на возу в гнезде пахучего сена розовощекая дивчина; в левой руке у нее кусочек сала в полкило, а в правой – по л буханки ржаного хлеба. А в мешке рядом… Закружилась голова, слюнки потекли. Я подошел к возу, сгораемый от стыда, и обратился к дивчине:

– Здравствуйте, пожалуйста! Чи не найдется у вас лишнего кусочка сала?

Дивчина с высоты своего воза подозрительно обожгла меня черными степными очами, гневно взмахнула длиннющими ресницами и, не спеша, проглотив сало с хлебом, ответила:

– Геть звидсы, байстрюк босякуватый!

– А, так! – рассердился я. И закричал:

– Дывысь, дывысь, бык быка зъив!

Дивчина от неожиданности обернулась к быкам, сонно жевавшим сено, а я – за мешок и бежать… Первый раз украл.

Свое тяжкое преступление я решил искупить святым делом – стал поводырем слепого. Только оказалось, что он не слепой, что

у него в Полтаве три собственных дома, дети его обучаются в институтах, один сын – офицер. А какой он был жадный и жестокий, тому свидетели моя исполосованная спина и клок вырванных волос на голове.

Как-то я не сразу отдал ему пожертвованную копейку, ну и поплатился. Однако стерпел. Но, оказавшись свидетелем его развратной пьянки в обществе «слепых», я был до того поражен лицемерием, что, не сочтя за грех, похитил его месячный сбор наличными – что-то около сорока рублей – и сбежал.

Около трех месяцев бродил с цыганским табором. Побывал почти на всех уездных ярмарках Полтавщины. Научился залихватски плясать, гарцевать на дохлых клячах, сбываемых цыганами мужикам за золотые или в обмен на добротных коней.

Да, в Полтаве сгреб меня мой «слепец» и сдал в полицию, предварительно отделав так, что я еле душу уберег.

Из полиции меня отправили в колонию для малолетних преступников. Там под командой дядек я был возвращен в лоно православной церкви. За полтора месяца восстановил в памяти все молитвы и выучил несколько новых. Только вскоре мне стало скучно, особенно после очередной порции розг. Чистка форменных пуговиц, лицемерные молитвы четыре раза в день, словесность вроде «Его высочество цесаревич», не помню уж, как она начиналась и чем кончалась, помнится только что-то

длинное. Все это не вызывало во мне восторга, и я ушел.

А тут как раз и началось… Бегут, стреляют, песни поют, плачут, обнимаются, спешат; флаги, кожанки, оружие… Сколько его и у кого хочешь оказалось. Революция…

В один из тех дней в Полтаве я присоединился к группе вооруженных людей. Бежал с ними, кричал «Ура!». Ворвались в какие-то здания, начали выносить винтовки, патроны, гранаты и прочее военное добро. Я работал, не помня себя. Вместе с этими людьми, нагруженный винтовками и патронами, я ушел из города в деревню, укрывшуюся в лесу на берегу реки Ворсклы.

– Ну что ж, хлопчик, ты мне понравился. Пойдем к нашему командиру, буду за тебя ходатайствовать, чтобы, значит, оставили тебя в отряде, – предложил мне человек, который был рядом со мною еще в городе.

Подошли мы к нарядной, беленькой с узорами хатке. Возле нее толпились люди – штатские, военные, увешанные пулеметными лентами. Люди входили в хату и выходили из нее. Вошли и мы. Признаться, я трусил: «Что это за командир, к которому меня ведут?»

– Иван Афанасьевич, – обратился к кому-то мой покровитель. – Вот мальчуган дельный. Прошу за него. Со мною будет. Беру его на выучку.

Я поднял глаза. И что же? Передо мной посреди хаты стоял… ни за что не догадаетесь – мой родной брат! Он-то и был главным командиром!..

Какой это был хороший день!

Воевал наш отряд здорово. И с немцами, и с деникинцами, и с белополяками, и с гайдамаками, и с петлюровцами, и со всякими там маруськами… Два раза я был ранен. И под конец значился вестовым командира 1-го Советского украинского имени Тараса Шевченко полка.

В мае 1920 года мой брат, Иван Афанасьевич, был зверски убит террористами из шайки украинских националистов. Я поклялся отомстить за любимого брата и за отца. Знал я, кто выдал на расправу немцам-оккупантам отца пятерых красных сыновей, кто рвал его тело шомполами и то, как гнали его, окровавленного, в Полтаву сорок пять километров пешком.

Я сколотил группу в полсотни человек. Но из моей задумки ничего доброго не получилось. В группе почему-то оказалось много всякой шантрапы, и она превратилась в обыкновенную шайку грабителей. Действия ее привлекли внимание властей. Командиру губернского конного резерва милиции товарищу Калабалину Ефиму Афанасьевичу было приказано ликвидировать шайку, а атамана под кличкой Цыган изловить и доставить в

Полтаву.

В ноябре в одной деревушке, в 50 километрах от Полтавы, шайка была настигнута и ликвидирована. Я предстал перед Калабалиным. Брат узнал брата. И лучше бы нам было не встречаться…

Плохо бы мне пришлось как атаману, но суд не состоялся: спас указ ВЦИК о создании Комиссии по делам несовершеннолетних.

В декабре того же 1920 года я был вызван в канцелярию начальника тюрьмы, что на Кобелянской улице в Полтаве. У стола начальника сидел незнакомый мне человек в фуражке, потертой шинели, с башлыком на плечах. За стеклами пенсне весело блестели его глаза.

– Фамилия, имя, отчество? – обратился ко мне начальник.

– Разрешите мне, товарищ? – хрипловатым голосом перебил начальника незнакомец и повернулся ко мне:

– Так, значит, ты – Семен? Давай познакомимся. Я – Антон, а отец мой был тебе тезкой.

– Стало быть, вы – Антон Семенович?

– Да. Охочусь я вот за такими молодцами, как ты. Кое-кто из вашего брата в тюрьмах отсиживается, кто-то на улицах дурака ломает. Короче, поедешь со мной?

– Поеду. Только кто меня отпустит из тюрьмы?

– Это я беру на себя. Значит, договорились? Ты, Семён, выйди на минутку.

Я вышел. Только через добрый десяток лет я узнал, что в мое отсутствие Антон Семенович давал за меня расписку и считал, что этой процедуры как оскорбительной для человека я не должен был видеть.

Ворота тюрьмы медленно раскрылись, и я в сопровождении Антона Семеновича Макаренко вышел на самый яркий отрезок дороги моей жизни…

В 1927 году Антон Семенович благословил меня на трудный, но славный путь воспитателя. Этому своему пути я не изменил в течение вот уже двадцати пяти лет.

В первые годы я работал непосредственно с Антоном Семеновичем, под его руководством в колонии имени М. Горького, а затем в коммуне имени Дзержинского.

В 1931 году я спросил разрешения у Антона Семеновича на испытание своих сил, проверку опыта, а главное, действия его системы в других условиях и под началом не самого Макаренко. С этой целью я уехал на работу в систему Ленинградского гороно. В первый раз вдали от своего воспитателя и учителя, с глазу на глаз с тысячами трудностей и неожиданностей я дебютировал уже

на самостоятельной работе – был заведующим Комаровской колонии и общежития подростков, завучем Будянской детской колонии.

Окажусь ли я достойным учеником своего учителя? Оправдаю ли его доверие и надежды?

В Ленинграде я был один, но со мною была система Антона Семеновича. В Ленгороно меня предупредили, что это учреждение подлежит расформированию, так как оно неисправимо запущено. Если бы мне удалось наладить там работу, Ленгороно готов отсрочить ликвидацию школы-колонии. Я обещал уложиться в самые короткие сроки.

Через три месяца моя победа не оставляла сомнений.

В апреле 1932 года сводный отряд «РМ» («Разведка моря») перекатывал через шоссе бревно. Мальчик с красным флажком в руке остановил шикарную легковую машину. Из нее вышел начальственного вида товарищ.

– Здравствуйте, ребята! – приветствовал он работавших.

Дети на миг прекратили работу и взметнули в пионерском салюте правую руку:

– Здравствуйте!

– Кто же вы будете? Кто из вас старший?

– Командир сводного отряда «РМ» – я. Мы – воспитанники школы-колонии 66. Наш сводный отряд подбирает на взморье бревна. Перекатываем их в колонию. Другие ребята распиливают их на доски, а третьи производят ремонт, строят спортивно-военный городок, лодки… Да мало ли на что в хозяйстве доски нужны…

– Гм… Не так давно мне докладывали, что у вас в колонии безобразия творятся. Так как же?

– Верно, были безобразия: но это было давно. А вот уже три месяца, как этим безобразиям положен конец. Теперь всему голова – совет командиров, и пусть кто попробует…

– Жаль, что спешу, заехал бык вам. Но я приеду, обязательно приеду. Привет от меня всем ребятам, вашим руководителям и этому… как ты сказал?..

– Совету командиров.

– Вот. Совету командиров. До свидания!

Машина ушла в направлении города. Сводный отряд «РМ» продолжал таскать бревна во двор колонии. А вечером на рапортах командир отряда докладывал:

– Вытащено из воды семь бревен, они доставлены на склад. Видели товарища Кирова, он всем передал привет и обещал обязательно заехать. (Возможно, это был не Киров, но ребятам очень хотелось, чтобы был именно он.)

5 мая того же года во двор колонии вкатились пять легковых автомашин. Это была первая экскурсия к нам иностранцев. Приехали английские педагоги. Покидая колонию, они оставили следующую запись: «Мы были чрезвычайно заинтересованы видеть колонию и остались под большим впечатлением от организации дела воспитания детей и царящей атмосферы дружбы и доверия между заведующим и детьми, отсутствием суровой дисциплины и наказания…».

Затем колонию стали все чаще и чаще посещать ленинградские рабочие, студенты пединститутов, учителя…

Как же могло учреждение, являвшее собою дурную «малину», где сто пятьдесят ребят развлекались игрой в карты, пьянкой, воровством, преобразиться в столь короткое время? И не только преобразиться – стать, по общему признанию, образцово-показательным!

А произошло то же, что произошло с Иваном-царевичем, когда он испил живой воды. Система организации детского коллектива А.С. Макаренко, возникшая на Украине, оказалась одинаково живительной и в детских учреждениях Ленгороно. Применил я эту систему в 66-й школе-колонии, как говорится, слово в слово. Результаты были воистину изумительными.

Антону Семеновичу я часто писал – и не просто письма, а письма-отчеты, спрашивал советов и в изобилии их получал. Но в 1934 году, когда у меня был достигнут настоящий успех, о чем я собирался отрапортовать Антону Семеновичу, намеревавшемуся навестить мою колонию, мне был нанесен страшный удар. Мой трехлетний сынишка стал жертвой садиста-подростка, присланного накануне убийства из приемника. Как оказалось, он уже совершил не одно подобное преступление.

Какой-то чинуша от педагогики у еще открытой могилы моего первенца посоветовал мне бросить «это проклятое дело» – колонию: «Ничего, мол, путного из этих беспризорников не получится, а всех нас, как вашего сына, поубивают. Им все можно».

Я так посмотрел на этого педагогического дьячка, что он, не дожидаясь конца погребения, стушевался и скрылся.

Нет, я не бросил «поле брани», не отступил, не изменил педагогическому долгу. И не пищал. Антон Семенович писал мне тогда: «Дорогие мои, я не пишу вам слова утешения, я с вами, чувствуйте меня рядом с собой, как чувствую я вас, ваши плечи, ваши сердца. Бывает иногда в жизни такая заваруха, что, кажись, выхода нет, хоть погибай или отступай. То ценно в нас, человеках-большевиках, что мы отступать-то и не приучены. Верю тебе, Семен, найди в себе силы перенести это страшное горе…»

Со всех концов получал я в те дни письма от своих совоспитанников по колонии имени Горького. Думаю, что и тут не обошлось без подсказки Антона Семеновича.

Через год после этого я получил от А.С. Макаренко приглашение принять участие в организации детских колоний НКВД Украины. Мне было поручено открыть колонию для малолетних рецидивистов в Якушенцах. В этот период я часто общался с Антоном Семеновичем и видел, как он вырабатывал методику воспитания во всех ее подробностях.

Каждое письмо ко мне Антона Семеновича было полно советов, подсказок, которые все вместе могут составить книгу о том, как организовать детское учреждение. Там предусмотрено решительно все: размеры классов, комнат труда и спален, их освещение, расстановка в них оборудования и мебели, пошив костюмов для воспитанников, встреча вновь прибывшего, примерное содержание первой беседы с ним, методика привлечения подростков к общественной деятельности, нормы нагрузки, организация первого урока в школе и т. д.

Мне довелось работать в разного типа детских учреждениях – в колониях, обычных школьных детдомах, домах с так называемыми «трудновоспитуемыми», несовершеннолетними правонарушителями, наконец, в детдоме для испанских ребят. И везде система организации детской среды, методика поведения воспитателя, его педагогического воздействия, применяемые мною по А.С. Макаренко, всегда давали положительные результаты.

Разработанные А.С. Макаренко методика и система воспитания хороши тем, что остались на долгие годы. Я не знаю случая, когда бы они себя не оправдали, как не знаю и брака в работе. На совести моей и моей жены, Галины Константиновны, нет ни одного пятна, которое помешало бы нам смотреть открытыми глазами в глаза Родины, в глаза десяти тысяч воспитанных нами граждан.

В мае 1939 года Мосгороно предложил мне «вылечить» детский дом № 3.

– Пропадет мой колхоз, если не закроют детский дом или не наведут там порядок, – сокрушалась председатель колхоза Егорова.

Через год она же провозглашала на празднике первого снопа в детдоме:

– Спасибо детям и руководителям детдома за помощь колхозу, за образцовый порядок в вашем доме.

Кажется, ни в одном детском учреждении мне не удалось так точно повторить колонию имени М. Горького, как в этом детдоме.

Самое же радостное из его истории – то, что до крайности запущенная ватага из трехсот мальчиков и трехсот девочек была спасена и возвращена Родине в образах полноценных граждан. И все благодаря воистину целебной системе А.С. Макаренко и людям, двигающим ее.

В первый день войны уехали гостившие в моей семье бывшие мои воспитанники Задоров, Голос и Ужиков. На второй день я подал заявление в Сокольнический райком ВКП(б) о зачислении меня в ряды действующей Красной Армии. Через месяц моя просьба была удовлетворена. Передав детдом своей соратнице, другу и жене Галине Константиновне Калабалиной, я ушел на фронт.

О своей скромной работе в тылу врага говорить много не стану. Но скажу, что никакие страдания и лишения не сломили воли и чести советского человека, воспитанного нашими педагогами. Бывали минуты отчаяния, и тогда я думал: «А как бы поступил Антон Семенович? Не пищать, Семен! Перехитри врага, победи его…»

Дисциплина [3]

Весна 1922 года. Колония имени Максима Горького.

Как сейчас помню разговор с Макаренко:

– Антон Семёнович, отпустите меня домой.

– Что ж, можно. О матери подумал? Хорошо! Это очень хорошо!

– Да нет. Откуда вы взяли, что я о матери думаю? Я об отце больше… И так, вообще, хочется побывать дома.

– Семён! – И Антон Семёнович как-то так на меня посмотрел, что во мне сразу всё затрепетало. – Не стыдись, Семён, любви к матери. Любить мать может только настоящий человек. А отпуск надо оформить. Ты – командир, без совета командиров я отпустить не могу. Но поддержу.

– Спасибо!

На совете командиров Шершнев, разглаживая о голое колено моё заявление, устно излагал его содержание:

– Так вот, командиры, Семён просится в отпуск до субботы в своё, значит, село, в Сторожевое. С отцом, с матерью повидаться. Кто будет говорить первым?

– Да что тут говорить? – отозвался Гриша Супрун. – Семён – первый командир, колонист, да и на рабфак же идёт… Моё такое мнение, что надо дать отпуск.

Проголосовали, и я получил бумажку:

> «Удостоверение
>
> Дано настоящее колонисту Семёну Калабалину, колонии имени М. Горького, в том, что на основании решения Совета командиров ему предоставлен отпуск в Чутовский район, село Сторожевое, с понедельника 22 мая 1922 года по субботу 27 мая 1922 года до 12 часов дня.
>
> Заведующий колонией
> А. Макаренко
> С.С.К. Н. Шершнев»

Версты две меня провожали ребята, а потом, пожелав мне весёлого отпуска, помчались назад. К вечеру я был в родном селе. Как-то по-особому меня приветствовали дворняги, я вдыхал знакомые вечерние запахи села, слушал скрип телег, дребезжанье плугов и возгласы возвращающихся с полей пахарей.

А вот и мост. Церковь. О, меня кто-то узнал! Я услышал чей-то голос:

– Калабалинский, самый младший, про которого говорили, что убит.

А вот и наша хата. Мать!.. Она смотрит на меня. Узнала!

– Мама!

Я обнимаю её, губами собираю на её щеках слёзы материнской радости.

…Мать! Она одна, и она неповторима.

Дни словно взбесились. Утром, только утром, был вторник, а вечером – уже среда. Я ни на одну минуту не забывал, что в отпуске, что я принадлежу колонии, коллективу, что мой дом там, но и в семье было тепло и весело. Дома готовились к свадьбе. Женился старший брат. Приходили соседки, о чём-то с матерью перешёптывались, что-то приносили под передниками. Только одному брату, виновнику всех этих предсвадебных хлопот, можно было ничего не делать.

Нежась ночью на телеге с сеном, я вдруг вспомнил, что завтра, в субботу, мне надо быть в колонии. Да, завтра и не позднее 12 часов. Иначе – позор! «Опоздал из отпуска». А как же свадьба? Молодёжь, танцы… Лучше меня ведь чёрта с два кто станцует! Я вскочил с телеги и побежал в хату. Отец уже спал, а мать возилась с тестом.

– Мама! Я завтра утром должен уже идти.

– Куда? Что ты, бог с тобой!

– В колонию. У меня отпуск, мама, надо идти.

Поднялся с постели отец, встали и брат с товарищами. Все зашумели:

– Ничего тебе, Семён, не будет. Свадьба, брат женится. Это же тебе не симуляция какая.

– Думала, хоть в такой день всех увижу! У людей все вместе, все на глазах, а я растеряла своих, всех растеряла, – жаловалась мать, склоняясь над горшками.

– Так, говоришь, нельзя? – спросил отец. – Ну, что ж… Раз нельзя, так нельзя. Иди, спи перед дорогой. Путь-то не близкий.

В пять часов утра я уже был на ногах. Мать, не переставая плакать и упрашивать, завязывала узелок со свадебными яствами. Отец подал «папушу» душистого табаку:

– Возьми. От меня передай Антону Семёновичу. Видно, человек он большого ума и сердца. Берегите его… А табак, скажи, доморощенный.

– А может, всё-таки останешься, Сенька? – просил брат.

– Нет, Андрей, не могу. Порядок такой. Сам голосовал. Антона обижу, всех обижу. До свиданья!

Хоть и сосало под ложечкой, выть хотелось, но меня влекла другая, ни с чем не сравнимая сила, – коллектив. Долг перед

коллективом.

В одиннадцать часов дня я влетел на квадрат двора колонии, окружённого каре сосновых полчищ.

– Семён! Семён! – закричали колонисты, подбегая ко мне изо всех углов колонии.

Я кому-то бросил в руки узел, а сам побежал в кабинет:

– Здравствуйте, Антон Семёнович!

– О, Семён! Здоров!

Антон Семёнович поднялся. Обнялись, как будто годы не виделись.

– Садись, рассказывай.

– Да чего же там рассказывать?

– Всё рассказывай! Как живут дома? Как идут дела в селе? Чем народ занимается?

– Ну, как живут? Хорошо живут. Отцу моему дали хату, земли пять десятин… Всем земли дали! Помещичью землю, лошадь и корову дали.

– Угу… хорошо. А табак хороший!

– Хорошо, говорю, живут. Хлеба на поле, как море. Довольны люди. В комсомоле почти вся молодёжь. Читальню организовали, спектакли ставят.

– Очень хорошо! А как твои старики?

– Помолодели. Вчера так пристали – не пускают, да и всё!

– Что же? Хлебопашеством предлагали заняться?

– Да нет. Об этом речи не было. На свадьбу оставляли.

– На свадьбу? Тебя женить вздумали или как?

– Брат женится. Завтра свадьба.

– Брат женится? Ну и дурак, что не остался!

– Антон Семёнович, да как же я мог остаться?

– А-а, Семён! Здорово! – просунулось весёлое лицо Коли Шершнева. – Давай удостоверение, а то опоздание запишу!

И я отдал Коле аккуратно сложенный документ.

– Коля! Собери совет командиров! – сказал Антон Семёнович.

– Есть собрать совет командиров!

Через три минуты дверь закрылась за последним командиром.

– Товарищи командиры, вы простите, что я оторвал вас от дел. Но это тоже важно. Я прошу продлить Семёну отпуск до понедельника. Брат у него женится. Завтра свадьба!

– Дело это важное, – вставила Маруся Терещенко.

– Антон Семёнович! Командиры! – взмолился я. – Зачем же такое? И без меня обойдутся. Я против…

– Брось, Семён! Ведь хочется? – загудели командиры.

– Постойте шуметь! – Антон Семёнович застучал карандашом

по столу. – Не ради тебя, Семён, это делаем, ради матери. Это, может, самое большое для неё счастье… У меня – мать, и у них у всех. – Антон Семёнович обвёл вокруг себя рукой.

– Предложить Семёну в обязательном порядке возвратиться в отпуск! – заключил Шершнёв.

– Правильно! – подтвердили все командиры.

– Есть! – ответил я. – Но прошу выделить ещё одного командира в гости к моим родным.

Мне и Супруну написали отпускные удостоверения, и толпа колонистов шумно проводила нас в путь.

Колония осталась позади.

Глухой лошадиный топот. Оглядываемся.

– Гляди, Гриша! Ведь это наш экипаж. И Мери!

– Кажется… А на козлах никого нет.

Мери убавила размашистый бег и остановилась. Вдруг из экипажа выпрыгнул Антон Семёнович.

– Далеко, Антон Семёнович? Почему без Браткевича? – спросил я.

– Садитесь! Ты, Семён, на козлы. Решил и я погулять на свадьбе.

– Как! Вы к нам? Ко мне, в Сторожевое?!

– А что же тут такого? Сами бродите везде, а я сижу в лесу, как монах. Садитесь. Чего глаза вытаращили?

– Да я никак не пойму как-то, – сказал я.

– Что? Жалко чарку горилки и одного пирога со сметаной?! А?

– Антон Семёнович!

Я крепко сжал его руки, толкнул Супруна на сиденье экипажа, а сам привычно взметнулся на козлы.

Мери бойко взяла с места.

А что творилось со мной!.. Воздух звенел серебром и, казалось, вливался в сердце, наполняя его необыкновенным человеческим счастьем.

…Почти двадцать лет прошло с тех пор, а я и теперь как будто сижу на козлах и мчусь вперёд, полон сил и весенних стремлений.

– Служи нашему народу, Семён! – говорил Антон Семёнович.

И я стараюсь служить. Нет ничего на свете благороднее труда, и нет почётнее долга, чем труд. И мой тяжёлый, но радостный труд педагога связан для меня навсегда с памятью горячо любимого Антона, нашего Макаренко.

Комсомольцы [4]

Тысяча девятьсот двадцать первый год. По Украине ещё бродят разрозненные бандитские шайки. Мы, воспитанники детской трудовой колонии имени М. Горького, стоим на опушке леса, у обочины дороги. Солнце уже зацепилось за водонапорную башню. Пора бы Антону Семёновичу быть дома, а его всё нет. Никогда он так долго не задерживался в городе. Сегодня мы его ждём особенно нетерпеливо: он должен привезти разрешение на создание в колонии комсомольской ячейки.

– Пойдём ему навстречу, – предложил Павлик Архангельский. И мы зашагали по тёплому булыжнику мостовой. Шли молча.

В курчавых юных головах роились догадки о причине несвоевременного возвращения из города завкола. Мы подошли к изгибу дороги, излюбленному месту бандитских засад.

И вдруг остановились. До нас донеслось цоканье подков о мостовую и знакомый металлический скрип нашего фургона.

– А ну, бегом, хлопцы! – сказал я друзьям. Выбрасывая ноги вперёд, мы ринулись навстречу Антону Семёновичу. Наши головы замелькали в кустах подорожной шелюги. Тут движением руки я остановил ребят и заставил «приземлиться». А сам приподнял голову над кустом. Вижу, Антон Семёнович и Антон Браткевич стоят со связанными руками, а перед ними двое бандитов с обрезами. Третий выворачивает карманы у Антона Семёновича, а ещё двое выгружают подводу.

Нас было шестеро смелых горьковцев. Неужели струсим? Никогда! Только напасть неожиданно, не дав опомниться грабителям. Мы подползли к самому краю обрыва и кинулись на бандитов с криками «Стой!»

Не успели опомниться головорезы, как на каждом из них сидел ловкий колонист, поражая свою жертву громом ударов. Самый маленький и юркий из нас, Шелухин, освобождал от верёвок Антона Семёновича и Браткевича, которые не замедлили прийти нам на помощь. Не прошло и пяти минут, как бандиты были смяты и, связанные вожжами, поводками и ремешками, стояли с опущенными головами.

– А, и вы, соседушка, тут! – обратился Антон Семёнович к одному из пленников, узнав в нём местного кулака.

– Отпустите, ради Бога, Антон Семёнович, мы обознались, – взвыл гривастый потомственный бандит.

– Ну как, Антон Семёнович? – обратился я.

– Чего нукаешь, завтра на базаре будешь хвалиться. Подумаешь, умно: прямо с неба на дула обрезов прыгать!

– Да я не об этом, Антон Семёнович, я о комсомоле. Разрешили?

– Будет у нас комсомол? – спрашивал и Костя Кветковский.

Антон Семёнович нахмурился. Мы насторожились.

Антон Браткевич, успевший с ребятами погрузить в фургон копчёных кур, хлеб и что-то похожее на штаны, безнадёжно махнул рукой:

– Чего вы пристали к Антону Семёновичу? Сами попробуйте. Хиба ж можно договориться с оцею каменюкою.

– Значит, нам не доверяют, – заключил Шелухин.

– То не Губнаробраз, а глупнаробраз, – съязвил Павло.

– Собрание считаю закрытым, – заявил Антон Семёнович. – Ступайте домой.

Браткевич уселся на тачанку и усиленно зачмокал на Малыша, бандиты плелись впереди подводы, а мы, окружив Антона Семёновича, заключали процессию. Антон Семёнович говорил:

– Три часа доказывал возможность и необходимость организации комсомола в колонии. В Губкоме комсомола почти не возражают, а Наробраз протестует.

– Протестуют? – спросил Алёша Зотов. – Та за кого же они нас принимают? Чи не контрреволюция там какая собралась?

– А за кого же тебя прикажешь принимать? – заметил Шелухин. – Ты же сам убеждал всех, что ты злостный махновец.

– Та какой же я махновец? – с обидой в голосе отмахивался Зотик. – Я же только двор подметал у махновцев, сапоги им чистил, а они мне за это давали сало и по морде.

Дружный взрыв хохота сопровождал его слова.

– Вот что, хлопцы, – продолжал Антон Семёнович. – Есть у меня такое предложение…

Глаза у ребят заблестели надеждой.

– Постучимся-ка мы с вами в другие двери. Выделите одного-двух хлопцев, и пусть они пойдут в район и попытаются там всё это оформить.

Все разом загалдели.

– А послать надо Семёна, – продолжал Антон Семёнович. – Ему это дело знакомо. Он и комсомольцем уже был где-то в армии. С селянскими ребятами он договорится быстро.

– Правильно! Семёна, Семёна!..

– А чтобы ему не было скучно, и я пойду с ним, – выдвинул свою кандидатуру Павлик Архангельский.

На другой день я и Павлуша с узелком провизии и со списком будущих двенадцати комсомольцев отправились за тридцать вёрст в Перещепинский район. А через десять дней в присутствии

представителя райкома комсомола на торжественном собрании колонии была организована наша комсомольская ячейка.

Антон Семёнович поздравлял нас и говорил:

– Только не задаваться. Вы теперь мои настоящие и первые помощники. Вы – хозяева колонии. Я теперь не один.

И потекли длинные, хорошие вечера. Сидя на лавках, на полу, мы слушали и запоминали первые уроки политической грамоты беспартийного большевика, организатора горьковских комсомольцев незабвенного Антона Семёновича Макаренко.

Прошли годы. И мы, люди, воспитанные Антоном Семёновичем под грохот орудийных залпов гражданской войны заняли своё место среди строителей чудесного здания социализма. Многие из нас находятся в рядах Красной Армии, были участниками славных боёв у озера Хасан, работают на стройке Куйбышевского гидроузла, и везде мы продолжаем борьбу за то, чтобы воспитанный человек жил в мире прекрасном и достойном его…

Раздел II
А.С. Макаренко как педагог в моей жизни

Человек с большой буквы

Ещё не умолкли громовые раскаты гражданской войны, ещё набухали почками и вырастали, как на запущенной ниве, будяки, атаманы, ещё по ночам по сёлам и проезжим дорогам украинские дядьки и титки кричали «врятуйте!». В этот беспокойный 1920 год у подножия педагогического Олимпа появился скромный педагог-революционер Антон Семёнович Макаренко. Ему суждено было стать педагогическим мудрецом, творцом системы воспитания.

Вначале своей замечательной «Педагогической поэмы» Антон Семёнович пишет о том, как перед ним завгубнаробразом ставит задачу:

– Нужен нам такой человек вот… Наш человек! Ты его сделай!

Эту не совсем ясно выраженную задачу Антон Семёнович понял, как должен был понять честный интеллигент, как учёный, ставший под знамя революции. А поняв, Антон Семёнович приступил к её решению, не формально, не как кустарь-одиночка, а как мастер-новатор, как творец-художник, как мыслитель-большевик.

Ураган революции многое разрушил, разнёс в щепки, многое задел, а вот педагогики только коснулся. Её рутина, её консерватизм, каста её педагогических знахарей оставалась патриархально-домостроевски сильна. И это старое не хотело сдавать своих позиций. Оно не умерло вместе с царской Россией, оно желало зло жить и зловонить в самом нежном цехе строительства социалистического государства – в цехе воспитания нового человека, нового человеческого общества. Ясно, что такого человека необходимо воспитывать новыми методами. А вот этих новых методов и не было, да и быть не могло. Их надо было создавать.

«Педагогический Олимп» не только не создавал новых методов, наоборот, всячески тормозил это дело и шельмовал педагогических тружеников, которые творили новое. «Олимпийцы» высидели по-шамански кабинетно-оскорбительную педагогику, а в это время А.С. Макаренко вместе с живым человеком-гражданином создавал коллектив как цель воспитания и коллективную систему воспитания. На голову Антона Семёновича обрушились потоки помоев «педагогической блевотины» с самой вершины «Олимпа».

Макаренко не отступил, он продолжал творить. Ему утвердительно пожимали руку Горький и наследники

Дзержинского – чекисты. Это они предложили Антону Семеновичу создать детскую коммуну имени Ф.Э. Дзержинского. Чекисты – замечательные люди революционной смелости, стражи революции, поняли и оценили гражданское значение учения Макаренко.

В течение семи лет Антон Семёнович создавал детскую коммуну имени Дзержинского мировой известности. Вчерашние беспризорные, девочки и мальчики, сегодня уже сидели за партами средней школы, вычерчивали сложные узоры фотоаппарата «Лейка», работали на сложных заграничных и отечественных станках. Созданный детский коллектив создавал ценности материальные и духовные – Человека. Коммуна имени Дзержинского описана Антоном Семёновичем в его повести «Флаги на башнях».

Антон Семёнович создал науку о воспитании, которая оправдала себя в образах тысяч воспитанных им граждан нашей Родины. Его система живёт и уверенно, победоносно заявляет о себе, о своём праве. Система живёт, а её оскорбители, жалкие космополиты, вроде Легина, падают в яму, ими же вырытую. Антон Семёнович Макаренко был Человеком и воспитывал как Человек – естественно, по-человечески, уважая нас, требуя от нас; воспитывал в труде, в мечте, перспективой, верой в коллектив, служением коллективу, воспитывал самим собою.

Что может быть в наше время важнее дела воспитания высокоидейного, здорового, примерной нравственности человека!

Дело воспитания в нашей стране должно быть отнесено к почётному перечню строек коммунизма, а это значит – дело всенародное.

«У человека должна быть единственная специальность, – говорил А.С. Макаренко. – Он должен быть большим человеком, настоящим человеком».

И это дело наших рук, нашей чести, нашей совести.

(Рукопись)

Выдающийся советский педагог Антон Семёнович Макаренко [5]

Говорить об Антоне Семеновиче нельзя, не говоря об облике педагога-воспитателя, о самом общественном явлении – воспитании подраставшего поколения, о том, как это делается, какими методами нужно воспитывать, и каким должен быть сам воспитатель. Из его рук выходил совершеннейший гражданин.

Встретился я с Антоном Семеновичем в декабре 1920 года. Ох, как это было давно, и был я тогда чуть помоложе. Я был, действительно, молодым, когда впервые встретился с Антоном Семёновичем…

Был на Украине один большой художник Васильковский (Сергей Иванович (1854–1917). – *Л.М.),* которому недавно исполнилось сто лет со дня рождения. Этого художника современники называли «солнечным художником», «художником света», так он изображал все красиво, светло: и небо, и природу, и землю. Вот таким же солнечным, поэтичным был и Антон Семенович. Смотреть на него было красиво, и сам он держался эстетично, красиво, и голову держал эстетично, и все у него было красиво, и походка у него была спортивно-эстетичная.

Антон Семёнович показывал уважение к людям, и во мне он, прежде всего, увидел человека, и этим поднял во мне человеческое достоинство. Конечно, тогда мне это было непонятно. Я был так далек от всяких тонкостей, на мне была кожа, как на бегемоте, а душа была покрыта струпьями красоты…

В колонию я прибыл пятым по счету. Когда я рассказывал ребятам о моей первой встрече с Антоном Семеновичем и о его поведении, когда я сказал Гришке Супруну, что Антон Семенович на меня странно влияет и что я его, вероятно, чувствую в своем сердце, тот мне на это ответил:

– Да ведь Антон Семенович колдун.

На самом же деле это был живейший, умнейший, энергичнейший человек. Человек с большой буквы.

Одно время Антон Семенович и ел, и спал с нами, потому что его комната не была готова. Он делил с нами все невзгоды и тягости 20-х годов, годов чрезвычайных событий и оскорбительного голода. Мы никогда не видели, чтобы Антон Семенович находился в состоянии покоя. Он был все время в состоянии напряжения, легко переходил из одного состояния в другое, от рабочего к гневному, к радости, заразительному смеху, а затем вновь к суровой жестокости.

Сам Антон Семенович также принимал участие в тех воинствующих играх, о которых говорится в «Педагогической поэме». Мы проводили эти игры в радиусе до 30 километров вокруг колонии, и Антон Семенович всегда бывал руководителем в этих играх. Он возглавлял тот или иной лагерь, а я почти всегда возглавлял другую, противоположную партию. Мы выходили далеко за пределы колонии, в естественные условия, в условия преодоления трудностей, причем Антон Семенович такими педагогическими путями лепил из нас настоящих людей и каленым железом вытравливал из нас пороки, которых мы нахватались за годы гражданской войны. Лепил он нас чудесной лепкой и наделил нас рядом живых человеческих достоинств. Как видите, я оправдываю характеристику, данную мне Антоном Семеновичем, и остаюсь неисправимым кокетом.

Многие педагоги даже тех лет упрекали Антона Семеновича:

– Как вы можете в ваших играх допускать лишение пищи своих питомцев?

А у нас игры проходили таким образом: одна из партий уходила из колонии часа в четыре утра и занимала оборонительную позицию, пряча свое знамя; другая партия выступала позднее. Но и той, и другой партии в два часа на двух различных подводах каптёры возили пищу. Борща обычно не варили, но зато давали котлеты, да таких размеров, что их бы хватило на весь Запорожский курень. Но наши ребята обладали нечеловеческим аппетитом, съедали по две котлеты и с удовольствием частенько уплетали двойные порции пищи, захваченные у вражеского лагеря, в то время как другая партия оставалась ни с чем. В связи с этим некоторые педагоги занимали воинственную позицию в адрес Антона Семёновича и бросали в его направление такие стрелы, что он подчас едва уклонялся от них. А я даже не с педагогической, а с общечеловеческой точки зрения считаю, что очень полезно заставить человека терпеть, самому преодолевать трудности и добиваться того, что ему нужно. Не нужно оберегать человека от дурного влияния, но нужно воспитывать в нем способность преодолевать затруднения и различную заразу, в том числе и социальную. У Макаренко это здорово получалось, причем это он делал не в порядке наказания, а в естественных условиях, в рабочем порядке.

Возможен ведь такой случай: сидит семья в двенадцать человек и ждет обед. Сидят с хорошим настроением, может быть, пришли из бани, хорошо помывшись, может быть, в преферансик удачно сыграли. Сидят и ждут хорошего обеда – с пирогом, курочкой. И вдруг что-то случилось, и мама испортила обед, что же ее за это растерзать надо? Можно остаться и без обеда, нужно

так воспитать человека, чтобы он не падал в обморок и не устраивал из-за этого истерику.

Я уже говорил, что и по внешним признакам Антон Семёнович был настоящим педагогом-воспитателем, что все у него было эстетически красиво. Я вспоминаю такой пример. Еще до 1930 года, когда мы в первый раз повезли колонию в крымский поход «Севастополь – Ялта», я тогда впервые после десяти лет неразлучной жизни с Антоном Семеновичем увидел его купающимся. Это было на Черном море, при двух свидетелях (скалах «Монах» и «Дива»), Я думал, что Антон Семенович боится воды, что он никогда не купается, и вдруг вижу, он прекрасно плавает. Когда я спросил:

– Почему вы никогда с нами не купаетесь?

Он ответил:

– Педагог не должен никогда показывать себя во всех своих бытовых подробностях. Когда ты купаешься с приятелями, они видят твою атлетическую фигуру, загорелое тело. А я, когда все закрыто галифе с тужуркой, еще ничего, но вот в голом виде и ключицы у меня несовершенные, и колени острые. Если бы хлопцы увидели, то стали бы надо мною смеяться. Эстетическая ограниченность, может быть, но бытовая откровенность к хорошему не приводит.

Антон Семенович никогда с нами вместе не кушал, хотя во время торжественных собраний и за обедом сидел с нами, но ел он как-то, я бы оказал, шутя. Вообще он исключительно мало ел и говорил, что те, кто много кушают, обычно глупеют. Может быть, это была шутка, но во всяком случае я тоже стараюсь кушать как можно меньше. Он говорил нам:

– Есть люди такого сорта, которые кушают, обрызгивая слюной напротив сидящего товарища, а другие чавкают, как чавкает старая калоша в грязи, а иной так тянет макаронину, что она висит у него изо рта. Как может педагог иметь авторитет у своих воспитанников, если они видят, как он некрасиво ест.

Был у нас такой случай потери авторитета. Здесь сидит один из моих бывших воспитанников из Московского детского дома. Он, может быть, вспомнит нашего учителя математики Давыдова. Этот Давыдов иногда дежурил по детскому дому с 6 часов утра до 11 вечера. В этот день он домой не ходил, а кушал в столовой. Пользовался этот Давыдов хорошим, деловым авторитетом: он знал математику, в совершенстве играл в шахматы, и вдруг однажды он мне заявил:

– Под меня кто-то подкапывается. Я был самым любимым учителем среди ребят, мое слово было для них законом, а сейчас я чувствую что-то не то.

Стал я наблюдать за этим учителем и понял, что он свой авторитет просто «проел». Авторитет не покупается за деньги и не выдается в качестве обязательной нагрузки студентам: вот вам диплом, а вот вам семь килограммов авторитета. Авторитет – это такая вещь, которая приобретается неизвестно когда, своей личностью, своим отношением к делу, вещам, людям, труду. Может быть несовершенный внешний вид, и в то же время можно казаться обаятельным, привлекать к себе своим сердцем, своей душой, трудовой страстью и умением. А если чего-нибудь педагог не умеет делать и скажет ребятам:

– Ребята, я не умею, может быть, вы меня научите.

И ребята довольны будут научить. А когда говоришь, что умеешь играть в шахматы, и в первой же игре проигрываешь – вот и потеря авторитета. Как мне кажется, на такой почве растет древо авторитета. Только не надо дать этому древу увянуть, надо поливать его, как следует и чем следует.

Как же Антон Семенович наказывал? Следует ли вообще наших детей наказывать? И делают ли наши дети такие проступки, за которые их следует наказывать?

Вам, ленинградцам, может быть, повезло, и в ваших школах «тишь да гладь – божья благодать», и нет таких пороков, за которые следовало бы наказывать детей, но там, где я живу, бывают отдельные случаи, когда детей нужно наказывать.

Как наказывал Антон Семенович? Он говорил, что воспитатель – это командир лучшего звучания, и в любой обстановке он должен немедленно найтись и красиво выйти из любого конфликтного состояния. Бывает так, что учитель впадает в конфликтное состояние с детьми, но этот конфликт сам не умеет разрядить и бежит к директору, а директор в ответ:

– Что я могу сделать, сам заварил, сам и расхлебывай.

Да, бывает так.

Мы всегда помним, что повысить голос на ребенка нельзя, стукнуть кулаком по письменному столу нельзя, отчехвостить его нельзя, что… Я уж даже не знаю, что же можно, и зачастую кривим душой. Если уж себя так плохо чувствуешь, лучше стукнуть по столу так, чтобы он разлетелся, а не нести такую травму в душе. Подчас в школу идет воспитатель в состоянии крайнего возбуждения, а что он может сделать для своей разрядки? Только лишь мускульные упражнения, а горит у него душа, ему бы взорваться. Нельзя. А дети знают, что нельзя и ехидничают.

Сдерживался, сдерживался учитель в школе, прибежал он домой. А дома два хороших ребятенка встречают маму. Они тоже в школу ходят, ребятенки хорошие, они и полы к маминому

приходу вымыли, и улыбка на их лицах при виде мамы. А мама, как вошла, да как заорет: отвяжитесь вы от меня, проклятые, оставьте вы меня в покое! Детишки умненькие, все понимают, один другому подмигивает: маму раздразнили в классе. Зачем же вносить раздражение из школы в дом? А подчас раздражение приносят в школу, когда нужно его пережить в своем семейном кругу.

У учителя может быть большое горе, травма. Похоронила учительница свою любимую маму, приходит она в школу через три дня, все еще полна горя, и хотелось бы ей, чтобы в ее трауре не расплескалась ни одна капля горя. В школе, где хорошо организованный коллектив, где умные взаимоотношения у учителя с детьми, дети могут понять это горе. Они будут удерживаться от топтания ногами, от чрезмерного шума, может быть, даже пыль вытрут со стула. И не нужно скрывать это горе. Пусть дети учатся на нашем горе переживать свое горе, разве наши дети проживут без горя, разве у них не будет печали и смерти? И нужно «тренировать» это чувство у них на конкретных фактах.

Конечно, я не представляю себе, что можно сказать ребятам, что нужно запланировать в учебной четверти в плане, как вести себя, когда у вас умирает мама, или как вы должны себя чувствовать, когда вы женитесь не по любви. Нет, но нужно воспитывать на своем собственном примере, и Макаренко так и говорил: я вас не перевоспитываю, но хочу, чтобы вы были такими же, как я сам, и думаю, что за это государство не должно меня упрекнуть. А если выбудете немного умнее меня, я буду счастлив как отец. Лев Толстой говорил:

– Выживите так, как я вас учу, но не так, как я сам живу.

Макаренко говорил:

– Живите так, как я вас учу, и так, как я живу сам.

Как же Антон Семенович реагировал на наши отдельные «художественные» проявления? Только не так, как я сейчас приведу пример.

Было это в прошлом году в одной из школ. Меня пригласили туда поговорить с учащимися как героя «Педагогической поэмы». Но мне не хотелось, чтобы они потребляли мое присутствие, потому что Карабанов – это очередное удовольствие для них. Когда я был в учительской, то стал свидетелем такой картины: вваливается целая компания учащихся вместе с учителем. Среди них одна девочка горько плачет, а к притолоке двери привалилась этакая туша, здоровущий детина. Оказалось, что эта «туша» отрезал у девочки полкосы, вот она и плачет. Завуч подлетает к этой девочке и говорит:

– Что ты разревелась, что он тебе всю косу отрезал, что ли, – а мясистый детина ухмыляется. Меня всего перевернуло. Подошел я к этому детине и прошипел ему на ухо:

– Ну и гадина же ты.

Что же было делать с этим детиной? Нужно было что-нибудь придумать, чтобы этот парень впредь не посягал на чужую честь. Может быть, я эту самую косу прицепил бы ему сзади и заставил его походить по школе, чтобы все как следует посмеялись и чтобы он почувствовал, что делать так нельзя.

Я неоднократно убеждался в том, как Антон Семенович разряжал сильнейшее напряжение в колонии изумительной шуткой, а он умел быстро переключаться с гневного настроения в шутливое. Вспоминаю один эпизод. В 1922 году я влюбился, да так влюбился, как только в романах пишут. Антон Семенович был нашим душеприказчиком, и мы всегда ему обо всем рассказывали, и принимал он это всегда хорошо, без всяких признаков фамильярности или панибратства. Пришел и в этот раз я к нему, рассказал, что влюбился, назвал ее имя – Ольга. Обнял он меня, посадил на диван:

– Расскажи, как все происходит.

И я рассказал, что везде вижу эту девушку, что мне хочется стихи писать.

– Спасибо тебе, – говорит Антон Семенович, – я думал, что вы не настоящие люди, а раз вы стали влюбляться да стихи писать, значит, вы люди нормальные.

И тут же Антон Семенович подсказал мне, как надо любить.

– Ты смотри только ее не обижай, внимательно относись к ней. И так он меня рыцарски настроил, что только однажды я решился на поцелуй, да и то на почтительном расстоянии.

Приехал я в 1924 году на летние каникулы. Целуемся мы со своими воспитателями. Тут и воспитательница Екатерина Григорьевна, и Надежда Тимофеевна, которая сейчас живет в Ленинграде, и вдруг мне один из наших воспитанников говорит:

– Тебя твоя Ольга разлюбила, замуж выходит.

Побежал я стремглав к ней, – действительно, так. Блуждал я, блуждал по лесу и поздним вечером пришел к Антону Семеновичу:

– Все пропало, и рабфак, и все, Ольга меня разлюбила, и я повешусь.

– Это правильно. Вешайся. Но уж если хочешь вешаться, так вешайся подальше от колонии, чтобы не пахло твоим влюбленным трупом.

И так он это мне сказал, что мне расхотелось повеситься.

Вот каким я помню Антона Семеновича Макаренко – умным

человеком, с лучшими человеческими достоинствами, человека с необычайным педагогическим звучанием, человека, у которого есть чему поучиться, человека, произведения которого можно читать как художественные и можно их читать специально для того, чтобы почти на каждый случай в жизни найти ответ; человека, произведения которого можно читать в состоянии тяжелой болезни, чтобы утешиться, и человека, с которым просто хочется поговорить, как с живым. Вот каким я знаю Антона Семеновича, и вот таким, я хотел бы, чтобы вы представляли его себе.

И то, что мы не вымышленные люди, что это не выдумка художника, что из дефективных пацанов выработался коллектив, в этом заслуга Антона Семеновича. Этот художественный, необычайной силы документ – «Педагогическая поэма» – повествует о живых людях, которые находятся среди вас и делают то же, что делаете вы. Я тружусь 27 лет и почти все время работал в колониях МВД, где трудновоспитуемые дети, и только четвертый год я работаю в нормальном детдоме. И хочется заверить вас и перед вашим лицом, и перед доброй памятью Антона Семеновича, что ни одного из своих воспитанников я не сделал бракованным человеком для нашей Родины. Тот мальчик, которого я сегодня здесь встретил, мой бывший воспитанник, сейчас учится на третьем курсе консерватории. Я смотрел на него, и так мне хотелось его поцеловать в самую душу, душу нормального, хорошего юноши – человека, гражданина.

По мере своих сил и возможностей я делаю свое педагогическое дело, и неплохо иногда и кулаком стукнуть, и поставить на свое место воспитанника. Я не понимаю, как можно воздействовать при холодной крови, как можно воспитывать ребенка, если он не почувствует всей нашей страстности. Мы должны воспитывать такого человека, который, если столкнется с посягательством врага народа, с человеком, который задумает совершать диверсию, не скажет ему мягкотело: не надо этого делать, нет. Нам нужно воспитывать таких людей, которые леопардовой походкой подошли бы к этому диверсанту и поразили бы его своим гневом, своей страстностью, да так, чтобы потом органам МГБ нечего было с ним делать.

О моей работе в детском доме

Рассказать, как я работаю сейчас. Трудно. Я тружусь в одном детском доме так же, как трудился сейчас перед вами. И дети у меня хорошие, когда я сообщил, что уезжаю, они сказали:

– Мы без вас будем лучше себя вести.

Когда же я сказал, что ухожу в отпуск, они даже удивились. Этот мой отпуск за 27 лет работы второй, и выходных дней я еще не имел ни одного. Воспитываю я с душой, со страстью, даже с красивой душой. Но у меня есть такие дети, по отношению к которым мне приходится разыгрывать более эффектные сцены, чем разрыв атомной бомбы. Вот такие эпизоды.

Смотрю, идет мой воспитанник не оттуда, откуда должен идти. Увидел меня и сторонкой, сторонкой. Я его окликнул, он подошел ко мне, но все время стремился стоять на определенной дистанции. Конечно, Антон Семенович нас учил, что между нами и педагогом должна быть «лента свежего воздуха», но в данном случае воспитанник стоял уж на очень большой дистанции. Говорю ему:

– Подойди ближе. Ты курил?

Он стал отнекиваться. Говорю:

– В кармане папиросы есть?

– Нет.

– А что же есть?

– Бычки.

– Сколько их?

– 17 штук.

Я ему сказал:

– Подожди меня у дверей детдома.

И когда я подошел к нему, то обратился с такими словами:

– У меня к тебе большая просьба. Я должен выполнить поручение Наробраза, сдать им 1700 штук бычков. Мог бы ты их мне собрать?

Он, конечно, не знает, что такое Наробраз, даже повеселел при моей просьбе.

– Может быть тебе корзинку дать?

Наделил я его тарой из бумаги, и пошел он собирать бычки. Долго он их собирал и принес 26 штук. Я ему заявил, что должен получить завтра к двум часам все 1700. Пошел он снова искать. Долго искал. Принес еще штук 20. Наконец, он понял, что это мера воздействия за курение.

Или такой случай: чувствую, что в кармане моего ученика какой-то инородный предмет. Оказывается, рогатка. Говорит, что сам сделал.

– Значит, ты умеешь делать? Сделай каждому нашему мальчику по рогатке – 65 рогаток, и дал ему чертеж. Возился он долго. Приходит, говорит:

– Нет резины.

Достал я ему резину. Долго его так мотал и довел до такого состояния, что уже два года прошло, а в детском доме нет ни

одной рогатки.

Своего мнения я не навязываю, но мне кажется, что есть такие люди, которых, хотя бы раз в пятилетку, нужно испугать. В одном детдоме мальчик разбил палкой 28 окон. Идет он и окна бьет, а директор детдома сзади идет да просит:

– Петенька, не надо.

Привели его ко мне по распоряжению гороблоно, а этот мальчишка визжит:

– Ябедники.

Я зыкнул на него:

– Моментально под стол.

Даже все испугались, и у Петьки в глазах, естественно, страх отразился. И, представьте, полез он под стол. Если бы я его тогда не испугал, не был бы он сейчас в 9-м классе, не был бы солистом духового оркестра и не дружил бы с моим сыном. Я считаю, что это был хороший педагогический испуг.

Конечно, не только таким путем я общаюсь с моими детьми.

Что так положительно влияло на вас в колонии?

Влюбленность в Антона Семёновича. Это был такой обаятельный человек, что не хотелось его обидеть, и я все готов был сделать, только бы он похвалил. Но похвалами он нас не баловал. Я его однажды спас от бандитов и стал рассказывать в колонии, как напали пять бандитов. А Антон Семенович меня остановил, сказал, что было всего три бандита, и прибавил:

– Зачем об этом болтать!

Что делать, если студент техникума III курса систематически пьянствует, живя в общежитии!

Я сам не знаю, чтобы я сделал. В каждом конкретном случае нужен конкретный подход, может быть, я даже вместе с ним выпил, но так, чтобы он больше уже не хотел пить. Покажите мне сначала этого пьяного, а там я увижу, что с ним делать.

Применяли ли вы опыт Антона Семёновича в системе наказания!

У Антона Семёновича были и противоречия. С одной стороны, он говорил, что по отношению к детям в нашем наказании не должно применяться мер, которые причинили бы моральное и физическое страдания. В другом же месте он говорит, что дети – это наш сад. И если на сад напали гусеницы, то нужно его полить Парижской зеленью, пусть даже при этом листочки поежатся.

Я считаю, что наказание не может быть полезным, если оно не причинит страдания. Даже самая безобидная беседа, и та приносит моральное страдание. Если же еще как следует напугать

или посадить на скамью подсудимых на годок, это будет и физическим страданием, и моральным. Но наказывать нужно так, чтобы причинить либо физическое, либо нравственное страдание, иначе нечего и наказывать. Конечно, я не догмирую, делюсь своим мнением на основе своего собственного рабочего опыта.

Как вы внедряете в практику современного воспитания те идеи и принципы, за которые осуждался Макаренко!

Есть широкие возможности, причем не начетнические, применить в широком творческом масштабе идеи, системы и принципы воспитания Макаренко. Работать с чувством гражданского долга, ответственности за дело воспитания; работать творчески, а не формально-бюрократически. Отдавать себя всего и отдавать себя так страстно, чтобы быть любимым в детской среде так, как любили Макаренко. А мы его любили так, что даже ревновали его к каждой женщине, которая ему нравилась. Мы не допускали мысли, что Макаренко смеет жениться. Правда, одна девушка нам нравилась, и мы даже хотели, чтобы Антон Семёнович на ней женился.

Мой учитель

Выше среднего роста, строен, собран, всегда с приподнятой головой, немного прищуренные глаза светятся добротой, походка быстрая, чеканная и лёгкая – вот портрет моего учителя. Всю жизнь я ношу его в сердце.

Антон Семёнович Макаренко воспитывал нас своим примером, своей высокой внутренней культурой, своим отношением к труду и людям, своей правдивостью. Он был великим мастером-педагогом, но его мастерство приносило такой блестящий эффект только потому, что он любил свою работу.

Делу воспитания он отдал всю жизнь, всегда и во всём являясь для нас великим примером. Он имел право говорить и воспитателям, и родителям:

– Ваше собственное поведение – самая решающая вещь.

Антон Семёнович был очень требователен.

– Не может быть воспитания, если нет требования, – говорил он.

Были ли мы когда-нибудь недовольны его требовательностью?

Нет. Наоборот, установленная им дисциплина в коллективе была нам очень по душе. Мы знали: кому Антон Семёнович больше доверяет, с того он больше и требует. И мы знали, что Антон Семёнович очень верит в наши силы. Ответственное поведение человека всегда основано на соблюдении им требований дисциплины. В ответственности и выражалось отношение воспитанника к дисциплине! Взаимодействие свободы и ответственности, свободы и дисциплины определяло поведение человека.

Путь воспитателя требует особого мастерства. Макаренко был мастером: шел от простых форм жизнедеятельности к сложным, от менее ценных и значительных – к более важным и высоким, от примитивных видов удовлетворения, связанных с органическими биологическими потребностями, – к удовлетворению духовных, нравственных потребностей. И действовал как мастер: необыкновенно осторожно, тактично и непосредственно, то с неподражаемым юмором, развенчивающим «героя», то выражая протест и беспощадное осуждение, то гневно взрываясь и вызывая к жизни, если пока ещё не сознание подростка, то на первый раз хотя бы страх.

И в каждом случае он действовал по-разному, по-новому, не повторяясь, убедительно, совершенно искренне и не колеблясь.

Теперь мне припоминается, что в бригаду по борьбе с

самогоноварением привлекались как раз такие ребята, которые любили выпить, и не раз в этом уличались.

В особый ночной отряд по борьбе с грабителями на дорогах привлекались воспитанники, которые в колонию были определены за участие в грабежах. Такие поручения изумляли нас. И только спустя много лет мы поняли, что это было большое доверие к нам умного и чуткого человека, что этим доверием Антон Семёнович пробуждал у нас к действию спавшие до этого лучшие человеческие качества.

Забывая свои преступления, мы даже как бы и внешне преображались, становились в позицию не просто критического отношения к преступлениям, совершаемым другими, – мы и протестовали, и активно боролись с ними. А во главе этой борьбы был наш старший друг и учитель. Он вместе с нами заседал по ночам, подчас рисковал своей жизнью. Нам было бы стыдно предстать перед столом нашего учителя в роли нарушителя даже за самый малый проступок после того, как мы с ним, быть может, рядом лежали в кювете у дороги, подстерегая бандитов.

Какой простой и мудрый стиль воспитания! Какая тонкая, ажурная педагогическая роспись! И в то же время какая прочная, стойкая, действующая без промаха, наверняка!

Как часто мы доставляли ему страдания своими выходками! Бывало, скажешь ему:

– И чего вы, Антон Семёнович, тоже расстраиваетесь? Не стоит этот паршивый Васька, чтобы из-за него так мучиться.

– Нет, – отвечал он. – Без душевных мучений, пожалуй, ни одна мать и ни один отец не вырастят хорошего сына или дочь. Так и у нас. Меня не столько волнует твоё сегодняшнее благополучие, сколько то, каким ты завтра будешь. Каким ты должен быть, я знаю. Но прежде чем этого добьёмся, будут у нас и терзания души, и сам ты не раз покорчишься от педагогических атак.

Не для любования нам ты нужен, голубчик, а для большой жизни, которая потребует от тебя полной отдачи духовных и физических сил. И к этой отдаче ты должен быть готов.

Бесконечно многообразны методы воспитательного действия Антона Семёновича. Но главное заключается в том, что он воспитывал всех и каждого из нас в коллективе, через коллектив, в труде, самим собой – личным примером, словом и делом.

Зная очень близко Антона Семёновича Макаренко с 1920 по 1939 годы, я не помню за ним ни единого промаха как в общественной, так и в личной жизни. Ясно, что он был для нас постоянно действующим, самым живым и убеждающим примером. Нам хотелось хоть чем-нибудь быть похожими на него:

голосом, почерком, походкой, отношением к труду, шуткой. Каждый из нас имел право на сыновние чувства к нему, ждал отцовской заботы, требовательной любви от него и изумительно умно ими одаривался.

Мне кажется, что А.С. Макаренко менее всего дрожал над тем, чтобы создать ежедневные благополучные условия и удобства для нас, подростков. Более всего Антон Семёнович трудился над нашим благополучием в будущем, над благополучием тех людей, среди которых нам придётся жить. Какие умные и подвижные, удовлетворяющие юношеский задор формы общественной и организаторской деятельности придумывал Антон Семёнович!

Каждый колонист входил в отряд и участвовал в работе по хозяйству: на огороде, на заготовке дров, на скотном дворе, в мастерской и т. д. Должность командира была у нас сменной, но не строго выборной. Все мы получали навыки организаторской деятельности, все учились оправдывать доверие своих товарищей, Антона Семёновича и всего педагогического коллектива. Именно поэтому все чувствовали себя хозяевами колонии, все болели душой за её судьбу, старались лучше работать. И когда к нам приходили новички, воспитательное воздействие на них оказывалось не только со стороны Макаренко и воспитателей, но и самих колонистов. В такой обстановке ребята быстро избавлялись от дурных привычек и скоро находили нужный тон и стиль поведения.

Очень внимательно следил Антон Семёнович за нашей учёбой, за чтением. С каким жаром рассказывал он нам о блестящих перспективах, которые открываются перед высококультурным человеком! И неудивительно, что почти все воспитанники колонии имени Горького впоследствии получили высшее и среднее образование.

Однажды мы организовали в колонии театр. Настоящий театр, со сценой – просторной и высокой, со сложной системой кулис и суфлёрской будкой. Пьесы мы ставили серьёзные, большие, в четыре-пять актов, работали над спектаклями долго и терпеливо. Уже после третьего спектакля слава о нашем театре разнеслась далеко за пределами Гончаровки. К нам приезжали крестьяне из соседних сёл, приходили рабочие-железнодорожники, а скоро стали наезжать и городские жители. Антон Семёнович обычно был за суфлёра, а иногда играл одну из главных ролей.

Много времени мы отдавали военным занятиям и физкультуре. Учились ходить в строю, владеть винтовкой, увлекались лёгкой атлетикой, плаванием. Особенно любили

мывоенные игры. Антон Семёнович и здесь всегда был с нами. Играли с нами и другие воспитатели, технический персонал и даже сельские ребята – наши соседи. Надо было обнаружить знамя противника и овладеть им. Действовать приходилось в радиусе до 20 километров. Мы разделялись на две группы. Антон Семёнович обычно возглавлял одну из них. Он не только не тяготился игрой, а, напротив, очень увлекался ею: наравне со всеми бегал, прятался, маскировался. Такие игры воспитывали в подростках качества будущих воинов: сметку, выносливость, готовность жертвовать собой во имя чести коллектива.

Когда меня спрашивают о системе А.С. Макаренко, когда некоторые утверждают, что система Макаренко была пригодной только для исправления беспризорных, колонистов и только для *того* времени, а не для *нас и наших* школ, одним словом, что это – история прошлого, я отвечаю так: нет, эта система – наука о воспитании, делании *человека.*

А.С. Макаренко был человеком, преданным государственному делу, патриотом; он любил Россию, оберегал её прошлое и строил её будущее. Вдохновенно увлечённый педагогической деятельностью, он отдавал ей всего себя. Пребывал в постоянной рабочей готовности, был честным, смелым, всегда новым, неожиданным. Нравственная красота его приятно сочеталась с мужественной внешностью, собранностью и чистоплотностью. Он верил в человека и заботился о нём, нетерпимо относясь к порокам. Всего себя он отдавал новой педагогике – воспитанию человека, гражданина своей страны.

Эта боевая, творческая человечность и есть «соль» его педагогической системы.

Воспоминания о жизни и педагогической деятельности А.С. Макаренко [6]

А.С. Макаренко – человек исключительной творческой страсти и юношеского задора. Мы, воспитанники, смотрели на него не как на воспитателя, а как на нечто отдаленное. Он был для нас символом, постоянным товарищем и в труде, и в игре, и в фантазии. Он мог так заразительно нарисовать перспективы, и настолько они были реальными, что хотелось каждому улыбаться, сорваться с места и двигаться с творческим коллективом для их достижения, все равно каких. Все знали, что все эти перспективы, дальние и средние, государственной важности, личной важности.

Антон Семенович умел здорово раскрыть человека, человека вообще, и юношу в частности. Для этого использовал различные методики и приемы, порой выходя за рамки уставов и правил, принятых в педагогике. Если можно так выразиться, он занимался собиранием человеческого фольклора. Он ухитрился за 35 верст поехать ко мне в село, где я родился, на свадьбу моего брата, вместе с бабками, крестьянами, бородатыми дядями пел песни, откуда-то он знал старинные свадебные песни и чокаться умел по-особому, как нужно в таких случаях. И, бывая на таких свадьбах, он имел соприкосновение с родителями, с природой, к которой имел отношение воспитываемый им, и это давало ему несравненный материал для настоящего, гигантского раскрытия личности, конечно, для того чтобы в эту личность вложить то нужное, что требуется от нас во имя воспитания.

Я не знаю ни одного воспитанника из многочисленного коллектива колонии имени Горького и имени Дзержинского, который бы опять вернулся на улицу, за исключением одного, исключительно одаренного художника и одаренного мошенника. Его принимали члены правительства, ему удалось побывать в Кремле и все это делалось во имя мошенничества. Все остальные люди – командиры, летчики, если не орденоносцы, то замечательные стахановцы, педагоги, все передовые люди. 86 орденоносцев, и я буду орденоносцем.

Антон Семенович очень оберегал свой коллектив. Может быть, иногда до смешного оберегал. Он не позволял никакого постороннего вмешательства в коллектив. Я приведу такой случай. (Еще в первом коллективе в Полтаве, который был колонией для несовершеннолетних правонарушителей и при Николае II, в 1916 году я имел счастье там быть. Там был не педагог Макаренко, а дядька, была дежурка и на стенах висели

пучки розг.) В 1921 году бушевал страшный бандитизм на Украине, и на большой дороге «Харьков – Полтава», в полукилометре от расположения колонии каждое утро мы констатировали 3-4-5 повешенных или труп есть, а головы нет.

Однажды в два часа ночи мы просыпаемся в спальне, все 60 человек, от какого-то не совсем естественного ощущения, и первое, что было замечено, это дуло револьвера, направленное против каждого, и сам Макаренко под конвоем поднял страшный крик:

– Вон, мерзавцы, отсюда!

Милиция отступила, но Антон Семёнович тут же сказал, что нужно бороться с бандитизмом. Были приняты меры. Мы выловили 27 бандитов, из них 12 оказались местными кулаками. Бандитизм в нашем районе был ликвидирован навсегда.

Чем определяется, мне хочется сказать как практику, творческая, созидательная деятельность детского коллектива, тем паче коллектива, который мы привыкли называть трудновоспитуемым? Между этими детьми и детьми школы никакой разницы нет. Детский коллектив включается в серьезную созидательную, творческую жизнь, которая их окружает. Для этого используется все: и труд, и театр, и художественное слово, и кисть, и музыка, и спорт. Главное, чтобы они знали: от того, насколько они будут целесообразно, разумно и честно создавать, творить, настолько будет благополучна и их собственная жизнь.

От того, что у нас в детских домах насаждается: что дети не должны сами полы мыть, что они и то, и то, и то не должны делать, а только должны потреблять, мы и имеем такие скучные вещи. Такие дети смотрят на нас, как на тех, которые все должны для них, а они – ничего. Мы пришли в детских домах к тому, что у нас растут иждивенцы. Что это за претензия на аристократию? Кто из педагогов не встает до школы, чтобы помыть полый приготовить обед, и кто не знает, что если один ребенок идет в школу в двенадцать часов, а другой в два, то последний накормит и оденет младшего. Так что же это за эксплуатация ребенка?

Мой детский дом находится в ста километрах от Москвы. Ко мне приезжают некоторые товарищи и говорят:

– Ах, так у вас полы моют девочки по 17 лет.

Девочки с большими претензиями на другие правила нашего общежития. В колхозах 14 —15-летние девочки и мальчики зарабатывают по 14–15 трудодней. А у нас 16-летние девочки носят челки и банты, а мы, воспитатели, должны подметать? И меня бьют ежедневно. Я отчитывался на районном партийном комитете, и мне сказали:

– Товарищ, это дело надо прекратить.

Я сказал:

– Вы повторяете Щедринского бюрократа – закрыть Америку!

Я пытался применить в детском доме под Москвой методы Антона Семеновича, создать, прежде всего, ему памятник – нормальный морально устойчивый детский коллектив, способный выпускать в жизнь таких людей, как я. А мне говорят:

– Так, вы макаренковщину насаждаете, вы командирскую систему заводите, порочную систему заводите, ни за что в жизни!

Нам говорят: «Вы не должны повышать голоса на ребенка». Я повышал, и часто повышал голос и исправил этим многих. Нам обязательно нужно и повышать голос, чтобы не было никаких недоразумений. Могу показать на примере.

Мне сказали, что никаких ревизий не будет, принимайте 550 детей и спасайте разложившийся коллектив. На 32-м году советской власти я застал в Подмосковье детский дом, где дети лезут в землю. Нарыли вокруг катакомбы, сидят там, хрюкают и ни на что не реагируют. Волосы длинные, сидят на крышах, бьют воспитателей и бьют девочек. Когда я согласился взять этот дом, то думали, что я сумасшедший человек. Когда меня спросили, чем мне помочь, я сказал:

– Будьте любезны, месяц не приезжайте и не мешайте работать.

Потом приехали. Что такое? Чисто, мальчики в трусиках, девочки без челок, все говорят «здравствуйте», «извините, пожалуйста». Я этого достиг благодаря применению методов и форм страстной души А.С. Макаренко. Я применил и труд, и игры, и вместе с ними превратился в мальчика, как когда-то Антон Семёнович, и здорово поругали меня за то, что дети сами сажают картошку.

Мне разрешают под Москвой создать учреждение по типу и подобию Антона Семёновича. Если я буду вредить, гоните меня, если я создам, а я уже создал, нужно это обнародовать, чтобы оно было достоянием всей нашей когорты педагогов.

Что можно создать сюсюканьем? У меня был воспитанник – Шумаков, у него один глаз остался, другой он проиграл. Он одну молодую учительницу, прибывшую на практику, загнал ко мне в кабинет. Если бы я начал с ним говорить: «Коля, разве так можно?», он и ко мне бы применил палку.

Я поступил так, как должен был поступить всякий педагог, искренне переживающий всякое событие. Я вскочил и ударил кулаком:

– Кто ты?

Он первый раз стал делать ужимки. Жаль, что я не могу продемонстрировать Шумакова. Это экземпляр классического

человека, причем он сейчас – директор садоводческой фермы.

Может быть, я все-таки, благодаря своей воле, своим личным качествам, и убедил бы воспитанника не делать плохо. Благодаря этому человек развил бы у себя достоинства – не нервничать, не повышать голоса, бесстрастность. И выпускаем его на завод. На заводе диверсант ломает станок, и продукт моего сюсюканья работает на следующем станке. Ему доступны высокие чувства патриотизма. Он должен сказать вредителю:

– Уважаемый диверсант, я вас прошу, не ломайте, не портите, не уничтожайте.

Пока он бы его уговаривал, тот бы не только вывел из строя станок, но и постарался бы вывести из строя самого сюсюкающего. Мы должны выпускать такую продукцию живого человека, который, если бы это увидел, должен был немедленно взять его за шиворот и потащить в НКВД. Такого качества должен быть человек. Система сюсюканья дает плохую продукцию человека.

Приведу несколько примеров, какие результаты, какие итоги получаются от применения методов и форм системы Антона Семёновича, системы организации детской среды, системы организации детского самоуправления.

Макаренко много раз повторял, что никакая другая специальность не имеет такого большого права на гнев, как специальность педагога. Сам же даже в исключительных случаях умел сдерживать себя.

В 1921 году нас было 64 беспризорника. Мы уже вступили в новую жизнь, но, конечно, без отдельных «вывихов» еще не обходилось. На дневку в нашей колонии остановился кавалерийский эскадрон. Мы помогали красноармейцам чистить коней, а за это они разрешали нам босыми ногами подержаться в стременах. Уезжая, они подарили нам 150 тушек вареных кур, которые мы положили в холодный подвальчик. Кстати, на нем никогда не висел замок. Калина Иванович, наш завхоз, по этому поводу говорил так:

– Я доверяю этим паразитам.

И слово это было у него высшей степенью благодарности и доверия. Многие из нас старались сделать что-нибудь хорошее, чтобы услышать от него одобрительное:

– А ты – хороший паразит.

Так вот, случилось «чепе»: кто-то стащил курицу. (Далее излагается факт кражи Химочкой курицы. – *Л.М.)*

Антон Семёнович любил повторять:

– Плохое в человеке и так видно. Нужно найти в нем хорошее, зацепиться за него, помогая всестороннему развитию

человека.

В 1928году Антон Семёнович командировал меня в Ленинград. Посмотри, что делается в Ленинграде в детских домах. Я посмотрел тридцать детских домов, и у меня создалось впечатление самое безотрадное. Мы решили, что я должен поехать в Ленинград и сделать хорошую детскую колонию. Я искал подходящий детский дом и, наконец, нашел. Был такой интересный приказ зав. гороно Тюркина: «Вследствие полного развала воспитательной и хозяйственной работы и совершенного отсутствия данных к восстановлению нормальной работы66-ю колонию закрыть…». Эти дети настолько озверели, что педагоги могли только через трубу вылезать из квартиры. Потом эти дети начали нападать на машины «линкольн» и опрокинули две дипломатические машины.

Я попросил дать мне этот детский дом. Все сделали большие глаза. Я его получил 17 февраля 1931 года, а 5 мая 1931 года ко мне в детский дом въехали первые пять «линкольнов» с иностранной делегацией, чтобы познакомиться с моим опытом. Детский дом был включен в объект посещения иностранными туристами.

Группа голландских педагогов пишет: *«Школа есть вдохновение и пример того, что следует делать и в других странах».*

Группа американских педагогов: «Мы *были чрезвычайно заинтересованы видеть колонию и остались под большим впечатлением от организации дела воспитания детей и царящей атмосферы дружбы и взаимного доверия между заведующим и детьми, и отсутствия наказаний, и суровой дисциплины. Огород произвел впечатление чистоты проделанной в нем работы под руководством организатора – учителя».*

Группа английских педагогов: *«Большие успехи достигнуты в деле строительства школы-коммуны. Объездив Европу, мы нигде ничего подобного еще не встречали. Система воспитания должна быть употреблена во всех школах. Мы надеемся и будем стараться над ее осуществлением во всем мире»* и т. д.

Наконец приехал инспектор гороно, посмотрел, потом меня вызвали туда и написали: *«Система воспитания в полном разрезе с положением от… до и т. д. Тов. Калабалин навыдумывал отсебятины, муштрует ребят, отряды, салюты и даже командиры, более того, дают сигналы, а не звонки, так что я предлагаю эту палочную систему ликвидировать. А то, что дети стали неузнаваемые, здоровые, культурные, политически развитые, веселые, так это отношу за счет общего улучшения личных качеств тов. Калабалина».*

Они пишут: дети стали неузнаваемы. Мало того, вообще воспитание, новаторские идеи известны больше за границей, чем у нас в стране, и тем паче Наркомпросу и наркомпросовским работникам. Причем с такой казуистикой, с таким косноязычием встречался и преодолевал их и Антон Семенович в своей творческой, сознательной жизни.

Я постарался от него унаследовать все: и страсть и пыл, и твердость, но я от него унаследовал и наркомпросовские передряги, это самое ужасное наследство, и когда будет конец этому наследству, Бог его знает.

Надо, чтобы сказал Наркомпрос, чтобы сказали профессора, ученые, исследователи, и дали бы гражданское право замечательному наследию Антона Семёновича, ибо оно в жизни получилось неплохим. Я его воспитанник и отец многочисленного семейства, у меня было семь человек, потерял четырех, одного трагически потерял… И многие его ученики – на ответственных постах нашей Родины. Значит, его формы и методы дают хорошие результаты, и нет плохих. Зачем же откладывать в долгий ящик это замечательное наследство?

Не верьте, что Макаренко устарел! [7]

За последнее время облик школы заметно изменился, теснее стала ее связь с жизнью. Но мы только в начале пути, поиск продолжается. Особенно велик интерес к морально-этическим проблемам в школе. Передать детям определенную сумму знаний относительно просто, хотя и это не всегда, как следует, удается, но главная цель – подготовить для жизни настоящих людей. И хотя процент брака в педагогическом деле не учитывается никакими ОТК, он только на совести педагога, ей, этой совести, подчас должно быть очень тревожно: не всегда из рук педагога выходит продукция высшего сорта.

Часто ошибки лежат на поверхности. Почти в каждой школе есть так называемые трудные ученики. Их все знают и видят. Но иной воспитательский просчет не бросается в глаза, а дает о себе знать гораздо позже. И если все выпускники хороши, откуда же потом берутся обыватели, циники, карьеристы и даже преступники?

Ответственность за воспитание молодого поколения разделяют с педагогами семьи и общественность. Влияние на души наших детей, в конечном счете, определяется строем социальной жизни.

Литература по педагогике толкует вопросы воспитания довольно своеобразно: обучение неотделимо от воспитания, а воспитание – от обучения. Обучая, учитель в то же время и воспитывает, а воспитывая – обучает… Советский учитель является не только преподавателем, передатчиком знания, но и воспитателем детей, подростков и юношества. Кажется, не на бумаге напечатаны, а на камне высечены эти слова: «должен», «обязан», «является». Но что эти железобетонные установки значат для практики? Ровно ничего.

И совершенно прав директор 437-й школы Москвы М.Б. Ценципер, когда в статье «Воспитание опытом» критикует лишающее учителей инициативы и свободы творчества «уложение» о воспитательных мероприятиях – «Программу воспитательной работы», выпущенную АПН, а ведь, кроме программы, существуют еще планы районо и райкома комсомола, циркуляры различных добровольных обществ. Все эти уважаемые организации требуют: «Делайте вот это!» В результате «баланс успехов» нередко определяется двумя показателями: перечнем мероприятий и массовостью, числом занятых в них ребят.

А любимый всеми педагогами-книжниками индивидуальный подход!

«…Всякий раз, приступая к работе, спрашиваю себя: хорошо ли я знаю каждого своего питомца, его способности, склонности, интересы, его домашнюю жизнь, родителей?» Задачей досконального изучения особенностей и применения различных мерок к детям в зависимости от индивидуальных особенностей каждого исчерпывается для учителя содержание воспитательной работы – таков смысл этого и многих других высказываний на темы индивидуального подхода. Классическая формула «найти ключ к сердцу каждого ребёнка» подаётся как идеал, к которому надо стремиться. На практике выходит иначе: индивидуальному воспитательному «воздействию» подвергаются дети, поведение которых не укладывается в установленные рамки. С ними и говорят «по душам», а на остальных просто не хватает ни времени, ни «пороха»!

Требование чуткого внимания к человеку, к детской душе, разумеется, законно и справедливо. Но нельзя же единственным видом такого внимания считать индивидуальный подход.

«Я сам стал учителем с семнадцати лет, – пишет А.С. Макаренко, – и сам долго думал, что лучше всего организовать ученика, воспитать его, воспитать второго, третьего, десятого, и когда все будут воспитаны, то будет хороший коллектив. А потом я пришёл к выводу, что нужно… построить такие формы, чтобы каждый был вынужден находиться в общем движении».

Мы злоупотребляем словом «коллектив». Мы истерли его, как медный пятак. А слово это особое, и надо с ним обращаться аккуратно, не разменивая на пустяки.

Инспектируя по поручению МК КПСС одну из школ-интернатов области, комиссия уже при подходе к ней была поражена контрастом между импозантным внешним видом большого светлого здания и открывшейся картиной преступной бесхозности и запустения. Неопрятные подростки гоняли мяч среди хрупких саженцев молодого сада; дом зиял черными дырами выбитых стекол; стены были заляпаны грязью и исписаны. Первое впечатление не обмануло. Основательное обследование никаких следов организованных форм детского коллектива не обнаружило; среди учителей – разброд, ребята заброшены, а директор ходит гоголем и как ни в чем не бывало разглагольствует о коллективе.

Коллектив создается и растет в движении к цели. Если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способы его организации. Перед каждым коллективом должна быть поставлена общая коллективная цель – не перед отдельным классом, а обязательно перед целой школой, говорил А.С. Макаренко.

Какова же эта цель?

Ответ у теоретиков готов: высокая успеваемость и дисциплина. Попробуйте воодушевить такой чрезвычайно «живой» и «интересной» задачей группу ребят. Трудно…

Есть и другие предложения: сплачивать ребят при помощи разного рода мероприятий – утренников, походов, экскурсий, диспутов и т. д. Подготовка к ним – это якобы и есть настоящая перспектива, выражающая стремление к завтрашней радости. Но ведь истинный фундамент жизни – рабочие будни. Не эпизодические лозунги и призывы к развлечениям и словопрениям, а постоянная трудовая забота – вот что является основанием коллектива.

А.С. Макаренко ставил в основание коллектива организацию своего развивающегося хозяйства – сельского и промышленного. Не «труд – работа», а «труд – забота» обладает, по его мнению, могучим воспитательным влиянием; процесс обучения в школе и производство продукции определяют личность потому, что они уничтожают ту грань, которая лежит между физическим и умственным трудом.

Бытует убеждение, что полезнее всего для ребенка сделать самому какую-нибудь вещь – пусть даже плохой стул, к примеру, – и представить ее на выставку. Тут якобы приобретаются трудовые навыки и воспитывается любовь к труду. Производство продукции неблагородно (не слишком ли узкий практицизм?) и скучно! Разве можно заставлять ребенка делать все время одну ножку к стулу? Да он умрет от однообразия и тоски! Но мальчик, изготовив плохой стул, прекрасно понимает, что он портит материал, что на стуле никто сидеть не станет, что на фабриках производят стулья не кустарным способом, а на машинах и в общем его труд – «понарошку», игрушечный и стараться особенно ни к чему. В производстве, пусть самом нехитром, есть большая, серьезная задача, контроль за качеством («Если я плохо сделаю ножку, наш стул выйдет колченогим»). Следовательно, возникает придающее самому неинтересному труду благородный характер чувство коллективной ответственности, что в тысячу раз важнее всяких «индивидуальных» стульев.

В развитом производстве, каким было производство ФЭДов в коммуне имени Ф. Дзержинского, ребята получали несколько высоких производственных квалификаций, руководили участками и цехами, могли найти себе занятие по вкусу в любом месте на заводе и в конструкторском бюро. Впоследствии токари и лекальщики кончали юридические, медицинские и другие вузы.

Система Макаренко – не искусственное, умозрительное построение, а организация детской жизни в ее наиболее

естественных формах, база для обретения опыта хозяйствования, постоянный общий интерес, рождающий крепкую спайку, видимый рост благосостояния, ощутимый расцвет личности, успевающей овладеть не сколькими специальностями, образованием, культурой, эстетикой. Все это давало искомый нравственный опыт, определяющий поведение человека в будущей жизни.

В одной из московских школ никак не удавалось укрепить разладившуюся дисциплину и поднять интерес к учению. По договоренности с заводом-шефом в школе был создан малый завод-спутник, поставляющий детали для большого производства. Появились все атрибуты производственного процесса: строгий план, производственные бригады и комитет управления. И облик школы начал меняться. Денежные накопления от выпуска продукции было решено использовать для школьных нужд, организации летних походов, материальной помощи младшим и плохо обеспеченным ученикам вплоть до организации рабочего места на дому. С лентяями-двоечниками и шалунами комитет разговаривал коротко:

– Предупреждаем, снимем с работы.

Это действовало сильнее всяких угроз. Ребята стали лучше учиться, проблема дисциплины просто отмерла.

Становление коллектива, переход от состояния стадности к целеустремленной и разумной жизни, начинается почти всегда со взрыва. Он уничтожает скопившиеся старые дурные привычки и очищает место для новой организации. Взрыв – это и требование к ребятам, и уважение к их силе и возможностям. Педагогический взрыв может быть качественно разным.

Как-то Антона Семеновича спросили:

– С чего бы вы начали работу в школе?

Он ответил:

– С хорошего общего собрания, на котором от души сказал бы детям, во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, в-третьих, сказал бы им, что у них будет через два года. Это был бы, конечно, «тихий», но глубокий по содержанию взрыв.

Начальная стадия деятельности воспитателя среди педагогически запущенных ребят требует взрывчатого заряда большой эмоциональной силы. Нужны творческий подход, риск, хватка и, если хотите, игра. Трафареты, повторения нетерпимы, но сделать выводы из опыта можно.

Практика Макаренко показывает различные виды начальных этапов организации коллектива.

…1920 год. В самоотверженной борьбе педагогов за каждого воспитанника колонии, за каждую человеческую личность, когда

наряду с заботой о детях, подростках имели место и справедливый педагогический гнев, и проявление человеческой радости при победах и успехах, протекал процесс становления и воспитания коллектива будущих горьковцев. Создается детское, собственно, подростковое учреждение нового типа. Тут сплачивается ядро единомышленников, которое способно правильно понимать волю и логику организатора, распространить свое организующее влияние на остальных.

1926 год. Куряжская колония, в которой живут четыреста подростков, находится на грани морального распада. И вот там появляются сто двадцать ребят-горьковцев, будто пришли они из другого мира. Люди дисциплинированные и интеллигентные, они знают, во имя чего пришли в Куряж: они исполняют общественный долг. Горьковцы – активный коллектив, к которому и устремились отдельные куряжане. В этом случае организованный коллектив сформировался под воздействием внешних сил – уже сцементированного другого коллектива.

1927 год. На общем собрании колонии имени Горького были выделены пятьдесят лучших коммунаров для перехода в коммуну имени Ф.Э. Дзержинского. Простейшим путем «отпочкования» образовалась коммуна, затем в нее постепенно шло пополнение.

Мне как воспитателю чаще всего приходилось прибегать к прямой атаке на группу педагогически запущенных подростков.

В 1931 году в школе-колонии для трудновоспитуемых подростков Ленинградской области отношение ребят к новому директору резко изменилось после усмирения им быка, специально выпущенного на него колонистами для «проверки». Еще раньше в одесской колонии удалось утихомирить разбушевавшихся ребят широким к ним доверием: была снята всякая охрана, и воспитатель остался один на один с толпой.

Тяжелое положение было и в Клемёновском детском доме Московской области. Хулиганство и грубость ребят буквально парализовали работу воспитателей. Приняв заведование этим домом, я на общем собрании сказал твердо и прямо:

– Жить такой оскорбительной для человеческого достоинства жизнью дальше нельзя. И так жить мы не станем. Я буду непреклонен в борьбе за новую, красивую и счастливую жизнь и верю, что рядом со мной встанут смелые ребята, способные с улыбкой на лице пережить некоторые лишения и трудности. Уже с этого собрания мы разойдемся организованными по отрядам, а их командиры образуют совет. Пусть он добьется проведения центрального отопления в общежитии, сооружения водопровода, позаботится о пристройке для новых спален, выделении земельного участка для подсобного хозяйства и приобретения

автобуса для наших будущих поездок по стране. А еще надо построить стадион и заложить сад… Задачи большие, трудные. Конечно, придется попотеть. Потеть можно, а пищать нельзя.

Началась повседневная работа.

Круг обязанностей руководящих органов коллектива должен быть строго очерчен. Нет ничего вреднее, чем органы недействующие: детский совет, который никем не руководит, а лишь скучно и торжественно заседает или проводит скучнейшие мероприятия; санкомиссии или хозкомиссии, члены которых и не вспоминают о своих обязанностях, и т. д. Атрофирующийся орган лучше ликвидировать совсем, чем дискредитировать бездеятельностью само понятие коллективного руководства.

С командира отряда спрашивается за состояние спальни и классной комнаты; он распределяет ребят на работу, следит за выполнением ими своих обязанностей. Без наблюдения командира не может производиться даже смена белья в отряде. Командир отряда – организатор жизни группы своих товарищей и уполномочен представлять их интересы в органах коллектива, он же выражает требования этих органов к отряду. Он не может забыть или нерадиво выполнить свои обязанности, потому что это сразу ударило бы по интересам ребят, сбило бы наладку общей жизни и вызвало бы протест коллектива. Отряд может поставить вопрос о замене командира, если он неинициативен.

Совет командиров управляет жизнью детского учреждения. В него, кроме командиров, входят также председатели комиссий: санитарной, хозяйственной, пищевой, культурной, спортивной, главный редактор стенной газеты, заведующий учебной частью, старший пионервожатый, председатель совета дружины и директор детдома. Руководит работой совета командиров выбранный председатель, секретарь ведет документацию.

Совет командиров тренируется в управлении. Поначалу ребята руководить не умеют. Педагоги, старшие товарищи, и прежде всего директор умелой постановкой вопроса, советом, предложением стараются вызвать в ребятах активность, направить их на принятие верного решения.

Ни с чем несравнима роль общего собрания в коллективе. Его тоже надо воспитывать с тем, чтобы мнение общего собрания стало «верховным судьей» в трудных жизненных ситуациях. Это школа руководства, овладения силой коллектива. На обсуждение собрания выносятся вопросы все более усложняющиеся, но обязательно конкретные и, как правило, затрагивающие интересы коллектива. Исключение из него, тяжкие проступки, даже прием в детдом не должны проходить мимо внимания ребят. К примеру, горячо дискутировался вопрос, взять ли в Клемёновский детдом

воспитанника Николая П., совершившего уголовное преступление; какой отряд возьмет его на поруки.

В коммуне имени Дзержинского общие собрания проводились ежедневно. Взрослые и сильные люди бледнели, когда им приходилось выходить «на середину» и «отдуваться» за свой проступок, давать объяснения «как и что». Решения собрания, так же как и решения совета командиров, ни воспитателями, ни директором не отменялись. Спорные постановления совета выносились на обсуждение общего собрания.

Когда в коллективе нет единства, когда воспитатели только руководят, а ученики только подчиняются, хуже того, поворачиваются спиной к педагогам, втайне творя какие-нибудь некрасивые дела, прежде всего надо добиться общего доверия и ликвидации опасного разрыва.

Коллектив учителей и коллектив детей – это не два коллектива, а один коллектив, и, кроме того, коллектив педагогический. Поэтому подменять органы самоуправления, отменять постановления у воспитателей не должно быть права. В колонии имени Горького (в коммуне воспитателей не было) воспитатели жили и работали вместе с воспитанниками, никогда не прибегая к прямому администрированию, а влияя на ребят только авторитетом – культуры, ума, ответственности за порученное дело. Лучшим воспитанникам и воспитателям присваивалось почетное звание «колонист». Это создавало единую, ясную атмосферу; не было пропасти между ребятами и взрослыми.

Четкий ритм определяет эффективность органов самоуправления. Ежедневно в нашем Клемёновском детдоме дежурит коллегия: воспитатель, командир отряда, члены санитарной и пищевой комиссий. Дежурная коллегия «ведет день» и отвечает за точность распорядка, чистоту, организует работу дневного наряда по самообслуживанию, присутствует при получении на складе продуктов на следующий день, контролирует их расход на кухне. Подъем, зарядка, туалет ребят, уборка помещений, питание, подготовка уроков уже не требуют присутствия всех или значительной части воспитателей. Дежурный воспитатель – оперативный директор детского дома.

Нельзя недооценить роли утренних санитарных обходов и общих командирских рапортов.

Само собой разумеется, что для нормальной деятельности органов самоуправления и вообще всей жизни воспитательного учреждения очень важна дисциплина. Каждый ученик должен быть убежден, что дисциплина является формой наилучшего достижения цели коллектива, и поступать соответствующим

образом. Но дисциплина не возникает сама по себе, ее следует воспитывать.

Вот пример настоящей дисциплины из практики Макаренко: идут коммунары великолепным строем, все любуются. Дана команда:

– Стой! Разойдись! Через два часа всем быть на том месте, где будет находиться знамённая группа!

В назначенное время вся колонна в сборе. И если бы не было такой свободы дисциплины, всем пришлось бы томиться два часа на месте, а воспитателям «пасти» ребят.

Некоторые педагоги до сих пор «пожимают плечами»: не переборщил ли Макаренко, безусловно, опираясь на коллектив. Ведь, в конечном счёте, нам надо воспитать личность. Коллектив не цель, а всего лишь средство. Тут кроется хитрая диалектика. Для организатора воспитательного процесса коллектив – это и цель, особенно на первой стадии его развития, и средство – на втором этапе. Для самих же участников воспитательного процесса, то есть для ребят, он должен выступать как цель. «…Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания». Для нас ребёнок – объект воспитания, для себя он живой человек, и убеждать его в том, что он – только будущий человек, что он – явление педагогическое, а не жизненное, невыгодно и неправильно.

Макаренко считал, что лучший способ прикосновения к личности – через первичный коллектив. Инструментовка его достаточно разнообразна, некоторые приёмы стоит показать. Кто-то написал на тетрадке девочки обидные слова. Директор вызывает командира группы: выясните, кто это сделал. Командир выясняет. Грубияну велено написать извинительное письмо всем девочкам.

Один мальчик за найденную им авторучку товарища вымогал у него деньги. Немедленно собирается группа вместе с педагогом, идёт откровенный и взволнованный разговор о чести и честности. «Шантажист» сначала держится вызывающе, потом его лицо покрывается красными пятнами, он низко опускает голову.

Девочка не возвратилась вовремя в детдом из отпуска. Совет командиров решает: «Ввиду того, что Надя Н. не уважает порядков коллектива, поручить второму отряду разъяснить ей значение дисциплины. Отряд на зимние каникулы оставить без отпуска». Потом девочка ходила и умоляла, чтобы её наказали как угодно, только пусть не расплачиваются товарищи. С того времени ребята возвращаются из отпуска точно в срок.

У Макаренко очень удачно использовалось авансирование личности через отряд. Коллектив занял первое место в

соревновании за неделю, он награждается походом в театр. В отряде есть один лентяй, он тоже идёт, но чувствует себя неловко: понимает, что не заслужил, затем старается подтянуться.

Воздействие живого и сложного социального организма, высокоразвитого коллектива на человеческую личность, разносторонне и эффективно, хотя, конечно, не исключается и прямое воздействие воспитателя. Получается любопытная картина: над ребятами фактически нет давящей, специально воспитывающей силы, они «обтёсываются» в общем движении.

Найдена мера свободы и дисциплины – получается истинный коллективизм и расцвет всех возможностей личности. Поистине личность, являющаяся лишь объектом воспитания, часто страдает пассивностью, вялостью, стёртостью душевных нарезок. Личность, выступающая в роли объекта воспитания, разворачивается свободней, она ярче, определённее, самостоятельней. Даже и знания усваиваются быстрее и легче, и подход к предмету изучения активный, творческий. Особого нажима не требуется, а, если он и нужен, то на выручку приходит коллективный нажим.

Интересы коллектива и личности обычно гармоничны, но, если личность всё-таки выпадает из общего движения, может ли она при развёрнутом требовании коллектива попасть в тяжёлое положение?

Этот вопрос требует чрезвычайной осторожности. Самые суровые наказания в колонии и в коммуне накладывались за проступки отвратительные: бойкот Ужикова из-за кражи им стипендии у рабфаковцев; изгнание из коммуны Иванова за цинизм, за то, что он, будучи дежурным командиром, высшим доверенным лицом в коллективе, украл радиоприёмник и ещё высказывал предположение, кто бы мог это сделать. Коллектив был совершенно прав, отстаивая чистоту своих принципов. Для виновных наказание послужило хорошей встряской, перевернувшей всю их натуру, стало уроком на всю жизнь. Однако наказание не было физически беспощадным.

В коммуне считалось неприличным, если после наложения наказания человеку напоминали о его проступке. Больше того, сама форма наказания менялась, становилась символической. Арест коммунара означал, что он сам, выбрав время, сидит в кабинете Антона Семёновича, разговаривает с ним, читает книги. Но сила общественного мнения была такова, что человек сильно переживал наказание. Вот как раскрывалась формула: «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требовательности к нему».

На всех педагогических перекрёстках Макаренко громко

хвалят и превозносят, но если прислушаться, то и недоброжелательных голосов найдётся немало в учительском мире:

– Макаренко устарел, – это говорится безапелляционно, с небрежным отбрасывающим жестом.

– Да, да, его педагогическое чудо непревзойденно, но что вы хотите? Талант – дар божий. Всё зависит от учителя. Есть учителя любимые, есть бездарности и посредственности. Закон природы.

– Вот, говорят, Макаренко, Макаренко. А я попробовал ввести аресты: ничего не вышло. И Макаренко не бог, тоже ошибался. Нельзя всё брать у него.

– Макаренко был хорош для воспитания «уголовников» и беспризорных. Для нормальной школы он не годится.

Что ж, пусть инакомыслящие выскажутся открыто. В спорах рождается истина. Но хочется сделать несколько замечаний.

Во-первых, разнести по частям умный механизм системы не значит творчески его применять.

Второе, делая упор на индивидуальный подход, мы определённо воспитываем индивидуализм.

Воспитывая коллектив, мы утверждаем в каждой индивидуальности коллективизм, гражданственность, воспитываем человека, счастливого коллективным счастьем. Поэтому не назад, а вперёд, к Макаренко, – вот наш сегодняшний педагогический лозунг.

Ответ профессору Шимбиреву и наши предложения [8]

За дискуссией в «Учительской газете» я слежу с неослабным интересом. Бывший воспитанник А.С. Макаренко, я хорошо знаю, какой изумительной силой обладали разработанные им методы.

Тов. Лялин и некоторые авторы последующих статей, в частности тов. Козлов (см. «Учительскую газету», 27 июня 1940 г.), верно раскрыли существо этих методов. Пестуя колонистов, А.С. Макаренко заботился не только о воспитании высокого сознания, но и о соответствующем ему этическом поведении. Каждый из нас учился подчинять воле большинства (если оно право) свою волю, учился также направлять работу своих товарищей.

Разработка проблем методики воспитания в коллективе является большой заслугой Макаренко перед теорией педагогики. Антон Семенович неоднократно писал о том, что педагогическая литература не дает конкретных указаний, как воспитать человека. И он был вполне прав, когда настаивал на том, что мы обязаны, опираясь на прогрессивные педагогические идеи о воспитании, создать методику гуманистического воспитания. С большим недоумением прочитал я поэтому статью профессора Шимбирева («Учительская газета», 2 июня 1940 г.), автор которой считает ошибкой Макаренко «поиски какой-то особой техники воспитания». Он обвиняет Макаренко также в том, что Антон Семенович рассматривал воспитание независимо и изолированно от обучения. Автор подкрепляет это и другие обвинения ссылками на недостатки, пороки и ошибки в деятельности колонии имени М. Горького. Должен сказать, однако, что представления профессора Шимбирева о колонии не соответствуют действительности. А.С. Макаренко, по понятным соображениям, не все вопросы осветил в «Педагогической поэме». Как же расценивает это естественное, неизбежное ограничение профессор Шимбирев?

В книге не описана, например, работа школы. Отсюда профессор Шимбирев заключает, что в колонии школа не играла «заметной роли в деле воспитания». В «Педагогической поэме» мало сказано о заседаниях педагогического совета, и профессор Шимбирев делает вывод: в колонии не было коллектива педагогов. В «Педагогической поэме» не рассмотрен вопрос о связи обучения с производственным трудом, и профессор Шимбирев заключает: «Труд в колонии Макаренко был

изолирован, не имел связи с обучением». Как бывший колонист я могу сообщить профессору, что в колонии систематически и настойчиво развертывалось и школьное обучение, которое педагоги всемерно использовали для того, чтобы воспитывать нас по высоким меркам педагогических возможностей. Так, ссылаясь на ошибки Макаренко, не имевшие в действительности места, профессор Шимбирев приходит к решающему выводу: «Оказывается, и системы педагогических взглядов Макаренко не было».

Отмечу еще одно обстоятельство. Профессор Шимбирев видит в педагогическом опыте Макаренко столь существенные пороки, что, казалось бы, его следует раскритиковать как нечто чуждое советской педагогике и, во всяком случае, архаическое.

Однако выступления подавляющего большинства учителей – участников дискуссии – показывают, что педагогическое наследие Макаренко вызывает большой интерес в среде передового советского учительства.

А.С. Макаренко стремился превратить доверенное ему учреждение в единый коллектив и организовать его деятельность так, чтобы его участие воспитывало по-человечески достойных людей. Эта основная установка Макаренко выражает стремления многих передовых учителей. Точно также находят признание и поддержку такие важные принципы, как сочетание волеизъявления с принуждением, широкая самодеятельность воспитанников, воспитание привычки к труду и др. Однако разработанные Макаренко формы и методы организации коллектива используются в школе слабо. На этом вопросе я и хочу остановиться.

Есть сторонники, есть и противники строя, приказов, рапортов и прочих «ритуалов», но большей частью приходится слышать такое мнение, что дело, мол, не в форме, что вопросы формы – вопросы третьестепенные. Это мнение при всей его кажущейся убедительности на самом деле ложно. Если мы хотим, действительно, создать в школе коллектив, то обязаны найти необходимые формы организации.

В 1938 году я предложил директору и педагогическому коллективу обычной неполной средней школы (с. Соколовка Крыжопольского района Винницкой области) ряд организационных мер, чтобы устранить наблюдавшуюся в школе недисциплинированность и расхлябанность учащихся. В каждом классе из среды учащихся был выделен ответственный организатор класса. Он приходил до занятий, проверял состояние кабинета, исправлял недочеты. Организатор отмечал также явку учащихся (пропуски и опоздания). Он знал, кого нет, а часто даже

успевал узнать причину отсутствия ученика.

При входе учителя в класс организатор отдавал учителю устный рапорт, то есть в нескольких словах докладывал о готовности класса к занятиям. Во время рапорта соблюдалась некоторая торжественность (класс выслушивает рапорт стоя, затем преподаватель здоровается с классом). По окончании занятий классный руководитель и организатор письменно докладывали об учащихся, получивших отличные отметки, а также о тех, кто допустил нарушение дисциплины или получил отметку «плохо». Организатор класса доставлял этот рапорт директору или завучу. Если организатор класса и классный руководитель находили нужным, директор тут же вызывал провинившихся к себе.

В школе была обычная «доска соревнований», на которой передвигались фигурки автомобилей (по числу классов). Мы приняли условие: если в классе хоть один человек допустил какое-нибудь нарушение, автомобильчик в этот день стоит. Нарушений нет – передвигается на одну клетку. Таким образом, мы сделали буквально осязаемой связь между поведением одного учащегося и интересами всего класса.

Эти на первый взгляд чисто организационные меры многое изменили в жизни школы по существу. Письменный рапорт занимает всего несколько строк, но это не простая формальность. Благодаря этой мере каждый организатор класса ежедневно общается с директором, директор всегда знает состояние каждого класса, ни одно нарушение не проходит незамеченным, воздействие на нарушителей оказывается безотлагательно. Изменения в учете соревнования сразу помогло учащимся почувствовать, что они объединены общими для всех интересами. Результаты сказались очень быстро. Дисциплина в школе резко улучшилась, заметно повысилась успеваемость.

К сожалению, в массовой школе о «технике воспитания» мало заботятся, единого стиля нет, в решении важных для школы вопросов ученические организации не участвуют. Подростки, юноши и девушки являются сейчас в школу на все готовое и действуют, так сказать, в роли «потребителей». Такое положение решительно никуда не годится. Чтобы изменить его, нужно прежде всего создать в школе гибкую и жизнеспособную систему ученических организаций. Мне эта система представляется следующим образом.

Во главе каждого класса стоит выборный командир (кстати сказать, командир носит отличительный нарукавный знак), все командиры классов образуют совет командиров (СК) во главе с секретарем. Членами советов командиров являются также

директор школы, завуч, секретарь комитета ВЛКСМ, старший пионервожатый. Совет командиров должен быть в курсе всей жизни школы, причем заботы об учебе и дисциплине будут, естественно, занимать центральное место. Совет командиров имеет право представлять к исключению из школы нарушителей, отбирать знаки отличия, присуждать награды.

Для того чтобы совет командиров мог не только обсуждать и решать, но также проводить свои решения в жизнь, он должен иметь определенные рабочие органы. Возможна организация постоянных комиссий (например, академической, санитарной, военно-спортивной, редакционной). Председатели этих комиссий также являются членами совета командиров. Такая структура значительно расширяет масштабы деятельности ученических организаций.

Разумеется, хорошая структура ученических организаций – еще полдела. Необходимо наладить их работу так, чтобы они ежедневно участвовали во всей сложной деятельности школьного коллектива. Нужно правильно организовать и, если можно так выразиться, оформить школьный день (в особенности его начало). Как показывает мой опыт, целесообразнее всего начинать каждый день зачитыванием очередного приказа по школе (на данный день). В приказе могут сообщаться распоряжения директора, военного руководителя, постановления совета командиров, объявляются благодарности и выговоры. В приказе же устанавливаются некоторые фронтальные задания на день, определяется состав дежурных на день (дежурный педагог, дежурный командир, дежурные члены комиссий). Приказ отдается по совету командиров за подписями директора и секретаря совета командиров. Чтение приказов должно проводиться в торжественной обстановке.

Нужно подчеркнуть, что ежедневное зачитывание очередного приказа имеет не формальное, а принципиальное значение. Эта мера дает возможность информировать всех учащихся о жизни всей школы и ставить перед всей школой определенные задачи. Здесь не от случая к случаю, а систематически становятся предметом внимания коллектива успехи и поражения его членов, все учащиеся объединяются вокруг выполнения поставленных задач. Совершенно обязательно, я считаю, также подведение итогов в конце каждого дня. Лучше всего, чтобы командиры классов докладывали в нескольких словах о том, как прошел день (смена) в их классах секретарю совета командиров в присутствии директора или завуча, а дежурные представляли столь же краткий письменный рапорт директору о дежурстве по школе в целом.

Могу заранее предполагать, что мое предложение всерьез расширит права детских организаций и тем самым вызовет немало нареканий со стороны взрослых. Некоторые товарищи опасаются, что это может снизить роль педагогов и директора. Приходится подчеркнуть, что чем активнее члены коллектива, тем сильнее должен быть его руководитель. Авторитет директора должен достигаться не за счет бессилия всех школьных организаций, а за счет собственной силы директора. Эта сила в безусловном умении направлять все школьные организации по нужному пути.

Очень важно создать в школе продуманную систему поощрений и наград. И здесь во многом может быть использован опыт А.С. Макаренко. Почему бы не ввести, например, звание школьника? Серьезных доводов «против» мне слышать не приходилось. Конкретные формы реализации моего предложения могут быть, разумеется, различными. Так, например, можно установить, что учащиеся первых классов числятся только кандидатами на звание школьника. По окончании первого класса (если учащийся удостоен перевода во второй класс) ему в торжественной обстановке это звание присваивается. При переходе в третий класс (с оценками по основным предметам не ниже чем «хорошо» и по поведению «отлично») учащемуся вручается отличительный знак школьника. Мыслим и другой путь, когда присвоение звания и знака школьника не связано с переходом из класса в класс. Но дело не в этих деталях. Решающее значение имеет здесь то, что коллектив определяет достойных, торжественно награждает их, что каждый может рассчитывать на это поощрение со стороны коллектива, каждый будет стремиться его заслужить. Я думаю, что отличника следует во всех случаях награждать грамотой, вносить в книгу отличников школы, нужно также выдавать благодарственную грамоту родителям. По окончании школы следует отмечать достойных серебряными и золотыми медалями.

Нужно сказать, что если награда символизирует признание коллективом заслуг его членов, если она выражает уважение коллектива к труду, то это имеет большой педагогический смысл и сближает награжденного с коллективом. Возможны и более смелые, значительные и действенные методы. На мой взгляд, целесообразно ввести такую традицию, чтобы при переходе в пятый класс учащиеся приносили присягу как люди, сознательно приобщающиеся к важнейшему государственному делу. Если этот акт будет совершаться после необходимой подготовительной работы, с полным сознанием его ответственности, в достаточной торжественной обстановке, он сослужит службу нашей школе.

Многие товарищи, выступая в связи с дискуссией, правильно требовали покончить с безответственностью детей. Уместно дополнить это пожеланием: всемерно повысить ответственность родителей. Я думаю, что было бы целесообразно при приеме ребенка в школу знакомить родителей с правилами школьного распорядка, причем так, чтобы родители расписывались в признании этих условий и знали, что учащиеся, нарушающие нормы поведения, могут быть из школы исключены.

Думаю также, что во многих случаях за обучение учащегося, оставленного на второй год, нужно взимать известную плату сообразно с достатком родителей. Конечно, это суровая мера, но суровые меры вполне уместны по отношению к тем, кто упорно не желает заботиться о воспитании детей.

К 70-летию А.С. Макаренко[9]

…Необходимо разобраться, по-настоящему понять то великое и мудрое, то славное наследие, которое оставил А.С. Макаренко.

Я бы очень хотел, чтобы вы, кроме любви к Антону Семёновичу, заразились бы его оптимизмом, его верой во все лучшее, во все доброе. В каждом человеке, в каждом его акте Антон Семёнович видел все доброе, все хорошее, все прекрасное и своим опытом украшал все, что было им увидено и найдено. А найти вы должны – способ, стиль – как можно лучше, увереннее воспитывать настоящего красивого человека, такого человека, о котором мечтал Чехов, у которого должны быть и красивая одежда, и красивая совесть. Такого человека, которому Антон Семёнович подарил всю свою славную жизнь.

Как-то при неофициальном разговоре, состоявшимся где-то в семейных кулуарах с Иваном Андреевичем Каировым[10], тот спросил у Антона Семёновича:

– Скажите, трудная эта штука – воспитывать и перевоспитывать?

Антон Семёнович ответил:

– Нет, это не трудная штука, это очень легкое занятие.

Иван Андреевич усомнился:

– Нет, мне все-таки кажется, что это очень трудное дело.

Антон Семёнович еще раз решительно подтвердил:

– Нет, это дело очень легкое, если иметь в виду такую «мелочь», что надо любить это дело, посвятить этому делу всю свою жизнь до конца и работать, в крайнем случае, 24 часа в сутки. Тогда это кажется легким делом.

Я воспринимал Антона Семёновича, прежде всего, как близкого человека, как духовного отца своего, как воспитателя, учителя, и мне очень трудно было на него смотреть с других позиций, скажем, с позиции ученого. Он был, прежде всего, человеком. Красивый, живой, жизнерадостный, и этой своей человечностью Антон Семёнович воспитывал нас, своей рабочей готовностью, своим отношением к человеку, своим гневом, улыбкой, юмором и, наконец, своей жаждой жизни. Всем этим Антон Семёнович воспитывал нас, то есть собой. Каждое его движение вызывало воспитательный эффект. Это было такое искусство, которому следовало бы позавидовать и овладеть.

Человеку должно быть присуще и чувство юмора, и чувство гнева, и чувство грусти. Будем говорить об Антоне Семёновиче как о живом человеке. К нему можно было обратиться с любым вопросом и получить ответ. У него были ответы на самые

насущные вопросы, несмотря на то, что он писал еще в 1930-х годах, но на вопросы, возникающие сегодня, у него можно найти ответ.

Антон Семёнович умел неожиданно остроумно подойти – обстановка диктовала на нужный поступок то ли реагировать делом, то ли шуткой, но всегда Антон Семёнович находил выход. Он не создавал конфликт, а умел его ловко ликвидировать, всегда оставаясь победителем, всегда развенчивал виновных и всегда говорил: «Ребята, вы меня должны благодарить за наказание, оно вас воспитывает. Я хочу воспитать вас сильными, закаленными, волевыми. Наказание хорошо тренирует настоящее человеческое достоинство, вырабатывает иммунитет активного сопротивления порокам, которые вас окружают». Если бы Антон Семёнович не был бы так беспощадно добр и щедр в отношении наказаний, возможно, что ребята не достигли бы того хорошего положения, которое они занимают в нашем обществе.

Я в меру сил своих, умения, знаний, стараюсь быть хоть чуточку похожим на Антона Семёновича. В течение этих тридцати лет, что я тружусь вместе со своей дорогой супругой, Галиной Константиновной, в детских домах в системе МВД, мы не одну тысячу детей пропустили через свои родительские сердца. Не секрет, что, прежде всего, привлекают наше родительское, педагогическое внимание те дети, которые выделяются из разумных, обществом принятых норм поведения. На них, прежде всего, обращено наше внимание.

Следует рассказать о тех случаях, когда применялись меры педагогического воздействия, которые могли бы послужить добрым примером для вашей будущей педагогической деятельности. Я поступал так потому, что, мне кажется, так поступил быв подобных ситуациях и Антон Семёнович.

В соответствии с тем великолепным призывом, с которым Антон Семёнович обращался к своей аудитории, я говорю, что воспитывать надо всегда, всем людям, на каждом квадратном метре нашей земли. Если только ты не равнодушный, настоящий патриот нашей Родины, то должен и патриотически думать о том, как оставить после себя самое здоровое, самое красивое наследие, чтобы не разрушалось оно, чтобы самая незначительная его часть не была браком, не посягала бы на наше благополучие.

Раздел III
Педагогический опыт А.С. Макаренко

Выступление на заседании Московского городского педагогического общества в Московском Педагогическом институте имени В.И. Ленина

Антон Семенович как-то в одном письме к нам (оно у меня есть, но я, кажется, его не захватил) писал, что, знаешь, Семен, мне уже и писать расхотелось. Читают меня в основном только читатели, а «зои» категорически отвергают мои писания. Но я все-таки, несмотря на этих «зой», писать буду и назло им жить буду! Но если меня будет читать наша великолепная молодежь, если она меня признает и будет жить так, как я учу и живу сам, то я готов для этой молодежи на пять лет раньше умереть, лишь бы жила эта красивая молодежь!

Вы нарисовали портрет Антона Семеновича великолепно и за неожиданно короткое время. Это очень хорошо, но что у него за портупея-ремешок? По поводу этого ремешка случилось недоразумение.

Когда делался фильм «Педагогическая поэма» на Киевской киностудии, то на Антона Семеновича, то есть Владимира Емельянова, артиста нацепили наган. Я чуть в обморок не упал (я там давал консультации, помогал разбираться в документах и в текстах, знаках коммунаров и советовал подбирать актеров на роли колонистов).

Мне очень понравился артист, игравший Галатенко. Галатенко – это лентяй, талантливый концентрированный и к тому же обжора. И вот на роль Васи Галатенко подобрали великолепного артиста. Он прекрасно подходил для этой роли или, может быть, вошел в роль. Получилось здорово! И я обратил внимание на то, что он очень похож на Васю.

Хочу сказать, что на Емельянова, игравшего Антона Семеновича, повесили портупею. Антон Семенович никогда не пользовался оружием. Правда, зав. Губобразом, назначив его заведующим колонией правонарушителей, вручил ему наган, но он его никогда в жизни не использовал, да, вероятно, наган и не стрелял. Барабан у него не вращался ни в одну сторону.

И этим наганом однажды воспользовались неизвестно для чего. В 1921 году, когда у нас в колонии было только 15 человек, мы сидели у натопленной печи в спальной. Сидели вокруг дощатого стола, на котором горел светильник в черепке (в какой-то жидкости намоченные тряпочки). Горел светильник, и Антон

Семенович читал нам Горького «Детство» или «Мои университеты». Мы внимательно слушали, а потом Антон Семенович книгу отложил в сторону и впал в тифозно-задумчивое, болезненное состояние. И мы забеспокоились. А потом он, обращаясь к нам, сказал:

– Ну, хорошо, мои милые мерзавцы, пусть вы находитесь в доче-ловеческом состоянии, но вы не воры и не ворами родились, и не будете ими, как и я. Но вы скажите мне, ради бога: патриоты вы или нет?

Мы посмотрели на него, и задвигали плечами, и сказали:

– Да, вы что, Антон Семенович! В чем вы нас подозреваете?

Мы не знали, что означает слово «патриот». И мы даже обиделись и подумали, что это какая-то мелкая разновидность воровства.

– Я, вам, – говорит, – объясню. Вы за советскую власть?

– Конечно, за советскую власть.

– Вот это и есть патриотизм.

– Ну, тогда мы патриоты!

– Но, чтобы больше убедиться, я спрошу: если Петлюра или какая-нибудь другая дрянь зашевелится, то вы с Красной Армией или с ними?

– Да что вы, Антон Семенович! Если зашевелится какая-нибудь дрянь, то пойдите и скажите: «Не надо посылать Красную Армию, а пошлите нас», и все будет в порядке!

– Так вот, не надо нам далеко ходить. Как нам не стыдно, что мы здесь сидим, в этом каземате, и забаррикадировались, а за 150 шагов от нас, на железной дороге «Харьков – Полтава» стоны, крики. Там вешают и убивают бандиты, и в первую очередь охотятся за первыми советскими комиссарами. И я не могу больше! Сегодня ночью я пойду на борьбу с бандитизмом. А вы как хотите. Может быть, кому-нибудь страшно или, может быть, кому-нибудь неудобно со знакомыми там встретиться! Или, может быть, холода боитесь? И мы все встали рядом с ним.

– Нет, не холодно нам, и не страшно, и не стыдно! Пусть встретятся с нами!

И вот в коротких пиджачках, а кто и в дамских кофтах, в одном сапоге на две ноги, пошли мы в снегу по колени на борьбу с бандитизмом. Кто-то из нас нёс этот наган, причем рукояткой вперед. Мы оказались настоящими патриотами. В первую же ночь мы обезвредили семь бандитов. Целые сани взяли ручных пулеметов, гранат, винтовок и т. д. На вторую ночь пошли и еще шестерых поймали. Это была хорошая, торжественная кавалькада: идут эти связанные, и мыза ними, и говорим:

– Эх, мелочь какая-то!

А на нашем ленивом коне Малыше весь этот арсенал. А как нас хорошо встретили чекисты и как благодарили! А один из чекистов, не знал, что сказать, и хотел всем руки пожать. Один подошел ко мне и говорит:

– Это ты?

– Да, я.

– Хочешь?

Я думал, что он махорки мне даст, а он извлек из кармана кусок сахара и говорит:

– Возьми.

– Да не надо, вы сами его мало видите!

– Да, бери, бери.

И пришлось взять, и потом мы этот сахар все по дороге домой языком лизали.

А через неделю еще отвезли трех бандитов. Приехал к нам председатель Губчека и говорит:

– Спасибо! Какое большое государственное дело вы сделали, и какие вы настоящие помощники нашей юной советской власти! Но, знаете, если еще будете заниматься этим делом, то осторожнее надо! Уже целую неделю лежат эти люди, и мы не можем их допрашивать, а только лечим.

Вот так только раз был в употреблении этот наган.

Что значит система Антона Семеновича?

Он говорил, что надо быть патриотами, но не говорил так: «Товарищи, будьте общественниками, девочки и мальчики, и председателями, и докладчиками, и т. д. А мальчики стоят в уголке и хихикают, и бьют девочек по спине! Он был сам общественно активным, и никто его не уполномочивал, а он чувствовал своей душой, что надо быть сейчас таким для утверждения советского строя, и он нас вел за собой.

А кто из наших педагогов рискнул бы 10—11-классников, здоровых и красивых, узкобрючных парней, послать:

– Вот, смотри, в этом переулке свету мало, и там каждую ночь девчата пищат, и часы с них снимают, и обижают. Давайте, пойдем и наведем порядок.

Нет! Скорее пойдет педагог, но чтобы он поставил под удар этих мальчиков-учащихся, как же это так! Нельзя!

Мне задали интересный вопрос: «Почему появляются «трудные» дети, в чем причина?»

Мне хочется ответить так. Трудными были те, 1920-е годы, годы становления советской власти, годы этой исторической суматохи, голода, тифа, разбоя. На Украине – что ни село, то своя республика. Так было в те годы, и этот исторический отрезок времени был трудным. Да, были трудные ребята, не то, что от

природы или от хорошей жизни, семейного благополучия и материальной обеспеченности, когда все хорошо. Трудными они стали потому, что боролись за кусок хлеба, и потому что боролись за право жить. Они хотела устоять против погибели физической, и находили иногда неудачные пути в этой борьбе. Но на помощь им встали Антон Семенович, Елизавета Федоровна Григорович и Лидочка – воспитательницы и Калина Иванович, который нежно нас называл «паразитами». Такая поговорка была у человека, и когда я его нашел в Полтаве, он уже был старик, высохший и такой же высокий, и такой же слепой. Я ему напомнил:

– Да это я, Семен-цыган, я конюхом у вас был!

Он посмотрел и говорит:

– А, так смотри, какой же ты стал паразит!

Но стоило этим людям как-то по-особому дать этот 100-граммовый кусок хлеба, и такой же или чуть поменьше себе взять, и сказать, что ты такой же человек, как и я, как и все, и уже как-то все потянулись к этому теплу, к этому человеку. И такой он, и эти люди все были обаятельными, что невольно попадали мыв плен этой обаятельности.

И сейчас «трудные» есть, но причина другая. Причина в том, что мы их делаем такими и не все берутся их переделывать. Вот в чем беда! Не верю, чтобы школа, где учится тысяча человек, с педагогическим коллективом чуть ли не в сто человек, квалифицированным, грамотным коллективом, коллективом высокой культуры и техническим большим оснащением, чтобы она не справилась с каким-нибудь десятком так называемых «трудных» ребят. Или не хотят, или выдохлись наши педагоги, или превратились в служащих с портфелями. А мы не имеем права быть служащими!

Как же это получилось, что так немного было педагогов тогда, в те годы, и беспризорных было очень много, и чуть ли не все «трудные», и все-таки получался результат, из брака делали не брак и ни одного бракованного в результате не оставалось. Если судить по мне, то я – вполне нормальный человек! Но видите, как у нас получается. Я приведу пример. Он, может быть, не совсем подходит для радиозаписи, но его можно вырезать.

Из одного детского дома привозят ко мне лет пять или шесть назад парнишку. В кабинет директора входит дама и еще одна женщина очень крупного калибра, и обе с портфелями. Потом вошла компания – человек семь-восемь. Оказалось, это коллектив пионервожатых. А у дверей стоял мастер трудового обучения – здоровенный дядя с двухпудовыми гирями на концах рук вместо кулаков.

– Вы, Семен Афанасьевич?

– Да.

– Здравствуйте. Ну, Петя, входи сюда. Ты теперь будешь здесь жить. Тебе здесь понравится. Семен Афанасьевич такой хороший человек!

Входит Костя, курчавый, с шельмоватой поволокой в глазах. Посмотрел на завуча – женщину крупного калибра и:

– Ах ты, зараза пузатая! А сказала, что мы на экскурсию поедем! (Далее С.А. Калабалин приводит текст о воспитаннике Косте Ульянове – см.: Воспитание человека, выступление в г. Рязани. – *Л.М.)*

Что делать? Ждать, пока он и меня «обласкает». Правду вам скажу, вспомнил я, как когда-то Вася Гут, талантливый хлопчик, пришел ко мне. Он был с такой прической, которой сейчас позавидовала бы любая кокетка, и сказал:

– Антон Семенович, выбудете заведующим?

– Да.

– Примите меня к себе.

– Да кто ты такой?

– Что, вы не видите, я живой организм, я Вася Гут, по профессии сапожник, по убеждению махновец.

Мы его приняли вместе с Антоном Семеновичем. По признакам его ремесла он дико сквернословил. И вот Антон Семенович однажды спугнул его, и Вася переродился.

Здесь мне еще хочется поговорить вот о чем. Надо, чтобы вы в какой-то мере следовали Антону Семеновичу, познали свое педагогическое дело, и все время совершенствовались. Не только знали и любили, но ежедневно обогащались.

Мне кажется, что у многих студентов, а может быть, и взрослых, работавших с детьми, пренебрежительное отношение к самой науке педагогике. Правда, это потому, что многие читают ее так, как будто набрали в рот клок немытой шерсти и жуют ее.

Вот и у вас есть товарищ, который сам, очевидно, влюблен в педагогику и вас влюбляет в нее, без такого знания педагогики и педагогического мастерства нечего и ожидать результата! Антон Семенович все время учился. Но вот о чем я хотел бы сказать. У нас все время рядовых учителей и воспитателей как-то нацеливают на такой тонус педагогического языка или поступков, поведения – вроде того, что я слушал недавно у одного кандидата педагогических наук, и мне первый раз в жизни сделалось плохо. Что он говорил! И каким языком! Он говорил, что нельзя на ребенка повышать голос, оскорблять его! Что нельзя впадать в состояние раздражения и гнева! Нельзя ребенка наказывать! Наказание может травмировать ребенка! Если нужно применить

какую-нибудь меру наказания, то это наказание не должно вызывать страдания в ребенке, а скорее должно вызвать улыбку на лице. Выходит, что завтра, допустим, заведующего кафедрой за какой-нибудь промах как члена партии вызвали в райком партии и там так его «окунули», что он вышел оттуда и пот вытирает. Остановился и думает: «Выговор с занесением в личное дело!»

Не думаю, что этот человек переживал иначе, если бы с ним случился инфаркт. А вот, представьте, выходит он с заседания райкома и говорит:

– Привет, друзья! Поздравьте, я получил выговор! Ура?

Тогда надо посмотреть, нормальный это человек или нет. Мне, кажется, что нет. Можно и голос повысить, и впасть в состояние раздражения, и даже оскорбить каким-нибудь словом. Но как можно спокойно, с подбором особых, изысканных, интеллигентных слов реагировать на такое явление!

В одной школе в 5-м классе учительница преподает немецкий язык и записывает алфавит или отдельные буквы на доске и говорит:

– Вы пока не пишите в тетрадках, я скажу, когда надо писать.

Но кому-то не терпелось, и он стал писать у себя в тетрадке. И вот ему не видно, учительница заслонила собой то, что написала на доске. И мальчик говорит.

– У, корова! Заступила, и ничего не видно!

Оборачивается учительница и говорит:

– Сережа, разве ты не знаешь, что учителей нельзя называть коровами! Обижайся или нет, но я скажу о тебе классному руководителю. Вызову классного руководителя.

Почему не вызвать директора, ведь он должен быть главным воспитателем! Приходит классный руководитель и говорит:

– Ну, не ожидала я от тебя этого! И отец у тебя хороший, и мать, (причем здесь отец и мать!). Ты должен извиниться.

– Ни за что! Она сама виновата. Она меня расстроила!

– Нет, все равно, я настаиваю, чтобы ты извинился!

– Нет, я не буду извинятся.

– Сережа, не надо волноваться, ты меня уважаешь, любишь?

– Да, вас я уважаю и люблю.

– Ну, ради меня можешь извиниться?

– Ну, хорошо, ради вас извинюсь, – пошел и сказал: – Ну, я вас больше коровой называть не буду!

Вот так мы сами делаем ребят трудными. Вот это и есть школа воспитания «трудных» детей! Что это? Устали мы с вами, или нас поразил микроб равнодушия? Где же страстность, где же отзывчивость? Где мы выполняем заветы Антона Семеновича о

том, что мы должны воспитывать всегда и везде, оставаться воспитателями всегда – и дома, и в кино, и на улице, и в трамвае!

В чем же дело? Разве Антон Семенович богаче жил? Он жил и учился 20 часов в сутки, и с нами вместе спал, и сидел. Может быть, кто-нибудь заподозрит из нас, что он больше кушал? Он делал такие вещи. Он выходил и знал, что мыза ним пойдем и, может быть, повторим его. Он, воспитатели и завхоз шли на большую дорогу, а по дороге шли толпы людей из центральных губерний, где был голод. Шли голодные и холодные, и матери прижимали к себе мертвых детей. И наши воспитатели отдавали свой хлеб этим несчастным матерям. Мы тоже отдавали. Мы были голодными, но отдавали свой хлеб. А эти голодающие проходили мимо богатых кулаков, и кулаки им ничего не давали, а только собаками травили.

Но мы иногда по ночам ходили и «занимали» то, что кулаки не давали голодающим. Мне кажется, голод и холод не нарушают нравственности, а еще больше ее куют. И мы знаем, что значит кусок хлеба, которого сегодняшний ребенок имеет в избытке и не знает, что такое голод. А я и сейчас не могу бросить кусочек хлеба. А вы попробуйте насытиться, когда на всю колонию дают одно ведро ячменя и надо сварить из него и первое, и второе. А вы попробуйте поесть такую пищу!

Если сварить щи, получаются они какой-то странной расцветки, и трясутся, и никакой ложкой не возьмешь, а если зацепишь, то скорее надо есть, а то сразу густеет и тянется, и надо рукой – тяп, и тогда тащи в свою утробу.

Я не помню, чтобы каждый из колонистов не сказал:

– Нет, я никогда не украду.

Я не знаю случая, когда бы колонист 1920-х годов сказал:

– Нет, чтобы я когда-нибудь что-нибудь украл. Нет, пусть я голым стану, но не украду. Почему?

Однажды мы украли продукты у одного отвратительного кулака. Он пришел и сказал:

– Вы неправильно воспитываете, Антон Семенович, своих красных босяков.

Антон Семенович выстроил всех нас, снял фуражку и сказал:

– Гражданин труженик! Простите, пожалуйста, меня, я неправильно воспитал ребят, времени не хватило. Обидели мы вас, простите! Может быть, в следующем году вырастим лучше.

– Ну ладно, раз так просите, низко кланяетесь, я вас прощаю. А если бы он напустился на него – и пуговицы не осталось бы у старика. А он свою голову склонил. И тогда был положен крест на воровстве.

Это была его система. Даже если он говорил:

– Семен, под арест!

И это была уже какая-то симфония!

Мне кажется, даже учителя можно под арест посадить в кабинет директора, а чтобы не сидел и не грубил, он предлагал ему книжки читать. И я, сидя в этом кабинете, перечитал всех классиков. Но как он давал команду!

– Семен, голубчик, восемь часов тебе хватит?

А иногда записочку присылает: «Приглашаю тебя, Семен, на пару часов в кабинет».

– Если, – говорил он, – можно допустить миллион проступков у детей, то у нас – опытных педагогов – должно быть два миллиона мер воздействия. Они не записаны ни в каких уставах, они тут же должны излучаться.

Человек пришел на землю, родился для того, чтобы на земле оставить хороший след. И Антон Семенович говорил:

– Вы думаете, что я позволю вам оставить паскудный след на земле? Нет, я скорее ногу тебе оторву, Семен, чем допущу, чтобы ты вышел из моей души, из сердца, инвалидом, который делал вмятины на земле.

Сам Антон Семенович вмятин не делал, а делал все, чтобы люди могли иметь эстетическое наслаждение.

Хочется пожелать вам, чтобы в каждом из вас сидело хотя бы небольшое, но хорошее зерно. И развивайте его, и творите, и будьте если не макаренковцами, то суворовцами или кем хотите, но оставайтесь самими собой – людьми хорошими, патриотами, самозабвенно влюбленными в свое дало.

И не просто только говорить, что мы любим детей. Дети – это наше будущее! Вы должны сказать, какое будущее должно быть. А оно должно быть только хорошим. И надо так работать, чтобы было только хорошее, чтобы обеспечить и нашу благополучную старость.

У вас, педагогов, пусть ваша жизнь будет беспокойной и страстной, и пусть у вас будет улыбка от сознания, что вы не картину нарисовали хорошую, и не книгу написали великолепную, но создали настоящего человека!

Выступление на заседании педагогического клуба Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена 14 ноября 1954 года

Я очень рад, я счастлив, что на мою долю выпал такой славный удел – выступить перед такими замечательными, такими красивыми студентами, как студенты Ленинградского педагогического института имени Герцена, в стенах которого, именно здесь, в педагогическом клубе института, выступал незадолго до своей смерти Антон Семёнович Макаренко.

В своём выступлении я постараюсь быть полезным вам в двух направлениях:

• во-первых, познакомить вас с Антоном Семёновичем, ещё больше влюбить вас в него, а раз вы пришли сюда, чтобы услышать о нём, в воскресенье, значит, вы уже любите его, а его есть за что любить;

• во-вторых, мне хочется быть в какой-то мере полезным в отношении вашей будущей педагогической практики.

Вы многому научитесь в институте, в этом нет сомнений, но возникнет масса всяких недоразумений и вопросов в вашей работе, и на эти вопросы вы не найдёте ответа ни в одном учебнике, ни в одном институте. Как реагировать, например, в том случае, если мальчик на первом же вашем уроке вдруг свистнет. По поводу этого ни в одном педагогическом учебнике не сказано, как надо поступить. Целый ряд таких вопросов может встать перед вами, поставит вас в затруднение, и как выйти из этого положения, вы не найдёте ответа. Нередко трудно бывает учителю, тем более молодому учителю, выйти победителем из тех или иных конфликтных ситуаций.

Мне очень хотелось бы, чтобы слова мои, слова страстного труженика-педагога, содействовали вашей страстной влюблённости в вашу будущую педагогическую специальность. Я не знаю, какая есть ещё на свете другая специальность, профессия, которая была бы более значимой, чем профессия учителя. Слово ведь какое – учитель! Каждый из вас, здесь сидящих, если не учитель, то будет учителем. Вы не только будете обучать детей, не только будете раскрывать перед ними в научных познаниях, что окружает нашего мальчика, нашу девочку, а будете тренировать их в жизни, будете их воспитывать. Как обучить этому, я вас не обучу – этому вас обучают люди с

большим педагогическим опытом, с большими педагогическими делами, а я постараюсь быть полезным в той области, которая именуется собственно воспитанием. В данном случае я буду просить просто на веру воспринять меня, так как если я что-нибудь знаю, то это же понятно – 27 лет труда с ребятишками чему-нибудь могли и меня научить. И это самое «что-нибудь» я и постараюсь в рабочих эпизодах изложить.

Но вас, прежде всего, интересует, каким был Антон Семёнович. Что это был за человек? Мне хочется нарисовать портрет Антона Семёновича, чтобы вы были на него похожи, хотя бы по внешним признакам. А что же это за внешние признаки, которые так очаровывали нас? Во всяком случае нам, его воспитанникам, всегда хотелось перенять хотя бы внешний облик Антона Семёновича.

Мы, воспитанники Антона Семёновича, так любили своего учителя, что нам хотелось говорить так, как он говорил, с такой же хрипотцой, которая чувствовалась в его голосе; нам хотелось писать таким же почерком, как он писал; мы хотели ходить так, как ходил Антон Семёнович, его походкой; нам хотелось носить косоворотку так, как носил её Антон Семёнович, даже тем этого хотелось, кому это совсем не шло. Мы хотели носить галифе, потому что их носил Антон Семёнович. Наконец, мы не хотели жениться, потому что знали, что Антон Семёнович дал кому-то клятву не жениться. Правда, он потом первым же нарушил свою клятву, женился значительно раньше своих воспитанников.

Внешние признаки Антона Семёновича – его внешний облик человека. Роста он был выше среднего. Если считать, что я – выше среднего роста, то он был примерно таким, как я. Но в три раза тоньше. Антон Семёнович был очень изящный, спортивно лёгок. Он всегда производил впечатление изящества. Антон Семёнович был очень остроумен, с большим юмором, изумительно находчив, на всё всегда у него был готов ответ. Это был всесторонне образованный человек, человек изумительной чистоты, физически и нравственно, гражданин самого лучшего примера.

Длинный, длинный римский нос, всегда оседланный очками, а за очками – очень близорукие, но умные, зоркие, сверлящие светло-серые глаза. Глаза его так и лучились, так и горели, в них искрились необыкновенная человеческая страсть и обаяние и в то же время строгость, которая невольно держала всякого человека, нас, воспитанников в том числе, на определённом расстоянии, на определённой педагогической дистанции. Как примечание ко всему сказанному хочу добавить, что Антон Семёнович никогда не облокачивался на стол, никогда не прислонялся к стене, всегда стоял в красивой позе, держался прямо. Мы никогда не видели

его спящим. Вы скажете, что это за деталь, почему не посмотреть на спящего педагога? Видите ли, товарищи, и в этом моменте как-то оформляется личность педагога.

Воспитатель должен являться примером для своих воспитанников буквально во всём. И в том, как он ведёт себя, как ест, как выполняет общественные нагрузки и т. д. и т. д.

Нужно всегда помнить, что мы, учителя, всегда должны заботиться о том, чтобы как-нибудь не оскорбить эстетических чувств своих воспитанников. Если вы уверены, что педагог спит прилично, можно показать его и сонным. Но если он спит неприлично, показывать не нужно. В самом деле, если он спит так, что храпит, это не укрепляет авторитета, а учитель, воспитатель, должен пользоваться большим авторитетом у учащихся. Причём, авторитет – это то, что вы не получите вместе с дипломом, вы сами должны его создать в своей работе. Здесь вы получите знания, а всё остальное, в том числе и ваш авторитет, придут к вам потом, в процессе вашего труда. И может случиться так: учитель завоевал авторитет в школе, а придет к нему учащийся домой, пошлют его к вам с какой-нибудь записочкой, увидит он вас в домашней обстановке, которая вовсе не располагает к тому, чтобы он проникся к вам большим уважением, и авторитета как не бывало.

Приведу такой пример. Это случилось с одним учителем. Я как-то пришёл в школу детского дома (дело было в Москве). Мне нужен был один учитель, и я попросил разрешения у директора школы послать одного из мальчиков за этим учителем к нему на квартиру. Вы знаете, что любой мальчик охотно согласится исполнить это поручение уже по той причине, что он может отсутствовать какое-то время на уроке, побывает на улице и т. д. И здесь, когда мальчики узнали, что кому-то надо будет пойти с запиской к учителю, все подняли руки, выражая своё желание исполнить это поручение. Раздались голоса:

– Мы знаем, где он живёт. Давайте записку!..

Я написал записку и попросил Василия Ивановича (так звали учителя) немедленно прийти в школу. Я рассчитывал, что мальчик минут десять пройдёт туда, минут десять обратно, возможно, задержится в дороге, спешить на урок он не будет. Но дело вышло не так. Мальчик пришёл на квартиру к учителю, постучал. Ему открыла жена учителя:

– Чего тебе?

– Вот записка Василию Ивановичу.

– Иди, он еще валяется в постели!

Мальчик постучал в комнату учителя, вошёл. Что же он увидел? Василий Иванович лежит в постели, одна нога на спинке

кровати, на другой ноге палец выглядывает из носка не первой чистоты. Тетради учеников валяются в самых драматических позах: на животе учителя, разбросаны по кровати, одна попала в галошу. Тут же, на кровати, селёдка с перегрызенным горлом. Во рту учителя торчит «бычок». Посмотрел мальчик на эту картину педагогического «уюта», отдал записку и спросил:

– Можно идти?

Выскочил из квартиры учителя. В полторы минуты он вернулся в класс. Даже учитель не мог понять такое поспешное возвращение ученика. Ведь обычно дети не спешат вернуться. Даже есть дети, которые спрашивают маму:

– Мамочка, ну почему неделя большая, а воскресение только одно? Почему не наоборот?

Этот мальчик рассказал мне о том, что он увидел на квартире учителя. Вскоре в кабинет директора влетел Василий Иванович:

– Что произошло?.. Ничего не могу понять. Дети ходят вокруг меня и смеются. Я знаю, чьи это проделки – это председатель профкома.

Так как мальчик, бывший у Василия Ивановича, пооткровенничал со мной, я знал, в чём дело, и сказал:

– Дорогой друг, идём к тебе домой.

– Это зачем?

– Пойдём, и ты поймёшь, почему смеются дети.

Мы пришли к нему. Встретила нас жена Василия Ивановича в неряшливом виде, с подоткнутой юбкой (а ведь она сама детей учит).

– Смотри, – говорю я Василию Ивановичу, – что здесь делается, и сам пойми, в чём дело.

Вот что значит вид учителя не только в классе, но и дома.

И, если спит педагог не совсем прилично, стоит ли его показывать? Сами понимаете, что во время сна могут произойти некоторые нежелательные вещи, болтать, например, начнёт что-нибудь не совсем подходящее… Зачем такие подробности нашим ученикам?

Я хочу вам сказать, что я часто возил Антона Семёновича в Полтаву из первой, из третьей колонии (это было в 1921–1923 годах). Он обычно говорил мне:

– Едем в четыре часа утра.

И когда бы я к нему ни пришёл, всегда заставал его комнату в полном порядке. Всё было прибрано, закрыто, а сам Антон Семёнович сидел, ожидая меня, свежий, ну словно розовый букет.

Следовательно, всем нам надо следить за собой, беречь свой внешний облик. Внешние черты, которые были свойственны Антону Семёновичу, – это и есть то, к чему мы должны

стремиться, что нам необходимо, что рисует облик учителя. Наша внешность говорит и о наших внутренних достоинствах. И я всячески предостерегаю вас, чтобы вам не стать, хотя бы на каплю, похожими на Василия Ивановича. Будьте во всем похожими на Антона Семёновича Макаренко.

Антон Семёнович никогда не говорил нам:

– Вот, дорогие дети, садитесь и слушайте. Я буду вас воспитывать.

Между прочим, бывает и так, что воспитательница в школе или в детском доме считает, что именно таким способом, беседами, и следует воспитывать. Макаренко воспитывал нас всегда, даже когда мы не видели его. Мы находились в 27 километрах от него, но чувствовали его присутствие, его воспитывающее, руководящее влияние. Антон Семёнович говорил, что воспитание в нашей стране должно происходить на каждом квадратном метре советской земли. Говорил он, что воспитание – процесс длительный, кропотливый и конкретный, что воспитывать должен каждый гражданин – не только тот, кому это положено по долгу службы, по специальности, «по зарплате», но и родители, и все сознательные граждане должны воспитывать. И это было бы здорово, мы многого бы достигли, несомненно, смогли бы предупредить много драм, несчастий, проступков, которые нередко приводят наших детей на скамью подсудимых.

Наряду с развитием нашей экономики мы должны заниматься воспитанием человека, который продолжает род человеческий. А продолжить род человеческий он сможет, если не будет, образно говоря, каким-нибудь рахитиком. Значит, и мы, педагоги, в первую очередь должны быть морально здоровыми людьми, активными продолжателями рода человеческого.

Могу сказать, что в моей семье одиннадцать детей. И считаю, что каждый педагог должен иметь не менее семи детей.

Антон Семёнович говорил, что процесс воспитания должен проходить естественно и незаметно, подобно тому, как организм дышит. Как я говорил, он никогда не вёл с нами специальных нравоучительных бесед, но разговаривал с нами всегда, когда появлялся конкретный повод.

Расскажу вам один случай. Была у нас в колонии некая, очень нежно оформленная Варюшка, ещё в первой колонии исполнявшая обязанности экономки. Она была одной из первых сотрудниц колонии. Такая приятная старушка (я бы просто расцеловал её в беззубый ротик). Одним словом, очень изящная, нежная старушка. Она просто каким-то чудом попала в качестве обслуживающего персонала к таким детям, какими были мы. И вот она уезжала, уволившись по собственному желанию. Меня

вызвал Антон Семёнович (я был тогда командиром конюхов, во втором отряде старшим конюхом). Он сказал мне, что я должен сам отвезти старушку.

– Свези бабушку, да вези осторожненько.

Я подал лошадь, помог бабушке погрузить её вещи, упаковал их, как говорится, и старушку. Всё было очень хорошо. Все ребята провожали старушку, и я поручился, что довезу хорошо. Так оно и было, старушка меня даже поблагодарила – дала что-то вкусное.

Но что же я вижу на другой день? В кабинете у Антона Семёновича сидит эта старушка, оказывается, она вернулась. Мне сделалось плохо. А Антон Семёнович говорит:

– Какая гадость! Обворовали бабушку!

– Как, где обворовали?

– Конечно, наши славные мальчики!..

Пока мы помогали старушке погрузиться, её отдельные вещи перемещались в пазухи хлопцев. Гриша Супрун сознался, что стащил двенадцать серебряных ложечек. Одним словом, обокрали старушку. Отвёз я её опять.

Антон Семёнович назначил товарищеский суд. Председателем был муж одной воспитательницы, которую я очень любил (она живёт и здравствует сейчас в Ленинграде). Заседателями были назначены наши же воспитанники (фамилии всех не помню), в том числе Колос, который сейчас живёт в Хибиногорске. Мне Антон Семёнович сказал:

– Ты будешь защитником, а я прокурором.

Товарищеский суд Антон Семёнович обставил по всем правилам: самая скверная скамья была для преступников, их оказалось пять человек.

Антон Семёнович говорил горячо и просто. Его слова раскалённым углём жгли наши сердца, как тяжёлый камень падали не только на подсудимых, но и на тех, кто был кандидатом на скамью подсудимых.

Дали слово мне как защитнику. Только я начал говорить о снисходительности, как меня перебили:

– Что же ты говоришь, когда сам ступку украл!

Да, так оно и было. Не знаю, зачем мне понадобилась ступка с пестиком? Но сейчас чувствовал я себя так, будто меня самого толкли в этой ступке.

Яркая, красивая речь Антона Семёновича на этом суде запомнилась всем нам на всю жизнь, и с тех пор не могло быть и речи, чтобы кто-нибудь из нас соблазнился когда чужой вещью.

Может быть, я привёл слишком яркий пример, но есть поводы и повседневные, когда можно провести такую убедительную беседу на воспитательную тему. Ведь воспитательная работа – это

наше умение привить воспитуемому, вообще людям, общественную мораль, которая делает красивым облик человека, как физический, так и нравственный, создаёт гражданина нашей страны. Мы проводим воспитание в труде, в игре, в должных человеческих отношениях.

На чём строились наши отношения с Антоном Семёновичем? Они строились на доверии, на дружбе, на нашем уважении к нему и друг к другу. Мы так уважали, так любили Антона Семёновича, что нам было стыдно сделать что-нибудь порочащее наше человеческое достоинство, мы боялись предстать перед его столом в положении обвиняемого, причинить ему боль. Это чувство неудобства, возникающее у воспитанников, надо считать самым высшим достижением воспитательного действия. Надо сказать, что Антон Семёнович добивался этого от своих воспитанников мастерски.

Помню такой случай. Это было в 1922-м или в начале 1923 года. Я оказался в состоянии влюблённого. Ведь каждый нормально развивающийся человек должен обязательно влюбиться, причём красиво, головокружительно, вплоть до стихописания. Мне было разрешено ходить на свидания. Это не считалось у нас дурным тоном, чем-то зазорным. Все товарищи знали, что я влюблён, и раза два в неделю уходил на свидания, получая от Антона Семёновича записку:

– Семёну разрешён отпуск до 11 часов вечера.

Я проходил три километра, встречал свою девушку, старался что-то сказать, но как влюблённый больше молчал, вздыхал, ерошил свои волосы, в лучшем случае говорил:

– О, какая хорошая ночь! Или ещё что-нибудь.

Одним словом, возвращался счастливый, взаимно любимый. Антон Семёнович учил меня, как нужно любить, по-настоящему, не по-хамски, осторожно, красиво, оберегать свою любовь, не опошлять своего чувства. Он даже благодарил меня за то, что я ему сознался в своём чувстве, и что одним из первых его воспитанников полюбил. Антон Семёнович видел, что мы – такие же нормальные люди, что никакие невзгоды, даже тюрьма, не вытравили у нас красивого чувства любви. Однажды, возвращаясь с одного из таких свиданий, я забежал к Антону Семёновичу, думая или поиграть с ним в шахматы, или просто поговорить. Вижу, Антон Семёнович сидит какой-то грустный. Спрашиваю:

– Антон Семёнович, что с вами?

И вдруг в ответ:

– Пошёл вон!..

– Антон Семёнович, что с вами?..

– Пошёл вон! Вон пошёл!

Я молчал, не мог никак понять, в чём дело. Надо сказать, что отношения у нас с Антоном Семёновичем были настолько тёплыми и близкими, что Антон Семёнович не стеснялся иногда поделиться с нами своим горем, неприятностями. А тут получается совсем другое. Я сказал Антону Семёновичу, что никуда не пойду, пока не узнаю, чем он встревожен. Сначала он продолжал говорить мне, чтобы я ушёл, чтобы его не трогал. Я спросил, может, я в чём виноват. И тогда он сказал, что я, действительно, виноват.

– Как выживете!.. – сказал он. – Вы опошляете жизнь. Чем занимаются мальчики? Ты знаешь, что они сейчас в спальне играют в карты, друг друга обыграть хотят, а ты тут стоишь, как трусливая сороконожка, и молчишь. Вон отсюда!..

Для меня его слова были настоящим терзанием. Я знал, что они могут играть в карты. И мне была очень горька та правда, которую Антон Семёнович влепил мне в глаза. Эта правда, как топором, ударила меня. Я бросился вон из кабинета, мигом ворвался в спальню и, действительно, застал ту картину, которую мог ожидать: на кровати сидел Супрун с группой мальчиков и играл в карты. С Супруном мы тогда очень дружили. Я подошёл к нему и сказал:

– Гриша, брось играть. Сейчас же бросьте играть!

Супрун начал было бурчать, вот, мол, воспитатель нашёлся, но я продолжал настаивать. Не обошлось, конечно, без потасовки, но кончилось тем, что игра прекратилась и больше в колонии никто никогда в карты не играл. Антон Семёнович считал, что это дело моих рук, но, в действительности, это было дело его души, его сердца. Он умел заставить нас не делать плохого, учил дорожить доверием к нему.

А в 1921 году у меня проснулось чувство любви к матери. Известно, что мальчики в возрасте 7–9 лет обычно стыдятся этого чувства, и когда мать целует, например, мальчик говорит: «Не надо…» Такое было и у меня. Но вот во мне пробудилось чувство сыновней любви, а дома я не был около шести лет. Я попросил Антона Семёновича, чтобы он дал мне отпуск, разрешил съездить домой. Отпуск мне был дан в субботу, до 12 часов следующего дня. Я отправился в отпуск. Дома я узнал, что мой старший брат женится. Вы знаете, что в деревне свадьба – большое торжество, и виновники его чувствуют себя героями. Меня просили остаться на свадьбу, мать очень уговаривала. Но я отвечал, что остаться никак не могу, отпустили меня только до определённого часа, и опоздать я не имею права. Потом под влиянием настойчивых уговоров я решил остаться, но в пять часов утра проснулся и решил – ухожу.

Это была не просто дисциплина, а дисциплина с сознанием, что общественные интересы выше личных. Я ушёл, отмахал 40 километров и без пяти минут 12 был в колонии. Меня окружили ребята, расспрашивали, как меня встретили дома. Я пошёл к Антону Семёновичу, он тоже расспрашивал, как живут родные, я отвечал, что всё хорошо, что брат женится.

– И тыне остался? – спросил Антон Семёнович.

– Как же я мог остаться, когда отпуск у меня только до 12 часов?

– Вот это здорово! – сказал Антон Семёнович, – за это спасибо.

Вскоре заиграл сбор, и Антон Семёнович обратился к колонистам:

– Я собрал вас по такому поводу: у Семёна в семье событие – брат женится, он у него был до сегодняшнего дня. Может, продлим ему отпуск?

– Да, да! – закричали колонисты.

Я отнекивался, что не хочу идти обратно.

– Но мать тебя очень просила?

– Да, очень.

– В таком случае, – сказал Антон Семёнович, – ты должен вернуться.

Ребята ему в тон:

– Пусть идёт в отпуск!

Просили отпустить и друга моего Гришу Супруна, «специалиста по свадьбам». Мы вышли. Вдруг нас догоняет наш экипаж, в упряжке Мэри (я так назвал ее в честь Мэри Пикфорд, такая это была изящная и красивая лошадь). В чём дело? Видим, и Антон Семёнович здесь.

– И я погуляю на вашей свадьбе, – говорит.

Представляете, какое наслаждение было видеть Антона Семёновича у нас дома? Я во все глаза глядел только на него. И родные мои были очень рады. Но здесь я подчеркну одну деталь: Антон Семёнович просто пожалел мои ноги, знал, что мне будет не до танцев, если в тот же день пройду ещё 40 километров.

Вот вам проявление исключительной заботы, чувства дружбы со стороны Антона Семёновича к нам, его воспитанникам.

Вместе с тем Антон Семёнович был к нам очень требователен. Я не помню, чтобы он часто поощрял нас за наши доблести, а вот наказывал, когда мы того заслуживали, всех, никогда не прощал провинностей. Бывает так, что дети напроказят, а их прощают. А иногда говорят:

– Проси прощения.

Зачем прощать и просить прощения?

– Наказание, – говорил Антон Семёнович, – воспитывает волю, характер. Стоическое перенесение наказания воспитывает наказуемого.

И, если Антон Семёнович говорил:

– Тебе до 4-х часов, а уже три, можешь быть свободным, то мы оставались до 4-х часов.

Обычно бывает так: вызовут, немного поговорят, а если ещё мальчик хиленький, поплачет, этим дело и кончится. А потом этот же мальчик ногой дрыгнул и пошёл по коридору. Ничего, продолжай дальше. Это не воспитание. Так нас Антон Семёнович не воспитывал. Повторяю, он учил нас стоически переносить наказание.

Надо сказать, что Антон Семёнович как воспитатель был очень находчив. Кроме того, он обладал удивительной хозяйственной, оперативной сноровкой. Мне очень и очень хочется быть похожим на него. Я хочу, чтобы и вы были похожи на него. Но, конечно, вы не будете походить на него, пока не влюбитесь в свою профессию, пока не поймёте, как следует, как много вложено в эти слова: учитель, воспитатель, пока не пойдёте по следу, по пути, по которому шёл Антон Семёнович, не будете делать это дело, как делал он.

В Москве есть учёный учитель, работает в научно-исследовательском институте истории педагогики, —т. Гмурман. Я был у него в 1944 году, и он просил помочь ему в таком деле: он не мог ничего поделать с одним учеником, приходит в класс, а этот мальчик сидит на вешалке. Он его ссадит, наведёт порядок, а на следующем уроке повторяется то же самое. Был он у матери ученика, был у директора, ничего с этим мальчиком поделать не мог. Я дал такой совет: попробуйте его не трогать, пусть сидит на вешалке. Вы входите в класс, кладёте портфель – и сразу же к классу, переключите внимание класса на себя. Конечно, найдутся две головы – на вас и на него, но вы сразу приступайте к уроку, не обращая внимания на сидящего на вешалке. Начинается, предположим, устный счёт. Вы даёте задания ученикам, они отвечают. Потом, как бы мимоходом, обратитесь к этому ученику:

– Дважды восемь?

Может быть, чисто рефлекторно и он ответит, а там уж результаты сами скажутся. Что же вышло? Вышло хорошо, и этот учитель благодарил меня. Конечно, не всегда может так закончиться, но и такая воспитательная мера может подействовать.

Был такой случай, когда я работал в Москве, заведовал детским домом № 60. Кто-то в школе свистел, свистит, а другие ученики его не выдают. Работать учителю просто невозможно.

Получалось так, что учитель не мог овладеть коллективом класса. Сменилось чуть ли не полдюжины учителей. Но вот была назначена молоденькая учительница. (Сейчас она является одной из лучших учительниц Москвы.) И что же выдумаете? Она нашла способ прекратить этот безобразный свист. Что же она сделала? Когда она вела урок, записывала условие задачи, стоя спиной к ученикам, вдруг кто-то свистнул. Она сказала, что при этом звуке у неё возникло ощущение, как будто её ударили палкой по спине. Закончив писать, она обратилась к классу:

– Тут кто-то свистнул, ребята. У нас сейчас интересный урок… Когда он закончится, напомните мне, пожалуйста, об этом. Хорошо? (Далее он приводит историю: см.: «Свист». – *Л.М.)*

Приводя эти примеры, я хочу сказать, что масса вопросов встаёт перед учителем, тем более перед начинающим учителем, вопросов, ответы на которые вы напрасно будете искать в учебниках, – это те вопросы, которые рождает жизнь. В том-то и заключается искусство учителя, воспитателя – найти правильный выход из того или иного конфликта. В данном случае молодая учительница нашлась, она сумела овладеть коллективом.

Еще пример. В одном детском доме было такое состояние, что, казалось, ничего сделать нельзя – семь директоров сбежало. Принял я этот детский дом и вижу такую картину: 200 мальчиков из 600 воспитанников целые дни проводят на крыше и заявляют, что никогда с неё не сойдут. Я спустил их с крыши. Но один остался и заявил, что ни за что не сойдёт. Тогда мы решили кормить его на крыше. Пришло время обеда, принесли ему в трёх кастрюлях обед. Поставили лестницу:

– Пожалуйста, кушай!

– И не подумаю!

– Нет, ты будешь есть, мы не имеем права не кормить детей, это невозможно.

Сначала воспитанник упирался, но потом всё-таки слез с крыши. Конечно, не всегда в таких случаях можно реагировать шуткой, надо проявлять и гнев. Никто не имеет большего права на гнев, чем педагог, если он вынужден к этому.

Если педагог по-настоящему желает воспитать человека с присущими ему всеми человеческими качествами, чтобы он мог жить красиво, трудиться, нормально переживать, радоваться и проявлять свой гнев, где это нужно, он должен не просто сказать ему при случае, что делать надо так, а не иначе, делать надо то-то и то-то, он должен воспитывать так, чтобы всё то, что он хочет вложить в своего ученика, в своего воспитанника, воспринималось им всем его существом. И мне кажется, что именно педагог имеет право на гнев. Ведь за «умением держать

себя в руках», говорить всегда спокойным, ровным голосом, «без эмоций», скрывается иногда самое обыкновенное равнодушие. А воспитуемый должен чувствовать, что воспитатель не только зарабатывает воспитанием хлеб свой насущный, но отдаёт ему свою душу, тратит на него часть самого себя, и гнев его – это его боль, его страдание. Так мыслил и всегда поступал Антон Семёнович Макаренко.

Мне, кажется, товарищи, что я, может, не сознанием, а, скорее, кровью своей понял то, чему учил нас Антон Семёнович, то творческое, то необходимое, что должно быть присуще учителю, воспитателю, чем он сам был так богат. Я стараюсь, чтобы мне работать так, чтобы дети, которые выходят из моих рук, были бы куском, вынутым из моего сердца. Я стремлюсь к тому, чтобы дети, мною воспитанные, были счастливы в жизни, чтобы они были настоящими людьми, чтобы они обладали, как говорил Антон Семёнович, прежде всего, одной специальностью – стали настоящими людьми. И для этого не обязательно быть академиком, иметь звание учёного. Можно быть слесарем, механиком, шофёром, комбайнером, врачом, но обязательно – честным тружеником, гражданином своей Родины, быть человеком красивого личного примера.

Я заверяю вас, дорогие друзья, что эти десять тысяч человек, которые прошли через мои руки, через моё сердце, не являют собою то, что Макаренко называл педагогическим браком. Педагог не должен допускать брак. Каждый педагог, хочет он того или нет, воспитывает по образу своему и подобию, а значит, прежде всего сам должен являться примером настоящего человека. К этому мы с вами должны стремиться.

Встреча С.А. Калабалина и Ф.А. Вигдоровой со студентами и педагогическим коллективом ленинградского государственного педагогического института имени Герцена 22 ноября 1954 года

Вступительное слово С.А. Калабалина:

– Радоваться мне или печалиться по поводу того, что я дважды за свою жизнь стал героем книги? Одно могу сказать, что Ф.А. Вигдорова взяла на себя очень трудную задачу. Я как прототип Карабанова не очень удачный, и меня трудно втиснуть в скромные страницы книги. Только благодаря изумительной ловкости и физической силе Фриды Абрамовны, ей удалось втолкнуть меня в рамки книги.

Мне задавали вопросы о моем отношении к автору книги «Дорога в жизнь» Фриде Абрамовне. Я сказал, что самое хорошее и самое нормальное. Почему я должен злиться или еще что-то? Вы видели, как мы встретились. Может быть, не полагается целоваться в таких случаях, и кто-нибудь настроен против поцелуев, но мы, русские люди, начинаем всегда с поцелуев даже тогда, когда потом подеремся.

Ко мне почему-то обратились с вопросами, хотя мне хотелось быть только пассивным участником этого собрания. Разрешите мне ответить на них.

Вопрос: *«Были ли в вашем детском доме воспитатели?»*

– Были. Я прежде всего был воспитателем. А почему я туда попал? Я вам скажу. Когда Антон Семёнович сказал: «Хватит тебе держаться за мои педагогические штаны, иди, пробуй свои силы теперь самостоятельно. Поезжай в Ленинград, там не совсем удачно организована работа в детских домах», я поехал и спросил, есть ли у них очень плохой детский дом. На меня посмотрели, как на сумасшедшего: все нормальные люди просят хороший, а он просит плохой. Когда меня направили в колонию, я посмотрел, как там все было организовано, мне понравилось, я там и остался. Как оказалось, я не напрасно был там воспитателем.

Вопрос: *«Где учатся ваши воспитанники?»*

– В массовой школе и являются лучшим примером в поведении, в организации всей детской школьной семьи.

Вопрос: *«Дают ли ваши воспитанники уроки?»*

– Я решительно выступаю против этого, потому что это неполноценный воспитатель. Я хочу, чтобы воспитатель принадлежал телом и душой, всем временем своим только детям.

Вопрос: *«Как организован у вас физический труд?»*

– Я всегда преклонялся перед производительным трудом. У нас в детском доме все дети работают. У меня нет уборщицы, мы имеем большое подсобное хозяйство, хорошее хозяйство на 10 гектаров. Все дети делают своими собственными руками.

Вопрос: *«Когда вы в последний раз встречались с Антоном Семёновичем Макаренко?»*

– Последний раз я встретился с Антоном Семёновичем в 1938 году. Последнее письмо от него я получил 28 марта, то есть за два-три дня до его смерти. В этом письме Антон Семёнович писал мне: «Поздравляю вас с рождением… (зачитывает письмо).

Вопрос: *«Держите ли вы связь с бывшими колонистами, которые воспитывались вместе с вами?»*

– Да, я поддерживаю связь со всеми воспитанниками Антона Семёновича, с Буруном, Архангельским и другими. Чем они занимаются? Каждый по своей специальности.

Вопрос: *«Расскажите, пожалуйста, о первых годах своей работы в коммуне имени Дзержинского. Как руководил и помогал вам Антон Семёнович?»*

– Он частенько зазывал меня в свой кабинет и начинал упражняться со мною. Дело доходило даже до того, что мы вместе делали скетч[11]. Он пишет четырехстишье и заставляет меня писать. Мне даже запомнилось несколько четырехстиший: «Киев – город знаменитый… (зачитывает стихи).

Вопрос: *«Скажите, пожалуйста, как вы работаете сейчас?»*

– Работаю я денно и нощно. Имею план работы и как директор, и как заведующий учебной частью. Заведующий по административной части также имеет план, воспитатели также имеют свои планы и заглядывают в них, но больше работаем без планов, так как мы с восхода солнца начинаем выделывать такие пируэты, которые не вмещаются ни в какие планы.

Вопрос: *«Есть ли нарушения у вас в детском доме?»*

– Есть и нарушения, но бывает и так, что квартал проходит без нарушений. Но если бы было возможно жить совсем без нарушений, без происшествий, за счет чего писалась бы приключенческая литература, которой все мы увлекаемся? Бывают всякого рода меры воздействия, самые неожиданные, на различные нарушения. Может быть, кто-нибудь скажет, кто это выкачал из головы человека такие чувства, как радость, гнев, раздражение, на которые имеет право любой живой человек, а тем более педагог? Почему мы не можем адресоваться к

учащемуся по поводу его возмутительных поступков с гневом, раздражением и т. п.? Так опустошили педагога, как будто бы у него не осталось кислорода, остался только какой-то старый газ, так что он действует тихо-тихо.

В «Правде» была большая статья «Художественная литература о воспитании детей». Там был такой пример. Учитель спрашивает ученика:

– Сделал ты математику?

– Сделал.

– Правильно пример решил?

– Как и все.

– Покажи тетрадку.

– Я забыл тетрадку дома.

Какая наглая, возмутительная поза у этого учащегося, ученика 9-го класса! И, конечно, все это говорится в порядке издевки над учителем. А учитель должен спокойно это переносить и говорить с ним, не повышая голоса.

И дальше ему задается вопрос:

– Вы прочитали письмо Белинского к Гоголю?

– Не читал, – ответил он, но, оставаясь до конца наглецом, прибавил: – Я чужих писем не читаю.

Это наглец, который добивается того, чтобы вывести педагога из рабочего и психического состояния. Почему же педагог не может прибегнуть к доступным человеческим средствам, чтобы повлиять на этого «дядю», который, видите ли, делает одолжение, что сидит в классе. Он делает одолжение вообще тем, что посещает школу, потому что этого хочется родителям и по всеобучу ему нельзя не посещать школу. Так почему же для того, чтобы сделать благополучной учебу тысячи человек в школе, мы не можем освободиться от такого ученика? Он найдет себе место, он не пропадет. Он никем не хочет быть и сейчас, кроме как торговать сиропом, а для этого такому хулигану не нужно среднего образования. Он издевается, а вы не смеете на него голос повысить, не смеете впасть в состояние гнева! Почему, кто это запретил? Почему ему можно надо мной издеваться, а педагог должен быть джентльменом и все выносить спокойно?

Вопрос: *«Расскажите о судьбе героев книги «Дорога в Жизнь»?»*

– Я могу вам рассказать о Мире. Мира был изумительнейший вор, который шапку с вас мог снять. Он был таким ловким карманником, что, когда его привезли в колонию закрытого типа, там от него откупились за 7 тысяч рублей, после этого охраннику дали семь лет.

Теперь он имеет погоны, большой чин. Очень интересная судьба. Он начальник штаба или командует полком на Украине.

Это был великий художник-организатор всего недоброго, а сейчас он оказался хорошим организатором воспитательного процесса в войсковых частях со взрослыми, а со взрослыми иметь дело куда труднее, чем с малышами.

Вопрос: *«Не знаете ли вы, что случилось с Задоровым?»*

– Ничего не случилось. Пришел он с войны с орденами в звании майора, сейчас служит в армии.

Вопрос: *«Расскажите о мерах наказания в воспитании».*

– Я всегда за наказание. Антон Семёнович говорил, что никакая другая мера так не воспитывает настоящую храбрость, смелость, находчивость и выносливость, как мера наказания. Меня он любил по-настоящему и наказывал не так часто, не более 30 раз в месяц и, если бы он этого не делал, то из меня не вырос бы настоящий человек, организатор детской среды. Я иду на любые меры, чтобы быть убежденным и уверенным в том, что через 10–20 лет всё в его жизни будет абсолютно благополучно, и это будет только потому, что я его наказал сегодня.

Вопрос: *«Где помещался этот детский дом, о котором пишет Вигдорова?»*

– Скажу, это не секрет: Сосновая поляна, ехать трамваем № 36 от Казанского собора.

Я хотел ответить одному товарищу насчет Репина. Он, я считаю, хорошо удался Фриде Абрамовне. Репин – это духовный, нравственный садист. А есть еще садисты физические, которые получают наслаждение от насилия. Он маму доводит до того, чтобы мама плакала, и т. д. Такого садиста я получил в 156 колонии, причем он до этого умертвил трех мальчиков, примерно такого же возраста, как мой сын. Он им перегрыз горло и высосал кровь, и моего примерно так же, да еще набрал цветочков, обложил их кругом – утонченно издевался, а потом пошел играть.

Вот до чего доводят те уродства, свидетелями которых мы часто являемся, по отношению к которым никаких мер не принимаем. Не надо стесняться, если мы видим какое-нибудь безобразие, надо взять его за воротник и держать так, чтобы он потом дня три не говорил.

Вопрос: *«Что произошло после вашего отъезда?»*

– После отъезда я по поручению Антона Семёновича организовал на Украине колонию на 430 человек для рецидивистов. Никому Антон Семёнович не хотел поручать такого почетного дела, кроме меня.

В книге приведено много фактов, из которых видно, что многое мне удавалось легко. Даже в пионерском лагере это трудно было бы сделать. Но выдумаете, что с детьми в пионерском лагере легче работать? Мне кажется, что с детьми в

пионерском лагере значительно труднее работать. Приведу вам пример, когда один мальчик сказал мне, что он не хочет делать того, что я ему велел. Я приказал детям принести носилки, положить на них Галатенко (фамилия мальчика) и принести его ко мне в кабинет. Ребята так и сделали. Они взяли носилки, положили на них упиравшегося Галатенко и принесли его в мой кабинет, поставив носилки перед столом. Я посмотрел на лежащего на носилках Галатенко и спросил его:

– Разве вас наказали? А вы поняли, что это наказание?

Затем я сказал ребятам, чтобы они унесли его обратно.

Был у меня и такой случай, когда один из колонистов сильно ругался, изощряясь в этом. Услышав ругань, я сказал ему, чтобы он не выходил из своей спальни. Но он не послушался и пришел ко мне. Увидев его, я сильно закричал на него и сказал:

– Пойдем в лес.

Он сильно испугался, подумав, что я хочу его повесить. Когда мы пришли в лес, я сказал ему:

– Садись сюда и в течение семи часов ругайся.

Потом я ушел. После того как прошли эти семь часов, он пришел в колонию. Увидев его, я просил:

– Насколько лет наругался?

– На пятьдесят.

После этого случая, когда он снова начинал ругаться, я спрашивал его:

– В лес захотел?

Мы боимся наказания, мы боимся предупреждения насилия, а всякое преступление – это и есть свершенный факт насилия над личностью, прежде всего над коллективом и над общественным трудом. В одной из ленинградских школ был мальчик, ученик 5-го класса, 13—14-ти лет. Он сильно избил девочку, поставил мальчику синяк, лил нарочно воду на пол, а когда его попросили убрать за собой, отказался, грубил учителям. Когда ему делали замечание, он говорил:

– Это из басен Крылова.

Бегал по этажам без разрешения, но дома, как заявляли учителям его родители, он очень хорошо себя ведет. Это хитрый малый. Он пионер. Как быть? У нас было много таких примеров. Я спрашивал, исключим ли его из пионеров, говорят, нет.

Неужели у учителей, (я не говорю о детях) не хватило смелых средств укротить этого 13-летнего мальчика. И если он отвечает на все увещания, что «это басни Крылова», то, может быть, действительно, рассказать ему такую «басню», припугнуть его хорошенько. Мы этого боимся, а меня Антон Семёнович частенько пугал. Почему нельзя пугать этого маленького мальчика?

Припугнуть его так, чтобы животный страх был в его глазах. А если я начну его нудным тоном отчитывать:

– А почему ты девочке голову разбил?

– Это басни Крылова, – ответит он.

Нет, я так рявкну на него с гневом, чтобы он побледнел, вот тогда это на него подействует. И ничего плохого из этого не выйдет, это его не изуродует. Столько он причинил огорчений, страданий, материального ущерба, а его только уговаривают, не бьют и не кричат на него. Я со своими детьми не так поступаю, я бы взбесился, прежде всего. Я очень часто бешусь, но до сих пор не бешеный. Я видел таких учеников в наших детских учреждениях, куда меня возили на самолете, – 250 детей, которые составляли не коллектив, а ватагу, на которую надо было направить шланг, чтобы их успокоить. Я попал туда после того, как там они одного друга гвоздем зарезали. Там был один мальчик, который плакал 27 дней подряд, причем плакал хитро, организованно, за завтраком и обедом. Плакал на второй день, на третий и т. п. И так 27 дней его все уговаривали – и воспитательница и чужие люди.

– Почему ты плачешь?

Он ничего не говорит, но продолжает плакать, а я как крикну:

– Хватит!

После этого мне приходилось принимать меры, чтобы он только смеялся. Этот мальчик сейчас работает мастером паровозной мастерской в городе Тбилиси. Он мне пишет письма, недавно спрашивал: «Можно ли ему жениться?» Я написал, чтобы он прислал мне фотокарточку своей невесты. Он прислал: чернявая, со всеми соответствующими признаками грузинки. Я посмотрел и написал: «Верно. Она будет тебе хорошей подругой и хорошей матерью твоих детей». Он поблагодарил за хороший совет и пишет: «Я как раз думал о том, будет ли она хорошей матерью или не будет».

Выступление перед педагогическим сообществом [12]

Мне хочется поделиться с вами задушевно, как ваш коллега, как ваш соратник, работающий на том же фронте, с такими же пацанами, как и вы, некоторыми результатами своей работы, поговорить о некоторых приемах работы с ребятами. Мне хочется сказать о том, чем занимаются те люди, в адрес которых слышишь вопрос, – на самом ли деле существуют такие люди, о которых писал Антон Семенович, живые ли они или мертвые, выдуманные или не выдуманные?

Нет, не выдуманные, живые, костистый народ, живут, не только живут, а кое-что и создают, не только создают, а и преуспевают в своих созиданиях. Правда, многие трагически погибли смертью героев у озера Хасан, на полях брани Монгольской Республики, на финском фронте. Но очень большой отряд работает вместе с нами, шагают очень красиво в нашем замечательном марше в качестве врачей, педагогов, летчиков, командиров Красной Армии, очень много орденоносцев, вообще, славные ребята.

Давайте поговорим о тех, которые работают на педагогическом фронте, как они работают, как научил их работать Антон Семенович, и как они несут его замечательные идеи, мудрую педагогическую страсть в нашу жизнь.

Есть таланты и есть мастера педагогического искусства. Я считаю, что Антон Семёнович был, прежде всего, талант, страстный, полный творчества, педагогической справедливости, чистоплотный, подтянутый, собранный педагог, друг и товарищ, беспощадный друг, умевший бичевать критикой, словом, умевший тем же словом или каким-нибудь движением плеча, или отдельного мускула на лице как букет перед красивой дамой поставить, начертать перспективу исправления.

Вот этому его мастерству, этим его приемам и надо было бы нам поучиться у него. Я работаю уже 15 лет самостоятельно, сначала работал под его непосредственным руководством в качестве воспитателя, а теперь самостоятельно, и стараюсь работать так, как работал Антон Семёнович. Страшно хочется быть талантом, но еще не талант. Но без защиты какой-нибудь диссертации или просто установления какого-то педагогического разряда хочу считать, что я мастер, может быть, пятого, может быть, только третьего ученического разряда, не знаю, но считаю себя мастером. Нахожу возможным утверждать, что и вы все

мастера, правда, у каждого свой соответствующий педагогический разряд этого мастерства.

Мне кажется, для того чтобы быть настоящим мастером, нужно быть, прежде всего, настоящим человеком. Иные товарищи думают так: ага, ну, теперь я педагог, теперь я воспитатель, теперь нужно к детям какое-то особое отношение, особые приемы, особая ласковость и особая строгость, даже не такая, какая уместна дома, в семье.

В чем разница между отношением педагога, учителя к своим собственным детям в семье и к детям в классе или в детском доме, вообще в детском учреждении? Если дома учитель, спешащий в школу и еще успевший, может быть, и пол помыть, чуть раньше вставши, и обед сварить детишкам или снарядить их в школу, еще осталось 15 минут, быстренько красным карандашом проверяет тетради, которые он не успел проверить с вечера, и строго членораздельно, ярко, выразительно приказывает своим детям: сделайте то-то, а ты иди туда-то, вернись обратно на это место, ты смотри, Васька, чтобы ты к Юрочке не приставал, иначе будет взбучка. И этот же самый учитель приходит в школу или в детский дом, и начинается варение сахарина:

– Здравствуйте, детки.

Считается, что это большое достоинство, если он первый поздоровался с детьми, а не сделал какое-то движение, чтобы дети предупредительно поздоровались первыми. Начинается какое-то обнимание с детишками. И люди считают, что это выражение какой-то особой ласки. Есть такие мудрые педагоги, которые шьют такие специальные широкие «педагогические» рукава, чтобы дети в рукава залезали и щекотали под мышками. Это считается совершенством, верхом педагогической ласки и хорошего отношения детей к ним.

Мне почему-то кажется, что это просто двурушничество. Надо уметь на расстоянии управлять детским коллективом, отдельными ребятами. Антон Семенович, мне кажется, управлял нами на каком-то педагогическом расстоянии, потому что иначе не было бы такого положения, что 600 человек коммунаров в коммуне имени Дзержинского воспитывались бы без воспитателей, да и что могли бы сделать с нами воспитатели, какие-нибудь крохотные женщины, даже в коммуне имени Горького. Я уже сказал, что это были здоровенные детины, видавшие всякие виды, которые ручкались с Махно, Архангелом, Петлюрой, видели смерть, кровь.

Казалось бы, что мог сделать там воспитатель, небольшой отряд воспитателей в три человека, да хотя бы и двадцать, с шестьюстами такими архаровцами, но эта педагогика на

расстоянии, излучаемая из Антоновского существа, была самым существенным, самым ощутительным воспитанием.

Дружбу не надо так понимать, что это обнимание, похлопывание по щечке, что это погладить по плечику, в пузико ткнуть, – это не дружба, это даже не товарищество, это фамильярность, самая безобразная, по-моему, унижающая и уничтожающая лицо педагога. Антон Семенович был как раз другом, товарищем, самым настоящим другом, товарищем, который верил нам, которому верили мы, воспитанники. У него это получалось иначе, у него эта дружба могла проявиться в таких формах, например, он мог поехать со мною на свадьбу к моему брату, сидеть со мною за одним столом, даже выпить рюмку водки.

Он говорил:

– Смотри, Семен, пей, но знай меру.

Что это? Я считаю, что тут ничего страшного не было. Ведь отцы вместе со своими детьми пьют здравицу на именинах, свадьбах и т. д.

Антон Семенович умел выразить доверие исключительно красиво. В его системе доверие занимает исключительное место. Я даже не считаю, что это было особенным доверием, когда он мне доверил получить сначала 500 рублей, потом 2000 рублей. Доверие выражалось в том, что мне доверялось в какой-то мере переживать и отвечать за какие-то общие коллективные интересы, чтобы я стоял перед намеченной перспективой быть через какой-то кусочек времени на рабфаке, я удостаивался такого великого счастья, такого великого доверия, доверия, которое уже переходило границы личного доверия и соприкасалось с интересами государственной важности.

Сейчас я работаю в одном детском доме со специальным режимом для трудновоспитуемых детей. Есть педагоги, которые создали трудновоспитуемых, свели их вместе в учреждение, которое назвали детским домом для трудновоспитуемых детей со специальным режимом. Пришел я туда и никаких трудновоспитуемых, никакого особого режима не увидел, а увидел просто какое-то стадо измятых, истерзанных ребятишек, обнаглевших, разнузданных, как бы впитавших в себя все отвратительные пороки, которыми страдает человек. Чтобы придать учреждению особый режим, поставили вокруг высоченный забор, сделали проходную будку, и, как потом выяснилось, в ней вахтеры и вершили педагогику. А педагогический персонал, так сказать, расписался перед ребятами своим недоверием, заявляя, вы, пожалуйста, начинайте вести себя так, чтобы вам доверяли, чтобы вы были участниками игры в

институт доверия. Если вы получите пятерку или тройку, вам дается право пойти на два или три часа домой, с ночевкой или без ночевки. Дошло дело до того, что никакого доверия не было, никто никаких пятерок или троек не имеет, все живут на колах, никого нельзя никуда отпустить. Педагогический персонал только просит: не сделайте сегодня грабежа, не обворуйте кладовку, чтобы можно было бы завтра кого-нибудь из вас отпустить.

Меня страшно колотили за то, что я посмел в какой-то мере нарушить этот самый «институт доверия». А я нарушил его вот чем. Зашел у нас такой разговор: вот спальни у вас довольно приличные, но одни голые кровати стоят, ни тумбочек, ничего нет. Где тумбочки взять? Один умный хлопец говорит:

– Давайте разберем забор и сделаем тумбочки.

– Правильно, – говорю, – совершенно правильно. Как вы думаете, ребята, забор вообще нужен вам? Вы что, прокаженные, или вас из зоопарка взяли? Для чего вообще нужен забор вокруг здания? Для того чтобы чужая свинья не залезла или вообще какая-нибудь зверюжка не залезла, и чтобы украсить в какой-то мере здание, а не закрывать большой кусок неба и мешать доступу воздуха. А может быть, вы разбежитесь?

– Нет, не разбежимся! Если забор снимут, значит, нам будут доверять, а, если будут доверять, то какой же интерес бежать.

До вчерашнего дня были самовольные отлучки из детского дома, по пять, по десять человек лезли через этот забор, подставляли бочки, лезли друг другу на плечи, устраивали какие-то красивые пирамиды. Вдруг эта пирамида падает, кто упал за забор, кто упал по эту сторону забора. Как бороться с таким замечательным «институтом доверия», как бороться с самовольными отлучками? Вот вам маленькая проблема.

Я пошел по такой линии:

– Вы хотите в город? – пожалуйста, приходите и спрашивайте. Вот тебе записка, я тебе разрешаю идти. На сколько тебе нужно?

– На 20 минут.

– Врешь, 20 минут тебе мало, вернешься через 30.

Через 25 минут приходит, тянет записку.

– А я все-таки на 5 минут раньше вернулся.

Как на зло, в течение последних 4–5 дней ни один воспитанник не совершил самовольной отлучки, ни один не убежал, но тут же сразу начали меня ругать:

– Какое вы имеете право, ведь они трудновоспитуемые, у них особый режим, вы не имеете права их отпускать, доверять.

А мне кажется, система доверия педагогического риска – самая справедливая система доверия.

Второй случай – в детском доме особенно ярко выражено следующее: мат, все стены испещрены возмутительными надписями, в классах, в коридорах, в уборных – везде. Воровство, картежная игра, играют в пуговицы, ни у кого нет пуговиц, даже у воспитателей поотрывали. Начали вести с этим борьбу. Был целый ряд предложений, например, предлагали ко всем костюмам пришить что-то другое: стекла, крючки, ґудзики – палки с поларшина, но это не помогало. Приходят гости с пуговицами, уходят без пуговиц. Не пришьешь же модной дамочке ґудзики к модному пальто.

Я начал вести борьбу с этим и сказал:

– Воровать запрещаю, в карты играть запрещаю, играть в пуговицы запрещаю, играйте лучше в козла.

Воровать я запретил, а курение решил только ограничить. Воровство, может быть, тоже можно было бы ограничить, но не рискнул. Курят почти все. И здорово курят. Но если бы просто курили, а то раз затянутся и двадцать пять раз плюнут. Я сказал:

– Курите, но не плюйте, если увижу плевок, отниму папиросы.

Курить разрешил только в уборных, сказал, что если застану курящих в коридоре, отниму папиросы. Мне говорят, позвольте, вы разрешили курить, но если просто бороться с курением, то это будет очковтирательством. Ограничить, только ограничить. Я пошел на компромисс, и, представьте себе (я там работаю всего семь дней), у меня кладовая не ограблена, почти ни одного плевка в коридоре, в карты не играют, в пуговицы не играют, но курят, как сумасшедшие, правда, только в уборных.

Самое страшное – это вырвать первый зуб, остальные, может быть, сами выпадут, у стариков такая надежда есть.

Картежная игра – не думайте, что это просто игра, забава. Иногда даже родители смотрят на это так:

– Дай, мама, 35 коп.

– На что?

– В карты немножко поиграю.

– Ладно.

А иногда мать спросит:

– Где ты был?

– В кино.

– А деньги где взял?

– Я выиграл.

– Ну ладно, молодец.

Я застал такой факт. Обратил внимание на одного мальчика, исключительно красивого и умненького, какого-то собранного, но у него на лице написана такая жуткая трагедия, что я как-то сразу

обратил на него внимание. Оказалось, что он заядлый игрок и проиграл себя. Себя можно проиграть по-разному. У меня в Киеве был случай, мальчик на киевском подворье проиграл с себя все – и башмаки, и костюм, поставил глаз. Если бы он выиграл, то имел право получить обратно и ботинки, и брюки, и рубашку, а если проиграет, ему должны были выколоть глаз. Ему не повезло, он проиграл, ему выкололи глаз, и в колонию его прислали уже слепым. А этот проиграл себя так: его все имеют право избивать, а он не имеет права отбиваться. И действительно, избили его до полусмерти. Отношение к нему самое отвратительное. Ему могут плюнуть в лицо – он может только вытереться. Решили перевести это на деньги. Чтобы выкупить свое достоинство, нужно уплатить 350 рублей, но где он эти 350 рублей возьмет? Он должен или обворовать свою семью (он имеет в Москве родителей, но они очень бедно живут) или обокрасть детский дом, но он говорит: я вам дал слово не воровать здесь. Единственно, что остается, – уйти из детского дома, но тогда надо совсем уходить из Москвы, потому что здесь меня могут встретить ребята из детского дома и упрекнуть. Вообще лучше мне на свете не жить.

Я позвал его к себе на елку. У меня трое собственных ребят. Я устроил небольшую елочку и позвал его. И вот он в кругу моего семейства сидел как четвертый. Тут он еще больше рассказал о всех тех гнусностях, которые творились в детском доме. Я сказал ему:

– Знаешь, ты обожди немного, только не уходи из детского дома.

– Мне стыдно перед Степановым.

Наутро я подошел к Степанову и сказал: пойдем ко мне в кабинет, поговорим.

– О чем? Я в карты не играю.

– Я не о картах. Я должен тебе небольшой долг отдать.

– Какой долг?

– 350 рублей за Николая. Николай больше в карты играть не будет, у него денег нет, я зарабатываю 1000 рублей и во имя спасения такого человека, как Николай, а человек он интересный, готов 350 рублей пожертвовать.

– Я не возьму.

– Нет, возьми, это долг игровой чести.

Взял он эти деньги, проносил два дня, а сегодня утром принес, потому что почувствовал, что у меня к самому Степанову никакого презрения нет. Мало этого, Степанов поехал в Колонный зал на елку с другими ребятами, и они так себя замечательно вели, что устроители елки в Колонном зале решили наградить нас еще двадцатью билетами. Это было впервые в истории

детского дома. Степанов пришел ко мне и сказал:

– Возьмите деньги, а если не верите, Николай здесь за дверью стоит, вот мы жмем друг другу руки, мы в карты больше играть не будем. Это дело нечестное, мы обещаем вам помочь.

Может быть, вам ничего не дает сообщение таких фактов, но мне кажется, что, к сожалению, и в школах вы можете встретиться с такими явлениями, и вам на них надо будет реагировать. Вам надо будет сыграть в трагических или комических случаях какую-то роль в этой педагогической практике.

Теперь о наказаниях и поощрениях. Антон Семенович считал, что наказывать в недисциплинированном коллективе нельзя. Наказывать можно там, где коллектив дисциплинированный. Это совершенно верно. Я в своей практике придерживаюсь этого правила, что недисциплинированный коллектив, недисциплинированный воспитанник не должен быть наказан, потому что он воспримет это ложно.

Какими могут быть наказания? Наказания должны быть такими, которые несли бы неприятность не только индивидууму, но и членам коллектива, в котором он находится. Это очень правильный, очень полезный аргумент в установлении сознательной дисциплины.

Можно применить и индивидуальные меры, как я, например, применил, в детском доме № 3. Там была одна воспитанница, она обладала организаторскими способностями, но не захотела выполнить своих обязанностей дежурной. Я отстранил ее от дежурства, и совет командиров решил исключить ее из состава командиров и лишить права на труд.

Мы сказали: советская Конституция гласит, что в Советском Союзе дается право на труд. Раз оно дается, то его можно лишить. И мы ее лишили права на труд, о чем ей и заявили. Она сидит день, два, три дня, перед нею демонстрируют стройные ряды воспитанников, возвращающихся с песнями с работы, наконец, она не выдержала и пришла в совет командиров просить вернуть ей право на труд. А значит, и право быть членом коллектива, право переживать интересы коллектива.

Наказание должно быть таким, которое в какой-то мере, наряду с индивидуумом, ущемляло бы в то же время и интересы коллектива. Я еще раз подчеркиваю, если коллектив дисциплинированный, организованный, чтобы не один только воспитатель соприкасался с нарушителем и переживал бы, но весь коллектив как таковой тоже мучился. Тогда это наказание будет иметь силу. А если учитель, классный организатор, действительно, корчится в беспомощности перед нарушителем, а класс только похихикивает, то тут, конечно, наказание никакого

эффекта иметь не будет.

Нужно, чтобы учащийся знал: учитель вместе с коллективом имеет такие права, которые он не только может предъявить к нарушителю, но и обязательно приведет в исполнение. Ведь не секрет, что в школе можно сделать любое нарушение, а затем прийти домой, дома ничего не знают, и пойти в театр, кино, куда хочешь. А если бы учащийся знал, что он пойдет в кино, в театр только с санкции или с разрешения какого-то органа в школе, то ясно, что в школе, в классе он считался бы, прежде всего, с тем раз и навсегда установленным порядком, который нарушать нельзя.

У нас больше привыкли не наказывать, не предъявлять какие-то требования к учащимся, а поощрять. Стоит учащемуся чуть прилично себя вести, хотя бы даже отлично учиться, он может сделать какую угодно подлость, но его всегда будут поощрять, потому что он отличный ученик, с ним даже неловко разговаривать, неловко наказывать, потому что он отличник учебы. У нас больше привыкли поощрять, чуть только что-нибудь хорошо, пожалуйста, тебе карандашик, книжка. Задабривают, превращают ученика в какого-то потребителя, развивают у него тенденцию иждивенчества.

А вот в системе Антона Семеновича, когда мы воспитывались у него, мы таких поощрений не знали и даже отнеслись бы к ним немножко со смешком. Перед нами стояли другие меры поощрения, например, приобретение лишней жатки, лишней лошади, наметить перспективу перехода в Курьяж, приобретение каких-либо костюмов, приезд рабфаковцев и даже, может быть, такая красивая форма поощрения, как остаться наедине с Антоном Семеновичем и как товарищ с товарищем, как друг с другом поговорить в объятиях леса о каком-нибудь интересном вопросе, или моем личном, или касающемся колонии, поговорить как два взрослых, два равных человека. Такая форма поощрения, по-моему, является самой лучшей, причем она еще и предупреждает воспитанника вот в каком отношении: ему после этого трудно уже будет совершить то или иное нарушение перед тем своим товарищем, с которым он только, может быть, вчера говорил, как с равным, как с другом.

Эту неловкость нужно воспитывать у учеников, у воспитанников. Например, я или кто-нибудь более старший, чем я, не может плюнуть или свистнуть на всю аудиторию из-за неловкости, потому что есть какие-то формы поведения в общественных местах, нарушать которые неловко. А наши ученики не постесняются и плюнуть, и свистнуть, и тюкнуть, и ущипнуть, и ножку подставить. Помню такой случай: мы пришли

как-то в кинотеатр на просмотр какой-то картины. Было человек 20 воспитанников, и я был с ними. Тут же были и учащиеся. Они стояли перед кинотеатром, внутрь еще не пускали. Они и плевали, и стекло разбили, и старика за бороду дернули, и девочкам писали на спине какие-то гадости. И учителя с ними мотались. Один из учителей говорит нам:

– Вот выстоите такие славные, может быть, вы поможете нам.

Ребята отвечают:

– Можно помочь.

Быстро построились в шеренги, установили очередь, первыми стали педагоги, учащиеся вели себя скромно, предупредили, что если кто-нибудь кинет с балкона что-нибудь вниз, кино прекратится. Мы стояли и наблюдали. Ребятам было неловко, поражались, что нас в колонию отправили, а они ведут себя хуже, чем мы. Такую неловкость надо выработать. Педагог должен воспитать это в воспитаннике.

Каким я представляю учителя? Я требую от своих коллег, соратников, дисциплинированности, подтянутости, стройности, даже внешней, не только внутренней. Она имеет колоссальное значение.

Антон Семенович считал, что мы не должны знать, как он спит, как он кушает, мы никогда не видели его в одной рубашке, он для нас был недосягаемым идеалом, к которому мы стремились. Иногда педагоги делают такие вещи, что неловко становится. Идет, вытащит из портфеля бутерброд с колбасой, укусит на ходу. Встретит ученика. Какой-нибудь неосторожный ученик вздумает поздороваться и тогда преподаватель прикладывает руку ко рту, или глядишь, на чулках морщинки появляются, бант перекосился, должен быть на хребте, а он около блуждающей точки. Все это имеет значение.

Надо следить за собой. У некоторых педагогов появляются белые пятна около рта, когда они долго говорят, а они этого не замечают. Надо следить за собой каждую минуту. Педагог этим оказывает колоссальное влияние на учеников. Чистоплотность, внешняя собранность влияют на внутреннюю собранность. Эти элементы должны обеспечить красивый авторитет для вас самих в той детской среде, в которой выработаете.

Я не собираюсь вас учить, я только рассказываю, как веду себя как педагог, воспитатель в детском доме. Может быть, здесь есть вредные вещи, то вы не слушайте, забывайте их.

Вот еще на чем хотелось бы мне остановить ваше внимание: о каком-то, может быть, я неправильно это назову, преклонении перед ребятней: не крикни, не толкни, голоса не повысь, всегда говори тихим, спокойным, псаломщицким, бесстрастным

голосом. Если бы мы послушались таких советов, то у нас не было бы даже приличных артистов, чтецов. Представьте себе, начнет он читать таким голосом: «Как ныне сбирается вещий Олег…» и т. д. Начнет он так читать и аудитория уснет. А вот когда выходит Хенкин или еще какой-нибудь артист и читает с таким вкусом, смаком, то хочется еще и еще слушать. А как же можно воспитать Хенкиных, если мы будем только таким тоном воспитывать ребят, это будут, действительно, тихони, псаломщики. Должна быть какая-то вибрация, должна быть видна ваша душа, ваше сердце. Нельзя ровным голосом возмущаться, выражать гнев. Нельзя так руки тихонько сложить и кричать: «Ах ты, мерзавец!» и т. д. Обязательно и рукой что-то нужно сделать, стукнуть по столу, иначе это не дойдет до его сознания.

У меня был такой замечательный случай в жизни, который меня не возмутил даже, а как-то опустошил, я почувствовал себя мешком, из которого только что высыпали замечательный крупный рис, и мешок как-то повис. В 1934 году один садист, воспитанник, который пробыл у меня только одни сутки, убил моего собственного сына, трехлетнего мальчика. Возник вопрос, кто это сделал? Старшая девочка сказала:

– Я видела, как этот мальчик подошел, взял Костика и пошел с ним в парк. Мальчик новенький, я его не знаю, может быть, это и он.

Я начал говорить с ним, допрашивать, часа два говорил, целые сутки, на вторые сутки он говорит:

– Ну, конечно, я убил, а что вы сделаете? Не убьете, не расстреляете, в милицию отправите, может быть, судить будут, а может, и нет. Убил, так захотелось.

И вот инспекторша из района меня спрашивает:

– А вы не кричали на него, вы его не били, когда допрашивали?

Я говорю:

– Нет.

А что, в самом деле, может быть, в порыве какой-то человеческой злости, я его и ударил бы, может быть, и убить нужно было, я не знаю, я ведь тоже все-таки живой человек и далек от того убеждения, что на воспитуемых наложено какое-то табу и мы должны бояться, сохрани бог, прикоснуться к ним. Я ожидал другого, я думал, что, может быть, этот человек выразит мне соболезнование, а она спрашивает: а вы его не били? Я сказал ей:

– Боже мой, какой вы чуткий перестраховщик и дурак.

Правда, я не бил его. Я располагаю другими способами, которые могут заставить мальчика раскрыться и сказать истину.

Но что это? Страх перед ними, заигрывание, двурушничество? Это, прежде всего, то, что казалось мне ненужным, потому что это воспитывает ненастоящего человека. А если он по-настоящему будет перенимать, заимствовать от вас и способы переживаний, то и он будет таким же страстным, как и вы, и в труде, и в патриотизме, и в своей жизни, и где угодно. Я знаю очень много случаев, когда воспитанники Антона Семеновича, мои воспитанники, на финском фонте не шли сзади других, не ожидали, пока командир скажет:

– Кто пойдет в разведку?

Хотя знали, что наверняка не вернутся, но сами поднимали руку и шли на опасное дело. Я знаю, что наши воспитанники первыми поднимали руку и шли и на глазах своей войсковой части были разорваны осколками снаряда. Одному моему воспитаннику – Дохновскому – было присвоено звание Героя Советского Союза. Он упал, ему отрезало ноги, но он, уже лежа, стал петь Интернационал, позже в больнице он умер.

Вот рядом с вами диверсант будет выводить из строя станок, а вы подходите и таким поповским голосочком начинаете мурлыкать:

«На основе педагогической науки разрешите сказать, чтобы вы не ломали станок». Тут нужно подойти, схватить его за шиворот и крикнуть так, чтобы, если за станком прячется другой диверсант, у него от страха сердце лопнуло.

И радость надо вместе с ними также переживать, по-настоящему радоваться. Я помню, как Антон Семенович умел красиво гневаться, когда всем становилось как-то немножко жутко. Вы чувствовали когда-нибудь, как у вас вот тут в животе немного холодно делается, вот, скажем, сидишь в кино, и какой-то такой холодок, и заплачешь, и сам невольно начинаешь делать какие-то движения ртом, будто улыбаешься, а на самом деле слезы капают. Антон Семенович умел так управлять своим лицом, чтобы всем было понятно, когда он не в духе: значит, что-нибудь не в порядке, и все тихо начинают ходить.

Когда входят в кабинет, стучат. Обыкновенно – входят без стука. Сразу все замечают гнев у Антона Семеновича, так же, как и радость. И радость, и гнев – все это было у него ярко написано. Он иногда сильно гневался, а иногда вдруг захохочет так, по-настоящему хохочет, по-русски, что за живот берется. Он смеется, и учащиеся смеются. Так должно быть. Надо, чтобы не получалось так, что педагог смеется, а учащиеся смотрят на него и думают, что это он смеется. Смех педагога должен быть педагогически организующим.

Как нас воспитывал А.С. Макаренко [13]

С Антоном Семёновичем Макаренко я встретился в декабре 1920 года в несколько необычной обстановке – в тюрьме, где я отбывал наказание за ошибки моего горького детства. С того времени прошло 34 года, но я хорошо помню все детали этой встречи. А дело было так.

Однажды вызвали меня к начальнику тюрьмы. Войдя в кабинет, я увидел, кроме начальника, незнакомого. Он сидел в кресле у стола, закинув ногу на ногу, в потёртой шинельке, на плечах башлык. У него крупная голова, высокий открытый лоб. Больше всего моё внимание привлёк большой нос и на нём пенсне, а за ними блеск живых, насмешливо добрых, каких-то зовущих, умных глаз. Это был Антон Семёнович.

Он обратился ко мне:

– Это ты и будешь Семён Калабалин?

Я утвердительно кивнул головой.

– А ты согласился бы поехать со мной?

Я вопросительно посмотрел на него, а потом на начальника тюрьмы, так как моё «согласие» зависело от последнего. Антон Семёнович продолжал:

– Понимаю, с товарищем начальником я договорюсь сам. Теперь извини меня, пожалуйста, но так нужно, чтобы ты, Семён, вышел на минуточку из кабинета… Можно, товарищ начальник?

– Да, да, можно. Выйди, – отозвался начальник.

Я вышел. Правда, стоя за дверью в коридоре, в компании с надзирателем, я иронически размышлял: «выйди, пожалуйста», «извини, Семён», – какая-то чертовщина, для меня непонятная. Слова все такие, которых я почти и не знал. Странный какой-то этот человек.

Затем меня опять позвали в кабинет. Антон Семёнович уже стоял.

– Ну, Семён, у тебя есть вещи?

– Ничего у меня нет.

– Вот и добре, – сказал Антон Семёнович и обратился к начальнику: – Так мы можем прямо от вас и идти?

– Да, идите, – подтвердил начальник. – Ну, смотри мне, Калабалин, а то…

– Не надо, всё будет в порядке, – перебил начальника А.С. Макаренко. – Прощайте!.. Идём, Семён, идём.

Двери тюрьмы широко открылись. Я в сопровождении Антона Семёновича вышел на самую радостную часть дороги своей жизни.

Только через десяток лет, когда я уже был сотрудником Антона Семёновича, он мне рассказал:

– А выставил я тебя из кабинета начальника тюрьмы затем, чтобы ты не видел, как я давал на тебя расписку: эта процедура могла оскорбить твоё человеческое достоинство.

Макаренко сумел заметить во мне достоинства человеческие, которых я тогда в себе и не подозревал.

Это было его первое тёплое человеческое прикосновение ко мне.

По дороге из тюрьмы до Губнаробраза я всё норовил идти впереди Антона Семёновича. Это для того чтобы он видел меня, знал, что я не собираюсь бежать от него. А он всё рядом со мной, развлекает меня разговором о колонии, о том, как тяжело организовывать её, и ещё о чём-то, только не о тюрьме, не обо мне и моём прошлом.

Придя во двор Губнаробраза и представив мне колонийского коня по кличке Малыш, Антон Семёнович поразил меня своим поручением.

– Ты грамотный, Семён?

– Да, грамотный.

– Вот хорошо.

Тут он вынул из кармана бумажку и, вручая мне, сказал:

– Получи, пожалуйста, продукты – хлеб, жиры, сахар. Самому мне нет времени, сегодня мне придётся побегать по канцеляриям. И, сознаюсь, не люблю я иметь дело с кладовщиками, весовщиками: как правило, они меня безбожно обвешивают и обсчитывают, а у тебя это получится хорошо.

И, не дав мне опомниться, хотя бы для приличия возразить, быстро ушёл. Ну и дела! Интересно, чем всё это кончится? Я почесал себе затылок, очевидно, как раз то место, где рождаются ответы на самые трудные вопросы в жизни, и продолжал размышлять: как же так? Прямо из тюрьмы и такое доверие – получить хлеб, сахар. А может, это испытание какое? Подвох? Я долго стоял с глазу на глаз со своими думами и пришёл к выводу, что Антон Семёнович просто ненормальный человек. Иначе как же доверить такое добро и кому!

Когда я зашёл на склад, меня елейно-добренько спросили:

– Вы будете получать продукты? А кто вы такой?

– Потом узнаете, – и предъявил документы.

Всё, что полагалось, я получил, уложил в шарабан – сооружение, покоившееся на рессорах от товарного вагона. Через некоторое время пришёл Антон Семёнович и, удостоверившись, что я поручение его исполнил, предложил запрячь коня и ехать.

При помощи вожжей, кнута, криков и причмокивания

подобие лошади, с 36-летним опытом лени, тронулось с места. Отъехав не более двухсот метров от Губнаробраза, Антон Семёнович предложил остановиться и обратился ко мне с такими словами:

– Я и забыл. Там вышло какое-то недоразумение с получением продуктов. Нам передали лишних две буханки хлеба. Отнеси, пожалуйста, а то эти кладовщики подымут вой на всю Россию. Я подожду тебя.

Мои уши и лицо зажглись огнём стыда. Отчего бы это? Раньше этого со мной не бывало. Соскочив с шарабана, вытащил из-под сена две буханки хлеба и направился на склад. А в голове мысли: что же он за человек? Сам же сказал, что его обвешивали, а я думал, как лучше сделать, чтобы отомстить кладовщикам хоть парой буханок хлеба, но он говорит:

– Отнеси, пожалуйста.

– От спасибочки, молодой товарищ, – такими словами встретил меня кладовщик. – Мы так и знали, что это недоразумение, и всё выяснится. До свидания. Будем знакомы.

Я обжёг их ненавидящим взглядом и быстро вышел.

– Ты будешь грызть семечки с орешками? – предложил Антон Семёнович, когда я уселся в шарабан. – Я очень люблю.

Истории с хлебом, как не бывало. А мог бы Антон Семёнович рассудить и так: я тебе доверил, я рискнул своим благополучием, забрал тебя из тюрьмы, а ты соблазнился хлебом, опозорил меня. Эх ты…

Нет, он так не сделал. Не оттолкнул он меня такой бестактностью, боясь, видимо, обидеть меня, боясь помешать самому мне переоценить поступок, который казался мне актом справедливого возмездия. Если бы он стал меня упрекать, вряд ли мы доехали бы с ним вместе в колонию.

Так Антон Семёнович поступал и в других случаях: необыкновенно осторожно, тактично и непосредственно, то с неподражаемым юмором, развенчивающим «героя», то гневно выражая свой протест и беспощадное осуждение, то взрываясь и вызывая к жизни, если пока и не сознание у подростка, то на первый раз хотя бы страх. И в каждом случае он действовал по-разному, по-новому, не повторяясь. Убедительно, совершенно искренне и не колеблясь.

Теперь мне припоминается, что в бригаду по борьбе с самогоном привлекались как раз те ребята, которые любили выпить и не раз в этом уличались. В особый ночной отряд по борьбе с грабителями на дорогах привлекались воспитанники, которые в колонию были определены за участие в грабежах. Такие поручения изумляли нас. И только спустя много лет мы

поняли, что это было большое доверие к нам умного и чуткого человека, что этим доверием Антон Семёнович пробуждал в нас спавшие до того лучшие человеческие качества. Забывая свои преступления, мы, даже как бы внешне не исправляясь, становились в позицию не просто критического отношения к преступлениям, совершаемым другими, мы и протестовали и активно боролись, а за глаза этой борьбы был наш старший друг и учитель. Он вместе с нами заседал по ночам, подчас рисковал своей жизнью. Нам было бы стыдно предстать перед столом Антона Семёновича, нашего боевого друга и учителя, в роли нарушителя даже за самый малый проступок после того, как мы с ним рядом лежали в кювете дороги, подстерегая бандитов. Какой простой и мудрый стиль воспитания! Какая тонкая, ажурная педагогическая роспись! И в то же время какая прочная, стойкая, действующая без промаха, наверняка!

Бесконечно разнообразны методы воспитательного воздействия Антона Семёновича Макаренко. Но главное заключается в том, что он воспитывал всех и каждого из нас в коллективе, для коллектива, в труде и самим собою – личным примером, словом и делом. Зная очень близко Антона Семёновича с 1920 по 1939 год, я не помню за ним ни единого промаха ни в общественной, ни в его личной жизни. Ясно, что он был для нас постоянно действующим, самым живым и убеждающим примером. Нам хотелось хотя бы чем-нибудь быть похожими на него: голосом, почерком, походкой, отношением к труду, шуткой. Любили мы его настолько ревниво, что не допускали даже его права, допустим, на женитьбу. Мы готовы были считать это изменой. Каждый из нас имел право на сыновние чувства к нему, ждал отцовской заботы, требовательной любви от него и изумительно умно ими одаривался.

Мне кажется, что А.С. Макаренко менее всего дрожал над тем, чтобы создать ежедневные благополучные условия и удобства для нас, подростков. Более всего Антон Семёнович трудился над нашим благополучием в будущем, над благополучием тех людей, в среде которых нам придётся жить. Какие умные и подвижные, удовлетворяющие юношеский задор формы общественной и организаторской деятельности придумывал Антон Семёнович!

Каждый колонист входил в отряд и участвовал в работе по хозяйству: на огороде, заготовке дров, скотном дворе, в мастерских и т. д. Должность командира была у нас сменной, но не строго выборной. Все мы получали навыки организаторской деятельности, все учились оправдывать доверие своих товарищей, Антона Семёновича и всего педагогического коллектива. Именно

поэтому мы все чувствовали себя хозяевами колонии, все болели душой за её судьбу, старались лучше работать. И когда к нам приходили новички, на них воздействовали не только Макаренко и другие воспитатели, но и сами колонисты. В такой обстановке ребята быстро избавлялись от дурных привычек и скоро находили нужный тон и стиль поведения.

В частной беседе со мной А.С. Макаренко говорил, что наказание, обязательное, доведённое до конца и убеждающее виновного в его виновности, – одно из лучших средств тренировки сильной воли и характера. Всепрощение расшатывает волю.

Помню один эпизод, происшедший в 1921 году. Год был тяжёлый, голодный. Нашей колонии приходилось испытывать большие трудности и лишения. Особенно было плохо с продовольствием. И вот в это время одна воинская часть подарила колонистам сто пятьдесят копчёных кур. Вдруг выяснилось, что одна курица пропала из погреба. Подозрение в хищении могло пасть на доложившего о пропаже колониста Ивана Колоса, заведовавшего погребами и складами колонии.

Антон Семёнович верил в честность Колоса и, чтобы выяснить, кто совершил воровство, приказал дать сигнал общего сбора. В течение трёх минут шестьдесят четыре колониста встали в строй развёрнутой линией. Антон Семёнович вышел к нам из своего кабинета. Ошпарил всех своим возмущённым взглядом и заговорил:

– Я думал, что у меня есть коллектив, коллектив товарищей, уважающих себя. Нет. Вы ещё не люди, вы микробы, способные пожирать друг друга. До какой подлости и низости мы дошли с вами, что сами же у себя тащим! Да ещё что – подарок воинов, самих впроголодь живущих и в бой идущих. Ну, не черви ли после этого мы с вами? Так нет же, – я-то ни вором, ни микробом не хочу быть. Я человек! И моё презрение к воровству поможет мне найти вора. Слышите? Стоять так. Я буду подходить к каждому из вас, а вы смотрите мне прямо в глаза!

Антон Семёнович направился к правому флангу, и мне удалось первому посмотреть ему в глаза. Примерно в середине шеренги он вдруг закричал:

– Выйди из строя! Мерзавец! Тебе больше всех есть хочется?! Ты более нас голоден?! – разносил Антон Семёнович выхваченного из общего строя нашего товарища по кличке Химочка.

– Я не ел её, – заговорил Химочка, – я спрятал курицу. От этих слов Химочки мы оцепенели. В голове каждого из нас промелькнула мысль: как же Антон Семёнович узнал вора?

Гипнотизёр, – так умозаключили многие.

Тем временем Химочка принёс курицу, завёрнутую в лопухи.

– Так вот, – обратился Антон Семёнович к Химочке, – ешь! Раз уж ты её взял, прятал её где-то, как хорёк, мы её отдадим тебе на полное растерзание.

Химочка не спешил выполнять распоряжение, медлил, отнекивался.

Антон Семёнович подал команду:

– Колония! Стоять смирно до тех пор, пока Химочка съест курицу!

И сам стал рядом со мной с правого фланга.

Думается мне, что эта минута стоила самого большого напряжения не Химочке, не нам всем, а самому А.С. Макаренко. Он этой командой включил и нас в острый конфликт. Активно включил.

На чью сторону станут эти «серые человеки»? Разум, общественный интерес взял верх над частным. Мы глазами требовали от Химочки исполнения приказа Антона Семёновича. Химочка начал кушать, а мы все почувствовали облегчение и стали ласково, улыбками подбадривать неудачного воришку…

Во время обеда кто-то из ребят подошёл к Химочке с насмешкой:

– Ты, наверно, наелся курятины, отдай мне свой борщ! Через минуту этот шутник уже был в кабинете, и Антон Семёнович журил его:

– Твой товарищ ради всех нас понёс тяжкое испытание. Немного найдётся среди нас, готовых совершить такой подвиг, как съесть курицу перед строем свои товарищей как наказание. Химочка вырос в моих глазах, а ты – слеп. Подумай, чудак-человек!

– Я уже подумал, Антон Семёнович. Грубо это у меня получилось. Как выдумаете, простит мне Химочка?

– Не знаю, попробуй. И зарекись!..

Какой хороший сгусток чувства жизни!

Переписываясь с товарищами по колонии, я поддерживал связь и с Химочкой. В одном из писем, перед самым началом войны, в 1941 году, жена Химочки писала: «Всем хорош Ваня, и как муж, и как отец, и ответственный пост занимает, а вот, странное дело, курятины не ест…».

Однажды утром в кабинет к Антону Семёновичу прибежали девочки и наперебой затараторили, что они больше во двор ни за что не выйдут.

– Будем всё время сидеть в спальне и в столовую ходить не будем.

– Это почему же? – спросил Антон Семёнович.

– А потому, что Вася Гуд ругается, как сапожник (он и в самом деле был сапожником).

– Неужели ещё ругается, девочки?

– Какой же нам интерес наговаривать?

Присутствуя при этой сцене, я чувствовал себя неловко. Сколько раз я слышал ругань Гуда, а вот остановить ни разу не пытался.

– Хорошо, девочки, идите. – И, обращаясь ко мне, Антон Семёнович сказал: – Василия надо просто перепугать, и он перестанет ругаться. Позови его…

Вася Гуд робко переступил порог кабинета. Кстати, интересная деталь: если кого вызывали «к Антону», – значит, по делу вообще, а если «в кабинет», – значит, отдуваться. Вызывая Гуда, я сказал:

– В кабинет!

– За что? – спросил Гуд.

– Там узнаешь…

Взъерошенного Гуда Антон Семёнович встретил зловеще шипящим голосом:

– Значит, ты ещё не перестал издеваться над славным русским языком? Ты дошёл до такого бесстыдства, что даже в присутствии девочек ругаешься? А что же дальше? Меня скоро будешь облаивать?! Нет! Нет! Не бывать этому! Как стоишь?! Пойдём! Пойдём со мною в лес, я тебе покажу, как ругаться! Ты надолго запомнишь, козявка ты этакая! Идём.

– Куда, Антон Семёнович? – пропищал Вася Гуд.

– В лес! В лес!

И пошли они в лес. Антон Семёнович впереди, Вася за ним.

Отойдя примерно на полкилометра от колонии, Антон Семёнович остановился на небольшой полянке:

– Вот здесь ругайся! Ругайся, как тебе вздумается!

– Антон Семёнович, я больше не буду, накажите как-нибудь иначе.

– Я тебя не наказываю, я условия тебе создаю. Ругайся! Вот тебе мои часы. Сейчас двенадцать. До шести хватит тебе, чтобы наругаться вдоволь?.. Ругайся!

Антон Семёнович ушёл.

Ругался или не ругался Вася, сказать трудно. Может, Вася рискнул бы уйти совсем, но мешали часы: они как бы на привязи держали его.

Ровно в шесть часов Вася явился в кабинет:

– Уже. Вот ваши часы.

– На сколько лет наругался? – спросил Антон Семёнович.

– На пятьдесят! – выпалил Гуд.

Удивительное дело: Гуд перестал ругаться, да и не только он…

В кабинете Антона Семёновича всегда было многолюдно. Колонисты шли сюда посоветоваться не только по вопросам жизни коллектива, но и по сугубо личным делам. И с каждым Антон Семёнович находил время поговорить. Иногда серьёзно, задушевно, а иногда ему было достаточно сказать какую-нибудь шутку, чтобы мгновенно убедить в чём-либо собеседника. Со мной, например, было так. В 1922 году я по-настоящему влюбился в одну девушку, звали её Ольга. Со своей трепетной тайной я пошёл прежде всего к Антону Семёновичу как к отцу. Выслушал он меня, потом встал из-за стола, взял меня за плечи и сказал тихо, с чувством:

– Спасибо тебе, Семён. Какую неизмеримую радость ты принёс мне. Спасибо!

– За что же, Антон Семёнович?

– Во-первых, за твоё доверие ко мне. Эта твоя любовь только тебе принадлежит. Всякие бывают люди: доверишь иному свою тайну, а он в хохот или пошёл звонить всем и вся. Я так и сделаю. Я сберегу твою тайну как свою личную. (Тут уж я благодарно облучил его своими глазами, а он продолжал.) Во-вторых, ты помог мне убедиться, что никакие вы не особенные, вы такие же, как и все люди. Любви все возрасты и люди покорны, в числе их и мои хлопцы. Значит, ты человек по всем статьям. А теперь о самом твоём чувстве: не расплескай же его, не растопчи его во лжи и блуде. Люби красиво, честно, бережливо, по-рыцарски… Ну, ради такого дела и я не хочу сейчас работать, пойдём ко мне поужинаем…

Не отпугнул меня Антон Семёнович, не загнал в подполье моё чувство. Не опошлил нотациями, упрёками, не оскорбил равнодушием или притворным участием.

И вот уже в 1924 году, когда я приехал в колонию на каникулы, мальчик Антон Соловьёв сказал мне, что Ольга изменила мне и выходит замуж. Я побежал за три километра в деревню, где жила Ольга. Оказалось, что это правда.

В колонию вернулся поздно вечером и зашёл к Антону Семёновичу. Вид у меня был самый разнесчастный.

– Что с тобой, Семён? Ты болен?

– Не знаю, наверное, больной.

– Ты иди в спальню, а я пришлю к тебе Елизавету Фёдоровну.

– Не надо. Не поможет мне Елизавета Фёдоровна. Ольга мне изменила. Замуж выходит. В воскресенье свадьба. Не верят нам, колонистам.

– Ты что? Неужели, правда?

– Правда, всё пропало. Я думал – на всю жизнь, а тут… Я заплакал.

– Не понимаю, ты прости меня, Семён, я ведь месяца три тому назад был у Ольги, говорил с нею. Она тебя любит. Тут что-то не так.

– Чего там не так, когда свадьба. А я, Антон Семёнович… только не сердитесь и не подумайте, что я это так… Я повешусь!..

– Тю! Ты что, сдурел, Семён?

– Не сдурел, но жить мне больше незачем.

– Ну и вешайся, чёрт с тобою! Тряпка! Только об одном тебя прошу: вешайся где-нибудь подальше от колонии, чтобы не очень воняло твоим влюблённым трупом.

Антон Семёнович сердито что-то передвинул на столе. Сказал же он это так, что мне и вешаться сразу расхотелось. А он подсел ко мне на диван и поплыл в моё сердце и разгорячённый мозг теплом и дружбой. Потом он предложил пойти во двор, посидеть под звёздным небом и помечтать о лучшем будущем, о лучших верных людях…

Антон Семёнович обладал прекрасными человеческими достоинствами, он был человеком большой души, у которого можно было многому научиться. В его знаменитой книге «Педагогическая поэма» показаны не вымышленные люди. Все персонажи этой книги, действительно, жили в колонии имени А.М. Горького. Автор изменил лишь некоторые имена. В конце книги Антон Семёнович говорит о дальнейшей судьбе своих воспитанников. Все они, бывшие беспризорники, правонарушители, стали на правильный путь. Они избрали профессии рабочих, инженеров, агрономов, врачей, лётчиков, педагогов. Многие из них, уже будучи взрослыми людьми, коммунистами, храбро сражались с врагами в годы Великой Отечественной войны и сейчас трудятся на благо Родины, каждый на своём посту. Например, Иван Григорьевич Колос, названный в «Педагогической поэме» Иваном Голосом, стал инженером, работает в Мончегорске, Николай Фролович Шершнёв (Вершнёв) – ныне врач в Комсомольске-на-Амуре, Павел Петрович Архангельский (Задоров) – инженер-подполковник, Василий Илларионович Клюшник (Клюшнев) – офицер Советской Армии. Многие погибли во время войны. Вследствие осложнений после тяжёлых ранений в 1954 году умер подполковник Григорий Иванович Супрун (Бурун).

И я, и все мои товарищи, бывшие колонисты, с глубокой благодарностью вспоминаем нашего первого наставника Антона Семёновича Макаренко. Это его заботами и вниманием был

создан в колонии тот коллектив, который стал умной школой жизни всем его отдельным членам.

Антон Семёнович говорил:

– У человека должна быть единственная специальность – он должен быть большим человеком, настоящим человеком.

Сам Макаренко в совершенстве владел этой «специальностью» и делал всё, чтобы ею овладели и мы, его воспитанники.

Радиообращение С.А. Калабалина [14]

Дорогие радиослушатели! Мне представилась возможность познакомить вас с живым человеком, автором полюбившейся всем «Педагогической поэмы» Антоном Семёновичем Макаренко. Многие думают до сих пор, что Антон Семёнович как воспитатель, как создатель истинно коммунистической системы воспитания, науки о воспитании, – это прожитый день, это ушедшая в прошлое история. А между тем А.С. Макаренко со своими свежими идеями, мыслями, советами – это не прошедший день, это завтрашний день, это грядущая история.

Мне кажется, что процесс воспитания никогда не будет иметь конца. Могут измениться методы, формы воспитания в соответствии с временем, но воспитательный процесс как таковой был, есть и будет. А.С. Макаренко сумел конкретизировать до рабочих, понятных всем элементов разработанную им воспитательную систему. Он нам нужен, и он должен быть нам понятным. Мы должны научиться разговаривать с ним, не просто читать, перечитывать, перелистывать его изумительнейшие страницы наставлений «Педагогической поэмы», «Книги для родителей» и многочисленных статей о воспитании в семье, коллективе, школе и т. д. Научиться спрашивать, советоваться с ним, чтобы он, действительно, был для каждого из нас полезным, понятным для воспитателя, педагога, специалиста, для всякого гражданина, для отца, для матери, для всех тех, кто имеет какое-то отношение, соприкосновение с детьми, подростками.

Что греха таить, есть еще в мире какая-то часть детей, которая вызывает у нас тревогу своими поступками, своим поведением, непризнанием трудового долга и обязанностей, непочитанием старших и родителей, педагогов и т. д. По отношению к этим детям и должна применяться активная, наступательная воспитательная мера, которая подчас как раз отсутствует в общей воспитательной системе.

А.С. Макаренко начинал свою воспитательную деятельность в 1920-е годы, в годы становления советской власти, страшной разрухи, исключительной, если так можно сказать, суматохи. Очень немного пришло и встало под знамена Октябрьской революции представителей старой дореволюционной интеллигенции, учительской интеллигенции. А.С. Макаренко был одним из первых лучших представителей той старой интеллигенции, который встал под эти знамена без всякого расчета на то, чтобы найти там удобное место. Он пришел со всей своей страстью, со всей своей рабочей готовностью быть

полезным на самом ответственном фронте делания человека, нового человека и новыми методами. И действительно, Антон Семёнович всегда, каждый день был по отношению к нам новым – в новых формах, приемах, методах, атаках воспитательной гимнастики.

Это был период борьбы за детские жизни, борьбы за спасение детей, борьбы с детской преступностью, с детской беспризорностью. На эту борьбу звал рыцарь революции Феликс Дзержинский, борьбу педагогики спасения детей. Ведь тысячи детей бродили по необъятным просторам России в поисках и в борьбе за кусок хлеба и за какое-то, может быть, право на жизнь.

В этот период многие дети впадали в состояние и мыслей, и действий преступных, уголовных. По предложению В.И. Ленина и Ф.Э. Дзержинского на просторах Советской России начались создаваться детские учреждения, целая система детских учреждений, коллекторов, детских домов и несколько детских воспитательных колоний. Одна из таких колоний организовалась в 1920 году вблизи города Полтавы, руководителем ее был назначен А.С. Макаренко. Первыми воспитанниками этой колонии были ребята, преимущественно имевшие какой-то уголовный опыт, запущенные, заскорузлые, обозленные, ни во что не верившие – ни в людей, ни в то, что кто-то думает о них доброе, ни в заботу о них, ни в то, что завтра станет более приятным для них днем.

Сама колония, и само помещение для детей представляли собой собственно разруху, развалины. Ни окон, ни дверей, никакого оборудования. Отсутствовали печи, не было дров и копеечные, очень-очень скудные порции хлеба. Стограммовая порция пшенной каши, я уже не говорю о том, что одежда, обувь распределялись примерно так: на семь-восемь человек одна пара сапог и в лучшем случае двое штанов.

В этих тяготейших условиях Антон Семёнович и с ним такие же страстные двое воспитателей, завхоз Калина Иванович начали создавать детский коллектив, творить новую педагогику. Какими тяжкими были первые дни! Надо вам сказать, что мимо колонии по большой дороге «Харьков – Полтава» ежедневно шли людские толпы. Они шли из голодных губерний Центральной России на Украину в мечтах добыть кусок хлеба за вещи, за деньги, надеясь, что, может, кто даст от доброго человеческого сердца кусок хлеба. Матери несли на руках мертвых детей.

Удивительное дело, но даже на таком страшном, печальном явлении оказывается можно строить воспитательный процесс и очень эффективный. Оказывается, что можно делать человеческие души тех, кто их или потерял совсем, или они были закованы в

панцире страшной социальной нечистоты.

Мы видели, как наши первые воспитатели в эти страшные дни, а вместе с ними и полюбившийся нам, очень полюбившийся нам Антон Семёнович Макаренко, выходили на эту дорогу и от всего своего искреннего, доброго сердца отдавали такую же порцию хлеба, которой они наделялись, такой же порцией, какой наделялись и мы, его воспитанники. Часто воспитатели не видели, как мы, их воспитанники, наблюдали за ними из-за кустов, из-за сосновых стволов, когда они со своих плеч снимали кофточки и отдавали их несчастным. Нас это поражало. В наших думах, в наших мозгах вызывало это какое-то необыкновенное движение, аж до слез. Наши воспитатели уходили с этой печальной дороги и, если они не могли заменить чем-либо кусок хлеба, то оставались голодными. Мы тоже выносили свои куски хлеба, выносили стограммовые порции каши, завернутые в лопушок, отогретые нашим телом, и отдавали голодающим. Отдавали матерям, которые несли на руках своих младенцев.

В то время, когда наши воспитатели оставались голодными, а мы, правда, по ночам, теперь не стыдно даже сознаться в этом, шли к тем кулакам, которые заседали в своих усадьбах-крепостях, мимо которых шли эти голодные толпы. Кулаки зло улыбались в свои усы и бороды, травили этих несчастных собаками, но хлеба не давали, а было что дать. У кулаков в земле были закопаны по их конурам тысячи пудов хлеба и муки. И вот мы, я думаю, что теперь меня, абсолютно порядочного человека, не осудят за то, что мы с каким-то спортивным азартом, со злобинкой в адрес этих мироедов, залезали в их погреба и их конуры и, конечно, брали то, чего они сами не отдавали, не пропадать же нам с голоду. Содержание этой картинки тоже откладывало отпечаток на какие-то крупицы совершенно новых, неожиданных положительных для нас нравственных начал.

Вот в каких условиях начинал работать Антон Семёнович и лучшие педагоги, воспитатели, интеллигенты того времени. Вот в каких условиях становилось рождение нашего коллектива, который в последующем стал именоваться «Детская трудовая колония имени М. Горького».

Сейчас некоторые педагоги, некоторые родители вздыхают: «Ах, как перегружена программа!», «Ах, как дети заняты, да им некогда поиграть, погулять!», «Ах, как они перегружены!». Мне кажется, что наши дети сейчас не устают. Наши некоторые дети сейчас ведут себя так, что вызывают у нас естественную тревогу о них и их будущей судьбе. Это прежде всего потому, что они мало загружены.

Послушайте, как были заняты мы, как мы отвлекались от

мыслей, которые сгустились в какую-то похоть за годы наших скитаний, беспризорщиныи преступлений. Мы работали в колонии по 6–8 часов, а в страдные, посевные кампании, ухода за полями – по 16 часов, особенно в дни молотьбы, весенние дни. С каким коллективным азартом мы работали, с каким подъемом, с какой хваткой, с каким весельем, ибо знали, что затраченная энергия, каждый затраченный рабочий час в коллективе приносит нам утешение, украшение, материальное украшение, бытовое улучшение нашей становившейся жизни. Каждый рабочий час приносил нам какие-то дополнительные удобства в нашей жизни. Мы видели, что нашими руками сделаны окна, застеклены, стоят красивые нарядные, даже чуточку кокетливые печи, излучающие вокруг себя тепло и уют.

Нашими руками пошиты были костюмы, сапоги, сделан пахнущий, ароматный хлеб, который мы распарывали ножом, ели за столом и наедались. Наш пахнущий борщ и пироги – все это сделано нашими руками. Мы не ходили каждый день в кино, у нас не было тогда телевизоров, у нас не было электричества, автомобилей, всего того изумительного ансамбля техники и даже техники развлечения, которая сейчас окружает наших детей.

Мы радовались каждому самому незначительному явлению, которое приносило нам какую-то еще, хотя бы небольшую развлекательную радость. Но эти развлечения мы сами искали, в играх исключительно интересных, в чтении книг, рассказов.

Мы приходили в колонию в абсолютном большинстве безграмотными или малограмотными. Счастливчик, которому завидовали, был тот, кто имел три-четыре класса церковноприходской школы. Антон Семёнович хотел, чтобы мы духовно росли, обогащались знаниями. Он не упускал ни одного случая, мгновения нашей жизни, чтобы не наполнить нас новыми знаниями. Может, даже несколько парадоксально будет звучать, но, наказывая нас, Антон Семёнович, особенно по отношению к полюбившимся ему воспитанникам, применял такую рыцарскую форму, как «под арест». Сейчас некоторые педагоги морщатся, когда слышат это слово: как это педагог может наказывать своего воспитанника такой мерой, такой офицерской мерой – «под арест». Ой, какая это была типичная мера наказания! Это значило – два, три, а иногда и шесть часов сидеть в кабинете Антона Семёновича на диване и наблюдать, как этот человек работает. Чтобы воспитанник не сидел без дела, Антон Семёнович предлагал ему, находясь «под арестом», читать. Я вот, восседая под этим условным арестом в кабинете Антона Семёновича, перечитал абсолютно всех классиков, спасибо ему за это наказание.

По инициативе Антона Семёновича, конечно, у нас была организована школа. В этой школе мы пребывали не менее шести астрономических часов в сутки, работали 4–6 часов и не уставали. Нас не задавливала ни учеба, ни физический труд. Кроме того, Антон Семёнович создал группу подготовки на рабфаки и по специально подготовленным им программам по всем предметам лично сам проводил занятия с нами. От таких занятий мы также не уставали. Эта группа иногда занималась до 10–12, а иногда и до часу ночи. Мы опять-таки не уставали. Но какое было неуёмное счастье, когда в итоге все 15 человек, готовившиеся для поступления на рабфак, успешно выдержали экзамены в Киеве, Харькове и Шостке. Какая это была исключительно гордая и красивая радость, дать телеграмму Антону Семёновичу, коллективу своих товарищей в колонии, что никто не завалился и все приняты, все являются первокурсниками рабфака!

Можно сейчас найти какое-то оправдание тем ребятам и простить им, что в те тяжкие, далекие годы они вставали на путь проступков и преступлений. Очень уж было много в то время соблазнов в образах всяких бандитских батьков, но самой первой причиной такого падения была борьба за кусок хлеба, если хотите, просто физическая борьба за право жить на земле.

Сейчас нет никаких причин, которые были бы побудителями к проступкам и преступлениям. Чем же объяснить то, что некоторая часть наших детей, и даже молодых людей, впадает в состояние правонарушителей? Я уж и не знаю, чем это собственно объяснить. Возросли что ли потребности? Если тогда была борьба за кусок хлеба, и она могла служить поводом к проступкам, то что же толкает на преступление сейчас? Я хочу иметь золотые часы и свою собственную автомашину и для этого не гнушаюсь никакими средствами, никаким насилием?

Я думаю, что сейчас проступки детей объясняются прежде всего тем, что мы их залюбили, мы не предъявляем к ним более строгих решительных мер, предупреждающих проступки и, наконец, карающих за них. У нас все сводится к собеседованию, к словесным внушениям, то есть к тем мерам, о которых ребята говорят так: «Состоялась очередная басня Крылова». А мера, всякая мера, мера педагогического воздействия, всякая атака, исходящая из сердца и совести педагога, должна оказать какое-то впечатление на правонарушителя. Она должна вызывать хоть какое-нибудь страдание детской души, чтобы ей передавалась хотя бы часть страдания души самого воспитателя.

А ведь мы всегда говорим в очень спокойных тонах, не повышая голоса, не впадая в состояние раздражения и гнева, с

оглядкой всегда, как бы не оскорбить словом, словом, которым надо назвать сам проступок и правонарушителя. Зачем мы так делаем? Это неестественно и, наконец, это чуточку попахивает и похоже на равнодушие, какой-то покой. Антон Семёнович говорил и поступал, как говорил. Он говорил нам: я хочу, чтобы вы были такими и жили так, как я вас учу, или чтобы вы были и жили так, как живу я сам, и были такими, как я сам. В достижение этой цели он говорил: на всякий ваш поступок и ошибку я отвечу беспощадной, поражающей, сжигающей атакой, пусть вам будет сейчас неудобно, неловко, корчитесь от этой моей атаки, страдайте. Меня не это сейчас волнует, что вам неудобно, меня другое волнует и заботит. Я хочу быть уверенным, что вы будете порядочными людьми через пять, десять, через сорок лет, что люди, которые будут рядом с вами жить, скажут и вам спасибо за то, что выживете с ними рядом и являетесь их соседями, да и меня не проклянут, вашего воспитателя.

Когда случались проступки, а такие имели место, то Антон Семёнович умел поражать и словом, причем удивительной музыкальной наполненностью этого слова, то шепотом, то каким-то рычащим гневом, то каким-то исключительно высоким накалом, то высокой голосовой октавой и сам голос поражал. Посмотрите на его лицо, его искрящиеся глаза – это неподдельный гнев, возмущение, протест и, если хотите, страдание, страдание его педагогической души.

Скажите мне, дорогие радиослушатели, есть ли на свете нормальный педагог, нормальный родитель, душа которого не корчилась бы в муках родительских за каждого своего ребенка? Нет, нет и нет. Антон Семёнович говорил, что ни одна в мире специальность, если так можно выразиться, ни один в мире рабочий человек, кроме педагога, не имеет такого страстного человеческого права на гнев в качестве средства, эффективного средства воспитателя в атаках на ребячьи проступки. Его сейчас недобрым словом поминают: «Ну, что же это такое, у Антона Семёновича была какая-то система взрывов, допустимо ли это?» Что такое взрыв? Я не думаю, чтобы кто-нибудь себе представлял, как педагог вынимает из бокового или брючного кармана какую-то педагогическую бомбу, бросает и происходит педагогический взрыв. Это же не так.

Взрыв может быть без шума и с шумом, сопровождаемый смехом и гневом и т. д. Часто приводят пример из жизни и деятельности Антона Семёновича в колонии, случай, о котором он сам повествует очень ярко в «Педагогической поэме», – это адресованная Задорову пощёчина, и больше ничего. Да, это был взрыв, человеческий взрыв и протест.

Надо сказать, что, может быть, я занимаю больше времени, чем мне нужно. Да простят меня товарищи из радио, устроители моего выступления. Надо сказать моим дорогим радиослушателям, сделать такое небольшое признание, откровение, за которое меня, очевидно, не осудят. Задорова как такового, как живого образа или прообраза у нас в колонии не было. Задоров – это единственный в «Педагогической поэме» из живых людей собирательный образ. Он списан с двух прототипов. Это сделано для того, чтобы читатель не знал, кому же именно из живых людей, колонистов, адресовались эти благородные пощечины.

Я был пятым по счету, поступившим в колонию из тюрьмы в страшном, разрушенном, безнадежном состоянии, человеческой развалиной. Ясно, что в первые дни своего пребывания в колонии я очень куражился своим отвратительным прошлым. И вот Антон Семёнович наградил меня этими святыми, исцеляющими или исцелившими педагогическими пощечинами, меня, который был физически значительно сильнее его. Но я был покорен тем необыкновенным накалом гнева и духовной силой человека. Я думал, что самое авторитетное на свете – это физическая воловья сила, но моя физическая воловья сила была покорена, поставлена буквально на колени. Взрывом, вспышкой этого огневого человеческого протеста и силой духа человеческого. Вот часть «карабановского», отвратительная часть (а во мне было достаточно гадкого материала, что потом мы самостоятельно увидим еще в поэме). Она была взята для написания первой отрицательной части Задорова, а вторая – положительная и даже некоторые портретные признаки списывались с другого человека, выходца из интеллигентной семьи, абсолютно порядочного хлопца тех лет Павлуши Архангельского. Мы оба живы и я, и Павел Петрович Архангельский, который занимается научной деятельностью. Я занимаюсь воспитанием детей.

Может быть, надо оставить в стороне такой вариант взрыва, педагогического взрыва, но не осуждать Антона Семёновича. Ведь сколько каждый день происходит этих самых взрывов, и мы даже не замечаем их, проходим мимо. Приведу такой случай. Иду я как-то по одной из улиц города Станиславля (ныне г. Ивано-Франковск. – *Л.М.)* со своей бывшей воспитанницей, ныне работающей директором школы, в педагогический институт. Увлеклись разговором, но я все-таки как работающий воспитатель, всегда оперативно реагирующий на детские проявления, заметил, что напротив нас идут стайки ребят, видимо, из школы. Я обратил внимание, что трое ребят идут очень безобразно. Один из них развернул кепку как-то

залихватски, размахивает руками, второй своей полевой сумкой, набитой книгами, частенько угощает по плечам пробегавших мимо девочек, а третий взял за хобот рукава свое пальто, перекинул через плечо. Вот такой пьяной компанией они идут. Я встал напротив и обратился к ним:

– Мальчики, я приезжий. Простите меня, скажите, пожалуйста, где здесь в Станиславле пивная?

– Пивная? А мы тут причем? Что мы в пивную ходим?

– Простите, конечно, я, взрослый человек, и вот обращаюсь к вам с таким вопросом.

– Ну, так выспрашивайте у тех, кто ходит в пивные.

– Мне показалось, что выйдете из пивной.

Этого было достаточно, чтобы один надел кепку как следует, второй полевую сумку опустил к земле, а у того, кто нес пальто на плечах, оно как-то само стало одеваться. Они стали стройными, тихими и их лица, глаза даже, как-то по-новому засияли. Будто как по команде, они, не сговариваясь, сказали:

– Простите, нам можно дальше идти?

– Идите, мальчики.

И пошли мальчики, даже не размахивая руками, – это тоже взрыв. Сколько таких взрывов мы делаем! Надо всегда делать так по отношению к проступку ребенка – атаковать, не оставлять без внимания, не оформлять его какими-то бюрократическими мерами, атаковать его, атаковать, не оглядываясь на то, что можно и чего нельзя.

Следует всегда заглядывать вперед, задумываясь над тем, каким должен быть человек, который выйдет из моей душевной, сердечной, человеческой мастерской? Какого я делаю человека? Будет ли в нем, его мыслях, действиях, поступках моя педагогическая слава или мой педагогический и родительский позор?

Несколько слов о «Педагогической поэме». «Педагогическая поэма», «Книга для родителей», да и вообще все произведения Антона Семёновича имеют специальное назначение – воспитательное. Много, очень много есть книг такого специального назначения – воспитательного. Теперь, очевидно, нужно ходить с большой лупой, с большим микроскопом в руках, чтобы найти на просторах нашей необъятной страны неграмотного человека. Мне хочется обратить ваше внимание, дорогие радиослушатели, родители, читайте, побольше пользуйтесь книгами, больше обращайтесь к ним за помощью, пользуйтесь этим могучим средством для поиска способов воспитания своих детей.

Воспитание, воспитание и еще раз воспитание, невоспитания

в природе не существует. Некоторые говорят, что такой-то себя плохо ведет, потому что его никто не воспитывает. Это неверно. Воспитание есть всегда, но оно может быть положительным, хорошим, добропорядочным, но может быть и плохим, отрицательным. Если родители хотят правильно воспитывать своих детей, чтобы их старость была счастливой, то надо помнить слова А.С. Макаренко о том, что воспитывать надо требовательностью, решительно и, если иногда нужно, то и с признаками принуждения. Сообщайте детям лучшие человеческие достоинства.

Если вы сами не занимаетесь воспитанием своих детей, непосредственно не являете собой примера, то готовите себе страдание на старости лет, слезы страдания, слезы родительского горя. В этом случае воспитанием ваших детей занимается кто-то другой, и очевидно такой, который делает антигосударственное зло. Не думайте, что воспитанием заниматься должны только учителя, школа. Самыми ответственными воспитателями являются наши родители. Это я говорю потому, что я ведь тоже родитель. Я в течение сорока лет благополучно, радостно и счастливо женат на одной и той же жене. Ни разу, так сказать, не переженился. Мы с моей милой и доброй женой, Галиной Константиновной, являем очень убедительный и радостный пример для своих детей, а их у нас много – 13. Семь детей у нас кровных, а шесть мы усыновили в возрасте 14–16 лет – беспризорных и, по заключению некоторых педагогов, безнадежных.

Трое, правда, погибли на фронте. Мы всем дали высшее образование. Трое из усыновленных являются очень положительными, порядочными гражданами своей Родины. Один – инженер-строитель, а двое партийные работники.

Когда началась война, я обратился в ЦК КПСС с коротеньким заявлением: «Прошу привлечь меня к активному участию в борьбе с фашизмом». Мне поручила Родина очень ответственное дело, я был послан в качестве разведчика в тыл германской армии. Когда я ушел на фронт, немного побаивался за свою многодетную семью. Галина Константиновна в это время была окружена вниманием тысяч воспитанников, которых мы с ней воспитали. Благодаря нашей воспитательной деятельности, 10 тысяч трудновоспитуемых детей превратились в великолепных, красивых, звонких людей самого высокого гражданского, нравственного долга. Их раскидала война по всем просторам нашей страны и за ее пределами. Они находили свою мать, Галину Константиновну, старались поддержать ее своими письмами и более ощутимыми вещами – своими аттестатами

(документ, по которому мать военнослужащего могла получать его денежное довольствие. – *Л.М.)*.

Три с половиной года моя семья ничего не знала обо мне, как и я ничего не знал о своей семье. В 1944 году я стремился, прежде всего, узнать, где же мои дети, где же те тысячи детей, которых я воспитал, где воюют мои товарищи по колонии. О ком бы я ни узнавал, а узнал я о многих, все проявили себя достойными гражданами – патриотами своей Родины. Я радовался, что этот достойно воюет, увлажнял свои глаза слезами, узнавая, что кто-то погиб смертью героя, а тот храбро воюет, поражая врага, тот своими руками обеспечивает победу над врагом. Можно утверждать, что страстная наука требовательной воспитательной системы не пропала даром. Она смогла воспитать исключительно гордые, красивые человеческие достоинства. Основой этого интересного воспитательного процесса является страстная отдача делу воспитания, которому посвятил свою жизнь Антон Семёнович Макаренко. Подобное воспитательное дело делает честь, великую честь и славу, тысячам наших педагогов, которые воспитали в большинстве своем боевых, преданных своей Родине граждан.

Дорогие друзья, следует сказать, что мы, педагоги, очевидно, сделали не все, недостаточно отдаем себя делу воспитания, коли есть еще брак человеческий. Антон Семёнович предупреждал педагогов: «Никакого нравственного права мы не имеем делать «бракованного человека». Это страшно звучит – «бракованный человек». Кто такой «бракованный человек»? Это насильник, развратник, убийца, алкоголик, бездельник, бюрократ, грабитель, вор и, наконец, самое страшное – изменник Родины. Любую бракованную вещь можно переделать, можно отнести за счет кармана того, кто допустил этот брак, а за чей счет надо отнести «бракованного человека»? Давайте, товарищи педагоги, возьмем этот брак на себя и будем стремиться его не допускать.

Антон Семёнович, я скажу прямо, работал день и ночь. Он имел возможность и развлекаться, и жить какой-то личной жизнью. Может быть, как раз личная жизнь и являла для него труд воспитания и повышения своего знания в этом деле и в самообразовании. Он был исключительно эрудированным человеком и полностью отдавал себя делу воспитания. А мы, в достаточной ли мере отдаем себя делу воспитания? Не превращаемся ли в просто служащих: прийти к 9.00 или к часу и к двум уйти. Мы должны быть в состоянии педагогического воспитательного накала все 24 часа в сутки и даже в состоянии сна. Если бы мы все поступали хоть чуточку так, как поступал Антон Семёнович Макаренко, то, я убежден, что не было бы

детских домов для трудновоспитуемых детей. А таких детских домов у нас еще много. У нас не было бы тех, кто бы стремился на скамью подсудимых, тех, которые пополняют кадры в местах заключения.

Наша атакующая, активная, страстная педагогическая деятельность, воспитательная деятельность должна ликвидировать детскую преступность, да и преступность вообще. Если не будет преступников среди детей, то их не будет среди подростков, юношей и взрослых людей. Мы можем свести до минимума проступки тех людей, которые посягают на наше общественное благополучие и на благополучие отдельной личности. Это мы с вами, педагоги, должны делать. Вот в каком исключительно красивом призыве эта мысль была высказана А.С. Макаренко – воспитательный процесс должен происходить на каждом квадратном метре, то есть на тех пространствах, на которых протекает наша с вами жизнь и жизнь наших детей.

Прошло очень много времени с тех пор, как я был колонистом, но эти годы остались в памяти на всю жизнь, а по-другому и не могло быть. Если подробно раскрывать, как жила колония, то придется затратить на это много времени. Хочу отметить, что коллектив колонии был очень дружным. Не без того, чтобы среди воспитанников не было ссор, были, были и драки. Однако если касалось это чести колонии или кто-то обидел кого-то из воспитанников, то в этом случае буквально весь коллектив становился на защиту пострадавшего. В результате получилось так, что окружающее население, которое вначале относилось к нам пренебрежительно, даже с презрением, впоследствии стало опасаться нас, потому что колония стала организованной силой большого коллектива, и лучше с ним было не связываться. Мало того, среди окружающего населения колония, я бы сказал, начала пользоваться заслуженным уважением. Так, уже силами колонистов ставили спектакли с выездами в деревенские школы. Население приходило в колонию на спектакли, лекции, которые читал А.С. Макаренко. Он был совершенно прав, когда говорил о том, что колония стала очагом, рассадником культуры среди крестьянского населения, которое нас окружало.

Заканчивая, хочу сказать следующее. Еще при жизни Антона Семёновича было много его сторонников, которые восхищались его работой, уважали, ценили и понимали его воспитательную деятельность, и в то же время было много противников. К сожалению, и в настоящее время еще много встречается людей, которые работают на педагогическом поприще и считают, что те методы, которые применял Антон Семёнович, сейчас

использовать не то чтобы зазорно, скорее, считают их пройденным этапом. Говорят, что А.С. Макаренко якобы жил в свое время, когда то, что он делал, было востребовано. А теперь прошло уже много лет, и нужно что-то новое, что-то другое, забывая о том, что история развития человечества идет к тому, что все будет делаться только через коллектив, всегда будут выдвигаться выдающиеся личности, которые будут руководить коллективом, будут служить примером для его членов. Ни в коем случае не возвратится то время, когда отдельные индивидуальные личности становились, так сказать, как бы эталоном поведения и утверждали свою силу, свою власть. Развитие общества остановить нельзя, оно становится все ярче, так и учение А.С. Макаренко, оно, чем дальше во времени, тем ярче, еще более значительно и более выпукло, что диктует необходимость с большей энергией, настойчивостью внедрять в воспитательную практику методы, которые были им выдвинуты. Его обвиняют в том, что он применял недопустимые способы в деле воспитания, совершенно забывая, что Антон Семёнович был новатором в своем деле. И до А.С. Макаренко были знаменитые педагоги, такие как К. Д. Ушинский. Антон Семёнович искал, а в поиске не всегда сразу найдешь то, что хотелось бы, то, что нужно, то, что правильно. Это относится не только к педагогике, это относится и к технике, науке, в которой разрабатывается какая-то проблема. Не всегда сложившимся путем можно найти истину. Приходится иногда от старого отказываться, искать более приемлемые пути, новые способы и все-таки добиваться поставленной цели. Так было и у Антона Семёновича Макаренко.

Самое главное[15] (в порядке обсуждения вопросов использования педагогического наследия А.С. Макаренко)

Мне часто приходится слышать:

– Да разве кто-нибудь возражает против идей Макаренко? Сколько в последнее время появилось о нем статей, сколько защищают диссертаций о его педагогических взглядах!

Верно, и статей много, и диссертации защищаются. Но слишком много среди этих работ отвлеченных, таких, которые разбирают вопрос не конкретно, а «вообще».

Я, например, согласен с теми, кто говорит, что опыт Антона Семеновича не может быть в своем чистом виде перенесен в нашу школу. Но почему же они не говорят, что же именно, по их авторитетному мнению, можно из этого опыта использовать, а что не годится, устарело?

Многим, например, кажется, что достаточно ввести в школе отряды и командиров, как идеи Антона Семеновича воплотятся в жизнь. Но разве в этом дело? Совет командиров, сводные отряды, награждение значком «колонист» и многое другое, что играло такую большую роль у нас в колонии, наверное, совсем не следует переносить в школу. Антон Семенович никогда не предлагал никакой рецептурно-организационной сыворотки, вспрыснув которую в любое детское учреждение, страдающее беспорядком, немедленно сделаешь его хорошим. Никакое механическое применение приемов Антона Семеновича пользы не принесет, получится только бессмысленное и уродливое копирование.

Как же быть? Как конкретно, по-рабочему, использовать наследство Антона Семеновича в школе? С этим вопросом учитель-практик обращается к нашей педагогической науке. И что же он получает в ответ? Теоретики либо пожимают плечами и отделываются иносказаниями, либо оглушают неискушенное воображение рядового педагога словами: «специфика», «нормальные», «ненормальные», и делу конец.

Не знаю, есть ли ненормальные дети. За 25 лет работы с детьми я таких не встречал. Но часто приходилось встречаться с ненормальной обстановкой и ненормальным воспитанием. Тут, к слову, позволю себе выразить решительный протест против ярлыка «ненормальные», который приклеивают воспитанникам

колонии имени Горького. Я хорошо помню всех своих товарищей и заявляю, что среди них не было ни одного психопата или умственно отсталого. Это были обычные дети-подростки, но на их долю выпало немало горьких дней. Нам тяжело пришлось, но из-под обломков исторических событий нас извлекла заботливая рука молодой советской Родины. Родина согрела нас своим горячим сердцем, дала нам друга и наставника Антона Семеновича Макаренко, научила правильно жить. В свидетели могу призвать инженер-капитана И. Голоса, подполковника А. Задорова, полковника Г. Буруна, доктора Н. Вершнева и других.

Антон Семенович умел вызывать у нас чувство неловкости и стыда за некоторые наши ненормальные поступки. Я помню, как однажды воспитанник Пряничков влетел в спальню с воплем:

– Хлопцы! Там буденовцы!

Все были так поражены, что тут же вылетели из спальни и понеслись по двору к шоссе. Тут, откуда ни возьмись, Антон Семенович. Он очень спокойно сказал:

– Вы что, ненормальные?

– Там буденовцы скачут! – попытался объяснить кто-то, но ватага уже остановилась, и ребята пришли в себя.

– А я, было, подумал, что за вами тигры гонятся, – продолжал Антон Семенович. – Оно, конечно, интересно посмотреть буденовцев, но не так, не по-вороньи. Идемте вместе…

А первого мая 1922 года красивая колонна горьковцев шла по празднично украшенному руслу улицы. За нами, не отставая, следовала толпа любопытных ребятишек. Они лезли под ноги, что-то спрашивали, мешали.

– Прямо какие-то ненормальные, аж стыдно! – по-макаренковски возмущались теперь сами горьковцы.

Совсем недавно, в январе 1951 года, я случайно попал в одну киевскую школу. Великолепное здание, много света, прекрасные классы и кабинеты, а порядки – бурсацкие. Крик, беготня, толкотня, драки. Учителя, изворачиваясь, чтобы их не сбили с ног, с привычной поспешностью перебегали из классов в учительскую. По окончании занятий ребята, чуть не срывая двери с петель, вывалились из школы с тем же бестолковым шумом и гиканьем. Вот все это как раз и кажется мне совсем ненормальным.

В чем беда этой школы? Беда ее заключается в том, что здесь нет коллектива педагогов и коллектива учеников. Здесь все – порознь, вразброд, и если педагог выступает как воспитатель, то только по принципу: учитель один на один с учеником в полной изоляции от коллектива. Притом учитель объясняет, растолковывает, горячится, возмущается, а ученик чаще всего

молча слушает.

Во «Флагах на башнях» Антон Семенович говорит о Захарове: «Только недавно он сам освободился от самого главного «педагогического порока»: убеждения, что дети есть только объект воспитания. Нет, дети – это живые жизни и жизни прекрасные, и поэтому нужно относиться к ним, как к товарищам и гражданам, нужно видеть и уважать их права на радость и обязанность ответственности».

Самое главное у Антона Семеновича – учение о детском коллективе. Человек может быть правильно воспитан только в коллективе. При этом ни один воспитатель не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск: «Должен быть коллектив воспитателей, и там, где воспитатели не соединены в коллектив и коллектив не имеет единого плана работы, единого тона, единого точного подхода к ребенку, там не может быть никакого воспитательного процесса».

Это значит, что педагоги должны быть объединены в коллектив, воодушевленный одной мыслью, одним принципом, одним стилем. Только при этом условии может быть создан детский коллектив с разумной и радостной дисциплиной, с прекрасной, радостной целью, стремясь к которой, этот детский коллектив растет, крепнет, умнеет.

Только в таком коллективе ребенок не будет относиться в дисциплине как к чему-то скучному, однообразному, надоевшему, навязанному извне. Он на практике убедится, что дисциплина – это форма для наилучшего достижения общей цели. Здесь у него будет развиваться чувство долга, здесь он научится поступаться личным во имя общего: вернее, это общее и станет для него личным.

Многие школы не стали у нас коллективами, это разрозненные учителя и разрозненные дети, – вот в чем главная беда. Если нет коллектива, нет традиций, нет общественного мнения, по-настоящему работать нельзя, в этом я глубоко убежден.

Одна из прекрасных находок Антона Семеновича – «логика параллельного педагогического действия» – как раз в том и заключается, что педагог безгранично расширяет свои воспитательные возможности. Он получает возможность влиять на ученика не только прямо, непосредственно, но и через коллектив. Если кто-либо из ребят провинился, то отвечать должен не только он сам, но и коллектив, членом которого он является. Нужно ли объяснять, как при этом развивается в ребенке чувство ответственности перед коллективом, перед товарищами? Мало того, и остальные не остаются пассивными,

происходит обратное воспитательное воздействие на самый коллектив, потому что он осуждает поступок товарища, переживает этот поступок, раздумывает над ним и осознает свою ответственность за поведение каждого своего члена.

Когда начинаешь понимать саму суть идей Антона Семеновича, а не отдельные приемы, только тогда начинаешь чувствовать себя по-настоящему сильным в детском коллективе.

Педагогическая совесть, чувство ответственности, страстная любовь к делу, требовательное уважение к детям, нравственная чистота, воспитательная оперативность, педагогическая смелость и оптимизм, творческое отношение к своей работе – вот что надо понять и почувствовать в книгах Антона Семеновича, вот чему надо у него учиться. В его драгоценном наследстве предусмотрены почти все конкретные, рабочие случаи, и нам, педагогам, прямым наследникам этого богатства, следует научиться не механически, а грамотно и разумно пользоваться им.

Для начала рядовому учителю надо помочь, и это дело теоретиков педагогической науки, которым, на мой взгляд, следует отказаться от эффектной стрельбы из закрытых кабинетов такими словами, как «специфика», «ненормальные» и т. д. Надо также понять, что без конкретного, глубокого знания сегодняшней школы невозможна никакая подлинно научная работа в области педагогики.

Я глубоко убежден: нельзя учить учителей, нельзя наставлять их, если сам ты далек от школы и оторван от нее. Никогда бы Антон Семенович не написал своих замечательных книг о воспитании, если бы не отдал всей жизни детям.

Подушка

Как-то в погожее октябрьское утро 1922 года меня вызвал к себе Антон Семенович и предложил:

– Собирайся, Семен, поедешь в банк.

– Есть! – отсалютовал я и поспешил из кабинета.

Переодеваясь во все возможно лучшее, натягивая чьи-то сапоги, я как бы расшифровывал всю многосложность лаконического задания Антона Семеновича. Он никогда не баловал нас многословной детализацией задания, не задавливал нашей способности мыслить и принимать решения, как удачнее выполнить поручение. Мои сборы были предельно краткими, и уже через десять минут оседланная Мери стояла у крыльца.

– Я готов, Антон Семенович, – доложил я, войдя в кабинет.

Антон Семенович заполнял чек. Я стоял у стола и ждал. Вдруг мой взгляд выхватил из-под руки Антона Семеновича выведенное им каллиграфическим почерком: «двадцать пять тысяч рублей». Глаза мои расширились, мне сделалось как-то чудно и жарко. Эта цифра как бы прошуршала своим бумажным языком: «Какой ты значительный, Семен!» И я позволил себе то, что называлось у нас разгильдяйством. Я нарушил позу приличия. Я облокотился локтями на стол, будучи зачарованным волшебной цифрой – двадцать пять тысяч! Раньше я ездил за деньгами в город, но более десяти тысяч еще не привозил.

Не отрываясь от заполнения чека, как будто вдруг вспомнив что-то, Антон Семенович обратился ко мне:

– Будь добр, Семен, пойди, пожалуйста, в спальню и принеси мне подушку.

– Есть! А чью подушку принести вам?..

– Да все равно. Но лучше свою, – ответил Антон Семенович.

Уже в дверях мною овладело какое-то чувство тревоги. И очень тихо я спросил:

– А зачем вам подушка, Антон Семенович?

Он спокойно ответил:

– Да, собственно, не мне нужна она, а тебе. Я положу ее вот здесь, на столе, с краю. И когда ты в следующий раз облокотишься, то чтобы не очень мучило твои локоточки.

Я сгорел…

Наконец, чек у меня. Я прямо с порога кабинета взлетел в седло, и встревоженная Мери с места понеслась галопом. А в такт подскокам в седле меня колотила мысль: подушка, подушка… После этого случая не помню, чтобы когда-нибудь я наваливался на стол.

1953 г.

Самый сладкий стакан соленого чая [16]

После утомительной репетиции пьесы А. Толстого «Бунт машин», где я играл Адама, никак не лезли в голову заданные в школе уроки. А школы у нас в детской трудовой колонии имени М. Горького было две: одна – для всех, общая, и другая – для подготовки на рабфак. В этой другой занимались десять колонистов; программу составил сам Макаренко, и по всем предметам занятия проводил только он.

Все хлопцы уже спали на деревянных топчанах с туго набитыми соломою матрацами. Я сидел на лавочке за одним из дощатых столов, которых в спальне стояло несколько, так как она одновременно была и столовой. На столе мигала плошка – не столько светила, сколько коптила и воняла. Дьявольски хотелось спать. Чтобы отогнать сон, я вышел во двор. Тишина. Над миром висел бархатный полог неба, густо утыканный звездами.

Окно в кабинете Антона Семеновича светилось ярким квадратом. Это горела восьмилинейная керосиновая лампа – гордость колонии и завхоза Калины Ивановича, который относился к этой лампе, как к чему-то живому, интеллигентному. Он никому не позволял не только стекло почистить, но и керосином лампу заправить, говоря:

– Вам, паразиты, ничего не стоит раскокать такую красавицу, – хотя повода к таким грустным предположениям просто не было.

А лампа была, действительно, чудесная – хорошо освещала кабинет, придавала ему уют и даже тепло.

Я решил зайти к Антону Семеновичу: может, согласится со мной в шахматы поиграть. Постучал.

– Заходи, заходи, Адам!

Я остолбенел: как он узнал, что это я?

– Добрый вечер, Антон Семенович!

– Здорово, Семен, чего не спишь?

– Я спал бы, так уроки ж надо выучить. А оно не учится, и ничего не лезет в голову, и очи слипаются. А как вы узнали, что это я стучу?

– По голосу.

– Так я ж мовчав!

– «Мовчав». А кто сопел, как буйвол?

Я и дышать перестал, как бы прислушиваясь, не соплю ли я действительно.

– Ладно, Семен, шучу, я просто догадался, что это ты. Говоришь, наука не лезет в голову, так ты решил соблазнять меня

– в шахматы? Так?

– Правильно, Антон Семенович, так и подумал.

– Согласен, голубе, проветриться надо. Но в шахматы мы играть не будем, да и поздно уже. Скажу по правде, что-то и мне ничего не лезет в голову, как ты говоришь. То ли я устал, то ли от недоедания, шут его знает, но не лезет. Пойдем, побродим по двору.

– Вот здорово! – воскликнул я радостно. – Идемте!

Антон Семенович погасил восьмилинейку, и мы пошли по двору колонии, нежась в густой и теплой темени ночи. Антон Семенович мечтательно заговорил:

– Пройдет десяток-другой лет, ты станешь выдающимся инженером, отцом большого семейства, а я – старичком…

На мое протестующее движение он махнул рукой:

– Не мешай, Семен. Да… Так будешь инженером, ладно, может, и не очень выдающимся, но честным гражданином и отцом. Я приеду к тебе, ну, допустим, на Дальний Восток или в созданный тобою оазис в Средней Азии, а лучше в Крыму; люблю Крым и кем-то здорово придуманную там природу. Нет, сначала ты приедешь ко мне, так сказать, навестишь старичка.

– Та я с вами никогда не расстанусь! Ну, поучусь и вернусь в колонию.

– Это невозможно, Семен. Учиться надо, многому учиться и многим – всей России надо учиться. Город завертит, закружит тебя – спортом, общественными делами, только гляди, чтобы не упал.

– Не… Не упаду. Точно не упаду.

– И не торопись жениться, хоть парень ты видный.

– Та что вы все про женитьбу! Я никогда не женюсь. Совсем не женюсь.

– Ну, это ты брось. Женишься, Семен, и жениться надо, только по-серьезному. Не на год-два, а на всю жизнь. Ну не дуйся, не буду больше об этом. А вот относительно твоего будущего инженерства и прочего, что-то не знаю: все же инженером ты, пожалуй, не станешь.

– А кем же я стану? Помните, когда везли меня в колонию из тюрьмы, вы тогда сказали: «Черт знает, как мне сейчас торжественно хорошо от сознания, что рядом со мной сидит будущий заведующий колониями»?.. Я тогда со смеху чуть с воза не упал. Так кем же я все-таки буду, Антон Семенович?

– Заведующий колониями, дорогой мой друг.

– Так я ж иду на рабфак сельскохозяйственного института. Вот у Лаптя путевка в педагогический институт, ему и быть заведующим колониями.

– Я прошу тебя, Семен, разговор этот – между нами, и, пожалуйста, не считай меня каким-то хиромантом-предсказателем, судьей, но скажу и про Кольку: не будет он педагогом. А вот Николай Вершнев станет врачом. Боюсь только, что будет здорово выпивать.

– Та вы что, Антон Семенович! Он и капли в рот не берет! И на хлопцев напирает, те его больше остерегаются, чем вас.

– Спасибо за откровенность.

Мне показалось, что Антон Семенович улыбнулся. Через некоторое время он заговорил снова:

– Я тоже думал, что всю жизнь буду учителем в школе – с указочкой, с тетрадочками под мышкой. Каждый день, тысячи дней входить в класс: «Здравствуйте, дети!» А кончился урок: «До свидания, дети!» В перемены или по воскресеньям буду организовывать ребятишек – детей рабочих, пока еще оборванных, босых, голодных… Я чувствую, понимаю, что в новом обществе я должен быть новым учителем – воспитателем. Понимаешь, воспитателем и учителем…

Он умолк, задумался. Я, конечно, тогда больше не понимал, чем понимал.

– Ну, Семен, спасибо за приятное общество. Меня, наверное, мама заждалась.

– Спокойной ночи, Антон Семенович. Теперь, кажется, полезут уроки в голову.

– Подожди, зайдем ко мне, поможешь мне поужинать.

– Я не голодный. Спасибо.

– Прошу, зайдем. Я уверен, что мама придумала какую-нибудь чудо-кашу. А насчет того, что ты не голодный, прошу не брехать. Все мы пока голодные. Кто в наше время может отказаться от дружеского приглашения на ложку каши?! Пошли…

– А у нас гость, мама! – Антон Семенович поцеловал Татьяну Михайловну. – Чем станем потчевать Семена?

– Кашей. Твоя, Тося, любимая, пшенная, только без масла, – ласково ответила Татьяна Михайловна.

– Чудесно, мамочка, и хорошо, что без масла, пшенная с маслом – какая-то скучная.

– А гречка тоже без масла лучше? – спросил я, подстраиваясь под веселый тон Антона Семеновича.

– Да, голубе, теперь больше идет без масла и гречка. Ладно, садись, Семен!

Татьяна Михайловна поставила перед нами две глиняные миски с горячей рассыпчатой кашей. В нарушение всяких правил этикета я быстро расправился со своей, собрав с донышка миски все до единой зернинки. Татьяна Михайловна подала два стакана

чаю, заваренного шиповником, и на розетке крохотные дольки воскоподобного сахара.

– Мама, ты же знаешь, что я на ночь не пью сладкого чая, дай, пожалуйста, сольцы. – Мне показалось, что Татьяна Михайловна недоуменно подняла плечи. На столе появилась деревянная солонка с довольно крупными кристаллами соли, которую, кажется, называют «лизунец». Антон Семенович положил себе в стакан кристаллик и воскликнул:

– Вот это да! Бери, Семен, побольше бери, это настоящее мужское пойло.

Я взял, да сдуру – большой кусок, который еле растворился в стакане.

– Вот это я понимаю – чаище! А сладкий – прихоти дамские, – приговаривал Антон Семенович, как мне показалось, с наслаждением смакуя соленый чай.

– С первым же глотком соленого сиропа, от которого у меня свело рот, в голове мелькнула догадка, в памяти во всех деталях воскрес недавний случай. Я пил и боялся, чтобы не брызнуть смехом и чаем. Антон Семенович неторопливо продолжал чаевничать.

Я раньше, чем он, покончил со своим чаем и сидел, едва сдерживая бурлящий во мне смех.

– Наконец, кончил чаепитие и Антон Семенович:

– Спасибо, мама, за королевский ужин, а тебе, Семен, за компанию. Теперь по хатам. – Антон Семенович поднялся. Вскочил и я:

– Спасибо, Татьяна Михайловна, спасибо, Антон Семенович, за кашу, за чаек и за сегодняшний вечер. Никогда не забуду, как мне было хорошо!

В спальне я стал тормошить колониста Пряничникова:

– Проснись! Да проснись же!..

– А! Что? Ты, Семен? Куда? Зачем?..

– Та никуда. Слушай. Я прошу у тебя прощения. Извини, пожалуйста.

– Да за что извинять-то? – Пряничников глядел на меня выпученными глазами, ничего не понимая.

– Помнишь, дней десять назад ты спросил за завтраком, сладкий ли у меня чай, а я ответил, что вроде бы соленый, хотя он был сладкий. У тебя же он был соленый, потому что это я бросил в твою кружку соль.

– Ну, так что?

– Что, что! Вот прощения прошу. А хочешь, когда будет сахар, стану отдавать тебе свою порцию?

– Я уже и забыл, а он вспомнил и разбудил! Иди спать и мне

не мешай.

– Я-то лягу спать, а вот разбуженная моя совесть теперь уже никогда не уснет.

– Кто же ее разбудил, не Антон ли?

– Неважно, кто разбудил. Важно, что она долго дремала и вот, наконец, проснулась…

Сорок лет я работаю воспитателем, но о соленом чае не забываю. А когда доводится рассказывать об этом случае моим воспитанникам, они слушают внимательно, а потом многозначительно замечают: «М-да-а!»

Трудовой долг

Я утверждаю, что у детей и подростков надо решительно и требовательно воспитывать не столько *любовь к труду,* как это предусмотрено в планах воспитательной работы, а *чувство долга* по *отношению к труду.* Ребенок должен и обязан трудиться, а любовь придет не просто к труду, а уже к избранной специальности.

Мне вспоминается такой случай из трудовой жизни колонии имени М. Горького. Весной 1922 года я возглавлял сводный отряд «ВН» – вывозка навоза.

– Ну и вонючий же этот граковский труд! – заметил я подошедшему к нам Антону Семеновичу Макаренко. – Стоишь по колено в этой гадости, а от вони аж ноздри лопаются. Только и радости, что ноги, как в печке, – тепло.

– Да, труд действительно не сладкий. Тяжкий труд. Наломаешь спину, наглотаешься запахов и грязи помесишь, пока, наконец, насладишься ароматом хлеба, – отозвался Антон Семенович.

– Как вспомнишь эту каторгу, так и пряника с медом не захочешь, – откликнулся Ваня Колос, вогнав вилы в сочную кучу навоза.

– Так может, хлопцы, бросим это грязное дело, может, других ребят назначим? – предложил Антон Семенович.

– А другие хлопцы, что, не люди? – вставил Вася Галатенко и продолжал: – А что будем есть, где хлеба возьмем, если не будем копаться в этом навозе.

– Так вот и я думаю, Василь, – сказал Антон Семенович, – придется попачкаться, а уж когда вырастим пшеницу да уберем, да свезем в скирды, да смолотим, да смелем, да напечем пирогов, да сядем за столы – вот тогда и наедимся, и отдохнем, и не забудем, и не проклянем сегодняшний день, а торжественно поклонимся ему. И полюбите вы результат своего труда, а вас полюбят все жители колонии. Так-то, хлопчики, а пока – сколько уже вывезли? Норму выполните, а может и перевыполните?

И пошел Антон Семенович на зов с другого рабочего места.

В первые годы становления колонии мы, воспитанники, а вместе с нами и наши наставники очень много трудились. Заготовка дров в лесу, ремонт зданий, работа в мастерских и особенно большая работа на огородах и полях. Мы понимали, что работа нужна для нашей жизни, для лучшей жизни нашей страны. Мы гордились результатами нашего труда, мы уже сознавали, что наш труд имел государственное значение. В колонии, кроме

воспитателей-учителей, завхоза, повара, кастелянши, одной прачки и специалиста-огородника, никого больше не было. Все делали сами колонисты. Со временем, когда сельское хозяйство располагало уже 65 десятинами пахотной земли, обзавелись солидным поголовьем скота. Когда сельское хозяйство стало основным источником нашего материального благополучия и очагом профессионального обучения, в колонию был приглашен талантливый воспитатель и высокой культуры агроном-новатор Н.Э. Фере.

Столярной мастерской, в которой работало много воспитанников, руководил квалифицированный инструктор-белодеревщик. При обучении мы делали для своих нужд несложную мебель: табуретки, скамейки, столы.

В мастерской, в поле и на других объектах мы делали нужные вещи, мы не ждали, что нам их дадут. Мы не нахлебничали. Мы сознавали, что, чем скорее сделаем то, в чем испытывали нужду, тем удобнее будет наша жизнь, уютнее, сытнее. И самая неприятная работа воспринималась, прежде всего, как необходимая, обязательная.

Результаты своего труда мы берегли, любовались и гордились ими.

Говоря о прошедших годах, невольно вспоминаешь о своих друзьях-колонистах. Некоторые из них успели полюбить кто специальность хлебороба, кто животновода, кто столярное дело, кто театральное.

Как-то после тяжелого трудового дня мы сидели усталые под только что смётанным стогом. С нами был и Антон Семенович. Я почти дословно помню, как он в тот вечер сказал:

– Труд – это самое высокое назначение человека. Вызывая мускульное утомление, он активизирует работу мозга. Не добровольной любви он требует, а обязательного долга. Этого долга требуют от вас как старшее поколение, так и поколение ваших детей. Труд – он как воинский долг. Не по любви идут под ружье, а по долгу гражданскому. Одни несут этот воинский долг с патриотической преданностью, но мечтают по окончании службы вернуться к любимому гражданскому делу. Другие за годы службы в армии начинают любить воинское дело и посвящают ему жизнь. Скажу вам, хлопцы, что я не мечтал в детстве стать учителем, я глядел влюбленными глазами на малярное ремесло отца и собирался стать маляром, а стал учителем. В свою профессию я влюбился только на пятом году работы и, как мне кажется, скорее всего влюбился в дело воспитания, и это уже на всю жизнь… Да, дело, которое ты признал своим, которое ты полюбил, становится смыслом твоей жизни, источником радости.

Как выглядел рабочий день в колонии имени М. Горького?

Учеба – 4–5 часов; работа в поле, мастерских и прочих объектах – 4 часа, а в горячую пору полевых работ и по 6–8 часов; спортивно-подвижные игры – 2 часа; свободное время (мы называли это время «ленивцев») – 1,5–2 часа. И в это время сидели группки мечтателей-сказочников, читали книги, играли в шахматы, любители театра готовили очередной спектакль.

И еще одна прелесть рабочего напряжения, уже чисто общественного плана, – частые ночные дозоры по борьбе с бандитизмом. К этой тревожной работе привлекались только общественно трудовые активисты.

Группа готовившихся к поступлению на рабфак ежедневно, кроме трех дней, когда шли спектакли, дополнительно занималась по 3–5 часов по специальной программе. И этими занятиями по всем предметам руководил сам Антон Семенович. Это напряжение не истощало нас, не убивало интереса к труду и учебе, а, наоборот, отрабатывало постоянную рабочую готовность, закаляло упорство в доведении начатого дела до победного конца.

Бывало, сидишь до часу ночи и при тусклом свете «каганца» работаешь над заданием по дополнительной программе для поступления на рабфак. Заходит Антон Семенович и спрашивает:

– Что не спишь, Семен, работаешь?

– Да, вечером «Сатина» зубрил – репетиция, а в свободное время с пацанами возился. А задание сделать надо. Да я и спать не хочу. Сейчас закончу.

– Не помешаю, если немного посижу с тобой? Глаза устали от писанины, лампа закоптила… А может, пойдем немного побродим, подышим со мною?

Кто же откажется от этих прогулок с человеком, умеющим так увлекательно и мудро ответить на все волнующие вопросы.

Позже, когда колония достаточно материально окрепла, разбогатела, педагогический совет и совет командиров нашли возможным и полезным выдавать воспитанникам карманные деньги для личных расходов. Именно – расходов, а не нужд. Главная цель – научить колонистов «управлять деньгами». Я не помню случая, чтобы эти деньги были поводом к каким-либо недоразумениям. Деньги выдавались дифференцированно. Воспитанник, имевший звание «заслуженного колониста», получал 5 рублей, за звание «колонист» – 3 рубля, а просто воспитанник – 2 рубля.

Выдачи приурочивались к календарным праздникам или в связи с представленным отпуском. Всем было известно, что при нарушении установленных правил отряд, в котором случится

происшествие, будет лишен права на получение карманных денег.

В детской трудовой коммуне имени Дзержинского эта денежная проблема разрешалась уже в другом плане. Коммуна была на самоокупаемости. Из начисляемой коммунару зарплаты удерживался определенный процент на содержание его и еще с работающего на производстве товарища; 10 % поступало в фонд совета командиров. Этот фонд расходовался на коммунарские летние походы и экскурсии, на единовременную помощь нуждающимся бывшим коммунарам и прочее. Остальная часть зарплаты коммунара переводилась на его личный счет. Коммунар, с разрешения совета командиров, имел право брать со своего счета небольшие суммы на карманные расходы. К моменту выхода из коммуны у коммунара накапливалось 2–5 тысяч рублей (часто коммунару хватало его сбережений на все время учебы в институте).

А какие кипели страсти на совете командиров в колонии имени М. Горького, когда обсуждался вопрос, что приобрести на доходы от мастерских и сельского хозяйства: девочкам – шерстяные платья, а мальчикам – брюки или киноаппарат. По инициативе мальчиков постановили: приобрести киноаппарат, а девочкам – платья.

– А брюки?

– Вот потрудимся месяц по-ударному, перевыполним план, тогда и купим мальчикам брюки, а может, хватит еще и на ленты девочкам.

У нас есть родители, которые страдают трудобоязнью. Не сами боятся труда, а оберегают от труда детей, и это выдается за примерную заботу о детях. А ведь при этом забывается другая сторона – забота детей о родителях.

Я вспоминаю, как в 1913 году мы, сельские мальчишки, в 10—12-летнем возрасте пололи и прореживали сахарную свеклу на плантациях помещика Старицкого. Работали от зари до зари. За утомительно длинный рабочий день нам платили по 20–30 копеек. Заработанные деньги не вызывали у меня какой-то частной радости. Мне просто было приятно от мысли, что мой заработок доставит радость матери. Она пожалеет меня и скажет:

– Устал, сынок?

А я отвечу:

– Нет, ни капельки. Вот немного побегаю, а завтра сам всю картошку промотыжу.

А на заработанные мною деньги мама купит обувь и одежду мне и младшей сестре для школы.

Условия нашей жизни и наши дети не похожи на колонистов 30-х годов, но макаренковские принципы и методы воспитания

мы используем в своей работе и развиваем. В Клеменовском детском доме широко внедрена заимствованная нами у Макаренко система и форма организации детского коллектива. Позаимствована и суть организации труда. Труд обязателен для всех по способности и возрасту, а благо – равно для всех.

Наблюдается, что те из воспитанников, кто больше загружен заботами трудовых обязанностей, кто активнее занят общественными поручениями, тот и хорошо учится, лучше других приспособлен к самостоятельной работе над учебником и заданием, у него хорошо развито чувство хозяйственной смекалки и бережливости.

В своем подсобном хозяйстве мы выращиваем на пяти гектарах картофель, на одном гектаре овощи, имеем большой сад. Можно прямо сказать, что не найти в нашем районе более чистого и ухоженного поля, как в детском доме. На протяжении многих лет мы выращивали для совхоза на площади 5 га кукурузу. Заботливым уходом мыдобивались получения высоких урожаев – 700—1000 ц/га. Тут было чем любоваться и гордиться.

В течение шести лет выходили воспитанники из детского дома на учебу и на промышленные предприятия. Теперь они часто навещают нас и, действительно, влюблено говорят о своей профессии. Они говорят о ней, как о чем-то живом и дорогом, что украшает их жизнь, дает не только материальное благо, а и эстетическое наслаждение.

Чувствуешь, что благодаря полюбившейся специальности они приобретают самую главную специальность – становятся настоящими людьми.

1963 г.

Глубокая вера в человека, в лучшее, что в нем есть, вера в его творческие силы, которым нужно помогать жить и расти, – была отправным моментом всей педагогической деятельности Антона Семёновича Макаренко.

А.С. Макаренко утверждал, что в воспитании детей нужно опираться на их положительное, а не отрицательное. Все плохое – преходящее в человеке. А.С. Макаренко умел подмечать и анализировать не вообще хорошее в подростке, а типичное и притом то хорошее, что может расти, развиваться. «Я то и дело пересматривал их состав и раскладывал его на кучки, классифицируя с точки зрения социально-человеческой ценности» [1, с. 428].

Он как художник и как педагог с большим мастерством рисует образы воспитанников в своих художественно-педагогических произведениях. Неотъемлемой способностью

педагогической работы Антона Семёновича было умение чувствовать каждого ребенка со всеми его переживаниями, запросами, потребностями, предвидеть развитие склонностей детей в перспективе.

Он был ярым противником лженаучного педагогического изучения детей. Попытки педагогов изучить «доминанты» воспитанников были им с иронией отвергнуты. У воспитанников колонии, – заметил он педагогам, – преобладают те самые доминанты, что и у вас. Умение подметить и проанализировать в своеобразной индивидуальности подростков цепи импульсов, навыков, которые нужно

использовать при воспитании, характерно для системы воспитания А.С. Макаренко. Он подмечал и помогал расти в детях тому, что непосредственно определяло их поведение. Он дает ряд примеров того, что нужно подмечать в личности воспитанника, что, развиваясь, может обеспечить ему почетное звание колониста, члена коллектива. Вот несколько примеров характеристик, данных им своим воспитанникам.

«Антон Братченко ко всякой борьбе был страшно охоч, невероятно общителен и ни одной минуты не мог пробыть в одиночестве. Любил отстаивать правду. С воспитателями он был невозможно груб, но в его грубости всегда было что-то симпатичное так, что наши воспитатели и не оскорблялись. В его тоне не было ничего хулиганского… настолько в нем всегда преобладала человеческая страстная нотка. Он никогда не ссорился из-за эгоистических побуждений. Он был влюблен в лошадей и в дело конюха. В конюшне у него был образцовый порядок, всегда было убрано, упряжь развешана в порядке, возы стояли правильными шеренгами. Он много читал и любил поговорить о книжке – знал всю приключенческую литературу…»

А.С. Макаренко соответственно усиленно развивал те или другие способности, творческие силы детей. Как талантливого педагога его характеризует то, что ни одного поступка, ни одной значительной мысли своего воспитанника не оставлял он без анализа. Понимая психологию ребенка, работая с детьми, он не только влиял на них, но и они влияли на него, наталкивали его на многое. Дети непрерывно заставляли его обдумывать, творить.

Новаторство Антона Семеновича Макаренко в педагогике заключается в том, что он практически опирался на педагогические принципы и применял приемы воспитания в коллективе и через коллектив. Коллектив как основа, как средство воспитания является главным его педагогической системы. В противоположность индивидуальному воспитанию он показал великую воспитывающую силу коллектива. Основной свой принцип – коллектив как путь и средство воспитания – Макаренко не надумал, воспитывающую силу коллектива он создавал в процессе повседневной работы.

Воспитание беспризорных ребят с навыками упрощенческо-анар-хической логики, презиравших всякую собственность, отрицавших человеческую культуру, пренебрежительно относившихся к порядку, к закону, требовало непрерывной творческой работы и обдуманности всякого мероприятия,

каждого шага педагога. Для нас, анализирующих опыт Макаренко, важно раскрыть и познать, как вырабатывался у него принцип воспитания в коллективе.

Все мы знаем, что процесс создания коллектива – дело сложное. Едино спаянный коллектив не создается сразу. Антон Семенович Макаренко писал, что создание коллектива было «таким бесконечно длинным и тягостным процессом, что если бы я знал это заранее, я, наверное, испугался бы». Но «я всегда ощущал себя накануне победы, для этого нужно было быть неисправимым оптимистом».

Зачатки коллектива начали впервые ощущаться на первом году и главным образом в процессе труда детей. Но коллективные связи среди воспитанников были настолько слабыми, что они рушились на каждом шагу из-за первого пустяка. Макаренко, глубоко осознавший, что только через коллектив можно найти пути перевоспитания, делает для себя вывод, что первые ростки, зачатки коллектива больше всего нуждаются в защите и нужно во что бы то ни стало их скреплять и развивать. Насколько большое значение Макаренко придавал первым росткам коллектива как главной основе воспитательной работы видно из его заявления: «Главной своей заслугой я считаю, что, когда я заметил это важное обстоятельство и по достоинству оценил, не дал новым пополнениям заглушить драгоценные ростки коллектива».

Уже первые ростки коллектива сделали для Макаренко совершенно очевидным, что воспитание в коллективе может осуществляться только в связи с его интересами. Антон Семенович не упускал ни одного случая, который мог бы возбудить и закрепить у его воспитанников коллективный интерес, сколотить их в организованный дружный коллектив. «Мы ездили несколько дней, но сало выездили… – писал А.С. Макаренко. – Наконец, сало привезли в колонию и водворили в погреб. В первую же ночь оно было вновь украдено.

Я даже обрадовался этому обстоятельству. Ожидал, что вот теперь заговорит коллективный общий интерес и заставит всех с большим воодушевлением заняться вопросом о воровстве… но воодушевления никакого не было, а когда прошло первое впечатление, всех вновь обуял спортивный интерес: кто это так ловко орудует?» [1, с. 35].

Тогда Антон Семенович приходит к мысли о том, что дружный, спаянный коллектив может быть создан общим трудом, который диктуется общими интересами, когда результаты его пойдут на удовлетворение общих нужд. Таким трудом оказалась работа в лесу по заготовке дров в 1923 году, «на общем собрании удалось мобилизовать группу в 20 чел. воспитанников – актив на

лесные работы». Это были работы, в которых проявлялась самостоятельность, чувствовалась героика и удовлетворенность тем, что они работают для себя. Ребята возвращались из леса оживленными, в пути развлекались игрой. Они чувствовали удовлетворение от того, что их трудом колония будет обеспечена дровами. Здесь Макаренко на практике убедился в организующей и воспитывающей роли труда. На работах в лесу создался первый отряд, ставший ядром организации и создания коллектива. Работа в лесу была так интересно организована, что дети гордились ею.

В организации коллектива Антон Семёнович не пошел по трафаретной схеме, а использовал опыт, интересы детей и, исходя из этого, организовал отряд. «Я отстаивал, – говорит он, – линию создания сильного, если нужно и сурового, воодушевленного коллектива, и только на коллектив возлагал надежды». Как большой знаток психологии человека, он учитывал вкусы ребят к военной партизанской романтике революционной борьбы, называл группу ребят, работавших в лесу, – отрядом. Антон Семенович Макаренко совершенно правильно замечает, что организация колонистов в отряд вызвала у них образ другого отряда, о котором они много слышали в воспоминаниях и рассказах, в легендах о гражданской войне.

Мастерство его заключалось в том, что эти лесные работы колонистов не превратились в тягучую обязанность, как только он заметил (высказывание воспитанника Задорова), что они для данного отряда переходят в повседневность, он сейчас же отдал приказ об организации нового отряда.

Положив в основу воспитательной работы с детьми их самостоятельность и труд, Антон Семенович организует последующие небольшие коллективы (отряды), работающие в определенной отрасли труда. Эти коллективы (отряды), как он пишет, заключали в себе идею распределения детей по мастерским. Первый отряд составили кузнецы, второй – конюхи, четвертый – сапожники, десятый – свинари. Его не смущала, как это иногда бывает с некоторыми педагогами, мысль о том, полезно ли занимать детей уходом за свиньями. Его в этом случае занимала основная задача – создание здорового, деятельного коллектива. При организации отрядов он учитывал интерес, склонности детей. Но не это было решающим у него.

– Я требовал, – говорил А.С. Макаренко, – воспитания закаленного, крепкого человека, могущего проделывать и неприятную работу, и скучную работу, если она вызывалась интересами коллектива. Он строго и последовательно проводил мысль о том, что интересами коллектива, в первую очередь,

должны быть проникнуты работа, поведение и сознание детей.

Этот огромной важности педагогический принцип лежал в основе всей его воспитательной работы. Там, где члены коллектива охвачены единым стремлением, сознанием коллективных интересов, крепко утверждается убеждение, что коллектив – это сила.

Воспитанник Санчо говорит своему товарищу Игорю:

– Так ты один, а нас колония. Ты против нас куражишься… [1, с. 115].

В коллективе надо и неинтересное дело выполнить с интересом, и у Игоря вырываются слова:

– Неинтересное делать. Это, сэр, довольно интересная мысль [1, с. 116].

Как искусный педагог Антон Семенович Макаренко умел подвести детей к пониманию коллективных интересов и добиваться того, чтобы они сами загорелись, зажили интересами коллектива и рассматривали всякую работу как вытекающую из коллективных интересов и подчиненную им же. Он стремился воспитать в детях потребность коллективиста, быть связанным со своим коллективом единой цепью движения, единством борьбы, живым и несомненным ощущением своего долга перед обществом.

Макаренко установил, что не только бригадир, но и всякий воспитанник, обладающие крупинкой власти хотя бы на один день, должен распоряжаться этой властью с уверенностью, без оглядки, независимо от того, на какой работе дети объединены, как велик или мал ни был коллектив. Он добился, чтобы этот коллектив представлял собой одну семью, очень дружную, сбитую и гордую своей собранностью. Все это веселое, гордое общество колонии представляло собой единую, крепко слаженную компанию.

В организации коллектива в колонии у Макаренко ничего не было надуманного, ничего не навязывалось сверху, его традиции вырастали из самодеятельности и труда. Во всей его работе чувствуется инициатива воспитанников, возбуждаемая и руководимая воспитательным персоналом.

Организация коллектива, интересная и напряженная работа, – говорил Макаренко, – во многом зависит от воспитательного персонала. «Во второй колонии, – писал он, – был и складывался ленивый, ноющий коллектив, причиной этому были отсутствие ядра и плохая работа воспитательного персонала». Поставив в основу своей педагогической работы воспитание в коллективе, Макаренко считал, что такое воспитание дает более быстрый воспитательный эффект, чем

индивидуальная работа. Он не отрицал индивидуальной работы с воспитанником, но она должна вестись на фоне работы с коллективом и определяться коллективными интересами. В связи с этим он придавал огромное значение работе воспитателя с коллективом – отрядом, классом. В частности, воспитатель постоянно должен возбуждать в детях, в коллективах представления «о коллективной истории, коллективной чести и лучшем, достойном месте в колонии».

Колонисты всегда чувствовали «красоту коллектива», «достоинство его». А.С. Макаренко разработал структуру коллектива, принципы его построения, которые могут быть сведены к следующим положениям:

1. Строгое распределение воспитанников по постоянным коллективам.

2. Система дробных, небольшого состава коллективов, создаваемых по трудовому принципу.

3. Создание переменных сводных коллективов по определенным трудовым рабочим заданиям на короткий срок.

4. Участие каждого воспитанника не только в постоянном небольшом коллективе, но и в сводном переменном коллективе.

5. Проведение через выполнение обязанностей командиров сводного отряда каждого члена первичного коллектива колонии с тем, чтобы каждый воспитанник участвовал не только в рабочей функции, но и в организаторской.

Коллектив, построенный по принципам Макаренко, на деле приучает детей не только работать в коллективе, но и управлять им. В системе постоянных и сводных коллективов (отрядов) устраивается так называемая командная каста (аристократия) из воспитанников. В работе детского коллектива чрезвычайно важно, чтобы председатель детского самоуправления, верхушечная часть детского коллектива не превратилась бы в профессиональных командиров. В практике некоторых учреждений, при неправильной организации и руководстве коллективом сплошь и рядом можно наблюдать, когда верхушечная часть коллектива, актив, пользуется особыми привилегиями, они и лучшее получают из обмундирования, на них и за них работают другие ребята. Случается, что они покрывают кражи, имея от них известную долю. Бывает и так, что этот «актив» превращается в «глотов», в эксплуататоров. В результате создается антагонизм между верхушечной частью и остальными детьми коллектива, происходит разделение коллектива на командиров и исполнителей.

А.С. Макаренко, анализируя свой опыт и опыт других учреждений, в том числе и опыт работы школы, совершенно по-

новому и практически правильно разрешает вопрос о роли верхушечной части и командиров отдельных коллективов. По его мнению, детский коллектив и его органы самоуправления – это прежде всего школа общественного воспитания.

В детском коллективе каждого его члена нужно не только научить работать коллективно, отвечать за порученное дело, прививать ему организаторские навыки, но и надо научить подчиняться товарищу. Взрослый должен подчиняться малышу и, наоборот, командир постоянного отряда – рядовому члену своего отряда, когда он (член его отряда) будет выполнять обязанности командира сводного отряда.

Вопрос воспитания у детей «подчинения товарища товарищу» у Макаренко решается прежде всего организационно. Из его опыта можно сделать вывод о том, что нельзя детский коллектив разделить на какие-то постоянные обособленные, закупорившиеся в рамках своих работ коллективы-отряды. Необходимо, чтобы между отрядами-коллективами было как можно больше взаимозависимости, как равно должна быть чрезвычайно широко развита взаимозависимость в работе и в подчинении между отдельными членами коллектива.

Этим воспитательным целям служил сводный коллектив-отряд. Сводный коллектив-отряд в воспитательной работе А.С. Макаренко, действительно, являлся его большим изобретением. Его можно считать коррективом в организации и в работе всего коллектива.

Постоянный отряд – это первичный коллектив колонистов, и командир его – обязательно член совета командиров. Сводный отряд создавался временно для выполнения определенных работ: выполоть картофель на таком-то поле, вспахать такой-то участок, вывезти навоз и т. д. [1, с. 194].

По количественному составу, – писал Макаренко, – сводный отряд мог состоять из двух человек, но один из них советом командиров назначался командиром сводного отряда. Он распоряжался на работе и отвечал за нее. Управление сводным отрядом возлагало большую ответственность и заботы на командира.

Как только заканчивалась работа, сводный отряд распускался, и отдельный колонист на вторую неделю назначался на другую работу в новый сводный отряд под командованием нового командира сводного отряда. За время весенних и летних сельхозработ было очень много сводных отрядов, и совет командиров через нагрузку командира сводного отряда старался проводить всех колонистов. Как указывалось, командир сводного отряда, выполнившего свою задачу, работал рядовым участником

в новом сводном отряде. Как первичный коллектив, так и сводный отряд возникали у Макаренко на труде, в частности, на сельхозработах.

Сельхозработа сопровождалась переменой места и характера работы. А.С. Макаренко, создавая сводные отряды, добивался важного в педагогическом отношении разнообразного сочетания коллектива по рабочим заданиям. Сочетание труда детей в мастерских, в с/х, с обучением в школе и организационным построением коллектива по системе постоянных и сводных отрядов делало работу напряженной и интересной. «Система сводных отрядов делала жизнь в колонии очень напряженной и полной интереса, чередования рабочих и организационных функций упражнений в командовании и в подчинении, движений коллективных и личных» [1, с. 197].

В коллективе высоко поднималась ответственность командира. А.С. Макаренко считал поэтому очень важным институт единоначалия и концентрированную ответственность командира или бригадира, стоявших во главе детского коллектива.

Развивая свои взгляды и идеи о коллективе как важнейшем средстве воспитания детей, Макаренко был противником всего того, что делало коллектив вялым, несамостоятельным. Он принимал решительные меры и использовал силу воспитательного влияния коллектива, если замечал, что в нем возникает ссора, озлобление, что кто-то стремится стать над коллективом. Поэтому он старался, чтобы в каждом коллективе было по-дружески тепло, по-семейному приветливо, весело, чтобы в нем была красота строгости, дисциплины, и чтобы дети гордились своей собранностью. Организация коллектива, работа в нем с выполнением детьми разнообразных заданий, поручений, обязанностей и прочее увлекали детей и самих педагогов.

Жизнь и работу личности в коллективе Антон Семёнович довел до такой высоты свободы и творчества, что как будто, говоря словами Игоря Чернявина:

– Все они и те, кто постарше, и мальчики, и девочки, где-то по секрету договорились о правилах игры и сейчас играют честно, соблюдая эти правила, гордясь ими и гордясь тем больше, чем они труднее.

Мы уже подметили, что труд воспитанников колонии создал педагогическую систему А.С. Макаренко. Он всегда подчеркивал, что труд воспитывает волю, терпение, настойчивость, благородство души. Но труд Антон Семёнович не мыслил вне связи с обучением в школе, вне связи с коллективным интересом.

Опыт А.С. Макаренко, как и других учреждений, показывает,

что при организации труда подростков должны быть использованы принципы фабрично-заводского промышленного труда. С воспитанием в коллективе решающей роли труда в перевоспитании связана выработка у детей «перспективных линий». А.С. Макаренко, постоянно анализировавший всякое намечаемое мероприятие и предвидевший его в перспективе, ввел в свою систему воспитания создание у детей «перспективных линий» как педагогический принцип. Воспитание детей через выработку у них «перспективы», «трудового усилия» – является подлинным новаторством. Воспитание детей путем создания у них перспектив Антон Семёнович обосновывает и психологически, и методически.

Одной из самых дорогих и близких человеку перспектив является перспектива радости как результат трудового усилия. Эту же мысль развивает Макаренко: «Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость» [1, с. 584]. «В педагогической работе с детьми сначала нужно, – говорит А.С. Макаренко, – организовать самую радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность».

Не представляя себе истинного воспитания человека вне коллектива, А.С. Макаренко считал, что и воспитывать ребенка нужно путем создания у него коллективных перспектив. Перспективы коллектива должны являться для человека и личными перспективами. Он не мыслил воспитания человека без перспективных путей. «Воспитать человека, – говорил он, – значить воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость».

Придавая огромное значение воспитанию перспективы, А.С. Макаренко говорил, что «сила и красота в человеке определяется исключительно по типу его отношения к перспективе». Ставя перед детьми, в работе с ними простые, незначительные перспективы, как-то: хороший обед, поход в цирк, очистка пруда, надо постоянно возбуждать к жизни и особенно расширять перспективы целого коллектива, доводя их до перспектив всего государства [1, с. 585]. Ближайшей коллективной перспективой после завоевания Куряжа сделался праздник первого снопа [1, с. 586]. Он ставил перед детьми не мечту о перспективе неопределенного далекого счастья, а реальную прекрасную перспективу деятельной жизни большого счастливого коллектива. Возьмем, например, перспективу поездки детей в дальний отдых на море всем коллективом. Какая большая и широкая воспитательная работа развивается в связи с достижением данной перспективы. Дети стараются и лучше учиться, и работать, и

вести себя так, чтобы, добившись в результате трудовых усилий хороших успехов, затем осуществить экскурсию, поставленную им в перспективе.

Процесс воспитания подростков и организация коллектива не могли бы совершиться, если бы во взаимоотношениях между детьми и заведующим учреждением, педагогами не было доверия. Мы также знаем, что доверие – основа воспитательной работы с детьми. А.С. Макаренко считал доверие одним из условий его педагогического успеха.

Доверие как принцип воспитания должно быть и в школьной работе, и в семейном воспитании. Именно доверие было стимулом для быстрого закрепления сплоченности в коллективе. Через доверие руководителя учреждения к детям разрушается их недоверие к себе, к педагогам, к коллективной перспективе. А.С. Макаренко приводит ряд характерных фактов проявления доверия к детям.

Сама идея организации коллективов, поручение детям выполнения управления, самостоятельность дежурного в управлении колонией, предложение самому решать, сделать выбор – это всё образцы выраженного доверия. Доверие тогда имеет сильный резонанс, когда оно не носит интимного характера, а, наоборот, имеет общественный характер, проводится на общественном деле и связано с интересами всего коллектива. В Куряже он призывал горьковцев к организации Куряжского коллектива. Это доверие к горьковцам служить наглядным примером для недоверчивых колонистов Куряжа, встретивших и относившихся с безразличием к начинаниям в их колонии.

Ярким примером индивидуального доверия служит разговор А.С. Макаренко с Семеном Карабановым. На вопрос Семена:

– Вы мне прямо скажите, верите вы мне?

– Верю, – ответил Макаренко.

– Нет, вы правду скажите: верите?

– Я думаю, прежнего ж не будет?

– Вот видите, значит, не совсем верите…

– Напрасно ты, Семён, так волнуешься. Я всякому человеку верю, только одному больше, другому меньше [1, с. 188].

Макаренко всегда учитывал, что разговор с воспитанником по вопросу, который волнует его, никогда не должен забываться. Слова учителя, руководителя глубоко западают в душу ребенка, он их долго помнит и переживает. Разговор этот мог бы забыться, и, может быть, это стало бы роковым для Семёна, поскольку у него закралось сомнение в доверии к нему Макаренко. Это могло бы толкнуть его на второй уход из колонии. Но Антон Семёнович,

поговорив с Семёном, не упустил его из виду. Через две недели вдруг, неожиданно для Семёна, Антон Семёнович позвал его к себе и сказал просто. Сказать просто – в этом тоже гвоздь доверия:

– Вот доверенность, получишь в финотделе 500 рублей.

Семён открыл рот и глаза… Неловко сказал:

– 500 рублей? И что?

– И больше ничего, – сказал Антон Семёнович, заглядывая в ящик стола, – привезешь их мне. Вот револьвер, на всякий случай.

Прошло две недели, Макаренко дает приказание Семёну:

– Поезжай, получи 2000 рублей [1, с. 188–189].

Антон Семёнович Макаренко образно показывает, как воспитанник нашел доверие к нему. Семён понимал, что Антон Семёнович, посылая его получить 2000 рублей, доверял ему, но и рисковал. Антон Семёнович не подчеркивал своего риска, но воспитанник понимал, что заведующий колонией рискует. На исчерпывающее восклицание Семёна:

– Ой, и хитрый же вы, Антон Семёнович!

Макаренко спокойно отвечает:

– Никакой хитрости.

Заметив, что Семён все еще сомневается, Макаренко убеждает Семёна своим утверждением:

– Я ничего не боюсь. Я знаю: ты человек такой же честный, как и я [1, с. 190].

В педагогической системе Макаренко основное место занимали и вопросы воспитания дисциплины. По мнению Антона Семеновича, дисциплина – это готовность к действию, необходимость подчинения и послушания, подчинения своих личных интересов интересам коллектива, уважение к старшим, к товарищу, сознательное выполнение своих обязанностей в школе, семье, играх. Дисциплина должна вытекать из социального опыта и практического, товарищеского, коллективного действия. Применяя это к школе, мы можем сказать, что на уроках в классе дисциплина учеников должна вытекать из их коллективного действия, учебных занятий, борьбы за высокую успеваемость. Дисциплина должна быть твердой и строгой, но в то же время приятной и радостной. Строгая дисциплина «цементировала коллектив, создавала бодрый и жизнерадостный тон в колонии».

Дисциплина в детях воспитывалась повседневно в процессе труда, на школьных учебных занятиях, в самодеятельности, в коллективе, на дежурстве и на каждом шагу. И в этом отношении педагогический опыт Макаренко содержит ряд интересных приемов и методов. Он подчеркивал, что «самодурство, яростный гнев и крик, упрашивание, неумеренность строгости, ласки,

независимо от того, кто их применяет – учитель ли, воспитатель или родитель, должны быть отвергнуты, так как вызывают протест или каприз со стороны детей». Он сам осудил и свои срывы (случай избиения, допущений им в начале работы).

Но он не отрицал наказаний и принуждений в воспитательной работе с детьми. Антон Семенович говорил о наказании и принуждении не вообще, а в каждом конкретном случае и в данной конкретной обстановке. «Я позволил себе выставить несомненное для меня утверждение, – пишет он, – что пока не создан коллектив и органы коллектива, пока нет традиций и не воспитаны первичные трудовые и бытовые навыки, воспитатель имеет право и должен не отказываться от принуждения».

Но принуждение он понимал не в форме насилия, подавления личности. Принуждение в колонии имени Горького заключалось в силе твёрдого порядка, в традициях колонии, в общественном мнении коллектива, авторитете директора, педагогов, организаций самоуправления, сложной цепи зависимостей личности и коллектива, не позволяющих выступить против установленного порядка, отказаться от своих обязанностей, от ответственности за порученное дело.

Сознание порядка, дисциплинированности глубоко жило в воспитанниках. В колонии должна быть дисциплина. Для воспитания дисциплины всегда требуется установление четкого и твердого порядка. Создание его и поддержание было неотъемлемым условием воспитания дисциплины в педагогической работе Антона Семеновича Макаренко.

Для того чтобы порядок стал неизменной традицией, в колонии было заведено, как правило, присутствие заведующего колонией на сборе.

– Дан сигнал, – говорит Антон Семенович, – я бросал и прерывал всякую работу и немедленно являлся на сбор или совет командиров.

Макаренко последовательно и настойчиво проводил в жизнь требование – никому и никогда не допускал отступления от того, что постановлено советом командиров и отдано в приказе. И воспитанники знали, что нарушить приказ, не выполнить его в колонии просто немыслимо. Они были убеждены в этом. С этой мыслью сжились, и эти убеждения переходили в нормы поведения. Твердая и строгая дисциплина в колонии приучала серьезно относиться ко всякому делу. Никаких отказов не могло быть, разные извинительные причины во внимание не принимались. Достигалось это не голым приказом, а авторитетом заведующего, педагогов, совета командиров, стилем работы и

порядком в колонии.

Порядок в колонии и стиль работы создавали дети, каждый в отдельности и сообща. И нарушить дисциплину означало нарушить то, что создавал, чем гордился каждый колонист. Гордость колонии была девизом каждого колониста. Чувство гордости своим учреждением у воспитанников колонии Антон Семенович Макаренко поддерживал не только образцовым порядком, дисциплиной, хорошим качеством внутренней работы колонии, высокой культурой, но и внешним видом организационной, стройной работы колонии.

Если колония шла на первомайский праздник, оркестр, строй, внешний вид воспитанников и прочее должны были настолько хорошо выглядеть, чтобы всякий мог сказать:

– Да это действительно горьковцы, дзержинцы.

Воспитанное в детях чувство гордости было прекрасным дисциплинирующим и сдерживающим средством.

Антон Семенович Макаренко не представлял себе дисциплины без углубления в воспитанниках чувства ответственности за всякое поручение, пусть и незначительное, которое дается воспитаннику, он должен отвечать как за большое, важное дело. В спальне второго отряда не помыли полов, так как исчезли тряпки. Ведро и тряпка выдаются под ответственность помощника командира отряда, он устанавливает очередность уборки. Антон Семенович не только не проходит мимо факта исчезновения тряпки, но анализирует его. Исчезновение тряпки означает (делает он заключение) потерю чувства ответственности у воспитанника, которому она выдана. Для Антона Семеновича Макаренко «ведро и тряпка», как он показывает это образно, такой же токарный станок, но пусть и последний в ряду. На нём оттачиваются части для важнейшего чувства человеческого атрибута – ответственности. Из анализа этого случая можно сделать вывод, что в коллективе детей чувство ответственности можно воспитывать и на небольших делах.

Отсюда и в классе, и в школе, и в спальне детского дома все, что не находится в индивидуальном пользовании, должно поручаться отдельному ученику, который отвечал бы за его сохранность перед коллективом класса. Это воспитывает и бережное отношение, и ответственность за порученное дело, сознание выполнения общего дела, обязывает воспитанника смотреть на свою работу с точки зрения общественного дела. В практике и в своих педагогических высказываниях А.С. Макаренко выделял как известный принцип коллективного воспитания – стиль и тон в воспитательной работе учреждения. Он не давал определения, что такое стиль его работы, но ратовал за то, чтобы

каждое учреждение вырабатывало свой стиль, хранило его, ухаживало за ним и придирчиво заботилось о нем.

Для того чтобы создался стиль работы воспитательного учреждения, необходимо, чтобы учреждение выработало, создало и накопило традиции [1, 570]. Традициями в колонии стали: сознательное уважение к авторитету совета бригадиров, отряда, бригады общего собрания, чистота и порядок в помещениях, сохранение каждой вещи в определенном месте, салют, военный строй и пр.

В целях поддержания дисциплины и определенного стиля работы, жизнерадостного трудового тона Антон Семёнович ввел в свою практику и обосновал как воспитательный принцип символику. В его педагогической системе символика как бы оформляла содержание воспитательной работы, придавала ей стройность, помогала создавать традиции. Макаренко образно объяснил, почему он придает такое значение символике.

– Вы представляете себе, – говорил он, – молодежь или, скажем, ребенка в виде какой-то коробочки: есть внешность, упаковка что ли, а есть внутренность, требуха. По-вашему мнению, мы должны заниматься только требухой, но без упаковки вся эта драгоценная требуха рассыплется.

Следуя совершенно правильному принципу – анализировать с точки зрения задач воспитания все явления, вещи, дела, с которыми связаны мысли ребенка независимо от того, проявляется ли все это на школьных занятиях, в труде, мастерских, сельском хозяйстве, в кружке, игре, в общественной работе, и какие мысли, переживания, интересы, коллективные и индивидуальные, возбуждаются у детей всеми этими делами, Макаренко заметил, что детям нравится на всякое приказание как знак всякого утверждения отвечать словом «есть!», подчеркивая ответ взмахом пионерского салюта. Выход трубача на крыльцо кабинета заведующего колонией и дача сигнала, рапорт, подтянутость, военная выправка колониста…

Дети одобрительно относились к тому, что нарушитель порядка должен стоять смирно на середине перед общим собранием; детям нравилось оформление приказа постановлений, зачисление в отряд, составлении отрядов; наличие часового с винтовкой у входа в помещение, своя форменная одежда единого образца; стать под знамя; опустить флаг; строй, украшенный спереди четырьмя трубачами и восемью барабанами; вынос знамени; команда «Под знамя, смирно!», салют в строю всех колонистов; знаменная бригада; знак на руке дежурного. Все эти и другие формы символики внесли и придумали сами воспитанники в своем увлечении военным строем. Введенная А.С.

Макаренко символика быстро стала традицией в колонии. О том, какое сильное впечатление производила она на детей, говорит отношение к ней малышей: «Часовыми обычно стояли малыши, те самые малыши, которые с визгом гоняли по парку, кувыркались в пруду. У них были разные лица и разные походки, разные голоса и повадки, были между ними и «вредные» пацаны, зубоскалы и насмешники, выдумщики и фантазеры. У многих бродили в голове всякие ветры, но как только такой малыш брал в руки винтовку, он сразу становился похожим на Петьку Кривчука… Как Петька, они становились серьезны, подтянуты, старались говорить басом, были ослепительный официальны».

Пусть это будет игра, но дети играли серьезно, она и дисциплинировала. Символика поддерживалась всеми ребятами. Воспитанник, плохо отдавший рапорт, отвечал перед советом, бригадиром. Разумеется, символика была дополнительным атрибутом, придававшим известный смысл значимости действиям отдельных колонистов и всего коллектива. Не символика, конечно, определяла понимание воспитанником порученного дела.

– Мишка стоит на посту: он защищает не свои интересы, а общие, – говорит Карабанов Ховраху.

В деле воспитания дисциплины заслуживает внимания роль и обязанности дежурного. Дежурный – это не просто исполнитель, каким бывает часто дежурный у нас в школе. У А.С. Макаренко дежурный облечён доверием, властью и несет большую ответственность.

Ответственная роль дежурного как выполняющего общественную обязанность, порученную коллективом, отмечалась внешним знаком. Дежурного везде встречали салютом. Колонист, назначенный дежурным, был «хозяином» колонии. Ему подчинялись колонисты и выполняли все его указания. «Дежурный в своих руках держал весь день колонии. Он все знает, все видит, всему дает направление и размах. Если, случалось, нарушен порядок колонистами, какое-либо происшествие в колонии, – отвечал дежурный. Не предусмотрел, допустил нарушение – отвечай». У А.С. Макаренко колонист в роли дежурного упражнялся в единоначалии, приобретая организаторские навыки, порядок, слаженность в работе. «Дежурить – значить испытывать тревогу за работу и жизнь коллектива».

Дежурный на практике постигал, что значит, если кто-либо из ребят не идет в ногу со всем коллективом, как нарушитель тормозит, задерживает слаженность движения коллектива вперед, что сильно поднимало дежурного и его высокое сознание

выполняемой работы. Дежурный должен был служить примером для отдельных ребят и для всего коллектива. Дежурные не только наблюдают за порядком, но обязаны проверить, хорошо ли застланы постели, все ли явились в школу и мастерские, пострижены ли ногти, заглянуть под матрацы, окинуть взглядом, у всех ли костюм в порядке.

Самостоятельность воспитанника Макаренко возводил в принцип системы воспитания. Для развития самостоятельности самоорганизация коллектива представляет широкое поле деятельности. Сущность принципа самостоятельности в педагогической системе Антона Семеновича сводится именно к тому, чтобы как можно меньше опекать воспитанника. Практически это выражается и в том, что воспитаннику предлагается самому принять решение, сделать выбор.

В своей педагогической практике А.С. Макаренко отводит важнейшую роль школе, воспитателю, учителю, руководителю колонии. Он предъявлял высокие требования к учителю и воспитателю.

– В воспитателях, – говорил Макаренко, – терпеливо искал я настоящих людей…

Учитель, воспитатель должен блистать перед детьми знанием своего дела – уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие, постоянная готовность к работе – вот что в наибольшей степени увлекает ребят. Хорош тот воспитатель в детском учреждении, который участвует в самой разнообразной работе с детьми. У Макаренко воспитатель и обучал в школе, и руководил всем днем в колонии, контролировал выдачу продуктов, следил за выполнением работы, разбирал конфликты, мирил драчунов, уговаривал протестантов, выписывал продукты, следил за сменой белья и одеждой и т. д. Воспитатель у Макаренко принимал реальное участие и в работах детей. Воспитатели работали в мастерских, на заготовках дров, в поле и огороде, по ремонту, читали книги детям и руководили кружками.

Для того чтобы быть воспитателем, нужно обладать определенными качествами. Антон Семенович не представлял себе, чтобы воспитатели были похожи один на другого. Каждый воспитатель должен иметь нечто такое, за что дети могли бы его полюбить. Павла Ивановича Журбина, образованного, доброго, вымуштрованного, обладающего любовью к человеческой природе, дети и я, – отмечал Макаренко, – полюбили за то, что у него была чистая и искренняя натура человека [1, с. 258].

Шере ребята любили за то, что это был «наш Шере» [1, с. 184]. Ребята были уверены, что он только потому так хорош, что

он именно «наш». Макаренко у Шере оттенил важную и необходимую черту для воспитателя – не восторгаться и не возмущаться по всякому случаю. Шере, подчеркивал Макаренко, был настроен ровно и чуточку весело и умел доводить колонистов «до обалдения» своей постоянной уверенностью и нечеловеческой работоспособностью [1, с. 181]. К Шере, – говорил Макаренко, – восторг выражался в молчаливом признании авторитета и в бесконечных разговорах о его словах, ухватке, недоступности для всяких чувств и о его знаниях [1, с. 184].

Макаренко высоко поднимал и оценивал роль воспитателя, считая, что воспитатели должны отличаться выдержанностью и дисциплиной.

Я, говорит он, – преклоняюсь перед той огромной выдержкой и дисциплиной, которые проявили наши воспитатели.

Подчеркивая роль воспитателя в воспитании детей, Макаренко писал, что его воспитатели «всегда были на месте, минута в минуту, всегда были деятельны и восприимчивы к каждому неверному тону в колонии, на дежурство выходили по заведенной традиции в самом лучшем своем платье, подтянутыми и прибранными» [1, с. 178]. Антон Семенович в краткой, но простой, ясной форме определил, когда воспитатель может пользоваться авторитетом у детей: когда вы блещете работой, знанием, удачей, тогда они все на вашей стороне, и они не выдадут. «Все равно, в чём проявляются ваши способности, все равно, кто вы такой: столяр, агроном, кузнец, учитель, машинист» [1, с. 185].

«И, наоборот, как бы вы ни были ласковы, занимательные разговоре, добрый приветливы… если на каждом шагу видно, что своего дела не знаете, если все оканчивается браком или «пшиком», – никогда вы ничего не заслужите, кроме презрения, иногда снисходительного и иронического, иногда гневного и уничтожающе враждебного, иногда назойливо шельмующего» [1, с. 185], и, безусловно, никакие предписания и указания не помогут заставить детей уважать такого воспитателя.

В педагогической работе Антона Семёновича Макаренко определенное и соответствующее место занимала школа и художественное воспитание. Педагогическая система его воспитания сложилась на основе изучения им богатого наследства педагогической науки. Он взял все лучшее из опыта и теории классиков педагогики. Свой опыт и систему он строил, следуя задачам воспитания нового человека.

Антон Семёнович Макаренко своим опытом «и обобщениями» внес в науку педагогики ряд совершенно бесспорных положений и

обобщений. И чем смелее и скорее школа и воспитательные учреждения будут организовывать коллектив, воспитывать в детях дисциплину, ответственность, дружбу, товарищество между детьми, чем скорее педагоги научат детей всю работу в школе и вне ее связывать с коллективными интересами, как это делал Антон Семёнович Макаренко, тем успешнее мы разрешим важнейшие задачи воспитания.

Литература[17]

1. Макаренко А.С. Педагогическая поэма / сост., вступ, ст., примеч., коммент. С. Невская. М.: ИТРК, 2003.

2. Макаренко А.С. Педагогические поэмы: «Флаги на башнях», «Марш 30 года», «ФД-1» / сост., вступ, ст., примеч., коммент. С. Невская. – М.: ИТРК, 2013.

По стопам своего учителя [18]

В «Правде» 17 марта (1940 г. – *Л.М.)* была помещена статья тов. Кропачевой «Неиспользованное наследство». Я совершенно согласен с этой статьей. Думаю, прочитав её, многие педагоги испытали чувство большой радости. Нельзя предавать забвению замечательное наследство Антона Семёновича Макаренко, нельзя игнорировать те успехи, которых он добился, и незачем тратить время на поиски уже найденных методов воспитания.

Я сам – воспитанник Антона Семёновича. Жизнь свою посвятил тому же делу, что и он. Когда в моей педагогической работе возникает какое-либо затруднение, я тотчас же стараюсь представить себе, как бы поступил в этом случае Антон Семёнович.

Я постарался перенять у него страсть, пыл, твёрдость, но вместе с этим пришлось унаследовать ещё и наркомпросовские передряги. Постоянно в своей работе я наталкиваюсь на сильнейшее сопротивление. Каждую мелочь, как бы бесспорна она не была, приходится брать с бою.

В 1928 году Антон Семёнович командировал меня в Ленинград.

– Посмотри, – сказал он, – что делается в ленинградских детских домах.

Я поехал и посмотрел. Должен признаться, впечатление вынес я из этого осмотра не слишком благоприятное. И было решено, что возьмусь я руководить колонией, работа в которой была совершенно развалена. Дети ненавидели педагогов, друг друга. Драки не прекращались, грязь всюду была страшнейшая. Незадолго до моего прихода в колонию ребятишки – ни много, ни мало – стали нападать на автомобили и две машины даже опрокинули.

«Вследствие полного развала воспитательной работы и совершенного отсутствия данных к восстановлению нормальной работы 66-ю школу-колонию закрыть» – гласил приказ заведующего Ленинградским отделом народного образования. Я получил этот детский дом в феврале 1931 года, а через три месяца, в мае, ко мне приехали первые пять «линкольнов» с иностранными делегациями. И оставили восторженные отзывы.

«Объездив Европу, – писала группа английских педагогов, – мы нигде ничего подобного не встречали».

«В колонии, – писали американские учителя, – царит атмосфера дружбы и взаимного доверия между воспитателями и детьми. Наказания отсутствуют. Всюду чистота и порядок».

В таких же примерно словах выразили впечатление, которое на них произвела колония, и голландцы, и французы.

Наконец, приехал инспектор пригородного районного отдела народного образования. Посмотрел, посмотрел и написал так: «Система воспитания, проводимая тов. Калабалиным, находится в полном разрезе с положением от 1927 года. Тов. Калабалин навыдумывал отсебятины, муштрует ребят. Завёл отряды, салюты, командиров. Больше того, – даёт сигналы, а не звонки. Предлагаю эту палочную систему ликвидировать».

– Но дети-то, дети неузнаваемы! Чистые, весёлые, здоровые!

– А это я отношу за счёт личных качеств тов. Калабалина, – последовал ответ.

Антон Семёнович Макаренко был для своих воспитанников товарищем и в труде, и в игре, и в фантазии. Вот и в своей колонии я хотел применить всё это, потому что помнил, какое значение имеет хорошо организованная игра, игра серьёзная, исполненная глубочайшего содержания. Да, в моей колонии тоже были сигналы, военный строй, знамя, барабан и неукоснительно строгий порядок. «Теперь на это смотрят иначе. Ведь с тех пор прошло около десяти лет» – могут сказать мне. Верно. Но многое ли изменилось? Я и теперь постоянно слышу одни и те же упрёки:

– Вы макаренковщину насаждаете. Вы командирскую систему заводите, порочную систему.

– Так во всём.

Тов. Кропачёва писала в своей статье о том, что в коллективе на практической работе можно воспитать умение подчинять своё личное общественному, воспитать чувство долга, научить делать «неинтересное», если этого требуют интересы коллектива. И я тоже стремлюсь, чтобы мои воспитанники умели делать черную, грязную работу. Я не хочу, чтобы они выросли белоручками.

С чем же я сталкиваюсь на практике? Детский дом, которым я руковожу, сейчас, находится в ста километрах от Москвы, в Малинском районе. Приезжая ко мне, представители различных организаций воздевают руки к небу и с ужасом говорят:

– Ах, у вас девочки моют полы, сажают картошку! Разве это допустимо?

А в районном комитете партии мне совершенно официально заявили:

– Это дело надо прекратить.

Уточню: девочкам, которые моют полы, по 15–16 лет. В колхозах такие девочки и мальчики нередко зарабатывают по 400–500 трудодней. Мы, воспитатели, вставая рано утром, успеваем до школы приготовить обед, убрать в квартире, иной раз и постирать, и полы помыть. А наши учащиеся, почему они

должны сидеть сложа руки, почему бы и им не научиться сажать картошку, работать в огороде, поле, свинарнике?

Я считаю, что существующая в детских домах система воспитания способна растить только иждивенцев и бездельников.

Нельзя всё воспитание основывать на интересе, нужно воспитывать закалённого, выносливого человека, который умел бы проделывать скучную, неприятную работу, если она нужна. И я убеждён: только труд, только работа помогает мне создавать из этого, казалось бы, непригодного материала настоящих людей.

И ещё. Нам, воспитателям, говорят:

– Помните, вы имеете дело с детьми. На детей нельзя повышать голос, нужно говорить спокойно и ласково.

Есть у меня воспитанник Шумков. Год тому назад он палкой загнал ко мне в кабинет молодую учительницу, приехавшую к нам на практику. По наркомпросовской логике я со слезой в голосе должен был прошептать:

– Коля, разве так можно?

Нет, искренне возмущённый, я вскочил со стула и, ударив по столу кулаком, с негодованием крикнул:

– Кто ты!?

Дальнейший разговор протекал в том же, отнюдь не бесстрастном и, наверное, не «педагогическом» тоне. И Шумков ушёл уничтоженный и раздавленный.

Как можно по-рыбьи спокойно и бесстрастно реагировать на возмутительные поступки, особенно если эти поступки совершаются достаточно взрослыми детьми, лет 13–14?! Макаренко с нами никогда не сюсюкал. Он говорил с нами, как с равными, уважая в нас будущих людей. И, если мы совершали что-нибудь скверное, он искренне возмущался.

Неверно, что строгий и требовательный тон запугивает. Вот Шумкову сейчас 13 лет. Он заведует в нашем детском доме свиноводческой фермой – хороший, энергичный работник, вежливый и культурный мальчик.

Последователей Макаренко часто винят в том, что они требуют рецептов, шаблонов. Макаренко к каждому подходил сугубо индивидуально. Чтобы раскрыть личность своего питомца, он далеко выходил за пределы установленных требований и правил. Он в каждом новом случае поступал по-новому, постоянно, беспрерывно творил. И свой чудесный опыт он оставил тем, кто хочет работать с детьми, воспитывать и перевоспитывать их. И мне думается, бесспорно, одно: до сих пор в нашей педагогической науке – беспорядок и неопределённость. В поисках нового почти всегда забывают о том, что многое уже раскрыто и найдено и, в частности им, замечательным педагогом

и человеком Антоном Семёновичем Макаренко.

Раздел IV
Осмысление педагогического опыта

Начало педагогического опыта

В 1931 году я спросил разрешения у Антона Семёновича на испытание своих сил, опыта, а, главное, действия системы, которую имел возможность изучать, – системы Антона Семеновича, но в других условиях и не под его началом. Окажусь ли я достойным учеником своего учителя? Оправдаю ли его доверие и надежды?

В Ленгороно я просил предоставить мне место воспитателя в одном из худших по своей организации детских домов. Такое учреждение под титулом «66-я школа-колония для трудновоспитуемых детей» нашлось. Положение было действительно трудное. В Ленгороно меня предупредили, что это учреждение подлежит расформированию, так оно неисправимо запущено. Если удастся наладить там работу, то Ленгороно готово еще на год отсрочить ликвидацию школы-колонии. Я обещал уложиться в более короткие сроки.

Это была типичная малина-ночлежка, скопление воришек, которые день проводили в городе, занимаясь воровским промыслом, а к ночи сползались в колонию. Мои попытки собрать ребят для знакомства и беседы были безуспешными. Засады в столовой не приносили пользы, так как ребята просто не являлись туда, не нуждаясь в нашей пище.

Карауля у корпуса, я пытался помешать ребятам выходить в город, но они и мимо меня не проходили, и в корпусе их не оказывалось. Воспитатели сидели по своим квартирам-бастионам и не подавали признаков жизни.

И вот на третий день своего безуспешного блуждания по колонии я натянул волейбольную сетку на столбы, надул мяч и стал играть в надежде, что кто-нибудь из ребят соблазнится и составит мне компанию. Это было около шести часов дня, когда, как правило, ребята начинали сползаться домой. Однако ко мне никто не подошел. Вдруг где-то совсем близко задребезжал сигнал, как-то тревожно, взахлеб. Окна второго этажа спален распахнулись, и в них показались букеты мальчишеских голов. Все, кто был во дворе, стремглав бросились в дом. Со второго этажа хором закричали: «Бык! Бык! Убегай!» И я увидел во дворе огромного быка. Он шел, горделиво останавливаясь, загребал передними ногами землю и забрасывал ее на свою могучую спину. Он шел в мою сторону. «Бежать!» И вдруг я подумал: я побегу от этого зверя и… делать здесь мне больше нечего. Позор, слава труса взметнется мне вслед стоголосым улюлюканием трусливо торчащих в окнах мальчишек.

А бык подошел к сетке и стал играть рогами. Пока бык развлекался сеткой, намотав ее на рога, я лихорадочно искал выход. Бык развернулся ко мне задом, а я схватил его за хвост и стал ногами бить по его ногам и сдавленным голосом уговаривать вернуться на хозяйственный двор. Я решил, что только вместе с его хвостом оторвусь от быка. Через некоторое время мне удалось укротить его и погнать в стойло.

А когда я вернулся во двор, то ко мне подошли несколько ребят и, не скрывая своего любопытства и восторга, заговорили:

– Вы в самом деле не испугались нашего быка?

– А здорово вы его!..

– А все-таки испугались, да, испугались?

– Да как вам сказать… Вообще-то струхнул. А потом решил, что если таких телят бояться, то лучше и на свете не жить.

– Ого! Это теленок называется! Ничего себе теленок. Так он же лошадь запорол! Когда он вырывается, так дядя Гриша специальный знак дает, чтобы люди убегали, – затараторил курносый мальчишка.

– Так я же не знал, что его надо обязательно бояться. Если бы знал, то вместе с вами побежал бы на чердак.

Эффект был неожиданный, но нужный.

– Идемте к нам в спальню, – баском проговорил угрюмый мальчик, в котором без труда угадывался «авторитет». Я пошел.

Но что-то похоже на общее собрание состоялось только через несколько дней. А до этого собрания я интриговал ребят, входил в их гущу, разламывал ледок отчуждения то шуткой-прибауткой, то трудовыми и игровыми вспышками разрушал «авторитет» вожаков, распознавая их, высматривал будущих командиров, влюблял в себя толпу.

А потом уже пошли настоящие собрания, заседания совета командиров, борьба за каждого члена коллектива и воспитание коллектива.

5 мая 1932 года во двор колонии ворвались пять легковых автомобилей. Это была первая экскурсия иностранцев. Приехали педагоги Англии. Покидая колонию, они оставили следующую запись: «Мы чрезвычайно заинтересовались колонией и остались под большим впечатлением от организации дела воспитания детей, царящей атмосферы дружбы и доверия между заведующим и детьми и отсутствием суровой дисциплины и наказания…»

Что же случилось, что за такое время учреждение, являвшее собою дурную малину, где 150 ребят развлекались игрой в карты, пьянкой, воровством, преобразилось? И не только преобразилось, а было признано образцово-показательным?

А произошло то, что произошло с Иваном Царевичем, когда

он испил живой воды. Система организации детского коллектива А.С. Макаренко, возникшая на Украине, оказалась одинаково живительной и в детских учреждениях Ленгороно. Применил я эту систему в 66-й школе-колонии, как говорится, слово в слово. Результаты были воистину изумительными. В 1934 году, в год самого убедительного успеха, в год моего предполагавшегося личного рапорта Антону Семёновичу, собравшемуся навестить мою колонию, мне был нанесён страшный удар. Мой трёхлетний сын стал жертвой садиста-подростка, присланного накануне убийства из приёмника. Сказалось то, что он уже успел совершить не одно подобное преступление.

Какой-то угодник от педагогики тут же, у еще открытой могилы моего первенца, посоветовал бросить это проклятое дело. Ничего, мол, хорошего из этих беспризорников не получится, а вот так, как вашего сына, всех нас поубивают. Им все можно. Я так посмотрел на этого педагогического дьячка, что он не на шутку струсил и, не дожидаясь погребения, скрылся.

Нет, я не бросил поля брани, не отступил, не изменил педагогическому долгу. И не пищал. Антон Семенович писал мне тогда: «Дорогие мои, я не пишу вам слова утешения, я с вами, чувствуйте меня рядом с собой, как чувствую я вас, ваши плечи, ваши сердца. Бывает иногда в жизни такая заваруха, что, кажись, выхода нет, хоть погибай или отступай. То и ценно в нас, что мы отступать-то и не приучены. Верю тебе, Семен, найди в себе силы перенеси это страшное горе, помоги Гале…».

Со всех концов я получил в эти дни письма от совоспитанников колонии имени Горького. Думаю, что этот поток доброй, товарищеской поддержки был результатом подсказки Антона Семеновича…

Из дневника *С.А. Калабалина*

Вопрос о воспитании физически здорового и высоконравственного поколения

Помнится, в 1922 году, будучи воспитанником детской трудовой колонии имени М. Горького, я был свидетелем возмутительной забавы. Группа колонистов, здоровых, загорелых подростков в возрасте 14–18 лет, развлекалась на спортивной площадке. Мимо проходила жена инструктора столярной мастерской, страдавшая сильной близорукостью. Вдруг один из самых «уважаемых» хулиганов отбежал от нас и с кошачьими ужимками распластался на тропинке, почти у самых ног женщины. Та, не видя, споткнулась и упала, что и послужило причиной взрыва дикого хохота десятка здоровых глоток. Будущих мужчин.

Эта злая «шутка» моего товарища вызвала во мне вспышку гнева и возмущения. Я прошипел в лицо «героя» какое-то для него оскорбление. Он ответил тем же. Тормоза сорвались, и мы бросились друг на друга с кулаками.

– Семён прав, нехорошо это получилось. Да перестаньте же драться! – гремел Григорий Бурун, расталкивая нас.

…Нельзя мириться с тем, чтобы один человек своей жизнью, своими поступками не укреплял уверенное благополучие другого человека, а, наоборот, разрушал бы его, вызывал бы в своем согражданине страх, отчаяние, угнетённость насилием.

Как-то мы спросили у Антона Семёновича, какие преступления он считает самыми опасными и какие меры наказания следует применять. Антон Семёнович ответил примерно так:

– Измена Родине, насилие и убийство плюс хулиганство и воровство. И карал бы за эти преступления беспощадно сурово.

Общество должно всеми доступными ему средствами оберегать себя от всяких признаков насилия и других аморальных явлений, оскорбляющих честь новой на земном шаре нации – советской. Кто же они, эти нарушители общественного порядка, пьяно уродствующие, оскорбляющие наше славное прошлое, марающие наше великое рабочее сегодня? К сожалению и стыду нашему, это наши дети. Они росли и воспитывались в наших семьях и детских садиках, в нашей школе, в пионерских и комсомольских организациях. Это наш брак. А между тем этого брака могло бы и не быть. Во всяком случае, он мог быть сведён до микроскопического минимума.

Кто же те, кто подвергается оскорблениям, насилию,

надругательствам хулиганов? Это, прежде всего, наши матери и сестры, жёны и невесты. Так не пора ли нам самим навести порядок в своём собственном доме? Пора – и без оглядки на то, а не хихикнет ли сосед.

Нам нужен порядок и такой, который оберегал бы благополучие и общественное спокойствие в нашем трудолюбивом доме. И на дверях этого дома не должны висеть замки, какие висели на лабазах новгородских купцов. Не замки должны оберегать наш сон и добро, а закон, сила и культура быта народного, дружба народная, уважение друг к другу и беспощадное преследование тех, кто посягает на жизнь и душевный покой людей.

Какие же меры борьбы с аморальными проявлениями представляются мне полезными и возможными?

Всех насильников, воров, хулиганов, садистов – судить и применять самую беспощадную кару к ним, как к социально опасным типам. Всеми доступными средствами и авторитетом наших правительственных органов внушить гражданам право на активное сопротивление и отпор всяким попыткам проявлений хулиганства.

Наблюдается какое-то странное, противное советскому человеку непротивление злу. Чем это порождено? Мне кажется, некоторыми беззакониями в законе. Оказывается, если на тебя напал насильник-хулиган, избил тебя, причинил увечье и, если это нападение будет доказано, то отвечает нападавший. Если же жертва, защищаясь, спасая свою жизнь, жизнь близких или соседей, наносит насильнику увечье, а то и убивает его, – жертва превращается в обвиняемого.

В городе Ф. в ночное время к старику-пенсионеру с целью грабежа ломились неизвестные. Громилы начали высаживать окно, угрожая убийством. Тогда старик снял со стены ружьё и выпалил в бандита. Старика начали таскать по судам. Один суд осуждал, другой оправдывал. Лишь после длительных мытарств и волнений старика, наконец, оставили в покое. Оправдали, кажется, только по мотиву старости.

Может, из-за боязни отвечать граждане и не оказывают должного сопротивления хулиганам, не вступаются друг за друга, не возмущаются коллективно-дружно.

В пригородном поезде «Киев – Попельня» имел место такой случай: на одной из остановок в вагон вошли трое и объявили:

– Сейчас будем всех резать.

Человек 50–60 пассажиров (из них добрая половина мужчин всех возрастов) впали в состояние какой-то обречённости, оскорбительного страха или, ещё хуже, равнодушия.

В одном из живописных парков Киева было многолюдно. В глазах многих пар светилось счастье уверенной надежды и взаимной любви. Вдруг на одной из аллей какое-то оживление. Группа юношей-подростков в возрасте 16–18 лет оскорбляли девушку. Никто не счёл нужным вмешаться, вступиться за девушку. Только один молодой офицер, с благородными строчками орденских колодок на кителе, оставил свою подругу, подошёл к бесчинствующим и негодующе воскликнул:

– Что вы здесь хулиганите? Как вы смеете обижать девушку!?

Молодой человек пал жертвой хулиганской наглости пяти подростков, а сотня граждан-очевидцев разбежалась. Где же гражданское самолюбие? Где человеческий гнев? Где общественная спайка и солидарность?! Почему сотня человек, руководствуясь принципом «моя хата с краю», полезли в унизительную щель трусости?

Надо, и немедленно, создавать такую обстановку, чтобы у обнаглевшей кучки тунеядцев не было возможности безнаказанно творить насилие, оскорблять личность, нарушать труд и отдых граждан. Там, где появится наглец-хулиган, должно стоять кольцо людей, думающих об общественном благополучии. Все мы должны стать организованной стеной в борьбе с насильниками, и в этой борьбе должны быть применимы все человеческие средства воздействия – от убедительного слова до убеждающего спортивного удара. Благополучие нации выше и достойнее «неудачного» средства борьбы за честь страны, за культуру нации.

О мерах, предупреждающих аморальное поведение подростков

Следует с самого раннего возраста привлекать детей к труду. Мне кажется, что в обязательном порядке нужно обучать детей до семилетнего образования (семь классов считалось неполным средним образованием. – *Л.М.).* К обучению же в старших классах допускать только детей, желающих учиться, отличающихся примерным поведением и прилежанием. Остальных, особенно мальчиков, обязательно привлекать к производственной деятельности, предоставляя рабочие места за счёт освобождения от работы женщин-матерей.

Физический труд будет способствовать развитию лучших нравственных качеств, не говоря уже о физических. Подросток будет не только потребителем, но и созидателем, будет участником улучшения материального положения своей семьи.

Школе, учителям предоставить право на более конкретные и строгие меры наказаний. Следует внушить детям, что их *имеют*

право наказывать. Они же у нас привыкли к другому – к безнаказанности и бесправию педагога и школы.

Мне думается, что будет более гуманным проявлением бережливости к будущему наших детей, если будет больше педагогической заботы о них в том случае, если мы сумеем заставить их страдать морально и физически за свои пока детские шалости и проступки. Куда горше и убыточнее будет потом наказывать их уже взрослых за уголовные преступления. А для нас не секрет, что «безобидные» проступки детей перерастают в преступления в юношеском возрасте.

Есть ли повод к тому, чтобы говорить о мерах наказания в школе? Есть. Мне могут возразить, указав, что начало учебного года ознаменовалось целым рядом приказов об укреплении сознательной дисциплины в школе. Но произошли ли изменения в лучшую сторону по сравнению с прошлым годом? Нет. Да и речь идёт не о детях с сознательной дисциплиной, а как раз о несознательных, об их вредных проступках, которые служат почвой для выроста взрослых хулиганов.

Вопрос воспитания физически здорового и высоконравственного поколения, решительной борьбы с аморальными проявлениями должен быть возведён в разряд первостепенной государственной важности. Решим и эту задачу, но при условии, что ей будет уделено больше внимания со стороны правительства.

Воспитание человека [19]

У меня есть одна практика – это воспитывать ребят. Делать человеков, настоящих человеков из малышей и особенно из тех ребят, которых иногда производят школы. Называют их потом трудновоспитуемыми и выдавливают из школы, из своего педагогического внимания. И вот такими ребятами я с удовольствием руковожу. Работать с ними особое удовольствие, особый педагогический интерес – сделать из каждого такого ребенка человека. Влюбить его самого в себя. Влюбить в него своих коллег, хотя он абсолютно не даёт никаких признаков, по которым можно было отнестись к нему с любовью. Часто бывают такие ребята, ну… живой организм. Но это ещё не значит, что его нужно любить, потому что он скорее вызывает какое-то опасение, какую-то тревогу и какую-то настороженность, опаску. И всё-таки мы многое в себе человеческое перебарываем, влюбляемся в нашего воспитанника, ещё не воспитанного, а затем делаем его таким красавцем. И так неудержимо влюбляемся, что потом, когда расстаёмся, то как будто кусок сердца откалываем. Не хочется с ним расставаться. Тобой овладевает чувство родительского эгоизма. Вот вырастил, вылепил, красавца-человека с лучшими нравственными признаками, общественными признаками. И хорошо, если бы он жил рядом с тобою и уж теперь насладил тебя, что ли.

Такие ребята в наших школах есть. И это, друзья мои, с наших педагогических счетов сбрасывать нельзя. Только в такой практике, в практике организации коллективов детских, в практике прямой лобовой атаки на пакостного, юродивенького хлопчика! На практике, я думаю, и без меня вы, очевидно, знаете, сколько в жизни бывает всяких недоразумений. И вот как на эти нарушения педагог должен реагировать, в плане мер воздействия?

Здесь выступала девочка. Она рассказывала, что делала с ребятами. Стенгазету выпускали. Она вся получилась такая есенински-поэтическая. Сначала она сказала, что ребята немножко шумели и даже некоторые смеялись. А вообще-то они были все хорошие. И этот смех, эта возня в классе была безобидной. Иногда так безобидно начинается, но очень горько заканчивается. Это не следует никогда забывать. Иногда мы ещё вот чем больны. Если дитя совершает какой-нибудь проступок, так мы атакуем его уже как нарушителя, а не атакуем у него этот порок, не ищем сначала причину, породившую этот порок.

Я в своей практике благодарно вспоминаю Антона

Семёновича Макаренко, который учил нас: сначала атакуйте сам факт нарушения, а потом найдете причину, побудившую воспитанника так поступить или породившую этот порок. Поэтому, друзья, всегда немножко настороженно прислушивайтесь, что за смешок, что это за возня в классе, чем она вызвана, к чему она может привести. И мгновенно следует сориентироваться в последствиях.

Каждый из вас мечтает о том, что скоро окончит институт, пойдет в школу, попадет на первый урок. Как это должно быть интересно! Как я оденусь, как буду держать голову чуть-чуть вправо! Следует иметь в виду, что могут быть самые неожиданные происшествия, и в них вы должны оперативно разобраться, понять причины во имя нравственного благополучия. Мгновенно найти причины порока очень непросто. Бывают подобные явления на улицах, когда гражданин, не поражённый микробами равнодушия, у которого не торчит вата в ушах, вата равнодушия, не ослепленный этой проклятой формулой «моя хата с краю, я ничего не знаю», останавливается и останавливает ребят, когда они чинят какое-нибудь недоброе дело. Он, прежде всего, задаёт глупейший вопрос:

– Что выделаете?

Вывидите, что дети берут снежки и хорошо их сдавливают и даже немножко водичкой смачивают, чтоб плотнее прилегало, а затем стараются попасть между лопаток чей-нибудь спины. Как правило, они выбирают не широкую мужскую спину, а девичью, чуточку сутуловатую. Этот гражданин подходит. Они кидают, оскорбляют, ударяют по чужим спинам. Они делают недоброе дело. Уже, быть может, даже стекло где-то полетело. Потому что их снежок мимо чей-то узенькой спины попал в широкое окно. На вопрос эти остроумные ребята скажут:

– Ты что, не видишь, что мы делаем?

Мне кажется, не вопрос следует задавать, а требовать от них решительно-протестующим требованием.

– Не сметь! Не сметь!

А потом уже, если вы неисправимый педагог, тогда ждите, и если они прекратили, и как-то съёжились, и сказали: «Извините», и ушли, тогда вы начинаете заниматься анализом: откуда это у них явилось, почему они делали это. И только после этого делаете выводы.

Не так давно, кажется, в прошлом году, в городе Станиславле осенью или весной я шёл со своей бывшей воспитанницей детского дома, ныне директором школы, и приличной школы. Мы шли вблизи её школы по направлению к педагогическому институту. Напротив нас начались движения группками,

стайками, вперебежку, как-то чуть ли не ползком. По всем признакам, это были школьники. Разговаривая с ней, я интуитивно понял, что какой-то аппарат заработал. Меня интересовало, не что делают взрослые, а что делают маленькие жители улицы. Вижу, как трое ребят, небрежно одетые, машут портфелями. У одного шапка одета набекрень, у другого форменная фуражка, у третьего полевая сумка. Отец, очевидно, с этой сумкой прошел все тяжкие годы Отечественной войны. Теперь эта сумка набита таким мирным вооружением, как учебники. Ученики, очевидно, шестого класса, может быть, седьмого. И он этой сумкой норовит ухнуть по спине пробегающих мимо них девочек. Этой тяжестью. Я сказал:

– Анастасия Дмитриевна, извини голубушка.

Быстро иду к этим трём мальчикам и говорю:

– Можно вас на секундочку.

– Пожалуйста.

– Извините, друзья мои, вы откуда идёте?

Мне показалось, что кто-то из них должен был сказать: «Хм! Ты что, дурак?! Не видишь что ли, из школы!»

– Конечно из школы?! (Трудно как будто догадаться.)

– Извините, ребята, я думал, что вы идете из пивной. Ну, раз из школы, тогда всё в порядке. Пожалуйста, продолжайте заниматься этими развлечениями.

И вдруг они поумнели. Как-то сразу стали быстро застегивать свои пуговицы, опустили портфели, шапка сама собой стала на место. И даже один сказал.

– Не будем больше.

– Извините, пожалуйста, что задержал.

Я оглядывался, и они ещё оглядывались. Не знаю для чего. Думали, что это за чудак, наверное, он не Станиславлевский товарищ. Или, может быть, отмеряли какую-то дистанцию, чтобы было безопасно начать опять этим заниматься. Я почему-то был чуточку уверен, что рядом со мной в качестве какой-то родительской, общественной, гражданской, патриотической солидарности встанет еще кто-нибудь – отец-гражданин или мать, бабушка – граждане.

Дети нередко организуются в группы безопасности, а родители как-то чувствуют себя не совсем организованно. Так может случиться и у вас в классе. Вы придёте в класс. И сразу встретитесь с тридцатью – сорока человечиками. Сорок совершенно разных и неожиданных человеческих ценностей. Представителей каких-то уже мыслей, какого-то накопленного опыта. И, может быть, в порядке испытания вас кто-нибудь как-нибудь себя проявит. Вам будет необходимо найтись в этой

ситуации.

Я недавно получил одного мальчика в детский дом. Это случилось одиннадцатого ноября прошлого года. Сначала был звонок из города Можайска Московской области.

– Мык вам. У нас есть путёвка, привезём нашего воспитанника. Когда к вам лучше его привести?

Наконец, звонок.

– Вы будете в четверг? Мы на четверг заказали автобус и привезём его.

Я думал, там какая-то особая ценность, а не мальчик. Наняли автобус – ПАЗ-651! Заплатили 750 рублей и двенадцать человек везли этого мальчика, ученика пятого класса! Из них восемь человек – пионерский актив, четыре – директор, воспитатель и два инструктора по трудовому обучению, мужчины с явно мускульными признаками. Ехали около семи часов. Ни разу нигде автобус даже по своим естественным надобностям не останавливался, чтобы не упустить этого зверька. Выше среднего роста, тринадцати лет мужчина. С очень буйной анархической шевелюрой. Даже с такими завитками, как будто кто-то походил ножницами. Я почувствовал, что они его обманули. Он встал, стоит.

– Вот, мы вам привезли!

Он насторожился. «Меня привезли, а до этого ехали все вместе на экскурсию». Думаю, если хлопец тяжёлый, педагогически запущенный, то они мне очень помогли, эти товарищи, которые его привезли. Во-первых, весь протест его как-то настроился у него на них. Обманули! Привезли! Ну, посмотрим, как вы отсюда уедете без меня! Оказалось, что этот мальчик полтора года воспитывался в детском доме. В одной и той же школе он шесть лет. Раза три исключался. Двойки у него по всем предметам. Не знаю, на основании чего ему ставили двойки, потому что в характеристике значится, что в школу он пришел в 1960 году, в первой четверти посетил ее только четыре раза, а во второй – вообще не приходил.

И вот, товарищи, характеристика классного руководителя. Был еще один изумительнейший документ, которого вообще-то не должно быть в номенклатуре документов в педагогических учреждениях, – протокол педагогического совета по обсуждению Кости Ульянова.

Итак, полноценная педагогическая характеристика на ученика пятого класса средней Можайской школы номер три Ульянова Кости. Рождения 1943 года, 1 апреля. Он почти красивый, плотный, среднего роста, любит читать художественную литературу. В скобках добавлено, любит

слушать, когда ему читают. Сам читать не любит. В школе он иногда делает нарушения. Но иногда бывает даже похож на нормального. Когда была елка на Новый год, и выступал директор по радио, он бегал по коридору и выкрикивал, что слушать было нельзя. Говорил, чего там еще эта пьяная морда говорит по радио. Иногда он воровал. В пальто залазил. Завтраки отбирал, украл лыжи. Правда, не в нашей школе, а в соседней. В детском доме говорят, что он курит, пьет водку. Имеет отношения с сомнительной женщиной, приходит после двенадцати часов. Иногда его приводят в органы милиции. Однажды я пришла в класс, чтобы вести урок, вижу, он висит в форточке. Передняя часть его на улице, а задняя в классе.

(Даю вам честное слово! Я это говорю для того, чтобы вы не писали таких характеристик. У нас учителей как раз не учат писать характеристику на воспитанника с описанием его портрета. Важно показать, чем, какими нравственными запахами должна она проявляться. Затем, какая всё-таки есть перспектива в его воспитании. Кем он может быть. Приведите в качестве примера какие-нибудь яркие один-два эпизода. Чаще всего в ней отмечают день рождения, где он родился, что у него есть братик или сестра, он любит ласку, а иногда дерётся и обижает младших, любит читать и слушать, а учиться не любит. И в конце – классный руководитель такой-то Пук.)

Я его спросила:

– Ты чего туда залез? Ты мне мешаешь.

А он мне ответил:

– Я вам не мешаю. Занимайтесь своим делом.

– Я приступила к уроку, думая, что он не будет мешать. Но он стал мешать. Потом он вылез оттуда и разнервничался.

(Слушайте, он разнервничался, а учитель не нервничал!) Побил в шкафу стёкла. Я всегда старалась стоять возле двери, когда он в классе, чтобы он не выскочил. Так он иногда в окно выскакивал. Чтобы ему нельзя было выскочить, я его пересадила на первую парту, так он, вы уж простите меня, пожалуйста, потому что очень хотелось, чтобы вы не встречались с подобным. Он без стыда, что здесь и я, и девочки, и мальчики, занимался онанизмом в присутствии всего класса. Он девочек кусал, щипал и тискал. Я думаю, что он не может оставаться дальше в школе, его надо отправить в другой детский дом или трудовую колонию МВД.

И вот привезли этого мальчика. Я даю вам честное слово, что живу одним чувством на свете, иной жизни у меня нет. Одно есть у меня – безграничная, неуёмная и самая человеческая и чистая любовь к детям. И вот на основании этой любви, настоящей

любви, а не наигранной, но любви не такой, сюсюкающей, а любви строгой, любви заботливой требовательности к детям, я не стал копаться в его прошлом – что послужило, какие обстоятельства, какие толчки к тому, что Костя Ульянов стал таким. Я обрушился прямой, лобовой атакой. Причём таким великолепным средством, каким я располагал и располагаю сейчас, – великолепно организованным детским коллективом, состоящим в большинстве своём из таких же, как Костя.

Как нежно наш завхоз Калина Иванович из «Педагогической поэмы» говорил, встретив меня поздно вечером, когда я приехал первый раз в колонию с Антоном Семёновичем. Подслеповато присмотревшись, что Антон Семёнович не один в телеге, он сказал:

– А это что за молодой человек? А, наверное, новый паразит.

Я не протестовал. Я ему сказал:

– Да дед, правильно.

– Не обижайся на старого человека, – сказал Антон Семёнович. – Идите в спальню. Вы, наверное, замёрзли. Там тепло, отогреетесь, и там уже есть пять ваших братьев, таких же, как и вы.

Это он мне «выкал».

И вот этот пацан заканчивает четверть и даже по русскому письменному получает «три». Ни единой двойки. Он подошел ко мне и, чуточку подмаргивая, сказал:

– Семён Афанасьевич, а что будет, если я напишу письмо в тот детский дом.

Так почти сказал – в «тот плохой детский дом», где врут. Я говорю:

– Как хочешь. Но я бы пока не писал.

Вы скажете: так, подождите, но ведь не было произведено никакой атаки на какой-то там порок или концентрированную сумму пороков. Нет. Атака была. Он почувствовал и сориентировался мгновенно, что попал в организованный коллектив. Он понял, что не только не удивит нас ничем, не только не нарушит нашего строя, организационного благополучия, а его просто засмеют. Ни одну девочку, самую махонькую, не ущипнул. Нет. Нормальный абсолютно оказался человек. Атака. Лобовая атака. Иногда теми достоинствами, которыми обладает сам учитель, или теми совершенными инструментами, которые учитель грамотно создал и взял на свое педагогическое, воспитательное вооружение.

Создан коллектив, и коллектив, если хотите, как-то по-особому влияет на новую личность, которая вливается в него, по всем четырём углам дома. Словом, этот человек оказался умным

и даже, если хотите, оперативно порядочным, со своим интересом, и встал на свое место. И все стало на свое место. Никаких указанных сексуальных нарушений, отклонений от половой нормы у Кости Ульянова не было.

Дорогие мои друзья, я стою на этих позициях в течение тридцати четырёх лет, чтобы, прежде всего, создать такие необыкновенно мягкие для ребенка условия, чтобы он не ощущал каких-то там страданий, переживаний нравственных и физических. Он должен почувствовать к себе уважение. Люди здесь, заботясь о ребенке, предъявляют ему требования. Принимай участие в равноправной нашей жизни. Люди здесь хотят тебя сделать человеком и имеют на этот счёт определенные соображения. Антон Семёнович, например, поступал так: где-то, на какой-то доске или полотне он рисовал человека. Вот Карабанов Семён, который сейчас перед вами, это какой-то пока что только осколок, глыба, какая-то масса. Глыба, пожалуй, уже засохшей глины. Ее надо размочить и сделать из нее такого-то человека. Через двадцать, быть может, пятнадцать лет будет Семён Карабанов – Семёном Афанасьевичем, гражданином! Калабалиным! И как бы не вытворялся этот Карабанов, он очень нежной мужской хваткой взял его за руку и повёл к этому нарисованному человеческому образу. И было мне подчас неприятно, как Антон Семёнович меня вел, ой, как подчас было неприятно! Он говорил так:

– Это неважно, что тебе сейчас неприятно. Важно, чтобы тебе было потом приятно. И чтобы людям было приятно, которые будут с тобой жить.

А это, конечно, друзья мои, можно делать, но только при наличии святой человеческой любви к тому делу, которое вы делаете.

Воспитывая детей, надо любить не только дело воспитания, но и их самих. Антона Семёновича как-то спросили:

– Скажите, пожалуйста, трудное ли это дело – воспитывать детей, особенно перевоспитывать?

Антон Семёнович ответил:

– Нет, нетрудно. Очень лёгкая эта задача.

– То есть как? Вы серьёзно говорите?

– Абсолютно серьёзно говорю. Правда, надо иметь в виду как непременное условие следующее. Дело, воспитание, надо любить. Ему надо посвятить всю свою жизнь. И, наконец, этому делу надо отдавать в сутки по крайней мере двадцать семь часов. И тогда это дело окажется абсолютно лёгким.

Надо любить, а там, где есть любовь, там есть и творчество, и находки. Вы набираетесь какой-то необыкновенной человеческой

силы, которую впитываете в себя всю жизнь. Научитесь разбираться в детях, находить в каждом ребенке только ему присущую особенность. Вы увидите, что этот мальчик любит что-то приобрести, что с ним что-то такое происходит. Что? Сначала займитесь с ним. Отвлеките его от чего-то плохого, а потом запишите себе в дневничок какие-то индивидуальные наблюдения. Что я знаю? Почему этот мальчик такого-то числа, когда были у вас студенты, или был какой-то праздник, или какая-то прогулка, как-то старался уйти от коллектива, быть в одиночестве. Явно на него что-то давило. Оказалось, что дома была какая-то драма. Или, быть может, он с товарищем поссорился. Или… Или… Или… И, наконец, он недавно испытал все мученичества.

Следует поручить воспитателям узнать, почему Валя Брескина ходит какая-то не такая, как будто бы она поражена раком или туберкулёзом. Просто что-то происходит. Я знаю, что она не пройдёт семнадцати шагов, чтобы ни разу не улыбнуться. Оказалось, что она рассорилась со своей подругой, с Люсей Тихоновой. Люся Тихонова умеет себя держать замкнуто, не разговаривать. А Валя Брескина – девочка подвижная, чуточку эксцентричная, даже немножечко кокеточка. Она очень красиво создана природой. Всё у неё есть. А Тихонова, не знаю, чем она привлекла это нежненькое изобретение. Это грубая девочка, мускулистая. Мальчишки занимаются у нас спортом, и нашли где-то скат от колеса сельскохозяйственной машины. Некоторые поднимают его. Я радуюсь этому. Она подошла, посмотрела на него, немножко подтянула, потом без усилий подняла и бросила: «Ерундой занимаются». Вот эта девочка, которая сделана из одних каких-то мозговых, красивых эстетических элементов, является таким тяжеловесом. Тихонова довольно спокойно переживала, значит, выдержанная. А Валя была в таком нервном состоянии, что мне пришлось осторожно вмешаться.

Мне бы очень хотелось, дорогие мои друзья, обратить ваше внимание ещё на некоторые детали в воспитании детей. Пусть это не будет для вас неожиданным, быть может, к тому, что вы получаете здесь в институте от ваших уважаемых преподавателей.

Воспитательный процесс, сказал Антон Семёнович, должен осуществляться на каждом квадратном метре советской земли, как правило, всеми честными людьми, которые не потеряли чувство ответственности перед детьми за их благополучное будущее. Он состоит из огромного количества всяких элементов. И, в частности, из того, что надо воспитывать у детей чувство доброго, гуманного отношения к живому организму, к живой природе. А мы иногда стоим на крыльце школы и смеёмся,

дорогие мои, когда видим, что ребята таскают кошку, очень энергично отламывают ей хвост, или делают из него вопросительный знак, или какого-нибудь пожилого пса мордуют. Всякая бывает издевка, потеха над живым организмом. Кто из нас не наблюдал подобное, может быть, даже не принимал в нем участия.

В мае, кажется, появляются майские жуки. Это вредное насекомое, оно тотчас объедает на деревьях листья. Иногда целыми классами, не в порядке борьбы с этими жуками как с вредителями, а в порядке совсем ином бегают за этими жуками. Ловят жуков, кидают на них одежду, форменные фуражки, портфели. Если встретится учительница-старушка, так они, не заметив, кто это идёт, толкнут и скажут:

– Не мешай!

Сажают жуков в спичечные коробки, штук по сорок. Жуки там друг другу горло перегрызают. Потом с ними начинаются всякие упражнения. Нанизывают на нитку и пускают невольника полетать и потешить! Может быть, и полетает, а потом в изнеможении падает. Ему делают соответствующую операцию: в мягкое место вставляют сухую соломинку. Жук взлетает от физической боли, а ребята бегут ватагой и кричат:

– Летит, летит зараза.

А потом учитель добавляет:

– Правда, полетел, полетел!

Мне кажется, что по самой природе своей наш русский человек, наши люди, должны быть совершенно свободны от этого чувства жестокого, неумного отношения к живому. Многие присутствующие в зале, очевидно, пережили страшную вспышку фашистского садизма. Страшное это было зрелище. И, очевидно, такое жестокое чувство у граждан Германии специально тренировалось. Убивай! Не смущайся крови! Такая забава над живым может дать совершенно неожиданный результат, самого высокого драматического накала вспышку.

Я расскажу вам, как уже после преступления раскрывал, откуда у мальчика в четырнадцатилетнем возрасте возникло такое страшное стремление. Произошло вот что, дорогие мои друзья.

В 1934 году, 4 июля, ко мне в школу-колонию для трудновоспитуемых детей в Ленинграде привели мальчика, Петра Гумнина. Высокий. Выглядел интеллигентно, выхоленно. Оказалось, что он великолепно играл на пианино, хорошо рисовал. Нетрудно было догадаться, что он из интеллигентной семьи. Его очень длинные белые пальцы уверенно и как-то, пожалуй, хищно бегали по клавишам рояля. Мы, воспитатели,

задумывались над тем, что же привело в школу-колонию для трудновоспитуемых детей такого грамотного, музицирующего, начитанного, умеющего рисовать мальчика?

Какой порок? Мы с восторгом наблюдали за его способностями и мечтали, как будем его использовать, как будем эксплуатировать в выпуске стенгазет. Вот повезёт тому воспитателю, в группу которого он попадёт. Не прошло и суток, как этот мальчик, выхоленный, интеллигентный, заставил содрогнуться в страшном горе от происшествия сотни человеческих душ. Как он заставил в страшном горе корчиться родителей, сына которых, мальчика в возрасте трёх лет, этот изверг интеллигентный умертвил. Самым чудовищным, изощрённым, садистским способом.

Что же привело его к этому? Откуда, на почве чего это выросло? Занимаясь им, а между тем ещё дитя лежало в гробике, как ко мне подбежал мальчик, Королёв Митя. При таких обстоятельствах не бегают, ходят тихо, говорят шепотом. Между прочим, этому шепоту, сдержанной речи тоже надо учить. Митя подбежал ко мне и говорит.

– Семён Афанасьевич! Вы послушайте только, какой он странный. Что он говорит?! Мытам все ходим и плачем, а он сидит в другом зале и играет на рояле. А потом встал и говорит.

– Чего вы все плачете?! А мне совсем не жалко. И когда я убивал, не жалко было. И тех, что раньше убил, тоже мне не жалко. Они какие-то маленькие, и мне их не жалко. Идите туда, Семён Афанасьевич, а то там мальчики…

Я понял, что они бить его собрались.

Занимаясь этим хлопцем, мне сделалось страшно, до того страшно, что лучше бы я этим не занимался, не раскрывал той причины, той почвы, на которой выросло это страшное чудовище, и тех воспитателей, которые сотворили этого человека.

Послушайте. У него отец-агроном, интеллигентный человек с высшим образованием. Мать – врач, интеллигентная, очень уютная, скромная, нежная женщина. Мне кажется, что она вообще вылеплена из одной любви. И мать её, бабушка Петра, довольно моложавая, педагог, специально оставившая свою педагогическую карьеру и посвятившая себя воспитанию дорогого внука. Вот только несколько эпизодов его воспитания.

Ребенку было годика два с половиной, когда он сидел на детском стульчике, впритык к кухонному столу и чем-то забавлялся. Бабушка варила обед и одновременно убивала мух специальным приспособлением. По стенкам, по кастрюлям била. Мальчик очень сосредоточенно наблюдал за этой операцией бабушки. А потом попросил.

– Бабушка, я хочу мушку.

– Петя, дорогуша! Дорогой мой! Она от тебя убежит, ты же её не удержишь.

– Я хочу.

– Ну, хорошо, Петечка, раз ты хочешь.

Ему никогда ни в чём не было отказа. Она поймала муху. Подойдя к нему, сказала:

– А чтобы она от Петечки не убежала, мы ей сейчас поотрываем крылышки. Вот! И она не убежит от Петечки.

И очень выпукло-выпукло, на глазах у дитя отрывала у мухи крылья. Положила её на стол. Он ручкою её прикрыл, а всё-таки между пальчиками муха вылезла. И он закричал:

– Бабушка, а мушка уползла. Верни её мне.

– Какое она имела право! Как она смела от Пети уползать! Я ей сейчас оторву несколько ножек, и она не уползёт от тебя. И Петя будет улыбаться.

И она оторвала ей ножки. Так не раз, не два, а несколько раз. Затем Петя через какое-то время сказал.

– Я хочу сам отрывать и крылышки, и ножки.

– Ну, хорошо, Петя.

Женщина ловила мух, приносила ему, держала, а он рвал ноги, крылья, иногда вместе с головой. Ему было лет пять-шесть.

Гуляли они где-то по лесу и увидели, как перед ними ползут муравьи. Хорошая рабочая стая муравьев, не стая, демонстрация, труженики.

– Что они делают?

– Трудятся, – говорит бабушка. – Прутики носят, домик себе строят.

– А я их не люблю. Я их хочу давить.

– Ну, дави. Они, действительно, какие-то противные. Дави, мальчик дорогой, ножкой.

Вот так бабушка топчет своей, уж простите меня за сказанное, лапой, а не ногой, и дитя тоже стал топтать муравьев.

Когда ему было лет восемь, семейство любовалось цыплятами с наседкой, выпущенными на зелёный коврик двора. Маленькие-маленькие, штук двенадцать птенчиков. Жёлтенькие пушинки, беспомощные, хорошие, требующие к себе необыкновенной ласки и тепла. Взрослые вошли в дом. Петя долго сидел, наблюдал. И вдруг у него что-то произошло в сознании. В порядке какой-то ассоциации, что ли, вспомнились, быть может, мухи, отрывание у них крыльев и ног. Он стал ловить цыплят и отрывать им головки. Цыплятам! Руки окровавились. Мать вышла и, увидев это, вскрикнула:

– Петя! Что ты делаешь? Перестань!

– Я так хочу!

– Ну, хорошо.

– Кровь! Ой, кровь! Хочет так?!

Никакого протеста. Тут же грохнулась без сознания, а он продолжал развлекаться. К тринадцати годам мухи и цыплята его уже не удовлетворяли, ему нужны были более сложные организмы. И он стал убивать себе подобных мальчиков. Три жертвы. Три мальчика. Три жизни. А сколько вокруг них было радости, и сколько затем горя, родительских слёз! А он счастлив. А родители его утонули в слезах, в родительских страданиях. Редкое это, друзья мои, явление.

Мы с вами, как никто, должны предупреждать подобное явление. В самых, кажется, безвинных, самых неожиданных ситуациях следует понимать, что занятия детей сотворяют их. Этому сотворению способствуют влечения, придуманные ими игры, шалости, проступки. Это всегда происходит на тех же пространствах, где живут дети, и где живём мы с вами. Остановите их, не проходите мимо. Подумайте, какое может быть горе на всю нашу страну, для людей и для того, кого вы можете остановить, можете предупредить. Уведите его от преступлений. Уведите от скамьи подсудимых. Уведите его от того, чтобы он не доставлял, не причинял страданий другим. Одним оперативным вмешательством, просто походя, откуда бы вы ни шли, вы можете предупредить серьезные страдания. Вмешайтесь. Какое необыкновенно доброе, патриотическое дело вы сделаете.

Недавно я принимал участие в совещании работников из мест заключения РСФСР в Москве. Там выступал профессор Колбановский Виктор Николаевич. Он рассказал страшную штуку. В воскресный день, муж и жена, молодые, ещё не успевшие по-настоящему пережить и перегореть от радостного бракосочетания, радостей той любви, которую они излучают по отношению друг к другу, купались в реке. Расстелив на берегу коврик, завтракали, читали, загорали. Вдруг подходят шестеро в возрасте от семнадцати до двадцати примерно двух лет. Самому старшему, по крайне мере, двадцать два года. Они стали вести себя похабно. Мужчина встал и сказал:

– Я прошу, товарищи, вести себя скромнее. Не выражайтесь, здесь женщина, моя жена.

– Как! Твоя жена! Сейчас она будет нашей женой.

Планомерное, садистическое, вампирское преступление. И это в наше время, в нашей стране! Как же это может быть? Ведь они учились в нашей школе! Мы были их педагогами! У каждого из них есть мать и отец! Кто же эти отцы, которые породили такое чудовище?! Почему они ищут развлечения в совершении таких

страшных преступлений? Я вам скажу так: тут есть какая-то взаимосвязь с этим убийцей, Петром Гумниным, тридцать четвёртого года. Давайте, мы допустим, что где-то оно начиналось с чего-то самого незначительного. Но преступно кто-то мимо него проходил. Бежал! Некогда! Портфель прижимал под мышкой. Не мой сын. Не моё дело! А они думали: нам все можно, все безнаказанно.

Если хотите, наше вмешательство, решительное, требовательное, и есть забота о детях, и любовь, и забота не только о них сегодня, а забота об их умном, красивом, нравственно благополучном, общественно полезном будущем.

Перед нами, дорогие мои друзья, стоит колоссальнейшая, ответственейшая задача. Чтобы нам народ в веках говорил спасибо за то, что мы брака не делали и, замечая брак, вмешивались решительно и чинили человека. Нравственно чинили. Чем? Как? Своим, если хотите, страданием. Антон Семёнович говорил: трудно воспитать человека, чтобы твоя душа по-настоящему десятки раз не страдала. Вы думаете, что он не мучился, не страдал, спал спокойно у себя где-то в спальне по ночам? Нет! Каждый из нас, кто прошел через его человеческое сердце и душу его, выстрадан им. Выстрадан! Только иногда он, может быть, как-то чуточку смущенно выражал душевные вибрации, душевные движения.

Я помню, мы ехали с ним из тюрьмы, когда он меня вез, и вдруг как захохочет. Я посмотрел на него выразительно. Потом он ещё раз захохотал. Я говорю:

– Чего высмеетесь, товарищ заведующий?

– Какой я тебе заведующий! Антон Семёнович меня зовут. И назвал меня бюрократом.

– Семён, знаешь? «А ведь я сегодня, – говорит, – везу будущего заведующего колонией».

– И это что, я – заведующий колонией?!

– Да, честное слово, будешь заведующим.

– Я так же ненормальный, что ли, чтобы стать заведующим детской колонией?

Проехав ещё, наверное, километра три-четыре, он вдруг сказал:

– Ох, и в синяках же ты будешь ходить!

– В каких синяках. Морда, что ли, будет побитая? Кто же меня будет так лупить, интересно? – Чуть ли не сказал: – «Не выли?»

– Сам ты себя будешь бить. Сам!

– То есть, говорю, как сам?!

– А так! Может быть, и не без нашего вмешательства. Кое-чему мы научим тебя. Но будет в тебе какое-то время жить как бы

два человека. Два Семёна. Один Семён, которого ты ещё не знаешь, а другой Семён, с которым уже познакомился.

Он уже считал, что этот Семён хороший. Именно этот, хороший, Семён накостыляет своему плохому Семёну. В синяках будет ходить. Ведь научил же он меня самого себя воспитывать. Так и сказал: «Лупить самого себя». Не совсем, может быть, удачно, сказал, но абсолютно точно. И мне очень хотелось предупредить вас – не разочароваться в вашей будущей педагогически-воспитательной деятельности. О, нет! Вы должны из этого зала сегодня уйти безнадёжно влюблёнными в своё дело. А кое-кто хорошенько побеседуйте сами с собой. Может быть, потом придёте и скажете: «Нет. Педагогом не буду. Нет у меня того, чтобы я вот так обнял дитя, отвечал бы за него, страдал бы за него, личную, быть может, жизнь посвятил ему».

Антон Семёнович, когда узнал, что этот страшный садист убил мое дитя (я ему написал об этом), то испугался, а вдруг Семён бросит отдел воспитания. Но он был очень осторожен и не задал мне такой вопрос. А когда увидел, что я – месяц прошёл, два, три – работаю с каким-то большим жаром, то написал мне одно: «Спасибо, голубчик. Обнимаю. Твой Антон».

Лет только через пять после этого я узнал, за что он сказал мне спасибо. За то, что я не сломался. Остался на месте, на посту. И вам хочется пожелать того же. Пронесите красивую педагогическую, человеческую, так нужную для нашего народа трудовую тропу. Делайте людей самого высокого качества, беспощадно, не щадя ни своих сил, ни своей затраченной энергии, ни времени, наконец, не считаясь, удобно или неудобно вашему дитяти, под корень вырывайте всякий порок и идите к одной цели. Человеком должен стать тот, к которому прикоснулись ваше честное сердце, ваша благородная педагогическая рука и человеческая страсть. Если вы хоть понемногу будете стремиться к тому, чтобы быть похожим на такого художника-педагога, великого гуманиста, изобретателя, создателя системы воспитания Антона Семёновича, я готов сейчас каждому из вас поклониться и поцеловать ваше сердце.

О кадрах, о людях

Вот уже двадцать лет как я работаю с детьми-подростками в детских домах и колониях Министерства просвещения и МВД. Моя заповедь, унаследованная от А.С. Макаренко и утверждённая уже личным опытом, обеспечивающая успех в работе, – это подбор людей.

Убедительным тоном Антон Семёнович сказал:

– Лучше иметь четырёх сторублёвых воспитателей, чем сорок сорокарублёвых.

Я хорошо и с благодарностью вспоминаю первых воспитателей колонии имени М. Горького.

Отдалённую от населённых пунктов, притаившуюся в лесу колонию окружал голод и анархический хаос 1920–1921 годов. Первые питомцы колонии в возрасте 14–17 лет часто бывали свидетелями, а порою даже и участниками «мокрых» дел. Бесшабашные, необузданные, озлобленные, имели они связь с «батьками» и всякими бандитскими «ангелами». Всему этому тревожному, притворно-циничному, противостоял крохотный коллектив, нравственно чистоплотный, морально смелый. А.С. Макаренко – центр и мозг всего неизведанного, нового дела, и двое воспитателей: двадцатилетняя Лидочка и лет на десять постарше Елизавета Фёдоровна. В тогдашней жизненной атмосфере даже их физическое благополучие было сомнительным. Но их ум, страстный труд, подкупающая справедливость и уважающая человека требовательность, их изумительные человеческие качества пленили всех нас. Нам хотелось их видеть, слышать, общаться с ними. Мы тосковали по ним, как тоскуют по матерям, отцам, старшим братьям и сестрам, как тоскуют по настоящим друзьям.

И они были не только нашими утешителями, учителями, советчиками, но и самыми близкими нам родными и друзьями, вместе с нами находившими смысл и радость своего существования.

Человека умного, строгого, но справедливого, уважающего тебя, трудно не послушать, невозможно его обмануть, уйти от него. В полтавский период у нас было двое воспитателей, в куряжский – на четыреста ребят четыре.

По своим нравственным качествам воспитанники тех лет, даже по социально-криминальным признакам, были запущеннее, сложнее, чем дети нашей Сталинирской ТВК. В те годы, в частности, в колонию имени М. Горького, подростки направлялись либо комиссиями по делам несовершеннолетних,

либо по определению суда со сроком, как правило, за систематические кражи, грабежи, насилия и прочее. В Сталинирской же колонии нет ни одного судимого и вообще с серьёзным криминальным налётом.

В годы моей работы в Винницкой колонии НКВД было 300 воспитанников, из них 70 % судимы, и многие неоднократно. Но как в колонии имени М. Горького, так и в Винницкой колонии были воспитатели. Колония была призвана обслуживать контингент рецидива, но в колонии не было ни одного охранника, зоны, заграждения, изолятора и тому подобного недоразумения в регламенте воспитательных пособий. По штату значились один-два ночных сторожа, на роль которых приглашались древние старцы с доступным им вооружением – деревянной колотушкой времён Ивана Калиты.

За три года из Винницкой колонии ушло пятеро человек при 300 воспитанниках и трёх воспитателях. Фамилии этих ребят записаны в моих личных дневниках. В настоящее время из колонии воспитанники уходят и уходят. В чём тут дело? Такие бродячие ребята выпали на нашу долю? Может, не учитываем национальных и территориальных признаков при формировании колоний? Может, и так. Но главное не в этом. Главное – в организационной неинтересности воспитательного процесса и в качестве работников, людей, которым поручено великое, почётное и ответственное дело воспитания.

В Сталинирской ВТК ГССР, в городе Кутаиси на 200 воспитанников было 8 человек воспитателей. Я не сторонник правила – новая метла по-новому метёт, наоборот, я делал всё для того, чтобы самых неудачных воспитателей вышколить и сделать их полезными. Я подбадривал их, поучал, а их рабочие неудачи объяснял делом случая.

На одном из методических совещаний работников УВЧ старший воспитатель тов. Б. заявил:

– Раз бить нельзя, то какое тут может быть воспитание и авторитет?

Так как мне его характеризовали как работника, хоть и безграмотного, но инициативного и боевого, вот только порядком измотавшегося, я предложил ему отдохнуть. Б. уехал в отпуск. Правда, меня предупреждали: вы, мол, детей не знаете, они, дети, дескать, только тов. Б. и боятся. Смотрите, мол, как бы ещё хуже не стало.

За месяц в колонии произошли большие события, без истерики и надсадного крика был создан настоящий детский коллектив. Тов. Б. вернулся из отпуска, в сумрачной позе побродил по колонии и, не поняв ни стиля, ни смысла, ни тона

происшедшего, заявил:

– Это дело долго не продержится. Нужен кулак, а не сердце. Мне это не подходит, прошу освободить. У меня есть специальность фотографа – доходное дельце!

Я с наслаждением освободился от услуг бывшего фотографа, а ребята отреагировали на уход старшего воспитателя, как реагирует спящий на возню мыши в доме соседа. Кстати, увольнение старшего воспитателя с офицерским званием – недопустимо сложное и для начальника колонии бесправное дело. За время оформления увольнения, согласования санкции, даже в случае удачи, увольняемый может порядком напакостить.

В Сталинирской колонии была аналогичная история. Здесь промышлял в роли старшего воспитателя некто Ц. Младший лейтенант, образование 6 классов, до обидного туп и глуп. На детскую среду действовал раздражающе и был угнетающе, и физически, и интеллектуально дегенеративен, нравственно нечистоплотен. Родители и воспитатели-учителя что-то своё, только им присущее, сообщают детям. Я с ужасом отметил, что дети, непосредственно подчинённые Ц, чем-то напоминают вдохновителя, а именно – моральным оскуднением.

Конечно, нас могут упрекнуть, что это дело частных случаев, что выводить правило из этого мы не имеем основания, и, наконец, зачем же, мол, берёте плохих работников. Может, это и так, но лично у меня создаётся такое впечатление, что в наше учреждение попадает много людей – не офицеров от педагогики, а ефрейторов. Раз был в армии, умеет залихватски щёлкнуть каблуками, разбирается в военной субординации и желает быть воспитателем – берём! Ну, раз офицер, воевал, командовал людьми, значит, и у нас справится. А потом, когда на практике человек себя не оправдает, уволить его бывает не так-то просто. Офицерское знание не может служить допуском на роль воспитателя, должно быть только одно звание – педагогическое.

По-моему, нужно ориентироваться на меньшее количество воспитателей, но воспитателей опытных, педагогически грамотных, страстно любящих своё дело. Таких людей в нашей стране много, но необходимо найти справедливое вознаграждение за их труд. Ставку в 600 рублей надо считать неудовлетворительной. При нагрузке в 50 человек детей на одного воспитателя, при неограниченном рабочем времени, надо установить плату в 900—1000 рублей.

Институт старших воспитателей я бы ликвидировал, он себя не оправдывает, и нет в нём нужды. Скорее их нужно иметь в колониях на 600 и более человек. Нужен институт методических помощников при начальнике УВЧ, в обязанности которых

возложить методические разработки по планированию воспитательной работы, ведение личных дел воспитанников, методику клубной работы и т. д.

Ведь и в самом деле получается несправедливо, например, на роли старших воспитателей – один товарищ с офицерским званием и, значит, с львиным материально-бытовым обеспечением, а другой старший воспитатель, невоенный, – 650 рублей и всё. Причем часто оказывается, что как раз последний, педагог, значительно ценнее первого, и плоды его работы эффективнее.

Такая же картина получается и с клубной работой. Начальник клуба, отвечающий за весь процесс клубной и военно-спортивной работы, – должность не офицерская, а военрук – офицерская, хотя военрук в своей работе подчинён и начальнику школы.

В итоге я предлагаю:

1. Ориентироваться только на высококвалифицированных педагогов. Пусть это будут молодые, начинающие педагоги, но подающие надежды.

2. Повысить компенсацию за труд педагогов-воспитателей.

3. Ликвидировать институт старших воспитателей.

В настоящее время в Сталинирской колонии абсолютно благополучное положение, а не так давно колония стояла на грани своей бесславной кончины. В те дни, когда учреждение корчилось в предсмертных муках организационного развала и нравственного растления, работало восемь воспитателей, ныне – четверо и из них две женщины. Но эти четверо – в лучшем смысле советские люди, несущие в себе самые лучшие человеческие качества, которыми и одаряют детей. Учреждён такой стиль, такие взаимоотношения между воспитателями и воспитанниками, что последним, не из-за страха, а в силу неловкости, человеческого неудобства, вести себя плохо и уйти из колонии просто невозможно.

Стиль, организация, традиции, люди решают успех нашего воспитательного дела, важного государственного дела.

Если наш бюллетень правомочен объявлять дискуссии, то пусть это моё письмо послужит поводом.

1949 г.

Когда мать – Родина [20]

На моих глазах, моим поколением, при моем участии совершались удивительные дела: индустриализация, перестройка сельского хозяйства, ликвидация неграмотности и стремление людей к высшему и среднему образованию, электрификация страны, строились дворцы культуры, метро, корабли на подводных крыльях и полетел человек в космос!.. Словом, прыжок с воловьей арбы и конной телеги за штурвалы самых совершенных машин. Да, это подвиг – подвиг народа.

Я гляжу на окружающий меня мир, на события, происходящие на моей Родине, через очки педагога. И как педагога и гражданина радует меня ликвидация в стране такого горького и печального социального явления, как нищенство и беспризорность. Нет больше этого бедствия. А ведь я не только видел, но и испытал на себе и то, и другое.

С 1914 по 1917 год я был поводырём слепого. Сколько их, нищих, бродило по городам и сёлам России: слепые, погорельцы, инвалиды войны, старики и калеки, изгнанные с фабрик и заводов, а с ними – дети. Тысячи и тысячи их, обвешанных торбами, грязных, в чесотке и цыпках, босыми ногами месили грязь, ворошили пыль на дорогах задавленно дремавшей соломенной России.

В первые же годы советской власти, по призыву В. Ленина, на борьбу с беспризорностью, спасение детей, были мобилизованы лучшие люди. Спешно открывались детские дома и детские трудовые колонии. Молодое советское государство из своих скудных запасов выделяло для них продукты. Обеспечение детей было наравне с обеспечением воинов Красной Армии.

Я был одним из тех, кто всей своей жизнью обязан материнской заботе советской власти, к кому нежно и требовательно прикоснулась рука матери-Родины в лице таких людей, как А.С. Макаренко.

Рождённый в многодетной бедной крестьянской семье, я с детства был лишён права на жизнь. Был батраком, нищим, беспризорником, озлобленным зверёнышем-воришкой… И вот почти физически почувствовал, как стал трещать и разрушаться социальный панцирь, сковывавший мою душу, во мне признали человека, поверили в меня и научили верить в лучший завтрашний день, бороться за наступление этого дня.

В 1923 году, по путёвке комсомола, с правом, одинаковым с бывшими партизанами и красноармейцами, сел я за студенческую парту рабфака. Какая это поэзия! Поэзия права на жизнь! Поэзия

на право быть человеком, с обязанностью быть коллективно счастливым!

В 1928 году своему другу и наставнику А.С. Макаренко я дал торжественную клятву посвятить свою жизнь борьбе с детской беспризорностью, нищетой, за предупреждение детской преступности, жить для тех, из среды которых вышел сам, чтобы жили они и жизнью своею землю украшали.

– Спасибо, Семён, от Родины спасибо, – сказал Антон Семёнович и поцеловал, благословляя на самое ответственное дело строительства новой жизни – строительство нового человека.

Война… Кровавым спрутом расползался фашизм по нашей земле. Мы были поглощены борьбой с ненавистным врагом, и сердца наши были полны справедливого гнева, жаждой священной мести. Но оставалось место в сердце советского человека и для любви к детям – самой трагической жертве войны. Сколько их было обездоленных, осиротевших, познавших ужасы смертей и пожаров.

Нет, не бродили наши дети толпами по кроваво пылавшим дорогам войны, не протягивали руки свои за подаянием, не разъедали их болезни и не леденели их сердца от холода людского равнодушия. Всё для детей! Уютные детские дома, питание, почти такое же, как у воинов-отцов, а главное – наши прекрасные женщины-педагоги, ставшие матерями в самом полном значении этого святого слова. И всё это – наша самая нежная, самая добрая мама – мать-Родина. Она являлась ребёнку то в образе воспитательницы, то в образе просто тёти Даши, то во взятии Смоленска, то в салюте Победы, в букете лиц дядей и тёть – шефов из соседнего завода. Родина-мама, какая она многоликая, многосолнечная, нежная и самая любимая.

В текущем году из нашего детского дома уйдут на дороги жизни более десяти девушек и юношей. Они прожили в детском доме по одиннадцать лет. Они не знают своих отцов, но хорошо знают, что такое война. И они знают, что делать, как жить, чтобы их дети знали матерей и отцов, но не знали войны. Наши выпускники – образованные, интеллигентные люди. Они не были сиротами, у них всегда была и ещё более есть – Родина-мать. Из детского дома они уйдут в институты, техникумы, рабочие коллективы предприятий и совхозов, а некоторые в армию. Они станут рядом со своими старшими братьями и сестрами, вышедшими из детского дома в прошлом году, и вместе с ними будут навещать свой детский дом как свой родительский дом. Они станут зримой радостью, уверенностью в завтрашнем дне для своих младших братьев и сестёр, находящихся ещё в детском

доме.

Наши «старички» много сил отдали на благо детского дома – Саша Прокофичев, Миша Лисицын, Гена Веремеев, Тамара Токарева, Таня Хоботова, Галина Логинова активно участвовали в органах детского самоуправления, руководили пионерской и комсомольской организациями, подменяли воспитателей. Саша Прокофичев является чемпионом области по лёгкой атлетике среди воспитанников детских домов и школ-интернатов. Миша Лисицын, Саша Прокофичев, Вова Петров и Людмила Шагандинова в течение трёх лет были командой-победительницей в областном турнире на кубок по шахматам.

Приросли мы к этим детям, и, кажется, отламывается от сердца ломоть трепетно-родного. И так каждый год. Радоваться бы родительской радостью, а мы печалимся. Но печаль эта – счастливая. Но пока наши «старики» дома. Они в серьёзной тревоге – ведь предстоят государственные экзамены. В детском доме это предстоящее событие переживают все: ходят тихо, говорят шёпотом. Или вот такая сценка:

– Сашка? Да не получит золотую медаль?!

– Так я ж не сказал, что Сашка не получит золотую медаль… Я сказал, что и Мишка получит, и ты… – Так двое малышей выражают своё отношение к академическим успехам своих старших братьев.

В этом и наша отчётливая уверенность, что мы не останемся «одинокими» родителями. Мы вдруг ясно увидели, что к избаловавшей нас гвардии старших вплотную подошли новые похорошевшие лица. У них нет ещё той уверенности и хватки, как у старших, но они уже – ощутимая смена. К ним, конечно, придёт и уверенность, и хватка организаторов.

Вот Коля Х. Каким он был полгода назад, мы уже забыли. Да мы просто не желаем помнить и делаем всё, чтобы забыл и сам Коля. Отец его – пьяница, хулиган, и этому разрушительному ремеслу учил своих сыновей. Отца посадили, старшего сына тоже, и Коля стал промышлять воровством в компании старших подростков. И вот суд. Но сначала был суд над равнодушием, над теми, кто своим равнодушием не остановил, а подталкивал ребят к безобразным поступкам, в их движении к уголовным преступлениям.

Суд… Мы приятно ошиблись, думая, что судьи – это люди, мыслящие и поступающие только согласно статьям Уголовного кодекса. Судьи, славные люди, рискнули и отдали Колю нам. Поруганная отцом, забрызганная грязью Колина душа в нашем коллективе стала оживать. К мальчику вернулся утерянный игровой период. Коля стал щедр на детский смех и радость,

тянется к полезным делам, он счастливо честен.

– Обидно, – как-то при мне сказал Коля, – и есть вроде отец у меня, и нет его… Он же обворовал меня – украл детскую радость. Не знаю, сумею ли я называть его отцом. Но всё равно я счастлив – у меня две мамы…

– То есть?

– Мама родная, ну, кровная, и мама наироднейшая – Родина!

– Умница, – сказал я. – Но сыновнего чувства к отцу не убивай. Может, он ещё опомнится. Знаешь, всякое в жизни бывает.

– А у меня и сейчас есть отец, да ещё какой, ого!

– ?

– А вы, Семён Афанасьевич!

И Коля, радостный, возбуждённый, убежал, плюхнулся в гущу детворы.

И сколько их таких, разных, но очень похожих друг на друга в уверенности, что у них есть хорошая мать – Родина, всегда верная им святой материнской верностью.

Коля повторит Сашу, Машу, Гену, он продолжит их, но останется самим собою – Колей. И он с болью когда-то оставит детский дом, а мы с родительской печалью – печалью радости – одарим его куском своего сердца. Уходят наши дети, но в сердце нашем все они остаются. Ведь наши педагогические сердца – это уполномоченные вселюбящего и требовательного сердца нашей Матери-Родины.

Наказание… поцелуем

Обращаясь к нам, учителям, Антон Семенович Макаренко говорил, что мы не имеем морального права делать бракованных людей. Чтобы не допускать брака, только одними уговорами, сомнительными выговорами по школе, которые никакого впечатления не производят, ничего не добьешься. Нужны эффективные педагогические меры, особенно, когда дело касается наказания. Антон Семенович наказывал строго, но наказывал и шуткой. Это была всегда неожиданная выдумка.

Вспоминается такая история. У нас ребята страдали склонностью к частым дракам. Драки принимали угрожающие размеры. Антон Семенович покончил с ними быстро, остроумно и красиво.

Как-то наш воспитанник, 19-летний Вася Галатенко, пахал в поле с воспитанником Приходько. Галатенко водил лошадей за поводья, Приходько ходил за плугом. Кони были так же голодны, как и пахари, и хватали из-под ног траву на рабочем ходу. Вася дергал, дергал за повод, надоело ему это упражнение, и он обратился к коню с таким предупреждением:

– Рыжий, не хватай! Если ты еще раз хватишь, так я тебя так хвачу, что со всех четырех конских ног и упадешь!

До коня его слова не дошли, и он продолжал хватать. И Вася его так толкнул, что конь встал на передние колени. В защиту Рыжего вышел из борозды Приходько и огрел Васю по его широкой спине палкой, которой чистил плуг от налипшей земли. Вася развернулся. Словом, началось то самое. Откуда ни возьмись, Калина Иванович, завхоз. Он поглядел на эту гимнастику и изрек:

– Ей-богу, дерутся, паразиты! Как же вам не стыдно заниматься таким безобразием в присутствии скотины? Идите сейчас же к Антону Семеновичу!

И они пошли. Встали у порога.

– В чем дело? Вы, кажется, должны пахать?

– Мы пахали, а Калина Иванович послал к вам.

– Зачем?

– Сказал, что мы дрались.

– Но вы же не дрались?

– Ну, да, Антон Семенович, не дрались.

– Семен, позови мне Калину Ивановича. Я его поставлю на место. Это безобразие – срывать людей с работы, наговаривать на них!

– Не надо звать Калину Ивановича, – сказал Приходько.

– Почему?

– Да было дело…

– Какое?

– Понадавали мы друг другу…

– Значит, было… Эх, вы! Кто вы такие? Кто?

– Колонисты…

– Нет, не колонисты.

– Ну, он – Васька, я – Ванька…

– Нет. Кто на самом деле?

Тут мы уже ничего не понимали.

– Раз мы пахали, так мы – пахари, – догадался Приходько.

– Выживете под одной крышей, сидите за одним столом и один кусок хлеба едите. Кто же вы?

– Мы любим друг друга.

– Вот это хорошо. По-настоящему любите?

– Да, конечно. Васька, правда?

– Честное слово, я тебя, Ванька, люблю.

– Тогда целуйтесь и уходите.

– Антон Семенович! Накажите как-нибудь иначе…

– Как? Братский поцелуй – это наказание? Если я вечером поцелую любимую маму, это разве наказание? Любимую девушку поцеловать – наказание?

– Да нет… Конечно, не наказание.

– Целуйтесь, иначе я вас начну целовать.

Галатенко первым развернулся и влепил в правое ухо Приходько поцелуй. А у него было чем целовать: губы такие мясистые, похожие на вывернутые детские галоши. Приходько ответил холодным поцелуем. А мы хохочем.

– Теперь, братья, идите.

После этого, как только кто-нибудь хватал другого за грудки, третий ехидно говорил:

– Наверное, целоваться захотели!

И их, как ветром, разбрасывало.

Месяца через полтора Калина Иванович зашел к Антону Семеновичу и сказал:

– Ты бы пожалел их, паразитов. Ходят они какие-то скучные. То, бывало, понабивают друг другу морды, поразвлекаются…

Антон Семенович собрал нас и… разрешил нам драться.

– В колонии неудобно, учреждение все-таки, – сказал он. – Я облюбовал местечко… Дикое место, в северо-западном направлении, верстах в пятнадцати от колонии. Как кому захочется драться, скажите воспитателю. Вам разрешат, и идите, пожалуйста, деритесь. Но никто ни разу этим разрешением не воспользовался. Спокойно стало.

1970 г.

Помоги тем, кто тебя воспитывает[21]

Я недавно встречался в Доме литераторов с профессором одного из американских университетов, который прилетел в Советский Союз, чтобы позаимствовать опыт наших школ и других детских учреждений. Он смотрел на меня с изумлением. Должно быть, я казался ему каким-то подопытным кроликом, сошедшим со страниц «Педагогической поэмы». Ведь в Америке говорят, что фигура Карабанова – это коммунистическая пропаганда. Но вы не американцы, а русские люди, и можете меня ощупать, чтобы убедиться, что перед вами живой человек.

Я всегда с удовольствием делюсь своими воспоминаниями с такими людьми, как вы. Мне хочется пробудить у вас уважение к воспитателям. Воспитатели – это люди высокого призвания. Их имя надо писать с большой буквы. Тревоги и переживания за ваши судьбы не дают им покоя! Они верят, что в каждом из вас есть хорошее начало, и, не щадя сил, работают над тем, чтобы развивать и совершенствовать его.

Помню, как брал меня из тюрьмы Антон Семёнович Макаренко. Начальник тюрьмы предупредил его, что я – человек «трудный», и если уж брать меня в детскую колонию, то только после того, как там наладится жизнь и установится твёрдый порядок. Он требовал везти меня из тюрьмы обязательно под конвоем. Но Макаренко уже, видно, познакомился с моим личным делом, представил себе, что я – человек с признаками гордости, достоинства, хотя и мальчишеского, и решил не прибегать к конвоированию. Когда он вёз меня в колонию, мы были с ним один на один…

Он добивался, чтобы мы, воспитанники, верили ему. Как-то в первые дни становления колонии Антон Семёнович сказал (передаю, конечно, его мысль своими словами):

– Чёрт с вами, что вы – воры, босяки, бандиты, грабители, карманники… Важно, что вы люди, и не прикидывайтесь, не пытайтесь убивать в себе человека, не забывайте его высокого назначения в жизни. Быть человеком – большая квалификация. Важно, чтобы вы поверили мне тоже как человеку и помогли воспитывать вас.

А мы хихикали и говорили, что мы не институтки. Тогда Макаренко сказал, что нас много, а он один. Нас уже тридцать человек, а будет сто двадцать, шестьсот! Мы можем разобрать его по кускам и растаскать. Конечно, ничего не получится, если он один попытается воспитывать. И мы понимали, что он говорил правду.

– А если вы будете помогать мне… – продолжал Антон

Семёнович. – О! Тогда получится большое дело. Я как педагог возьму педагогическую мочалку, специально пожёстче, и буду смывать с вас дурь, всю ту паскудную накипь, которая дала такой отвратительный рисунок. Конечно, это неприятно для вас, заставляет страдать. Но ничего не поделаешь: надо потерпеть. Этой помощи я у вас и прошу, потому что вижу, какими вы будете через десять-пятнадцать лет. Будет каждый из вас таким человеком, что сосед не станет запираться от него. Напротив, он скажет спасибо за то, что выживете с ним. И скажет спасибо тому, кто сделал вас таким человеком.

Мы поверили Антону Семёновичу и благодаря этому поверили в себя.

Ещё по дороге из тюрьмы в колонию, а она находилась в семи километрах от Полтавы, удивил меня Макаренко. Ехали мы с ним вдвоём на телеге. Тёмный, тёмный вечер. И вдруг Антон Семёнович расхохотался. Я стал посматривать на него диковато. С чего это, думаю, хохочет человек на всю степь?

– Переживаю, – сказал он мне. – Переживаю исключительно торжественные минуты от сознания того, что рядом со мной сидит будущий заведующий детскими колониями.

Я оглянулся: где же тут заведующий колониями?

– Не крути головой, чертило, – ласково сказал Антон Семёнович. – Это ты и есть будущий заведующий.

Тут уж расхохотался и я. Уму непостижимо: я босяк – и вдруг заведующий колониями! Да я вообще не думал, что буду жить на свете!

Но, посмотрите, какими пророческими оказались слова Макаренко, вот уже 35 лет как я заведую различными детскими колониями и домами. Работал в системе Министерства внутренних дел, а теперь в Министерстве просвещения.

За 35 лет на собственном опыте я убедился, что в природе нет неисправимых людей. Нужно только время – для одного больше, для другого меньше. Но, создав необходимые условия, любого человека, одержимого какими-то пороками, можно исправить и перевоспитать. Какими бы отвратительными микробами ни был поражён этот человек, его можно вылечить от пьянства и воровства, от картёжной игры и разврата, от тунеядства и лени. При этом очень важно, чтобы сам человек захотел излечиться. А если у него силы воли маловато, пусть поможет ему не только квалифицированный и ответственный работник воспитательного учреждения, но и его товарищ.

Все вы, вероятно, помните по «Педагогической поэме» Гришу Буруна, который попал к нам в колонию за «мокрое дело». Могу сказать, что он, наверное, погиб бы, если бы я как друг не помог

ему.

Гриша Бурун – выходец из воровской семьи. Дед его был вором, бабка – воровка, отец и мать – воры, сестра – проститутка, братья доворовались до того, что один у другого жену украл. Гриша считал, что если люди не воруют, то они ненормальные. Свои первые дни в колонии он ознаменовал тем, что украл у Антона Семёновича все деньги, предназначенные на ремонт, наше питание и зарплату обслуживающему персоналу. Потом он дал слово (хлопцы немало потрудились для этого), что больше воровать не будет. И, действительно, больше не воровал ни денег, ни продуктов. Но зато стал играть в карты. А карты – это тоже страшный порок, который разрушает человека морально и физически.

Вы спросите: как это физически? Был у меня один воспитанник. Его привезли в колонию, которой я руководил, из киевской тюрьмы. Красивенький четырнадцатилетний мальчик, но слепой на один глаз. Вместо глаза – свежая рана. Я не стал расспрашивать его. Он сам через некоторое время, когда поверил мне как человеку, рассказал свою историю. Оказывается, играл он в карты на киевском базаре, проиграл все деньги, одежду. Банковавший предложил ему заложить самого себя, но он не согласился. Сказал:

– Я поставлю глаз, выиграю – вернёте мне одежду, проиграю – ваше счастье.

Проиграл, банковавший сказал:

– Не хочу колоть, боюсь.

Тогда он сам взял булавку и выколол себе глаз. Хорошо, что природа наделила его музыкальными способностями. Теперь он играет в оркестре украинского радиокомитета.

Но возвращаюсь к Грише Буруну. Итак, он стал играть в карты. Время было голодное, в стране царила разруха, свирепствовал тиф.

Большие людские потоки устремились из центров России на Украину, за хлебом. Шли матери с голодными детьми. И бывало, спохватится какая-нибудь мать и начнёт голосить от ужаса и горя: голодный ребёнок уснул вечным сном у неё на руках. А нас советская власть кормила из неприкосновенных воинских запасов. Пайки были небольшими, и Гриша Бурун играл в карты, чтобы запастись пищей. Были ребята, которые проигрывали ему свои пайки на три, пять, семь дней вперёд. Расплачивались главным образом сахаром, который нам выдавали на руки. Бурун объедался, а некоторые ребята доходили до дистрофии.

Антон Семёнович видел, что в колонии происходит что-то неладное, но что именно, никак не мог понять. Потом догадался –

картёжная игра! Но кто играет? Хлопцы молчат. А уж те, кто проигрался, и вовсе прикусили язык.

Я очень дружил с Буруном, но сдружился и с Антоном Семёновичем. Он доверял мне ездить в банк и получать деньги. Доставка денег в колонию была небезопасным делом. На загородных дорогах орудовали бандиты. Антона Семёновича они, несомненно, прихлопнули бы, но я для них был «своим», меня не трогали.

Помню, какое неприятное чувство неловкости переживал я, когда Макаренко впервые повёз меня в банк, чтобы показать, где надо получать деньги, в какое окошко обращаться. Хотелось сказать ему:

– Не затрудняйте себя объяснениями, я уже не раз бывал в банке. Но я ничего не говорил: пусть думает, что я ничего не знаю…

И вот однажды я пришёл к Антону Семёновичу в кабинет, чтобы узнать, нет ли каких-нибудь заданий на завтра: я в колонии был ещё и конюхом. Но Антон Семёнович встретил меня мрачно. Впервые я видел его таким расстроенным, почерневшим, поникшим.

– Что с вами? Не заболели ли, Антон Семёнович?

– О! Мечтаю об этом. Пусть хоть тифозные черти унесут меня от вас. Вы же не люди. Вы звери. А может быть, ещё хуже зверей. Волк волка, лев льва не ест, а вы поедаете друг друга…

Я обиделся. Разве я кого-нибудь съел? За что он меня укоряет. А он ещё пуще набросился на меня:

– Ты не съел? А разве ты не видишь, что в колонии идёт картёжная игра, игра, которая всех раздевает? Что ты сделал, чтобы спасти товарищей? Тебе дела до них нет. Ты не в карты играешь, а в любовь, в чистоту. А дрянь ты, пожалуй, самая худшая. Вон! Видеть тебя не могу…

Я выскочил из кабинета, но не оскорбился. Понимал, что Макаренко страдает. Ведь он ночей не досыпал, корчился в муках за нас. Все думал, на какой тройке к нам подъехать, к тому или иному колонисту, чтобы сделать из него человека.

«Нет, Антон, ц прекращу твои страдания. Больше в карты у нас играть не будут!», – поклялся я сам себе и бросился в спальню, а там, на кровати, сидел, как удав, Бурун и раздавал карты мальчишкам.

– Гриша, – говорю я, – перестань играть.

– А что? Антон идёт?

– Нет, Антон не идёт, но он очень страдает.

– А чего ему страдать? Я ведь не с ним играю…

– Потому и страдает, что не его обыгрываешь, а хлопцев.

Неужели не понял ещё? Посмотри, хлопцы какие худые, а ты отожрался. Если ты мне друг, то никогда больше не будешь играть в карты.

Бурун усмехнулся. Смотри, мол, перевоспитывать меня взялся. Я рассвирепел, выхватил у мальчишек карты и разорвал их. Дело прошлое, но крепко тогда мы схлестнулись с Буруном: у обоих скулы трещали. Потом Гриша понял, что был неправ, стал мягче.

– Прости тем, у кого выиграл, – потребовал я. – Раздай сахар, что у тебя под подушкой.

Бурун достал наволочку, в которой было не меньше пуда сахара, и стал раздавать. Проснулись и те, кто не играл с ним. Он и им дал по жмене. Наелись мы в тот вечер сахару вволю. И стало у нас в колонии тихо, празднично, а на душе у каждого – чисто, спокойно. Так бывает в семейном доме по субботам, когда люди вымоются, а мать пирогов напечёт…

Мы с Гришей в ту ночь легли спать вместе на одной кровати, но не спали, думали об Антоне, о нашей жизни и нашей дружбе. Больше Гриша никогда в карты не садился играть. И мне кажется, что я спас его от гибели. Это, по-моему, и называется – помогать воспитателю. Но дело не только в помощи воспитателю. Хорошо, когда один человек может сказать другому:

– Люблю тебя как друг, потому и требую: не делай гадости!

Интервью через годы [22]

Вопрос: *«Если коротко, в двух словах, что такое метод Макаренко?»*

Калабалин С.А.: Сам Макаренко! Его прекрасная жизнь, самозабвенное творчество, любовь вся, без остатка, – детям. Если бы каждый педагог жил и поступал, как он, это было бы полное торжество советской педагогики.

Вопрос: *«Как воспитывал в вас чувство патриотизма А.С. Макаренко?»*

Калабалин С.А.: Обстоятельства, конечно, были чрезвычайные. Но «первый урок» патриотизма проходил примерно так…

Колония несовершеннолетних правонарушителей под Полтавой. Зима. Мы сидим вечером около буржуйки. Антон Семёнович читает вслух «Мои университеты» Максима Горького. Вдруг он прерывает чтение:

– Не могу читать! Скажите, патриоты вы или не патриоты?

– Нет, что вы! – отвечаю я как самый грамотный из ребят (у меня всё-таки за плечами четыре класса приходской школы и… полтора года тюрьмы! Я думал, что патриот – это что-то связанное с мелким воровством).

– А я патриот! – говорит Антон Семёнович. – Потому я не могу видеть, как качаются на ветру повешенные комиссары. Не могу терпеть, чтобы у нас в округе хозяйничали бандиты. И сегодня же ночью я иду ликвидировать банду.

– Тогда и мы патриоты тоже! – ответили мы.

В ту же ночь ватага оборванных подростков во главе с Макаренко, с одним-единственным покорёженным наганом напали на банду, вооружённую пулемётом, гранатами и обрезами. Помню, когда мы их привели и сдали в ЧК, молодой боец вынул из кармана галифе сахар и протянул мне. Сахар был весь в махорке.

– Ты что? – буркнул я. – Я не маленький!

– Чудило, – сказал он, – я ж как к товарищу.

Были у нас и другие уроки патриотизма. В голодные годы мы видели, как наши воспитатели отдавали ослабевшим детям свои скудные, драгоценные пайки хлеба. А кулаки на хуторах прятали пуды хлеба, варили из зерна самогон. Никто не агитировал, мы сами проводили рискованные рейды и крушили самогонные аппараты.

Мы это тоже считали патриотизмом.

Конечно, жизнь в нашей стране неузнаваемо изменилась. Но

и теперь нельзя воспитывать чувство патриотизма только назиданиями. Нужны убедительные примеры, нужны яркие поступки. Трудно воспитать патриота, если не предоставлять подростку условий, в которых он, пусть в небольшом масштабе, но всё же мог бы проявить свой патриотизм. Макаренко был убеждённым сторонником активных методов воспитания. В крайних случаях он признавал благотворную роль психологических «взрывов». Хотя, должен сказать, и теперь есть ещё теоретики, которые отрицательно относятся к этому.

Вопрос: *«Какова система наказаний в вашей практике?»*

Калабалин С.А.: Основной принцип нашей жизни – один за всех, все за одного. Мы хотим, чтобы человек учился отвечать не только за свои поступки, но и за поступки своих товарищей. Наказание у нас – большая редкость. И это прерогатива самого коллектива. Однако отношения в нашем коллективе строятся на полном доверии и уважении друг к другу. Настоящее доверие должно быть во всём. Именно на таком цельном доверии построена жизнь в Клемёновском детском доме. Так было и во всех других детских учреждениях, куда посылали меня работать. Мне помогают старшие воспитанники, а они опираются на подрастающий актив в отрядах. Это традиция Макаренко.

Вопрос: *«Какой, по вашему мнению, самый большой недостаток воспитателя?»*

Калабалин С.А.: Бездушие. К воспитанникам надо относиться, как к собственным детям. Нельзя быть воспитателем, если ты не можешь относиться к ним как отец – строго, требовательно.

Но с любовью… Я довольно часто спрашиваю себя: а так ли я поступил бы со своим собственным сыном или дочерью?

Вопрос: *«Как Антон Семёнович передавал своё мастерство молодёжи?*'»

Калабалин С. А.: Я с ним работал очень близко и долго (кроме того, что был его воспитанником). Макаренко не собирал нас на какие-то занятия, а говорил по поводу того или иного факта, привлекая нас, как будто случайно, к анализу и самого поступка, и меры воздействия, и полученного эффекта – результата принятой меры.

Антон Семёнович подчёркивал, что в основе методики воздействия – не какие-то «рецепты», а немедленный анализ и немедленная реакция воспитателя. Часто такие «случайные» собеседования проводились с педагогическим коллективом по поводу техники ведения уроков, организации перемен в школе и других вопросов повседневной работы. Много говорили о взаимоотношениях с ребятами, задушевных, почти интимных соприкосновениях с отдельными воспитанниками, группами,

парами или целыми первичными коллективами: отрядами, бригадами, классами. Место и время таких бесед тоже подбиралось очень остроумно: то на работе, то на привале во время похода, то во время игры в лесу.

Самым эффективным средством передачи мастерства молодым было, как мне кажется, то, что Антон Семёнович каждое своё рабочее мгновение освещал ярким примером-призывом. Иные же призывают, поучают жить красиво, общественно активно, но не убеждают в этом своим личным примером. Это не наука, а ханжество. Макаренко все делал с нами.

«Меня и моих друзей-куряжан, – вспоминает Михаил Сухорученко – больше всего поразило то, что Антон Семенович, когда это нужно было, работал вместе с нами, засучив рукава. Необходимо было лес заготовить – Макаренко брал топор в руки и шёл вместе с нами… Эта простота Макаренко делала с нашими душами чудеса»[23].

…В феврале 1921 года все наши воспитанники (30 человек) заболели тифозным сгустком (брюшной, сыпной и возвратный). Не заболел только Антон Семёнович, завхоз Калина Иванович, воспитательница Елизавета Фёдоровна, я и конь. Хлопцы лежали в холодных спальнях, голодные. Мы с Антоном Семёновичем и Калиной Ивановичем пилили дрова, топили печи, помогали Елизавете Фёдоровне готовить тощую пищу. Елизавета Фёдоровна понемножку и врачевала. Вечерами Антон Семёнович развлекал больных чтением, рассказами и мечтами. Когда все здоровые расходились, Антон Семёнович подходил к каждому; кого ободрит словом, кому улыбнётся, на ком поправит одеяло, а к отдельным, застывавшим в тифозном беспамятстве, ложился, чтобы своим телом отогреть. То же делал и я. Возили мыс ним тифозников наших в полтавские тифозные бараки, решительно требовали от врачей обязательного излечения. Антон Семёнович был уверен, что ни один колонист не умрет. И все были уверены, что выздоровеют только потому, что так хотел Антон Семёнович. Как он сам не заболел, просто чудо.

Это ли не пример? Это ли не «передача опыта»? Это ли не воспитание самим собою?

Таким он был, таким он оставался всю свою жизнь. Таким он остаётся и теперь – после своей физической смерти – в своих делах, думах и страстных строках «Педагогической поэмы» – поэмы о жизни, законах жизни коммунистического коллектива.

Вопрос: *«Помогает ли вам опыт Макаренко в работе?»*

Калабалин С.А.: Антона Семёновича я вспоминаю ежедневно в своей практической работе. Я всегда мыслю примерно так: что бы сделал Антон Семёнович? Как бы он поступил? Это мне

помогает.

Макаренко был человеком исключительной творческой страсти и юношеского задора. Мы, воспитанники, не смотрели на него как на воспитателя, он был настоящим товарищем в труде, в игре, в фантазии. Антон Семёнович мог так изумительно нарисовать перспективы, настолько они были реальными, что каждый из нас стремился к участию в их достижении, старался двигаться дальше вместе с творческим коллективом. Все эти перспективы сводились к перспективам государственной важности.

Вопрос: *«В чём педагогический талант А.С. Макаренко?»*

Калабалин С.А.: Есть таланты, и есть мастера педагогического дела. Я считаю, что Антон Семёнович был, прежде всего, талант. Страстный, полный творчества, педагогической справедливости, всегда подтянутый, собранный, чистоплотный. Большой друг детей, умевший бичевать критическим словом. Его мастерству, его приёмам надо учиться. Я стараюсь работать так, как работал Антон Семёнович. Страстно хочется быть талантом, но я ещё не талант, а мастер какого-то определённого педагогического разряда.

Все лучшее в детях даётся воспитанием [24]

Всё лучшее в детях даётся воспитанием. Так ли это? Да, это так.

Для предметной убедительности обратимся к примерам.

Весь разговор в теоретическом плане в такой массовой аудитории, как телеэкран, менее полезен, чем разговор в практическом плане.

1. Воспитание общественной активности.

Примеры: колония имени М. Горького; борьба с бандитизмом; борьба с самогоноварением.

Пример: «Призываю, а сам так не поступаю».

2. **Любовь к людям, забота о людях.**

Патриотическая любовь к своему народу.

Сострадание, доброта (голод 1921 г., как поступали наши воспитатели), а сколько таких примеров можно привести из сгустка страданий людей в годы Второй мировой войны.

3. **Честность.**

Неуёмное множество есть средств, приёмов, примеров и методов, при помощи которых можно воспитывать честность.

Припоминается мне случай из жизни трудовой колонии имени М. Горького, который стал границей между нечестностью и брезгливостью к самому слову «воровство». Мы жили дико голодные. 100 граммов весьма черного хлеба, 100 граммов каши, иногда варилась «художественная» снедь из ячменя (подробно). Мы голодали и воровали – голод вынуждал (эпизод и что из этого вышло).

А.С. Макаренко: «Вы не можете не воровать, а раз так, то вы не можете искренне раскаиваться и извиняться». (Картина вымаливания прощения и эпизод с экономкой. Суд. Защитник).

4. **Правдивость.**

Легче привить правдивость с детства. Труднее сформировать это качество подростку, уже познавшему сладость этого порока, но можно.

Случай с отпуском и опозданием.

5. **Скромность.**

Сколько мы знаем случаев, благородных героических поступков по спасению утопающих, на пожарах и т. д., когда герой терялся в толпе, не рисовался, не объявлялся, не выпячивал себя. Он сделал то и так, как должен сделать смелый, порядочный, благородный и сильный человек – и делу конец.

Но бывает и так:

– Это я! Вот какой я! (Эпизод во время пожара со мною).

Как всё лучшее в людях даётся воспитанием, так и всё плохое в человеке даётся тоже воспитанием. Дело в том, что *невоспитания* вообще нет.

В своё время А.С. Макаренко говорил, что есть положительное и есть отрицательное воспитание.

Мы иногда говорим, что в такой-то семье или школе, детском доме и т. д. дети не получают никакого воспитания. А было бы вернее говорить так: там нет положительного воспитания и налицо отрицательное, плохое воспитание.

Человек появляется на свет с душой, похожей, на белую чистую мраморную доску, только душа человеческая не такая холодная и бесплотная, как мрамор. И буквально с первого дня жизни «художники» начинают делать на душе ребёнка узор. Кто эти художники-воспитатели? Это – мамы, папы, дедушки и бабушки, братья и сестры, соседи и вещи, явления природы и общественные события.

Если воспитатели – люди положительные, настоящие, то и рисунок жизни у нового человека будет положительным, красивым. Но может в толпу наставников затесаться человек непорядочный или просто не умеющий. И сделает такой «художник» первую кривую, первую кляксу в общем узоре рисунка, и начнёт эта клякса расползаться, влиять и поражать ядом и все другие положительные линии души.

Хорошо, если в рисунке есть составная часть активного иммунитета, сопротивляемости, они тогда смогут нейтрализовать действие и распространение в душе яда, а если нет, и рядом нет настоящего боевого наставника, что тогда? Тогда брак. Самый трагический человеческий брак – продукт плохого воспитания.

А что такое бракованный человек? А.С. Макаренко предупреждал, прежде всего, педагогов и родителей от делания брака. Он говорил, что «брак» – это воры, насильники, тунеядцы, бюрократы, изменники Родины. Это наше горе, наши страдания. Беда в том, что «бракованный человек», как правило, производит на свет себе подобного и дурно влияет – воспитывает одного или группу чужих детей.

Я не хочу сказать, что плохой человек получается в результате влияния на него в детские годы какого-то уголовника. Это не беда, скорее досада. Таких плохих не так уж много. Обнаружив их, можно было бы оперативно изолировать от вредных наставников и обезвредить как самих «воспитанников», так и «воспитателей».

Основы воспитания закладываются в семье. И большая беда в том, что подчас родители от чрезмерной любви не замечают в детях пороков, всё им прощают и тем самым развивают в

любимых детях дурные привычки, которые могут перерасти в зло на всю долгую жизнь человека. Чрезмерная, слепая родительская любовь расслабляет волю ребёнка, а безволие – это благодатное сырьё, для трагического «брака».

В семье, страдающей раздором, пьянством, свободным толкованием об учителях, руководителях учреждений, органов власти и прочее, как правило, дети поражаются всякой сыпью, то есть тоже получается брак.

это развивает настоящее чувство коллективизма [25]

К педагогическим рекомендациям А.С. Макаренко нельзя подходить шаблонно. Мне не раз приходилось встречаться с вульгаризаторами методов Антона Семёновича, которые жаловались на то, что «Макаренко чего-то не додумал». Один директор школы сказал мне как-то:

– Ваш Макаренко рекомендует, чтобы провинившегося наказывал его коллектив. Я поверил, позволил одному моему классу осудить виновного. И что выдумаете? Этот ученик стал вести себя ещё хуже.

Пришлось мне объяснять директору, что в этом случае, возможно, нужно было как раз обратное: доверительно поговорить с учеником. Я много лет работал рядом с Макаренко и никогда не видел, чтобы он дважды наказывал виновного одинаковым образом. Он говорил:

– Если они способны на миллион разных проступков, то мы должны быть способны на два миллиона разных порицаний и наказаний.

Антон Семёнович был очень требовательным человеком. Чем более он уважал воспитанника, тем больше с него требовал. Я тоже неоднократно был наказан и получал от него взыскания. Несколько раз сидел в кабинете Антона Семёновича под знаменитым «арестом», читая на диване какую-нибудь книгу. Но приказ об «аресте» всегда звучал по-разному. То он произносил его как бы между прочим, даже вроде добродушно:

– Отсиди-ка, Семён, сегодня пару часов, то строго, как чужому: – Отсидишь!

А в третий раз младший воспитанник приносил мне от него записку об аресте и вручал её с демонстративно ехидным видом.

Воспитатель – это удивительное по своей сложности явление, особенно в столкновении с воспитанником в момент совершения последним нарушения. Он и судья, и следователь, и прокурор, и защитник, и выразитель общественного мнения, и совесть воспитанника.

Моя цель – обратить внимание работников детских домов и школ-интернатов на то, чтобы меры поощрения и меры наказания звучали у нас разнообразно, оперативно, чтобы они были максимально эффективными: для одних имели бы значение предупреждения, а для других – воспитательная кара, чтобы поощрение вызывало заслуженное состояние радости и стало бы

радостью всего коллектива, а наказание, действительно бы, вызывало состояние переживания, страдания, а не было бы фарсом, игрой в наказание, чтобы в отдельных случаях наказание вызывало страдание всего коллектива. Такая форма активно сообщает взаимозависимость в коллективе по принципу «один за всех, все за одного». Это развивает настоящее чувство коллективизма.

1921 год. Сентябрь. Колония выстроилась для похода в город за семь вёрст для просмотра кинофильма. Многие из воспитанников шли смотреть фильм первый раз в жизни. Мы уже знали по примеру первого похода: выход в четыре десять, два часа похода с десятиминутным привалом, и за пять минут до начала сеанса мы – у входа в театр.

Шли строем, с песнями, бодро, весело. Привал. Кто присел, кто повалился на траву, а большинство – в лес. После команды «Становись!» командиры отрядов докладывают, что все на месте, но вдруг командир 9-го отряда что-то замешкался.

– В чём дело?

– Да у меня нет двоих. Я побегу, покричу.

– Не сметь. Сами придут. Подождём.

Прошло дополнительных тревожных десять минут, наконец, появились из леса запоздавшие, неся перед собою в фуражках груши-дички.

– Разрешите стать в строй!

– Становитесь. Шагом марш!

И, кажется, шли быстро, но опоздали на десять минут. Администратор театра сам предложил тихонько войти в зал, но Антон Семёнович, поблагодарив, сказал, что этого делать не следует, зачем же мешать людям, которые пришли вовремя, пришли отдохнуть, получить удовольствие. Нет. Научимся беречь время и уважать товарищей, коллектив и его право на удовольствие.

– Колония! Слушай мою команду! Смирно! Домой шагом марш!

Администратор почесал в затылке, а кто-то из зевак сказал:

– Вот это да…

Шли пасмурные, поглядывали на Антона Семёновича, и видно было, что он очень расстроен, а тут ещё и дождь откуда ни возьмись… Совсем кисло стало.

– А ну, хлопцы, – предложил я, – гаркнем песню!

И я затянул на самых высоких октавах, задорно, как пощёчиной неудаче:

– Ой, при лужку, при лужке, При счастливой доле, При знакомом табуне Конь гулял на воле!..

Ребята дружно подхватили припев. Так, вслед за песней, не ломая рядов, вошли во двор колонии.

– Поняли, хлопцы?

– Поняли, Антон Семёнович!

– И как?

– Один за всех, все за одного!

– Правильно. И в хорошем, и в плохом. Разойдитесь и отдыхайте!

– Есть разойтись и отдыхать! А здорово, Антон Семёнович!

– Здорово!

Это надо помнить всегда [26]

Строить человека, говорил Макаренко, надо без брака, мы не имеем никаких нравственных прав растить бракованного человека.

Здесь в выступлениях немало говорили о работе школ. А о том, что нужно и как нужно делать, чтобы предотвратить проступки в детском мире, с какой человеческой страстью надо воспитывать подрастающее поколение – об этом стоит еще поговорить. А.С. Макаренко написал специальную «Книгу для родителей». В ней есть глава для вступающих в брак. Там говорится о воспитании в семье, об обязанностях отца, матери, о их роли. Трудами Макаренко широко пользуются люди, читать умеют все.

Но воспитывать детей может даже неграмотный человек: чувством материнства, чувством отцовского долга, плохим или хорошим примером. Состояния «невоспитания» вообще не существует. Вопрос в том, что воспитание бывает разное, воспитание хорошее и воспитание плохое. И это надо помнить всем и всегда.

Должны повысить требовательность к себе и педагоги, учителя. У нас как бывает? В школе на 1300 человек – десять-пятнадцать трудновоспитуемых ребят, и вот уже учителя считают такое положение катастрофическим и пытаются поскорее избавиться от «трудных» детей. А ведь Антон Семенович Макаренко принимал воспитанников только из тюрьмы, и, думаете, я, 16-летний подросток, попавший к нему, был лучше ваших трудновоспитуемых детей?!

Это смешно, когда целый педагогический коллектив пасует перед «трудными».

Говорят о системе Антона Семеновича. Эта система очень строгая. Он сам был человеком очень строгим, но вместе с тем и очень веселым, нежным. Мы его любили до безумия, и он нас любил. Но он не считал, как некоторые нынешние кандидаты педагогических наук, что на детей нельзя повышать голос, что нельзя их строжайшим образом наказывать. Наказание должно вызывать у ребенка не улыбку, а, если хотите, испуг. Все мы в детстве были пуганы Бабой-Ягой, например, а потом преодолели и не такие страхи, когда это потребовалось во имя Родины. Я лично в войну часто ходил в разведку, и у меня хватило силы воли, несмотря ни на какую трудность задания, вести себя в тылу врага спокойно, действовать уверенно.

Можно и нужно применять меры ощутимого воздействия.

Ведь это во имя того, чтобы вырастить ребенка замечательным человеком. Надо уметь «вырвать» у него стремление к дурному.

Замечания по автореферату тов. С.С. Коваленко «История возникновения и развития детских домов Украинской ССР в период с 1917 по 1929 годы» [27]

Трудную, но практически нужную область педагогической деятельности поднимает в своей работе т. С.С. Коваленко.

История педагогики в нашем просветительном быту существует, но ни одним своим крылом не задевает жизни детских домов. А следует ли под исторической лупой вообще рассматривать деятельность детских домов? Кажется, следует. Десятки тысяч учреждений, в которых готовились сотни тысяч детей к большой жизни, ставших гражданами нашей страны, заслуживают того, чтобы на них был брошен учёный взгляд.

Кроме того, многие детские дома творчески разрешали проблемы воспитания, методы, приёмы, взаимоотношения педагогов с детьми. В этом детские учреждения настолько преуспевали, что могли бы служить примером, который и следовало бы изучать, распространять в наших школах.

Наконец, именно в системе детских домов наиконкретнее определились признаки истиной организации детских коллективов, воспитание через коллектив, в коллективе.

Замечательный опыт Антона Семёновича Макаренко и его теоретическое обобщение как раз и вместился в период истории и развития детских домов и колоний, которым полезно занимается т. С.С. Коваленко.

В нашей стране всякая теоретическая мысль приобретает затем рабочую ценность. Так, если бы только заняться конкретной разработкой идеи организации детского коллектива и его воспитания, можно принести неоценимую пользу нашим школам и детским домам.

Какова конечная цель работы тов. С. С. Коваленко, я догадаться не сумел, но если бы Сарра Степановна обрушила свой опыт участия в борьбе с беспризорностью, безнадзорностью, детской преступностью первых лет существования Советского Союза, свою педагогическую и организационную интуицию и талант, наконец, свою требовательную любовь к делу воспитания на дело наведения порядка в системе воспитания наших детей, хотя бы в системе детдомов, было бы много пользы.

Надо бы теперь уже во весь голос заговорить и о том, что просто политехническое понимание труда в детдомах – это

забава.

История детдомов на Украине напоминает нам о славных производственно-трудовых делах в ряде детских домов. Целенаправленный производительный труд в детдомах организует детей (старшего возраста), сообщает квалификационные признаки, улучшает их материально-бытовое состояние.

Детские дома – это государственные учреждения, к которым питается доверие и предъявляется требование – воспитать полноценного советского гражданина.

Тов. С.С. Коваленко убедительно оттенила разницу между оскорбительно жалко призреваемыми детьми в царской России и жизнью детей в советской стране, под недремлющей и тревожной материнской заботой самого государства – всего народа.

Читаешь реферат – и заглядываешь в историю, и видишь будущее, когда на лучшем опыте детдомов в нашей стране будут создаваться такие детские дома, в которых будут, как теперь в школу, родители приводить детей (не все) для их воспитания. А, думается мне, всегда *будут* такие родители, которые вынуждены будут обращаться за квалифицированной помощью к государству и его специальным учреждениям.

Тема, над которой работает тов. С.С. Коваленко, очень трудная и очень нужная. Пусть сопутствует ей успех.

Раздел V
Педагогический опыт С.А. Калабалина

Беседа с Калабалиным

С чего начали работать в детском доме!

А.С. Макаренко в одном выступлении в ответ на вопрос: с чего бы вы начали работу в нормальной массовой школе, ответил:

– С хорошего общего собрания, где предъявил бы свои требования и нарисовал картину, каким будет коллектив через несколько лет.

Я начал не с такого собрания в Клемёновском детдоме. Сначала сыграл с ними в городки (не было даже площадки, лишь ямы), выбив двумя палками фигуру, а третью послал «за молоком» – им понравилось, что я умею играть («Вы умеете!» – «Я еще не то умею!»), потом состоялось собрание.

Всегда чувствую прикосновение Антона Семеновича: возможны вспышки гнева, возвышенного, правового гнева человека-воспитателя. Надо, чтобы педагог мог воспитать в себе вибрирующие качества, чтобы не заводь, а вода проточная, бурливая и, как всякая вода, преодолевающая пороги, прохладная.

12 раз я менял детские учреждения: 1930 (Ленинград), затем Винница (колония рецидивистов), Барыбино (1937–1941), детдом в Сокольниках, Урал – Челябинск, Грузия, Полтава, Клеменовский детдом и др. Ни разу не принял ни одного здорового коллектива, и нигде одинаково не начинал. В детдоме № 66 (Ленинград) начал с быка (см. книгу Ф. Вигдоровой). В Барыбино детдом на 600 человек: математика Давыдова ребята раздели в школе и выгнали в таком виде… Мальчики били девочек и вместе – воспитателей. Директор раз в день проскакивал на лошади и его ухитрялись девчонки обливать сверху помоями.

М.Ф. Шверник и Оленина: *«С чего начнете!»*

А черт знает с чего! Вы же разваливали, и то не знаете. Везли меня шестого – предыдущие отказывались.

– Ну как, нравится?

– Очень нравится!

Решили, что я ненормальный.

Требование: всем уехать и не появляться 30 суток, невзирая на слухи, даже если будут говорить, что я кого-нибудь убил или меня зарезали. Согласились. Директор забыл даже своих кур и кабанов. Выдержали, но ровно 30. На 31-й приехали: все в порядке.

Начало 20 мая. 200 человек на крышах после завтрака с перерывом на обед: карты, естественные отправления и т. п. Я

походил – походил и предложил:

– Может быть, слезете, соберемся, потолкуем.

– Нет, нам и здесь хорошо!

Перед обедом – рельс. Говорю:

– Дорогие друзья, идя навстречу вашим пожеланиям, кормить вас будем на крыше!

И несем туда пищу. На другой день лишь один полез на крышу, а мы ему таскаем туда еду. Наконец:

– Не имеете права заставлять меня лазить на крышу.

– Голубчик! Да ведь ты сам полез.

М.И. Бузылев: *об обвинениях Карабанова (Калабалина) в издевательствах над советскими детьми: спят со свиньями, лазают в окна, выворачивает руки – и разоблачение этих обвинений.*

Надо умело развенчать лжегероя. Этим искусством Антон Семёнович владел в совершенстве.

Конечно, нельзя предусмотреть всех неожиданностей, но надо развивать умение найтись в неожиданной обстановке. Хороший учитель сам вызывает конфликт…

Страх первого урока не надо убивать. Можно и так:

– Ребята! Я сегодня в первый раз даю урок! Очень волнуюсь.

И какой-нибудь пацан скажет:

– Да вы ничего, мы вам поможем!

А бывает и так: завроно, сидя в моем кабинете, спрашивает:

– А где ваши дети!

– Здесь, – отвечаю.

– А почему они не кричат!

– Да ведь это люди, а не вороны.

Зашел Юра Павлов – бывший воришка.

– Я не ворую, сам не пойму, откуда у меня эта вещь.

Договорились:

– Я самый богатый, если захочешь стащить, воруй у меня.

– Неудобно, вы свой.

Плохой 5-й класс. У классного руководителя умерла мать. Ребята:

– Давайте один урок хорошо посидим.

– Два.

– А давайте целую неделю!

Екатерина Ивановна пришла после похорон в школу, всплакнула в ответ на запоздалые соболезнования учителей. Попудрилась и, как ни в чем не бывало, улыбаясь, вошла в класс.

– Здравствуйте, Екатерина Ивановна!

– Здравствуйте, дорогие детки! – и улыбается.

Она превратилось в педагога-делягу. Ребята сразу поняли эту

фальшь. А педагог должен быть *человеком.*

В Коломенском пединституте меня спросили:

– Может учитель смеяться!

– Конечно, но не ржать.

Другая учительница пришла в класс веселой. Один ученик встречает ее:

– Какая вы сегодня веселая.

– Да, я веселая, я выиграла по займу 25 тысяч.

Ребята рады:

– Хорошо, что наша, а не из 5 «Б» («патриот», смех, агитирующий за займы).

В киевской школе в пятом классе меняли пять классных руководителей. Ребята стоят на партах перед началом каждого урока. Меня назначили учителем географии: хотя батрачил, партизанил, руководил воровской шайкой, кончил все же 4 класса церковноприходской школы плюс два года тюрьмы, так что считал себя имеющим среднее педагогическое образование.

Ребята ждут. Прихожу (если стоят – хорошо, если сидят – плохо, ничего не выйдет), стоят на партах. Хорошо! Встаю на стул.

– Здравствуйте! Великолепно придумали!

Вожак хотел было опустить ногу, но я ему:

– Не сметь! Стой на месте: урок идет!

Он так и застыл с ногой на весу. Начинаю рассказ об острове – кусочке земли, омываемой водой больше, чем из ведра. Во время рассказа подхожу к одному, спрашиваю:

– У вас именины бывают?

Все довольны, что не к ним пристал этот ненормальный. Бывают, отвечает. Продолжаю дальше рассказывать о полуостровах. Опять подхожу к тому ученику:

– А давно были последние!

– Недавно.

Продолжаю урок. Затем:

– А где были папа и мама, когда пришли гости? А на столе они не стояли? А как ты считаешь, папа и мама у тебя нормальные? А ты что, дурак, стоишь?

Продолжаю урок.

– Надо записать (представляете позу!). Ну, ладно, не будем отвлекаться, запишем в следующий раз.

Звонок!

– Теперь садитесь (перешел на шепот), но так, чтобы парты не заговорили. – Я к вам после пятого урока зайду на пять минут побеседовать.

На перемену не вышли. Приходит после четвертого урока

учительница в учительскую, сидит. После пятого урока, сердитая и обиженная.

– Что вы с ними сделали? – как будто с претензией спросила она.

– Побеседовал пять минут.

В Барыбинском детдоме Чумаков гнал воспитательницу Екатерину Гавриловну (ныне директор школы) и стегал ее. Я подошел, схватил за грудки, поднял над перилами, он закричал благим матом.

– Ну что, и тебе не чуждо чувство животного страха! А зачем других истязаешь?

Больше не дрался ни с кем.

Гуд – хороший сапожник, но и ругался, как сапожник. Художник по брани. Как-то играем с Антоном в шахматы (когда проигрывал, он сердился: уходи, не мешай работать). Приходят девочки, жмутся, наконец, говорят:

– Мы ходить по двору не будем, Гуд ругается (далее рассказывает историю, как Антон Семёнович отучил Гуда ругаться. – *Л.М.)*.

То же самое было в Клемёновском детдоме с драками. Дрались все, пока двух заядлых не привели в кабинет, и я сказал:

– Вы братья?

– Братья, – отвечают.

– Ну, поцелуетесь!

Один послабее волей, поцеловались, а для мальчишек-подростков – это сильное наказание. Теперь, если кто затеет драку, говорят:

– Что, хочешь поцеловаться!

Судьба героев и товарищей.

Наша атакующая сила

Вчера был утвержден директором Барыбинского детского дома. Люди ждут от меня чего-то необычного, что должно избавить их от долголетних неприятностей, которые награждались этим детским домом. У меня прежняя уверенность в том, что детский дом будет выведен из прорыва и приведен в идеальное состояние.

…Никогда мне не было так грустно, как сейчас. Даже в самые тяжелые минуты моей жизни я был полон радостного задора. Передо мною стояла задача, которая всегда стояла перед глазами, владела мною, управляла мною. Задача выполнения. Хорошо ли, плохо, но выполнена. Я вернулся к детям.

Чем же объясняется, что часть наших детей и молодых людей впадают в состояние правонарушения? Что же сейчас толкает их на преступления?

Я думаю, это объясняется тем, что мы залюбили детей, мы не предъявляем более строгих и решительных мер, предупреждающих проступки. У нас все сводится к собеседованию, к слову, то есть к таким мерам, про которые ребята говорят:

– Состоялась очередная басня Крылова.

А мера, всякая педагогическая мера, всякая атака, исходящая из сердца, из совести педагога, она должна производить какое-то впечатление на правонарушителя. Она должна вызывать страдание детской души, страдания своей души. Нужно, чтобы передалась часть страдания, доля страдания души самого воспитателя. Мы всегда говорим на очень спокойных тонах, не повышая голоса, чтобы не оскорбить словом, словом, которым надо назвать сам проступок и правонарушителя. Зачем мы это делаем? Это неестественно, это не искренне! Это попахивает равнодушием. Антон Семенович говорил:

– Я хочу, чтобы вы были такими и жили так, как я вас учу, и были такими, как я сам. На каждый ваш проступок и ошибку я отвечу поражающей, ожигающей атакой. Пусть вам будет неудобно, пусть вы будете страдать от этой атаки, меня волнует не это. Меня волнует совсем другое. Я хочу, чтобы вы были порядочными людьми через 10, 20, 30, 40 лет. Чтобы люди, которые живут с вами, скажут вам спасибо за то, что выявляетесь их соседом, и не проклянут меня, вашего воспитателя.

И поэтому, когда случались проступки, Антон Семёнович умел поражать и словом. Это был и гнев, и протест, и сострадание. Есть ли на свете нормальный педагог, нормальный

родитель, душа бы которого не корчилась в муках родительских за каждого своего ребенка? Да ведь нет! Ни одна в мире специальность, ни один в мире рабочий человек, кроме педагога, не имеет такого страстного, человеческого права на гнев в качестве средства воспитания в атаках на проступки ребячьи.

Говорят, что у Антона Семеновича была «система взрывов». Это не так. Надо всегда делать взрыв, атаковать, не оглядываясь, чего можно, а чего нельзя. Надо смотреть вперед, каким же будет человек, который выйдет из моей мастерской, какого же человека я делаю. Будет ли в нем, в его действиях, его поступках расти и жить моя педагогическая слава.

Многие думают, что Макаренко – это прошедший день, это прожитое. Но это – будущий день. Если родители хотят, чтобы их родительская старость была спокойной, воспитывайте решительно, воспитывайте требовательно, сообщайте лучшие человеческие признаки своим детям, чтобы ваши дети были счастливы. Если вы сами не занимаетесь воспитанием, сами не являетесь примером, вы готовите себе слезы родительского горя. Значит, воспитанием ваших детей занимается кто-то другой, очевидно, такой, который делает страшное зло.

Не думайте, что воспитанием должны заниматься только учителя, школы. Очевидно, есть еще ошибки и у педагогов, они не полностью отдают себя воспитанию, если еще есть «брак человеческий».

Антон Семёнович говорил:

– Никакого права мы не имеем делать брак человеческий.

Это страшно звучит. Что такое «брак человеческий»? Это насильник, алкоголик, бездельник, бюрократ, грабитель, вор. Это, наконец, изменник. Это самое страшное.

Любую бракованную деталь можно переделать, отнести за счет того, кто допустил этот брак. А за чей счет отнести брак человека? Давайте, товарищи педагоги, возьмем на себя этот брак. А мы всегда ли отдаем себя этому делу? Не превращаемся ли мы в служащих: прийти к 9 и уйти в 18 часов.

Мы должны находиться в состоянии педагогического накала все 24 часа и даже в состоянии сна. И, если бы мы всегда так поступали, хоть чуточку так, как Макаренко, то не было бы в детском доме 140 человек трудновоспитуемых, а таких детских домов еще много. Не было бы тех, кто сидит на скамье подсудимых и пополняет кадры тюрьмы. Наша атакующая сила должна ликвидировать преступность. Это должны делать педагоги и все советские люди.

Воспитание детского коллектива

Совершенно неправильно мнение, что А.С. Макаренко был специалистом по исправлению беспризорников и малолетних преступников. Вот что он сам говорил по этому поводу:

> «…Моя работа с беспризорниками отнюдь не была специальной работой с беспризорными детьми. Во-первых, в качестве рабочей гипотезы я с первых дней своей работы с беспризорными установил, что никаких особых методов по отношению к беспризорным употреблять не нужно; во-вторых, мне удалось в очень короткое время довести беспризорных до состояния нормы и дальнейшую работу с ними вести как с нормальными детьми».
>
> А.С. Макаренко.
> Соч., т. 5, с. 106.
> Изд-во АПН РСФСР, 1951.

Макаренко умел делать из того социального слоя, который считался человеческими отбросами, великолепный сорт людей. Не получается ли у нас иногда обратный, во всяком случае, далеко не такой блестящий эффект? И в одном ли таланте тут дело? Попытаемся разобраться.

Педагог есть педагог, работает он в школе-интернате, просто в школе или в детском доме. Схожи «проклятые» воспитательные вопросы, потому что едина цель и применяемые средства однородны.

Еще не так далеко то время, когда наша школа была чистой «школой учебы». Чинное разделение на мальчиков и девочек, беспредельное царство зубрежки и погоня за отметками, непререкаемость учительского «Олимпа», иссушающий душу формализм – эти черты, к сожалению, были типичными. И хотя в деле воспитания труднее всего проконтролировать качество продукции, налицо были некоторые несимпатичные производные. Человеческая личность просто-напросто теряет свои ценности, если ей свойственна неумелость и одновременное презрение к физическому труду, далеко заходящая инфантильность, тревожный разрыв между словом и делом. Нельзя не видеть связь «милых» качеств подобного рода с «гимназической» системой воспитания. Да и сам запас знаний, бывший фактически единственной заботой учителей, обладал существенным изъяном.

До сих пор жалуются преподаватели вузов, восприемники

педагогов школы, на пассивность и несамостоятельность мышления, бескрылую всеядность и неосновательность знаний, неумение связать теорию с практикой юношей и девушек, окончивших школу и поступающих в вузы.

За последние годы облик школы существенно изменился: теснее стала ее связь с жизнью. Но мы только в начале пути – поиски продолжаются. Недаром столь характерно внимание общественности к школе, в газетах часто появляются статьи на педагогические темы. Не случаен интерес к морально-этическим проблемам: передать детям какую-то сумму знаний сравнительно просто, хотя и это не всегда, как следует, удается. Но главная цель – подготовить к жизни настоящих людей. И хотя процент брака не учитывается никакими ОТК, кроме совести педагога, ей подчас должно быть очень тревожно. Именно в детские и юношеские, стало быть, в школьные годы закладывается фундамент человеческой личности, но не всегда получается она такой, какой бы нам хотелось.

Часто осечка видна сразу. Почти в каждой школе есть хулиганы, двоечники, которые, как известно, «тянут назад» всех. А иной воспитательский просчет не сразу бросается в глаза. Он дает о себе знать гораздо позднее. И, если все выпускники хорошие, откуда же потом берутся обыватели, циники, карьеристы, негодяи, мошенники всех сортов и преступники?

Ответственность за воспитание молодого поколения разделяют с педагогами и семьи, и общественность. Диапазон влияния на структуру души растущего ребенка очень велик и, в конечном счете, определяется строем общественной жизни. Но есть такое понятие, как квалифицированная педагогическая забота о воспитании, и упование на то, что в нашей жизни больше хорошего, чем плохого, и жизнь сама поправит огрехи, может оказаться пагубным.

Наши учебники по педагогике толкуют вопросы воспитания довольно-таки невразумительно, за что их не раз справедливо критиковали на страницах печати. Весьма туманной назвал бы я концепцию отождествления обучения и воспитания. «Обучение неотделимо от воспитания, а воспитание от обучения, – уверяют нас, – обучая, учитель в то же время воспитывает, а воспитывая, обучает… Советский учитель является не только преподавателем, передатчиком знаний, но и воспитателем детей, подростков, юношества».

Прямо-таки железобетонная установка: не на бумаге, а на камне, кажется, высечены эти фразы. Конечно, в формировании личности что-то дает и сам процесс обучения, познания окружающего мира, развитие мышления и прочее. Но далеко не

все, что нам требуется. Об этом и у Макаренко в его статье «Воля, мужество, целеустремленность»: «Воспитание? А зачем? Учитель – он же преподает, вот в это самое время он и воспитывает. История! Вы знаете, сколько может воспитать одна история, вы себе представить не можете!

История, конечно, воспитывает. Воспитывает и литература, и математика. Но никакого права ограничивать воспитательный процесс классной работой, конечно, никто не имел, как не имеет права инженер-строитель утверждать, что при постройке дома достаточно заняться только вопросами центрального отопления и конструкции крыши» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 389).

Постойте, – нам скажут, – но никто и не ограничивается классной работой. Есть и внеклассная. О мужестве, о силе воли проводятся беседы, лекции, диспуты. Но если школьники скучают, плохо усваивают материал, невнимательно слушают наши сентенции на тему: «что такое хорошо и что такое плохо», следовательно, недостаточно разработана наша методика преподавания, следовательно, никуда не годно объяснение, надо лучше, живее, интереснее. Этот короткий бросок очень соблазнителен, в нем есть своя, пусть ограниченная, правда, но такая логика незаметно вводит нас в замкнутый круг.

Нет более диалектической науки, чем педагогика. Если нажимать бесконечно на один и тот же метод, то он может дать и противоположный результат. Нет более высокой действенной силы, чем сила искреннего и весомого слова, и нет более страшной отвращающей силы, чем сила водопада слов, демагогического штампа. Вот что говорил по этому поводу Антон Семенович: «Мужество! Попробуйте серьезно, искренно, горячо задаться целью воспитать мужественного человека. Ведь в таком случае уже нельзя будет ограничиться душеспасительными разговорами. Нельзя будет закрыть форточки, обложить ребенка ватой и рассказывать ему о подвиге Папанина. Нельзя будет потому, что результат для вашей чуткой совести в этом случае ясен: вы воспитываете циничного наблюдателя, для которого чужой подвиг – только объект для глазения, развлекательный момент.

Нельзя воспитывать мужественного человека, если не поставить его в такие условия, когда он бы мог проявить мужество, все равно в чем – в сдержанности, в прямом открытом слове, в некотором лишении, в терпеливости и смелости» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 390).

Очевидно, в области создания «таких условий» и лежит, главным образом, специфика воспитательной работы в отличие от учебной. Здесь мы приближаемся к извечному «как?»,

исследованием которого никогда не занимаются жонглеры терминами «воспитывающее обучение», «учебно-воспитательная работа», «воспитывая обучать», «обучая воспитывать». Надо же по-деловому провести водораздел между собственно воспитанием и образованием, раскрыть единство там, где оно есть, и разность, потому что «методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно независимую от логики образовательной. И то, и другое – методика воспитания и методика образования, – по моему мнению, составляют два отдела, более или менее самостоятельных отдела педагогической науки» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 109).

Так считал А.С. Макаренко, который, будучи прекрасным преподавателем, днем своего рождения как педагога считал основание колонии имени М. Горького, в которой им были заложены основы методики воспитания.

Конечно, и воспитание, и образование теснейшим образом связаны между собой, и совершенствовать методику преподавания нужно, надеемся, что никто не додумается обвинить автора статьи в защите мракобесия и невежества. Но права особой науки о воспитании суверенны. Пусть не общепризнано, что должна существовать сравнительно независимая от обучения рабочая методика, техника воспитания, скорее воспринимаемая втихомолку так: тут больше «от лукавого» или, напротив, от «дара божьего». Так или иначе, искали, ищут, и впредь будут искать воспитательные средства и педагоги, и общественность, особенно в связи с учреждением школ-интернатов.

Во-первых, потому, что в учебном заведении должен быть порядок и культура дисциплины.

Во-вторых, потому, что существующая сетка (учеба, трудовые навыки, мероприятия) не удовлетворяет.

Ускользает неуловимое и значительное – душа. Не случайно ударились в другую крайность – стали рекламировать «испытанное средство» – индивидуальный подход. Откроешь наудачу «Учительскую газету», бросается в глаза заметка «Индивидуальный подход». Она типична. «…Всякий раз, приступая к работе, спрашиваю себя: хорошо ли я знаю каждого своего питомца, его способности, склонности, интересы, его домашнюю жизнь, родителей?»

Задачей досконального изучения особенностей и применения различных мерок к детям в зависимости от индивидуальных особенностей каждого исчерпывается для учителя содержание воспитательной работы – таков смысл этой и многих других статей и корреспонденции на тему индивидуального подхода.

Образная формулировка – «найти ключ к сердцу каждого ребенка». Это идеал, к которому надо стремиться. Практически-то «воспитательному воздействию» подвергаются дети, «вываливающиеся» из общей массы, главным образом, в худшую сторону. С ними много говорят «по душам», вызывают родителей. А на остальных просто не хватает ни времени, ни пороху.

Очень показательна напечатанная как-то в «Известиях» статья. Она выдержана в общем русле, но доведена до логического предела. Статья называется «Миллион проблем».

Не может быть написана универсальная книжка о воспитании детей, потому что надо было бы написать «миллион методик», по числу детей, – так рассуждают многие педагоги. В соответствии с этой аксиомой воспитатели описываемой в статье школы-интерната бредут вслепую, действуют на ощупь и становятся в тупик перед простейшими, старыми, как мир, педагогическими случаями. Они всегда один на один с ребенком, должны его убеждать быть паинькой. (Метод принуждения практически отпал.) Драчуны, хулиганишки вырастают в «истинное воплощение зла».

Заключение статьи весьма оптимистическое: «Миллион проблем стоит перед человеком, взявшимся за титанический труд воспитания детей. И если труд этот ему по сердцу, то он непременно решит их – весь миллион. А понадобится – и больше».

Подумает-подумает иной педагог и скажет: «Я ведь не гений и даже не талант. Куда уж мне на миллион замахиваться». И сбежит из школы. Или махнет на все рукой: «пусть идет, как идет».

Требование чуткого внимания к человеческой, детской душе вполне справедливо и разумно. Но нельзя же единственным видом такого внимания считать индивидуальный подход, нельзя возвращаться вспять, к уже пройденным этапам, к «парной педагогике», к классической формуле «ученик – любимый учитель». Может быть, не столько изучать детскую душу, сколько конструировать ее надо? Ну, а что же делать? – возразят: человек не машина. Да, человек не машина, его организация гораздо выше. Надо иметь какой-то точный инструмент в руках, и такие детали человеческого характера, как воля, честность, организованность, можно и нужно вырабатывать поточным методом. Ведь этими качествами должны обладать все без исключения.

«Я сам стал учителем с семнадцати лет, – писал А.С. Макаренко, – и сам долго думал, что лучше всего организовать ученика, воспитать его, воспитать второго, третьего, десятого, и

когда все будут воспитаны, то будет хороший коллектив. А потом я пришел к выводу, что нужно иногда не говорить с отдельным учеником, а сказать всем, построить такие формы, чтобы каждый был вынужден находиться в общем движении» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 230).

Создать такие условия, такие формы – это и есть организация их бытия в школе с тем, чтобы оно определяло сознание, чтобы дурное влияние и «плохая компания» не были быв состоянии сбить его с пути. Если мы будем спрашивать с ученика лишь правильный ответ на все вопросы, он и в дальнейшем будет хорошо рассуждать, но ему и в голову не придет соотнести свои слова с действиями. Надо, чтобы он привык поступать правильно, постоянно тренировать его в этой привычке. И сделать это можно только в коллективе, через коллектив. Вот тот самый инструмент конструирования личности. «…Волю, мужество, целеустремленность нельзя воспитать без специальных упражнений в коллективе. Не метод парного влияния от случая к случаю, не метод благополучного непротивления, не метод умеренности и машины, а организация коллектива, организация требования к человеку, организация реальных, живых, целевых устремлений человека вместе с коллективом – вот что должно составить содержание нашей воспитательной работы…» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 391).

Формула «коллективного воспитания» небезызвестна. И все-таки надо «засиять ее заставить заново». Потому что у нас массовое воспитание миллионов детей, и только воспитание через настоящий коллектив дает гарантию его высокого качества.

Мы не имеем права рассчитывать лишь на талант и призвание педагога. У нас ведь многотысячная армия педагогов, а таланты всегда редкость. Да и само по себе «парное влияние» – фактор узкий и ограниченный.

Наконец, человек – не самодовлеющая, замкнутая в себе личность, ее ценность, определяется гражданским, общественным стержнем и попросту даже глубоким человеческим интересом к другим людям.

Как бы ни была разносторонне подкована личность (спортсмен, любитель искусства), если психология ее узко индивидуальна, моральное опустошение идет с опасной быстротой. Доброта, честность, благородство – не просто абстрактные нравственные категории, украшающие человека, а социальные качества, отсутствие которых больно бьет по интересам других людей, поэтому этические категории играют особую роль. Разве не страдаем мы порой от бюрократизма, формализма, грубого администрирования и неумелости

руководства, от безответственности в общественной и личной жизни?

Мало только желания быть коллективистом, надобно еще и умение. А это умение приобретается человеком с детства путем упражнения в коллективе. Наука руководить и подчиняться товарищу очень мудра во взрослом обществе, и быть борцом-коллективистом можно научить человека с детства, начиная с простейших правил и все усложняя их. Ребенок учится сначала арифметике, потом алгебре и геометрии, и это дает ему возможность познать премудрости высшей математики. В нашей педагогике злоупотребляют словом «коллектив», оно истерто, как медный пятак. А слово это гордое и требует осторожного обращения.

Инспектируя одну из школ-интернатов, комиссия уже при подходе к дому была поражена контрастом между импозантным видом светлого большого здания и открывшейся картиной бесхозности и запустения. Неопрятные подростки гоняли мяч среди хрупких сеянцев молодого сада, в доме зияли черные дыры выбитых стекол, стены были заляпаны и исписаны. Первое впечатление не обмануло. Основательное обследование никаких следов организационных форм детского коллектива не обнаружило: среди учителей – разброд, ребята в воспитательном отношении были предоставлены самим себе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Между тем директор разглагольствовал о «коллективе» школы, хотя назвать коллективом столь аморфное собрание ребят никак было нельзя.

А вот в соседнюю школу-интернат приятно было войти. Спальни и классы аккуратно прибраны, в коридорах нет бестолковой беготни и глупого вороньего шума. Во всем чувствовался хорошо налаженный порядок, эстетика сильного коллектива. Эстетика умелой организации привлекает и в Бирюсинском детском доме Иркутской области. Здесь было достигнуто самое важное – деловое самоуправление со всеми признаками активности и общественной ответственности. Ребята сознают себя хозяевами, озабоченно и разумно устраивая свою жизнь, конечно, под руководством единого педагогического коллектива. Солиден размах культурной и трудовой деятельности: детский дом имеет свою мясомолочную ферму, выращивает на 250 га хлеб, имеет свой клуб. Коллектив не знает угрожающего застоя, он все время в творческом и трудовом движении.

Классический пример коллективов высокой степени совершенства – колония имени М. Горького и коммуна имени Ф. Дзержинского, как бы отсвечивавшие духовным величием своих

шефов. Там становились материальной силой такие понятия, как тон, стиль, эстетика активной дисциплины.

Как создать настоящий, хороший, живой коллектив?

Прежде всего, необходимо отрешиться от мысли, что может помочь случайный набор патентованных средств. Такой-то уединенный метод хорош, такой-то плох во всех моментах жизни – это не диалектический, это метафизический подход к делу. Пожалуй, наиболее подходящим и точным по смыслу был бы совет настроиться на создание коллектива.

Коллектив создается и растет в движении к цели. Если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации. Перед каждым коллективом должна быть поставлена общая цель, не перед отдельным классом, а обязательно перед целой школой. Какова же эта цель? Ответ у «теоретиков» готов: высокая успеваемость и дисциплина. Ну-ка, попробуйте воодушевить такой чрезвычайно живой и интересной задачей группу ребят? Трудно, а часто и невозможно. Как правило, добиться разрешения этой, действительно очень важной проблемы, можно в коллективе, уже сложившемся на какой-то другой заботе.

Есть и другие предложения – сплачивать ребят с помощью разного рода мероприятий: утренников, походов, экскурсий, диспутов и т. д. Подготовка к ним служит хорошей, перспективной линией стремления к завтрашней радости, без которой человеку скучно живется. Но ведь рабочие будни – фундамент жизни. Не прерывистый позыв к развлечениям и словопрениям, а постоянная трудовая забота являются нормальным основанием коллектива.

А.С. Макаренко ставил целью коллектива организацию своего развивающегося хозяйства – сельского или промышленного. «…Я сейчас могу отбросить другие положения и считать, пожалуй, их негативными положениями трудового воспитания. Это такие положения, когда нет производства, когда нет коллективного труда, а когда есть отдельные усилия, то есть трудовой процесс, имеющий целью якобы трудовое воспитание» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с, 189).

Не «труд-работа», а «труд-забота» обладал, по мнению Макаренко, воспитательным влиянием. «…Процесс обучения в школе и производство продукции крепко определяют личность потому, что они уничтожают ту грань, которая лежит между физическим и умственным трудом».

Бытует убеждение, что полезнее всего для ребенка самому сделать какую-нибудь вещь (плохой стул, к примеру) и представить ее на выставку. Тут приобретаются «навыки» и воспитывается «любовь к труду». Производство же продукции

неблагородно, квалифицируется как слишком узкий практицизм и скука. Помилуйте, заставлять ребенка делать все время одну ножку к стулу, да он умрет от однообразия и тоски! Но мальчик, сотворяющий плохой стул, прекрасно понимает, что он только портит материал, что на его стуле никто сидеть не будет, что на фабриках производят стулья не кустарным способом, и в общем, этот труд (понарошку) – игрушечный, и стараться особенно не будет.

В производстве же, пусть самом нехитром, есть общая серьезная задача – контроль за качеством (сели и плохо сделал ножку, стул выйдет колченогим). Следовательно, возникает придающее самому неинтересному труду благородный характер, чувство коллективной ответственности, что важнее всяких стульев.

В развитом производстве, каким было производство ФЭДов в коммуне имени Дзержинского, ребята получали несколько производственных специальностей высокой квалификации, руководили участками и цехами, могли найти себе занятие по вкусу в любом месте завода и в конструкторском бюро. Впоследствии токарь и лекальщик кончали юридический или медицинский вузы.

Система Макаренко не искусственное, умозрительное построение, а организация детской жизни в формах самой жизни, тренировка к взрослой организации. Богатая инструментовка упражнений в хозяйствовании, постоянный общий интерес, рождающий крепкую спайку, видимый рост благосостояния и такой же ощутимый расцвет личности, успевающей овладеть несколькими специальностями, плюс образование, культура, эстетика – все это давало искомый нравственный опыт, определяющий поведение человека в будущем.

А вот пример из нынешней педагогической практики. В одной из московских школ не удавалось скрепить разладившуюся дисциплину, кривая успеваемости была хронически низкой. По договоренности с заводом-шефом в учебном заведении был создан малый завод-спутник, поставляющий детали для большого производства. Появились все атрибуты производственного процесса: строгий план, борьба за качество, производственные бригады и комитет управления. В скором времени облик школы стал меняться как по волшебству. Возник четкий трудовой ритм постоянного наполнения, дружный тон, гордость своим коллективом. Ребята, одухотворенные большой целью, работали не за страх, а за совесть, держались с достоинством и уверенно.

На общем собрании денежные накопления от выпуска продукции было решено использовать для школьных нужд,

летних походов, материальной помощи младшим и плохо обеспеченным ученикам, вплоть до организации рабочего места на дому. С ленивцами, двоечниками и шалунами разговаривали просто: предупреждаем, снимем с работы. Это действовало сильнее всех угроз. Процент успеваемости подскочил вверх, дисциплина стала прочной. Учителя наслаждались: от них требовалась не нервная энергия, а целиком духовная отдача. Это пример удачного педагогического эксперимента.

Очень важный момент. Выбор завода электроинструментов в коммуне имени Дзержинского был подсказан интересами развития собственной индустрии в молодой Советской республике. Так же и школа, описанная выше, включилась вместе с заводом-шефом в борьбу всей страны за технический прогресс.

Цепь взаимозависимостей в борьбе ребят за новое в самих себе, в своем коллективе и во вне его нерасторжима, считает А.С. Макаренко. Вершина этой борьбы в его работе – взятие Куряжа. 120 вчерашних беспризорников и правонарушителей штурмовали духовную и бытовую одичалость в четыре раза превосходящей их по количеству массы беспризорников сегодняшних.

Какое упражнение в воле, мужестве, целеустремленности может быть более действительным? Какая связь интересов коллектива с интересами общества в целом более кровной и человечной?

Антон Семенович придавал большое значение устройству межколлективных связей. У колонии и коммуны всегда были шефы, масса друзей и гостей. Ребята ходили на экскурсии в другие предприятия, посещение их входило в план каждого марша по стране. И все-таки первичной заботой Макаренко было создание целостного коллектива. Сизифовым трудом было бы распыление усилий в необъятном житейском море дел. Ведь практически трудовая жизнь человека проходит, прежде всего, в контактном объединении с другими людьми, в производственном коллективе.

Интересы правильно организованного коллектива гармонично сливаются с интересами правильно организованного общества. Процесс выкристаллизовывания нестройной массы в коллектив начинается почти всегда со взрыва. Он превращает накопления старых дурных привычек в груду обломков и очищает место для наращивания новых, разумных привычек. Взрыв одновременно есть требование к ребятам и выражение уважения к их силам и возможностям. «Не может быть, конечно, ни создан коллектив, ни создана дисциплина коллектива, если не будет требований к личности. Я являюсь сторонником требования последовательного, крайнего, определенного, без поправок и без

смягчений», – так писал А.С. Макаренко.

Педагогический взрыв может быть разным по качеству. Как-то у Антона Семеновича спросили: «С чего бы вы начали работу в школе?» Он ответил: «С хорошего общего собрания, на котором от души сказал бы детям: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, в-третьих, сказал бы им, что у них будет через два года». Это был бы, конечно, «тихий», но глубокий по содержанию взрыв.

Начальная стадия деятельности воспитателя среди педагогически запущенных ребят требует взрывчатого заряда большой эмоциональной силы. Нужны творческий подход, риск, ухватка и, если хотите, игра. Трафареты, повторения нетерпимы, но сделать вывод из опыта можно.

Бывают разные виды начальных этапов организации коллектива, история деятельности А.С. Макаренко показывает это.

1920 год. По мере постепенного поступления первых воспитанников, в самоотверженной борьбе за каждую человеческую личность, большой и грамотной педагогической заботой, взрывами справедливого педагогического гнева, человеческой радостью побед, протестующим страданием происходит процесс становления, рождения и воспитания коллектива будущих горьковцев. Создается нового типа детское, собственно подростковое, учреждение: новые социально-политические идеи – его основа.

Здесь происходит прямое действие воспитателя – «диктатора», покорение воли и сознания отдельных лиц и целенаправленное сплочение их вокруг неожиданно новых передовых политических и экономических идей, а также предметно-ощутимых интересов первожителей колонии. Это один из видов объединения в коллектив, постепенный и уверенный. Тут можно сплотить ядро единомышленников, которое способно распространять свое организующее влияние на вновь поступающих, лучше одиночек. Ядро находилось в постоянной педагогической атаке требовательного наставника.

1926 год. Четыреста подростков в Куряже пребывают в состоянии морального распада. И вот в колонии появляются сто двадцать подростков, как будто из другого мира, людей, эстетически дисциплинированных. Они знают, во имя чего пришли, они исполняют общественный подвиг. Горьковцы являли собой лучший пример активного коллектива, к которому в порядке требования и организованного размещения по отрядам и устремились отдельные личности куряжан. В этом случае переход к состоянию организованного коллектива произошел под

воздействием внешних сил – уже скомпонованного другого коллектива.

1927 год. Из состава коллектива колонии имени М. Горького на общем собрании были выделены пятьдесят лучших горьковцев в коммуну имени Ф. Дзержинского. Самым простым путем «отпочкования» образовалась коммуна, а пополнение шло постепенно, в одиночку и группами.

В практике автора этих строк чаще всего встречалась прямая атака воспитателя на группу педагогически запущенных подростков. В 1931 году в школе-колонии для трудновоспитуемых подростков в Ленинградской области переворот в отношении ребят к новому директору произошел после усмирения быка, специально выпущенного на него для «проверки». Еще раньше, в Одесской колонии, удалось утихомирить разбушевавшихся ребят широким к ним доверием: была снята всякая охрана, и воспитатель остался один на один с толпой.

В 1956 году было тяжелое положение в Клемёновском детском доме Московской области. Обилие хулиганствующих подростков, грубость ребят приводили воспитателей в полную растерянность. После завершения акта приема детдома был создан педагогический совет, где обсуждался план реорганизации. На общем собрании директор сказал твердо и прямо: жить такой оскорбительной для вашего человеческого достоинства жизнью дальше нельзя, и так жить мы не будем. Я буду решительно беспощаден в борьбе за новую счастливую жизнь и верю, что рядом со мною станут смелые ребята, способные с улыбкой на лице пережить некоторые лишения и трудности в предстоящей борьбе.

Уже с этого собрания мы разойдемся организованными по отрядам, а все командиры отрядов в своем составе и будут являть собою исполнительный орган – совет командиров. Пусть наш совет поведет борьбу за то, чтобы мы построили центральное отопление в корпусе, сделали пристройку для новых спален, провели водопровод, добились бы выделения детскому дому земельного участка для подсобного хозяйства, чтобы для наших будущих походов по стране приобрели автобус, чтобы заняли первые места в областных спартакиадах воспитанников детских домов по легкой атлетике и по шахматам, построили стадион и заложили сад. Задачи большие, трудные и, конечно, придется попотеть – попотеть можно, а пищать нельзя. Пошла повседневная работа по двум взаимосвязанным каналам-признакам: «коллективное самовоспитание» по организационным формам и передача духовных, этических импульсов воспитанникам.

Через три года все поставленные задачи были выполнены.

Круг обязанностей полномочных органов коллектива должен быть конкретно очерчен. Нет ничего более вредного, чем существование недействующих органов: детского совета, который никем не руководит, а умеет лишь скучно и торжественно заседать или устраивать такие же скучные мероприятия; санкомиссии или хозкомиссии, члены которых и не вспоминают о своих обязанностях. Атрофирующийся орган лучше ликвидировать совсем, чем дискредитировать бездеятельностью само понятие коллективного руководства.

С командира отряда спрашивается за состояние спальни и классной комнаты, он распределяет ребят на работу, следит за выполнением ими своих обязанностей. Без наблюдения командира не может производиться даже смена белья в отряде. Командир отряда – организатор жизни группы своих товарищей и уполномочен представлять их интересы в органах коллектива, он же выражает требования этих органов отряду. Он не может забыть или нерадиво выполнять свои обязанности, потому что это сразу ударило бы по интересам ребят, сбило бы наладку общей жизни и вызвало протест коллектива. Иногда отряд ставит вопрос о замене командира по одной причине: неинициативный.

Совет командиров управляет жизнью детского учреждения. В него, кроме командиров, входят председатели комиссий (санитарной, хозяйственной, пищевой, культурной, спортивной), главный редактор стенной газеты, заведующий учебной частью, старший пионервожатый, председатель совета дружины и директор. Руководит работой совета командиров выбранный председатель, а секретарь ведет документацию.

Совет командиров тренируется в управлении. Поначалу руководить ребята не умеют. Педагоги, старшие товарищи умелой постановкой вопроса, советом, предложением стараются вызвать в ребятах активность, направить на верное решение. На одном, например, выясняется конкретный деловой вопрос: оставлять ли на зиму поросят в подсобном хозяйстве или нет. Директор считает, что не нужно. Посовещавшись, постановили парочку молодняка все же оставить. По-хозяйски решили. В другой раз обсуждался маршрут летнего похода. Педагоги предлагали послать три группы, победившие в соревновании, в Крым, Ленинград и Горький. Скрестили мнения и обнаружили, что в этом случае коллектив не справится с летними работами в подсобном хозяйстве. Решено было отложить поездку в Ленинград и Горький на зиму. Был случай, когда ребята загорелись энтузиазмом вырыть лопатами траншею трехметровой глубины для труб водопровода. Педагоги удержали ребят, вызвали экскаватор.

Деятельность органов управления должна быть направлена на то, чтобы принимать на себя все более ответственный груз организаторских обязанностей с тем, чтобы ребята могли обходиться без ежеминутной воспитательной опеки.

Ни с чем несравнима роль общего собрания в коллективе. Его тоже надо воспитывать, чтобы мнение собрания всех членов коллектива стало верховным судьей в трудных жизненных задачах. Это тренировка всех в руководстве, в овладении силой коллектива. Выносятся на обсуждение вопросы все более усложняющиеся, но обязательно конкретные, затрагивающие либо коллективную пользу, либо защиту интересов коллектива. Исключение из коллектива, тяжелые проступки, сомнительные случаи, к примеру, взять ли в Клемёновский детдом воспитанником Николая И., совершившего уголовное преступление, и если взять, то какой отряд возьмет его на поруки, не должны проходить мимо внимания ребят.

В коммуне имени Ф. Дзержинского общие собрания проводились ежедневно. Взрослые и сильные люди бледнели, когда им приходилось выходить «на середину» и «отдуваться» за свои проступки, давать объяснения «как и что». Решения собрания, так же как и решения совета командиров ни воспитателями, ни директором отмене не подлежали. Спорные вопросы выносились на обсуждение общего собрания. Гарантией правильности заключений коллективных органов было влияние сильного ядра единомышленников заведующего коммуной, его актива. «Сила общественного мнения в детском коллективе – совершенно материальна, реально осязаемый фактор воспитания» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5), с. 378).

Когда в коллективе нет единства, когда воспитатели только руководят, а ученики только подчиняются, еще хуже того, поворачиваются спиной к педагогам, в тайне творя какие-нибудь некрасивые дела, первым делом надо добиться общего доверия и ликвидации опасного разрыва. А.С. Макаренко подчеркивал: «Коллектив учителей и коллектив детей – это не два коллектива, а один коллектив, и, кроме того, коллектив педагогический» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 230).

В колонии имени М. Горького (в коммуне имени Дзержинского воспитателей не было) воспитатели жили, работали вместе с воспитанниками, никогда не принимая тона прямого администрирования, а влияли на ребят авторитетом культуры, ума, ответственности за порученное дело. Было даже звание «колонист» для лучших воспитанников и воспитателей. Это создавало единый дружный тон, не было пропасти между ребятами и взрослыми.

Четкий ритм постоянного наполнения определяет эффективность органов самоуправления, а не работает в форме приливов и отливов. В частности, ежедневно в Клемёновском детском доме дежурит так называемая коллегия в составе воспитателя, командира отряда, членов санитарной и пищевой комиссий. Дежурная коллегия «ведет день» и отвечает за точность всего распорядка дня, наблюдает за чистотой, организует работу дневного наряда по самообслуживанию, присутствует при получении продуктов со склада на следующий день, контролирует расход продуктов на кухне. Подъем, зарядка, туалет, уборка помещений, питание, подготовка уроков уже не требуют присутствия всех или значительной части воспитателей. Дежурный воспитатель – это оперативный директор детского дома.

Полезны для ребят такие общественные привычки, как утренний санитарный обход и общие или командирские рапорта.

Само собой разумеется, что нормальная деятельность органов самоуправления и вообще вся жизнь воспитательного учреждения не могут протекать без процесса дисциплинирования. Задача заключается в том, чтобы «каждый ученик был убежден, что дисциплина является формой для наилучшего достижения цели коллектива» и поступал соответствующим образом. Значит, ему должен быть разъяснен смысл дисциплины. Но необходимо и неукоснительное, последовательное требование, и принуждение. Вот пример стройной сознательной дисциплины: идут коммунары великолепным строем, все любуются. Дана команда:

– Стой! Разойдись! Через два часа всем быть на том месте, где будет находиться знаменная группа!

В назначенное время колонна в сборе, но, если бы не было такой дисциплины, всем пришлось бы томиться два часа на месте, а воспитателям «пасти» ребят.

В первом периоде становления коллектива воспитатели, как правило, работают по десять-двенадцать часов и неделями не пользуются выходными днями. Когда коллектив организационно определяется, воспитатели работают меньше, но еще с перенапряжением; когда коллектив уже определился лучшими нравственными признаками, а дисциплина имеет уже и явные эстетические признаки – воспитатель излучает душевную без всякого мускульного напряжения энергию. И не временем уже измеряется его пребывание в коллективе, а качеством и рабочим наслаждением.

Все, о чем говорилось выше, вся эта терминология: «командиры», «рапорта», «обход», «дежурная коллегия», «отряд» и т. д. есть не что иное, как педагогическая инструментовка в

руках воспитателя и директора детского учреждения как главного и самого ответственного тренера и организатора коллектива. Как бы ни были сложны или просты организационные формы, как бы ни были просты или сложны взаимоотношения членов коллектива и его органов, суть вопроса в постоянных и напряженных упражнениях в руководстве коллективом, в сообщении ему новых форм, интересов и перспектив, ощущений и переживаний.

Думается, что об этических принципах построения коллектива надо поговорить особо, хотя они, конечно, тесно связаны с организационно-хозяйственными. И те, и другие являются мотивом воспитательных учреждений. Если есть желание придать коллективу какие-то качества, то самому нужно обладать ими. Сила примера велика. «Пригнать» ребят на работу, распорядиться и стоять в позе надзирателя или, в лучшем случае, уйти в кабинет – это одно, а самому поработать наравне с ними – совсем другое дело.

Чувствовать себя действительными членами детского коллектива, искренне переживать его радости и боли, стараться быть образцом в честном отправлении служебных и внеслужебных обязанностей, сколотить из воспитателей крепкий коллектив единомышленников с общими требованиями к ребятам – вот предпосылки успешной работы организаторов коллектива. Но не стоит пугаться собственных слабостей и перечислять по пальцам недостатки (какой из меня воспитатель?!). Нельзя впадать и в другую крайность, исчерпывающуюся понятием «море по колено». Трезвая самооценка, трудолюбие, принципиальность, оптимизм и всепроникающая уверенность в необходимости создания коллектива служат порукой победы. Мастерство придет. Можно оставить открытыми вопросы о призвании и любви к детям. Первый потому, что, наверное, в педагогику идут люди, имеющие к ней склонность. Хотя сам Макаренко попал в учителя почти случайно и не считал себя талантливым педагогом. Он был большим человеком, захотел стать и стал мастером своего дела. Да и ориентироваться только на талант в массовом воспитании мы не можем. Расплывчатому понятию «любви к детям» лучше предпочесть уважение и доверие к маленькому человеку. Настоящая забота – требовательная.

И ясно, что в деле создания коллектива недопустимы фальшь и демагогия. Или есть действительное стремление коллектива, или его нет. Разглагольствование или моральная проповедь, не подкрепленная трудом по созданию коллектива, приводят к очень печальным последствиям. Иногда ребенок, принявший их за чистую монету, становится одиночкой, отчаянно идущим против

течения, или жалобщиком, ябедником. Ребенок, воспринявший моральные принципы умом, но поступающий соответственно негласным законам круговой поруки, интеллектуально развращен.

Еще вопрос не менее острый. О самостоятельности коллектива.

– Я связан по рукам и ногам путами опеки, – жалуется директор школы-интерната, – шлют сотнями инструкции и методические указания. Чуть ли не каждый день комиссии и отчеты. Если мне до такой степени не доверяют, пусть не назначают.

Это еще бытующее недоверие и какая-то педагогическая «водобоязнь», выдаваемая за любовь и заботу о детях, вызывает у воспитателя скованность и неуверенность в своих силах. Мы хотим, чтобы наши ребята были закаленными, смелыми – прекрасно! Но попробуйте сделать в детском доме или в школе «опасные» качели или послать старших ребят в Финском заливе вылавливать бревна – заноют. Не ребята, конечно, а классные дамы:

– Опасно, ради бога, никакого риска!..

А если рядом пожар? В порядке человеческой взаимопомощи в беде люди бегут, в борьбе со стихией рискуют жизнью. А как поступить воспитателю, сдерживать ребят (старших) – пусть пассивно глазеют на чужую беду? Ясно, что и воспитатель, и ребята должны быть там, где нуждаются в их помощи. Ведь нет иного способа закалки, кроме закалки. Результатом бесконечно уступчивых, нерискованных действий может быть только равнодушие, полная житейская неприспособленность, обретение полнейшего краха при первом же резком ударе.

Надо разработать теоретически вопрос о педагогическом риске, но не замалчивать его. Есть какой-то риск и в доверии (а вдруг обманет?), и в требовании (а вдруг личность «запищит» и побежит вешаться?). Но если действовать по принципу, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, то может получиться такая психически разболтанная и никчемная личность, что, в самом деле, на нее в критические моменты жизни положиться будет нельзя. Действительно, и обманет, и побежит вешаться.

Мера справедливого требования и доверия не безгранична (все-таки речь идет о подготовке к будущей взрослой самостоятельности), но должна постоянно расти. На строительстве дома в Клемёново ребята производили закладку фундамента и кирпичную кладку под руководством специалиста, в дальнейшем работали совершенно самостоятельно. Отвечал за работу командир, и даже проверки не требовалось.

Никогда не надо детализировать задание, назойливо напоминать о каждой мелочи, лучше дать простор инициативе и воображению. Пусть они чувствуют себя не подручными педагогов, а хозяевами положения. Это замечательное ощущение, и, заботливо взращенное, оно способно творить чудеса.

В колонии имени М. Горького Антон Семенович, как он сам признается, был во многом диктатором, но все его «диктаторство» было направлено к тому, чтобы приучить ребят к самостоятельности. Потом коллектив так разогнался, что постанавливал, к примеру: «Антон Семенович, вы имеете совершенно справедливое право накладывать взыскание, но не имеете права прощать». Однажды, в совершенно исключительном случае, Антона Семеновича лишили слова на общем собрании. И педагог подчинился, что только подняло его авторитет еще выше в глазах коммунаров. Иногда он устраивал специальные упражнения в самостоятельности решения совета командиров: все хотели пойти в поход в Крым, Антон Семенович стоял за Ленинград, хотя сам был тоже за Крым. Ребята были довольны, когда их вариант был принят на общем собрании.

Проблема самостоятельности неразделима с проблемой ответственности. Вот после отбоя приходит к директору детского дома командир восьмого отряда и просит разрешения для отряда начистить к завтрашнему дню картошки.

– Почему не выполнили задание раньше? – спрашиваю. Командир мнется. – Не успели…

– Нет. После отбоя полагается спать.

Председатель совета командиров поддержал директора:

– Будем есть на завтрак огурцы, селедку, хлеб, кофе.

На следующее утро после завтрака ребята благодарили отряд с нескрываемой иронией:

– Спасибо, восьмой, за вкусную картошку.

Те готовы были от стыда провалиться сквозь землю. С тех пор все командиры еще накануне узнавали о наряде. Так начинается чувство ответственности перед коллективом. При каждодневной требовательной заботе первоначальные формы вырастают до больших понятий гражданской совести, до ощущения исторической ответственности за себя и за общество перед самим собой и перед будущим.

Человек, привыкший отвечать за порученное дело, за содеянное им, не растеряет на дороге обыденности моральные ценности, даже если результат его действий отделен временем от самого поступка. Совесть у него не скребется на дне души пугливым мышонком, а говорит в полный голос.

Командиры в коллективе обладают большой властью. Их

приказания должны выполняться беспрекословно. В коммуне имени Дзержинского была традиция: рапорт дежурного командира не проверяется. Если он и ошибся, не вступай в спор, проглоти обиду. Иначе будет сплошное препирательство и никакой точности в работе. У некоторых такое полновластие вызывает сомнение. Суть в том, что никто не переводил группу ребят на положение касты командиров, ибо это было бы гибельным…

Мы втягиваем всех в работу организаторскую, и касты командиров появиться не может. Если взять командира коммуны имени Дзержинского, то увидите, что командиры имеют максимальный командирский стаж три месяца, то есть один командир уступает свое место другому. Причем я могу доказать, что с командирством не связаны никакие привилегии, и каждого командира может заменить в любую минуту другой. Бывало даже так, что на советах командиров, где мог присутствовать каждый желающий, голосовали не командиры, а любой представитель отряда. Твердый актив был, но он всегда сохранял тенденцию втянуть в себя всю массу.

Особую гибкость системе управления придавали сводные отряды по самообслуживанию и хозяйственным работам. Жизнь такого отряда измерялась временем выполненной работы, но само существование сводотрядов значило буквально поголовное участие в коман-дирстве всех воспитанников. Общественная значимость тренировки в управлении неоценима. Мало того, что командир не пользуется никакими привилегиями (только дежурный командир освобождался от обычных своих обязанностей), функции рабочего и организатора у него неделимы, но и спрос с руководителей особый.

В Клемёновском детском доме, кроме первичных отрядов, есть еще и группы, объединяющие несколько разновозрастных отрядов мальчиков и девочек. Придуман этот институт для более широкого упражнения детей в организаторской и общественной деятельности. Командиры отрядов и групп всегда стараются лучше других выполнить свою работу, потому что выступают с требованиями к воспитанникам. Если есть срочная и трудная работа, даже ночью будят командиров, и они выполняют ее.

Или такая интересная психология. Судят на общем собрании в коммуне новенького за воровство. И вдруг Алеша по прозвищу Робеспьер (он за любой проступок предлагал выгнать из коммуны) говорит:

– Чего его наказывать? Он еще сырой, он еще два раза украдет и больше не будет.

Так и вышло. А если командир опоздал на две минуты на

совет командиров, ему дают два наряда (два часа работы). «Вопрос о наказании решается по-новому, потому что по-новому решается вопрос об ответственности. Тут ты сырой, у тебя нет социального опыта, а здесь ты командир, тебя 27 коммунаров ждали две минуты, ты сознательно нарушил интересы коллектива, которые коллектив поручил тебе охранять – ты будешь наказан», – объясняет А.С. Макаренко.

В постоянной смене руководства и подчинения, в требовательном уважении друг другу вырабатывается стиль мажорный, точный, дисциплина преодоления, борьбы, тон равенства и истинной гуманности. «Человека надо не лепить, а ковать» – таков был девиз коммунаров-дзержинцев.

Некоторые педагоги до сих пор «пожимают плечами»: не переборщил ли Макаренко, безусловно опираясь на коллектив? Ведь, в конечном счете, нам надо воспитать личность. Коллектив не цель, а всего лишь средство. Тут кроется хитрая диалектика. Для организатора воспитательного процесса коллектив и цель, особенно на первой стадии его развития, и средство – на втором этапе. Для самих же участников воспитательного процесса, то есть для ребят, он должен выступать как цель.

«Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Я исходил из тех соображений, что человек 12–15 лет живет, он живет, наслаждается жизнью, получает какую-то радость жизни, у него есть какие-то жизненные впечатления. Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеждать его в том, что тыне человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно» (А.С. Макаренко. Соч., т. 5, с. 166).

Макаренко считал, что лучший способ прикосновения к личности – через первичный коллектив. Инструментовка его достаточно разнообразна, некоторые приемы стоит показать.

Кто-то написал девочке в тетрадке обидные слова. Директор вызывает командира группы:

– Выясните, кто это сделал.

Командир выясняет. Грубияну велено написать извинительное письмо всем девочкам.

Один мальчик за найденную им авторучку товарища вымогал у него деньги. Немедленно собирается группа вместе с педагогом. Идет откровенный и взволнованный разговор о чести и честности. Вымогатель сначала держится вызывающе, потом лицо покрывается красными пятнами, он низко опускает голову.

Девочка не возвратилась вовремя в детдом из отпуска на летние каникулы. Совет командиров постановляет:

– Ввиду того, что Надя И. не уважает порядков коллектива, поручить второму отряду разъяснить ей значение дисциплины. Отряд на зимние каникулы оставить без отпуска.

Потом девочка ходила и умоляла, чтобы ее наказали как угодно, только пусть не расплачиваются товарищи. С того времени ребята возвращаются из отпуска точно в срок.

Очень хорошо использовалось в коммуне «авансирование» личности через отряд. Коллектив занял первое место в соревновании за неделю. Он награждается походом в театр. В отряде есть один лентяй, он тоже идет, но чувствует себя неловко: понимает, что не заслужил. Затем старается подтянуться. Воздействие «личности» живого и сложного социального организма, высокоразвитого коллектива на человеческую личность разносторонне и эффективно, хотя, конечно, не исключается и прямое воздействие воспитателя.

Получается любопытная картина: над ребятами фактически нет довлеющей, «специально воспитывающей» силы, они обтесываются в общем движении, стираются индивидуалистические (не индивидуальные, а именно индивидуалистические) замашки. Найдена мера свободы и дисциплины – получается истинный коллективизм и расцвет всех возможностей личности.

Поистине личность, являющаяся лишь объектом воспитания, часто страдает пассивностью, вялостью, стертостью душевных нарезок. Личность, выступающая в роли субъекта воспитания, разворачивается свободней: она ярче, определеннее, самостоятельней. Даже знания усваиваются не в пример быстрее и легче, и подход к предмету изучения – активный, творческий. Особый нажим не требуется, а если и нужен, то на выручку и тут приходит сильно действующий коллективный нажим.

У Макаренко в коммуне, где точность и быстрота были законом жизни, самообслуживание занимало полчаса, ребята учились в полной десятилетке, работали по 4 часа в день на заводе ФЕДов, были первоклассными спортсменами, любителями искусства и отдыхали превосходно.

Благовоспитанность, принципиальность, честность, мужество, организаторское умение в работе вырабатываются в общем порядке. Зато педагогу остается время для индивидуальной ювелирной обработки личности, для более глубокого проникновения в ее сущность. Воспитатель может сделать открытие, сделанное в свое время Антоном Семеновичем, что «… наиболее опасным элементом в моей работе является не тот, который обращает на себя внимание, а тот, кто от меня прячется». Не пройдут мимо его внимания и такие распространенные типы

характеров, как «тихони», «иисусики», накопители, приспособленцы, шляпы, разини, кокеты, приживалы, мизантропы, мечтатели, зубрилы… Именно эти характеры вырастают в людей вредоносных, а вовсе не шалуны и дезорганизаторы.

Стоит, например, подумать о таких тонкостях, как определенные грани активности и торможения в индивидуальности (почему дети обязательно должны кричать и бегать по школе, надо научить их сдерживать себя, внушить привычку к действию целесообразному), шлифовка деталей тона и стиля в коллективе (атрибуты, традиции, игра), выработка ориентировки (связные ищут кого-то по поручению).

Хороши специальные упражнения на подавление в личности линии наименьшего сопротивления (смотрят любимую кинокартину, вдруг срочный вызов). Так закрепляются индивидуальные качества, и достигается идеальное: рождение безошибочной интуиции в личности, умения самостоятельно и точно ориентироваться, найти выход, быстрое решение. Тогда педагог уверен в результативности своей работы. При этих условиях твердо обозначается цель воспитательной работы не в том, чтобы привести в порядок двух-трех воров и хулиганов, а положительная цель в том, чтобы воспитать определенный тип граждан, выпустить трудовой, активный жизненный характер.

Интересы коллектива и личности обычно гармоничны. Но если личность все-таки выпадает из общего движения, может ли она попасть при развернутом требовании коллектива в тяжелое катастрофическое положение и гуманность обернуться антигуманностью?

Тем более при отсутствии коллективного движения искусственным было бы выделение и суровые требования к одинокой индивидуальности. Этот вопрос требует чрезвычайно осторожного подхода. Самые суровые наказания в колонии и в коммуне накладывались за отвратительные проступки: бойкот Ужикова из-за кражи им стипендии у рабфаковцев; изгнание из коммуны Иванова за цинизм в коллективе (украл радиоприемник и еще высказывал предположение, кто бы это мог сделать) – тот единственный случай, когда Антона Семеновича, выступавшего в защиту Иванова, лишили слова. Коллектив был совершенно прав, отстаивая свою чистоту и твердость. Для виновных наказание послужило хорошей встряской, перевернувшей всю их натуру, осталось комом на всю жизнь.

Однако наказание не было физически беспощадным. В коммуне считалось неприличным, если после наложенного взыскания человеку напоминали о его проступке. Никакого учета

прошлых грехов не велось. Больше того, сама форма наказания менялась, становилась символической. Арест коммунара означал, что он сам выбирал время и сидел в кабинете Антона Семеновича, разговаривал с ним, читал книги. Но сила общественного мнения была такова, что человек сильно переживал наказание.

1962 г.

Использование наследия А.С. Макаренко в организации и воспитании коллектива

«Коллектив – это есть целеустремлённый комплекс личностей, организованный и обладающий органами коллектива».

А.С. Макаренко

«Там, где организованный коллектив, где есть органы коллектива, там отношение товарища к товарищу является вопросом ответственной взаимозависимости. В советском обществе существует цепь зависимостей, это зависимость членов общества, находящихся не в простой толпе, а в организованном коллективе, стремящемся к определённой цели». Это определение коллектива звучит высоким общественным мотивом. Антон Семёнович Макаренко прежде всего говорит о личностях – человеческих личностях, которые мыслят и сознательно намечают цели своего общественно-полезного стремления. В коллективе предусматриваются органы, которые создаются для организационного удобства, и они отличают коллектив от толпы и случайного объединения людей.

«Человеческую волю, мужество, целеустремленность нельзя воспитать без специальных упражнений в коллективе, через коллектив», – подчеркивал А.С. Макаренко. Воспитать человека, который «обязан быть счастливым», у которого, по образному выражению

Макаренко, должна быть единственная специальность – он должен быть большим человеком, настоящим человеком, – можно только через коллектив.

Как же это делается? Как создаётся коллектив? С какой стороны подойти к толпе ребят с намерением организовать их в коллектив? А делается это во всех случаях по-разному.

Как-то у Антона Семёновича спросили:

– С чего бы вы начали работу в школе?

Макаренко ответил:

– С хорошего общего собрания, на котором от души сказал бы детям: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и в-третьих, сказал бы им, что у них будет через два года.

Однако не во всех случаях можно организовать не только хорошее собрание, а вообще собрание.

Всех нас, практиков, занимает не то, как мы теоретически

поняли то или иное положение А.С. Макаренко о воспитании вообще, и, в частности, о воспитании коллектива, а занимает нас, прежде всего, практическая сторона организации и техника воспитания коллектива. К рассмотрению этой рабочей техники мы и перейдём. Я заранее предупреждаю читателя, что буду говорить только о рабочих делах, и рабочими эпизодами буду отвечать на вопрос: как же практически организовывать и воспитывать коллектив? И ещё одно замечание: мне кажется, что создание коллектива должно осуществляться по двум признакам: первый – физическое собирание по каким-то принятым организационным формам, и второй – сам процесс воспитания.

Переход от толпы к коллективу

Антон Семёнович Макаренко создал образцовые детские коллективы – колонию имени М. Горького и коммуну имени Ф. Дзержинского, которые как бы отсвечивались человеческим величием своих духовных шефов. Освещенный в произведениях А.С. Макаренко опыт работы этих детских учреждений является ценнейшим живым наследством и рабочим примером для педагогических работников как для теоретиков, так и для практиков, а особенно для нас – работников детских домов и школ-интернатов.

Начальная стадия деятельности воспитателя по организации коллектива не терпит трафаретов, повторений, тут нужен оперативно-творческий подход, риск, хватка и, если хотите, игра.

1920 год. Медленно, по мере постепенного поступления первых воспитанников, в самоотверженной борьбе за каждую человеческую личность, большой и грамотной педагогической заботой, взрывами справедливого педагогического гнева, человеческой радостью побед, протестующим страданием происходит процесс становления, рождения и воспитания коллектива будущих горьковцев. Первые воспитанники колонии поступали в одиночку или группами, но не более 2–4 человек, а не сразу необузданной толпой. Создаётся нового типа детское, собственно, подростковое учреждение, новые социально-политические идеи – его основа.

Антон Семёнович поражает своих воспитанников, верящих и признающих только одного бога – физическую силу, своим высоким интеллектом, необыкновенной нравственной и гражданской чистотой, своей рабочей готовностью, своей справедливой требовательностью и верой в них. Здесь, как мне кажется, происходит прямое действие воспитателя, покорение воли и сознания отдельных лиц, их сплочение вокруг неожиданно

новых политических идей государства и предметно-ощутимых интересов первожителей колонии. Это один из видов объединения в коллектив (постепенный и самый уверенный) хотя бы и самых педагогически запущенных подростков. Тут можно сплотить ядро единомышленников, которое способно распространять своё организующее влияние на вновь поступающих – лучше одиночек. Это ядро находилось под постоянной атакой разумного наставника, облагораживалось его благородством.

1926 год. 400 подростков в Куряже пребывают в состоянии морального распада, педагогическая катастрофа. И вот появляются 120 других, как будто из другого мира, подростков, разумно организованных, почти интеллигентных. Они знают, куда и во имя чего идут и ведут борьбу, уже украшены не одним венком побед и, прежде всего, победой над собой. Они вдохновляемы целью государственной важности, исполняют общественный подвиг, и ведёт их в бой любимый учитель и друг. Он вместе с ними переживает все невзгоды и предвидит сладость победы, а вместе с ним и они – его главная сила.

Горьковцы являли собою лучший пример активного коллектива, к которому, в порядке требования и организованного размещения по звеньям, и устремились отдельные куряжане. Они даже как толпа не сохранились. В этом случае процесс перехода от толпы к состоянию организованного коллектива произошёл под влиянием внешних сил. Он прошёл быстро, хотя и не без конфликтов. Могло быть и обратное движение. На месте могли бы оставаться горьковцы, а куряжская ватага устремилась бы к ним. Это движение могло быть постепенным, небольшими группами, и эффект был бы положительным, а в случае навала всей массы в 400 человек он мог бы оказаться и отрицательным. Куряжане могли бы растворить в своих пороках горьковцев. Во всяком случае, становление коллектива затянулось бы. Рождение объединённого коллектива горьковцев-куряжан не похож на рождение самого горьковского коллектива в 1920 году.

1928 год. Из состава детской трудовой колонии имени М. Горького на общем собрании, по рекомендации совета командиров и комсомольской организации, были отобраны пятьдесят лучших горьковцев, которым выпала высокая честь явить собою начало становления коллектива детской трудовой коммуны имени Дзержинского. Этот признак не похож на два первых.

Наиболее сложной средой для начала организации и воспитания коллектива является база развалившегося детского учреждения. Хозяйство расстроено, работники деморализованы. В

такой обстановке краткий вопрос – как? звучит зловеще. А начинать надо.

Расставшись в 1931 году с коммуной и своим учителем Антоном Семёновичем, я переехал на работу в Ленинград, в систему Ленгороно. Мне предложили школу-колонию для трудных детей. Это была типичная малина-ночлежка, скопление воришек, которые день проводили в городе, занимаясь воровским промыслом, а к ночи сползались в колонию. В Ленгороно предупредили меня, что колонию решено расформировать ввиду её безнадёжного положения. Над всей этой драмой витала зловещая тень педологии. Мои попытки собрать ребят для знакомства и беседы были безуспешными. Засады в столовой не приносили пользы, так как ребята просто не являлись в столовую, не нуждаясь в нашей пище. Карауля у корпуса, я пытался помешать выходу в город, но они и мимо меня не проходили, и в корпусе их не оказывалось. Воспитатели сидели по своим квартирам-бастионам и не подавали признаков жизни.

И вот на третий день своего безуспешного блуждания по колонии, я натянул новую волейбольную сетку на столбы, надул мяч и стал играть в надежде, что кто-нибудь из ребят соблазнится и составит мне компанию. Это было около шести часов дня, когда, как правило, ребята начинали сползаться в колонию. Однако ко мне никто не подошёл. Вдруг где-то совсем близко задребезжал сигнал, как-то тревожно, взахлёб. Окна второго этажа спален распахнулись, и в них показались букеты мальчишеских голов. Кто был во дворе, стремглав бросился в дом. Со второго этажа хором закричали:

– Бык! Бык! Убегай!

И я увидел во дворе огромного быка. Он шёл горделиво. Останавливался, загребал передними ногами землю и забрасывал на свою могучую спину. Он шёл в мою сторону. Бежать! И вдруг я подумал, что, если я побегу от этого зверя, делать здесь мне больше нечего. Позор, слава труса взметнётся мне вслед стоголосым улюлюканьем трусливо торчащих в окнах мальчишек. А бык подошёл к сетке и стал играть рогами. Пока бык развлекался сеткой, намотав её на рога, я лихорадочно искал выход. Он развернулся ко мне задом, и я, схватив его за хвост, стал толкать ногами по его ногам и сдавленным голосом уговаривать вернуться в хозяйственный двор. Я решил, что только вместе с его хвостом оторвусь от быка. И мне удалось его загнать в стойло. Когда я вернулся во двор, ко мне подошли несколько ребят и, не скрывая своего любопытства и восторга, заговорили:

– Вы в самом деле не испугались нашего быка?

– А здорово вы его…

– А всё-таки испугались, да, испугались?

– Да, как вам сказать?.. Вообще – струхнул, а потом решил, что если таких телят бояться, так лучше и на свете не жить.

– Ого! Это телёнок называется? Ничего себе – телёнок! Так он же лошадь запорол! Когда он вырывается, так дядя Гриша специальный сигнал даёт, чтобы люди убегали, – затараторил курносый мальчишка.

– Так я же не знал, что его надо обязательно бояться. Если бы знал, то вместе с вами побежал бы на чердак.

Эффект был неожиданный, но нужный.

– Идёмте к нам в спальню, – баском предложил угрюмый мальчик, в котором без труда угадывался «авторитет».

– Я пошёл. Но что-то, похожее на общее собрание, состоялось только через несколько дней, а до этого собрания я интриговал ребят, входил в гущу, разламывал ледок, то шуткой-прибауткой, то трудовыми и игровыми вспышками разрушал авторитеты вожаков, распознавал их, высматривал будущих помощников, влюблял в себя толпу. Потом уже пошли настоящие собрания, заседания совета командиров, отделка каждого командира, тренировка самого состава совета командиров, а вместе с советом борьба за каждого члена коллектива и воспитание коллектива. Тут уместно посоветовать читателю обратиться к страницам первой книги трилогии Ф. Вигдоровой «Дорога в жизнь».

В 1939 году мне предложили детский дом № 3 Мосгороно. Двести девочек сидели, как в тюрьме, на втором этаже за выбитыми окнами. Пищу им наверх подавали воспитатели. Мальчики оскорбляли девочек и воспитателей, совершали многочисленные пороки, потребляли пищу, а потом забирались на крыши домов и в дремоте, за игрой в карты, переваривали пищу и пороки.

Вместе с инспектором гороно провёл совещание с педагогическим коллективом, на котором детально обсудили предложенную структуру построения коллектива воспитанников, и только после того как договорились с воспитателями и учителями о том, кто сколько и как тяжело будет работать, было решено собрать общее собрание воспитанников. Но прежде чем призвать ребят на собрание, нужно было снять их с крыш, а они-то и не пожелали разделить наших намерений. Задрав голову, я взывал к ребятам, но мои призывы застревали где-то ниже крыш, не доходя до ушей и сознания мальчиков. Они продолжали оставаться на крышах и слезали только затем, чтобы отправить очередной приём пищи.

И вот кто-то из молодых воспитателей предложил кормить их на крыше. Так и сделали. Утром ребята, неумытые, лохматые,

потянулись к столовой, а она оказалась закрытой. Стоящий у дверей воспитатель элегантно предупредил:

– Зачем вы, молодые люди, утруждаете себя лишними движениями в столовую? Завтрак будет подан в удобное для вас место – на крышу…

В это время группа воспитателей в белоснежных халатах с кастрюлями, хлебом, посудой, направилась к самому большому дому. Я пристраивал лестницу. В смешных и довольно трудных условиях началось кормление. На моё приглашение «откушать» на крышу полезли только самые глупые. Многие остались без завтрака. То есть те, которые не были лишены самолюбия. Во время обеда – та же история. А перед ужином ко мне явилась группа «старших» и спросила, что я от них хочу. Я ответил, что ничего не хочу для себя, а для них готов сам залезть на крышу, перетащить контору и всё возможное разместить на крыше и с высоты руководить детским домом. Мальчики заявили, что раз мне так хочется, то на крышу они больше лазить не будут, а тем более кушать там. Дипломатические переговоры приняли непринуждённый разговор, а кончилось тем, что уже в этот день, не до ужина, а после ужина состоялось собрание. Была принята новая конституция жизни в детском доме, новые формы института детского самоуправления, то есть началось осуществление принятой педагогическим советом программы действий.

В 1956 году мне был доверен Клемёновский детский дом в системе Мособлоно. Детский дом школьного типа, с большим количеством переростков, поражённый многочисленными пороками и непонятной грубостью к работникам детского дома. Воспитатели пребывали в состоянии растерянности и потерянного интереса к делу.

Сразу же по завершении акта приёма детского дома был созван педагогический совет, на котором я изложил план реорганизации детского совета, фактически не существовавшего. После того как воспитатели достаточно разобрались в предложенной системе совета командиров (СК), мы наметили будущих командиров отрядов и групп, распределили воспитанников по отрядам и воспитательным группам, а на следующий день назначили общее собрание воспитанников и работников детского дома. Воспитатели явились на собрание в своих лучших платьях.

От имени педагогического совета я кратко изложил суть отрядной системы. Тут же выстроились по группам и отрядам. Избрали председателя и секретаря совета командиров, а выборы командиров групп и отрядов были произведены на групповых

собраниях под руководством воспитателей.

В тот же день было проведено первое заседание совета командиров, и с тех пор по сей день совет командиров заседает по субботам, а если есть необходимость, то собирается немедленно. На нем было сообщено его назначение в коллективе, обязанности командиров и общественных комиссий при совете командиров, о примерном содержании заседаний и т. д. А затем потекли дни неустанной педагогической работы в коллективе и его органах. Советом командиров руковожу я сам.

Членами совета командиров являются: командиры воспитательных групп – 4 человека, командиры отрядов – 15 человек, председатели комиссий: санитарной, хозяйственной, пищевой, культурной, спортивной и редколлегии, завуч, старший пионервожатый, председатель дружины, представитель шефов и я. Руководит работой совета командиров председатель, а секретарь ведает документацией.

Командиры групп в совете представляют интересы своих коллективов и тем самым, территорию, занимаемую группой, командиры отрядов представляют интересы своих отрядов, территорию, занимаемую отрядами, и держат ответ перед советом за имущество, находящееся в пользовании отрядом.

Все общественные комиссии состоят из представителей от каждого отряда. Каждый командир, член комиссии и председатели комиссий подчинены конкретным обязанностям, забыть которые или нерадиво выполнить просто невозможно.

Ежедневно по детскому дому дежурит коллегия в составе воспитателя, командира отряда и из его отряда – санитар и член пищевой комиссии. Они производят подъём, организуют зарядку, уборку спален и мест общественного пользования, утренний туалет и весь распорядок дня. Коллегия присутствует при получении продуктов на следующий день и расписывается в накладных-меню, контролирует расход и хранение продуктов на кухне, организует работу всего дневного наряда по самообслуживанию, а на вечерних общих и командирских рапортах, после зачтения приказа, директор желает детям спокойной ночи. Они отвечают тем же. Выходя из зала, дежурная коллегия организует вечерний туалет и отход ко сну. В 22 часа все в постелях – сон.

Что такое командирские рапорта?

День проходит в детском доме спокойно, ничего особенного не случилось и не предвидится, никто не собирается ничего нужного или интересного сообщить детям. В такой день по

предложению дежурного командира или директора назначаются командирские рапорта. По сигналу – на рапорта – в кабинет директора являются только рапортующие, то есть, командиры групп, дежурный санитар и дежурный командир отряда и принимающие рапорта. В это же время все дети заканчивают свои дела и собираются отходить в спальни, производится вечерняя уборка помещений дневного пребывания – совершаются последние рабочие росчерки дня. Однако после рапортов – в результате их – кто-то может быть ещё вызван в кабинет. Но общее состояние принимает покой, какому-то игровому возбуждению уже места не остаётся.

Что такое утренний санитарный обход?

По сигналу «Подъём!» дети быстро поднимаются. Командиры отрядов организуют выход на зарядку, уборку спален, утренний туалет. Всё это происходит под началом командиров. Дежурная коллегия начинает обход помещения отрядов. При появлении коллегии в расположении отряда командир отряда представляется с таким рапортом:

– Прошу принять первый отряд. По списку в отряде девять человек, на лицо – девять. Ночь прошла благополучно, уборка произведена, отряд к санитарному обходу готов.

Воспитатель приветствует отряд, а санитар и командир – дежурные – уже осматривают и оценивают качество уборки спальни, заправки коек, личную опрятность воспитанников. В течение десяти-пятнадцати минут обходятся все отряды, а в то время когда коллегия находится где-то в пятом или в шестом отряде, первые отряды уже потянулись в корпус дневного пребывания.

Как бы отдельный ребёнок не был поражён леностью, неорганизованностью, трудно себе представить, чтобы он возлежал на постели в тот чуточку торжественный момент, когда происходит обход спален дежурной коллегией.

Воспитатель, через институт ответственного дежурства, определяется обязательной служебной фигурой не только для воспитанников своей группы, но и для всего коллектива.

Отряд

Это первичный коллектив, входящий в состав группы. Он состоит из 7—12 воспитанников, по возможности, одного возраста и класса. Во главе отряда стоит избранный командир отряда, который является членом совета командиров.

Группа

Это уже более сложный элемент коллектива детского дома. В группе уже есть органы коллектива: командир, его заместитель, санитар группы, несколько командиров отрядов, которые работают под руководством воспитателя. Незадолго до рапортов в группах собирается информация о прожитом дне, которую командиры групп докладывают на общих и командирских рапортах. В группе уже происходит сложный процесс взаимоотношений между членами коллектива группы и уполномоченными лицами разного общественного назначения.

Командир отряда

Это лицо, уполномоченное организовывать и управлять жизнью группы своих товарищей, представлять их интересы в различных учреждениях детского дома и выражать требования этих учреждений отряду. Командир не может забыть своих обязанностей или недобросовестно к ним относиться хотя бы потому, что их надо выполнять во имя интересов коллектива самых близких товарищей. Невыполнение этих обязанностей влечёт за собою ущемление интересов коллектива, который уполномочил командира защищать их. Нередки случаи, когда отряд ставит вопрос о замене командира по одной причине – неинициативный. Наконец, командир отряда – то живое звено, которое связывает директора и совет командиров с каждым воспитанником.

Командир группы

Это уполномоченное лицо уже более сложного коллектива с небольшим аппаратом, действия которого непосредственно координируются воспитателем – в форме разумного сотрудничества. Без командира группы не обойтись, такого в колонии имени М. Горького не было. Придумана она не для бюрократического осложнения, а для более широкого упражнения детей в организаторской и общественной деятельности. У нас командиры групп оправдывают своё организующее назначение.

Дежурная коллегия

Это оперативный орган дня, состоящий из представителя педагогического совета, представителя совета командиров и представителя общественного органа – санитарной комиссии.

Они, и только они, ведут день. Такие процессы, как подъём, зарядка, туалет, уборка, питание, отправка в школу, подготовка уроков, концовка дня – теперь не требуют присутствия всех или значительной части воспитателей.

Дежурный воспитатель

Это оперативный директор детского дома. Дежурный воспитатель заканчивает день записью в журнале, дежурный командир – рапортом, дежурный санитар – рапортом и выставлением оценок по санитарному состоянию в группах и отрядах.

Дежурный член пищевой комиссии

Это представитель дежурного отряда и постоянный член пищевой комиссии. В день дежурства по детскому дому командир отряда-«пищевик» как уполномоченный командира является контролёром и ответственным за честное распределение пищи, за правильность получения продуктов из склада и сохранность их. Он развешивает порции, контролирует и руководит работой дневного наряда по кухне и столовой.

Всё, о чём говорилось выше, вся эта терминология: «командиры», «рапорта», «совет командиров», «обход», «дежурная коллегия», «отряд» и так далее, есть не что иное, как педагогическая инструментовка в руках воспитателя и директора детского учреждения как главного и самого ответственного тренера и воспитателя коллектива.

Как бы ни были просты или сложны организационные формы, как бы ни были просты или сложны взаимоотношения членов коллектива и его органов, режет или не режет слух сама терминология форм органов, не в этом дело, – дело в постоянных и напряжённых упражнениях руководителей, в их капитанском блюдении за жизнью и движением коллектива, сообщении ему новых форм, интересов и перспектив, ощущений и переживаний – вместе с коллективом радоваться и печалиться, страдать и протестовать.

В первом периоде становления коллектива воспитатели, как правило, работают по 10–12 часов, а иногда и домой не уходят, и неделями не пользуются выходными днями. Когда коллектив организационно определился, воспитатели работают меньше, но ещё с перенапряжением. Когда коллектив уже определяется лучшими нравственными признаками, а дисциплина имеет уже и явные эстетические признаки, воспитатель излучает только

духовную отдачу без физической и духовной усталости. И не временем уже измеряется его пребывание в коллективе, а качеством и рабочим наслаждением. Труд честный, самоотверженный, творческий и не одного человека, а всего коллектива работников детского дома или школы-интерната создает детский коллектив, воспитывает его и сообщает ему длительную и радостную жизнь.

Руководитель детского учреждения и воспитатель должны чувствовать себя действительными членами детского коллектива, искренне переживать интересы его – это успех. Пример в честном отправлении служебных обязанностей, которые в детском учреждении не вмещаются ни в какие нормы рабочего дня, пример в личной и общественной деятельности является лучшим подтверждением требований к детям, призывами к лучшему, осуждением пороков.

Каких детей выдвигать в актив, командирами? Отличников учёбы, тихих, послушных, опрятных, бережливых? У каждого руководителя на этот счёт есть своя точка зрения, своя хватка. Я, например, придерживаюсь мнения, что к командирской работе надо привлекать не тихонь и пай-мальчиков, а, прежде всего, способных организаторов, пусть они не будут отличниками, а может, и успевающими учениками, пусть они даже в поведении срываются, но чтобы в деле организации коллектива они были деятельными организаторами, коллективистами, авторитетными товарищами, честными, смелыми, может, отличающимися достоинствами в спорте, в музыке

В этом деле чего-то обязательно общего, как мне кажется, не должно быть. В каждом учреждении есть свой опыт, свой стиль. Многое зависит и от личных достоинств руководителя. Общее должно быть только одно – система воспитания, цель воспитания – воспитать гражданина самого лучшего нравственного примера, самого высокого звучания, который обязан быть счастлив – коллективным счастьем.

Мне думается, невозможно воспитать коллектив так, чтобы можно было сказать – готов. Можно создать картину и любоваться ею. Но сделать каким-то предельно законченным коллектив и любоваться им – нельзя. Коллектив – это такой живой организм, который требует неусыпной и всё более совершенной педагогической работы и ухода за ним. Хорошо организованный коллектив, уже излучающий педагогическую пользу, конечно, требует и более разумного, организованного руководства. Значит, чем неусыпнее будет наша забота о коллективе, тем живее и полезнее он будет, тем ярче будет его горение, тем больше он даст полезного тепла, тем совершеннее будут его дела, и тем

совершеннее будут его отдельные члены – теперь и в будущем.

Будни детского дома

Детский дом расположен в замечательных природных условиях. С запада, севера и востока покой детдома оберегают стройные сосны, ели и нарядные березы с тонкими побегами ветвей, как с распущенными косами. У подошвы пригорка, на котором разместились постройки детского мира, нежится река Северка. К югу, прямо к солнцу, из леса с зелеными шапками крыш как будто приготовился к маршу строй красивых зданий детского дома. В семь часов особенно звонко рвутся в утреннюю синь зовущие звуки сигнала на подъем.

– Ночь прошла, вставать пора. Убирайся, ободряйся, будь готов к труду.

Четыреста упругих мальчиков и девочек, улыбаясь весеннему солнцу, расчерчивают двор геометрическими линиями трудового радостного движения.

Сигнал на утренний обход. Дежурные по детскому дому в составе воспитателя товарища Д.И. Бородкиной, юркого, приземистого, улыбающегося командира 8 отряда Ротта и дежурного члена санитарной комиссии обходят спальни.

Отряд выстроен. Командир отряда № 1 Аносов встречает дежурного командира:

– Товарищ дежурный командир, в первом отряде ночь прошла благополучно. Отряд готов к утреннему обходу.

Дежурный Ротт отдает салют. Ему отвечают двадцать крепких голосов.

Ни пылинки, ни морщинки – дежурство не может упрекнуть детей в недобросовестной уборке. Ротт подает команду:

– Первый отряд может быть свободным.

Отряд отвечает:

– Есть.

И так все 22 отряда.

Сытный завтрак окончен, и сигналист играет сигналы на работу:

– За лопату, за топор, во дворе гудит мотор, день учебы и труда – начался!

Первая смена в школе – дисциплина отличная. Работают упорно. Ведь каждый класс – это боевая единица, которая на доске межотрядного соревнования ведет упорные бои с противником: ленью, плохой учебой, грубостью и т. д. Остальная часть ребят работает в мастерских, готовит уроки, убирает территорию двора.

Черноволосый Горшков, исполняющий обязанности завхоза,

юлою мечется по детскому дому. Его разыскивают: тому нужна лопата, другому – лошадь, а он скрылся. По его адресу мечут упреки, «бюрократом» называют. А Горшков на конюшне конюха «пилит» за плохой уход за конем. Федоров Витя «ворочает» делами кирпичного завода. Шакальский и Сергеев Коля руководят посевной. Каждый занят своим делом, порученным ему коллективом во имя счастья коллектива.

А с 7 часов вечера работают кружки. Духовой (30 человек) готовит марши, кружок народных инструментов (30 человек) ведет свои занятия. Хоровой, драматический, джаз… Остальные пишут газеты, читают книги, рисуют, пляшут…

В совете командиров разбираются вопросы жизни детдома: сколько тысяч сделано кирпича, почему плохо работает транспорт.

Совет командиров постановляет: принять участие в распространении билетов 14 лотереи Осоавиахима. Коллектив работников подписал на 1000 рублей, ребята – на 400.

21 час 30 минут. Сигнал:

«Сдать рапорта!».

Весь детдом в сборе.

Командиры 22 отрядов докладывают о прожитом трудовом дне.

Всего нарушений по детдому – 12: получили плохие оценки по учебе. Решили всем сбором не иметь плохих оценок. Это – позор!

День закончен. Сигнал «Спать!».

После труда мир счастливого детства спит спокойно. Лес шумит. Северка тихо «говорит».

Из записок *С.А. Калабалина*

О мерах поощрения и наказания

Трудно допустить, чтобы в жизни детей не было поступков благородных и проступков, а то и преступлений. Понятно и то, что невозможно заранее планировать их ни в четвертных, ни в ежедневных воспитательных планах, как невозможно предусматривать поощрения и наказания. Невозможно предугадать характеры поступков, их организующую полезность или опасность, разрушительную для жизни коллектива или отдельного её члена.

Цель этой статьи – обратить внимание работников детских домов и школ-интернатов на то, чтобы меры поощрения и меры наказания звучали разнообразно, оперативно, чтобы они были максимально эффективными и для одних имели бы значение предупреждения, а для других – воспитательной кары. Чтобы поощрение вызывало заслуженное состояние радости и стало бы радостью всего коллектива.

Чтобы наказание, действительно, вызывало состояние переживания страдания, а не было бы фарсом, игрой в наказание. Чтобы в отдельных случаях наказание вызывало «страдание» всего коллектива. Такая форма активно сообщает взаимозависимость в коллективе по принципу: один за всех, все за одного. Это развивает настоящее чувство коллективизма.

Так же точно красивый подвиг и заслуженная награда одного могут и должны приносить радость всему коллективу, какое-то дополнительное удовольствие.

Следует признать, что в качестве протеста против проступка в адрес совершившего его может быть выражен просто гнев, повышенный тон. Своё отношение к поступку воспитанника надо выразить естественно и эффективно, чтобы оно было убедительным для нарушителя, чтобы он видел, чувствовал, что и вы страдаете, не остаётесь спокойным, равнодушным.

Воспитатель – это удивительное по своей сложности явление, особенно в столкновении с воспитанником в момент совершения последним нарушения. Он и судья, и следователь, и прокурор, и защитник, выразитель общественного мнения, и совесть воспитанника. Как же можно ему заранее определять позицию для ещё неизвестных поступков при ещё неизвестных обстоятельствах? В детском доме и в школе-интернате центральной задачей деятельности воспитателей и директора является организация детского коллектива и воспитание его в активной общественной форме и дисциплинированности.

Коллектив, его органы, отдельных членов актива следует

упражнять заботливо, терпеливо, настойчиво и постоянно. Руководство центральным органом детского коллектива должно осуществляться, как правило, директором. Руководство общественными комиссиями и коллегиями должно быть доверено воспитателям-учителям, которые способны грамотно, творчески и с охотой это делать.

Ни в коем случае не превращать детские советы в карательные, только в карательные органы. Менее всего следует загромождать содержание работы советов конфликтными вопросами, разбором нарушений. Чётко определить права и обязанности института детского самоуправления, его органов и отдельных его членов. Определить, таким образом, конституцию коллектива и воспитать уважение к ней. А паче всего самим работникам, воспитателям, следует *уважать* эту «конституцию». В лице института детского самоуправления педагогический совет должен обрести себе *помощника,* иметь *самый эффективный инструмент* воспитательного действия.

Ни в коем случае не допускать превращения членов детского совета в привилегированную касту. Актив должен нести все обязанности по самообслуживанию наравне с остальными членами коллектива, делать даже больше других, заботиться о других. Как можно чаще практиковать личные контакты директора с членами детского совета в форме требовательной доверительности, совета, подсказки.

Организационные формы должны быть простыми, приятными. Надо сообщить им оперативную деловитость с максимальной конкретностью обязанностей. К участию в работе членов детского совета, к руководству детскими коллективами привлекать не бездеятельных «отличников», а организаторов, общественно активных ребят, пользующихся всеобщим признанием, авторитетных, честных, наконец, патриотов детского дома.

Практиковать отчёты детского совета на педагогическом совете.

Продумать удобную и общепризнанную форму смены руководящих лиц в институте детского совета.

Теперь в детских домах многие дети находятся до юношеского возраста, до получения среднего образования и аттестата зрелости. Как исключение было это и раньше, но теперь это предусмотрено законом. Не учитывать возрастной особенности, наличия образованности воспитанников-юношей было бы непростительно.

Давая юношам и девушкам среднее образование, трудовые навыки, общие нравственные правила, следует не упустить из

своего внимания и такие их качества, как умение дружить, разумные взаимоотношения. Нужно научить их культуре взаимоотношений, управлению собою, своими чувствами, порывами, увлечениями.

Тут важно, чтобы в педагогическом коллективе были люди, способные чутко распознать наличие дружбы, могущей перейти в естественное чувство любви. Не подслушивать, не подглядывать и не судачить, а осторожно, бережно и красиво, по-матерински, доверительно направлять рождение нежных чувств (и использовать их в самых честных и разумных педагогических планах). К сожалению, можно привести множество примеров, когда педагог, «пронюхав» о наличии «влюблённости», поступил грубо, формально, казуистически, и это привело к душевной травме влюблённых и катастрофе, разрушению коллектива.

Организация взаимоотношений старших детей есть лучший показатель того, как поставлено дело воспитания в коллективе. Если всё происходит разумно, нормально, красиво, значит, воспитание было правильным, умным. Если взаимоотношения между подростками уродливы, пошлы, значит, воспитание было организовано преступно.

Юра сменил десяток детских домов. В его личном деле есть решение комиссии по делам несовершеннолетних о направлении в колонию.

Каких только грехов нет у Юрия: и ворует, особенно велосипеды, и уходит по ночам самовольно из детского дома, и курит, и ругается, и дерется, обижает малышей и отнимает у них сладости, умышленно портит мебель и учебники, водится с плохими парнями из города и т. д. и т. п. Из школы исключен за хулиганство.

Читаю протокол заседания педагогического совета Московского детского дома и от его значительной части прихожу в восторг. Вот дословная выписка из «Постановили»: «Ввиду того, что воспитанник Юрий У. систематически нарушает режим детского дома, его исключили из школы (!), что на Юру не действуют педагогические меры, что он не может находиться в коллективе нормальных детей, и что с ним не могут работать нормальные воспитатели, – просить Мособлоно о направлении Юрия У. в другой детский дом, к тов. Калабалину». Нарочно не придумаешь.

Однажды в зимний день ко мне в кабинет с извиняющимися ужимками явилась дама. Короткая, квадратно-толстая, лицо какое-то неустроенное, неуютное, как запущенная площадь в захолустном городке, губы мясистые и неопрятные – нижняя отвисшая, а верхняя с усиками все время шевелится, глазки

маленькие, как зерна сои в собственном масле. В руках у нее пухлый и очень потрепанный портфель. Дама обратилась ко мне:

Просто подлечили парня

– Извиняюсь, это вы будете товарищ Калабалин Семен Антонович?

– Да, это я Калабалин Семен Афанасьевич.

– Вот хорошо, Афанасий Семенович! А я завуч Московского детского дома.

Дама бросилась к двери, открыла ее и по-девичьи голосисто стала кого-то приглашать в кабинет.

– Заходите! Заходите все!

В кабинет, несколько смущаясь, ввалилась толпа подростков, человек десять, и двое взрослых, как оказалось, пионервожатая и здоровенный, вороной масти инструктор по труду.

Я почти беспомощно наблюдал за суетливым завучем, а она рассаживала свою свиту, представляла пионервожатую и инструктора по труду, и все восклицала:

– Ах, как нам повезло! Мы попали сюда! Это он – Василий Семенович!

Наконец, она взяла одного белобрысого паренька за руку со словами:

– Юра, подойди к Семену Антоновичу.

Юра, кажется, глухо буркнул:

– Чего мне подходить?

А завуч обратилась ко мне:

– Тут у меня путевочка, Антон Семенович…

– Я – Семен Афанасьевич.

– Извиняюсь! – и к сопровождавшим ее: – Вы должны знать (мы с вами изучали), товарищ Калабалин воспитывался у самого Макаренко! Вы понимаете, где мы находимся! Извиняюсь, Семен Афанасьевич, а вы часто встречаетесь с товарищем Макаренко?

Мне стало весело, и я ответил:

– Нет, после его смерти все никак не найду времени для встречи с ним.

Сопровождавшие завуча ребята опустили головы и утопили улыбки у себя на груди. А завуч продолжала:

– Юрочка, теперь ты будешь воспитываться здесь. Семен…

Я подсказал ей:

– Афанасьевич.

– Он хороший и тебе, Юрочка, будет здесь хорошо.

Тут она извлекла из ветошного портфеля толстенное личное дело на Юру и положила мне на стол, а сама, тяжко вздохнув, села в кресло. Юра довольно деловым тоном изрек:

– Вот же зараза, а говорила, что на экскурсийку едем.

Завуч так же по-деловому и мягко заметила:

– Юрик, не надо нервничать, успокойся, в этом детском доме тебе будет очень хорошо. Я бы сама здесь осталась…

– Ну и оставайся, а мне здесь делать нечего, – отрезал Юра и направился к выходу.

Во мне закипел протестующий гнев, и я взревел:

– Ко мне! Стать у стола! Руки по швам! Ровнее! Да подтяни ты свой желудок, зачем так расхлябил его? Мужчина! А вас прошу всех оставить немедленно кабинет! С ним желаю остаться один на один! До свидания!

Компания сорвалась с места и беспорядочно бросилась к выходу, но в двери застряла – завуча заклинило. Я заметил, что Юра улыбнулся, не сдержал улыбки и я. Наконец, дверь захлопнулась, и я начал разговор с Юрием.

– Только, пожалуйста, без всякой брехни. Со мною все начистоту: как жил, как собираешься жить, как была организована эта возмутительная экскурсия. Поговорим по-мужски, а потом сам будешь решать, оставаться тебе здесь или возвращаться обратно. Это дело твое. Но скажу, что лично я с голоду бы подох, но ни за какие коврижки не вернулся бы туда, в тот дом, пусть даже это был бы родительский дом, где меня не хотят, откуда меня выперли.

Юрий вытаращил глаза, в которых без труда можно было прочесть: «Это правда?» Я чувствовал, что в нем уже что-то есть ко мне такое естественное, человеческое. Может, это «что-то» было результатом сопротивления завучу или моего гнева.

– Хорошо, я все, все расскажу вам.

Но в этот момент постучали в дверь. Я отозвался сердитым:

– Войдите!

Дверь приоткрылась, и в щели показалась часть головы завуча и ее рука, в которых дрожали бумажки.

– Командировочки отметить…

Вместо меня навстречу ей двинулась по-тигриному рычащая кобра. Не знаю, как она устроилась с командировочными, но больше я ее не видел. Говорят, что детский дом расформировали, а завуч «трудоустроен» продавцом пива в розлив…

Вдруг в 1962 году Юрий стал страдать сонливостью, и что примечательно, только в школе на уроках. Голову на кулаки – и Юрий в безмятежном сне. Учителя пытались воздействовать на него «местными» мерами, но он продолжал спать, да так искусно, что учителя усмотрели в сонливости Юрия болезнь. Но нам, воспитателям детского дома, нетрудно было установить, что Юра играет на нервах учителей. Он дьявольски напористо учился, наверстал упущенное. Значит, не прятался за «сонливостью» из-за

неудач в учебе. Тогда что же это? Вспышка прошлой издевки над учителями? Ну что ж – издевка так издевка.

Однажды, в субботу, я вызвал к себе Юрия и попросил по моей записке получить в бельевой постельное белье и принести ко мне. И когда Юра с готовностью исполнил поручение, я попросил его прийти ко мне в воскресенье после завтрака для участия в одной несложной операции, как я ему сказал. Юра ответил, что, конечно, придет.

Утром следующего дня к приходу Юрия в кабинете уже находился врач и председатель совета командиров Валерий. Я начал:

– Извините, пожалуйста, Николай Вячеславович, что побеспокоил и испортил вам отдых. Прости и ты, Валерий, что оторвал тебя от интересных занятий, но дело, по поводу которого я вас пригласил, не терпит отлагательства. Известно ли вам, Николай Вячеславович, что этот воспитанник – здоровяк и красавец страдает болезнью, имя которой сонная недостаточность. Валерий и учителя школы знают это и в меру своих сил пытались оказать помощь больному. Вас, Николай Вячеславович, ставили об этом в известность?

– Нет.

– Нахожу нужным указать медицинской сестре и воспитателям, если они знали о болезни и отнеслись халатно. У меня, товарищи, созрел план атаки на хворь Юрия, так как нельзя рисковать здоровьем парня. Суть курса лечения заключается в следующем: по воскресеньям мы организуем для Юрия дополнительный сон. Часов восемь-десять дополнительного сна в неделю могут восстановить нарушенное равновесие в организме Юрия. Конечно, условия сна должным образом будут организованы, обеспечен покой и прочее, в том числе и прием пищи. Юрий будет спать у меня в кабинете. Я понаблюдаю за ним, Николай Вячеславович.

Врач согласно кивнул головою. Юра сидел вначале довольно равнодушно, но когда услыхал, что лечение будет проходить в кабинете, как-то сразу сник, отяжелел, зарделся краской и тихо-тихо выдавил из себя:

– Семен Афанасьевич, я больше никогда на уроках не буду спать.

– Так ты и на уроках спишь? Я этого не знал.

– Это уже тревожные симптомы, – отозвался врач, – я согласен с вами, Семен Афанасьевич, и если нужно, то я и сам посижу несколько выходных у постели больного. Для меня это интересный, с чисто медицинской точки зрения, случай. А вдруг тут есть признаки летаргического явления? А может, лучше сразу

в больницу положить? – предложил врач.

– Ну, зачем же сразу в больницу. Это может травмировать парня. Попытаемся в своих, домашних условиях, а потом видно будет.

Мне почудилось, что больница больше бы устроила Юрия, чем кабинет. Я поблагодарил врача и Валерия за участие в «операции» и предложил им быть свободными. Валерия просил обеспечить возможную тишину в коридорах. Сделал постель на диване и предложил Юре ложиться. Юра взмолился:

– Вот клянусь, никогда не буду придуриваться, что вроде сплю в школе.

– Придуриваться? Ну, это ты брось. Как это можно прикинуться спящим – чепуха, ложись!

Юра медлит. Придав голосу звук стали, я повторил:

– Л-о-ж-и-с-ь! Положу!

Юра лег. Я прикрыл его одеялом и вышел из кабинета.

Вернувшись через час, я застал Юру спящим. Я работал за столом, а он спал рядом на диване. Оказалось, однако, дня было достаточно для полного выздоровления.

Как-то, дней через десять, завуч школы спросила у меня:

– Что вы сделали с Юрой? Не спит и отличается рабочей активностью на уроках.

– Просто подлечили парня. Поправили! – ответил я.

1968 г.

Самая важная специальности

К моему сожалению, я не учился в педагогическом вузе, а закончил инженерно-мелиоративный институт. Но я считаю, что при желании воспитателем может быть каждый человек, который овладеет педагогическими знаниями и умениями. Педагогику я очень люблю. Любовь эту я унаследовал от Антона Семёновича Макаренко. Некоторые считают, что Макаренко неприязненно относился к педагогике, но это неверно: он неприязненно относился не к педагогике, а к отдельным «толкователям» её, которые такую преподают «педагогику» и так подают её, что сразу же пропадает вкус, пропадает любовь к науке. Я как-то слушал одного оратора, который говорил о красоте украинского языка, о красоте русского языка, но говорил он так, как будто набрал полный рот немытой шерсти и жевал её. Вот так иногда подают педагогику.

Я очень хорошо знаю Антона Семёновича не только как воспитателя, но и как учителя.

Мы, первые воспитанники, вступили в колонию малограмотными и чудовищно невежественными подростками от 12 до 20 лет. Несмотря на это, Антон Семёнович ухитрился за два года подготовить нас к поступлению на рабфак. Это, несомненно, нужно отнести за счёт удивительного мастерства его и двух воспитательниц – Лидии Николаевны и Елизаветы Фёдоровны.

Кроме четырёх-пяти часов работы в школе, такого же количества времени в мастерской или в поле, Антон Семёнович с группой воспитанников, которых готовил к поступлению на рабфак, занимался ещё по четыре часа в день дополнительно. Всё это – не считая большой работы по самообслуживанию в колонии.

И вот так, усталые, но всегда сытые, мы сидели вечерами на кроватях и при свете каганцев готовились к поступлению на рабфак. Знаете ли вы, что такое каганец? В разбитом черепке горело вонючее масло – вот и каганец. Не очень хорошее освещение, но Антон Семёнович умел так излагать предмет, так увлекал нас, выходя далеко за рамки учебника, что учёба не была для нас обузой, это были чуть ли не спортивные, весьма увлекательные занятия. Все мы были взрослыми людьми, и Антон Семёнович иногда не стеснялся говорить в таком тоне:

– Красивый ты, Семён, и стройный, но дурак невероятный. И так он произносил эти слова, что я не обижался, и серьёзно спрашивал:

– А что нужно делать, чтобы не быть дураком?

– Нужно учиться.

– Так я же учусь.

– Нужно не просто «учиться», а учиться буквально каждую минуту и на каждом метре нашей необъятной земли. Нужно уметь читать. Вот прочитай мне такую-то книгу и расскажи то, что прочитал.

Я рассказывал, но оказывалось, что я, действительно, не умею читать.

Антон Семёнович не просто учил нас, а учил читать, видеть, понимать – учил учиться. Зажёг он в нас жажду к знаниям – спасибо ему за это великое!

Осилив поистине невероятную академическую нагрузку, мы подготовились к поступлению на рабфак. Мы понимали, что не одни испытываем тяжесть этой нагрузки, терпим лишения в смысле полного отсутствия свободного времени, но и Антон Семёнович был страшно перегружен, и благодаря счастливому стечению обстоятельств мы стали участниками его педагогического подвига, совершаемого изо дня в день без какой-либо рисовки или позы.

Макаренко в то время преподавал историю, русский язык, немецкий язык, рисование, черчение, математику и музыку. Он рисовал хорошо. Я помню прекрасный портрет девочки его работы, который в настоящее время находится в мемориальном музее.

А теперь расскажу такой случай.

В 1935 году по заданию Макаренко я организовал в Виннице колонию рецидивистов – каждый из ребят имел не менее трёх-четырёх судимостей. К 1937 году колония уже отличалась исключительной организованностью, «мажором» макаренковского звучания, тона. Было своё производство, а работали в колонии три воспитателя, не считая учителей школы. Был у нас великолепный духовой оркестр на 64 инструмента, играли классические вещи.

Вышел я как-то во двор и слышу: со стороны парка плывут звуки похоронного марша. Должен сказать, что наш оркестр так хорошо себя зарекомендовал, что его часто приглашали на похороны. Я пошёл в том направлении, откуда слышалась музыка. Оркестранты настолько увлеклись, что даже не заметили моего появления. Я подошёл и увидел, что под большой ивой группа ребят что-то делает, а в центре, на возвышении, стоял воспитанник Лира. Этот Лира, начисто лишённый ораторского дара, вдруг заговорил, да как!

– Дорогие ребята и вообще пацаны! Я как посмотрю на этот бездыханный труп, так вся душа дрожит и аж сердце кровью обливается. Но вообще давайте скорее закапывать, чтобыне

наскочил Семён.

Мне стало страшно: может быть, они ухлопали кого-то из ребят, закопают и скажут, что убежал. Я решил заявить о себе. Так тихо, грустно прошу:

– Товарищи, разрешите мне слово.

Подошёл к пню, который служил трибуной Лире, и увидел такую картинку. Стоит гроб, сделанный по всем правилам гробостроительной техники, даже отделанный рюшем из марли. В гробу лежала собака. Посмотрел я на ребят, а у них глаза, как у тоскующего быка. Что хотите, то и делайте с ними. И тут я понял, что вся эта история затеяна ими потому, что они давно не играли по-настоящему. Они познали многое: что такое разврат, лишения, поножовщина, тюрьма, но они прошли мимо неповторимого творческого периода, когда дети сами выбирают для себя игры. А тут вдруг прорвало – они решили оформить в такую игру гибель любимой собаки. При каких-то обстоятельствах эта собака, неизвестно откуда попавшая к нам, погибла. Её все в колонии любили. Ребята выкопали яму и хотели её туда уложить, но потом решили, что так неинтересно. Сделали прекрасный гроб, всё приготовили, как полагается…

И вот со мной произошло такое странное «педагогическое замыкание». Отстранив Лиру, я вскочил на пень и произнёс речь:

– Как же мы – 300 человек – не могли уберечь драгоценную для нас жизнь этого пёсика, нашего незабвенного Бобика! Давайте же все траурно гавкнем над его могилой.

Ни один не «гавкнул». И только один, удивительно у нас «способный» мальчик, около 20 лет, из которых большую половину он успешно провёл в первом классе, раскрыл было рот, но его остановили. Уже после похорон я решил несколько растормошить ребят:

– Любовь к животным очень хорошая черта, но даже помещики не хоронили так своих собак, не отпевали их траурными мелодиями Бетховена – это уже не хорошо. Ведь может так случиться, что я завтра умру. И вы будете этот похоронный марш играть на моей могиле?

Тогда этот «способный» мальчик из первого класса сказал:

– Нет, мы для вас другой марш сыграем.

Когда я рассказал этот эпизод Антону Семёновичу, он здорово хохотал и сказал, что всё прекрасно получилось.

Ребята ждали моего гнева, готовы были воспринять любой мой протест в форме какой-то кары, а я совершенно неожиданно для них включился в их игру. А чтобы включиться, надо и серьёзно относиться к игре, и иметь какое-то чувство юмора.

Макаренко считал, что если в природе можно насчитать

миллион неожиданных ситуаций, то мер воздействия, решения их должно быть два миллиона. И у него было два миллиона мер воздействия. За 19 лет жизни рядом с ним я не знаю случая, чтобы он повторился.

Самым эффективным средством передачи мастерства молодым было, как мне кажется, то, что Антон Семёнович каждое своё рабочее мгновение освещал ярким примером – призывом.

Иные призывают, поучают жить красиво, общественно красиво, но не убеждают в этом своим личным примером. Это не наука, а ханжество. Макаренко всё делил с нами.

…В феврале 1921 года все наши воспитанники (30 человек) заболели тифозным сгустком (сыпной, брюшной, возвратный тиф). Не заболели только Антон Семёнович, завхоз Калина Иванович, воспитательница Елизавета Фёдоровна, я и конь. Малыши и хлопцы лежали в холодных спальнях, голодные. Мы с Антоном Семёновичем и Калиной Ивановичем пилили дрова, топили печи, помогали Елизавете Фёдоровне готовить пищу. Елизавета Фёдоровна и врачевала. Вечерами Антон Семенович развлекал больных чтением, рассказами и мечтами.

Когда все здоровые расходились, Антон Семёнович подходил к каждому, кого ободрит словом, кому улыбнётся, на ком поправит одеяло, а к отдельным, застывшим в тифозном беспамятстве, ложился, чтобы своим телом отогреть, то же делал и я. С ним же возили наших тифозников в полтавские тифозные бараки, решительно требовали от врачей обязательного излечения. Антон Семёнович был уверен, что ни один колонист не умрёт. А все были уверены, что выздоровели только потому, что так очень хотел Антон Семёнович.

Это ли не передача опыта? Это ли не воспитание самим собою?

Таким он был, таким он оставался всю свою жизнь. Таким он остаётся и теперь – после своей физической смерти – в своих делах, думах и книгах.

Он обладал самой нужной «специальностью» – он был настоящим человеком. Он был «человечищем, и как раз из таких, в каких Русь нуждается», – так говорил А.М. Горький о Макаренко.

Свист [28]

Как-то в субботу в кабинет ко мне вошла молоденькая девушка. На ней ещё без первых помятин костюм, свеженький треугольник нежно-белой блузки, приятная белизна шеи, на которой как-то встревоженно вертелась красивая голова. В руке портфель. Наверно, выпускница педучилища, – догадываюсь я.

– Вы – Семён Афанасьевич?

– Я. Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо.

– Я слушаю вас.

– Вы меня не знаете, а я вас знаю. Вы выступали у нас во втором педучилище.

– Очень приятно. Значит, и я вас знаю, так, немножечко.

– Меня зовут Валя. Я к вам пришла… Я должна вам всё рассказать… Вы только не смейтесь. Вы нам говорили у нас, что к вам можно прийти посоветоваться.

– Вот и хорошо сделали, что пришли. Обещаю не смеяться, даже если смешное расскажете. Итак, слушаю.

– Ну вот. После окончания училища меня направили в 3-й класс в мужскую школу. И мне сказали, что этот класс трудный, там есть, знаете, переростки, и что там уже несколько учителей поменяли. Страшно мне сделалось. Но согласилась. А теперь, наверное, если узнают, так из школы выгонят.

– А что, если узнают?

– А что я свистнула в классе.

– Интересно. Рассказывайте.

– Пошла я, значит, на первый урок. Очень хорошо подготовилась к уроку. Ну, конечно, во всё лучшее оделась, как сейчас. Вошла в класс. Ребята встали. Я поздоровалась, ребята довольно дружно ответили. Сделали перекличку, и я начала урок. Сидели довольно нормально. А потом стало как-то очень тихо. Я как раз выписывала столбик упражнений на доске и стояла к классу спиной. И вдруг – резкий свист. Я обмерла, еле-еле повернулась. А они все сидят, так невинно глядят на меня. А меня, между прочим, предупреждали, что какой-то хулиган в классе свистит, и никак не узнают – кто.

Учителя предупреждали класс, что пока не узнаем, кто свистит, к вам никто из учителей не пойдёт. Вот и я подумала, а не заявить ли и мне им, что, мол, пока не скажете, кто свистел, урока продолжать не буду или уйду…

Я же их ещё не знаю. А, может быть, кто свистит, делает это с общего согласия класса. И знаете, Семен Афанасьевич, как-то

неожиданно для себя я вдруг сказала:

– Тут кто-то свистнул. Но разве это свист, писк какой-то. Я, ребята, прежде чем стать учительницей, жила в селе. Приходилось пасти корову. Вместе с ребятами гоняли скотину в лес. И коровы плутали, и мы плутали. А лес наполнялся прямо богатырским призывным свистом. Здорово у нас в селе ребята свистели. И меня научили. Если уж свистеть, так вот так надо…

И я заложила четыре пальца в рот и так свистнула, аж они все как-то вытянулись. А потом я продолжала урок. Сейчас переживаю, всё думаю, что мне теперь делать, Семён Афанасьевич?

– Мне кажется, что больше ничего делать не надо. Как ребята, свистят?

– Да нет. Вот неделя прошла, и, знаете, ни единого замечания.

– А сегодня, когда шла в школу, ко мне на улице подбежал мальчик из класса, схватил меня за руку и сквозь слёзы, не то сердито, не то с какой-то мольбой, стал быстро-быстро говорить:

– Вот, честное слово, никогда, никогда больше не буду свистеть. Это же я свистнул на уроке, простите меня.

– Да ты что? Вот и хорошо, что не будешь, то есть в классе не будешь. Успокойся. Я же свистнула, и вы все должны простить меня.

– Э-э, так это вы… – только и сказал.

И, знаете, Семён Афанасьевич, ребята как-то особенно внимательны ко мне стали, я бы сказала, нежны со мною.

– Спасибо вам, Валечка! Славный, умный, честный человек, учительница. Разрешите поцеловать вас, так, по-отцовски. Думаю, что свистеть вам больше не придётся.

Так каким же должен быть детский дом? [29]

Если рассуждать с точки зрения государственной полезности, оперативно-организационного и, конечно, воспитательного эффекта, а не с точки зрения личного для директора удобства, то детдом должен быть с контингентом детей в 200–300 человек. Безусловно, для этого нужны соответствующие бытовые и другие условия.

Я сохраняю в себе самые завидные воспоминания о разумном и полезном уюте в колонии имени М. Горького. Там было 120–400 воспитанников, а в коммуне имени Дзержинского и того более – 150–600 человек. Руководил и я большими детскими коллективами – детдомом № 3 Мосгороно – в 400, детдомом № 60 – в 250 человек. И было чисто, уютно, строго, красиво.

Я не совсем понимаю, какой уют называется семейным, а какой – несемейным или антисемейным. Если как непременное условие семейного уюта в детдоме должно быть 50–60 детей и к ним коврики, сувенирчики, кошечки, открыточки, бантики, шепот, халатики, пижамки и диванные подушечки, то так можно договориться до того, чтобы в детдоме было 5—10 человек. Но это уже семейные детские дома.

Можно ли руководителям детдома в 200–300 человек знать всех детей, общаться с ними? Можно. Все зависит от организации воспитательного процесса, от рабочей дозировки руководителя детдома, от его добросовестного или недобросовестного отношения к делу.

Спору нет, полезного рабочего напряжения будет расходоваться больше там, где больше детей. А может, и не так. Можно и маленький детдом довести до такого состояния, что самая большая энергия неумельца будет пустым усилием. Есть же в природе плохие семьи! А плохо там не потому, что много или мало детей, а потому, что плохие организаторы семьи.

В нашем детдоме 170 человек. По величине это – средний детдом. Я как руководитель детдома без особого напряжения общаюсь в течение дня почти со всеми детьми, с одним больше, с другим меньше. Знаю всех детей по имени, отчеству, знаю особенности каждого ребенка, произвожу не менее чем на 5—10 человек в день записи своих наблюдений над ними. Успеваю поработать и поиграть с детьми, посоветоваться с учителями, побывать в школе и просто посидеть в спальне детей.

Что затрудняет работу детдома, собственно, работу

директора, так это куцые права. Надумано бесчисленное количество всяких затруднений по ведению хозяйства, исполнению финансового режима и прочих, которые безуспешно директором переживаются.

Директору доверяется жизнь и воспитание сотен детей, а подбор педагогических работников – не доверяется. Можно с уверенностью заявить, что, доверив директору наем и увольнение воспитателей, благополучие детского дома много выиграет. Коллектив будет дружнее, работоспособнее. В случае наличия нерадивого работника, от него можно проще и скорее освободиться. Сами работники будут чувствовать больше ответственности непосредственно перед директором. А в нынешних условиях директор фактически без всякого прямого права по отношению к воспитателю.

Облоно и районо назначают и увольняют педагогических работников, и бывает так, и очень часто, что назначенный работник проявляет себя с самой дурной стороны, а попробуйте от него избавиться! И сколько он натворит бед, пока, наконец, уволится.

И далее, о так называемом финансовом режиме. Всякие хозяйственные, финансовые, производственные и прочие явления в детском доме должны служить делу воспитания детей. А вот попробуйте, допустим, наиболее полезно исполнить смету! Не исполните. Директор – не хозяин сметы, а свидетель и хранитель ее. Директора являются жертвами всяких лимитов, безналичных расчетов, запретных групп товаров, отсутствия наличного расчета и т. д. и т. п.

А пусть кто-нибудь осмелится сказать, что все это не имеет прямого влияния на организацию воспитательного процесса!

Теперь о вопросе трудового обучения детей в детских домах.

Товарищ Райхкин предлагает соблазнительное, но неосуществимое. Иметь мастерские при детдомах нужно, и пусть они будут учебно-бытовыми или производственными, и пусть при помощи их сообщается детям трудолюбие, рабочая хватка. Но без обязательного присуждения воспитаннику высоких квалификационных разрядов. При существующих нагрузках воспитанника в детдоме планомерное и квалифицированное трудовое обучение, на мой взгляд, невозможно.

Это наше родительское дело

Неудачно воспитанный ребенок – это прежде всего сам человек несчастный и несчастные родители. Это – горе, а правильное воспитание – это организация счастья.

А.С. Макаренко

Антон Семенович Макаренко говорил, что воспитание подрастающего поколения детей должно происходить на каждом квадратном метре нашей земли. Как это надо понимать? Кто должен воспитывать и, конечно, как воспитывать?

Главную ответственность за воспитание детей должны нести родители. Только родители ответственны за сообщение детям хотя бы начальных признаков этики и морали.

На известном периоде жизни ребенка в процессе воспитания активно и грамотно включается школа. Школа подводит ребенка к развернутой книге познаний. Маленький гражданин приступает к познанию жизни не только на веру. Он начинает познавать ее уже на основе науки. Эта трудная работа – удел школы, и она будет успешной, если в школе будут так же воспитывать, как и обучать.

Допустим, что воспитание в семье и в школьном возрасте, уже в содружестве со школой, проходит нормально. Ребенок являет собой лучший пример родительского и педагогического утешения. И вдруг родители и школа разводят руками от нетерпимого поведения того же ребенка. Что же произошло? Когда, где ребенок был поражен аморальным микробом?

Как-то, еще в 1930-х годах, Антон Семенович в беседе сказал:

– Улица, промежутки между школой и домом, кинотеатры, стадион, парки и другие места, где располагаются дети, – это самая подходящая арена для воспитания детей. Собственно, может и не воспитания, а скорее просто физического торможения ребят в моменты их дурных поступков. Это самые подходящие места для активной деятельности родительской солидарности и родительской педагогической заботы о детях и предупреждения их от моральных травм.

Я не совсем понял Антона Семеновича, и он продолжал:

– Видишь ли, Семен, часто бывает так, что мальчик или группа мальчиков даже и тех, что дома или в школе отличаются примерным поведением и послушанием, попав в места, которые

находятся вне контроля родителей и школы, начинают вести себя скверно – курить, задевать прохожих, одним словом, нарушать нормы порядочного поведения. Первый раз это делается несмело, а дальше смелее, вульгарнее, и это просто опасно. Опасно, прежде всего, для будущего самого начинающего нарушителя. Остановить, принять немедленно конкретные меры в таком случае – это значит вовремя подать руку утопающему. Кто это должен делать? Как ты думаешь?»

На свой вопрос Макаренко ответил сам:

– Это должны делать граждане, миллионы родителей, на глазах у которых совершаются недопустимые уродливые действия ребят, а мы, видя это, отворачиваемся, пассивно покрутим головой, кого-то упрекнем и утешаемся тем, что не мой ребенок. А может быть, как раз в это время на другом квадратном метре земли именно мой сын творит еще худшее, и это наблюдает мой коллега-родитель и точно также поступает, как поступил я, преступно поступил.

Кто и когда освободил нас от родительского и гражданского чувства ответственности за благополучную нравственность наших детей, наших будущих граждан, будущих родителей своих детей, будущих строителей начатого нами дела? Кто снял с нас ответственность перед Родиной за человеческий брак, за тех молодых людей, которые сидят на скамье подсудимых и караются годами лишения свободы, а родители корчатся в муках родительского горя?

А много ли таких родителей, которые, в моменты посыпания головы пеплом, не проклинают школу, а с чувством угрызения совести молвят:

– Что я сделал для того, чтобы помешать падению моего сына, кого из его сверстников я остановил, предупредил, задержал, довел в школу и в дом к родным? Никого.

Это, прежде всего, покушение на благополучие и покой коллектива – школы, семьи, детдома, улицы и т. д. Почему же мы, хотя бы даже в порядке самозащиты, не проявляем никаких признаков отпора малышам, посягающим на наш покой? А средств для отпора в нашем распоряжении неисчислимое множество, конечно, плана чисто родительского, педагогического. Но эти меры родительского воздействия действительны в самом начале дурных проявлений и могут быть полезны профилактически, а вот когда дурные детские поступки – уже преступления, тогда наши родительские усилия могут оказаться бесполезными, и нас заменит суд.

Когда-то Антон Семенович мечтал о возможности решительного вмешательства любого родителя и учителя и

каждого гражданина в поведение любого ребенка на улице, о создании при каждом домоуправлении, клубе, школе и т. д. родительского постоянного комитета или, может быть, актива с широкими полномочиями пресечения всяких отрицательных проявлений и наблюдения за поддержанием незыблемости высокой нравственности детей. И прежде всего надо установить такой режим на улице, чтобы не было возможности детям совершать дурные поступки.

Можно придумать множество разумных и эффективных способов организации родительской общественности в целях профилактического предупреждения пороков. Не мешало бы пересмотреть и стиль взаимоотношений родителей и детей. Я наблюдал много случаев фамильярно-панибратского взаимоотношения.

Следует подумать и о том, какими средствами общественного порицания, а может, и материального ущемления, влиять на тех родителей, которые потеряли чувство родительской ответственности за воспитание своих детей, а в случае их беспомощности – помочь им вплоть до того, что, хотя бы и на время, забирать детей и содержать в здоровом коллективе за счет родителей.

Стоит всячески пропагандировать солидарные действия родителей в общественных местах. Если один родитель сделал замечание нарушителям, чтобы с ним встал другой, третий и т. д. Следует из лучших общественников по районам организовывать подвижные бригады наблюдения за благополучием поведения и безопасности детей. Надо только захотеть, и захотеть так, как всегда хотел и делал Макаренко, и можно с уверенностью сказать, что мынаведем в школах и домах, на улицах и в общественных местах высокий нравственный порядок и предупредим в среде детей всякие аморальные проявления. Это наше родительское дело.

Раздел VI
Эпистолярное наследие С.А. Калабалина

Г.К. Калабалиной

Дорогая Галочка и детки!

Сегодня я был принят начальником группы детских домов Мосгороно с исключительной теплотой. Мне было предложено принять детский дом в Барыбино на 500 человек. Дом этот стоит у них, что называется, поперёк горла своей запущенностью. Я дал согласие и завтра с инспектором еду туда на смотрины. Своё впечатление и решение сообщу завтра специальным письмом.

Я уже заполнил анкету, написал биографию и был представлен перед лицом зам. зав. Мосгороно, который любезно принял меня и добивался от меня объяснения, что я буду делать в Барыбино во имя наведения порядка и сохранения двух миллионов бюджета.

Я, как мог, так и растолковал ему.

Затем меня пригласил Наркомпрос – там предложили организовать новый детский дом для испанских детей. От этого я отказался, так как считаю, что с нашенскими мне работать будет легче.

Сегодня был в больнице у Галины Стахиевны Макаренко. Здоровье её неважно, но значительно лучше прежнего. Тебе и деткам она кланяется и целует.

Сейчас буду писать письмо Терскому, Татаринову и некоторым коммунарам, Соколову и Смене, с предложением сотрудничать со мною. Тебе работа в колонии будет, но с условием, что ты сначала отдохнёшь, а потом уж и за работу. Лучше Леночку приготовишь для русской школы. Между прочим, школа в Барыбино внутри детдома…

Как дела в колонии? Всё ли благополучно? Пиши на адрес Макаренко. Как твоё здоровье и деток? Мои вы славные! Успел кое-что сделать по делам А.С. Макаренко. Только что говорил по телефону с Колбановским (психолог). Хороший, милый человек. Завтра вечером приглашён к писателю и редактору Лукину. Если успею вернуться из Барыбино – пойду на встречу с ним.

К первому июня я жду вас к себе. Ни за что не оставайся дольше. Я без вас тут не смогу жить. Понятно?

Передавай привет всем детям и работникам.

Обнимаю и целую.

Ваш Семён. 10.05.39.

Воспитание в семье

Уважаемый Семен Афанасьевич!

Мы знаем Вашу занятость, но все же рассчитываем на «взаимопонимание». Вопрос, заданный в письме Илларионовой, – сложный, важный и, судя по почте редакции, волнующий многих родителей. Думается, что лучше Вас, истинного наследника Антона Семёновича Макаренко, блестяще разрешившего эту проблему теоретически и практически, никто не сумеет ее осветить. И просьба у нас к Вам огромная – сделать это, не откладывая в долгий ящик. Ваше имя, Семён Афанасьевич, очень авторитетно в народе, а «Вечернюю Москву» читают миллионы людей. Мы сделаем таким выступлением полезное, доброе дело.

С искренними пожеланиями

зав. лит. группой писем М. Яковлева

На Ваше письмо, уважаемая Илларионова, редакция «Вечерней Москвы» поручила ответить мне. Я не специалист и не большой любитель давать заочные рецепты по вопросам воспитания, тем более, когда от меня ждут готового ответа на конкретный случай.

Не догадываюсь, какими соображениями руководствовалась редакция, остановив свой выбор на мне в качестве автора ответов на Ваши вопросы. Может, за меня проголосовали мои сорок лет работы с «трудными» детьми или сорок лет супружеской жизни, тридцать девять лет родительского опыта по воспитанию своих пятнадцати детей – семеро кровных и восемь усыновленных. А может, еще и потому, что мне посчастливилось прожить почти два десятилетия рядом с великим **Человеком** Антоном Семёновичем Макаренко и питаться его мудрыми педагогическими соками.

Собственно, эти соображения редакции занимают меня, а Вам они ни к чему. Будем считать, что я Вам представился. Вы ждете ответа на свои вопросы, ответа полезного и убедительного, а может, и не только вы.

Ваши вопросы звучат взволнованно и требовательно. По тону письма легко догадаться, что Вы желаете не просто вырастить дочь, а желаете воспитать в лучшем человеческом плане и с самыми лучшими нравственными достоинствами. Ваши разногласия с мужем в деле воспитания дочери и методах определились по двум принципиальным направлениям: единство требований и наказания. Вы за применение наказаний, естественно, если есть необходимость, а отец против – вообще

против наказания детей, де, мол, сие есть «антипедагогика».

Всё лучшее в детях дается воспитанием. Всё: и чувство меры, и гордость, патриотизм и всеобъемлющая культура, трудолюбие, любовь и уважение к людям, воля, смелость, скромность, чувство коллективизма – словом всё, все лучшие, украшающие человека качества. А как это делается и когда, кто и даже что воспитывает? Воспитывать надо всегда и везде, и даже не по задуманному плану, а по какому-то конкретному случаю и поводу.

Очевидно, Вы поставили перед собою и цель воспитания: каким человеком Вы желаете видеть в будущем свою Иришку? Естественно – **хорошим.** Для кого Вы желаете воспитать **хорошего** человека? Для себя, для людей – общества – и для самой Ирины.

Вы скажете:

– Хорошо вам, вы педагог. Как мне – нам – родителям не педагогам?

Так это даже здорово, что не все люди педагоги, а, кстати, не все педагоги могут быть настоящими воспитателями. Вы инженер-технолог, вы очень близко стоите с квалификацией воспитателя. Вы **мать** и технолог, а в деле воспитания есть и своя технология. Моя мать была неграмотной женщиной, но воспитательницей своих шестнадцати детей была блестящей. Чем, какими настольными средствами она воспитывала в то далёкое, социально оскорбительное, тьмы и невежества дооктябрьское время? Личным примером, ласковым словом, осуждающим, суровым взглядом, постоянным трудовым движением, протестующим гневом и справедливостью, отношением к людям, любовью к Родине, гордостью и, представьте себе, наказанием, но так справедливо и с такими признаками страдания её материнской души, что не будь наказанным, значит, чувствовал бы себя дважды наказанным. Покоряло нас и удивительно чуткое отношение друг к другу наших родителей, короче говоря, они, родители, воспитывали нас собою, своею жизнью, семейным коллективизмом и, если хотите, даже бедностью, которая была нашим горьким уделом. Иногда ограниченный кусок хлеба, цена ему бывала впечатляющим воспитательным актом, нравственным и политическим.

Единство требований. Вернусь еще раз к своим родителям. И откуда у них, неграмотных людей, от какой природы это могучее воспитательное средство, которого так часто не достает даже высококвалифицированным педагогическим коллективам школ? В колонии им. Максима Горького, где я был воспитанником, и в детской трудовой коммуне им. Дзержинского, где я работал воспитателем, а организатором и руководителем этих

учреждений был Антон Семенович Макаренко, законом для воспитателей было непременное единодушие, единотребование. В единодушном коллективе и родительской паре превалирует здоровый тон коллективных требований, солидарности, взаимной поддержки и наглядной для детей коллективной примерности. Отсутствие единых принципов, требований в коллективе – это досадная неудача коллектива, а равно и родительской пары. Если речь идет о единстве в коллективе или родительской группе, так это не значит, что все должны одинаково мыслить, поступать, одним тоном говорить, одинаково реагировать на все явления, – нет. Каждый отдельный член коллектива должен оставаться самим собою со всеми своими эмоциональными богатствами, но разность индивидуального богатства должна быть направлена к общей воспитательной цели. Всякая несогласность – брешь в коллективе или паре родительской – это та щель, в которую будут проникать ребята со всеми своими пороками и хитростями, с уверенностью безнаказанности.

Дорогой друг, Вы пишете, что «у нас хорошая, дружная семья: муж, двенадцатилетняя Ирина и я». Значит, семья Ваша – коллектив, и Ирина уже не просто «дитя есть дитя», а член семейного коллектива. Ваша семейная дружба, наверно, не определяется материально-бытовыми благами, очевидно, Вы имеете в виду разумные традиции, все оберегаете честь, славу и общественное благополучие своего семейного коллектива, одинаково переживаете какие-то приятные для семьи перспективы. И уж, конечно, нужно считать совершенным тот коллектив, члены которого переживают его интересы превыше своих личных как бы соблазнительны и приятны они не были.

И вот Ирина, самый пока юный и несовершенный член Вашего «дружного» семейного коллектива, совершила покушение на одну из традиций коллектива – пунктуальность.

– А что, мамочка, подумаешь, задержалась…

В этом легком ответе девочки не видно никаких страдательных движений ее души. Вы протестующе встревожены уже за будущее дочери. Ей придется жить среди людей, успехи и благополучие которых может зависеть и от того, как Ирина Илларионова исполнит свой гражданский долг во времени и, конечно, с учетом высоких интересов коллектива, а не личных, соблазнительных удобств.

Я несколько растянул свой ответ, но, послушайте, чего настоящий воспитатель может добиться, причем учтите, в какие голодно-тифозные годы и с какими ребятами…

В августе 1922 года Антон Семёнович Макаренко предложил мне отпуск к родным, которых я не видел в течение пяти лет

своих беспризорных скитаний. Колонисты, воспитатели и сам Антон Семёнович торжественно снаряжали меня в дорогу. Кто штаны, кто картуз, у кого что поприличнее было, а Антон Семёнович одел на меня свою косоворотку, чтоб, значит, не босяком выглядел. В отпускном удостоверении было написано: «Дано воспитаннику детской трудовой колонии им. М. Горького Семёну Калабалину, отпущенному к родным в с. Сторожевое, Чутовского района, Полтавской губ. с понедельника до субботы 16 августа 1922 года, до 12 час. дня. Зав. колонией: А. Макаренко, пред. Совета Командиров: Коля Шершнев».

Дома меня приняли радостно. Мама плакала, причитая:

– Думала, умру и не увижу тебя…

И оказалось, что я попал домой в суматошную неделю подготовки к свадьбе. Женился брат, и свадебное торжество назначено на воскресенье, я вместе со всеми на главных ролях, как младший брат жениха, закружился в предсвадебной карусели, предвкушая славу, которая выпадет и на мою долю, как «городского» и лихого плясуна. А в пятницу я, как от угара очнувшись, заявил оторопевшим родителям и братьям:

– Завтра чуть свет ухожу, домой ухожу.

– Да ты что, та свадьба ж, та и не думай.

Мать в слезы. Ох, как мучительно хотелось остаться, какой соблазн, но не сбил меня с толку заговоривший во мне паскудненький человечек: подумаешь нужно вовремя явиться, да ничего тебе не сделают… А другой человек-коллективист, уже успевший заполнить мою мальчиковую душу, не взывал, а приказывал: будь гордым, будь сильным – иди, тебе верят, тебя ждут, через тебя и другие получат право на доверие! В полдень в субботу я уже, счастливый, обнимался с сияющими товарищами. А вот и Антон Семёнович. Обнялись и расцеловались.

– Ну, рассказывай, как там живут мужички, как дома?

– Да как живут – ничего. И дома тоже, не отпускали, свадьба.

– Что, жениться успел? Ну и Семён!

– Да нет, что вы, Антон Семёнович, брат женится, завтра свадьба.

– И тыне остался…

– Так у меня ж отпуск, вот только…

– А, правильно. Молодец, стой, какой там молодец, герой, ей-ей герой. Спасибо тебе, Семен, вот здорово! Слушайте, хлопцы, какое нам чудо подарил сегодня Семен!

Мы все с открытыми ртами впились в Антона Семеновича, а он продолжал:

– Теперь у нас не просто дисциплина, а настоящая жар-птица – эстетика дисциплины! Ах вы ж черти мои милые, вам это

непонятно, ну как бы вам сказать. Это когда настоящий товарищ и член коллектива настолько уважает интересы коллектива, оберегает честь коллектива, что и, оставаясь вдали от коллектива, и с глазу на глаз с сильными соблазнами, не поддается им, посылает их к чертям, не изменяет коллективу, не делает больно товарищам, остается сильным, гордым, вот как Семен, хоть, наверно, и слюнки текли при виде гор пирогов и горшков со сметаной. Нет, не поддался. Спасибо, голубе. Не горюй, на свадьбе еще погуляем, своих будем женить и замуж выдавать, свои будут пироги.

Я сиял и смущался, а хлопцы очень любовно пощипывали, то кулаками тыкали в бока, а Антон Семенович, вдруг заявил:

– Я так думаю, командиры все тут? Добре. Вынесем такое постановление, поскольку у Семена женится брат, мать же там очень опечалена, предложить Семену в обязательном порядке отправиться на свадьбу, а чтоб ему не было скучно, так пусть с ним поедет Бурун Гриша, он хороший едок, а если не возражаете, то поеду и я.

Что тут было…

Один за всех и все за одного, этот закон коллективизма у нас был не на словах, как призыв, а в действии. А прежде чем мы достигли вершины дисциплинированности, было и такое… 1921 год, сентябрь. Второй раз за существование колонии, а для большинства воспитанников первый раз в жизни колония выстроилась для похода в город за семь верст в кинематограф. Мы уже знали по примеру первого похода: выход в четыре десять, два часа похода с десятиминутным привалом, и за пять минут до начала сеанса мы у входа в театр. Шли строем, с песнями, бодро, весело. Привал. Кто присел, кто повалился на траву, а большинство в лес. После команды «Становись!» командиры отрядов докладывают, что все на месте, но вдруг командир девятого отряда что-то замешкался…

– В чем дело?

– Да у меня нет двоих. Я побегу покричу…

– Не сметь. Сами придут. Подождем.

Прошло тревожных дополнительных десять минут. Наконец, выскочили из лесу запоздавшие, неся перед собою в фуражках груши-дички.

– Разрешите стать в строй?

– Становитесь! Шагом марш!

Кажется, и шли быстро, но опоздали на десять минут. Администратор театра сам предложил тихонько войти в зал, но Антон Семенович, поблагодарив, сказал:

– Этого делать не следует, зачем же мешать людям, которые

пришли вовремя отдохнуть, получить удовольствие. Нет. Научимся беречь время и уважать товарищей – коллектив и его право на удовольствие.

– Колония, смирно! Домой шагом марш!

Администратор почесал в затылке, а кто-то из зевак сказал:

– Вот это да…

Шли пасмурные. Поглядывали на Антона Семеновича, и видно было, что он очень расстроен. А тут еще и дождь, откуда ни возьмись. Совсем кисло стало.

– А ну, хлопцы, – предложил я, – гаркнем песню.

И затянул на самых высоких октавах, задорно, как пощечиной по неудаче «Ой при лужку, при лужке, При счастливой доле, При знакомом табуне Конь гулял на воле». Ряды ребят дружно подхватили припев. Так вслед за песней, не ломая рядов, вошли во двор колонии.

– Поняли, хлопцы?

– Поняли, Антон Семенович!

– И как?

– Один за всех – все за одного!

– Правильно. И в хорошем и в плохом. Разойдитесь. Отдыхайте!

– Есть разойтись и отдыхать! А здорово, Антон Семенович!

– Здорово.

Дорогая товарищ Илларионова, я не отвечал на Ваши вопросы, не поучал, мы просто задушевно поговорили. А теперь продолжите разговор со своим мужем, поспорьте, но не поссорьтесь, может, чего полезного для дела воспитания Иринки извлечете и из моего участия в разговоре в Вашем семейном кругу.

О происшествии в шестом классе [30]

Уважаемый товарищ Саенко!

Получил Ваше письмо, которым Вы приглашаете меня высказать своё мнение по поводу статьи т. Е. Рысс «Происшествие в шестом классе», напечатанной в «Литературной газете» 13. 01. 1955 г.

Сердечное спасибо за приглашение, которым я и воспользуюсь.

Выпишете: «Эта статья вызвала большой шум среди педагогов. Они звонят, приходят в редакцию, пишут письма и на все лады нас ругают за то, что мы якобы подрываем этой статьёй авторитет педагогов». И далее в том же письме Вы продолжаете: «Надеемся, что Вы не захотите остаться в стороне в назревающем большом споре с педагогами – педагогами-педантами…»

Вы правы, трудно остаться в стороне всякому человеку, у которого есть хоть капля чувства меры и чувства ответственности за благополучное будущее нашего поколения.

Теперь по существу статьи Евгения Рысс.

Если бы я знал, что товарищ Рысс – педагог, я бы говорил с ним на понятном нам педагогическом языке. Но мне неизвестно ни род занятий, ни семейное положение т. Рысса. По стилю и почерку статьи можно подумать, что у Евгения Рысса детей ещё нет, и он не совсем представляет себе, что это за выдумка природы – дети. Но можно предположить, что у него есть дети, с которыми он живёт панибратски: пошаливает с ними, умиляется, когда они прикручивают папины ноги к ножкам стула или насыпают ему в чай соли. Выступление т. Рысса в роли учителя учителей, надо сказать, прямо получилось неумным.

Если статья явилась плодом его творческого вымысла, то следует ли иметь человеку голову, чтобы придумать такой оскорбительный для педагогов шарж?

Если в статье описан имевший место факт, то лучше было бы кратко сообщить о происшествии без выводов и поучений, без оценок и упрёков. Просто задать вопрос: как должен поступить в таком случае педагог?

Почему т. Рысс происходившее в классе бесчинство: облитую чернилами бумагу, разбросанный мусор, крик, грохот, свист, визг, беготню по партам, сооружение баррикады, полуторачасовою стихию буйства жеманно называет шалостью, неумной шуткой? Кто это выкрикивает:

– Нужно так делать чаще! – хулиганствующий ученик или устами ученика автор статьи?

Я работаю с детьми 27 лет. Правда, не в школе, а в детских домах и колониях. Мне, пожалуй, трудно судить о порядках и организации детских коллективов в школе. Но нетрудно догадаться, что в школе, где возможно описанное Е. Рысс происшествие, коллектива нет. И порядка нет. Разве можно допустить, чтобы в едином школьном, конечно, здоровом коллективе, в одном из его первичных звеньев – классе, творилось мамаево побоище? Нет. Как и невозможно себе представить хороший детский дом с одной невменяемой воспитательной группой.

Событие в шестом классе надо назвать своим именем – организованное хулиганство. Заступничество и чуть ли не возведение его зачинщиков в степень героев побудит к тому, что шестые классы многих школ могут повторить эту «шутку». Призыв же дан.

– Нужно так делать чаще, – тем более что далее т. Рысс говорит с нескрываемым злорадством: – В общем, день этот закончился, не принеся «следствию» (педагогам. – *С.К.)* значительных побед. Никто из ребят ничего не сказал.

И далее т. Рысс. предлагает нам не раскаявшуюся Галю, а просто плачущую, страдающую болезнью щитовидной железы, жалующуюся, что её бьёт отец-пьяница. И, как бы чего не вышло с Галей, мы все, пострадавшие и оскорблённые педагоги, должны, по мнению Е. Рысс, бегать и вопрошать:

– Где Галя, что с Галей? Надо искать Галю!

Наконец, мы вместе с автором статьи облегчённо вздыхаем:

– Передайте Тане, что Галя нашлась, Галя у матери, всё с Галей в порядке, пусть Таня не волнуется.

Может, Галя действительно живёт в ненормально организованной семье, может, она и больна, но мне представляется она испорченной девчонкой, дерзкой хулиганкой и интриганкой.

Она более, чем т. Рысс, понимает, что натворила, да ещё решила припугнуть учителей через своих товарищей. Пусть, мол, побегают, пусть поволнуются, а я буду у мамы.

А кто же подумает, поволнуется и облегчит страдания оскорблённого учителя? В статье педагоги представлены людьми злыми, подлыми, чужими, бездушными… Нет, учитель не врач, не представитель противного лагеря. Учитель, которому пора создать условия неприкосновенности, всенародного уважения. Не только ученик при встрече с учителем первым должен приветствовать и шапку снять, а и родитель должен первым снять шапку и поприветствовать учителя, а если рядом с ним идёт малыш-дошкольник, то сказать ему:

– Поздоровайся. Это наша учительница, она нашего Серёжу учит. Третий раздел статьи Е. Рысс венчается так: «Нет, не плохой коллектив в шестом классе, и у них настоящее чувство товарищества, настоящая забота друг о друге».

Стадную солидарность нарушителей общественного порядка Рысс называет товариществом, заботой друг о друге, коллективом. Мы же привыкли считать, и так учит нас А.С. Макаренко, что коллектив, организованность коллектива, дисциплинированность каждого члена коллектива общественно полезными действиями, лучшими нравственными признаками этих действий, направлены на переживание высоких интересов общества. Где же эти признаки «неплохого коллектива» шестого класса?

Кто думает, что нет товарищества, дружбы, заботы друг о друге в любой воровской шайке, в банде, тот ошибается. Есть и в этих антиобщественных содружествах эти признаки. А можно ли воровскую шайку назвать коллективом? Может быть, и можно, но он не будет иметь того звучания, которое мы представляем, говоря о нашем настоящем общественно полезном коллективе. Как бы ни была хорошо организована воровская шайка, как бы ни были дружны между собою и заботливы друг о друге воры, мы всё же не будем этой организацией восхищаться. Мы приложим все усилия к тому, чтобы разрушить это объединение.

Я не восторгаюсь «товариществом» шестого класса. Эти начинающие «шутники» могут вырасти в больших хулиганов, когда уже компетенция родителей и учителей будет бесполезна и её заменит компетенция криминального правосудия. Кто же за это будет нести нравственную ответственность? Мы все. А вот чтобы не допустить до этого, чтобы предупредить уголовно наказуемые действия в будущем, нужно быть решительнее и заботливее теперь, когда дети ещё в шестых классах.

Наказание упражняет и закаляет характер, сообщает ему волевую способность преодолевать трудности, противостоять дурным влияниям. Вымаливание прощения и всепрощение расслабляет волю, делает жидким характер, воспитывает слабого человека.

Шестой класс достоин наказания. Но само наказание ещё не главное, а вот как организовать наказание, как подвести наказуемых к наказанию, как должен вести себя педагог, чтобы его поведение, его протест против проступка убедили самих нарушителей в их виновности и необходимости наложения наказания. Мне кажется, что это самое тонкое и самое главное в любом конфликте. Даже в судебном процессе.

И ещё один вопрос остаётся спорным. Следует ли наказывать

класс? Можно ли вообще наказать большую группу людей, коллектив?

В частной беседе ещё в 1920-х годах А.С. Макаренко говорил примерно следующее:

– Группу наказать нельзя.

Наложенная мера взыскания на колонию или на часть колонии (это значит на коллектив или часть его) не будет воспринято как наказание – это будет похоже на временное изменение режима. К примеру, недавно лучшая воспитательная группа нашего детского дома должна была в воскресенье пойти в кинотеатр. Билеты уже были закуплены. Я сам собирался пойти с детьми. Уже при выходе из здания (все в приподнятом, хорошем настроении) я вдруг заметил, что из рабочей комнаты этой группы, из форточки окна на улицу вылетел портфель. И повис на шнуре. Пока я подошёл к окну, портфель кто-то втянул обратно. У окна в комнате сидел воспитанник Коля Д. Я спросил у него:

– Кто это играл портфелем?

Коля ответил, что не знает, но при этом смутился, покраснел. Я понял, что Николай знает кто, но не говорит только потому, что хочет, чтобы «нарушитель» назвался сам. Учтя, что Николай – командир отряда, что он сидит у окна и, безусловно, видел, кто вставал на подоконник, наконец, все обстоятельства складывались так, что Николая никто бы не упрекнул в «предательстве», да и не такова у нас обстановка, чтобы в наши взаимоотношения вкладывались такие понятия, я настаивал на том, чтобы он назвал «виновника».

Все воспитанники группы понукали и подбадривали Николая сказать, а он – оцепенел. Рядом с ним сидел Борис А. Я уже догадывался, что это он шалил. Стоило мне обратиться к нему с вопросом «кто?», и он бынемедленно сказал: «Я». Но мне этого не нужно было. Я знаю, что Борис и Николай хорошие друзья, но есть и какая-то фальшь в этой дружбе.

– Итак, – заключил я, – Николай не знает кто, а я знать хочу и должен знать. В кино я не пойду, идите, если хотите без меня, а я займусь расследованием.

Борис не выдержал и подскочил ко мне:

– Это я.

– Нет, я не верю. Это был кто-то другой.

Никто из группы не пошёл в кино. Интерес тридцати был принесён в жертву из-за одного. Билеты пропали. Николай умолял меня пойти в кино, он раскаивался и искренне переживал. Николай и Борис из-за того, что они явились причиной лишения удовольствия группы, то есть изменения режима этого дня, морально страдали.

«Расследуя» этот конкретный случай, я обратился прямо к лицу, если не причастному, то знающему, кто играл портфелем. Я знал, что если Николай вдруг решил не говорить, коллектив будет на моей стороне, будет возмущаться и удивляться бесполезным и глупым противлением Николая. Командирское положение обязывало его либо самому сделать замечание нарушителю, либо открыто довести до сведения старшего о нарушении. У нас это не считается ябедничеством и сексотством.

Следует ли педагогу, подойдя к буйствующему классу, задавать вопросы:

– Кто это сделал? Кто зачинщик? Ты? Ты?

Это поведение педагога было бы неграмотным. Вы не знаете кто, а знать вам надо. Зачем вы смешите беспомощными вопросами развинченный класс, но дружно насторожившийся против вас в порядке самозащиты? Даже в шестом классе я бы обратился к командному составу класса (умышленно не говорю слова «староста», не люблю этого слова в советской школе. Старосты были церковные, сельские и немецкие).

Класс бесчинствовал весь и бесчинствовал организованно. И виновны все в одинаковой мере. Я мало верю в то, что тот, кто повесил стул, виноват более того, кто визжал или хрюкал. Если не было средств и условий, чтобы обрушиваться на весь класс, то надо было прежде всего направить свой гнев, возмущение против детского руководства класса. Его и нужно было наказать. Наказать не за организацию бесчинства в классе и участие в нём, а за беспомощность, за трусость и безделье. Они, только они, имели право отвечать за поведение класса и как допустившие нарушение порядка только они имели право быть наказаны. А как наказать – это уже дело техники, творческого остроумия и педагогической находчивости.

Хорошо ли поступили педагоги, расследуя событие в шестом классе, добиваясь, чтобы им на ушко товарищи выдавали своих товарищей, обещая сохранить их имена (имена сексотов) в тайне?

А надо заметить, что не всякий педагог сдерживает данное им слово. Значит, он может поставить в конфликтную позицию по отношению к коллективу детей себя и спровоцированного им ученика.

И далее. Какой бы мы педагогической и даже социальной целесообразностью не оправдывали выдачу своих сотоварищей «по секрету», она всегда будет противной здоровой морали. Маленький предатель и трусишка может вырасти в большого предателя и в большого труса. Это значит, что мы сами определили такому человеку трагическую судьбу.

И неужели так уж было важно знать имена зачинщиков?

По-моему, педагоги этого не должны делать.

В 1922 году имел место такой случай. Группа колонистов колонии им. М. Горького сидела в спальне и с упоением слушала Буруна о его «операции» с чужими рыболовными сетями. Григорий так увлёкся, что, сам того не замечая, часто употреблял нецензурные слова. Вдруг за нашими спинами раздался голос Антона Семёновича:

– Мы с вами дожили до такой пошлятины, что скоро должны будем вывесить при въезде в колонию объявление: «Опасно! Не заходите и не заезжайте, лаемся, как псы!» Как не стыдно, молодые, красивые мальчики и вдруг такая гадость – мат. Ведь кроме вас в колонии живут женщины, девочки. Кто ругался, меня менее всего интересует, а вот ты, Семён, интересуешь. Ты командир, человек, которого мы все уполномочили поддерживать порядочный образ жизни, а у тебя у самого к самому себе нет уважения и самолюбия. Так потрудись, пожалуйста, подойти сегодня к каждому живущему в колонии с вопросом: «Правильно ли я поступаю, что допускаю, чтобы в моём присутствии ругались мои товарищи?»

– Есть! – ответил я.

Антон Семёнович вышел. Все ребята, кроме меня, набросились на Григория с упрёками:

– Вот теперь иди к Антону и скажи, что это ты ругался. Может, он отменит наказание Семёну.

Вернулся Гриша от Антона Семёновича и еле выдавил из себя:

– Выгнал из кабинета и ещё сказал, что я не виноват, чтобы я вообще продолжал ругаться, а Семён пусть знает, как ему надо вести себя как командиру. А ты, говорит, иди и ругайся.

Как и всегда, у Антона Семёновича – влиять через одного на других, через коллектив на личность, через личность на коллектив. А общая цель – тренировать коллективистские качества у каждого, из всех личностей создать умный, подвижной, сильный и общественно полезный коллектив.

Однажды ночью воспитатель доложил А.С. Макаренко о том, что в спальне происходит массовое угощение арбузами. Арбузные корки на полу, ими начали кидаться друг в друга. Арбузы разбивались о кровати, о колени и даже о головы. По полу расползался липкий арбузный сок.

В самый разгар арбузной вакханалии появился Антон Семёнович:

– Вы, хищники ночные. Так вот каким блудом вы потешаетесь! Встать всем с постелей! Командирам отрядов немедленно вытряхнуть во дворе все одеяла и помыть окна,

двери, полы. Остальным стоять у своих кроватей! Чтобы не было ни единой корки и даже арбузного запаха на территории колонии! Через час приду принять спальню. Докладывать будет Вершнёв. В семь часов утра ко мне в кабинет явиться всем командирам и всем, кто воровал арбузы!

Утром в кабинете последовала некоторая техническая детализация конфликта и наложение самого наказания. Мытьё полов – это не наказание, а просто приведение спальни в порядок.

Теперь несколько слов об учительском гневе и детском страхе.

Мне не совсем понятно, почему Е. Рысс так возмущается гневом математика и оберегает ребят от состояния страха. Я бы вместе с автором статьи протестовал против содержания того, что выкрикивал математик:

– Пусть назовут зачинщиков! Или мы примем другие меры. Мы исключим из школы всех. Назовите зачинщиков! (И дались же им эти зачинщики, ведь не назвали же зачинщиков, не исключили всех из школы, да, кажется, вообще никого не исключили?)

Повышенный голос, даже, допустим, какой-то там ещё дополнительный грохот – это выражение степени вашего гнева, вашего протеста и возмущения проступком. Кто и когда лишил педагогов права на гнев, на пользование своими голосовыми возможностями? Почему педагогу положено только впадать в состояние раздражения в школе внутренне, а разрядиться он может только в троллейбусе или в домашней обстановке? Гнев и голосовой эффект, кроме всего прочего, убеждает нарушителя в его виновности. Нарушитель видит, что учитель переживает, возмущается во весь голос, а не как-то сладенько, тихонько, бесстрастно. Сколько можно привести положительных примеров, когда при помощи гнева и резко повышенного голоса было предупреждено множество разных дурных поступков, заторможены в детях аморальные наклонности.

Гнев – явление в человеке естественное. Что лучше – кривить душою и воспитывать кривляк, или естественно впадать в состояние гнева и воспитывать настоящих людей? Лучше делать то, что делать в каждом конкретном случае полезно.

Не понимаю, как можно, прикоснувшись к событиям в шестом классе, оставаться в состоянии философского покоя. Как можно со страстью ленивого леща реагировать, влиять, учить!.. Не крикни, не засмейся, не топни ногою, ни тебе печали на лице – ну прямо быть деревянным человеком! А что же педагогу можно? Либо он должен быть виртуозом-выдумщиком и, вызывая постоянное любопытство учащихся, слыть хорошим и авторитетным, либо быть простым смертным и, значит,

обречённым на неудачи.

Слишком ограниченными средствами, которыми располагает учитель, трудно предупреждать проступки и бороться с нарушителями. Пора заговорить во весь голос о состоянии и средствах воспитательной работы в школах. Не пора ли пересмотреть правила поведения учащихся? Пора.

Пора создать такой порядок в школе, при котором немыслимы были бы такие происшествия, как в шестом классе, повысить требовательность к родителям и их ответственность за воспитание детей, а что и как – это уже дело техники. Не спешить с упрёками и осуждениями за ошибки учителя, не поражать его клеймом держиморды и педанта, не терзать его имени, а прежде всего помочь надо нашему учителю. Если в семье учителей окажутся недостойные высокого звания учителя – решительно освобождаться от них.

Учителей надо оберегать предупредительным вниманием, заботой, всенародной поддержкой.

О страхе

Неужели это чувство противно человеку? Неужели есть на свете люди, свободные от чувства страха, даже могущие идти без страха в объятия тигра? Я считаю, что чувство страха можно в себе заглушить, побороть во имя жизни своей, жизни и успеха товарищей, Родины.

Но во всех ли случаях полезно освободить человека от чувства страха, боязни? Видимо, есть такие люди, которые живут и ведут себя прилично, не чинят зла не потому лишь, что хорошо воспитаны, а только из-за страха наказания. Неужели во всех случаях вредно припугнуть несовершеннолетнего правонарушителя? На всех ли детей положительно действует благожелательное внушение?

Я уверен, что, и вооружившись самой большой лупой, не найти подростка, который стал вести плохой образ жизни только из-за того, что его перепугал учитель. А вот то, что он стал вести себя квалифицированно плохо в результате того, что его в своё время не припугнули, это может быть. Это похоже на правду.

Утверждаю, что есть в природе такие случаи и такие дети (и даже взрослые), которых во имя их благополучного будущего нужно просто своевременно элементарно припугнуть. Если не сознание, разум его, то хотя бы инстинкт его вызвать к действию и через него затормозить, заморозить в нём дурное.

Слишком уж мы опекаем и оберегаем своих детей созданием королевских развлечений, развиваем навыки потребления.

Чувствуется, что ребята всеми этими заботами настолько пресыщены, что уже начинают искать развлечений в «стихиях». Непротивление, безнаказанность воспитывает у детей чувство разнузданной безответственности.

Нет, не всё детям дозволено. Они должны знать, что есть пределы, ограничения, запреты. Дети должны знать, что люди живут по законам, нарушение которых – карается.

Дорогие хлопцы!

Уходя на фронт, я обращаюсь к вам, дорогие мои, с просьбой.

1. Не осрамите мною начатое дело, ведите коллектив твёрдо, уверенно, дисциплинированно.

2. Нещадно боритесь со всякой нечистью, преступлениями, которые будут способствовать врагу.

3. Прилагайте всю вашу человеческую справедливость в разоблачении подлецов, которые, если их не одёрнете вовремя, вырастут в пособников врагу человечества.

4. Не скрывайте и не обманывайте себя ложным качеством, что, не выдавая на суд народа мерзавцев, вы поступаете правильно. Правильно будет с точки зрения преступной, уголовной, блатной, но неправильно с точки зрения человеческой, народной, государственной справедливости. Вы же не уголовники, а граждане страны, которая переживает час испытания, ведя Отечественную войну с извергами рода человеческого, с фашистами.

5. Трудитесь для Фронта, боритесь с хулиганами для фронта. Победим врага – всё придёт сторицей.

Вы здесь – я там.

До скорой встречи. Обнимаю вас и целую.

Ваш СК.

Соберитесь, прочитайте моё письмо и вынесите решение.

Живите дружно с воспитателями, учителями. Помогите Галине Константиновне. Уважайте технический персонал. Берегите имущество. Будьте хозяевами своей жизни, но жизни разумной, которую вам покажут ваши друзья – старшие.

С. Калабалин, г. Москва, Сокольники, детдом № 60

Редактору «Литературной газеты» О. Войтинской и критику Ф. Левину [31]

Наш долг – долг коммунаров, наследников светлого имени Антона Семёновича Макаренко, долг советских граждан, большевиков, партийных и непартийных, – вернуть истине своё место. Мы требуем, чтобы гражданин Левин публично отказался от напечатанной им статьи в «Литературном критике».

На совещании критиков, посвященном разбору этого дела, Ф. Левин заявил, что его никто не может принудить «расшаркиваться перед урной А.С. Макаренко». Циничность и бестактность этой фразы не требует комментариев. Мы можем уверить нашу общественность, что приложим все старания, чтобы оградить дорогую нам могилу А.С. Макаренко от людей, подобных Ф. Левину, ибо так может сказать человек, для которого нет ничего святого. Неужели этот «критик» не способен понять, что такими словами он оскорбил наши горячие сыновние чувства к Антону Семёновичу. Какая может быть речь о «чуткости критика» Ф. Левина, если он не обладает чуткостью в самом примитивном значении этого слова!

Но не об этом мы будем говорить дальше. Мы требуем чёткой принципиальности в решении этого спора между ушедшим от нас физически, но живым в своём творчестве, в воспитанных им людях Антоном Семёновичем Макаренко и «живым» критиком Ф. Левиным, который находится по ту сторону нашей жизни, потому что он не любит её и не способен понять творческих возможностей советских людей.

В чём вся соль возникшего вопроса?

Ф. Левин поместил в журнале «Литературный критик» № 12 статью под названием «Четвёртая повесть А.С. Макаренко». В этой статье он обвиняет писателя А. Макаренко в том, что тот искажает действительность, пишет «сусальную сказку о том, чего не могло быть, нет и не будет».

Не будем пока касаться критики литературных качеств повести «Флаги на башнях», которую Ф. Левин пытается подменить обыгрыванием таких словечек, как «сахарин», «патока», «классная дама», «священный восторг» и т. д., – пусть это пока остаётся на его совести, но советуем помнить, что в нашей стране торжествует правда и вам не очернить имён лучших сынов нашего Отечества.

В чём квинтэссенция вашей статьи? В том, что «добрый дяденька Макаренко пишет, дескать, неправдоподобную сказку,

идиллию», которая никогда не осуществится и которую осуществить невозможно.

А мы утверждаем, что это – клевета не только на А.С. Макаренко, но и на советскую жизнь. Мы во всеуслышание заявляем, что жизнь, описанная в книге А.С. Макаренко «Флаги на башнях», существовала, что реально была в Харькове коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, названная в повести «Колония Первого мая», что мы – её воспитанники. Там, действительно, был дворец, там была жизнь коллектива, стоящая неизмеримо выше простого общежития неорганизованных ребят. В повести «Флаги на башнях» показан коллектив, выросший на основе шестнадцатилетнего педагогического опыта А.С. Макаренко, коллектив, впитавший всё прекрасное, что дала колония им. Горького. Об этом вы можете узнать, открыв «Педагогическую поэму»!

«Только пятьдесят пацанов-горьковцев пришли в пушистый зимний день в красивые комнаты коммуны Дзержинского, но они принесли с собой комплект находок, традиций и приспособлений, целый ассортимент коллективной техники, молодой техники освобождённого от хозяина человека. И на здоровой новой почве, окружённая заботой чекистов, каждый день поддержанная их энергией, культурой и талантом, коммуна выросла в коллектив ослепительной прелести подлинного трудового богатства, высокой социалистической культуры, почти не оставив ничего от смешной проблемы исправления человека», – писал Макаренко.

Нет, Вам этого не понять, потому что Вы не верите в могущество нашего воспитания; Вы не любите советского человека и сами пишите об этом в следующих словах: «Повесть сентиментальна и паточна, и если бы не вор и враг Рыжиков, то перед нами был бы сущий рай с архангелами, только без крылышек. Присматриваясь ближе, видишь, что герои повести даже не беспризорники и правонарушители, в них никогда не было каких-либо уродств или вывихов, подлежащих исправлению».

Интересно, что Вы понимаете под словом «беспризорник»? Этакий Джек-Потрошитель, преисполненный всяческих пороков, «уродств» и «вывихов», вызывающий у Вас барскую брезгливость и нездоровый интерес, который Вы даже не трудитесь скрывать в приведённой выше цитате.

При таком отношении к детям Вам не понять А.С. Макаренко, подлинного гуманиста, созидателя и страстного певца коллектива – «могущества непревзойдённого», как он писал. Для Макаренко беспризорный – это прежде всего ребёнок или подросток, временно попавший в тяжёлое положение. Но эти

мальчики и девочки до несчастья, вытолкнувшего их из семьи, учились в советской школе, многие окончили семь классов, они хорошо сознают и понимают своё тяжёлое положение, всегда ищут из него выход. И мы имеем право сказать Вам от имени всех этих попавших в беду детей, что они верят в советскую жизнь и людей и любят их так, как Вы, критик Ф. Левин, не умеете любить, ибо Ваша ирония о рае с архангелами без крылышек, когда написана правда нашей жизни, выдаёт Вас с головою! Вам подавай «уродство» и «вывихи» – вот что шло Вашему критиканствующему духу.

Но хотя Вы, вероятно, считаете себя выдающимся критиком, Вами не только не определяется величественное течение нашей жизни, но Выи видеть его не способны. Представьте себе, что и дети-сироты, даже если под влиянием неблагоприятных условий они стали воришками, и улицы наших советских городов и весей совсем не такие «вывихнутые», как Вам бы хотелось. У беспризорных ребят нет чувства безнадёжности и обречённости. На этой самой «улице» их по-матерински журят хорошие женщины и «дяденьки» в рабочих куртках или с портфелями и говорят им:

– Довольно шляться по свету, учиться надо и работать. Ты в советской стране живёшь, для тебя всё приготовили. Отправляйся в колонию, вот тебе и адрес.

А эти самые беспризорные, такие же советские дети, как и все, хотят нормальной счастливой жизни. И как раз вредно, очень вредно – это основная ошибка многих «педагогов» – искать в них какие-то «уродства», как делаете Вы. Но при Вашей «чуткости» Вам трудно разобраться в таких вопросах.

Одной из основных замечательных традиций коммуны было никогда не спрашивать ребят о прошлом. И поэтому мы ничего не знали друг о друге. Наш замечательный коллектив давал возможность коммунарам забыть их тяжёлое прошлое и чувствовать себя обыкновенными детьми, какими мы и были. Мы свидетельствуем, что всё описанное в книге «Флаги на башнях» имело место в советской действительности. Вы можете нам возразить, что если это и было, то это не характерно для нашей жизни и поэтому на этом не надо останавливать внимание читателей, не надо этого пропагандировать.

Мы отвечаем: «Наши писатели пишут и будут писать с перспективой в будущее. Что Вы будете, гр. Левин, делать с Вашим критическим пером, читая книгу об этом обществе? Каждая такая книга будет для Вас «сказкой доброго дяденьки».

Мы хотим поставить вопрос так: даже если бы всё написанное в книге «Флаги на башнях» и было вымыслом писателя А.

Макаренко, то это уже нужно, уже реально потому, что эта книга рисует коллектив, в котором находят своё осуществление глубочайшие принципы и тончайшие методы воспитания.

Коллектив коммуны им. Ф.Э. Дзержинского дал стране сотни полноценных граждан нашей прекрасной Родины, работающих буквально во всех отраслях народного хозяйства страны. Берём первых, которые вспоминаются: П. Працан – студент Коммунистического политпросветительного института им. Н.К. Крупской; А. Локтюхов, Г. Герцкович – курсанты Военно-морского училища имени Дзержинского; Чёрный – лётчик ВВС РККА; С. Никитин – инженер завода; Таликов – инженер-электрик; Борисов – инженер ХТГЗ; М. Беленкова – аспирант института иностранных языков; Н. Шершнёв – врач; И. Панов – инженер; Л. Конисевич – судовой механик (орденоносец).

Этот список людей, воспитанных, по Вашему мнению, в «паточном» и «сахаринном» коллективе, можно было бы сделать очень длинным, лишь размер данного письма не позволяет этого.

История этих сотен людей показывает, что идеи и методы воспитания, которые воплотил в жизнь наш духовный отец и учитель А.С. Макаренко, должны быть внедрены буквально во все звенья нашей педагогики, и уже это даст колоссальный толчок вперёд делу воспитания нового человека, делу выполнения задач третьей пятилетки…

Если теперь обратиться к Вашей критике литературных достоинств повести, то Вы в статье прежде всего обрушиваетесь на пресловутую «нежизненную красивость» персонажей этой книги. Как можно не заметить, что это не «красивость», а подлинная красота нового человека, красота собранности, подтянутости, точного движения и красота внутренняя, которую надо же уметь, Ф. Левин, видеть.

Антон Семёнович всегда говорил, что советские юноши и девушки, когда они здоровы, счастливы и живут полнокровной трудовой жизнью, они все красивы! А. Макаренко пишет: «Пацан лобастый и серьёзный» или «Володя Бегунок – пацан лет двенадцати, хорошенький, румяный, чуть-чуть важный. Как-то особенно играючи и уверенно ступали его ноги, большие тёмные глаза по-хозяйски оглядывали всё». Разве такой красотой, красотой уверенности не светятся уже наши люди, и не будут обладать ею все члены общества, которое мы строим и куда Вы, критик Ф. Левин, сумели бы войти, только оставив на пороге весь груз прошлого, мешающий Вам видеть счастье нашей жизни?

Вы не понимаете, как это легко и свободно беспризорник (в вашем понимании – калека и вор) переделывается в активного, сознательного коммунара. Вы это считаете неестественным,

неправдивым…

Испачканными в чернилах руками не остановить нашей жизни! Коллектив, описанный в книге «Флаги на башнях», существовал; будут ещё более совершенные коллективы, и они бессмертны. А.С. Макаренко не только описал этот коллектив, он создал этот коллектив. Мы – счастливые воспитанники этого коллектива.

И ещё об эстетике. Вам, гр. Ф. Левин, кажется неубедительным в повести «Флаги на башнях» описание организованного комсомольского коллектива, какой был в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Радостные, величественные будни братского единства советских людей в труде кажутся Вам слишком пресными. Вам подавай извечные темы торгашеского мира: «Человек человеку – волк!»

Вам недоступны симфонии молодой советской жизни, они режут вам ухо. Чему есть прекрасная аналогия: длинные уши западных эстетствующих меломанов, воспитанных на визгливой джазовой какофонии, не воспринимают величественной красоты русской народной и классической музыки. А советские народы гордятся своей музыкальной культурой и знают, что она имеет мировое значение.

«Флаги на башнях» Вам не понравились, гражданин Ф. Левин потому, что в этой книге идёт речь о тщательной зеркальной шлифовке нового человека, о детском коллективе, о коллективах второй пятилетки… В эти годы оказалось возможным и необходимым перейти к тончайшей ювелирной обработке личности, обработке, стирающей последние остатки праха прошлого, и человеческий коллектив засиял во всей новой красоте и силе.

Эта книга нравится тысячам людей, которые читали её. Они написали об этом в письмах к А.С. Макаренко. Она нравится нам, мы знаем всю глубину раскрытой в ней правды, и мы гордимся, что прожили свою юность именно так, как описал её Антон Семёнович во «Флагах на башнях».

Мы хотим и будем добиваться, чтобы вся наша дальнейшая жизнь была похожа на ту, которая художественно отображена в этой книге.

А Вы, гражданин Ф. Левин, вышли из фарватера нашей жизни и поэтому не понимаете, что Вы с Вашей «критикой» уже потерпели полный крах.

У Вас есть сейчас только один честный выход: на страницах печати отказаться от Вашей статьи «Четвёртая повесть А.С. Макаренко», или за Вас это сделают другие. И мы убеждены, что это так и будет.

Нежное Вам спасибо за книжку. Прочитаем, и уверен, что извлечём из нее немало полезного.

За письмо, откровенность и доверие – спасибо-спасибище!

Вы пишете о том, о чём думают почти все и вся – особенно наша педагогическая рядовая братия, о чём болеют, от чего корчатся в муках наши души, но о чём никто и нигде, кроме как друг другу, за печками, вслух не говорят. Вас волнует брак людской, а брака могло бы и не быть, если бы мы не были раздавлены формализмом, равнодушием, педагогическим бюрократизмом и кокетством, если бы мы не играли в педагогический флирт, не ставили самоцелью: «У нас все бесплатно грамотны! Ура! Закон всеобуча!»

Если бы дети знали, что они наказуемы, и знали бы, что учитель *имеет право наказывать*. Что, наконец, гуманнее, педагогичнее – наказывать его сегодня, сурово, наказывать мерой человече-дедовской, умно по-макаренковски, или – как бы чего не вышло – словоблудием внушим, и через год-два-пять он будет сидеть на скамье уголовника, а мы – свидетели, а иногда и жертвы.

Система Макаренко. Если она полезно-боевая для колоний трудовых, то как же незаменимо-предупредительна для «нормальных», в школе!

Дорогая Манефа Ильинична! [32]

Система Макаренко. Это – сам он, как Человек: его трудовая страсть, его риск, его свобода педагогических действий, его не слепая любовь к детям, а требовательная любовь к Человеку, знание дела и совершенствование знаний, его патриотизм, его общественная деятельность, его уверенность в правоте мер, его нравственная чистота, отсутствие в нём признаков педагога-служащего с пяти-семичасовым рабочем днём. Он говорил, что мы, его воспитанники, должны жить так, как он учит и как живёт сам. Это противно тому парадоксу, который высказал Лев Толстой: «Живите так, как я вас учу, но не так, как живу я сам».

Мой добрый друг, у нас есть кому страдать, шептаться, приносить себя в жертву, возмущаться, но нет, кому решать. Все ждём чего-то. Но вот чего мы ждём – мы не говорим, не подсказываем убеждённо, грамотно из наболевшего во имя самого сегодняшнего и завтрашнего Человека, во имя нравственной чистоты буду щей нации…

Мне кажется, что нужно менять систему воспитания, келейную на боевую, атакующую, требовательную – Макаренковскую. Не пойдут на это? Да стоит партии сказать – да, как вся учёная камарилья прежде нас завопит: «Ах, как своевременно, мудро, исторически! И проч. И проч.

А что толку из того, что мы взаимно повздыхаем, а воз – нет, не на месте, он стремительно катится, а из него гроздьями падают разврат, насилие, тунеядство, измена Родине, воровство, групповые преступления – наши дети, дети тех, которые сами уже родились в эпоху советской власти, дети, которые родились, учились и развлекались во дворцах.

Мне кажется, что нас должно трясти, сердца должны пламенеть от стыда и тревоги даже от одного недоброго случая на область, а у нас в каждой школе есть букеты, от которых исходит зловоние, отравляющее вся и всех.

Сумбур? Да, я в таком состоянии мучаюсь, как и Вы, как и тысячи других. Не взыщите за бессвязную россыпь мыслей и даже самого письма.

Поклон Вашему семейству, друзьям.

Уважаемая Наталия Николаевна! [33]

Телеграмму получил – несколько успокоился, письмо получил – удивился.

Маленькая биография Юрия демонстрирует происхождение его «шалостей». Познакомившись с Вами, переписываясь с Вами, я убедился в Вашем духовном богатстве, тем более непонятными становятся возбудители Юриных «подвигов». Ваше последнее письмо помогло мне найти многому «непонятному» объяснение. Вы, например, восторгаетесь:

– А всё-таки смело и толково удрал Юрка!..

Вы талантливо угадали, что Семёну Калабалину не понравился этот «толковый» побег Юры, и, более того, не в восторге Семён Карабанов и от подленького ухода из детского дома, из семьи Вашего сына, которого коллектив принял осторожно и тактично. Мы не находим в этом случае ничего героического и не восторгаемся, а находим весьма выразительные признаки распущенности и печалимся по этому поводу.

Вам, оказывается, известно, что в своё время Карабанов любил пацанов, как Юрка, но Вам непонятна та ответственная любовь, которой любит детей Семён Калабалин.

Да, Юра представляет для меня педагогический интерес, как человеческая личность, а не *кролик,* которая (личность) потребовала от меня, моих коллег и детского коллектива некоторой отдачи духовных и физических сил. И мы уверены, что наши усилия не были бы бесплодными, Вы получили бы *сына* и настоящее материнское утешение, а Родина – **Гражданина.**

Но Вы портите его, портят и все те странные люди, которые жужжат по-ханжески в уши Юрия, что он – «одарённый». Это, уважаемая мамаша, чистейшее растление ребёнка и будущего человека.

Из Вашего письма: «Юра рассказал мне всё. И я знаю, что всё, рассказанное им, – правда». И далее: «Действительно, крайне несовершенна эта, с позволения сказать, наука, которую называют педагогикой, если даже такому человеку, как Вы, приходится применять такие древние методы, да и они не помогают».

Не знаю, что Вам рассказал Юра, какую поведал «правду», о каких «древних методах» изволил рассуждать Юра, а Вы, конечно, в связи с этими несовершенными методами, так пренебрежительно и с таким язвительным сарказмом адресуетесь к педагогике.

Не только я не сумел разгадать Вашего ребуса, а и мои воспитатели, и актив детского коллектива. Мы все пришли к

такому выводу: Юре нужно было как-то оправдать перед Вами свой «подвиг», и он не пожалел красок, размалёвывая перед Вами его драматическое положение среди нас – зулусов, как он был доведён до отчаяния и, наконец, как он хитроумно оставил нас в дураках, – «толково» и «смело» удрав.

Вы во гневе. Вы в умилении. Выв восторге. Юра «толково» расправился с нами, с блудливой талантливостью разделался с Вами, и, как видите, всё стало на своё место. Даже устыженная Вами педагогика придёт в себя и будет продолжать жить и детишек уму-разуму учить. Только после Вашего укола она сделается, да и пора ей сделаться, сердитее, а может, и принципиальнее. Слишком она краснощёко флиртует с некоторыми «умными» родителями. (Я имею в виду школьную педагогику, а не педагогику детских домов и школ-интернатов.)

Вот, собственно, и всё. Будьте здоровы. Очень хочу, чтобы Вы познали настоящее родительское счастье, и нашли свой материнский покой и благополучие в *сыне Юре.* Это совершенно искренне. Вы не обидели меня, нет, Вы удивили меня.

Благодарю за письмо. Оно так щедро наполнено теплыми словами дружбы и добрыми пожеланиями. Я выражаю Вам те же пожелания, те же чувства, но во сто крат больше.

Поздравляю Вас, Вашу семью, весь ваш коллектив детей и, конечно, работников с наступающим Новым годом! Желаю исполнения всех ваших мечтаний! Обязательно будьте здоровы!

Теперь отвечаю на Ваши вопросы.

1. *Какие трудовые традиции применяют в детском доме!*

Я и мой коллектив учителей воспитываем у детей чувство обязательности как гражданский долг, а не просто любовь к труду. Любовь придет сама по себе, когда, трудясь, человек приобретает эстетическое наслаждение от труда и прежде всего потому, что человек станет придавать эстетические признаки творению своих рук.

Почва для трудовых отправлений у нас – это многосложные обязанности по бытовому самообслуживанию, участие в институте детских органов самоуправления, участие в кружках художественной самодеятельности, сама учеба и, наконец, работа в швейной и столярной мастерских при детском доме, работа летом на огороде и в саду детского дома и помощь в массовых работах колхозу. Мы весь труд подчиняем коллективным интересам и изобретаем живые, вызывающие интерес организационные формы. Успехи, не хвастаюсь, хорошие.

Дорогой друг Илья! [34]

2. *Через какие мероприятия осуществляется связь детского дома со школой!*

Личным контактом с директором школы, с учителями классов, как моим личным, так и всех наших воспитателей. Через актив ребят придуманы дневники связи со школой, которые носят для класса отдельные ученики и по приходу из школы эти дневники уполномоченные представляют мне или своему воспитателю. Тут же происходит разбор всех замечаний, если таковые есть. Мы бываем на педсоветах школы, а работники школы бывают у нас. Контакт самый активный и полезный.

…Мы тоже переживаем недостаток времени, но мы строго упорядочили время подготовки уроков – не более 3-х часов.

Я не работал с детьми с ограниченными интеллектуальными данными, и по сему, мне трудно дать Вам, мой друг, совет. Я много лет работал с детьми, которые страдали теми или иными нравственными пороками, это так называемые трудновоспитуемые. Тут я, не боюсь быть нескромным, считаю себя специалистом. А может, я не понял Вашей мысли? Я не пользуюсь переводчиком при чтении Ваших писем, может, и не разобрал чего или не понял, как следует.

Я понял так, что Ваши дети с пониженной умственной развитостью. А может, дети нормальные, но вследствие каких-либо причин они много пропустили в учебе, получилась академическая запущенность, то это совсем другое дело. Дети нормальные, но были условия ненормальные. Такие ребята есть и у нас. И мы максимально освобождаем их от всяких других нагрузок. Дополнительно с ними занимаемся, и такие дети в отдельных случаях за короткое время успевают пройти две программы, одну – того класса, в котором занимаются, а вторую – тех классов, по которым имеют пробелы.

Спасибо за Ваши любезные разъяснения дат исторических событий в Вашей стране, которая так близка нам и дорога.

Мы сделали или делаем свое – дело братской дружбы наших стран. Так же воспитываем и наших детей.

Привет Вам, Вашим детям, работникам, вашей семье от всех наших детей, работников и моего семейства!

Жму Вашу руку.

Ваш *С. Калабалин*

Дорогие друзья – братья!

Спешим! Сказать спасибо за ваш гостеприимный ответ.

Ваше письмо было зачитано на Совете командиров, а потом и на общих рапортах. Оно было воспринято с благодарным восторгом. И с того момента мы считаем себя вашими должниками.

Мы уже мечтаем о том, чтобы поменяться с вами ролями: скоро мы – ваши гости, а вы – наши добрые хозяева, а потом вы – наши гости, а мы – ваши заботливые хозяева. Так?

Этим своим письмом, конечно, не впадая в состояние гостевого нахальства, мы уже клянчим у вас спланировать наше пребывание в Ленинграде. Пусть в этом плане будут и наши пожелания побывать в Эрмитаже, во Дворце пионеров, на заводе имени Кирова, в театре, на «Авроре», в Смольном и т. д.

Наш сводный отряд будет состоять из мальчиков и девочек. Девочек – 9, а мальчиков – 12. Взрослых будет трое: Галина Константиновна и две студентки – Нина и Люба.

Ох, и стесним мы вас! Но и отказаться от вашего согласия принять нас нет сил. Приедем.

Мы постараемся быть гостями скромными, не надоедливыми. Мы предвидим и страстно желаем, чтобы наша встреча превратилась в долгую и настоящую человеческую дружбу. Возможно, что до прибытия основных наших сил к вам приедут наши послы для уточнения некоторых деталей.

Итак, приедут: Николаенков Сергей – молчаливый; Агуреев Женя – сочувствующий шахматист; Прокофичев Саша – подыгрывающий в шахматы, танцующий; Слободчиков Витя – рассказывающий; Кузьменков Вова, Тимофеев Коля – чернявый хозяйственник; Лисицын Миша – талантливый пацан; Чибисов Слава – случайно попавший в сводный «ленинградский» отряд, а вообще скороговорящий драчун; Андриашин Вова – командир-мама; Гуров Ваня – концентрированное трудолюбие; Волкова Таня – чемпион «смекалки»; Верещаго Люба – талантливые ноги и пишет стихи, но не кляузные; Бахмацкая Мила – диктатор личной гигиены всех и гроза мальчиковой неопрятности; Волкова Галя – сами увидите, на что она способна; Машкова Тома – сгущенная доброта, всепоглощающая скромность; Киселева Нина – всего понемножку; Маней Люда – говорит, поет и краснеет; Токарева Тома – воспитательница наша; Лобачев Толя – у него все круглое: мысли, голова, походка; Пронин Коля – пусть он расскажет вам «Был трудный бой»; Ртищева Рая – она просто какая-то пшенично-бесподобная.

Вот и все, если не считать воспитательницы Галины Константиновны и двух студенток-энтузиасток.

Учтите, что наши каникулы не совпадают с вашими, а значит, – выбудете работать, а мы – гулять. Это ничего?

А теперь – до свидания.

Обнимаем всех и по-братски целуем.

Дорогой товарищ Георгий! [35]

Спешу откликнуться на Ваше ко мне письмо от 14.XI.59 г. Выражаю Вам, Вашим коллегам и всему коллективу воспитанников свой сердечный привет. Я благодарю Ваших хлопчиков за их готовность с нашими воспитанниками переписываться. Наверное, Ваши воспитанники скоро получат письма.

Теперь по основным вопросам Вашего письма.

В какой-то мере правый проф. Медынский, и болгарский педагог Генка Дочев, когда они говорят о некоторых приемах Макаренко, похожих на военизацию. И Вы правы, что в какой-то мере допускаете в своей системе организации коллектива признаки военизации. Самого слова «военизация» не следует страшиться. Ведь в рядах армий наших стран находятся наши братья и сыновья, находились и мы сами. А ведь, кроме специальной «профессии», солдату сообщаются и признаки собранности, внешней, а часто и внутренней культуры, сдержанности и проч. При помощи тут уже настоящей, строевщины, военизации.

У Макаренко в колонии имени М. Горького и в коммуне имени Ф. Дзержинского не занимались строевыми маршировками, не разучивали песен в строю, не водили строем в столовую или в школу, не проводили вечерней переклички. Однако чисто военной терминологии в педагогическом и организационном было много.

Вот посмотрите: рапорт по вечерам был у нас в колонии, а затем и в коммуне, но как? Выстраивались ребята? Проводилась перекличка? Нет. Если на рапортах присутствовали все воспитанники, то они рассаживались на стульях в зале, рапортирующие командиры поднимались со своих мест, выходили на передний план зала и представлялись с рапортом перед председателем Совета командиров. (Вы обратили внимание: председатель, не командир). Сам рапорт звучит так: «Прошу принять первый отряд. По списку воспитанников (а в коммуне – коммунаров) тринадцать, один в отпуске, на лицо – двенадцать. День прошел благополучно. Воспитанник Н. получил двойку, а Н.Н. имел замечание от агронома за отлынивание от работы, и т. д.».

Во время сдачи рапортов все присутствующие в зале встают и стоят не по команде «Смирно!», а по необычной команде «Прошу встать к рапорту!». А по окончании рапортов предлагалось сесть. Переклички не делалось никогда. При зачтении приказа на

следующий день дежурный предлагал встать командой, если это предложение можно назвать командой:

– К приказу прошу встать!

Затем следовало лирическое «Спокойной ночи», провозглашавшееся Макаренко с малым поклоном головой. Наконец, часовые у знамени в вестибюле коммуны. Это атрибут. Это внешние признаки эстетики, но не муштра, не «пожирание начальства глазами».

Походы строем. Так в наши дни даже старухи идут «в строю» на демонстрациях по поводу национальных праздников! А мы были молоды, красивы. Вот Антон Семенович еще и выправкой в строю, и песней задорной сообщал внешнюю мускульную, гимнастическую красивость.

Макаренко во всем этом видел еще и чисто манерную отделку и внешнюю опрятность. Четкое «есть», встать по сигналу… А разве трезвон в колокол или в подвешенный лемех от плуга лучше, призывнее сигнала на трубе, серебряного, голосистого?

Я не знаю, как сложна у вас военизация, но из Вашего письма подозреваю, что не военизация у вас, а только строевая муштрочка. Военизация – это, значит, и преподавание военных дисциплин, хотя бы строевой субординации, караульной службы и прочее. Но может, Вы преждевременно протестуете против военизации у Вас? Если строевая муштра приносит организующий полезный эффект, то пусть она живет и здравствует, тем более что у вас ребята даже в форме. Потом оно само собой отойдет, примет другие формы, методы и приемы.

Работа воспитателей у нас организована так же, как у вас. Организация приготовления уроков, организация развлечений, труда, досуга, работа кружков, спорта, хозяйственно-бытовые дела в группах и отрядах.

Роль воспитателя сложна и многогранна. Надо в какой-то мере быть эрудированным во всех предметах. Кто виноват в получении двойки? В одном случае воспитатель – менее всего, в другом случае учитель – более, в третьем случае – ученик наиболее всего виноват. Значит, он еще не дисциплинирован, и над ним надо много и умно работать воспитателю, учителю и всем, кто с ним соприкасается.

Вы вот ставите нравственную сторону воспитания ниже по своему значению, чем образовательную. А мне кажется, что прежде всего надо воспитывать, а потом обучать. Хорошо, если эти оба процесса составляют единое целое.

Некоторые граждане Болгарии и ЦК Союза работников просвещения и культуры уже приглашали меня и мою супругу в

гости в вашу страну. Я с большим удовольствием воспользуюсь этим любезным приглашением. Но в прошлом году не сумел выбраться. Пусть напишет ваше Министерство нашему Министерству просвещения, и, может, я сумею весной 1960 г. приехать к вам. Тут уж мы и наговоримся и поспорим.

Хорошо ли я ответил, не знаю. Но отвечаю с любовью к Вам и Вашим коллегам.

Ваш *С. Калабалин*

Из дневников С.А. Калабалина

В 1931 г. я спросил разрешения у Антона Семёновича на испытание своих сил, опыта, а, главное, действия системы, которую имел возможность изучать, – системы Антона Семеновича, но в других условиях и не под его началом. Окажусь ли я достойным учеником своего учителя? Оправдаю ли его доверие и надежды?

В Ленгороно я просил предоставить мне место воспитателя в одном из худших по своей организации детских домов. Такое учреждение под титулом «66-я школа-колония для трудновоспитуемых детей» нашлось. Положение было действительно трудное. В Ленгороно меня предупредили, что это учреждение подлежит расформированию, – так оно неисправимо запущено. Если удастся наладить там работу, то Ленгороно готово еще на год отсрочить ликвидацию школы-колонии. Я обещал уложиться в более короткие сроки.

Это была типичная малина-ночлежка, скопление воришек, которые день проводили в городе, занимаясь воровским промыслом, а к ночи сползались в колонию. Мои попытки собрать ребят для знакомства и беседы были безуспешными. Засады в столовой не приносили пользы, так как ребята просто не являлись туда, не нуждаясь в нашей пище.

Карауля у корпуса, я пытался помешать ребятам выходить в город, но они и мимо меня не проходили, и в корпусе их не оказывалось. Воспитатели сидели по своим квартирам-бастионам и не подавали никаких признаков жизни.

И вот на третий день своего безуспешного блуждания по колонии я натянул волейбольную сетку на столбы, надул мяч и стал играть в надежде, что кто-нибудь из ребят соблазнится и составит мне компанию. Это было около шести часов дня, когда, как правило, ребята начинали сползаться домой. Однако ко мне никто не подошел. Вдруг где-то совсем близко задребезжал сигнал, как-то тревожно, взахлеб. Окна второго этажа спален распахнулись, и в них показались букеты мальчишеских голов. Все, кто был во дворе, стремглав бросились в дом. Со второго этажа хором закричали: «Бык! Бык! Убегай!» И я увидел во дворе огромного быка. Он шел, горделиво останавливаясь, загребал передними ногами землю и забрасывал ее на свою могучую спину. Он шел в мою сторону. «Бежать!» И вдруг я подумал, я побегу от этого зверя и… делать здесь мне больше нечего. Позор, слава труса взметнется мне вслед стоголосым улюлюканием трусливо торчащих в окнах мальчишек.

А бык подошел к сетке и стал играть рогами. Пока бык развлекался сеткой, намотав ее на рога, я лихорадочно искал выхода. Бык развернулся ко мне задом, а я схватил его за хвост и стал ногами бить по его ногам и сдавленным голосом уговаривать вернуться на хозяйственный двор. Я решил, что только вместе с его хвостом оторвусь от быка. Через некоторое время мне удалось укротить его и погнать в стойло.

А когда я вернулся во двор, то ко мне подошли несколько ребят и, не скрывая своего любопытства и восторга, заговорили:

– Вы в самом деле не испугались нашего быка?

– А здорово вы его!..

– А все-таки испугались, да, испугались?

– Да как вам сказать… Вообще-то струхнул. А потом решил, что если таких телят бояться, то лучше и на свете не жить.

– Ого! Это теленок называется! Ничего себе теленок. Так он же лошадь запорол! Когда он вырывается, так дядя Гриша специальный знак дает, чтобы люди убегали, – затараторил курносый мальчишка. – Так я же не знал, что его надо обязательно бояться. Если бы знал, то вместе с вами побежал бы на чердак.

Эффект был неожиданный, но нужный.

– Идемте к нам в спальню, – баском проговорил угрюмый мальчик, в котором без труда угадывался «авторитет». Я пошел.

Но что-то похоже на общее собрание состоялось только через несколько дней. А до этого собрания я интриговал ребят, входил в их гущу, разламывал ледок отчуждения то шуткой-прибауткой, то трудовыми и игровыми вспышками разрушал «авторитет» вожаков,

распознавая их, высматривал будущих командиров, влюблял в себя толпу.

А потом уже пошли настоящие собрания, заседания совета командиров, борьба за каждого члена коллектива и воспитание коллектива.

5 мая 1932 г. во двор колонии ворвались пять легковых автомобилей. Это была первая экскурсия иностранцев. Приехали педагоги Англии. Покидая колонию, они оставили следующую запись: «Мы чрезвычайно заинтересовались колонией и остались под большим впечатлением от организации дела воспитания детей, царящей атмосферы дружбы и доверия между заведующим и детьми и отсутствием суровой дисциплины и наказания…»

Что же случилось, что за такое время учреждение, являвшее собою дурную малину, где 150 ребят развлекались игрой в карты, пьянкой, воровством, преобразилось? И не только преобразилось, а было признано образцово-показательным?

А произошло то, что произошло с Иваном Царевичем, когда он испил живой воды. Система организации детского коллектива А.С. Макаренко, возникшая на Украине, оказалась одинаково живительной и в детских учреждениях Ленгороно. Применил я эту систему в 66-й школе-колонии, как говорится, слово в слово. Результаты были воистину изумительными. В 1934 г., в год самого убедительного успеха, в год моего предполагавшегося личного рапорта Антону Семёновичу, собравшемуся навестить мою колонию, мне был нанесён страшный удар. Мой трёхлетний сын стал жертвой садиста-подростка, присланного накануне убийства из приёмника. Сказалось то, что он уже успел совершить не одно подобное преступление.

Какой-то угодник от педагогики тут же, у еще открытой могилы моего первенца, посоветовал бросить это проклятое дело. Ничего, мол, хорошего из этих беспризорников не получится, а вот так, как вашего сына, всех нас поубивают. Им все можно. Я так посмотрел на этого педагогического дьячка, что он не на шутку струсил и, не дожидаясь погребения, скрылся.

Нет, я не бросил поля брани, не отступил, не изменил педагогическому долгу. И не пищал. Антон Семенович писал мне тогда: «Дорогие мои, я не пишу вам слова утешения, я с вами, чувствуйте меня рядом с собой, как чувствую я вас, ваши плечи, ваши сердца. Бывает иногда в жизни такая заваруха, что, кажись, выхода нет, хоть погибай, или отступай. То и ценно в нас, что мы отступать-то и не приучены. Верю тебе, Семен, найди в себе силы перенеси это страшное горе, помоги Гале…».

Со всех концов я получил в эти дни письма от своих воспитанников по колонии имени Горького. Думаю, что этот поток доброй, товарищеской поддержки был результатом подсказки Антона Семёновича…

* * *

Некоторые педагоги до сих пор пожимают плечами: не переборщил ли Макаренко, безусловно опираясь на коллектив? Ведь, в конечном счете, нам надо воспитать личность. Коллектив не цель, а всего лишь средство. Тут кроется хитрая диалектика. Для организатора воспитательного процесса коллектив и цель, особенно на первой стадии его развития, и средство – на втором этапе. Для самих же участников воспитательного процесса, то есть для ребят, он должен выступать как цель. Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Для нас ребёнок – объект воспитания, для себя он –

живой человек, и убеждать его в том, что он только будущий человек, что он – явление педагогическое, а не жизненное, невыгодно и неправильно.

* * *

…Сталинирская ТВК. В первый день пребывания в колонии я решил не делать с детьми официальной встречи. Ходил по колонии, заглядывал во все «щели», изучал «боевую» обстановку… Я говорил с работниками колонии, а ребят как бы не замечал. Они тоже держались на приличном расстоянии от меня, делали вид, что не интересуются мною. Но не выдержали: разведчики стали кружить на близком расстоянии, их пути стали «невзначай» скрещиваться с моими зигзагами по двору. Наконец, один из них метнул на ходу в меня вопросом:

– Вы будете у нас замначем?

– Тебе это лучше знать, буду или нет… (У пацана рот бубликом, а лицо скорчилось недоуменным вопросом.)

– Да-да, это решать будете вы. И если станете очень просить меня, то, может быть, я и останусь в этом хлеву. Но передай пославшим тебя, что замнач сердитый. Не люблю трусов, лентяев, воров, грязнух и дураков.

Хлопец прыснул, распустил свои лохмотья в многочисленные крылья и улетел в направлении спален. Торчащие из окон и дверей

головы ребят скрылись. Я знал, что в эту минуту в спальнях, в которых я еще не был, разведчик докладывает о разговоре со мной.

В тот день мне хотелось сделать еще что-нибудь такое, чтобы дать ребятам пищу для разговора. В новом строящемся доме я услыхал какое-то завывание. Мне объяснили, что это вопит сидящий в карцере воспитанник М, водворенный туда за неоднократные побеги из колонии. В помещении изолятора передо мною предстал подросток лет 16. Лицо в крови, грудь исцарапана стеклами.

– Зарежусь! Все одно зарежусь! – вопил он.

– Ты чего тут истерику закатываешь?

– А что меня держат? Не хочу я жить в колонии!

– Так тыне хочешь жить здесь? А почему же ты в колонии?

– Забрали меня.

– Значит, пришли к тебе домой, ты сидел, читал книгу, а тебя забрали?

– Нет у меня дома. На базаре это было.

– Ты что же, работаешь на базаре?

– Я просто был на базаре.

– Значит, у тебя дома нет, и ты, такой большой и красивый парень, еще не работаешь, а паразитничаешь? Выгоните его вон! Иди, хороший мальчик, куда хочешь. Ты не имеешь права даже на эту яму. Недостоин. Марш!

– Куда идти, в спальню или из колонии?

– Куда хочешь, туда и иди, истеричка!

Я был уверен, что он пойдет в спальню и будет рассказывать, как новый замнач приказал ликвидировать карцер, а охраннику заняться более полезным делом.

М. не ушел из колонии. Сначала не ушел потому, что ему был интересен странный начальник. Затем мне пришлось изрядно поработать над его характером. А спустя полтора года М. как хорошего ученика и производственника приняли в комсомол.

На второй день я пришел в спальню в 6 часов утра. Излишне описывать жуткое состояние спален, способное возмутить самого нетребовательного воспитателя. Я заглянул в лицо каждому спящему. Не было ни одного такого, кого можно было бы назвать дегенератом, идиотом, садистом. То были нормальные детские лица, но с тенями тревоги, а проснутся – и будет толпа, идеал которой «хватай» и «сопротивляйся», девиз которой – «каждый за себя, а прав тот, кто сильнее».

Организация коллектива! Самая решительная и немедленная организация коллектива нужна им более, чем еда, чем все остальное!..»

В текущем году (1964) из детского дома уйдут на дороги жизни более десяти девушек и юношей. Они прожили в детском доме по одиннадцать лет. Наши выпускники – образованные, интеллигентные люди. Из детского дома они уйдут в институты, в техникумы, рабочие коллективы предприятий и совхозов, а некоторые в армию. Они станут рядом со своими старшими братьями и сестрами, вышедшими из детского дома в прошлом году, и вместе с ними будут навещать свой детский дом как свой родительский дом. Они станут зримой радостью, уверенностью в завтрашнем дне для своих младших братьев и сестер, находящихся еще в детском доме.

Наши «старички» много сил отдали на благо детского дома. Приросли мы к этим детям, и, кажется, отламывается от сердца ломоть трепетно-родного. Радоваться бы родительской радостью, а мы печалимся. Но печаль эта счастливая. Но пока наши «старики» дома. Они в серьезной тревоге – ведь предстоят государственные экзамены. В детском доме это предстоящее событие переживают все: ходят тихо, говорят шёпотом. Или вот

такая сценка:

– Сашка? Да не получит он золотую медаль?!

– Так я ж не сказал, что Сашка не получит золотую медаль… Я сказал, что и Мишка получит, а ты…

Так двое малышей выражают свое отношение к академическим успехам своих старших братьев.

В этом и наша отчетливая уверенность, что мы не останемся одинокими родителями. Мы вдруг ясно увидели, что к избаловавшей нас гвардии старших вплотную подошли новые похорошевшие лица. У них нет еще той уверенности и хватки, как у старших, но они уже ощутимая смена. К ним, конечно, придёт и уверенность, и хватка организаторов.

* * *

Прежде всего, я стараюсь понять каждого вновь прибывшего воспитанника. Мне это несколько легче, потому что я сам был и плохим, и хорошим. Помните: однажды меня Антон Семенович выгнал из колонии вместе с вором Митягиным. Это было мне уроком на всю жизнь. К тому же прибавился опыт за много лет работы с детьми в колониях и детских домах.

Через мои руки прошли многие тысячи ребят. Я теперь с первого взгляда на воспитанника могу наметить какие-то перспективные линии. Эту мгновенную оценку можно сделать по глазам, очертанию лба, губам, улыбке и еще по ряду неуловимых черт, которые мы называем обаянием. Стараюсь внутренне вжиться в каждого нового человека, поставить себя на его место и его глазами посмотреть на все окружающее. Если что-то не вяжется, не ладится, то я не могу заснуть, мучаюсь, ищу, прикидываю. Успокоюсь тогда, когда он мне станет понятен, а потом уже начинаю делать свое дело, уверенно сообразуясь с опытом. Если произошло какое-то нарушение, то я почти безошибочно могу сказать, кто это сделал. Это дается опытом, постоянным наблюдением за духовным и физическим развитием детей. Широко пользуюсь на мне проверенным методом – доверием. Но тут надо учесть одно обстоятельство, которое имеет первостепенное значение: надо, чтобы воспитанник верил тебе без всякого подозрения и сомнения. Только тогда можно проникнуть в его душу, да и он сам все расскажет о себе самое сокровенное. Вот тогда только и начинается процесс лепки будущего человека.

* * *

Клемёновский детский дом школьного типа, с большим количеством переростков, пораженных многочисленными пороками и непонятной грубостью с работниками детского дома… Успеваемость составляет 60–70 %. Детские общественные организации фактически отсутствуют. Коллектив работников, и прежде всего воспитатели, находятся в состоянии растерянности и потерянного интереса к делу, не знают, с чего начинать, чтобы вывести детей из их неприятного состояния. Хулиганство и грубость ребят парализовали работу воспитателей. Приняв заведование этим домом, я на общем собрании сказал твёрдо и прямо: «Жить такой оскорбительной для вашего человеческого достоинства жизнью дальше нельзя, и так жить мы не будем. Я буду беспощаден в борьбе за новую, красивую и счастливую жизнь и верю, что рядом со мной встанут смелые ребята, способные с улыбкой на лице пережить и некоторые лишения, и трудности в предстоящей борьбе. Уже с этого собрания мы разойдемся организованными по отрядам, а все командиры отрядов образуют совет командиров. Пусть же наш совет поведет борьбу за то, чтобы мы построили центральное отопление в доме, сделали пристройку для новых спален, провели водопровод, добились бы земельного участка для подсобного хозяйства, чтобы для наших будущих походов по стране приобрели автобус, чтобы заняли первые места в областных спартакиадах, построили стадион и заложили сад. Задачи большие, трудные и, конечно, придётся попотеть – потеть можно, а пищать нельзя…

* * *

Хочу двигаться, жить хочу и видеть хочу разумное, выстраданное человеческое лицо – самого человека…

А и дорого же он достается, этот самый Человек! Но в нем и отдых мой, и утешение…

* * *

Похвалы мы принимали с кислыми рожами и уж если кого и обижали похвалой, так только новичков, неорганизованных, не проникнутых высокими идеями коллективизма.

Я за три года, проведенных в колонии Горького как воспитанник, не помню случая, чтобы на торжественных собраниях лучших из лучших одобряли, премировали. В редких случаях были обыкновенные благодарности, и по прохождении

определенных сроков и условий присуждалось звание колониста с наградой нагрудным знаком. Наградой была для всех радость коллектива, улучшение общего благосостояния коллектива[1].

* * *

Крупными буквами писал на бумаге: «Есть дело для настоящих мужчин!». Ниже ставил цифру «1» и свою фамилию. Намекал: остальные себя приписывайте… Как было не примкнуть к такой компании? И поголовно все детдомовцы выходили вслед за Семеном, чтобы посадить вокруг сады, сделать пристройку к дому, вырыть пруд для купания…

Педагогические мысли С.А. Калабалина [36]

Когда меня спрашивают о педагогике А.С. Макаренко, когда некоторые утверждают, что она пригодна только для исправления беспризорных детей и для того времени, а не для нас и наших школ, одним словом, – это история прошлого, я отвечаю так: **нет, эта система – наука о воспитании, делании человека… Эта боевая, творческая человечность и есть «соль» системы А.С. Макаренко, и её должны понять вы, будущие педагоги, вооружиться ею для ответственного участия в строительстве Человека.**

* * *

Ответственность за воспитание молодого поколения разделяют с педагогами и семьи, и общественность.

О педагогике

Нет более диалектической науки, чем педагогика.

* * *

Удивительное это искусство – дело педагогическое.

Наши учебники по педагогике толкуют вопросы воспитания довольно-таки невразумительно, за что их не раз справедливо критиковали на страницах печати.

* * *

Мне кажется, что у многих студентов, а может быть, и взрослых, работавших с детьми, – пренебрежительное отношение к самой науке педагогике.

О воспитании

Права особой науки о воспитании суверенны.

* * *

Вопрос воспитания физически здорового и высоконравственного поколения, решительной борьбы с аморальными проявлениями должен быть возведён в разряд первостепенной государственной важности. Решим и эту задачу, но при условии, что ей будет уделено больше внимания со стороны правительства.

* * *

Все лучшее в детях дается воспитанием. Все: чувство меры, гордость, патриотизм, всеобъемлющая культура, трудолюбие, любовь и уважение к людям, воля, смелость, скромность, чувство коллективизма – словом всё, все лучшие, украшающие человека качества.

* * *

Как всё лучшее в людях даётся воспитанием, так и всё плохое в человеке даётся тоже воспитанием. Дело в том, что невоспитания вообще нет.

* * *

Именно в детские и юношеские, стало быть, в школьные годы закладывается фундамент человеческой личности, но не всегда получается она такой, какой бы нам хотелось.

Не думайте, что воспитанием должны заниматься только учителя, школа. Самыми ответственными воспитателями являются наши родители.

* * *

Воспитание, воспитание и еще раз воспитание, невоспитания в природе не существует. Некоторые говорят, что такой-то себя ведет плохо, потому что его никто не воспитывает. Это не верно. Воспитание есть всегда, но оно может быть положительным, хорошим, добропорядочным, но может быть и плохим, отрицательным.

Состояния «невоспитания» вообще не существует. Вопрос в том, что воспитание бывает разное, воспитание хорошее и

воспитание плохое. И это надо помнить всем и всегда.

* * *

Если вы сами не занимаетесь воспитанием своих детей, непосредственно не являете собой примера, то готовите себе страдание на старости лет, слезы страдания, слезы родительского горя. В этом случае воспитанием ваших детей занимается кто-то другой, и очевидно такой, который делает антигосударственное зло.

* * *

Мы иногда говорим, что в такой-то семье или в школе, в детском доме и т. д. дети не получают никакого воспитания, а было бы вернее говорить так: там нет положительного воспитания и налицо отрицательное, плохое воспитание.

* * *

На собственном опыте я убедился, что в природе нет неисправимых людей. Нужно только время – для одного больше, для другого меньше. Но, создав необходимые условия, любого человека, одержимого какими-то пороками, можно исправить и перевоспитать.

Не нужно оберегать человека от дурного влияния, но нужно воспитывать в нем способность преодолевать затруднения и различную заразу, в том числе и социальную.

О методике воспитания

Воспитывать детей может даже неграмотный человек: чувством материнства, чувством отцовского долга, плохим или хорошим примером.

* * *

Воспитывая детей, надо любить не только дело воспитания, но и их самих.

* * *

Ведь воспитательная работа – это наше умение привить воспитуемому, вообще людям, общественную мораль, которая делает красивым облик человека, как физический, так и нравственный, создаёт гражданина нашей страны. Мы проводим воспитание в труде, в игре, в должных человеческих отношениях.

* * *

Воспитывать надо всегда и везде, но даже не по задуманному плану, а по какому-то конкретному случаю и поводу.

* * *

Через мои руки прошли многие тысячи ребят. Я теперь с первого взгляда на воспитанника могу наметить какие-то перспективные линии. Эту мгновенную оценку можно сделать по глазам, очертанию лба, губам, улыбке и еще по ряду неуловимых черт, которые мы называем обаянием. Стараюсь внутренне вжиться в каждого нового человека, поставить себя на его место и его глазами посмотреть на все окружающее. Если что-то не вяжется, не ладится, то я не могу заснуть, мучаюсь, ищу, прикидываю. Успокоюсь тогда, когда он мне станет понятен, а потом уже начинаю делать свое дело, уверенно сообразуясь с опытом.

Если нажимать бесконечно на один и тот же метод, то он может дать и противоположный результат. *Нет более высокой действенной силы, чем сила искреннего и весомого слова, и нет более страшной отвращающей силы, чем сила водопада слов, демагогического штампа* (выделено мной. – *Л.М.)*.

* * *

Надо, чтобы воспитанник верил тебе без всякого подозрения и сомнения. Только тогда можно проникнуть в его душу, да и он сам все расскажет о себе самое сокровенное. Вот тогда только и начинается процесс лепки будущего человека.

* * *

В деле воспитания есть и своя технология.

Даже не с педагогической, а с общечеловеческой точки зрения считаю, что очень полезно заставить человека терпеть и самому преодолевать трудности и добиваться того, что ему нужно.

* * *

В самых, кажется, безвинных, самых неожиданных ситуациях следует понимать, что занятия детей сотворяют их. Этому сотворению способствуют влечения, придуманные ими игры, шалости, проступки. Это всегда происходит на тех же пространствах, где живут дети, и где живём мы с вами.

* * *

Дружбу не надо так понимать, что это обнимание, похлопывание по щечке, что это погладить по плечику, в пузик тыкнуть, – это не дружба, это даже не товарищество, это фамильярность, самая безобразная, по-моему, унижающая и уничтожающая лицо педагога.

* * *

Нельзя воспитывать чувство патриотизма только назиданиями. Нужны убедительные примеры, нужны яркие поступки. Трудно воспитать патриота, если не предоставлять подростку условий, в которых он, пусть в небольшом масштабе, но всё же мог бы проявить свой патриотизм.

О педагоге, воспитателе

Перед нами (педагогами – *Л.М.),* дорогие мои друзья, стоит колоссальнейшая, ответственейшая задача. Чтобы нам народ в веках говорил спасибо за то, что вы брака не делали и, замечая брак, вмешивались решительно и чинили человека. Нравственно чинили.

* * *

И хотя процент брака в педагогическом производстве не учитывается никакими ОТК, кроме совести педагога, ей подчас должно быть очень тревожно.

* * *

Следует сказать, что мы, педагоги, очевидно, сделали не все, недостаточно отдаем себя делу воспитания, коли есть еще брак человеческий.

* * *

Я не знаю, какая есть ещё на свете другая специальность, профессия, которая была бы более значимой, чем профессия учителя.

* * *

Не все педагоги могут быть настоящими воспитателями.

* * *

Каждый педагог, хочет он того или нет, воспитывает по образу своему и подобию, а, значит, прежде всего сам должен являться примером настоящего человека.

* * *

Масса вопросов встаёт перед учителем, тем более, перед начинающим учителем, вопросов, ответы на которые вы напрасно будете

искать в учебниках, – это те вопросы, которые рождает жизнь. В том-то и заключается искусство учителя, воспитателя – найти правильный выход из того или иного конфликта.

* * *

Есть таланты, и есть мастера педагогического искусства.

* * *

Надо, чтобы педагог мог воспитать в себе вибрирующие качества, чтобы не заводь, а вода проточная, бурливая и как всякая вода, преодолевающая пороги, прохладная.

* * *

Именно педагог имеет право на гнев. Ведь за «умением держать себя в руках», говорить всегда спокойным, ровным голосом, «без эмоций», скрывается иногда самое обыкновенное равнодушие.

* * *

Может быть, кто-нибудь скажет, кто это выкачал из головы человека такие чувства, как радость, гнев, раздражение, на которые имеет право любой живой человек, а тем более педагог? Почему мы не можем адресоваться к учащемуся по поводу его возмутительных поступков с гневом, раздражением и т. п.? Так опустошили педагога, как будто бы у него не осталось кислорода, остался только какой-то старый газ, так что он действует тихо-тихо.

* * *

Если педагог по-настоящему желает воспитать человека, с присущими ему всеми человеческими качествами, чтобы он мог жить красиво, трудиться, нормально переживать, радоваться и проявлять свой гнев, где это нужно, он должен не просто сказать ему при случае, что делать надо так, а не иначе, делать надо то-то и то-то, – он должен воспитывать так, чтобы всё то, что он хочет вложить в своего ученика, в своего воспитанника, воспринималось им всем его существом.

* * *

Каждый подлинный учитель воспитывает каждое мгновение, на каждом квадратном метре земли.

* * *

Школе, учителям предоставить право на более конкретные и строгие меры наказаний. Следует внушить детям, что их *имеют право наказывать.* Они же у нас привыкли к другому – к безнаказанности и бесправию педагога и школы.

* * *

Учитель не врач, не представитель противного лагеря. Учитель, которому пора создать условия неприкосновенности, всенародного уважения. Не только ученик при встрече с учителем первым должен приветствовать и шапку снять, а и родитель должен первым снять шапку и поприветствовать учителя.

* * *

Учителей надо оберегать предупредительным вниманием, заботой, всенародной поддержкой.

* * *

Воспитатель – это удивительное по своей сложности явление, особенно в столкновении с воспитанником в момент совершения последним нарушения. Он и судья, и следователь, и прокурор, и защитник, и выразитель общественного мнения, и совесть воспитанника.

* * *

Воспитатели – это люди высокого призвания. Их имя надо писать с большой буквы.

* * *

Я хочу, чтобы воспитатель принадлежал телом и душой, всем временем своим только детям.

* * *

Воспитатель должен являться примером для своих воспитанников буквально во всём. И в том, как он ведёт себя, как ест, как выполняет общественные нагрузки и т. д. и т. д.

* * *

Если воспитатели – люди положительные, настоящие, то и рисунок жизни у нового человека будет положительным, красивым. Но может в толпу наставников затесаться человек непорядочный или просто не умеющий. И сделает такой «художник» первую кривую, первую кляксу в общем узоре рисунка, и начнёт эта клякса расползаться, влиять и поражать ядом и все другие положительные линии души.

Учитель, воспитатель должен пользоваться большим авторитетом у учащихся. Причём авторитет – это то, что вы не получите вместе с дипломом, вы сами должны его создать в своей работе.

* * *

Авторитет не покупается за деньги и не выдается в качестве обязательной нагрузки студентам.

* * *

Авторитет это такая вещь, которая приобретается неизвестно когда, своей личностью, своим отношением к делу, к вещам, к людям, к труду.

* * *

Надо следить за собой каждую минуту. Педагог этим оказывает колоссальное влияние на учеников. Чистоплотность, собранность внешняя влияют на внутреннюю собранность. Эти элементы должны обеспечить красивый авторитет для вас самих в той детской среде, в которой выработаете.

* * *

Может быть несовершенный внешний вид, и в то же время

можно казаться обаятельным и привлекать к себе своим сердцем, своей душой, трудовой страстью и умением.

* * *

Всем нам надо следить за собой, беречь свой внешний облик. Наша внешность говорит и о наших внутренних достоинствах.

О коллективе, воспитании коллектива

Мы злоупотребляем словом «коллектив». Мы истёрли его, как медный пятак. А слово это особое, и надо с ним обращаться аккуратно, не разменивая на пустяки.

* * *

Коллектив – это такой живой организм, который требует неусыпной и всё более совершенной педагогической работы и ухода за ним.

* * *

Коллектив не цель, а всего лишь средство. Тут кроется хитрая диалектика. Для организатора воспитательного процесса коллектив и цель, особенно на первой стадии его развития, и средство – на втором этапе. Для самих же участников воспитательного процесса, то есть для ребят, он должен выступать как цель.

* * *

Коллектив создается и растет в движении к цели. Если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способ его организации. Перед каждым коллективом должна быть поставлена общая цель, не перед отдельным классом, а обязательно перед целой школой.

* * *

Мне думается, что невозможно воспитать коллектив так,

чтобы можно было сказать – готов. Можно создать картину и любоваться ею. Но сделать каким-то предельно законченным коллектив и любоваться им – нельзя.

* * *

В первом периоде становления коллектива воспитатели, как правило, работают по десять-двенадцать часов и неделями не пользуются выходными днями. Когда коллектив организационно определился, воспитатели работают меньше, но ещё с напряжением. Но зато после того как окончательно сложился коллектив, работа воспитания становится действительно лёгкой, приятной, радостной.

Хорошо организованный коллектив, уже излучающий педагогическую пользу, конечно, требует и более разумного, организованного руководства. Значит, чем неусыпнее будет наша забота о коллективе, тем живее и полезнее он будет, тем ярче будет его горение, тем больше он даст полезного тепла, тем совершеннее будут его дела, и тем совершеннее будут его отдельные члены теперь и в будущем.

* * *

Если мы будем спрашивать с ученика лишь правильный ответ на все вопросы, он и в дальнейшем будет хорошо рассуждать, но ему и в голову не придет соотнести свои слова с действиями. Надо, чтобы он привык поступать правильно, постоянно тренировать его в этой привычке. И сделать это можно только в коллективе, через коллектив. Вот тот самый инструмент конструирования личности.

* * *

Нужно считать совершенным тот коллектив, члены которого переживают его интересы превыше своих личных, как бы соблазнительный приятны они не были.

* * *

Коллектив, его органы, отдельных членов актива следует

упражнять заботливо, терпеливо, настойчиво и постоянно.

* * *

Истинный фундамент жизни – рабочие будни. Не эпизодические лозунги и призывы к развлечениям и словопрениям, а постоянная трудовая забота – вот что является основанием коллектива.

* * *

Важно, чтобы в педагогическом коллективе были люди, способные чутко распознать наличие дружбы, могущей перейти в естественное чувство любви. Не подслушивать, не подглядывать и не судачить, а осторожно, бережно и красиво, по-матерински, доверительно направлять рождение нежных чувств (и использовать их в самых честных и разумных педагогических планах).

* * *

Организация взаимоотношений старших детей есть лучший показатель того, как поставлено дело воспитания в коллективе. Если всё происходит разумно, нормально, красиво, значит, воспитание было правильным, умным. Если взаимоотношения между подростками уродливы, пошлы, значит, воспитание было организовано преступно.

Об индивидуальном подходе

Классическая формула «найти ключ к сердцу каждого ребёнка» подаётся как идеал, к которому надо стремиться. На практике выходит иначе: индивидуальному воспитательному «воздействию» подвергаются дети, поведение которых не укладывается в установленные рамки. С ними и говорят «по душам», а на остальных просто не хватает ни времени, ни «пороха»!

* * *

Человек появляется на свет с душой, похожей на белую чистую мраморную доску, только душа человеческая не такая холодная и бесплотная, как мрамор. И буквально с первого дня жизни «художники» начинают делать на душе ребёнка узор. Кто эти художники-воспитатели? Это – мамы, папы, дедушки и бабушки, братья и сестры, соседи и вещи, явления природы и общественные события.

О семье, родителях

Основы воспитания закладываются в семье. И большая беда в том, что подчас родители от чрезмерной любви не замечают в детях пороков, всё им прощают и тем самым развивают в любимых детях дурные привычки, которые могут перерасти в зло на всю долгую жизнь человека.

* * *

В семье, страдающей раздором, пьянством, свободным толкованием об учителях, руководителях учреждений, органов власти и прочее, как правило, дети поражаются всякой сыпью, то есть тоже получается брак.

* * *

Главную ответственность за воспитание детей должны нести родители. Только родители ответственны за сообщение детям хотя бы начальных признаков этики и морали.

* * *

В единодушном коллективе и родительской паре превалирует здоровый тон коллективных требований, солидарности, взаимной поддержки и наглядной для детей коллективной примерности. Отсутствие единых принципов, требований в коллективе – это досадная неудача коллектива, а равно и родительской пары. Если речь идет о единстве в коллективе или родительской группе, так это не значит, что все должны одинаково мыслить, поступать, одним тоном говорить, одинаково реагировать на все явления – нет. Каждый отдельный член коллектива должен оставаться самим собою со всеми своими эмоциональными богатствами, но

разность индивидуального богатства должна быть направлена к общей воспитательной цели. Всякая несогласность – брешь в коллективе или паре родительской – это та щель, в которую будут проникать ребята со всеми своими пороками и хитростями с уверенностью безнаказанности.

* * *

Если родители хотят, чтобы их родительская старость была спокойной, воспитывайте решительно, воспитывайте требовательно, сообщайте лучшие человеческие признаки своим детям, чтобы ваши дети были счастливы. Если вы сами не занимаетесь воспитанием, сами не являетесь примером, вы готовите себе слезы родительского горя. Значит, воспитанием ваших детей занимается кто-то другой, очевидно, такой, который делает страшное зло. Не думайте, что воспитанием должны заниматься учителя, школы. Очевидно, есть еще ошибки и у педагогов, они не полностью отдают себя воспитанию, если еще есть «брак человеческий».

* * *

Чрезмерная, слепая родительская любовь расслабляет волю ребёнка, а безволие – это благодатное сырьё для трагического брака.

* * *

У нас есть родители, которые страдают трудобоязнью. Не сами боятся труда, а оберегают детей от труда, и это выдается за примерную заботу о детях. А ведь при этом забывается другая сторона – забота детей о родителях.

* * *

Следует подумать и о том, какими средствами общественного порицания, а может, и материального ущемления, влиять на тех родителей, которые потеряли чувство родительской ответственности за воспитание своих детей, а в случае их беспомощности – помочь им, вплоть до того, что, хотя бы и на

время, забирать детей и содержать в здоровом коллективе за счет родителей.

Школа и воспитание

На известном периоде жизни ребенка в процесс воспитания активно и грамотно включается школа.

* * *

Школа подводит ребенка к развернутой книге познаний. Маленький гражданин приступает к познанию жизни не только на веру. Он начинает познавать ее уже на основе науки. Эта трудная работа – удел школы, и она будет успешной, если в школе будут так же воспитывать, как и обучать.

* * *

Передать детям какую-то сумму знаний сравнительно просто, хотя и это не всегда, как следует, удаётся, но главная цель школы – подготовить для жизни настоящих людей.

* * *

Почти в каждой школе есть хулиганы, двоечники, которые, как известно, «тянут назад» всех. А иной воспитательский просчет не сразу бросается в глаза. Он дает о себе знать гораздо позднее.

О себе и своей воспитательной деятельности

Одно есть у меня – это безграничная, неземная и самая человеческая и чистая любовь к детям. На основании этой любви (а не наигранной или «сюсюкающей»), любви строгой, заботливой и требовательной я обрушиваюсь прямой атакой на человеческие пороки.

* * *

По мере своих сил и возможностей я делаю свое педагогическое дело, и неплохо иногда и кулаком стукнуть и

поставить на свое место воспитанника. Я не понимаю, как можно воздействовать при холодной крови, как можно воспитывать ребенка, если он не почувствует всей нашей страстности.

* * *

Я тружусь 27 лет и почти все время работал в колониях МВД, где трудновоспитуемые дети, и только четвертый год я работаю в нормальном детдоме. И хочется заверить вас и перед вашим лицом, и перед доброй памятью Антона Семеновича, что ни одного из своих воспитанников я не сделал бракованным человеком для нашей Родины.

* * *

Я очень стараюсь, чтобы мне работать так, чтобы дети, которые выходят из моих рук, были бы куском, вынутым из моего сердца.

* * *

Я стремлюсь к тому, чтобы дети, мною воспитанные, были счастливы в жизни, чтобы они были настоящими людьми, чтобы они обладали, как говорил Антон Семёнович, прежде всего одной специальностью – стали настоящими людьми. И для этого не обязательно быть академиком, иметь звание учёного. Можно быть слесарем, механиком, шофёром, комбайнером, врачом, но обязательно – честным тружеником, гражданином своей Родины, быть человеком красивого личного примера.

О воспитанниках

Дети – это наше будущее! Вы должны сказать, какое будущее должно быть. А оно должно быть только хорошим. И надо бы так работать, чтобы было только хорошее, чтобы обеспечить и нашу благополучную старость.

К воспитанникам надо относиться, как к собственным детям. Нельзя быть воспитателем, если тыне можешь относиться к ним, как отец, – строго, требовательно, но с любовью. Я довольно часто спрашиваю себя: а так ли я поступил бы со своим сыном или дочерью?

Воспитуемый должен чувствовать, что воспитатель не только зарабатывает воспитанием хлеб свой насущный, но отдаёт ему свою душу, тратит на него часть самого себя, и гнев его – это его боль, его страдание.

От того, что у нас в детских домах насаждается, что дети не должны сами полы мыть, что они и то, и то, и то не должны делать, а только должны потреблять, мы имеем такие скучные вещи. Такие дети смотрят на нас, как на тех, которые все должны для них, а они – ничего.

Наказание и поощрение в воспитании

Нет, не всё детям дозволено. Они должны знать, что есть пределы, ограничения, запреты. Дети должны знать, что люди живут по законам, нарушение которых – карается.

Своё отношение к поступку воспитанника надо выразить естественно и эффективно, чтобы оно было убедительным для нарушителя, чтобы он видел, чувствовал, что и вы страдаете, не остаётесь спокойным, равнодушным.

Есть еще в мире какая-то часть детей, которая вызывает у нас тревогу своими поступками, своим поведением, непризнанием трудового долга и обязанностей, непочитанием старших и родителей, педагогов и т. д. По отношению к этим детям и должна применяться активная, наступательная воспитательная мера, которая подчас как раз и отсутствует в общей воспитательной системе.

* * *

Моя цель – обратить внимание… на то, чтобы меры поощрения и меры наказания звучали у нас разнообразно, оперативно, чтобы они были максимально эффективными: для одних имели бы значение предупреждения, а для других – воспитательной кары, чтобы поощрение вызывало заслуженное состояние радости и стало бы радостью всего коллектива, а наказание действительно бы вызывало состояние переживания, страдания, а не было бы фарсом, игрой в наказание, чтобы в отдельных случаях наказание вызывало «страдание» всего коллектива.

* * *

Мы, к сожалению, педагогически верно не умеем наказывать ни в семье, ни в школе. И вот вместо настоящего мужчины вырастает хлюпик, неврастеник, вместо женщины – вздорное, капризное существо.

У нас все сводится к собеседованию, к словесным внушениям, то есть к тем мерам, о которых ребята говорят так: «Состоялась очередная басня Крылова». А мера, всякая мера, мера педагогического воздействия, всякая атака, исходящая из сердца и совести педагога, она должна оказать какое-то впечатление на правонарушителя. Она должна вызывать хоть какое-нибудь страдание детской души, хотя бы, наконец, передалась часть страдания души самого воспитателя.

* * *

Как организовать наказание, как подвести наказуемых к наказанию, как должен вести себя педагог, чтобы его поведение, его протест против проступка убедили самих нарушителей в их виновности и необходимости в наложении наказания?

Надо всегда делать так по отношению к проступку ребенка – атаковать, не оставлять без внимания, не оформлять его какими-то бюрократическими мерами, атаковать его, атаковать, не оглядываясь на то, что можно и чего нельзя.

* * *

Наказание должно вызывать у ребенка не улыбку, а, если хотите, испуг.

* * *

Иногда мы вот ещё чем больны. Если дитя совершает какой-нибудь проступок, так мы атакуем его уже как нарушителя, а не атакуем у него этот порок, ищем сначала причину, породившую этот порок.

* * *

Непротивление, безнаказанность воспитывает у детей чувство разнузданной безответственности.

Раздел VII
Педагогическое наследие и современность: материалы первых социально – педагогических чтений, посвященных С.А. Калабалину

Д. Барсков[37]
Семён Афанасьевич и Галина Константиновна Калабалины – страницы жизни

В процессе многолетней поисковой работы по сбору материалов для книги воспоминаний «Колокола памяти» (Записки детдомовца) подготовлена рукопись, которую можно с полным правом отнести к жанру документального повествования. Полученный материал позволяет констатировать, что до сих пор нет целостной биографии Семёна Афанасьевича и Галины Константиновны Калабалиных.

Всем известно, что А.М. Горький создал литературную серию ЖЗЛ (Жизнь замечательных людей), и хочется выразить уверенность – со временем в этой серии займёт достойное место жизнеописание верных последователей своего учителя Антона Семёновича Макаренко – педагогов Калабалиных, лично знавших и великого русского писателя Максима Горького.

Постараюсь кратко привести хронологию жизни Калабалиных и остановиться на малоизвестных страницах необыкновенно прожитой жизни.

Семён Афанасьевич Калабалин родился 21 августа 1903 года в многодетной семье безземельных крестьян в селе Сторожевое Чутовского района Полтавской губернии. Отец – Афанасий Захарович Калабалин умер в 1933 году в возрасте 66 лет, мать – Ефросинья Анисимовна Калабалина (девичья фамилия Гузнако) умерла в середине 1960-х годов в возрасте около ста лет. В семье было семь детей: Софья (1887–1974), Ефим (1891–1967), Иван (1893–1920), Андрей (1899–1943), Марк (1901–1964), Семён (1903–1972) и Мария (1906-19…).

По словам Семёна Афанасьевича, Ефросинья Анисимовна рассказывала, что самый младший сын в семье Калабалиных родился, когда «у кривого Карпа сдохла корова», а «дуркувата Евдоха вышла замуж», на пятый день Святой Параскевы (26 июля/8 августа), т. е. 12 августа, а 21 августа 1903 года является, по-видимому, датой крещения.

С сентября 1910 по 1915 годы учился в школе села Сторожевое. Начало трудовой деятельности связано с работой по найму пастушонком, уходу за скотиной и лошадьми у богатых селян и в хозяйстве помещицы Голтвянской. Период с лета 1915 по март 1918 года бродяжничал на Полтавщине – его С.А.

Калабалин подробно отобразил в автобиографической повести «Бродячее детство» (под ред. Евгения Самойловича Рысса, 1968). С марта 1918 по май 1920 года служил вестовым командиром 1-го Советского Украинского полка имени Тараса Шевченко, в котором воевал его брат Иван, и участвовал в боях против немцев, петлюровцев, гайдамаков, деникинцев, банд «зелёных» на Полтавщине и Херсонщине.

Семён Афанасьевич вспоминал, что «в мае месяце 1920 года мой брат, Иван Афанасьевич, был зверски убит террористами из шайки украинских националистов. Я решил мстить за любимого брата. Сколотилась группа в полсотни человек. Из моих добрых намерений ничего доброго не получилось. Группа всякой шантрапы – почему-то много цыган – превратилась в обыкновенную шайку грабителей. В ноябре 1920 года шайка была настигнута и ликвидирована».

Отряд конного резерва милиции во главе со вторым братом Семёна, Ефимом Афанасьевичем Калабалиным, разбивает банду, а Семён, вместе с оставшимися в живых членами этой банды попадает в Полтавскую губернскую тюрьму. За уголовный бандитизм и вооружённый грабеж Семён был осужден Чрезвычайной Комиссией (ЧК) и попадает в камеру смертников. Однако решение о его расстреле было отменено.

Весьма вероятно, что к Макаренко обратился Ефим Афанасьевич Калабалин с просьбой взять Семёна на воспитание к себе в колонию. Известно, что А.С. Макаренко и раньше брал под своё попечительство на перевоспитание несовершеннолетних правонарушителей. По ходатайству А.С. Макаренко 9 марта 1921 года Семён Калабалин (в «Педагогической поэме» – Семён Карабанов) становится воспитанником Полтавской трудовой колонии имени М. Горького, расположенной неподалеку от села Гончаровка под Полтавой. С этого периода он находится под воспитательным влиянием Антона Семёновича Макаренко.

Семён Афанасьевич об этом писал: «Однажды меня вызвали к начальнику тюрьмы. Войдя в кабинет, я увидел, кроме начальника, незнакомого человека… Больше всего моё внимание привлек большой нос и на нём пенсне, а за ним блеск живых, насмешливо-добрых, каких-то зовущих умных глаз. Это был Антон Семёнович Макаренко. Макаренко сумел заметить во мне достоинства человеческие, о которых я тогда и не подозревал в себе. Это было его первое тёплое человеческое прикосновение ко мне». Дальнейшее замечательно представлено на страницах «Педагогической поэмы»…

«Когда собрались пожениться (Семён и Галина – Л.М.), пошли к Макаренко советоваться, он был непререкаемым авторитетом.

Антон Семенович сказал Галине Константиновне: «Я очень люблю Семена и люблю тебя, но я вам не советую жениться. Потому что Семен весь пошел в меня, он будет весь в работе, и семье ему будет некогда уделять внимание». В семнадцать лет натура еще бесхитростна, да и ставить крест на любви не хотелось. Она ответила, что постарается создать такую семью, которая бы помогала мужу в работе…»

Д. Барсков
Предсвадебное послание С.А. Калабалина своей будущей жене

11 марта 1926 г.

Поздно уж, родимая, ждать тебя невмочь.
На дворе цыганкою распростерлась ночь.
Мы с тобою, Галочка, встретим здесь зарю.
Я тебе, любимая, счастье подарю.
Окружу заботою, лаской и теплом,
По пути нелегкому вместе мы пойдем.
Парня бесшабашного встретила не зря.
Все, что в нем хорошего, только для тебя.
Горьковскою дружбою связаны с тобой,
Будь же мне подругою, верною женой.

1 сентября 1927 года по рекомендации А.С. Макаренко Галина Константиновна начала работу в Управлении детскими домами, коллектив которого состоял из бывших работников и воспитанников колонии им. Горького. Там и произошла её встреча с Семёном Афанасьевичем. 21 октября 1927 года состоялась их свадьба, а брак был зарегистрирован 17.03.1928 года в городе Харькове, тогдашней столице Украинской ССР.

По рекомендации А.С. Макаренко в октябре 1927 года Семён Афанасьевич назначается заведующим общежития воспитанников детских домов и коммун на станции Комаровка под Харьковом, где он работал до августа 1928года.

С августа 1928 года начинается официальная педагогическая работа Семёна Афанасьевича Калабалина. Его назначают воспитателем, а затем заведующим учебно-воспитательной частью Будянской колонии им. В.Г. Короленко (пос. Буда, Харьковская область), а 1 февраля 1929 года – воспитателем коммуны имени Ф.Э. Дзержинского, где он работал под руководством А.С. Макаренко (г. Харьков).

18 ноября 1928 года у Галины Константиновны родилась дочка Ниночка, которая умерла от воспаления легких в январе 1929 года.

С 1 февраля 1929 года Галина Константиновна работает под руководством А.С. Макаренко воспитателем коммуны имени Ф.Э. Дзержинского НКВД Украины. 18июня 1930 года у Калабалиных

родилась дочка Леночка (г. Харьков, УССР).

С марта 1931 г. Семён Афанасьевич работает старшим воспитателем («командиром батальона») детской воспитательной колонии в Детском Селе Ленинградской области. 24 августа 1931 года родился сынок Костик, который трагически погиб 04.07.1934 года от рук воспитанника-психопата.

С марта 1932 года Семён Афанасьевич работает старшим воспитателем школы-колонии № 66 для трудновоспитуемых детей «Сосновая Поляна» в пригороде Ленинграда. С 1 июля 1932 года Галина Константиновна – воспитатель Ново-Знаменской школы колонии Ленинградского областного отдела народного образования.

С августа 1934 года Семён Афанасьевич – заведующий учебной частью детского дома № 54 Сталинского района Ленинграда.

24 июня 1935 года у Калабалиных родилась дочка Галочка (г. Харьков, УССР). В этом же месяце Семёна Афанасьевича временно назначают инспектором Управления колониями НКВД в Киеве, которое ранее возглавлял А.С. Макаренко, а затем заместителем начальника Одесского детского приёмника. С 18 декабря 1935 года С.А. Калабалин – помощник Управляющего и начальник учебно-воспитательной части Винницкой трудовой колонии № 8 НКВД Украины, а Галина Константиновна с 1 декабря 1935 года – воспитатель этой колонии (село Якушинцы, Винницкая область, УССР),

24 января 1938 года по ложному доносу Семён Афанасьевич с клеймом «враг народа» был арестован и помещён во внутреннюю тюрьму Управления НКВД по Винницкой области. Семён Афанасьевич вспоминал: «На первом допросе мне предложили дать объяснения о моей контрреволюционной деятельности и о том, что я вёл антисоветскую агитацию среди детей. Я назвал этот бред анекдотом…

Хлопцы (воспитанники колонии) взвыли, – за что арестовали нашего Семёна Афанасьевича? Кое-кто из местных работников промямлил «враг», – ему заплевали глаза. Колония в течение трёх дней окружена милицией. Воздвигли карцер. На работу и в школу не пошло 50 % детей. Пошли попойка, игра в карты, грабежи и воровство.

«…всё, что было сделано за два года – рухнуло, как рушатся на пожаре горящие стропила», возмущался Семён Афанасьевич, анализируя произошедшее. 2 марта 1938 года С.А. Калабалина выпустили из тюрьмы и сняли все обвинения.

С 27 марта 1938 года Галина Константиновна – воспитатель Соколовского специального детского дома Министерства

просвещения Украинской ССР (пос. Соколовка, Крижопольский район, Винницкая обл.), а Семён Афанасьевич – заведующий учебной частью.

«Дорогая Галочка и детки! – писал Семён Афанасьевич из Москвы вскоре после похорон А.С. Макаренко. – Сегодня я был принят начальником группы детских домов Мособлоно с исключительной теплотой. Мне было предложено принять детский дом в Барыбино на 500 человек. Дом этот стоит у них, что называется, поперёк горла своей запущенностью. Я дал согласие и завтра с инспектором еду туда на смотрины…». 20 мая 1939года его назначают директором детского дома № 3 Мосгороно (Барыбинский детдом, Московская область).

В воспитательной работе в Барыбино проявились высокая принципиальность, оперативная решительность, организаторская способность, постоянная трудовая и деятельная готовность, которыми располагал Семён Афанасьевич, и которые обеспечили ему быстрое педагогическое оздоровление колонии (из характеристики С.А. Калабалина). Галина Константиновна работала воспитателем Барыбинского детского дома с 31 августа 1939 года по 25 декабря 1940 года.

6 сентября 1938 года родился сынок Антоша, который умер от воспаления лёгких 17.04.1939 г. 31 октября 1939 года родился сынок Антошик (деревня Авдотьино Малинского района Московской области).

С 3 ноября 1940 года Семён Афанасьевич – директор детского дома № 60 Мосгороно с особым режимом в Сокольническом районе Москвы.

Вскоре после начала Великой Отечественной войны, 15 июля 1941 года, С.А. Калабалин призван в Красную Армию. Спустя десятилетия с некоторых документов из архивов некогда всемогущего ведомства НКВД СССР был снят гриф «секретно». Тогда же в открытой печати появились статьи и книги, посвященные разведывательной деятельности чекиста С.А. Калабалина. Наиболее содержательно об этом написали А.Е. Хинштейн и Л.П. Овчинникова. Хочется остановиться только на неизвестных фактах, рассказанных самим Семёном Афанасьевичем, дополнив их документальными свидетельствами из архива органов безопасности Горьковской области по делу разведывательной группы майора С.А. Калабалина.

Навсегда запёчатлёнными в памяти остались три эпизода из «военной биографии» Семёна Афанасьевича, услышанные из его уст во время моего пребывания в Клемёновском детском доме. Это были всего три страницы из необыкновенной, почти невероятной, повести с условным названием «Невидимый фронт

разведчика Калабалина».

Страница первая

Расставшись с Галиной Константиновной на Ярославском вокзале 15 июля 1941 года, Семён Афанасьевич Калабалин прибыл в распоряжение «товарища Василия» и прошел десятидневные курсы специальной подготовки при учебном Центре Московской военной разведки. После завершения краткосрочного обучения он был назначен командиром отряда особого назначения и 11 августа 1941 года самолётом из Москвы был доставлен в штаб Южного фронта в село Бровары, которое расположено на левом берегу Днепра неподалеку от Киева. В ночь с 13-го на 14 августа отряд «товарища Семёна» в составе 13 десантников-разведчиков был заброшен в тыл противника для осуществления разведывательно-диверсионной деятельности на территории Винницкой и Житомирской областей Украины.

После выполнения задания разведывательной группе ровно через месяц надлежало вернуться к своим через линию фронта. Но этого не случилось… Уже сам выброс отряда произошёл крайне неудачно – парашютистов разбросало на большой территории, и встретиться командиру после приземления удалось лишь с двоими. По-видимому, немцы засекли самолет, и к месту выброски отряда были направлены многочисленные вооружённые подразделения полицаев и местных националистов-бандеровцев.

Семён Афанасьевич об этом эпизоде рассказывал нам так, что они втроём расположились на дневку в стогу сена, но были обнаружены вооружёнными людьми, которых поначалу приняли за партизан. Приказав радисту с напарником уходить для встречи с остальной группой, «товарищ Семён» решил отвлечь незнакомцев и дать возможность хотя бы ценной собственной жизни уйти товарищам. Он был приведен в деревню. По дороге одна баба спросила: «Кого это поймали?» Ей ответили: «Комиссара!» Разъяренная бандеровка бросилась к пленному с вилами в руках – и через мгновение острые зубья впились в правую ногу Семёна Афанасьевича. Затем ему был нанесен удар по голове прикладом, вслед за этим началось избиение. На первом же допросе Семён Афанасьевич назвался Наливко Иваном Андреевичем, жителем своего родного села Сторожевое, что на Полтавщине (они дружили в детстве, но потом разошлись и больше не встречались). Вскоре его передали немцам, которые положили Семёна Афанасьевича в Новгород-Волынский госпиталь для военнопленных, настолько жестоко он был избит бандеровцами. Бежать из госпиталя не удалось – его выдала одна

из медсестёр, заподозрившая приготовление к побегу. В этот же день Семён Афанасьевич был отправлен в Холмский концлагерь № 319 «А» под Шепетовкой. В ноябре 1941 года его перевели в «лагерь смерти» в местечке Понятово. В этом концлагере свирепствовали тиф и дизентерия, от которых умирали тысячи военнопленных. Выжить в нечеловеческих условиях Семёну Афанасьевичу помогли хорошая физическая подготовка и закалка организма, полученные ещё в период пребывания в колонии имени Горького. В марте 1942 года последовал его обратный перевод в Холмский лагерь…

Страница вторая

Моим одноклассником в 1962–1963 учебном году был Виталий Харин (по архивным школьным документам у него было имя Виктор). Он прибыл в детский дом из Липецкой области, что абсолютно никого не удивляло, – у нас были ребята из различных регионов России украинцы, армяне, татары, азербайджанцы, евреи, этнические немцы и т. д.

Как-то раз на одном из вечерних рапортов при коллективном обсуждении проступка Харина Семён Афанасьевич неожиданно произнес в адрес провинившегося слова, поразившие всех своим откровением: «Я встретил твоего отца в немецком плену, поверил ему. Вместе со мной он участвовал в борьбе с врагом, а потом я помог восстановить его доброе имя. Отец просил принять тебя в наш коллектив. Так-то ты отвечаешь на нашу с ним отеческую заботу?! Твой отец прошёл через тяжелейшие испытания у немцев, а потом проверку у своих, а что вытворяет этот великовозрастный оболтус?! Стыдно, глупо и непозволительно поступать так современному молодому человеку!»

О том, как сошлись военные судьбы разведчика Калабалина и Петра Яковлевича Харина, мне довелось узнать из протокола допроса П.Я. Харина в Горьковском управлении НКВД СССР после заброски его в составе диверсионной группы и добровольной явки в органы безопасности. О событиях предшествующих этому, рассказал в своих публикациях Александр Хинштейн.

«Однажды в Холмский лагерь приехал доселе никому не известный офицер, хорошо владеющий русским языком, в чине ротмистра, и начал нас вызывать по одному. Спрашивал ротмистр фамилию, образование, семейное положение, какие места СССР хорошо знаешь, и затем внезапно – желаешь ли работать против большевиков. Получив утвердительный ответ, отпускал. Я согласился, так как видел в этом деле перспективу либо бежать, либо работать на пользу своей Родины – СССР.

После его посещения дня через три нас всех погрузили в две грузовые автомашины и через Люблин доставили в окрестности Варшавы, местечко Сулиевек. Варшавская Центральная разведывательная школа «Абвера» была организована в ноябре 1941 года начальником отдела «Абвер-2» генерал-майором Эрвином фон Лахузеном и размещалась в бывших дачах Пилсудского в 25 км Юго-Восточнее Варшавы.

Школа разведчиков-радистов, куда я был назначен, насчитывала около 160 человек. Она состояла из трех блоков: в двух готовились радисты, а в третьем блоке – разведчики-ходоки. Все три блока находились на одном участке, но друг от друга отгорожены забором. Школа не была обнесена колючей проволокой, но слушателям было запрещено ходить за определенную зону и особенно общаться с населением. Кормили нас прилично, в день давали около 400 граммов хлеба, литр мясного супа, граммов 25 масла или маргарина, иногда колбасу – 50 граммов, иногда – повидло, утром и вечером – чай. Кроме того, на неделю – пачку махорки и 3–5 сигарет в день.

Занимались мы радиоделом 3 часа в день и 3 часа в день такими предметами, как топография, организация РККА, методы работы органов НКВД и физподготовка. Начальник школы – ротмистр Марвиц, его помощник – ротмистр Броневицкий. За время существования школа подготовила для заброски в тыл Красной Армии не меньше 700 человек разведчиков.

Меня определили на работу с рацией, и в этой профессии я сразу же достиг немалых успехов, поэтому преподаватели были очень довольны. Агентурную кличку я получил «Бестужев». За всё время пребывания в плену я постоянно думал и искал случая вернуться на территорию СССР и служить на пользу Родине. Такой возможности я ожидал. Больше того, я по мере возможности к этому склонял и уговаривал моих товарищей по школе. К этому, в частности, я подговорил перебрасываемых разом со мной радистов-разведчиков Харина, Парменeнкова {мой напарник) и других».

С.А. Калабалин

Именно в этот период о «подрывной деятельности» Семёна Афанасьевича Калабалина-Карабанова (в немецкой разведшколе он не скрывал ни своего настоящего, ни литературного имени) узнали и советские чекисты. Некоторые заброшенные в наш тыл выпускники Варшавской школы приходили с повинной и рассказывали о человеке, который убедил их сохранить верность Родине. О Калабалине нашим контрразведчикам поведал немецкий агент Устин Каратаев, добровольно пришедший в НКВД под Воронежем в июле 1942 года. Позднее его показания подтвердил и другой сдавшийся чекистам агент Владимир Лящук.

Так что в Разведывательном управлении НКВД уже накопилось достаточно сведений о «Семёне» ещё до его засылки на территорию Горьковской области.

В книге В.И. Андрюхина «По следу Вервольфа» представлены копии подлинных архивных документов по делу «Бестужева» – Семёна. Это протоколы *и* выписки из протоколов допросов членов его разведывательно-агентурной группы, выброшенной в ночь с 15-го на 16 сентября 1942 года в составе 6 человек с немецкого самолета в Горьковской области, около города Арзамас. Приземлившись, С.А. Калабалин в тот же день добровольно явился в Арзамасский райотдел НКВД, сдал радиостанцию, оружие, деньги, документы и дал ценные сведения о Варшавской разведшколе «Абвера», а через несколько дней добровольно сдались и другие члены группы – Немченко, Парменков и Харин – их Калабалин убедил сдаться ещё во время учёбы. Об этом красноречиво свидетельствуют показания, в которых «Бестужев» – Семён характеризовался ими положительно.

Протокол допроса обвиняемого

Харина Петра Яковлевича

от 30 сентября 1942 года

(Харин Пётр Яковлевич 1918 года рождения, уроженец д. Венюково, Красненского района, Орловской области, русский)

Вопрос: *расскажите, что Вам известно о немецком разведчике по кличке «Бестужев», с которым Вы обучались в Варшавской школе и были вместе на одном самолёте направлены в тыл Красной Армии?*

Ответ: *настоящая фамилия «Бестужева» Калабалин Семён Афанасьевич. О том, что его фамилия Калабалин, он рассказал мне сам ещё, когда мы обучались в Варшавской школе. Назвал он мне настоящую фамилию потому, что мы были с ним в хороших отношениях – дружили, и он мне доверял. Знали мы друг друга по Холмскому лагерю, где жили с ним вместе около 20 дней перед отправлением нас в Варшавскую школу. В Холмском лагере Калабалин в списке личного состава значился под фамилией Карабанов Семён Афанасьевич…*

Калабалин рассказывал, что он воспитывался в детдоме, а потом сам продолжительное время работал воспитателем в детском доме вместе с известным педагогом Макаренко. В книге Макаренко «Педагогическая поэма» он, Калабалин, выведен главным героем в образе Сеньки Карабанова. До войны Калабалин работал в Москве, в детдоме. Когда началась война, он в августе 1941 года был выброшен в тыл немцев с диверсионным отрядом имени Семенова, командиром этого отряда был он, Калабалин…

Каким образом он был завербован и направлен в школу

разведчиков в Варшаву, мне не известно. В школе в Варшаве обучался радистом. В Москве проживает семья Калабалина, жена и дети.

Находясь в Варшавской школе, в беседах «Бестужев» высказывался против немцев и работать на них не собирался. Когда мы прибыли в сентябре под Смоленск, в деревню Катынь, здесь мне «Бестужев прямо сказал, что когда я попаду на советскую территорию, то должен пойти в органы НКВД и заявить о себе, так как он, «Бестужев», также после приземления немедленно явится в органы НКВД.

Выписка верна: сотрудник 3-го отдела
ГУК «СМЕРШ» – гвардии ст. лейтенант (Андреев)

Страница третья

Больше месяца (с 16 сентября по 24 октября 1942 г.) Семён Афанасьевич провёл в одиночной камере, пока руководством НКВД окончательно не был разработан план, в котором «Бестужеву» – Семёну отводилась ключевая роль. Для чекистов-контрразведчиков стало очевидным, что ученик Макаренко, который с риском для жизни вёл подрывную работу в логове врага, наверняка справится с важнейшим заданием в радиоигре против «Абвера» (ее НКВД начал в конце октября 1942 года под кодовым названием «Горьковский дуэт»), Семён Афанасьевич был освобождён из-под стражи по личному распоряжению заместителя Наркома внутренних дел В.Н. Меркулова (1895–1953) и включен в оперативную комбинацию…

В полном соответствии с полученными у немцев инструкциями он легализовался в городе Горьком, прописался по выданным немцами фиктивным документам на имя уволенного по ранению (хромота от вил бандеровки это подтверждала) красноармейца Семёна Карева, встал на учет в военкомат и устроился работать в подсобное хозяйство (посёлок Мыза в пригороде Горького). Его работу курировал сотрудник «СМЕРШа» лейтенант Константин Грязнов. Вскоре состоялся первый сеанс связи с Варшавой, а потом на вопросы руководства «Абвера» пошла строго дозированная дезинформация, которая поступала прямо из Ставки Верховного Главнокомандования.

Главной в этой операции стали сведения о ложной переброске наших войск в самый разгар битвы за Сталинград. «Бестужев» – Семён сообщил немцам о крупных воинских частях, якобы формируемых в Горьком. Одновременно он передавал о большом количестве воинских эшелонов, двигавшихся на Москву. Военное руководство Третьего рейха стало усиливать московское

направление и подтягивать туда дополнительные воинские резервы. Агент «Бестужев» (Семён Афанасьевич Калабалин) от имени фюрера был награждён Железным крестом – одной из высших наград нацистской Германии. «Радиообман» гитлеровцев продолжился вплоть до конца лета 1944 года, когда линия фронта вплотную подошла к Варшаве, разведшкола переместилась в Германию и связь прервалась…

За это время «Абвер» был переполнен дезинформацией. Порой бывало совсем непросто – прогнозируемое, но всё-таки неожиданное появление 11 июля 1943 года двух контролирующих немецких агентов – связников «Бирюка» и «Родина» – на явочной квартире после двухнедельного наблюдения за ее «чистотой». Через несколько месяцев допросов оба вражеских агента предстали перед судом военного трибунала и были приговорены к расстрелу. Были и другие проверки достоверности сведений, передаваемых «Бестужевым» – Семёном. Но горьковские чекисты действовали изобретательно – одновременно ими в Горьком велась аналогичная радиоигра под кодовым названием «Друзья». Два других «немецких агента» передавали в «Абвер» сообщения, полностью дублирующие материалы «Бестужева» – Семёна. В основном они содержали сведения о проходивших через железнодорожный узел эшелонах с грузами и войсками.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1943 года С.А. Калабалин за проявленные мужество и находчивость, за неоценимую помощь действующей армии был награждён орденом Отечественной войны II степени. Высокую награду ему вручил 28 декабря 1943 года лично начальник Главного Управления контрразведки «СМЕРШ» Наркомата обороны СССР генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов (1908–1954 гг.).

Но война продолжалась, и майор Калабалин получал ответственные задания советской контрразведки не только в радиоигре с «Абвером», но и по активному поиску и обезвреживанию вражеской агентуры, прошедшей подготовку в Варшавской школе и действовавшей в различных городах на советской территории. Это были глубоко законспирированные агенты немецкой разведки, не рассчитывавшие на снисхождение даже в случае добровольной сдачи органам НКВД. Многих из бывших курсантов Варшавской разведшколы агент «Бестужев» – Семён знал в лицо…

В одном из своих рассказов Семён Афанасьевич поведал нам о том, что на него было совершено несколько покушений: три раза стреляли в Горьком и один раз – в Астрахани. Это свидетельствует о том, что смертельный поединок с «Абвером»

продолжился и на своей территории.

В своей книге В.И. Андрюхин (глава 3, «Радиообман высокого полета») высказывает совершенно неожиданную версию о том, что С.А. Калабалин был советским разведчиком, которого еще в 1941 году (!) готовили к внедрению в германскую разведку в Московском Центре чекистов во главе с «товарищем Василием». С автором книги нельзя не согласиться.

Во-первых, в плену у немцев С.А. Калабалин не скрывал своей фамилии, звания и биографии, «негативным фактам» которой немцы дали своё толкование. А Семён Афанасьевич, обладая великолепным талантом артистического перевоплощения (вспомним его многочисленные театральные роли в самодеятельных спектаклях в колонии имени Горького), сумел убедить их в искренности своего желания служить «Великой Германии». Поэтому яркая довоенная биография беспризорника и предводителя бандитской шайки, приговоренного к расстрелу еще в 1920 году, сделала Семёна Калабалина в глазах профессиональных вербовщиков из «Абвера» непримиримым противником большевиков. В этом заключался колоссальный психологический эффект и «запас прочности» для легализации своей деятельности у противника – не надо было менять имя, придумывать новую биографию и вживаться в иную роль.

Во-вторых, по многочисленным свидетельствам сдавшихся немецких агентов, Калабалин пользовался у курсантов разведывательной школы, бывших пленных, большим авторитетом в силу своей незаурядной личности и яркой биографии колониста-горьковца, а затем педагога-воспитателя. Он не просто уговаривал их после выброски явиться с повинной, но и подробно инструктировал, как вести себя на допросе, чтобы им поверили в НКВД. Так мог действовать только человек, выполнявший специальное задание, а не просто офицер-десантник, посланный во главе группы с разведывательно-диверсионным заданием в тыл к немцам.

В-третьих, высокая государственная награда «Бестужеву» – Семёну в конце операции в Горьком совершенно невероятна для немецкого агента, добровольно сдавшегося органам НКВД и в дальнейшем исполнявшего роль «двойника». В суровые военные годы бойцам и офицерам Красной Армии, сдавшимся в плен, согласно приказу от 10 августа 1941 года за подписью Народного комиссара обороны И.В. Сталина светил приговор военного трибунала, а добровольная явка «с повинной» учитывалась лишь в качестве смягчающего обстоятельства. И только… Об этом весьма красноречиво свидетельствует судьба члена разведывательной группы П.Я. Харина. При этом следует особо подчеркнуть, что

награду Семёну Афанасьевичу Калабалину вручал один из высших руководителей органов государственной безопасности и Наркомата обороны страны Виктор Абакумов.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что на самом деле С.А. Калабалин был советским разведчиком, которого Московский разведцентр еще в июле-августе 1941 года специально подготовил для внедрения в германскую разведку и затем переправил за линию фронта с «двойным» заданием.

Разведывательная эпопея Семёна Афанасьевича была частично рассекречена совсем недавно, попала на страницы различных книг, отражающих деятельность органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. Но главная загадка сохранилась: а какое задание в действительности выполнял «Бестужев» – Семён Калабалин? Какие это были поручения? Полностью прочитать все страницы деятельности разведчика Калабалина предстоит не скоро – архивы ФСБ РФ будут хранить свои тайны на протяжении еще многих десятилетий…

После того, как Семён Афанасьевич Калабалин возглавил детский дом в Клемёново и повёл решительную борьбу с негативными явлениями не только в жизни детдома, но и среди сельчан, по деревне тотчас поползли слухи самого невероятного содержания. Мол, Калабалин – бывший бандеровец, скрывшийся от правосудия на Украине. Эти слухи в виде «сообщений бдительных граждан» дошли до Управления КГБ СССР по Егорьевскому району, откуда в детский дом к Семёну Афанасьевичу приезжали сотрудники Комитета государственной безопасности для проверки «изложенных фактов». Само собой разумеется, что после разговора егорьевских чекистов с «товарищем Семёном» грязные домыслы про нового директора детского дома в одночасье прекратились…

В одном из своих интервью к нашумевшему телевизионному фильму «Учитель с железным крестом» (канал «Россия», 2011 г.) Антон Семёнович Калабалин, сын легендарного разведчика, поведал историю о том, как после публикации в журнале «Огонёк» о педагоге-макаренковце С.А. Калабалине в адрес Семёна Афанасьевича пришло письмо, поначалу весьма озадачившее Галину Константиновну. В ответ на удивленные расспросы Семён Афанасьевич ограничился кратким комментарием, что «письмо от однокурсника». Потом он несколько дней отсутствовал, но это не было удивительным, поскольку Семён Афанасьевич довольно часто выезжал на встречи со студентами, педагогами и общественностью в различные города страны.

Спустя некоторое время после возвращения он поведал Галине Константиновне о том, что злополучное письмо было от неразоблаченного агента – бывшего курсанта Варшавской школы «Абвера» (такой вот оказался однокурсник!), который по фотографии, помещенной в статье, узнал агента «Бестужева» – Семёна и сделал опрометчивую попытку шантажировать «нашего Семёна» разоблачением. С помощью Семёна Афанасьевича затаившийся враг был обезврежен сотрудниками КГБ. Это был последний отголосок тех событий – «эхо прошедшей войны»…

«…в июле 1941 года Семёна вызвали в военкомат, домой вернулся с повесткой на фронт. На душе было очень тяжело, томила неизвестность, что ждёт всех нас, но я понимала сердцем, что война – дело всего народа и место Семёна сегодня там, где он нужен. Враг подходил к Москве. Я осталась одна с четырьмя детьми: Павел Прокопенко (мы его усыновили), Леночка, Галочка и Антоша. Старалась всеми силами держать себя в руках, чтобы не расстраивать Семёна и детей. Внешне спокойно собирала Семёну рюкзак. Наутро следующего дня мы с Пашей проводили его на Ярославский вокзал. Шел дождь. Семён сказал: «Знаешь, дождь – хорошая примета, значит, вернусь обязательно». Не подозревала я тогда, что Семён готовился к отправке в тыл врага. Он скрыл это от меня, и узнала я об этом только в 1944 году. Перед отъездом он мне сказал: «Будь мужественной, терпеливой, это поможет тебе перенести нашу разлуку… Я обязательно вернусь».

Г. К. Калабалина

Позвонила Галина Стахиевна Макаренко и сказала, что эвакуируется в Куйбышев. Предложила взять с собой Леночку, но она категорически отказалась: «Ты что, мама! Я никуда от вас не поеду, все будем вместе. Мы с Пашей будем тебе во всем помогать, мы так обещали папе». Мне и самой не хотелось расставаться с ними, ни с кем из детей, но предложить я должна была им, чтобы потом не упрекать себя. Я была счастлива, что мы все вместе, что у меня добрые, отзывчивые дети.

Через несколько дней совершенно неожиданно на пороге дома появилась моя сестра Оля (она до войны работала в Виннице). Измученная, с тремя детьми: Ниной – 7 лет, Игорем – 1,5 года, грудным младенцем и узелком вещей в руках. Оказалось, что их куда-то эвакуировали, хотя часть пути они шли пешком. Когда их состав проезжал по окружной дороге под Москвой, она сбежала с поезда на остановке, хотя это было категорически запрещено, и с огромным трудом добралась до нас. Дети были до предела измучены. Помыли их, накормили,

уложили всех спать, а сами пошли в гороно – просить для Оли назначение на работу и включить её с детьми в список эвакуированных работников детдома.

Семья моя теперь увеличилась вдвое. Сборы детского дома продолжались неделю. Нужно было упаковать обмундирование, заготовить питание, составить опись имущества, которое оставили в Москве… 20 ноября 1941 года нам сообщили, что отправляется наш эшелон завтра… Дорога была трудная, периодически бомбили, не всегда можно было достать воды. По дороге к нам в вагон сели три офицера, которые после госпиталя ехали по направлению домой, очень участливо относились к нашим ребятам. Старались чем могли нам помочь… Вечером разговорились с одним подполковником, он читал «Педагогическую поэму» и, когда узнал, что я жена Карабанова, любимого его героя, стал расспрашивать о Семёне. Я показала ему фотографии Семёна, которые всегда были при мне как талисман. Он внимательно посмотрел и сказал: «Посмотрите, так это же Семён Калабалин! Я с ним в 1926 году вместе служил в 74-м полку в г. Яроське Полтавской области». Именно там проходил Семён обязательную службу – это я знала. После подполковник активно включился в нашу жизнь и до самого Челябинска помогал нам во всём.

27 ноября мы прибыли в Свердловск. Здесь нам предстояла пересадка, надо было всё перегрузить в другие вагоны. Это было очень сложно, но и тут нам помогли наши заботливые попутчики. Они обнаружили на станции воинский эшелон, и солдаты помогли нам перегрузиться. 30 ноября мы прибыли в пункт назначения – город Челябинск. Эвакопункт был битком набит народом. Мы разместились в одном уголке. Накормив за столько дней езды ребят горячей пищей в столовой и оставив их на попечение воспитателей, я поехала за направлением в Челябинский облоно. Направили наш детский дом в город Катав-Ивановск.

Вечером нам дали два товарных вагона, в которых были оборудованы деревянные полки. В них мы и начали грузиться.

На руках у меня дремал Антоша. Так как повернуться было трудно, отекли руки и ноги. Посреди вагона топилась печурка-«буржуйка». На остановках старшие мальчики выискивали дрова, уголь, подбрасывали в печурку, набирали снег, топили его, чтобы напоить ребят. Под утро заболел Олин малыш, вдруг у него начались судороги. Я не знала, чем помочь Оле. Взяла ребенка на руки и с ужасом обнаружила, что он мёртв. Это было очень страшно. Как успокоить мать, не создать паники среди остальных? Плохо чувствовал себя и другой мальчик у

одной воспитательницы. По-видимому, он отравился газом от печурки, которую топили углем. Я всю дорогу крепилась, а вот на подъезде к Катаву нервы не выдержали, стало страшно. Куда мы едем? Мне показалось, что это тупик – край света. На дворе 40 градусов мороза. Одетывсе по-московски, для такой зимы не подготовились. Но вот поезд остановился. Кто-то открыл дверь нашего вагона, вошли люди. Стали брать детей, усаживать их на повозки-сани, которые стояли у состава. Нас ждали, встречали местные учителя, несмотря на ночное время. Сразу окружили нас заботой и теплом.

Кто-то спросил: «Где здесь младший Антон Семёнович? Давайте его сюда! И у меня забрали Антошу. Взяли они из рук Коли Фадеева и мертвого Олиного сына. Прямо с вокзала нас повезли в хорошо натопленную баню. Какое это было блаженство – после двух недель дороги раздеться и помыться! Как-то сразу отошли все кошмары дороги. Потом нас разместили в школе. Было уже 5 часов утра. Мы уложили детей спать, а сами занялись хозяйственными делами. Утром приняли руководители города, показали дома для наших детей, разобрали по квартирам работников. Мне дали комнату в одном из корпусов бывшего медучилища на втором этаже. В ней расположились я с четырьмя детьми, Оля с Ниной и Игорьком.

Через два дня прибыл еще один эшелон, отправленный из Москвы еще 12 ноября, на нём везли часть продуктов, оборудование мастерских, ехала половина ребят и обслуживающего персонала, два воспитателя. Очень много трудностей пришлось нам пережить в первое время. Ребята в дороге разболтались, особенно из первого эшелона. Размещены все дети были в пяти корпусах в разных концах города. Школа была своя, закрытая, т. к. детский дом с особым режимом. В школе холодно, дети были утеплены слабо.

Не приходило никаких вестей от Семёна, а как мне нужна была в то время хоть маленькая весточка! Потом начали приходить письма с фронта от летчика-истребителя Феди Крещука, Толи Марина, Бориса Тайманова. Добрые, тёплые сыновние письма, в которых они убеждали меня, что отец жив, обязательно вернётся и мы будем вместе.

Несмотря на то, что от Семёна не приходило никаких вестей, у меня и у детей была крепкая уверенность в том, что Семён жив и обязательно вернется с Победой. Наверное, это и давало сил преодолеть все трудности. Я вела дневник, в который записывала ежедневно итоги рабочего дня, писала всё, что волновало меня. В этом дневнике мысленно разговаривала с Семёном, советовалась с ним, рассказывала о своих огорчениях, обидах, радостях и мне

становилось легче. В войну радости перемешиваются с горестями. В 1943 году по итогам социалистического соревнования наш детский дом занял первое место по Челябинской области и был награждён переходящим Красным Знаменем (оно осталось на вечное хранение, т. к. соревнования между учебными заведениями были прекращены), а меня наградили знаком «Отличник народного просвещения». Конечно, я была счастлива…

А утром меня вызвали в военкомат и вручили извещение о гибели (10.02.1943 г. – *Д.Б.)* Фёдора Крещука. Командование выслало мне его награды, деньги, документы с правом на получение пенсии за погибшего сына. Вместе с документами было и последнее письмо Феди, которое он, уходя на свое последнее задание, просил друзей передать мне в случае, если он не вернется с задания.

В марте 1943 года в школе был проведен досрочный выпуск 10 класса, в котором учился Паша. Вскоре Паша и его друг – воспитанник детского дома Коля Фадеев – были призваны в армию. Им только что исполнилось по 17 лет. С большой грустью и тревогой все наши семьи провожали Пашу, который был нам очень дорог и мне был настоящим помощником. Леночка и Галочка, собирая братика на фронт, плакали. Антоша просил привезти ему с фронта настоящего фашиста в клетке. Паша держался мужественно. Прибавилась у меня еще одна тревога за Пашу (погиб 18.10.1944 г. – *Д.Б.)*.

В сентябре 1943 года я получила вызов из Министерства просвещения в Москву, в редакцию «Советская педагогика», куда послала свою статью на тему «Значение труда в воспитании детей». Дорога была очень трудная: ехала четверо суток в общем вагоне, где ночью можно прикорнуть только сидя. В Москву приехала ранним утром – прохладным, осенним. С вокзала поехала прямо к Галине Стахиевне Макаренко в Лаврушенский переулок. С волнением шла по московским улицам, по которым не ходила два года. Жизнь в городе шла своим чередом, в трудовом ритме. На улицах было много военных. Я жадно вглядывалась в лица встречных в надежде увидеть самое родное, дорогое лицо. Галина Стахиевна встретила меня радушно. Привела себя в порядок с дороги и, отдохнув, пошла в Министерство просвещения. Рассказала там о жизни и делах детского дома. Статью мою в редакции журнала одобрили. За два дня я закончила все дела и уже собиралась уезжать. В Москве тогда жила Антонина Артемьевна Порозова, которая работала воспитательницей в Катав-Ивановском детдоме, и по вызову мужа вернулась в Москву. Жили они в Сокольниках. Мы с ней были очень дружны, а детвора моя звала её тётей Тоней. И вот перед

отъездом я решила её проведать. Конечно, она очень обрадовалась моему приезду, заболтались до позднего вечера, и я осталась у неё ночевать. Ночью мне приснился Семён: мы встретились с ним в метро, он был в военной форме, но мы ничего не успели друг другу сказать – я проснулась. Больше уснуть не могла. Утром, наскоро позавтракав, понеслась в Лаврушенский переулок: а вдруг сон будет в руку?

Когда Галина Стахиевна открыла дверь, я спросила её, не приходил ли кто вчера, она ответила отрицательно и пошла на кухню, а я начала раздеваться, сняла пальто, шапочку и вдруг – звонок.

Я открыла дверь… и не поверила своим глазам. У дверей стоял Семён в костюме, сером осеннем пальто, чёрной фуражке. Я не могла двинуться с места и только произнесла: «А я была уверена, что в Москве тебя встречу». Семён тоже стоял ошеломленный и в ответ произнес: «Почему тыздесь? Я знал, что тына Урале». И только обменявшись этими фразами, мы кинулись друг другу в объятия. Это, наверное, одна из самых счастливых минут в моей жизни.

Семёну нужно было пойти в военкомат, и мы отправились вместе. Мы не пользовались в этот день ни единым видом транспорта, а, взявшись за руки, шли по Москве и говорили, говорили… А рассказать друг другу было что. Семён не мог себе представить, какими стали дети, и я рассказывала о них, детском доме, только ни словом не обмолвилась о тех трудностях, которые мы переживали. Когда мы пришли в военкомат, Семён отдал документы дежурному и стал ждать, когда его вызовут. Вдруг я услышала: «Товарищ Камышный, проходите!». Семён встал и пошёл. Тут я поняла, что он и сейчас живёт и работает под чужой фамилией. Так было нужно для дела…

На следующий день вечером я проводила Семёна в Горький, а сама назавтра должна была уехать домой в Катав-Ивановск. Когда вернулась с вокзала к Галине Стахиевне, мне показалось, что всё это был сон. Три дня прошли, как три часа. Домой возвращалась окрылённая надеждой, и даже дорога не показалась трудной. Меня, как всегда, встречали воспитатели, воспитанники, мои дети. Я передала тут же всем письма Семёна. Радость встречи разделил со мной весь детский дом. Дома отдала детям папины гостинцы. Леночка и Галочка прыгали от радости, по несколько раз перечитывали папины письма, а Антошка недоуменно таращил глазенки. Папу он совсем не помнил…

Как-то в начале марта 1944 года меня с группой ребят пригласили в школу ФЗУ (фабрично-заводское училище – *Д.Б.)* Тульского оружейного завода на праздник. Взяв с собой оркестр,

который к тому времени состоял из одних девочек, я поехала… Возвращались мы на следующий день утром. Наконец поезд подошёл, мы расселись по вагонам, ехать надо было 20 минут. Вот мы подъезжаем к Катаву, я смотрю на платформу и вижу воспитательницу Разгуляеву Ольгу Викторовну, девочек, но почему-то они смотрят не на меня и устремились не к моему вагону. Выхожу из вагона, оборачиваюсь налево – из соседнего вагона выходит Семён, на этот раз в шинели с погонами майора. Мы бросились друг к другу в объятия. Ребята подняли шум: кто-то уже успел сообщить в детский дом, и целая лавина ребят устремилась к станции. Впереди всех – Леночка, за ней – Галочка, замыкает шествие тётя Варя с Антошей. Тут же на перроне к Семёну подходят незнакомые люди, жмут руки, поздравляют с приездом. И мы спешим домой. Около трёх лет он не был дома, не видел детей. Как же они изменились за это время, повзрослели, а Леночка стала взрослой! Семён целует детей, не отпускает с рук Антошу. Но всё так неожиданно: чем угостить дорогого гостя, ведь дома запасов никаких нет… Тут открывается дверь и входит девушка, в руках у неё пакет: «Это Василий Иванович Воробьёв велел Вам передать» (секретарь горкома – *Д.Б.)*. Я разворачиваю и глазам не верю – банки тушёнки, крупа, сахар, папиросы и даже бутылка водки. В пакете записка: «Славному партизану С.А. Калабалину». Тётя Варя начала хлопоты с обедом, а мы говорили, говорили…

Вечером на рапортах председатель Совета командиров Валя Гаврилова сдаёт Семёну рапорт, в котором рассказывает, как прошли эти годы в детском доме, какие дела совершены ребятами. Семён слушает, и слёзы блестят на его глазах, которые светятся большой любовью к этим ребятам. Недоуменно смотрят на него дошколята, один из них обращается к самому младшему, четырёхлетнему Игорьку: «Кто это?» Игорек серьезно отвечает: «Всемший Папа». После рапортов малыш бросился к Семёну, который по-отцовски возится с ними, подбрасывает в воздух, катает на плечах, и ребята действительно убеждаются: это – «всемший папа». А потом ребятишки устраивают небольшой вечер. Семён рассказывает о своих делах, как всегда, скупо, больше слушает нас. Он взволнованно говорит: «Думал похвастаться перед вами своими делами, да посмотрел, что сделали вы в такое тяжелое время и в трудных условиях, и говорить мне нечего. Спасибо вам». Откуда-то появилась гармонь. Попели, потом по традиции началась общая пляска. Плясали весело, задорно. Семён сидел, как зачарованный, а когда все разошлись, подозвал меня и сказал: *«Молодец, Галочка! Сумела создать хороший коллектив, задать хороший тон. Трудилась по-*

горьковски, вела за собой своих девчат. Вы умеете самоотверженно трудиться и дружно отдыхать. Хотя знаю, как вам нелегко. Спасибо. Ты вырастила хороших ребят, сохранила семью. Я всегда верил в это, я всегда чувствовал тебя рядом, и это спасло меня. Низкий поклон тебе за всё…» (выделено – *Д.Б.)*.

В середине августа 1944 года по освидетельствованию медицинской комиссии при Московском горвоенкомате С.А. Калабалин признан негодным к несению воинских обязанностей и был снят с воинского учета.

18 августа 1944 года Семён Афанасьевич назначается директором детского дома № 2 для испанских детей Министерства просвещения РСФСР (Солнечногорск, Московская область), а Галина Константиновна – воспитатель «испанского» детского дома. С 20 августа 1946 года С.А. Калабалин – заместитель начальника Кутаисской, а через полгода – Сталинирской трудовой воспитательной колонии при учебно-воспитательной части МВД Грузии (город Сталинири, ныне Цхинвал, столица Южной Осетии), Галина Константиновна работает воспитателем.

23 августа 1950 года Семён Афанасьевич назначается директором Мотовиловского детского дома (пос. Мотовиловка, Фастовский район, Киевская область) Министерства просвещения Украины. «Нет и трех лет, как Семён Афанасьевич приехал в Мотовиловку, а сколько вокруг перемен! Поднялся над землей молодой сад, зазеленели высаженные ребятами четыре тысячи кустов акации, клёны, тополи. На дворе вырос спортивный городок. Ребята роют пруд – зимой будет каток, а потом – своя рыба» (из статьи в журнале «Огонёк»),

Время благополучия в этом детском доме закончилось – нашлись недоброжелатели калабалинских методов и средств воспитания – увидели в его действиях диктат и насилие над воспитанниками. Пошли упрёки, наговоры, угрозы, сменившиеся письмами – кляузами в Киевское облоно и обком партии. В детский дом зачастили комиссии с проверками…

В своих записках – воспоминаниях Галина Константиновна об этом периоде жизни Калабалиных писала:

«…поступил на работу в детдом в качестве завхоза некий Вемс, начал работать старательно, но потом Семён стал замечать, что он человек «не чистый на руку», несколько раз был пойман с поличным. Семён издал приказ об освобождении его с работы. И тогда он начал писать письма в разные инстанции, обливая Семёна грязью. В расследование вмешалась областная прокуратура, была привлечена контрольно-ревизионная служба, которая в конечном счёте и установила, что всё написанное не

подтвердилось, а является клеветой. Семёна ни в чём не обвинили, но пережить всё это стоило ему и мне много здоровья.

19 мая 1956 года Семён перешёл работать начальником пионерского лагеря. Настроение было отвратительным. 3 сентября 1956 года ушла из детского дома и я. Расставаться с ребятами было очень трудно…

Я понимала, что работа наскоком не удовлетворяла Семёна. Он как-то совсем упал духом. И я решила взять инициативу нашей будущей судьбы в свои руки. Я поехала в Москву, чтобы обратиться в Министерство просвещения с просьбой дать Семёну работу в Российской Федерации».

На защиту чести и достоинства С. А. Калабалина включилась писательница Фрида Абрамовна Вигдорова, будущий автор трилогии о Семёне Афанасьевиче и Галине Константиновне. Она опубликовала в центральной прессе ряд статей, в которых развенчивала клевету, как распространяющееся зло в педагогических кругах.

«Л. С. *Макаренко учил: как бы ни хорошо в благополучно обустроенной колонии, где быт и дисциплина налажена, не бойтесь расстаться со всем этим. Поезжайте туда, где всё гибнет в бездействии. Берите штурмом новое место и всё начинайте сначала».*

Из письма *Ф.А. Вигдоровой*
С.А. Калабалину

Семён Афанасьевич Калабалин неоднократно подчёркивал мысль, выраженную в словах: **«На совести моей и моей жены Галины Константиновны, нет ни одного пятна, которое бы помешало смотреть открытыми очами в глаза Родины, в глаза десяти тысяч воспитанных нами граждан».** Эти слова невозможно переосмыслить, как невозможно умалить значение совершённого этими людьми в своей необыкновенно прожитой жизни. С.А. Калабалин скончался 24 июня 1972 года. С июля 1972 года до момента его расформирования в апреле 1975 года детским домом в Клемёново руководила Галина Константиновна (скончалась 17 января 1999года).

В завершение привожу выдержку из статьи директора Саввинской общеобразовательной средней школы имени С. А. Калабалина Надежды Петровны Бушмановой: **«Для нас память о Семёне Афанасьевиче Калабалине как свет далёкой звезды, долгие годы идущий к людям. Он вечен – этот свет. И не надо думать, что звезда погаснет, не надо…»**

Литература

1. *Морозова В. В.* Воспитательная педагогика Антона

Макаренко. Опыт преемственности: документально-педагогическое исследование. М.-Егорьевск, 2008.

В.В. Морозов
Жить для тех, из среды которых вышел сам

«Не вышло из Карабанова агронома. Кончил он агрономический рабфак, но в институт не перешел, а сказал мне решительно: «Хай йому с тем хлеборобством! Не можу без пацанов буты. Сколько ещё хороших хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз вы, Антон Семенович, в этом деле потрудились, так и мне можно. Так и пошел Семен Карабанов по пути соцвосовского подвига и не изменил ему до сегодняшнего дня, хотя и выпал Семёну жребий труднее, чем всякому другому подвижнику».

А.С. Макаренко

В 1925 г. С. А. Калабалин закончил рабфак сельскохозяйственного института, но работа в сельском хозяйстве привлекала его меньше, чем деятельность воспитателя. Поэтому он решил не поступать в институт, а возвратиться в колонию. Под руководством А.С. Макаренко в колонии им. М. Горького он начал свою педагогическую деятельность. В 1926 г. его призывают в ряды Красной Армии. Служил он на станции Ереськи, под Полтавой, был активным участником всех спортивных соревнований. Его успехи в спорте не раз были отмечены наградами и призами. Участвуя в лыжных соревнованиях, он получил травму и после лечения был демобилизован. Возвратился работать в колонию им. М. Горького, поскольку другой работы, кроме работы с детьми, для себя не мыслил.

В 1928 г. С.А. Калабалин дал торжественную клятву А.С. Макаренко посвятить свою жизнь борьбе с детской беспризорностью и нищетой – жить для тех, из среды которых вышел сам, чтобы и они жизнью своею землю украшали. Проработав некоторое время в колонии, он по поручению А.С. Макаренко, стал заведовать общежитием на станции Комаровка под Харьковом. В этом общежитии жили подростки – выпускники детских домов и коммун. В Комаровке Семен Афанасьевич работал около года, затем его перевели на работу в Будянскую

колонию им. В.Г. Короленко. Там был воспитателем, а потом заведовал учебно-воспитательной частью.

После открытия коммуны им. Ф.Э. Дзержинского С.А. Калабалин получил приглашение А.С. Макаренко поработать некоторое время в коммуне воспитателем. Подтверждение этому – воспоминания коммунара Л.В. Конисевича:

«Спортивную жизнь в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского возглавлял Семен Калабалин, воспитанник колонии им. М. Горького. Огненный танцор с фигурой Аполлона, безгранично смелый во всех делах, никогда не унывающий, пышущий здоровьем, сильный, с прекрасной строевой выправкой, он, как никто из руководителей коммуны, соответствовал этой роли. К нему тянулись, желая подражать и походить на него. Гимнастика, легкая атлетика, лыжи, бокс, борьба, плавание, морские «бои», походы – все он умел и с успехом передавал нам, младшему поколению. Очень многие благодарны ему за это».

В феврале 1931 г. С.А. Калабалин, по совету А.С. Макаренко, переезжает в Ленинград и работает в Сосновой поляне в школе-колонии № 66 для трудновоспитуемых детей.

«Колония представляла нечто очень убогое в педагогическом отношении: побеги, кражи, азартные игры, приводы в милицию – вот краткая характеристика колонии на осень 1931 г., когда я приступил к работе в ней… Обращаюсь в сектор детских домов Ленгороно и прошу дать мне двух-трёх хороших воспитателей. Обращаюсь раз, два… Обращаюсь в пятый раз, но тщетно: нет воспитателей.

Наконец-то мне повезло. Зав. сектором детских домов товарищ Грузовский, указывая с лукавой улыбкой на чёрного атлета, сидящего у дверей кабинета, произнёс шепотом:

– Может быть, вот этот чудак подойдёт вам?

– А что это за чудак? – осведомляюсь я.

– Да поговорите… Чудаковатый какой-то…

Я подсаживаюсь к «чудаковатому» человеку и обращаюсь к нему:

– Скажите, пожалуйста, Вы, кажется, изъявляете желание работать воспитателем в детском доме?

– Да.

– Может быть, условия нашей колонии подойдут Вам? Она всего лишь в часе езды от Ленинграда. Расположена в прекрасной усадьбе, она…

Описываю её так, чтобы не оттолкнуть, а расположить кандидата. Но он, прервав меня, заявил:

– Это меня не интересует. Как там ребята?

– Ребята? Ничего. Работать с ними можно, отвечаю я

осторожно.

– Тогда не поеду к вам. Мне нужно такое учреждение, чтобы можно было там поработать, засучив рукава. Трудные условия мне нужны, – отрубил «чудаковатый» педагог.

В ответ на это я схватил его за руку и выпалил:

– Оно такое и есть!

– Хорошо. Но ответ дам после того, как посмотрю колонию. Можем проехать прямо сейчас?

Через два дня Семен Афанасьевич привез семью: жену Галину Константиновну, дочурку Леночку и сыночка Костика, того самого, которого весной 1934 г. психически больной воспитанник в состоянии припадка убил. Об этом упоминается на последних страницах «Педагогической поэмы».

В первые же дни работы Семена Афанасьевича жизнь в школе-колонии стала преобразовываться. Групповые воспитатели не знали, куда себя деть, так как их воспитанники покидали их, и следовали по пятам за Семеном Афанасьевичем, вокруг которого как-то особо закипела жизнь колонии. Все было ново и интересно для воспитанников. Он ввел отрядную систему, образовал совет командиров, развернул соревнование между отрядами, придумав какой-то очень наглядный и, главное, эмоционально захватывающий ежедневный учет результатов соревнования.

На фоне той устоявшейся педагогики, которой мы, сотрудники, пытались «взять в руки» и сломить злую волю вчерашних беспризорников действовала калабалинская педагогика, которая полностью разрушила стену между ним – воспитателем, и ими – воспитанниками. Его слова и дела они стали воспринимать, как «путёвку в жизнь», постепенно становясь обычными мальчиками, целеустремленными, дисциплинированными. Совершенно прекратились побеги. Больше того, многие «бегуны» стали возвращаться и упрашивать, чтобы их приняли в колонию, так как они «очень хотят жить в ней».

Примерно через год колония превратилась в образцовую. Ленгороно стал направлять в неё делегации по обмену опытом, и педагоги с большим восхищением отзывались обо всем, что видели в ней».

Из воспоминаний Тимофея Ивановича Агафонова,

завуча школы-колонии № 66

«Мне было поручено открытие детской колонии для рецидива в Якушенцах. В этот период я часто общался с Антоном Семеновичем и был свидетелем, как он не просто руководил отделом, а создавал методику воспитания во всех ее подробностях…»

Выводя своего друга и ученика в образе Карабанова, А.С. Макаренко оценит работу С.А. Калабалина так:

«Карабанов начальник колонии. Замечательный человек.

Если про себя я говорил, что мастер, а не талант, то Карабанов в первую очередь талант. Расскажу вам такой случай. В 1937 г. я руководил всеми колониями Украины. Вызвал из Ленинграда Карабанова: «Бери новую колонию, будешь работать там». «Хорошо». Дал я ему старый совхоз (с. *Якушенцы). Ничего там не было. Я решил: Карабанов человек сильный. Дал я ему «лучших ребят». Со всей Украины собрал… настоящих «жуков», которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14–15, но у него в кармане отмычка и водка. Месяц я продержал их в приемнике, окружив высоким забором, часовых поставил. Наконец, получаю телеграмму от Карабанова: «Можно привозить».*

Ночью они прибыли в Винницу. Карабанов подал к станции два грузовика. Приехали. Накормили их, уложили спать. Утром проснулись – кругом степь, пусто. И бараки.

…Карабанов ушел на село. Ребята заявили: жить здесь не будем, пошли, братцы, на вокзал… Пошли пешком, целой ватагой. А чекисты за ними на автомобиле поехали, все уговаривать продолжают.

Прибежал Карабанов: «Где хлопцы?» Схватил первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит – идут хлопцы по дороге. Он спрыгнул с коня. Поскользнулся и упал. Лежит. Те к нему: что такое? Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: «Снесите меня в колонию». Понесли в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожно опустили его, а он и говорит; «Ну, спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти». Ребята буквально обалдели. А он увидел самого курносого и говорит: «Почему ты такой красивый?» Ребята еще в больший восторг пришли. Карабанов говорит: «Ну что же, идите в Винницу». – «Ну, пойдем». – «А, может быть, позавтракаете, а потом пойдете? – «Ладно, отчего не позавтракать».

…Через три месяца я приехал к нему туда с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина, что надо. Все очень вежливы, приветливые, все читали «Педагогическую поэму».

Я не стал расспрашивать Семена, как он это сделал. А у ребят спросил: «Ну-ка, скажите, какое у вас главное достижение?». – «Наше главное достижение – Семен Афанасьевич!» (смех).

Вот это настоящий талант. Не мастер, а именно талант, которому подчиняются самые тяжелые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылали ему самых трудных, а он делал с ними буквально чудеса…»

В эти годы С.А. Калабалин ведёт активную переписку с Антоном Семёновичем. *Сохранившиеся письма* раскрывают удивительную историю дружбы двух талантливых людей: учителя и ученика:

«Каждое личное письмо Антона Семёновича ко мне, было полно советов и подсказок по методической организации детского учреждения. В них предусмотрено решительно всё: дозировка света, воздуха, жилой площади, расстановка кроватей, пошив костюмов, встреча новичка, примерное содержание первой беседы с ним, методика привлечения подростков к общественной деятельности, нормы нагрузок, организация первого урока в школе и т. д.».

С.А. Калабалин

В 1938-м С.А. Калабалина арестовывают и обвиняют в антисоветской агитации среди воспитанников. При аресте изымается вся имеющаяся в доме переписка с А.С. Макаренко и с его друзьями по колонии им. М. Горького. Однако, незадолго до ареста, он шлёт весточку своему учителю. Вот что он в ней пишет:

«20.12.37 г. Дорогой Антон Семенович! Моё моральное состояние нарушено основательно, и я вечно нахожусь в состоянии помилованного. Это не вяжется с моей натурой, тем более, что я в своей работе честен и самоотвержен…»

Содержание этого письма – «загадка, которую ещё следует разгадывать» – утверждает исследователь-макаренковед С.С. Невская. Нет сведений, которые могли бы пролить свет на те события, в связи с чем Калабалин пишет о своём состоянии «помилованного». Письма, изъятые при аресте, до сих пор не найдены. Судьба была благосклонна к Семену Афанасьевичу – в тюрьме он провёл только месяц.

«Осень 1937 года была очень тревожной. По всей нашей стране начались аресты. Вдруг было предложено снять со стены в корпусе портрет секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косырева, которого я знала с молодости, как стойкого борца за дело партии, потом портреты наших полководцев: Якира, Тухачевского, Блюхера, Егорова. Затем арестовали Касиора, именем которого была названа наша колония, и следом за ним был арестован Председатель Совнаркома Украины П. П. Постышев. Мы ничего не могли понять, как все они вдруг стали «врагами народа». Начались аресты в аппарате нашего Винницкого управления НКВД. В ноябре 1937 года Семена вызвали в Управление. Я в тот день была дежурным воспитателем по колонии, Семен обещал, что, освободившись от дел в Управлении, купит билеты в кино, чтобы мы с ребятами после обеда пошли в Винницу на кинофильм, и в 4 часа вечера он должен был встретить нас.

В 10 часов он уехал, а в 2 часа дня, когда я проводила обед, мне сказали, что какие-то люди вскрыли кабинет и рылись в столе Семена. Я поняла – случилось страшное: Семёна арестовали и идет обыск. Я собралась с силами и продолжала проводить обед. Обыск провели в доме без меня. Дома была Оля, Шура и дети. Конечно, ничего не нашли, кроме книги с рассказами о Болшевской Коммуне имени Ягоды, который был арестован как враг народа, а также фотографию брата Семёна – Ефима, кавалера четырёх Георгиевских крестов, в военной форме со всеми орденами. Кроме этого забрали всю переписку с А.М. Горьким и А.С. Макаренко. Я в это время была в положении – ждала первого сына – Антона. Когда я пришла домой, всё было перевернуто вверх дном. Сделалось до боли обидно, грустно, тоскливо, жутко. Детишки сидели испуганные, расстроенные. Я успокоила их, приласкала. Вместе с Шурой и Олей привела в порядок квартиру и отправилась в город в управление НКВД – узнать, что с Семёном, где он? Мне ответили коротко – «он арестован». Не помню, как я вернулась домой. Всё что вчера ещё было ясным, понятным, сегодня стало чёрным и страшным. Что ждет его, моего самого родного? Где он сейчас? Я глубоко была уверена и хорошо знала, что Семён ни в чём не повинен, но в то же время доказать что-либо было невозможно. Утром мне объявили, что я освобождена от работы, как жена репрессированного.

Начались для меня и всей нашей семьи очень тяжелые времена. Как жить? На какие средства?

Утром пришла дочка Леночка из садика в слезах и сказала, что в детский садик больше не пойдет, потому, что все ребята говорят, что её папа «враг народа» и что с ней никто не хочет играть. Знакомые, встречаясь со мной на улице, спешили перейти на другую сторону, чтобы не навлечь на себя подозрения. Работникам колонии и воспитанникам было запрещено общаться со мною. Зарплату мою и Семена за прошедший месяц не дали, сказали, что дадут только тогда, когда я покину территорию колонии. С каждым днём жить становилось всё труднее. Скудный запас продовольствия подходил к концу. Несмотря на всё это во мне жила вера, что правда должна восторжествовать, Семён должен освободиться. Со мною оставалась моя семья, верные друзья – сестра Оля с мужем, бывшие воспитанники, которые работали в городе и помогали нам продуктами, а также нынешние воспитанники моего корпуса, где я работала воспитателем. Хотя им было строго запрещено приходить ко мне, но они вечерами через форточку передавали молоко и печенье для малышей. Попытки устроиться на какую-либо работу были безуспешны: жену репрессированного на работу не брали. Каждый день я ходила в

тюрьму, передать что-нибудь Семену из одежды, чтобы получить его роспись в получении передачи и убедиться, что он жив и никуда не отправлен.

Положение становилось всё труднее. И тут я вспомнила, что когда-то работала {в 1929 году) в ВУЦИКе под руководством Г. И. Петровского. Он был очень внимательным и заботливым человеком по отношению к нам – молодым. Я написала ему письмо, рассказала обо всех своих трудностях и попросила помощи в устройстве на работу, чтобы содержать свою семью. И буквально через неделю за мной прислали машину из Виницкого облоно для оформления документов. Я ещё раз убедилась в исключительной порядочности и человеческой чуткости настоящего товарища – Григория Ивановича Петровского. В облоно мне была предложена работа воспитателя в Соколовском детском доме…»

Из дневников Г.К. Калабалиной

17 марта 1938 года Семен Калабалин напишет свое первое после ареста письмо своему учителю:

«Дорогой Антон Семенович!

Спасибо за письмо. Оно мне сообщило о том, что Вы физически нездоровы, что меня страшно огорчило, но зато Вы на свободе. В Виннице вдруг пошли слухи, что якобы Вы арестованы! Ужас, что со мною творилось!»

Слухи об аресте Макаренко, сообщенные С.А. Калабалиным, – совершенно неожиданная для макаренковедов информация, так как угроза ареста существовала в 1936–1937, но дело было закрыто, и Антон Семенович уехал на постоянное место жительства в Россию.

В этом же письме содержится ценнейшая информация о том, что же произошло с С.А. Калабалиным:

«На первом допросе мне предложили дать объяснения о моей контрреволюционной деятельности. Так как я понятия не имел, что говорить, я попросил следователя поделиться со мной, чем он располагает. Он заявил, что следствие располагает сведениями о моих антисоветских настроениях и о том, что я вел антисоветскую агитацию среди детей. Я назвал этот бред анекдотом. На втором допросе и на последующих двух вопрос о контрреволюции не всплывал.

20.02.38 г. следователь мне заявил о том, что, вероятно, меня придется освободить, дело прекратить и 2.03–38 г. меня освободили».

В это же время, пишет далее Семён Афанасьевич, в колонии происходили следующие события:

«Хлопцы взвыли, – за что арестовали нашего Семёна Афанасьевича?! Кое-кто из местных работников от себя промямлил {слово написано неразборчиво) «враг», – ему заплевали глаза. Колония в течение трёх дней окружена милицией. Воздвигли карцер. На работу и в школу не пошло 50 % детей. Пошли попойка, игра в карты, грабежи и воровство».

Семен Афанасьевич с болью сообщает Макаренко, что *«все, что было сделано за два года – рухнуло, как рушатся на пожаре горящие стропила».* Что же было после ареста, каким он вернулся, на какие деньги жил, где работал, что стало с Винницкой колонией? И об этом пишет С.А. Калабалин, переполненный гневом, не выбирая выражений, ибо его арест имел дорогую цену: развал детской колонии, бездушие и равнодушие к детским судьбам:

«2.03 я свободен. 3.03 встречаю товарища Морозова, начальника областного УНКВД, который, тепло пожав мою руку, заявил, что он был против моего ареста, но благодаря настойчивым требованиям отдела трудовых колоний, он пошел на арест. 7.03 я уже заведующий Соколовского детского дома, разбитый, уставший и безденежный (после тюрьмы расчет дали полный, удержали за что-то почти всё). Давыдова я уже не застал в колонии – сняли за развал колонии и из-за ненависти к нему ребят. Управляющий теперь Вронский».

В конце письма Калабалин заключает:

«Коротко почти все. При встрече расскажу с подробностями. И все же я хотел бы работать в России и недалеко от Москвы и Вас. Желаю быстрого выздоровления. Целую всех от всех. Ваш Семен».

«Подвиг. Это очень грустное зрелище. Калабалин делает чудеса. Его ребята по-новому смотрят, – это человеческий коллектив. Но как он невыносимо одинок, этот Семен. Кругом бедность и даже вши, барское попечительство, лень, болтовня и жадная, подлая карьера…»

Из записных книжек А.С. Макаренко.

С.А. Калабалин не оставлял надежды вернуться работать в колонии системы НКВД, работа в Соколовском детском доме тяготила его. В следующем письме Антону Семеновичу, которое он пишет 20 марта, просит совета:

«Дорогой Антон Семенович!

Как Вы мне посоветуете: обратиться с письмом к товарищу Ежову по вопросу становления моих прав на работу в трудколонии НКВД, конечно, с изложением и всей прекрасной «штуки», разыгранной со мной? Не могу без трудновоспитуемой братии. Арестован я был только для того, чтобы скомпрометировать меня перед детьми, но этого не получилось, а одно лишь успели –

развалить колонию… Сидеть в Соколовке – ужасно тяжело. Чувствую себя как на высылке. Это же работа не по вкусу и выбору. Я оказался перед фактом свершившимся. Когда меня освободили, то Галя со всей свитой была уже в Соколовке. Напишите о себе, как Ваше здоровье и зачем это нужно было ломать рёбра. Будьте здоровы, дорогой отец…»

На приведенные выше письма, по всей вероятности, А.С. Макаренко не сумел ответить, ведь пишет же он Шершневу, что «долго не писал», «был тяжело болен»!

27 марта 1938 года С.А. Калабалин в своем письме интересовался здоровьем своего учителя:

«Как Ваше здоровье? Очень прошу Вас и меня держать в курсе лечения. Вам болеть запрещается. Если бы можно было послать свое ребро – они у меня еще крепкие. Читал Вашу замечательную статью в «Правде» («Проблемы воспитания в советской школе» от 23 марта 1938 года). Ну до чего же мудро.

…Школа не является организующим центром, ни началом морали коллектива и индивидуума. Скорее она являет собою место безнаказанного разгула.

Сколько бы я мог привести трагических случаев из быта школы.

… Что если бы удалось мне получить одну из школ и в разрезе Вашей статьи дать образец сооружения такой школы, о которой мы все мечтаем?

С этой задачей я бы несомненно справился. Я бы добился цели и дал бы стране настоящую школу и настоящих людей.

Подумайте, Антон Семенович!

Потихоньку работаю. Дело мое забывается. Хотел было написать наркому, а теперь уже не хочется. Жаль только колонию, детей. Все угробили и так жестоко.

К Вам обязательно соберусь, хотя бы к началу зимы – пока прихожу в себя и работаю».

Но и на это письмо ответа не было, или – не дошло. 20 апреля 1938 года Семен Афанасьевич, заподозрив невероятное, за что позже будет извиняться и корить себя, с болью писал:

«Дорогой Антон Семенович! Итак, Вы не пишите. Объяснения в голову лезут самые жуткие. Думается мне, что Вы решили прекратить всякое общение с человеком, задержанным органами НКВД. Но ведь это только трагическая случайность

в жизненной практике чистокровного советского человека, самоотверженного и до конца преданного своей социалистической отчизне. Да в противном случае я бы нежил в пограничном районе, куда без прописки НКВД не ступишь. Все мы, как говорят, ходим под НКВД».

Известно еще одно письмо Калабалина этого периода (от 20 июня):

«Дорогой Антон Семенович!

Хотел было не писать Вам, а дождаться от Вас ответа. Так нет, не выдержало сыновье сердце. Почти каждую ночь я вижу Вас во сне. То Вы приехали к нам, то у Вас в Москве, то мы с Вами в Полтавской колонии. Вы не пишите, а мне тревожно за Вас. Как Ваше здоровье? Залечили ребро? Почему не пишете? Может, я Вас чем обидел?..»

На это письмо Макаренко ответил, о чём можно судить по содержанию письма Калабалина от 9 августа 1938 года:

«Доехал благополучно и сразу же взялся за устройство Вашего приезда.

1. *Комната есть, на полах, три окна, два столика, кресла, кровати. Будет электросвет.*

2. *Хозяева: дед, баба и дочь девятиклассница. Культурное семейство. В этом же доме будете иметь: молоко, сметану, масло, курчат, мед, овощи. Кухарка есть, прачка тоже. Уборка комнаты обеспечена. Яички. Графины для воды есть, самовар есть.*

3. *Двор. Дом снаружи будет побелен. Открывая калитку, сразу попадаете в джунгли фруктовых и декоративных насаждений и цветов. Короче говоря – все в Вашем вкусе.*

Прошу торопиться. Ведь летних дней осталось считанное количество.

…Все на ходу, все закручено. Ждем Вас.

О цене на комнату я не говорю, но она будет (за два месяца) в среднем 30 рублей.

Обнимаю – обнимаем.

Ваш Семен».

Вероятнее всего Макаренко и Калабалин встречались в Москве, и Антон Семенович пообещал ему ещё раз встретиться.

Но уже 15 августа Антон Семенович сообщил о неприятной истории, которая произошла с ним:

«Дорогой, милый, родной Семен!.. Я уже собрался на днях уезжать, достал нужное разрешение… но случилась большая неприятность: среди бела дня на одной из главных улиц, без всякого предупреждения со стороны судьбы, без всякого предчувствия, – я грохнулся в обморок – прямо на трамвайной остановке… Домашние мои, конечно, всполошились, всполошили Союз, и возле меня завертелось целых четыре врача. Это произошло 10 августа.

Разговоры со мной ведутся тяжелые. Запретили писать, читать, играть в шахматы, волноваться. Сейчас пишу тебе украдкой, только потому, что на минуту остался один дома. Признали у меня тяжелое переутомление мозговых сосудов – все

на нервной почве, хотя, как ты знаешь, я очень редко нервничал. Хуже всего то, что пугают Галю: такие обмороки, говорят, не должны повториться, – это звучит отвратительно.

Я понимаю, голубок, что тебе неприятно и досадно: приготовился к гостю, а гость какие-то дамские обмороки закатывает. Но что я могу поделать? Мое положение еще неприятнее, я хочу, чтобы ты мне посочувствовал.

…Все-таки меня больше всего беспокоит, что я подвел тебя и вместе с тобой, наверное, еще несколько человек. Моральные твои страдания… Что я могу поделать, страдай, по дружбе ты мне это недоразумение простишь, но ведь ты влез в материальные расходы. Если ты хочешь хоть немного меня успокоить и порадовать, сделай дружескую милость: сообщи, сколько ты истратил денег на разные подготовки. Очень тебя прошу об этом.

Осень для меня вообще погибла, на это приходится махнуть рукой. Но весной, я уверен, даже врачи посоветуют мне поехать к тебе, ведь к тому времени все их процедуры должны вернуть мне нормальное состояние. Сейчас, между прочим, я чувствую себя очень неважно: пусто в голове, досадно и как-то неприятно легко возле сердца, и кроме того, стал злой, страшно со мной разговаривать.

Прости, дорогой, да, собственно говоря, старость штука непростительная. Поцелуй своих и передай горячий привет и извинения.»

«Соколовка. 19.08.38. Дорогой, родной мой Антон Семенович! Мои сыновьи чувства Вам. Крайне возмущен поведением Вашей старости. Вы должны немедленно придать её линчеванию врачей всех мастей и степеней. Пусть они заливают водами, сжигают огнями, убивают током под самым высоким напряжение – пусть вообще они ее укротят…».

«Соколовка. 06.09.38. Дорогой Антон Семенович. Так долго не писал, потому все ждал сына, чтобы сообщить Вам об этом. В ночь с 5 на 6.09.1938 в 23.45 мин. по местному времени на свет появился Антон Семенович Калабалин (№ 2), с чем Вас и поздравляю…»

«Соколовка. 10.10.38. Итак, я мечтал иметь собственного Антона Семеновича, и он есть. Да еще какой Антон. В моем сыне Антоне будет сосредоточена вечная любовь к Вам, память.

Я украшу его душу букетом черт Ваших, только Ваших, высоких идеальных человеческих черт. В нем моего должны быть: сила физическая, Галина – скромность, Ваши интеллект и гуманность».

«Москва. 06.10.38. Милые, славные Калабалины! Хочется очень знать, как началось воспитание моего долгожданного тез-идет

прибавление в весе и какие черты Калабалиных уже можно наблюдать в этом молодом гражданине СССР. Я думаю, что, в общем, ему можно позавидовать. К тому времени, когда он вырастет, в нашей стране будет на каждом квартале университет, а шелковые галстуки будут сваливаться с неба. Рассчитываю также, что и с Гитлером мы к тому времени покончим начисто, привет и поздравление с благополучным открытием жизненного плавания. Всегда страшно жалею, что не удалось погостить у Вас, и мечтаю, что весной или летом это мне обязательно удастся…».

«Соколовка. 20.10.38. Дорогой Антон Семенович Я люблю Вас. Я Вас чувствую в доме, в своем мышлении. Я к Вам обращаюсь ежедневно за советами. Буду умирать – в объективе моего последнего луча жизни будет Ваше имя и облик вместе с кровными моими – жена, и дети, мать. Я очень люблю дни полтавских сражений со вшами, тифом, зимой и люблю всех участников этих давно минувших горячих дней. Обнимаю. Ваш Семён».

«Москва. 25.10.38. {из письма А.С. Макаренко П.П. Архангельскому). Дорогой Павлуша! Спасибо тебе за письмо… И ещё большое спасибо за подарок. Это замечательно мило у тебя вышло: прислать мне законы Эндшпиля. Послезавтра я уезжаю в Кисловодск – не гулять, лечиться. Все меня уверяют, что оттуда я возвращусь совершенно здоровым человеком…

Семен часто пишет, хвастается своим сыном, и, мне кажется, в нём никаких изменений не произошло. Это больше всего мне не нравится. При всей своей богатой натуре он всё-таки засох на скучном детдомовском подвиге. Очень явно ощущается в нем, что он не получил высшего образования и сам не растет… Это было бы не так плохо, если бы у него беднее была натура. В общем из него вышел довольно сентиментальный человек, он чересчур часто умиляется. А все же он замечательный, благородный и сильный человек…».

«Кисловодск. 2.11.38. Родной Семен!… Спасибо, дорогой, за память и за любовь, я тебя крепко люблю и горжусь твоей человеческой силой… Напиши, как дела в детском доме. Думаю здесь написать рассказ о Карабанове…».

«Соколовека.28.12.38.

Дорогой Антон Семенович!

С Новым 1939 г. поздравляю Вас и всех Ваших домочадцев. Желаю здоровья, радости и успехов в Вашей творческой жизни.

Как давно Вы нам не писали. Все ли у Вас благополучно? Ведь теперь не я лишь с Галей ждем Ваших писем. Ведь у Вас есть внук, да еще Антон. А какой хороший пацан!

Как хочется показать его Вам. Смеется, никогда не плачет.

Казак! Не будете писать, пожалуюсь ему.

С 13.12. по 18.12. в Виннице происходило совещание по ОБЛОНО директоров и завпедов 20 д/домов.

Стоял и мой доклад. Одно скажу, что моя унаследованная от Вас творческая педагогика вызвала у докладчиков тысячи ко мне вопросов и – лучше с умным потерять, нежели с дураками найти. Но наш детдом занял 1-ое место по области. Меня назначили внештатным… инспектором-консультантом».

Письмо без даты. Начало января 1939 г.

«Дорогой Семен!

С Новым годом тебя поздравил, – получил ли ты мою телеграмму? Я послал телеграмму и Шершневу, но он давно мне не пишет…

Спасибо хоть ты меня не забываешь. Очень рад твоим семейным и производственным успехам, это всегда меня наполняет гордостью.

Недавно в Москву приехала на экскурсию группа работников детских домов и колоний Нолтавщины. Многие меня помнят по Полтаве. Говорят, что во всех колониях Полтавской области заведена наша система – командиры и даже сводные отряды. Завели они все это рановато, хорошие вещи у нас принято заводить

через пять лет после смерти авторов. Черт с ними, даже для распространения совета командиров я умирать не хочу.

Что значит: «Меня назначили внешкольным инспектором-консультантом?» как темно нынче пишут! Значит ли это, что ты ушел из Соколовки, или не значит? А если не значит, какой из тебя выйдет в черта инспектор?

Я живу скучно. Писать ничего не хочется, меня все равно не читают читатели, Зои {персонаж из «Педагогической поэмы». - В.М.) принципиально не читают и пишут гадости β «Комсомольской правде».

Писать скоро ничего не буду. Пробавляюсь разными пустячками далеко не первого сорта. Надо накопить достаточно энергии, чтобы взяться за моих врагов по-настоящему, никак не сосредоточусь на хорошей теме.

В марте собираюсь поехать в один дом отдыха, здесь есть под Москвой приличный, а на май закачусь в Ялту и, честное слово, буду лежать на травке и плевать на кипарисы.

Пиши, не забывай. Привет Гале, Антону и всем прочим твоим наследникам.

От Гали привет и поцелуй всем соколовцам. Твой А».

«Соколовка. 21.01.39.

… Странно поведение Шершнева. Я неоднократно пытался

завязать с ним переписку, но безуспешно. Вот Павлуша – это умница человек. Я его страшно люблю. Из всех горьковцев он один остался верным холостизму.

Неужели в Полтавской обл. есть отряды и другие дорогие нам вещи?

Из Соколовки я не ушел, а инспекторство мое заключается в том, что ОБЛОНО периодически командирует меня в тот или иной д/дом для помощи».

Из переписки А.С. Макаренко
и С.А. Калабалина

Дарственная надпись автора на титульной странице «Книги для родителей»: «Дорогим моим Калабалиным, которые уже сами с родительскими усами, не в назидание, а просто на память – в прошлом педагога, а теперь просто от старика, любящего Вас, – А. Макаренко».

25 января 1939 года Семен Афанасьевич в письме к Макаренко сообщал, что направил в отдел трудовых колоний НКВД СССР товарищу Яцкевичу письмо и далее пересказал его приблизительное содержание:

«24.01.39 г. годовщина моего ареста. Пишу о своей безвинности и спрашиваю, есть ли какая-либо возможность восстановиться в правах на работу в НКВД. Трудно Вам представить мое состояние. Мне кажется, что я продолжаю быть подследственным, подозрительным. Я жду повторного ареста, хотя не чувствую за собой никакой вины. Состояние убийственное. Я не нахожу себе минуты душевного равновесия. Роковой вопрос «За что?» сверлит мои мозги. Я буквально недалек от помешательства. И до сих пор, пока я не объяснюсь и не получу авторитетного ответа, вероятно, мне не успокоиться. Плюс к сему я не нахожу полного применения моим силам в нормальном детском доме. Я прошу Вас, коль это хоть в какой-либо мере допустимо, сообщиться с товарищем Яцкевичем и сказать ему о моей педагогической и советской чистокровности и преданности. Галя почему-то не советует писать. Но я дальше не могу».

Ответ на это письмо пришел 2 февраля. Антон Семенович спешил успокоить своего любимца:

«В голову мне не приходило, что ты можешь так волноваться по поводу прошлогодних обстоятельств твоей биографии, я на твоем месте не волновался бы и забыл все, но совершенно понимаю, что в детском доме тебе скучно и неинтересно. Поэтому буду все-таки рад, если из нашей переписки с Яцкевичем что-нибудь выйдет. Сегодня я отправил ему длинное письмо, в котором

рассказываю, какой ты педагог. Предупреждаю, что ты человек горячий и лодырей и шкурников не любишь, пишу также и о том, что ты – сторонник моей системы. Приложил, конечно, и твое письмо…. Вчера я получил орден, поэтому, может быть, особенного страха или отвращения к нашей системе у Яцкевича не обнаружиться. Почти уверен, что он что-нибудь сделает, разговаривать с ним лично, думаю, было бы хуже, я произвожу на некоторых людей отталкивающее впечатление… Но если даже получится осечка, падать духом не нужно, будем думать что-либо другое…»

Семена Афанасьевича это письмо порадовало, он счастлив, взволнован награждением А.С. Макаренко орденом Трудового Красного знамени. В письме от 9 февраля 1939 г. Калабалин признался:

«От Ваших писем мне легче и бодрее переживается».

А в письме от 27 февраля сообщал:

«Яцкевич молчит, а мне не сидится. Как-то все сразу: и грустно, и страшно, и грустно… Облоно влюблено в меня, но мне от этого не легче. Когда лают собаки и проходят мимо окон люди, я переживаю страх. Отчего это? Ведь я видел страхи и научился переживать их. Что ж это такое? Я очень честно трудился и тружусь».

Последнее письмо А.С. Макаренко было написано 28 марта 1939 г. Он писал:

«Я в последнее время по обыкновению замотался и долго тебе не отвечал. Спасибо, что не обращаешь внимание на мое свинство и пишешь. В общем, твои дела как будто идут полным ходом. Яцкевич мне не ответил, и это, конечно, квалифицированное хамство, ничего не поделаешь, и напоминать ему не хочу, тем более что по всему видно, мы с тобой ему не ко двору, у него, вероятно, какие-нибудь другие есть «соображения». То, что он молчит, между прочим, меня даже утешает. Это значит, что все равно ты с ним не сработался бы. Стоит ли в таком случае лезть на разные рожны? Вообще думаю, что тебе не нужно нервничать, по опыту знаю, что лучше бывает там, где трудно, и лучше оканчивается там, где работается…»

«Соколовка. 1 апреля. Дорогой Антон Семенович! Мне только иногда хочется быть в выгодном положении перед другими – я Ваш сын. Ревную иногда Вас и все.

В моем подшефном Немировском детдоме дела идут хорошо. Работу свою я понемногу записываю. Веду наблюдения за личностями детей, коллективом, за удачными воспитателями, о системе организации детских коллективов, перспективах, традициях. Веду переписку с воспитанниками бывшими и т. д.

Готовлю статьи в прессу. В следующем письме вышлю Вам «комплимент» по Вашему адресу одного мудреца от педагогического журнала «Коммунгстична освіта».

Следующего письма не было. 1 апреля 1939 года А.С. Макаренко не стало. 4 апреля 1939 года Антона Семеновича Макаренко хоронили.

Семен Калабалин примчался проводить в последний путь своего учителя, отца, друга. Поезд опаздывал. Калабалин догнал траурную процессию уже на кладбище.

В мае 1939 года в связи с необходимостью постоянной деятельности в комиссии по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко С.А. Калабалин переехал под Москву и принял детский дом № 3 Мосгороно на станции Барыбино. С момента переезда под Москву начинается новый этап жизни С.А. Калабалина – период самостоятельных поисков. Здесь развивалось и совершенствовалось его педагогическое мастерство.

«Его появление в Барыбино было совершенно неожиданным и новым по сравнению с его предшественниками. Если те в первую очередь принимали друг от друга хозяйство, то Калабалин с этим делом не торопился. Прежде всего, он стал знакомиться с детьми и принял их под свою ответственность не по спискам, как это делали другие директора, а лицом к лицу с каждым. А их было в детском доме около пятисот.

Всех нас очень удивило познание и молниеносное разоблачение всех наших мальчишеских «секретов». Он заглядывал в топку печек, приподнимал матрасы, раскрывал тумбочки, и вскоре на полу образовалась большая куча, состоящая из самопалов, рогаток, острог, сухарей, самодельных игральных карт. К нашему удивлению, мы не услышали от него привычной ругани и упреков. Калабалин укоризненно покачал головой и с украинским акцентом горестно сказал: «Не добре у вас, хлопцы…» Он указал на кучу и с уверенностью приказал: «Сегодня же уничтожить. Исполните? Можно не проверять?.. Ну, добре!» Когда за ним закрылась дверь, разгорелась словесная битва, чуть не дошедшая до настоящего боя. Но первый приказ нового директора был с честью выполнен, а сухари съедены в честь примирения.

Через несколько дней на лесистом пригорке у спуска к реке было организовано собрание-встреча, на котором присутствовали не только воспитанники и педагоги, но и все сотрудники детского дома. Семен Афанасьевич рассказал нам об Антоне Семеновиче Макаренко, о себе и познакомил всех с Галиной Константиновной – женой, педагогом и другом по работе.

Он говорил о нашей настоящей жизни с каким-то особым

обаятельным юмором, вызывая аплодисменты и смех даже у скептиков. Но когда Семен Афанасьевич сказал, что на пустыре будут цвести красивые цветы, вырастут аллеи деревьев, большой фруктовый сад – заходи, рви, ешь, сколько твоей душе угодно, – это показалась фантастикой. И в то же время нельзя было не поверить этому доброму, шутливому, с искрящимися глазами человеку.

И он развеял сомнения: «Все, о чем я вам говорил, – это не сказки – пояснил Калабалин, – нам придется работать, много работать, самим для себя, и я выдвигаю лозунг: «Не пищать!» Кто за этот лозунг?»

Все подняли руки. Одни с радостью, другие с неохотой. Вскоре жизнь в детском доме стала совершенно иной – радостной, бодрой, трудовой – по-макаренковски».

Из воспоминаний воспитанника Барыбинского дома № 3 Мосгороно К. Петухова

* * *

Судьба Марии Александровны Бесчастновой – прекрасная иллюстрация к словам С.А. Калабалина: «Макаренко сделал из меня человека, а я из вас хочу сделать хороших людей».

В голодные тридцатые годы шестилетняя Маша осталась сиротой и оказалась в приюте где-то под Харьковом. Группу детей, особенно истощенных и больных, привезли с Украины в Москву и определили в Ростокинский детский приемник. Маша чудом выжила. Когда пришло время учиться, ее отправили в Барыбинскую детскую колонию, здесь она пошла в первый класс. Никто не объяснил тихой девочке, что она, просто потерявшая родителей, будет подчиняться законам, применяемым к малолетним правонарушителям. За высоким забором в Барыбине находился целый городок, где под охраной НКВД за колючей проволокой существовали шестьсот детей и подростков. Каждый день через забор кто-то убегал, каждый день кого-то сажали в карцер за побег. Местное население боялось ездить на подводах мимо колонии, беглецы жестоко грабили крестьян, забирая даже одежду и обувь. Взрослые ребята дрались, проигрывали в карты подушки, одеяла, ботинки малышей. Отнимали скудные пайки: два прозрачных куска белого хлеба, крохотный кусочек масла и сахар. Девочки-подростки спали с воспитателями. Им завидовали другие – у них были теплые пальто и обувь.

По ноябрьской снежной жиже Маша бегала и в школу, и в столовую босиком. Летние сандалии порвались, а зимние

ботинки выдать не торопились. Над колонией, очевидно, шефствовал Военно-морской флот – привозили дырявые тельняшки, брюки клеш и бушлаты, в которых даже палубу мыть стыдно. Но блатные находили в этом особый шик. Начальство не приезжало месяцами. В корпусах печи топились плохо, о дровах нужно было заботиться самим. Спальню согревали своим дыханием двадцать одиннадцатилетних девчушек.

Приютские дети обижались только на судьбу, ведь сравнить свою жизнь с нормальной они не могли.

Новый директор колонии Семен Афанасьевич Калабалин несколько дней ходил по барыбинской территории инкогнито, приематривался. Блатную жизнь он знал не понаслышке. Воспитанники решили, что приехал «новый мент», и не придали этому никакого значения: охрана и начальство часто менялись. На четвертый день А. Калабалин собрал всех в грязном клубе, не здороваясь, со сцены назвал всех паразитами, которые даром кормят вшей, и под общий свист и улюлюканье предложил начать новую жизнь: самоуправление, труд, дисциплина.

Через несколько дней заборы в колонии сломали, был избран совет командиров, воспитанники занялись сельским хозяйством. За грамотность и красивый почерк Машу выбрали секретарем совета. Дрожащим голосом она прочитала на первой линейке приказ о сборе щавеля. Увидела недоумение и издевку на лицах колонистов. Потом-то она вместе с председателем совета командиров Валентином Удальцовым, ставшим впоследствии генералом, главным штурманом ВВС, уверенно подписывала и договоры с соседним колхозом, и другие важные документы.

Семен Афанасьевич научил своих питомцев прежде всего уважать в себе личность. Колония была преобразована в детский дом № 3. Самых отъявленных великовозрастных бандитов куда-то перевели. Остались обездоленные, с искалеченными судьбами дети. О работе ученика Макаренко знали многие, скоро в детском доме стали появляться оступившиеся, сбившиеся с пути дети известных родителей.

В эти годы Маша впервые поняла, какое счастье, когда о тебе заботятся. Калабалин знал каждого, вникал во все: заглядывал в классы и мастерские, ел с воспитанниками из общего котла, удивлял своими знаниями в сельском хозяйстве, мастерил, показывал, как печь хлеб и сажать цветы. А если случалось, что директор забывал имя воспитанника, то обращался: «Сынок! Дочка!» – и это было очень близко к истине.

У ребят появилась возможность в свободное время заниматься любимым делом. Маша шила не только постельное белье в мастерских, но и юбки себе и подругам, увлеченно читала

стихи Лермонтова в кружке художественного слова, рукодельничала. Воспитанники детского дома ставили «Без вины виноватые» А.Н. Островского, пели в хоре, играли на музыкальных инструментах в оркестре, изучали авиацию, занимались художественной гимнастикой и волейболом, а летом отдыхали в Крыму.

Калабалин добился, что в детском доме открыли восьмой, девятый и десятый классы. Маша проучилась в восьмом две четверти, когда Калабалина назначили директором одного из московских детских домов с усиленным режимом. Это было тяжелое расставание. Многие родители решили забрать своих, трудных подростков, не надеясь на нового начальника. Маша тогда дружила с Татьяной Волковой, дочерью директора крупной московской фабрики, попавшей в Барыбино за воровство. Когда она только появилась в детском доме, Семен Афанасьевич попросил Машу помочь Татьяне освоиться. Дружба так связала девушек, что Татьяна отказалась уходить домой без Маши. Семья Волковых удочерила ее. Вместе подруги, ставшие сестрами, каждое утро ездили в школу через всю Москву – со Смоленского бульвара в Сокольники, чтобы видеться с Семеном Афанасьевичем.

Работа в Барыбинском детском доме была налажена, и С.А. Калабалину предложили работать в детском доме № 60, в Сокольниках. Сюда направлялись мальчики, исключенные из московских школ. В этом детском доме Семен Афанасьевич проработал до начала Великой Отечественной войны.

«В первый день войны уехали от меня гостившие в моей семье Задоров (П.П. Архангельский), Голос (И.Г. Колос)… На второй день войныя подал заявление в Сокольнический райком ВКП(б) о зачислении меня в ряды Красной Армии».

Из записок *С.А. Калабалина*

С.С. Невская,
доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник ФГНУ «Института теории и истории педагогики»

Выдающиеся педагоги XX века: Антон Семенович Макаренко, Семен Афанасьевич и Галина Константиновна Калабалины

Древнегреческий мыслитель Платон писал, что «если воспитатели юношества будут ими лишь по имени, если они будут дурно исполнять свои обязанности, то и последствия будут другие: дурная работа, выходящая из их рук, создает целые поколения невежественных и порочных, которые погубят всю будущность своего отечества».

Русский педагог Л.Н. Модзалевский в третьем издании своего труда «Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших дней» (1892 г.), («Современное значение педагогики»), ссылаясь на приведенную выше цитату из Платона, сделал заключение, что до подобного убеждения давно дошли на Западе, где гораздо раньше «стали обращать должное внимание на педагогическое дело; где развилась обширная педагогическая литература, выработавшая научные системы; где в настоящее время существует министерство специальных учреждений, посвященных делу предварительного подготовления будущих учителей и воспитателей, и известных под именем «педагогические семинарии» [1, У].

В России, отмечал далее Модзалевский, педагогика преподавалась по Нимейеру. Автор видит в учебнике немецкого ученого много туманных и бесполезных философских умозрений, между тем как «русский ум, по природе своей практический по преимуществу, не принял немцев». Педагогика, по Модзалевскому, есть «система тех научных понятий и технических правил, без знания и применения которых невозможно правильно вести воспитательное дело». Сущность педагогики как прикладной науки состоит из двух сторон: теоретической и практической, причем главную роль играет опыт, приводящий к выводу и обобщению. Затем «следует применение этих обобщений или законов к частным случаям». И, наконец, Модзалевский делает вывод, что настоящий педагог (сверх философских знаний) обладает искусством применения

воспитательной теории в практике. Практика не только искусство (в ней главную роль играет бессознательное творчество, фантазия)». «Дети же, будучи человеческими личностями, совсем иной матери, чем глина, краски или звуки, и над детьми едва ли можно фантазировать по одному вдохновению, хотя бы это вдохновение посетили самого образованного и развитого человека (как не изящное искусство, а – как «разумное, своевременное, искусное понимание общих законов и правил к частным случаям, к отдельным индивидуальностям». Педагогическое вдохновение не есть вдохновение артиста, а только то одушевление, та любовь к своему делу и находчивость в нем, какие могут быть присущи и государственному человеку, и механику, и медику. От педагога требуется знание и умение, следовательно, требуется гораздо больше, чем от записного, кабинетного ученого, более чем от артиста, одаренного самым прихотливым творчеством. От педагога требуется и то, и другое, так как знание предполагает научный труд, а уменье – талант и навык. О признании и любви к делу и говорить нечего: ими обусловливается успех во всяком роде деятельности, во всякой специальности. Равномерное соединение этих двух условий – знания и уменья – есть необходимая и главная черта того идеала, приблизиться к которому должен стремиться каждый педагог, если он хочет быть им не по одному имени, а по своей сущности. Полное достижение идеала, конечно, невозможно: это заключается в самом понятии «идеала»; по потребности приближения к нему сознавали и выражали величайшие из исторических представителей педагогики» [1, УП].

Представителями такого «идеала», на наш взгляд, можно назвать выдающихся педагогов XX века Антона Семеновича Макаренко, его учеников и последователей – Семена Афанасьевича и Галину Константиновну Калабалиных.

Известно, что А.С. Макаренко получил педагогическое образование сначала на годичных педагогических курсах Кременчугского железнодорожного училища (1905), которое, кстати, окончил в 1904 году с аттестатом отличника. С 17-ти лет молодой педагог начинает свою педагогическую деятельность в Крюковском двухгодичном железнодорожном начальном училище, затем (с 1911 г.) в двухклассном железнодорожном училище на станции Долинская Херсонской области. В 1914–1917 гг. Антон Семенович учиться в Полтавском педагогическом институте, с отличием его заканчивает. Стало быть, педагогику он изучал по дореволюционным источникам и идеи Л.Н. Модзалевского принимал к сведению; также глубоко знал труды К.Д. Ушинского, почитал великого педагога и много почерпнул из

его наследия. Не случайно современные ученые подчеркивают, что А.С. Макаренко творчески переосмыслил классическое педагогическое наследие и принял самое активное «участие в педагогических поисках 1920—1930-х гг., определив и разработав ряд новых проблем воспитания», что «творчество Макаренко пришло в противоречие с антигуманной сталинской педагогикой, насаждавшей идею воспитания человека-винтика в гигантской социальной машине. Макаренко же исповедовал идею воспитания самостоятельного и деятельного члена общества». Он «разработал стройную педагогическую систему, методологической основой которой является педагогическая логика, трактующая педагогику как «прежде всего практически целесообразную науку» [2, 303].

В 1920-м году А.С. Макаренко становится заведующим детской трудовой колонии им. М. Горького под Полтавой. Здесь он сумел найти и реализовать в жизнь способы организации быта, учебной и трудовой деятельности несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных, которые стали жертвами социальных потрясений: первой мировой войны и революции. Семен Калабалин был направлен в колонию в марте 1921 г. за «уголовный бандитизм, вооруженный грабеж». В документах была указана дата рождения Семена – 1902 г. Итак, Калабалину было 19 лет, когда он встретился с Антоном Семеновичем. А.С. Макаренко считал Семена Афанасьевича Калабалина самым талантливым воспитанником, а позже – чудным, непревзойденным воспитателем, организатором и руководителем детских колоний.

Верный друг, супруга Семена Афанасьевича, замечательный педагог-воспитатель Галина Константиновна признавалась, что пятьдесят лет проработала воспитателем в детских домах и считает большим счастьем, что эта работа стала неотъемлемой частью жизни. Примечательна история ее встречи с А.С. Макаренко. В педучилище, где училась Галина Константиновна, существовало общество «Друг детей». Однажды приехал лектор, а это был А.С. Макаренко, собрал актив по борьбе с детской беспризорностью и провел беседу. Галина Константиновна вспоминала: «С большой теплотой говорил Антон Семенович о своих воспитанниках, о тех причинах, которые привели ребят на улицу, о том, что в каждом человеке, даже самом плохом, есть что-то хорошее, которое надо найти, увидеть, за которое надо зацепиться и которое надо развивать. Я слушала Антона Семеновича, затаив дыхание. Как он верит в Человека! Как он любит людей! У такого педагога не может быть плохих воспитанников. Как счастливы те, кто попал в эти заботливые руки. И как мне захотелось в эти минуты посвятить свою жизнь

этим, вырванным из нормальной жизни ребятам» [4, с. 16–17]. После беседы Галина Константиновна подошла к Антону Семеновичу и рассказала о своей жизни, о трудностях, с которыми столкнулась после смерти матери. «Антон Семенович выслушал меня внимательно, а потом сказал: «Вот что, здесь, в Харькове, учится группа наших рабфаковцев, это сводный отряд, я зачисляю тебя в него. И с этого дня ты не одна, у тебя большая семья, которая будет заботиться о тебе и перед которой ты будешь в ответе за свои поступки. То, что ты хочешь стать воспитателем, это очень хорошо, и ты им обязательно будешь» [4, с. 16–17].

С этого дня жизнь юной студентки получила новый смысл, она не была одна, ее окружали хорошие, заботливые люди. Антон Семенович регулярно навещал студенческий городок, в котором жил сводный отряд. Там же Галину Константиновну приняли в колонисты, вручили костюм и синюю блузку с белым воротником. Это означало, что она стала полноправным членом колонии имени Горького. Встреча с Антоном Семеновичем Макаренко была поистине подарком судьбы и определила всю ее будущую жизнь, так как в колонии она обрела настоящую семью, второй дом, нашла призвание, встретила первую и единственную любовь – Семена Калабалина. Вместе они работали в разных детских домах, интернатах, колониях, и всегда рядом с ними «мысленно был Учитель – Антон Семенович Макаренко. Его опыт, его поддержка помогали постигать науку воспитания, находить контакт с маленьким человеком, создавать и пестовать дружный, сплоченный ребячий коллектив» [4, с. 16–17].

С.А. Калабалин прошел путь от колониста колонии им. М. Горького, до воспитателя этой колонии. Все находки своего учителя в деле воспитания он знал и понимал лучше других. Ф. Вигдорова в повести «Дорога в жизнь» так пишет о своем герое – Семене Калабалине: «Он пришел в колонию имени Горького одним из первых. Давно это было, двенадцать лет назад. Сейчас ему уже почти двадцать восемь. Да, не вышло из него агронома. Кончив рабфак, он пришел в колонию и сказал решительно:

– Хай ему с тем хлеборобством! Не могу без пацанов жить. Сколько еще хороших хлопцев дурака валяют на свете! Раз вы, Антон Семенович, в этом деле потрудились, так и мне можно…

Так оно и вышло. Остался Семен в колонии и все силы души стал вкладывать в большое, нужное дело – воспитание новых людей.

С виду он такой же, как был: богатырь, быстрый уверены движения, те же огромные горячие, как угли, глаза. И не только с виду. Страстность по-прежнему главное свойство его натуры. Он

и сейчас, как в юности, всякое дело делает так самозабвенно, словно от этого зависит все, что дорого ему на свете. Разные есть воспитатели, разные учителя. Семен воспитывает не уговором, не объяснением, а собою, самой жизнью своей – не скупясь и не оглядываясь. Это хорошо, это и плохо. Надолго ли хватит человека, если он вот так, без оглядки, отдает себя? Да, но ведь он и берет – у жизни, у книги, у людей, у ребят» [3, с. 5].

Следует сказать, что Фрида Вигдорова сумела очень тонко передать сокровенные мысли, размышления и чувства Семена Афанасьевича. Повесть написана от первого лица (заведующего колонией). Герой размышляет: «Если ребенок растет в плохой семье – это несчастье. Если он учится в плохой школе – это худо. Но если он живет в плохом детском доме – это страшнее всего. Детский дом для него всё: и семья, и школа, и друзья. Здесь возникают его представлении о жизни, о мире, о людях, здесь он растет, учится, становится человеком и гражданином. И детский дом не может, не имеет права быть средним, «неплохим». Он непременно должен быть очень хорошим.

Воровство всегда гнусность и преступление. Но воровство в детском доме – это преступление неискупимое, за которое нужно наказывать самой суровой, самой полной мерой. Здесь государство доверило воспитателю детей, лишенных родителей. Красть у этих детей – что может быть подлее?

Я ни минуты не сомневался в том, что здесь, в доме за высоком забором, крали без зазрения совести. Здесь даже не пытались создать видимость какого-либо благополучия. Все было ясно и откровенно» [3, с. 10].

Когда Семен Афанасьевич стал самостоятельно руководить детским домом, к нему стали поступать «перебежчики» – командиры отрядов, воспитанники из Одессы, где он некоторое время работал, из коммуны им. Дзержинского. Его знали и как последователя А.С. Макаренко и как прославленного героя «Педагогической поэмы» Семена Карабанова. Побег к Калабалину колонистов и даже воспитателей из других колоний вызвал к нему недоброжелателей со стороны вышестоящего начальства. А.С. Макаренко писал ему 30 декабря 1935 г.: «Сегодня Цыбульский (он в Киеве) получил телеграмму о побеге к тебе целой кучи командиров. Ахматов лютует. Если ты их сманил целой кучей, нехорошо. Надо было это делать умнее, нельзя же хватать всех, весь совет, что это такое?». Пожурил и здесь же наставлял: «Прими Мохарева как можно лучше. Он хороший работник».

Цыбульский был начальником Одесской детской колонии, а Ахматов – начальников отдела трудовых колоний НКВД УССР.

Таким образом, посылая к Калабалину воспитателя из коммуны имени Дзержинского Мохарева, Антон Семенович призывал своего любимца быть осторожнее в сманивании людей.

Примечателен такой пример. 8 февраля 1939 г. А.С. Макаренко, выступая перед учителями, рассказал о начальнике Винницкой колонии Калабалине, и дал ему следующую оценку: «Замечательный человек. Если про себя я говорил, что я мастер, а не талант, но Карабанов в первую очередь талант. Он буквально чудеса делает. Если написать об этом, так, пожалуй, никто не поверит (…) Не мастер, а именно талант, которому подчиняются самые тяжелые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылали ему самых трудных, и он делал с ними буквально чудеса» [6, т. 4, с. 310–311].

В «руках» Семена Афанасьевича и Галины Константиновны Калабалиных находились беспризорные подростки и юноши, у многих из которых уже сформировался определенный «бандитский» тип личности. Но 1934 г. был принят в 66-ю школу-коммуну в Сосновой Поляне в пригороде Ленинграда психически нездоровый ребенок, которого прислали вышестоящие органы народного образования. И случилась беда. От его руки погиб маленький и всеми любимый в коммуне сынишка Семена Афанасьевича Костик. 11 июля 1934 г. А.С. Макаренко писал С.А. Калабалину: «Читаю твое письмо несколько раз и прямо не могу поверить страшной его трагичности. Выходит так, что все эти научные шарлатаны не только губят нашу работу, но и физически уничтожают наши семьи. И ни за что не отвечают. Вот они убили твоего сына и продолжают дальше самым паскудным образом ломаться перед страной. И тронуть их нельзя, потому что на них научное табу, наложенное каким-то идиотским набором предрассудков» [6, т. 8, с. 51].

А.С. Макаренко выразил глубокое соболезнование по поводу трагической гибели сынишки и пригласил его в лагерь в Одессу, где коммунары планировали быть с августа по 15 сентября. «Приезжай хоть на все время, – уговаривал Антон Семенович. – К тому времени может быть что-нибудь проясниться на нашем горизонте… В самом деле, приезжай в Одессу. Там среди ребят, у моря, приглушишь свое горе» [6, т. 8, с. 52].

Летом 1935 г. начался новый этап в жизни А.С. Макаренко. Он был назначен помощником начальника отдела трудовых колоний Народного комиссариата внутренних дел Украины и, по его настоянию, семья Калабалиных в ноябре этого года переехала в Якушинскую детскую трудовую колонию, в которую Семена Афанасьевича назначили заместителем начальника. Но и на Украине случилась беда: от тяжелой болезни умер долгожданный

сынок – малыш Антон.

В своих автобиографических записях С.А. Калабалин писал, что именно Макаренко поручил ему открытие детской колонии для рецидива в Винницкой области. В этот период они часто встречались, много общались. Калабалин признавался, что «каждое личное его письмо тех лет было полно советов, подсказок». «Собрать бы их все вместе, – продолжал мечтать Семен Афанасьевич, – и получился бы такой сборник по методической организации детского учреждения. Там предусмотрено решительно все: дозировка света, воздуха, жилой площади, расстановка кроватей, пошивка костюмов, встреча новичка, примерное содержание первой беседы с ним, методика привлечения подростка к общественной деятельности, нормы нагрузки, организация первого урока в школе и т. д. и т. д.».

Эти бесценные письма до сих пор не известны. По причине ареста С.А. Калабалина письма этого периода были конфискованы.

Работа с детьми, а тем более беспризорниками и несовершеннолетними правонарушителями, была всегда сопряжена с рисками. Педагогическая практика (да и сама жизнь) Семена Афанасьевича и Галины Константиновны Калабалиных проходила в условиях постоянного риска: трудные колонисты, трагическая смерть сыновей, арест Семена Афанасьевича по наговору и т. д. В условиях риска человек действует по-разному. Риск в состоянии угрозы заставляет человека принимать решения: пойти на риск или нет. Находясь в состоянии выбора, педагог обязан принять правильное решение. А.С. Макаренко до последних дней своей жизни поддерживал Семена Афанасьевича и Галину Константинову. Супруги до конца своей жизни оставались верны выбранному пути, они были непревзойденными педагогами-воспитателями в колониях и детских домах.

Независимо от личных трагедий, угроз и рисков в семье Калабалиных и семье Макаренко, тема «риска» в воспитании детей была постоянно в поле внимания Антона Семеновича. Так, выступая с докладом «Семья и воспитание детей» в редакции журнала «Общественница» 29 марта 1938 г., он поднял вопрос и о риске в воспитании детей: «Ребенок в семь-восемь лет должен уже в своем поведении иногда и рисковать, и вы должны видеть этот риск, и вы должны допустить известную долю риска, чтобы ребенок был смелым, чтобы он не приучился все под вашу ответственность складывать: мама сказала, папа сказал, они все знают, им и книги в руки, а я буду поступать так, как они скажут. При такой предельной степени вашего вмешательства сын не вырастет настоящим человеком. Иногда из него вырастет

безвольный, не способный ни на какое решение, не способный ни на какой риск и дерзания человек, а иногда бывает наоборот, он подчиняется вашему давлению до какого-то предела, но силы, бурлящие и требующие исхода, иногда взрываются, и дело кончается домашним скандалом: «Был хороший мальчик, а потом что-то с ним сделалось». А на самом деле с ним делалось это все время, когда он подчинялся и слушался, но силы, заложенные в нем природой и развивающиеся по мере роста и учебы, производили свое действие, и сначала он тайно начинает сопротивляться, а потом и явно» [5, т. 4, с. 215–216].

В главе «Точка опоры» повести Ф. Вигдоровой «Дорога в жизнь» Семен Афанасьевич размышляет: «Многое, что доставалось Антону Семеновичу ценою крови и бессонных ночей, мне досталось просто, без усилий – по наследству. Я знал, что самая первая неотложная моя задача – создать коллектив. Я не сомневался, не спрашивал себя, не приводил никаких за и против – я знал. А знать твердо, без сомнений – это большая, ни с чем несравненная опора и поддержка. Зная, идешь к цели увереннее. Зная, не позволяешь тревоге овладеть собой. Неизбежные препятствия не обезоруживают, они только заставляют еще упорнее искать и думать…Я не был оригинален. Я делал то, что делал бы каждый на моем месте, и еще раз убедился: если человек живет плохо, он равнодушен к тому, что будет жить еще хуже. Но если сказать ему: «Давай будем жить хорошо!» – и если он искренне поверит, что ты хочешь помогать ему, то не будет предела его воле к лучшему, как не положено предела счастью и радости. Это самые могучие рычаги на свете, или, пожалуй, это и есть те самые точки опоры, с помощью которых можно перевернуть мир.

А пока мы переворачиваем все в своей маленькой республике, и я снова и снова убеждаюсь – нет на свете такого человека, который не захотел бы услышать слова: «Давай сделаем так, чтоб было хорошо!» Такие слова слышны далеко, и они будят спящих.

Первые шаги были уже сделаны. Прежде всего, ребятам высказано прямое и четкое, не допускающее возражений требование. Без такого требования дисциплинировать разболтанную толпу детей нельзя – об этом постоянно говорил Антон Семенович, и это я снова понял, очутившись один на один с ребятами. А потом видишь – на твою сторону перешел один, другой, третий… Тогда можно сказать, что образовалось ядро и есть на кого опереться. С этим надо спешить.

Я видел: здесь, в Березовой поляне, ядро уже возникло. Были ребята, с которых прежний грязный налет слетел сразу же. Они приняли новый строй жизни радостно и бесповоротно, словно

только того и ждали. Но коллектива еще не было. Вот когда дисциплина перестанет быть только нашей воспитательной заботой и станет заботой всех ребят, когда она станет традицией и за ней будут наблюдать не от случая к случаю, а постоянно и ежечасно, когда появятся у нас общие цели и общие мысли, общая радость и общие желания, – вот тогда-то можно будет сказать: коллектив есть!» [3, с. 51–52].

Процитируем еще один фрагмент из повести Ф. Вигдоровой: «Я получил в наследство и еще одно драгоценное знание, которого, конечно, в ту пору не нашел бы ни в одной книге. Я не только знал, что все силы надо положить на организацию коллектива, – я знал, что без точно найденной организационной формы коллектива не построить. И тут не приходилось заново придумывать и искать. Мне только не терпелось скорее дать новую жизнь тому, что родилось в колонии имени Горького и в коммуне имени Дзержинского.

Ведь Антон Семенович никогда не говорил, только «надо». Он всегда объяснял и показывал, как надо. И поэтому я знал: ничто так не скрепляет коллектив, как традиция.

Сколько содержательных, полных глубокого смысла традиций было у нас в колонии Горького! Вот наступает день рождения Алексея Максимовича. Мы задолго ждем этого дня, готовимся к нему, а ведь ждать чего-то вместе, сообща – совсем не то, что ждать в одиночку!

А как мы дорожили каждой мелочью, которая украшала наш праздник и была придумана нами самими! Например, мы никогда никого не приглашали к себе в этот день, это было наше семейное торжество. Кто знает – сам приедет!

А как хорошо придуман был наш праздник первого снопа! Тут каждый шаг был скреплен нерушимой традицией, которой дорожили все мы – от мала до велика. Сколько ни проживу, мне не забыть этот день, как не забудут его, я уверен, все горьковцы: и общий радостный подъем, от которого по-настоящему дух захватывает, и венки на головах девушек, цветы на граблях и косах, и белые плащи наших пацанов-сигналистов, и клятву младшего колониста старшему при передаче первого снопа, самую высокую клятву – трудиться честно и всем сердцем любить труд. Кто читал «Педагогическую поэму», тот, вероятно, запомнил, как описал этот день Антон Семенович, запомнил и Буруна и Зореня. Кто хоть раз пережил это, как пережили Бурун и Зорень и все мы, горьковцы, тому этого не забыть навеки. Проживи он хоть до ста лет, для него это навсегда останется одним из самых благодарных и счастливых воспоминаний.

Но жизнь состоит не из одних праздников. И поэтому

традициями был пронизан каждый день нашей жизни – с минуты, когда мы вставали, и до часа, когда ложились спать. Мы приветствовали друг друга салютом, мы говорили «есть» в ответ на полученное приказание. Мы собирались по зову горна, никогда не опаздывали на свои собрания и никогда не говорили на этих собраниях больше одной минуты: за шестьдесят секунд можно высказать шестьдесят мыслей, говорил Антон Семенович. Для нас не было наказания страшнее, чем отвечать за свой поступок перед товарищами. «Выйди на середину!» – говорил секретарь совета командиров, и провинившийся выходил, а со всех сторон на него были устремлены пытливые взгляды товарищей, и он должен был дать им отчет в своих поступках.

Казалась бы, простая вещь: вот наступил день. Как он пойдет? С чего начинается? Чем кончится? Кто чем будет занят?

Я мог заранее сам сказать это ребятам, растолковать, распорядиться. Но я хотел, чтобы они думали вместе со мной. Думали и придумывали. Чтобы этот день, весь его порядок, его содержание были не чем-то навязанным извне, но их собственным детищем, плодом их собственной мысли» [3, с. 54].

Г.К. Калабалина вспоминала: «В жизни моей бывало всякое – и страшные потери, и горе… Но в работе никогда безысходности не испытывала. Книги Антона Семеновича всегда были рядом со мной. Он поставил огромный социальный эксперимент – попытался создать человеческое братство. Принципы его работы были созвучный нам, они актуальны всегда. И сегодня тоже».

Сохранившиеся письма С.А. Калабалина (а их достаточно много) и письма А.С. Макаренко (многие бесследно пропали) 1934–1939 гг. раскрывают удивительную историю дружбы этих двух талантливых людей: учителя и ученика, отца и сына. Так, 29 февраля 1937 г. С.А. Калабалин писал Антону Семеновичу: «Спасибо за письмо… Два дня тому назад напал на «Красную Новь». Достал 8 и 9-ю книжки. Начала нет и конца. «Книга для родителей» произвела на меня ошеломляющее впечатление. Откуда только Вам известны все те подробности из жизни девочек и мальчиков, о которых Вы так математично точно повествуете?

Читаю и вспоминаю о своем детстве и как мы играли в «папу и маму», в «свадьбы» и решаю – как оформить воспитание своих детей.

Ваша «Книга для родителей» должна быть настольной книгой у каждого родителя и еще обязательной для педагогов. А уж коль упомянул о педагогах, так не можете ли Вы мне сказать, почему эта порода людей так глупа и невежественна? Какой процент на всю педагогическую ораву умных людей? У меня их 14 штук, и все – глупы, тупы и истеричны…».

Из этого письма мы также узнаем, что А.С. Макаренко звал С. А. Калабалина для работы в Москву, на что Семен Афанасьевич ответил, что переехать – дело заманчивое, но вряд ли его отпустят, да еще «хочется потягаться с беспризорщиной». Семен Афанасьевич поделился своими планами: «Даже хочу написать наркому, чтобы дал мне, все одно где, колонию, я бы дал образец работы. Но я готов и дворником работать, лишь бы жить на таком расстоянии от Вас, чтобы общаться с Вами живым словом и видеть Вас – нашего дорогого Человека».

Письма А.С. Макаренко 1937 года не сохранились. Судить об их содержании можно только по ответным письмам С.А. Калабалина.

Особенно любопытны письма конца 1937 года. 9 декабря Семен Афанасьевич писал из Киева: «Дорогой Антон Семенович. Спасибо за письма. Я счастлив тем, что составил Вам компанию в скучной Москве, а Ваше доброе отношение ко мне – единственная радостная краска на фоне моего бытия… Еду за 12 колонией… Операция страшно напоминает великое переселение горьковцев из Полтавы в Куряж».

В этом письме упоминалась рукопись Калабалина «Вадька-партизан», которую он посылал Макаренко для «коррекции». Рукопись исчезла, но, возможно, позднее она легла в основу книжки С.А. Калабалина «Бродячее детство».

20 декабря 1937 г. Семен Афанасьевич послал весточку своему учителю из Винницы: «Дорогой Антон Семенович! У меня все добре и не совсем… Мое моральное состояние нарушено основательно, и я вечно нахожусь в состоянии помилованного. Это не вяжется с моей натурой, тем более что я в своей работе честен и самоотвержен… Привез воспитанников из 12 колонии. Сравнить их можно с коллективом куряжан. Ужас, теперь вот сижу и ломаю себе голову, чем их поразить. Это будет последним моим выступлением в Виннице».

Содержание этого письма – загадка, которую еще следует разгадывать. Состояние «помилованного» – тайна за семью печатями. Именно в это время на Калабалина был сделан донос. В 1938 году органы НКВД его арестовали и «переправили» в московскую тюрьму за якобы антисоветскую агитацию среди воспитанников. Вину Семена Афанасьевича доказать не удалось и его отпустили через месяц.

20 марта 1938 г. Семен Калабалин напишет свое первое после ареста письмо: «Дорогой Антон Семенович! Как Вы мне посоветуете обратиться с письмом к т. Ежову по вопросу восстановления моих прав на работу в трудколонии НКВД, конечно, с изложением всей прекрасной «штуки», разыгранной со

мной? Не могу и без т. н. трудновоспитуемой братии. В системе наробраза детвора мелкая и ни в какой мере не приобщена к серьезным делам. Арестован я был только для того, чтобы скомпрометировать меня перед детьми, но этого не получилось, а одно лишь успели – развалить колонию… Сидеть в Соколовке – ужасно тяжело. Чувствую себя как на высылке. Это же работа не по вкусу и выбору. Я оказался перед фактом свершившимся. Когда меня освободили, то Галя со всей свитой была уже в Соколовке. Напишите о себе, как Ваше здоровье и зачем это нужно было ломать ребра. Будьте здоровы, дорогой отец…».

Судя по содержанию письма, А.С. Калабалин отвечал на письмо Антона Семеновича, из которого узнал о его тяжелом заболевании. Возможно, сам Семен Афанасьевич писал ему, но письмо не сохранилось (или еще не найдено).

Ответ на это письмо пришел 2 февраля. Антон Семенович спешил успокоить своего любимца: «В голову мне не приходило, что ты можешь так волноваться по поводу прошлогодних обстоятельств твоей биографии, я на твоем месте не волновался бы и забыл все, но совершенно понимаю, что в детском доме тебе скучно и неинтересно. Поэтому буду все-таки рад, если из нашей переписки с Яцкевичем что-нибудь выйдет. Сегодня я отправил ему длинное письмо, в котором рассказываю, какой ты педагог. Предупреждаю, что ты человек горячий и лодырей и шкурников не любишь, пишу также и о том, что ты – сторонник моей системы. Приложил, конечно, и твое письмо_ Вчера я получил орден, поэтому, может быть, особенного страха или отвращения к нашей системе у Яцкевича не обнаружиться. Почти уверен, что он что-нибудь сделает, разговаривать с ним лично, думаю, было бы хуже, я произвожу на некоторых людей отталкивающее впечатление… Но если даже получится осечка, падать духом не нужно, будем думать что-либо другое…».

Семена Афанасьевича порадовало письмо, он счастлив, взволнован награждением А.С. Макаренко орденом Трудового Красного знамени. В письме от 9 февраля 1939 г. С.А. Калабалин признался: «От Ваших писем мне легче и бодрее переживается». А в письме от 27 февраля сообщал: «Яцкевич молчит, а мне не сидится. Как-то все сразу: и грустно, и страшно… ОБЛОНО влюблено в меня, но мне от этого не легче. Когда лают собаки и проходят мимо окон люди, я переживаю страх. Отчего это? Ведь я видел страхи и научился переживать их. Что ж это такое? Я очень честно трудился и тружусь».

Последнее письмо А.С. Макаренко было написано 28 марта 1939 г. Он писал: «Я в последнее время по обыкновению замотался и долго тебе не отвечал. Спасибо, что не обращаешь

внимание на мое свинство и пишешь. В общем твои дела как будто идут полным ходом. Яцкевич мне не ответил, и это, конечно, квалифицированное хамство, ничего не поделаешь, и напоминать ему не хочу, тем более что по всему видно, мы с тобой ему не ко двору, у него, вероятно, какие-нибудь другие есть «соображения». То, что он молчит, между прочим, меня даже утешает. Это значит, что все равно ты с ним не сработался бы. Стоит ли в таком случае лезть на разные рожны? Вообще думаю, что тебе не нужно нервничать, по опыту знаю, что лучше бывает там, где трудно, и лучше оканчивается там, где работается…».

1 апреля 1939 г. А.С. Макаренко не стало…

Поистине удручающая картина! Любимец Макаренко Семен Афанасьевич весь 1938 год и 1939-й жил в тревожном ожидании возможного ареста, что и произошло, (а возможно и повторного ареста). Заметим, ареста, в высшей степени несправедливого! Не случайно он писал, что все мы под НКВД ходим. В это время у него родился сын, которого он с радостью назвал Антоном – в честь Макаренко! О любимом сынишке он писал в каждом письме к своему учителю и отцу…

Каково же было Антону Семеновичу в эти годы? Он так стремился в Москву – центр культуры и науки, где раскрывались широкие перспективы литературного и педагогического творчества! Но жил А.С. Макаренко в Москве всего лишь два с небольшим года (с февраля-марта 1937 г. по 1 апреля 1939 г.). Жил в напряженном трудовом ритме, заботясь о семье, которая состояла из неработающих супруги, приемного сына и племянницы. А сколько переживаний выпало на его долю из-за племянницы Олимпиады – выпускнице школы, дочери эмигрирующего за границу его младшего брата белогвардейца Виталия, которая неожиданно уехала из Москвы и не вернулась, на что была своя причина, о которой Антон Семенович так никогда и не узнал. Его волновала судьба С.А. Калабалина…

Семен Афанасьевич и Галина Константиновна до конца своей жизни работали в детских домах. В 1970-е годы М.Д. Виноградова со своими коллегами из АПН СССР посетила Егорьевский детский дом, которым руководил С.А. Калабалин. Они ехали из Москвы на автобусе, и одна из сотрудниц без умолку говорила, не давая никому покоя. Встретив гостей, Семен Афанасьевич сразу усадил гостей за большой стол, и начались педагогические разговоры, которые то и дело прерывала наша коллега, мешая слушать Семена Афанасьевича. Он вдруг встал, пристально посмотрел на неё и сказал: «Где мое ружье?» М.Д. Виноградова вспоминала: «Что он с ней сделал, не знаю, загипнотизировал что ли? Во всяком случае, после его взгляда она больше не сказала ни в

детдоме, ни в автобусе на нашем обратном пути ни одного слова. А ведь мы Семену Афанасьевичу ничего о ней не говорили, но он сам сразу что-то понял, а что сделал, не знаю. Такова сила его воздействия даже на взрослых людей, которых он видел впервые» [5, с. 27].

Лысенко П.Г. в книге «Судьбы воспитанников» отметил, что С.А. Калабалину и его супруге Галине Константиновне посвящена трилогия Ф. Вигдоровой «Дорога в Жизнь», «Это мой дом», «Черниговка». По трилогии был создан художественный фильм «Вчера, сегодня и всегда». Семен Афанасьевич стал «одним из героев научно-популярного фильма «Четыреста биографий», снятого киностудией имени А. Давженко, сам написал много статей. Но самая большая его работа – книга «Бродячее детство» [7, с. 49].

По книгам А.С. Макаренко были поставлены художественные фильмы «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях». Однако исследователям еще предстоит более подробно раскрыть страницы жизни и деятельности выдающихся педагогов-воспитателей – Антона Семеновича Макаренко, Семена Афанасьевича и Галины Константиновны Калабалиных, по достоинству оценить их педагогический подвиг. Их имена уже вошли в сокровищницу педагогической мысли нашего Отечества.

Литература

1. *Модзалевский Л.Н.* Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших дней. 3-е изд. – С.-П., 1892.

2. *Джуринский А.Н.* История педагогики: учеб. пособ. для студ. педвузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.

3. *Вигдорова Ф.* Дорога в жизнь. Повесть. – М.: Гос. изд. детской литературы, 1954.

4. Неизвестный Макаренко. Выпуск 10. – М.: НИИ семьи и воспитания, 2004.

5. Неизвестный Макаренко. Выпуск 19. – М.: НИИ семьи и воспитания, 2009.

6. *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения: В 8-й т. Т.4 – М.: Педагогика, 1984.

7. Лысенко П.Г. Судьбы воспитанников А.С. Макаренко. Документально-биографические очерки. Полтава: ОГОИ «Полтавський літератор», 1994.

Ф.Н. Мер [38]
Заслуженный учитель: фрагменты воспоминаний о С.А. Калабалине

В 1960-е годы очень часто печатались списки награжденных званием «Заслуженный учитель». Но никак мы не могли дождаться там фамилии «Калабалины». Мы понимали, что навряд ли кто-либо более, чем они, достойны этого звания, и негодовали.

Наконец… увидели: «Калабалину Г.К.». Конечно, она была сверхдостойна, но без Семёна Афанасьевича! – это воспринималось как издевательство! На Макаренковской секции Педобщества обсудили этот вопрос. Решили взяться за это дело. Поручили Льву Алексеевичу Чубарову и мне. Мы поехали к Андреевой: зав. Облоно. Договорились вести разговор дипломатично: как будто хотим помочь ей противостоять каким-то противникам, настроенным, почему-то, против Семёна Афанасьевича. Но с первых же слов план пришлось отвергнуть. Андреева сразу заявила, что именно Облоно и она, в частности, не считают С.А. Калабалина достойным этого звания. Пораженные, мы с трудом подбирали слова. «Как? Ведь именно вы направляете в его Клемёновский детдом вместо колоний тех, с кем не могут справиться другие.» «Да» – был невозмутимый ответ. «Это он умеет». Мы совсем онемели. Справившись с растерянностью, начали доказывать, что это и есть воспитательная работа, что именно это принесло ему успех, даже славу, в мире… Она не уступала, и в споре выяснилось, что же, с их точки зрения, нужно чтобы воспитательная работа была признана хорошей. Это – планы, отчеты, сборы, беседы, стенгазеты…

Все же Андреева, обещала пересмотреть этот вопрос. Однако, когда ещё два раза в списках Семёна Афанасьевича не оказалось, понадобилось уже по телефону прибегнуть к угрозам, что Педобщество этого не потерпит, что обратимся к руководящим органам, что «заграница нам поможет» и т. д.

В следующем списке С.А. Калабалин был.

Когда, уже через годы, мы коснулись в разговоре с Семёном Афанасьевичем вопроса о понимании «воспитательной работы», он рассказал нам, что это – постоянный камень преткновения. Инспекторы требуют наличия тех форм работы, которые применяются в школе. Но, ведь, его дети в школе учатся. «Вы же дома не проводите собраний и не издаете стенгазет…».

В 1950—1960-х гг. мы (я, В.Е. Гмурман, Р.М. Бескина) бывали,

редко в гостях в Клеменовском детском доме. Некоторые эпизоды врезались в память.

Вечер. Ужин. В столовой – столики на 4-х. Неказистская обстановка, но чисто. Меня приятно удивляет тишина. Не та, которой можно добиться упорной строгостью и которая как-то угнетающе действует. Нет выкриков. Громкого хохота, той нервной обстановки, при которой еда «в горло не лезет». Стоит легкий шумок, как во взрослой трезвой компании.

Дежурные разносят какие-то простые блюда: картошку, или макароны, запеканку… Разливают чай. Предлагают добавку. А на столе 3 тарелочки: с маслом, сахаром и вареньем; на 4-х без разделения. Как они управляются? (Тем более, что варенья явно мало).

Подхожу к столу малышей, видимо лет по 8–9.

Ребята, а как вы варенье будете делить? Не подеретесь? Никогда не забуду удивленного взгляда, которым окинул меня с ног до головы малыш. «Мы не делим, берем, кто сколько хочет». Я была поражена и восхищена. Ведь, это – уже культурные люди, может быть не просто культурные, а готовые жить «по потребностям».

Воскресенье. Все работники выходные, их заменяют ребята. Правда, Калабалины живут в корпусе детского дома, но… это «не считается».

Мы поздно засиделись у них за разговором. Спохватились «Ведь давно должен был быть отбой! «. «Он и был». «И что же они, легли?». «Посмотрите». Я поражена. По моим походам, поездкам с ребятами, работе в колхозах, я знаю: самое трудное уложить ребят спать. Очень долго они будут шуметь, хохотать, возиться, а если учитель не строгий, то и похуже. Ну в походе, ладно: дома отоспятся. В лагере хуже: может весь отдых насмарку пойти. А каково детдомовским детям: их нервная система не успеет отдохнуть…

И вот мы в спальне девочек… Кто-то шепчется, кто-то читает (может быть, ошибаюсь, не помню, были ли настольные лампы). Большинство уже спит. То же у мальчиков.

Вот оно! Так трудно достижимое и необходимое в жизни сочетание: свобода и дисциплина.

Мы пробыли в детдоме два дня. Вечером второго – Семён Афанасьевич провожает нас троих на автобус. Подходим, когда автобус уже остановился. Его осаждает толпа; вперед пробиваются молодые мужчины. Женщины топчутся вокруг.

И вдруг… раздается громкий голос Семена Афанасьевича:

– Эй, мужики, чего вы там канителитесь?! Сбрасывай этих баб со ступенек. Куда лезут?!

И… происходит чудо. «Мужики» смущенно отступают, помогают влезть женщинам, старикам, потом влезают сами. «Коробочка полна». Мы попасть уже не надеемся. Но Семён Афанасьевич подходит с нами к водителю. «Возьми ты их, как-нибудь, ради бога, а то ведь опять ночевать останутся». И водитель, вздохнув, буквально заталкивает двоих с площадок, а одну берет к себе в кабину. Едем. Таково влияние этого человека.

Похороны Семена Афанасьевича. Я видела впервые настоящие народные похороны: нескончаемое шествие, гроб на плечах людей. И главное: нет почти лиц равнодушных: слезы, сетования…

Пожилая деревенская женщина: как же я теперь жить буду?! Мой-то… забьет ведь меня. То я, бывало, как он задурит, я сейчас одеваюсь: «К Семёну Афанасьевичу побегу». Сразу остынет. «А теперь?»

В другой группе. Молодые женщины (оказалось, работники почты). Жалуются друг другу. Теперь от скуки помрем. Ведь он, как зайдет к нам, так и в театр ходить не надо.

К Галине Константиновне.

…В Егорьевске была Макаренковекая конференция. Вечером Мария Александровна Бесчастнова собралась съездить к Галине Константиновне. Я присоединилась к ней. Автобус был полон.

Мы стояли. На слуху – мат, Я сделала замечание. Последовал вопрос:

– А Вы куда едете? Не к Галине Константиновне?

– Да, к Галине Константиновне.

И вдруг… Всё вокруг изменилось. Нам с Марией Александровной наперебой уступают места. Да и другим женщинам перепало. Предлагают нас проводить. Мы отказываемся. Но на остановке парень выходит с нами и провожает нас до дверей, звонит в дверь и убегает со словами: «Я не в порядке». Комментарии, как говорят, излишни.

В.И. Слободчиков [39]
Со-бытийная педагогика С.А. Калабалина

Семен Карабанов (Калабалин Семен Афанасьевич) и Черниговка (Галина Константиновна) были одними из самых ярких воспитанников А.С. Макаренко. Но главное – они были гениальными продолжателями педагогического подвига А.С. Макаренко. Гениальным Калабалина называл сам Антон Семенович. Он говорил; «Я – только талант, в лучшем случае; вот Семен – это гений в работе с хлопцами».

В начале 30-х годов XX века А.С. Макаренко направил своего блестящего ученика и верного сподвижника на своеобразное апостольское служение. Семен Афанасьевич должен был показать тогдашнему «Педагогическому Олимпу», как называл сам Макаренко идеологов «соцвоса» (социалистического воспитания), что педагогическая система, созданная им в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Дзержинского, дает блестящие результаты не только в работе с малолетними правонарушителями. Но и в обычных детских домах – с детьми, педагогически запущенными, оставшимися без попечения взрослых.

С.А. Калабалин показал и доказал удивительную педагогическую эффективность и методическую инструментальность воспитательной системы А.С. Макаренко своим – более чем 40-летним опытом подвижнической работы с трудными детьми, свидетелем чего, в 50 —70-х годах прошлого столетия был и автор этих строк.

Я думаю, что и по сей день мы имеем дело с пока еще плохо прочитанным и плохо понятым Макаренко. Еще ждет своего часа сочувственное внимание к наследию А.С. Макаренко, в котором он раскроется и как гениальный педагог, и как блестящий социальный психолог, и как теоретик педагогической антропологии. В отличие от нас наши западные коллеги осваивают наследие Антона Семеновича и более фундаментально, и более успешно.

Вот как пишет о нем германский исследователь В. Зюнкель: «В числе многих выдающихся педагогов последних четырех столетий (выделено мною – В.С.)… лишь семеро настолько выделяются среди остальных, что их, прибегая к альпинистскому сравнению, можно отнести к вершинам-восьмитысячникам. Макаренко в этом ряду является самым молодым. Остальные – это Коменский, Руссо, Песталоцци, Гербарт, Шляйермахер и

Фребель… Допустимо считать, что… Макаренко и внутри «великолепной семерки» наиболее заметен»[40].

Несомненно, что сегодня существует острая необходимость в новом прочтении педагогического наследия А.С. Макаренко, в новом осмыслении опыта его последователей. В том числе, и педагогического опыта его ближайших учеников – Калабалиных Семена Афанасьевича и Галины Константиновны, которые в те же 60-е, 70-е, 80-е г. XX столетия продолжали дело Антона Семеновича[41].

Стоит только вдуматься – продуктом, каких социальных, антропологических катастроф были воспитанники Калабалиных. Это были дети – гражданской войны, коллективизации, Отечественной войны и относительно благополучные, так называемые – «социальные сироты» 70-х г.

Через отцовские, материнские, учительские руки семьи Калабалиных прошли тысячи подростков, лишенных родителей. Многие из них – с уже изломанными судьбами, но выправленными, исцеленными благодатной Встречей с Семеном Афанасьевичем и Галиной Константиновной и обретшими свой собственный – уже неслучайный образ жизни и деятельности. Известно, что ни один из воспитанников Калабалиных после такой со-бытийной Встречи не оказался повторно в паутине правонарушений. И это – еще одно блестящее подтверждение грандиозности и конструктивности педагогики А.С. Макаренко.

В педагогике Калабалина я выделил бы две доминанты: первое – это **преобразование** (буквально преображение) казенного учреждения для интернирования неблагополучных детей (приюты, колонии, сиротские дома) в действительный **Дом** (с большой буквы) для **совместного** осмысленного, насыщенного делами **жительства** детей и взрослых.

Всякий Дом держится укладом, там где уклад, там – и клад, **и** лад. Никакое целое – ни дом, ни семья, ни Царство не устоят, если в них разлад, если они внутренне расколоты.

Уклад Дома держится Единством, Общностью взрослых и детей: единством духа, смысла, верой и верностью им; общностью дел – совместных, сопряженных, распределенных меж старыми и малыми.

Итак, это **первый Постулат** педагогики Калабалина: ***образование человека начинается и пребывает там, где складывается человеческая общность; неслиянно-нераздельная со-бытийная общность.*** И прежде всего – детско-взрослая иерархически устроенная со-бытийная общность.

Именно с решения этой первой фундаментальной педагогической задачи начинал свое служение Семен

Афанасьевич в неблагополучных детских учреждениях. Вслед за А.С. Макаренко он знал (в том числе, и по себе знал), что только на этой основе, на этом фундаменте возможно приступить к решению **второй** – не менее фундаментальной, сложнейшей педагогической задачи – задачи ***воспитания*** подлинно человеческого в человеке. Нужно было и в этом деянии, в деле воспитания (как *восполнения и* как *на*-питания) человеческого в человеке выявить и утвердить его главный **смысл и ориентир.** Я считаю, что для Калабалина самое главное, самое существенное в воспитании растущего человека – ***это его взросление.*** **И** это **второй Постулат** со-бытийной педагогики С.А. Калабалина.

Культура взросления – дело трудное для педагога и даже болезненное для самого растущего человека. Взросление нужно специально обустраивать, в истинном смысле – культивировать, в противном случае – инфантилизм и дикость в поведении, социальная инвалидность и душевная опустошенность. Для малых детей – это *подражание* совершенным образцам взрослого поведения; для подростков – *опыт самодеятельности;* для молодых и юных – *самостоятельность.* Говоря словами А.С. Пушкина, в *самостоянъи человека – залог величия его.*

Что есть взрослость? – это не паспорт и это не физиология; это первым и главным образом, полнота **ответственности,** ответственность за все, что вокруг меня и во мне самом. В укладном, со-бытийном Доме – это ответственность за старых и малых. Ответственность – это всегда **ответ** Вопрошающему; мы знаем две предельные инстанции, перед которыми держим ответ – перед Богом и людьми, перед Высшим и ближним.

Вот в таком со-бытийном пространстве воспитания, в пространстве взросления нам посчастливилось возрастать в свою, Богом данную нам меру. Именно в таком пространстве, которое было сотворено со-бытийной педагогикой С.А. Калабалина в Клеменовском детском доме.

Понятно, что так понятое воспитание – это не социальная дрессура по формованию полезных социальных качеств, причем – мыслимых и не мыслимых, и сразу всех, и по отдельности. Именно из такого понимания воспитания (как натаскивания и дрессуры) выдумывается бессмысленное множество его направлений: интеллектуальное, морально-нравственное, художественное, физическое и несть числа этим воспитаниям. Справедливости ради надо отметить, что и упование на так называемое *свободное воспитание* — не более чем иллюзия; здесь существуют свои неочевидные, скрытые техники целевой дрессуры и манипуляции.

Следует заметить, что обозначенный комплекс идей в разной

степени подробности уже рассматривался и воплощался в педагогике Ушинского, Макаренко, Рачинского, в том числе – и в со-бытийной педагогике Калабалина. Однако психолого-педагогическая наука, ориентированная на образование человека еще только-только подступает к теоретико-концептуальному оформлению этих идей. Общим названием такого концептуального подхода может быть – **системная антропология,** которая призвана в целом удерживать процесс становления «собственно человеческого в человеке».

Для построения системной антропологии должен сложиться умный, терпеливый и доброжелательный союз научной психологии, педагогики и православного богословия. Принципиально необходима **гармонизация** (а не бесплодный параллелизм или разрушительные несогласия) систем знаний о человеке. Союз **христианской антропологии** – как учения о происхождении, назначении и абсолютных смыслах жизни человека; **психологической антропологии** – как учения о закономерностях становления «собственно человеческого в человеке» в интервале его индивидуальной жизни; и **педагогической антропологии** – как учения о путях становления базовых способностей, сущностных сил человека в универсуме образования. Кстати, нелишне будет напомнить, что в переводе с древне латинского одно из значений слова «гармония»– означает **согласие принципиально разногласного.**

Именно в свете такого – согласованного и целостного знания о высшем назначении и призвании человека, знания о закономерностях и путях становления «собственно человеческого» возможно обустроить **пространство** современного отечественного **образования,** как наиболее естественное и адекватное место Встречи личности и общества, место плодотворного полилога ***православия, психологии и со-бытийной педагогики.***

А.С. Калабалин [42]
Об ответственности за своё педагогическое мастерство перед ребёнком

Можно по-разному относиться к педагогике Макаренко, но нельзя игнорировать его опыт сегодня, при росте социального сиротства и подростковой преступности. Он, а впоследствии его воспитанник Семён Афанасьевич Калабалин (в «Педагогической поэме» – Карабанов) вернули к нормальной жизни тысячи сирот и асоциальных подростков.

С отцом мне повезло, потому что он вырос и состоялся как человек благодаря великому педагогу Антону Семёновичу Макаренко. Прекрасно, когда ребёнок растёт у любящих родителей, с детства вращается в нормальной среде, учится, развивается. Но не всем дано это счастье. Сколько детей сегодня встретились с несправедливостью, на них свалилась громада всех наших взрослых пороков, а они не знают, с кого спросить, мечутся по Руси, по её мегаполисам, и творят зло направо и налево. А породили это мы, взрослые.

В 17 году XX столетия Россию постигла одна из таких трагедий. Подростки, предоставленные в смутное время сами себе, по-своему искали правду. Вот и мой отец… Их было несколько братьев, он самый младший. Старшие воевали в Красной армии, он тоже немного повоевал. Потом вернулся в Полтаву, нашёл старых дружков и пошли они устанавливать свою справедливость. Банда была разгромлена и посажена в тюрьму. Наверное, не избежал бы отец расстрела, но его и тысячи других подростков спас… Дзержинский. Об этом мало кто знает, но именно Дзержинский в 1920 году получил сводку о том, что творится с детьми в России (а в то время только ВЧК могла получать какие-то точные сведения), и ужаснулся. Пришёл к министру просвещения Луначарскому и сказал, что надо срочно спасать детей (кто во имя чего шёл в революцию, а Дзержинский был уверен, что ради детей). И он взял на себя ответственность, занялся ликвидацией детских тюрем, освобождением из тюрем всех несовершеннолетних, созданием условий для их воспитания. В результате решения Дзержинского Антон Семёнович Макаренко возглавил колонию в Полтаве и забрал из полтавской тюрьмы моего отца. Ему и другим замечательным педагогам низкий поклон за то, что они вернули к жизни тысячи талантливых, умных, но социально изуродованных взрослой революцией ребят, а также избавили миллионы соотечественников от несчастья

общаться с такими, как отец (если бы он не стал человеком). Но главное, каких людей вернул Макаренко Отечеству! Добрых, сострадательных. Многие из них, поняв, кем они могли стать, все свои силы бросили на спасение попавших в беду подростков. В том числе и мой отец.

Помню, как люди, сделавшие в своё время карьеру на имени Макаренко, защитившие диссертации по его трудам, так оскорбляли в печати Антона Семёновича… Ради чего? Чтобы прослыть современными?

Сегодня всё встало на свои места, и многие понимают, что педагогика Макаренко актуальна. И я считаю, что она по сути христианская. Во всяком случае, думаю, ни один верующий не бросит камень в огород Антона Семёновича, когда увидит плоды, – людей, которых он воспитал: добрых, неравнодушных, не способных на подлость. Ни один его воспитанник не сел в тюрьму. Ни один макаренковец не запятнал себя во время войны. Ни один не кончил жизнь пропащим человеком. Но ни Антон Семёнович, ни мой отец никогда не бросали ребят на произвол судьбы. Этим они и ценны как педагоги, что понимали: воспитание не кончается с выпуском ребёнка из школы, а продолжается всю жизнь.

Мои родители жили в детском доме, я жил среди воспитанников. Мы, воспитанники, засыпали и просыпались, глядя на Семёна Афанасьевича и Галину Константиновну. Такая большущая семья! Моё место было в спальне. Родителей называл по имени-отчеству, впервые назвал их папой и мамой в 25 лет, когда у них родилась внучка, моя дочка Леночка. Не мог я назвать их так в детстве, запрещено мне было, чтобы не травмировал других воспитанников – у большинства родители погибли на фронте. И многим моим товарищам даже в голову не приходило, что я сын директора.

Лет 10 назад детскому дому в Мотовиловке (Киевская область) было присвоено имя Семёна Афанасьевича Калабалина. На открытие мемориальной доски пригласили воспитанников. Когда директор сказал: «Слово предоставляется сыну Семёна Афанасьевича Калабалина, Антону Калабалину», один из воспитанников, Лёня Белякович, воскликнул: «Да який же вин сын, вин такий же байструк, як и мы» (то есть незаконнорождённый). Даже по мере наказания за мои проступки мои друзья понимали: родного сына так не накажут.

Меня часто спрашивают, был ли я трудным подростком? Отвечаю: у нас не было трудных. Трудный – это когда педагог не понимает, что с ним делать. Когда я слышу от коллег – «я работаю с трудными детьми», всегда говорю: «Значит, ты

трудный, у тебя ещё недостаточен уровень педагогического мастерства, раз не знаешь, что с ним делать».

«Здравствуйте, Антон Семёнович! Если письмо моё получили утром, то пожелаю хорошего рабочего настроения, если вечером, то отличного вечернего отдыха, ну а если в обеденный перерыв, то нашего солдатского аппетита», – пишет сегодня из армии Нодар, любимец Нодар, такой трудный Нодар. Тот самый, от которого редкий учитель не приходил в истерике: «Он меня оскорбляет!», а я отвечал примерно так: «Он всех оскорбляет, а нас не будет? Он делает то, что может в меру своей невоспитанности. Не стал же он лицемером – значит, не о том должна идти сегодня речь, чтобы не оскорблять, а о том, чтобы он не захотел делать этого сам». Единственным достоинством Нодара, переходящим в недостаток, была его честность. Он мог среди урока заявить: «Мне это неинтересно». Ему действительно было неинтересно, но учитель воспринимал его слова как вызов.

Именно так рождаются «трудные» дети, которые аккумулируют в себе наш педагогический брак. Мы выбрасываем их из коллектива, потому что не терпим нареканий со стороны ребят. Интересно, замечали ли вы, как мало мы слушаем своих воспитанников? Не правда ли, классический вариант: «Замолчи, когда старшие с тобой разговаривают»? Напрасно, много полезного можно было бы услышать.

Но… «учитель всегда прав». Часто именно непонятые дети становятся трудными.

Каково живётся человеку, чувствующему себя изгоем, понять нетрудно. Я был уже взрослым, когда впервые назвал своих родителей «мама» и «папа». Они работали в детском доме, и поэтому я не имел на эти слова «мама» и «папа» – права. Чтобы не сделать кому-то больно, я должен был, как все, называть директора Семёном Афанасьевичем, а воспитательницу Галиной Константиновной.

На примере родителей я убедился, что нет на земле более мужественной профессии, чем профессия педагога. Педагог детского дома это и врач, и психолог, и артист, и родитель, и нянька в одном лице. И немного сам ребёнок. А если серьёзно, педагог – это человек, который чувствует себя в ответе за всех детей.

Меня до глубины души возмущает, когда А.С. Макаренко представляют эдаким солдафоном, приложившим руку к воспитанию законопослушных «винтиков» – человечков. Это циничное, вульгарное опошление. Антон Семёнович вырастил моего отца, который, подобно своему учителю, воспитал тысячи людей. И среди них ни одного мерзавца. Разве он был

«винтиком», рабом? Воспитанники всегда помнят главные уроки своих педагогов: как жить, как вести себя в той или иной ситуации. Но только в том случае, если их учат не назиданиями, а собственными поступками, по которым дети определяют и свою линию поведения.

Я часто размышляю, почему и Макаренко, и мой отец пользовались таким авторитетом среди детей. Ответ один. У них было кредо, которому они следовали всю жизнь: «делай только то, что умеешь делать». Сегодня мы часто забываем об этой истине! Как-то директор одной из московских школ взахлёб рассказывал мне об одном учителе, которого любят ребята. Я поинтересовался, в чём секрет такой любви. Оказывается, дети его учат кататься на велосипеде. Это двадцативосьмилетнего мужчину! Да он, коли уж выбрал профессию учителя, должен был ещё до поступления в пединститут научиться и этому, и многому другому… Отец не раз повторял: «Мыне знали, чего бы не умел делать Макаренко». Как-то он спросил Антона Семёновича: «Почему Вые нами не купаетесь?» А тот в ответ: «Знаешь, Семён, если я разденусь, вы с ума сойдёте, – такой я худой, а я бы не хотел, чтобы меня жалели. Так дёшево потерять авторитет…»

В другой раз отец спросил Антона Семёновича, почему он никогда не ест вместе со всеми. И тот опять поразил отца: «Педагог может при этом проявить жадность, неопрятность. Это ему не принесёт успеха».

Видите, какое уважение к детям?! Моему отцу, в отличие от своего учителя, как раз нравилось во время спортивных соревнований (а он очень любил лёгкую атлетику, волейбол) ходить в одних трусах: фигура у него была отменная. А я в шутку говорил: «Надо было Аполлона лепить с отца, до того красив!» И дети от него не отходили ни на шаг, казалось, им хотелось прикоснуться к такому ладному человеку. Ещё в колонии Макаренко обратил внимание на внешность Семёна и приговаривал: «Знаешь, шельма, что ты хорош, почему пацаны за тобой гурьбой…»

Пример отца лишний раз подтверждал: педагогу свои достоинства надо подчёркивать, развивать, а недостатки искоренять.

Отец много выступал с лекциями, и там, где бывал, всегда появлялись единомышленники. Умел заворожить, убедить, зарядить искренней верой в то, что плохих детей не бывает. Это мы, взрослые, часто расписываемся в собственном бессилии, рубя с плеча: «Он трудный, что с него возьмёшь?» Просто такие дети требуют больше внимания, больше ухода, с ними надо больше повозиться, попотеть. Надо ребёнка разгадать, пробудить в нём

человека и, если хотите, – творца. В колонии у Антона Семёновича хулиган забывал, что он хулиган, потому что занимался интересной, взрослой, настоящей работой. Он не играл в труд, а ощущал себя творцом и, однажды испытав это ощущение, уже не мог его забыть.

Воспитывать – значит, быть ребятам защитой, а мы превращаемся в судей. К кому, как не к воспитателю, идти в трудную минуту мальчишке? Потому я прошу, умоляю всех педагогов: пожалуйста, не начинайте свой день с жалоб на ребят, не приходите с обидами на них, по крайней мере, до тех пор, пока солнце светит. Чтобы я мог, не зная их прегрешений и не думая, как «принимать меры», просто улыбнуться ребятам и взять кого-то за плечо, даже виновного, а тот, зная за собой вину, будет молить судьбу: «Хоть бы Антон не узнал». Разве этого недостаточно? Убежден: не надо откладывать, как на сберкнижку, мелкие проступки ребят, многие из них и вообще лучше нам, педагогам, не знать, чтобы не ходить информированными и злющими.

Но почему педагогу порой просто-таки невтерпеж нырнуть в конфликт, спешно определить виноватых и правых и корить, корить, корить. Классический пример: парень разбил стекло. Первый педагогический порыв – не раздумывая, броситься на помощь справедливости, припомнить «автору» десяток других прегрешений, вызвать мать, отца и т. п. Может быть, лучше так: «Ты же не дурной, чтобы стекло разбивать нарочно. Вставь, пожалуйста». Или сбежали парни с уроков. Ах, так? Торопились к солнышку, к лету? Придётся чуть-чуть сократить каникулы. Но если парень унизил девушку, если отлынивает от работы, когда трудятся другие, это уже конфликт.

Краеугольным камнем воспитания оказываются взаимоотношения в коллективе. Работая в системе профтехобразования, я и мои коллеги ни разу не взяли на себя смелость определить без ребят, кому ехать по путевке за границу, а кому сфотографироваться у Знамени Победы. Ошибки здесь дорого стоят. Я назвал хорошего на свой взгляд, а ребята знают его совсем с другой стороны. Например, он плохой товарищ, высокомерен и расчётлив. И если педагоги хвалят такого воспитанника, то, что подростки подумают? Что педагоги либо лицемерны, либо слепы.

Так что не будем судить о ребятах по их проступкам. Скажем, произошла драка. Кто виноват – ясно. Да так ли уж ясно? Меня, например, куда больше тревожит второй, обиженный, потому что избит он был, как выяснилось, за то, что отнимал деньги у первокурсников и делал это втихую. А о другом парне,

изменившемся к выпуску до неузнаваемости, с горечью скажу: «Это скорее не успех наш – поражение». Человеческих перемен я в нём не заметил, просто парень понял, что надо готовиться в институт, ему понадобится хорошая характеристика-рекомендация. И притворяется активным.

А нам нужны люди, нравственные ценности которых рассчитаны не «на зрителя». Для сегодняшнего рабочего, которого мы растим (впрочем, растим мы как раз завтрашнего рабочего, и в этом – особая ответственность), это особенно актуально. Нынешнее производство отстраняет от рабочего конечный продукт его деятельности, поэтому самым надежным ОТК становятся такие качества, как честь, совесть, порядочность. И здесь на подлинную честность, которая и наедине с собой проявляется, – главная ставка. Возвращаясь к исходной мысли, скажу, что «вычислять» личность следует вовсе не по тому, что человек говорит и каким хочет казаться, а по тому, как к нему относятся в коллективе. Если его уважают, то даже серьёзный на первый взгляд проступок ничего не значит. А наказать за этот проступок легко, когда знаешь, что надо исправить в человеке. Это я хочу подчеркнуть особо: осудить надо только действие, поступок, но не человека. Пацан должен знать, что педагог возмущён только тем плохим, что он совершил, но не им самим.

Даже в наказании может проявиться уважение к личности. Этому я учился у отца и у матери – особенно у матери. (Она тоже воспитанница колонии Макаренко и всю свою жизнь проработала вместе с отцом.)

Вот на каких уроках я вырос… Как большинство мальчишек тринадцати лет, я лазил в соседний сад за яблоками. Как-то раз приволок «продукт» на всю компанию, человек на 15. Вывалил на кровать. Вдруг все зашушукались: «Семён Афанасьевич идёт». Мигом я набросил поверх яблок простыню и как ни в чём не бывало, лёг «спать».

– А вот те яблоки, на которые улёгся сейчас Калабалин, давайте и попросим его съесть, – сказал отец.

Где-то на килограмме он сжалился, взял меня за руку и повёл в тот самый сад.

– Цей хлопчик будет тебе сторожем, – сказал он хозяину, – и неделю, пока с этим отрядом мы будем в походе, станет стеречь твой сад…

Ясное дело, я остался без работы: ну кто полезет в сад, когда его сторожит Товарищ? Вернувшийся из похода отряд был встречен хозяином тремя мешками «сэкономленных» яблок. Какой урок я извлёк из той истории, уточнять не стану – из-за банальности вывода. А пример привёл, чтобы показать, что и в

выборе наказания должно присутствовать педагогическое творчество.

«Я не знаю, какой у вас в тот день была погода», – так в своё время на вопрос отца о том, как поступить в таком-то случае, ответил в письме А.С. Макаренко. И верно, от погоды кое-что зависит. А ещё больше – от характера ребёнка. Кому-то достаточно одного взгляда, а на кого-то хоть полдня кричите – чего себя зря надрывать. С одним достаточно не поздороваться, другому сказать: «Зайди вечером ко мне, подумай зачем», а третьего попросить придумать самому себе кару.

Иногда самым большим наказанием для ребёнка может стать его отсутствие. Командир поленился, не поставил ребят на довольствие и вся группа осталась голодной. Но командиру ребята не сказали ни слова. Это было для него самое жестокое наказание, лучше, чтобы ругали.

Бывают ситуации, когда оказывается не прав воспитатель. Если это случается со мной, то уже через час я отчаянно ищу возможности объясниться с пареньком и хожу возле него кругами. Впрочем, если я был прав, тоже «хожу» и тоже ищу – ведь кому-то надо первому пойти навстречу. По праву старшего чаще это приходится делать мне.

Я слишком ценю свой авторитет, чтобы пошатнуть его убогой ординарной «мерой пресечения». Знаю, какая бы конфликтная ситуация ни сложилась между мной и подростком, ребята внимательно наблюдают: чья возьмёт? Поэтому, если не готов «сразить» провинившегося улыбкой, словом, гневом, лучше промолчу, сделаю паузу, но просто перебранку устраивать не стану.

Если бы меня спросили, кого я считаю самым большим актёром, может быть, назвал бы себя, потому что и сценарий пишу сам, и режиссёр себе тоже сам. Микропьеса: прошу прислать в училище телефонограмму – выговор директору Калабалину за то, что его девушки плохо покрасили цоколь одного уважаемого здания, Потом вывешиваю этот выговор на доске объявлений, а девчонок тех с извинениями к себе не пускаю: пускай помучаются. Игра? А почему бы и нет? Ведь это не та игра, где изображаешь чувства, а сам так и ждёшь, когда опустится занавес и можно будет уйти домой. Тут другое: счастливая, радостная игра, не фальшь, вдохновение.

Как и всякое вдохновение, оно рождено любовью к своему делу. Когда учился в институте, вдруг испугался: хватит ли мне сил, выдержу ли я такую жизнь? Взял академический отпуск и поехал в детдом к отцу. Год проработал воспитателем. И понял, что это моя жизнь. Поэтому могу прийти в ПТУ и приготовить

обед трём пацанам, оставленным за большой проступок без «увольнительной». Какая же жертва? Мои дети…

Естественно, я бы очень хотел, чтобы и они любили и уважали меня так же, как уважаю и люблю их я.

Это необходимо не только в педагогике, но и вообще в жизни. Люди должны уважать друг друга односторонним этот процесс быть не может.

Педагогике сегодня необходимо единство слова и дела, а повторять прописные истины – значит, не уважать человека. Это относится к сути. Но и о форме не мешало бы подумать.

Приведу пример из своей практики. Как-то мне пришлось быть начальником пионерского лагеря. Первое, что я сделал, заказал тридцать кос. «Для чего?» – спросили меня взрослые. «Косить будем», – ответил я. «Как так? Дети должны отдыхать», – возмутились они.

Приехали в лагерь. Ребята спрашивают: «Когда в Футбол?» Отвечаю: «Когда скосим траву на поле стадиона». «А когда скосим?» – не отстают они. «Если все возьмёмся, дело быстро пойдёт», – говорю я. «А мы разве сможем?» – не унимаются они.

«Буду учить. Только запомните, если кто порежется, больше сюда ни ногой».

Дети быстро освоились. Для косарей особый режим. На покос им приносят парное молоко, квас. Постепенно бригада косарей росла. Председатель ближайшего колхоза обратился к нам с просьбой помочь накосить сена для телят. И мои ребята стали работать уже всерьёз. Мы накосили 18 тонн сухого сена. Полностью обеспечили сотню телят на зиму. Однажды приходим на луг, все наши стожки стоят, никто за ними не приехал. Ребята расстроились: может, наша работа никому не нужна? Я их сажаю в машину, подъезжаем к ферме, видим, у коров, как у детей, на глазах слёзы. Оказывается, тракторист напился и на два дня коровы, как и телята, оказались без корма. Тогда ребята стали возить сено сами. А когда появился тракторист – весёлый, с похмелья, то едва ноги от нас унёс. Этот случай многому научил ребят. Они пережили эту беду сами и поняли, что с ней необходимо бороться. Вот и педагогика Макаренко – она тоже родом из ситуации экстремальной.

У Макаренко были тысячи различных педагогических приёмов. Дети не знали, как поведёт он себя в той или иной ситуации. Антон Семёнович был непредсказуем, и это вызывало жадное их любопытство. А мы, как мы себя ведём? Каков наш педагогический арсенал? «Встань, выйди из класса!» – вот и всё. Скука…

Называющие себя педагогами, «проходившие» Макаренко в

институте, забыли суть его главного принципа межличностных отношений. Игра. Борьба. Каждый ребёнок сопротивляется педагогу, не хочет поддаваться его воздействию, и это закономерно. Плохо, если ребёнок «пластилиновый» и каждый может вылепить из него всё что угодно. И когда в этой борьбе-игре педагог, преодолевая упрямство ребёнка, развивает заложенную в нём искру таланта, самобытность, – это высшее педагогическое счастье.

Именно этому мы учились, воспитываясь у моего отца. Тогда, мы, воспитанники, имели смутное представление о выборе профессии, а пример отца был перед нами. Мы видели, как вся деревня шла к нему с вопросами, жила жизнью детского дома, а детский дом – жизнью деревни. Он был самый нужный человек, и мы думали, что это и есть педагог. Кто, например, был для нас милиционер? Человек, который прибежал к Семёну Афанасьевичу за советом. Поэтому многие воспитанники нашего детдома стали педагогами. Мы старались во всём брать с него пример. Он был атлетически сложен, великолепно играл в волейбол, городки, и мы все занимались спортом. Он был великолепный кулинар, и мы научились готовить. Он прекрасно выполнял любую крестьянскую работу, и мы сеяли, пахали, косили. А как он подметал улицы! Метла в его руках была как дирижёрская палочка в руках Светланова. И нам хотелось так же красиво гарцевать с метлой. Поэтому в выборе профессии я не сомневался. Поступил на физмат Коломенского пединститута. (По характеру я скорее лирик, но по молодости решил, что вроде неудобно парню идти на филфак – тогда в моде были физики.) Но в первую очередь я выбирал не профессию преподавателя-предметника (это тоже важно – без знания своего предмета учителю никогда не завоевать авторитет), а педагога – человека, который будет помогать детям расти. Одновременно с учёбой занимался спортом, самодеятельностью, стал мастером спорта по тяжёлой атлетике, выиграл Всесоюзный танцевальный конкурс. Как-то преподавательница физики спросила меня: «Почему ты поступил к нам, а не в театральный или физкультурный?» Не понимала она, что раз человек хочет посвятить себя воспитанию детей, он должен не только предмет знать, но и уметь многое.

Когда был директором ПТУ, постоянно работал с пацанами в мастерской. Я был директором школы в Хотьково, считавшейся одной из самых трудных, потом – в Калининграде (нынешнем Королёве). Туда я пришёл в 1970 году, как раз когда ввели обязательное среднее образование. В этой школе было 13 (!) девятых классов, причём одни мальчики. И отчислить их было нельзя, и перевести некуда. Потом возглавлял строительное ПТУ

для мальчиков и девочек на 500 мест. Там был контингент!.. Трое милиционеров привозили одного подростка. Я ещё забирал в училище ребят из Крупин ской колонии Павлово-Посадского района. Не просто ребят, а главных зачинщиков всех беспорядков. Руководство колонии просило помочь, и вот я этих «орлов» брал себе в училище. Работал в институте, помогал учителям освоить великую профессию педагога-воспитателя в детдомах. В 1985–1989 годах руководил Лобненским детским домом.

Всегда в первую очередь считал себя воспитателем или учителем, а потом преподавателем. Мои воспитанники (с которыми я, как и отец, не прерываю связь) называют меня «учитель». То есть человек, который научил жить. Этим я и пытался всю жизнь заниматься.

В «Педагогической поэме» Макаренко описывает случай, когда ему пришлось просто врезать парню. Скорее это определённая безысходность человека перед подлостью, нежели усмирение распоясавшегося и ни во что его не ставящего воспитанника. Макаренко видел перед собой умного и образованного человека и свалил на него свой гнев в надежде, что он поймёт его порыв. Так и случилось, избитый Задоров (образ собирательный) не раз говорил ему спасибо. Это был не мордобой, а взрыв. В экстремальной педагогике есть метод взрыва, но именно как исключительный. Когда все традиционные методы исчерпаны, нужно сделать что-то экстраординарное. Но педагог, который наказывает ребёнка, обязан дать ему понять: я наказываю твой порок, а тебя люблю. Ребёнок разрешит себя наказать, простит наказание только тому, кому он доверяет, кого любит. Поэтому в колонии, в детском доме право наказания принадлежит только директору. Директор отвечает за всё, поэтому ему и только ему ребёнок доверит наказание. Остальным он доверяет себя любить. Попробовал бы кто из педагогов в моём присутствии (думаю, и в присутствии Макаренко) наказать воспитанника! Он может только доложить о нарушении, а меры должен принимать тот, кому дети это доверяют.

Сегодня изменилось отношение к ребёнку, больше стало безразличия, неуважения, нелюбви и даже ненависти. Многие телешоу, журнальные статьи словно говорят нам: проверь себя на прочность; в состоянии ли ты этой мерзости сопротивляться? В результате получаем пацана, который не знает, кого он ненавидит, и выплескивает свою ненависть на тех, кто рядом. Так он проявляет свой протест к тому, что его окружает. Надо задуматься. Вот, бывает, «пошлёт» ребёнок педагога подальше, тот возмущается, а я говорю: подумай, чем ты насолил ему, где прокололся как взрослый человек. Дети к нам попадают

озлобленные, разуверившиеся во всём. Невозможно из такого ребёнка в один миг сделать человека, педагогу надо вести себя так, чтобы ребёнок постепенно поверил в него, стал уважать. Иметь доступ к ребёнку должен лишь тот, кто любит детей, понимает их. Не тот, кто конфеты даёт, а кто понимает его беду, его ситуацию, понимает, что эти раны необходимо лечить. А для этого надо быть твёрдым, мужественным, принципиальным, и эти принципиальность и твёрдость должны быть оправданными и понятными пацану.

Всё меньше становится людей, способных увлечь и заворожить пацана своим примером, своей жизнью. Почему уходят ребята из дома? Потому что на улице получают ответы на свои вопросы. А дома – «Отстань, папа занят». Почему-то многие отцы не понимают, что ребёнок – личность, думают, что готовиться к общению с ним не надо. Нет, дорогие мои. Болеет сын за «Спартак», так и ты, отец, сядь с ним и посмотри матч до конца. Он поймёт, что отец ему – старший товарищ. Я в 9-м классе занялся бегом, так мама моя вырезала из «Советского спорта» все статьи о лёгкой атлетике, знала по именам всех знаменитых бегунов. А в институте, когда я перешёл на тяжёлую атлетику, также вырезала все тяжелоатлетические статьи, знала всех штангистов-чемпионов. Мне с ней было интересно. А бывает: папа – профессор, закрылся в кабинете, без стука не входи, а потом хватился – пацан, то у меня вырос.

И у Макаренко, и у моего отца воспитывались дети и высокопоставленных родителей… Чиновники думали, раз они всем нужны, то своим детям и подавно.

По своему опыту работы в школах скажу: дети рабочих были гораздо менее брошенные, чем дети крупных начальников. Даже если папа выпивал, он шёл с сыном в гараж и разбирал-собирал весь автомобиль. И пусть кто посмеет после этого Петьке сказать, что его папа пьяница. Для Петьки папа – золотые руки. Почему в деревне воспитание лучше, чем в городе? Потому что ребёнок видит, как работают родители: папа на тракторе, потом накосил, что-то прибил, мама на огороде. А в городе папа за забором, и даже если на доске почёта висит, сын этой доски не видит. На домашнее же общение с ребёнком у многих времени нет. Доходит до того, что отец говорит: «Иди у мамы спроси, можно ли купить». А ты, мужик, на что?

Если поездить по России, то можно увидеть много замечательных педагогов. А какие у нас есть прекрасные детские дома, интернаты. И педагоги там не плачут, не стонут, но счастливы, что приносят пользу. Сегодня модно ругать детские дома. Конечно, это позор, что в мирное время их больше, чем

после войны. Но они сегодня необходимы, не будет детских домов, мы вообще пропадём. Другое дело, что, как есть плохие отцы, так и в некоторых детских домах есть целые коллективы, не умеющие и не любящие работать. Так не детский дом закрывать надо, а таких горе-педагогов гнать в шею. И государству, наконец, пора задуматься, что оно сотворило с детством. Задуматься и принять меры.

В.И. Максакова
О некоторых уроках педагогики С.А. Калабалина (анализ опыта работы Клемёновского детского дома)

Педагогика С.А. Калабалина является порождением и творческой реализацией идей А.С. Макаренко, органично встроена в макаренковскую парадигму. На протяжении всей своей педагогической деятельности С.А. Калабалин не только достойно продолжал дело учителя, но и выполнял особую миссию – миссию защитника наследия Макаренко и пропагандиста его идей.

В ту пору, когда С.А. Калабалин был начинающим педагогом, а воспитательная система А.С. Макаренко ещё не получила признания и поддержки государства, и – более того – подвергалась шельмованию, С.А. Калабалин активно демонстрировал свою приверженность к ней, постоянно использовал приёмы и находки своего учителя, при этом не всегда глубоко осмысляя их суть.

В пору своей зрелости он стал более осмысленно и творчески действовать в парадигме макаренковского наследия, продолжал распространять и отстаивать воспитательную концепцию А.С. Макаренко. После официального признания А.С. Макаренко лучшим советским педагогом, С.А. Калабалину приходилось бороться с вульгаризацией его наследия, как в педагогической науке, так и в практике. В это время интерес читающей публики к Калабалиным был очень высок. Это объяснялось популярностью в общественном и педагогическом сознании идей коллективной педагогики, а также двух художественных произведений: «Педагогическойпоэмы» А.С. Макаренко и «Дороги в жизнь» Ф.А. Вигдоровой, героями которых являлись Семён Афанасьевич и Галина Константиновна Калабалины. Используя этот интерес к. себе, С. А. Калабалин, через активное участие в деятельности соответствующей секции Педагогического общества, в работе различных конференций и семинаров; во встречах с читателями и воспитанниками А.С. Макаренко, отстаивал целостное видение концепции А.С. Макаренко: её теоретической, нравственной и технологической сущности; необходимость корректного применения его опыта Одним из результатов этой деятельности С. А. Кал аба лина стало появление значительного числа «макаренколюбов» – людей (не только педагогов по профессии), искренне приверженных идеям коллективного воспитания,

высоко ценящих и глубоко уважающих А.С. Макаренко как педагога и человека.

В настоящее время, когда существует тенденция очернения идей коллективного воспитания, принижения значения наследия А.С. Макаренко, обращение к архивам семьи Калабалиных, воспоминаниям его воспитанников объективно поддерживает макаренковедение и макаренколюбие. Эти материалы наглядно подтверждают высокую эффективность методологии и технологии педагогической системы Макаренко, дают уроки решения современных задач, в том числе, например – задач организации инклюзивного образования.

Дело в том, что одна из особенностей педагогики С. А. Калабалина, практики его воспитания детей– сирот состояла именно в создании ситуации инклюзии. В последний период своей педагогической деятельности (в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века) – в период работы Галины Константиновны и Семёна Афанасьевича в Клемёновском детском доме, расположенном недалеко от г. Егорьевска Московской обл. – он последовательно и бесстрашно включал своих воспитанников в пространство жизни студентов московских вузов (МАИ и двух педагогических). Это включение дало прекрасные результаты, но до сих пор остаётся не осмыслено теоретической педагогикой. Но – обо всём по порядку.

Когда Калабалины приехали в Клемёновский детский дом, там царила не только материальная, но и духовная бедность. У детей не было возможности осуществлять самоуправление, участвовать в производительном труде, играть, испытывать радость творчества и интеллектуального общения, постигать мир за пределами забора, окружавшего детский дом, испытывать радость и удовольствие от жизни. Всё это принесли Калабалины в жизнь детского дома, опираясь на наследие Макаренко и развивая его.

Одной из забот С.А. Калабалина было расширение жизненного пространства, круга интенсивного и экстенсивного общения клемёновцев. Для этого в качестве шефов детский дом приглашались все желающие: кто интересовался идеями Макаренко, хотел посмотреть вблизи на популярных литературных героев, помочь детям и пр. Среди шефов были и студенты. Вначале их приезды были хаотичными, а затем появилась потребность координировать свои усилия – и тогда в 1958 году возник единый студенческий коллектив, объединивший студентов МАИ, Областного пединститута и МГПИ. Он был назван в стилистике макаренковской педагогики – Сводным отрядом и организован в логике этой педагогики. Это была совершенно

самодеятельная организация, вузовские педагоги имели к ней весьма опосредованное отношение. Отряд возглавлял постоянный командир – это был студен МАИ Михаил Ландо (который, к слову, и до сих пор не потерял этого статуса). Повседневной работой отряда руководили временные командиры, избиравшиеся на ежемесячных сборах отряда, отчитывающиеся перед этими сборами. Внутри отряда в связи с конкретными задачами возникали временные объединения, что позволяло развивать деловые отношения внутри студенческого коллектива. Содержание деятельности определялось, с одной стороны, пожеланиями, С.А. Калабалина, а с другой – инициативой самих сводновцев. К членам Сводного самими студентами предъявлялись высокие требования: каждый из них должен был быть интересным, содержательным, высоконравственным, дисциплинированным, ответственным человеком и уметь что-то конкретное делать с детьми и для детей, общаться с ними, уважать каждого воспитанника.

Опора на студентов была свойственна и А.С. Макаренко и описана им, в частности, в «Педагогической поэме». Взрослые воспитанники– студенты приезжали в колонию как в свой дом и помогали в трудных ситуациях: уборки урожая, переезда в Куряж и пр. Они чувствовали себя членами коллектива колонии, иногда объединялись в отдельный сводный отряд, иногда включались в сводные отряды воспитанников – всё это было естественно и понятно.

В Клемёнове студенты не были бывшими воспитанниками, но их отряд был включён в структуру детского дома, и стал его органической частью. Кандидатуру постоянного командира сводного студенческого отряда, как и саму идею Сводного отряда студентов, обсуждали дети на совете командиров и утвердили на общем сборе детского дома. Наиболее достойных студентов принимали в почётные пионеры. Они носили красные галстуки, и соблюдали все ритуалы детского дома. Сводный отряд студентов стоял вместе с другими отрядами на рапортах и торжественных линейках. Командир Сводного, как все остальные, сдавал рапорт дежурному командиру, получал от него задания и отчитывался перед воспитанниками об их исполнении. Студенты приезжали не просто в гости, а активно занимались проблемами детского дома. Коллективные дни рождения детей, спартакиады, концерты, праздничные вечера, интеллектуальный конкурс «Смекалка», поездки в московские театры и музеи, в Ленинград, турпоходы, работа на полях, починка вечно ломавшихся телевизоров, занятия с теми, кто испытывает трудности в обучении, строительство спортивной площадки и спального корпуса, приведение в порядок

библиотеки детского дома, подвижные и ролевые игры, индивидуальные беседы, переписка с детдомовцами, сбор средств на нужды детского дома («на детей Калабалина»), покупка индивидуальных подарков именинникам – это и многое другое было повседневной жизнью Сводного. А летом все воспитатели уходили в отпуск, вместо них работали студенты.

Студенты очень скоро перестали быть «шефами» – они стали друзьями детей. Их связывали неформальные, глубокие и искренние отношения. Во время каникул дети ездили в гости к студентам, с которыми сложились более тесные, чем с остальными, отношения. Студентам доверялись тайны, им дарили подарки, сделанные собственными руками. Студента ни в коем случае нельзя было обидеть, тот, кто дружил с каким-то конкретным студентом, получал в детском коллективе особый статус.

Всё это было включением детей в культуру лучшей части молодёжи Москвы: в её ценности, интересы, язык, юмор, стиль общения, образ жизни и пр. Всё это развивало воспитанников – духовно и физически, освобождало от дурных привычек; вводило в их внутренний мир ценности образования, интеллигентности, творчества, добрых человеческих отношений; оптимизировало их взгляды на жизнь, вселяло надежду на хорошее будущее и стремление к самосовершенствованию.

На одном из семинаров, проводившихся на базе Клемёновского детского дома, кто-то из гостей сказал, что если бы у него в детском доме были такие студенты, у него тоже всё было бы хорошо. Но когда в ходе очередной педагогической реформы Клемёновский детский дом закрыли и студенты попытались включиться в деятельность какого-нибудь другого детского дома, во всей Московской области не нашлось ни одного учреждения, которое готово было впустить к себе добровольных помощников. Педагоги боялись конкуренции со студентами, не были готовы к равноправному творческому сотрудничеству с ними.

Действительно, присутствие студентов было сопряжено не только с обогащением жизни детского дома и успешной социализацией его воспитанников, но и с немалой нагрузкой на детский дом. Их надо было кормить, их надо было многому учить, за них надо было нести ответственность. Работа со студентами была серьёзной дополнительной нагрузкой для С.А. Калабалина. Она требовала смелости, человеческой и педагогической мудрости и широты души. С.А. Калабалин исходил из макаренковской оптимистической гипотезы и поэтому делегировал студентам те права и функции, которые

принадлежали воспитателям, не боялся открывать перед студентами все проблемы детского дома, не ревновал к ним детей – и не прогадал.

Как показала жизнь,

• бывшие студенты и бывшие воспитанники детского дома всю жизнь были интересны и значимы друг для друга, даже если реальное общение между ними прерывалось;

• детдомовское прошлое было ориентиром, моральной поддержкой и для студентов, и для воспитанников;

• и самое главное – воспитанники Клемёновского детского дома оказались полноценно социализированными людьми. Они не потерялись в жизни после выпуска из детского дома, как большинство их товарищей по несчастью. Они служили в армии, создали прочные семьи, воспитали хороших детей, стали успешными тружениками, многие закончили вузы, получили награды, степени, написали книги и т. д.

Необходимо сказать, что инклюзия – включение студентов в детский дом – оказалась чрезвычайно полезной и студентам. Здесь происходил не только их личностный, но и профессиональный рост. Особенно очевидно это на примере студентов-педагогов. Детский дом, работавший по системе Макаренко, научил их ценить детский коллектив как пространство развития индивидуальности ребёнка; рассматривать в качестве своей цели рост и совершенствование вместе с детьми; развил в них умения создавать воспитательные коллективы, вести успешную воспитательную работу; сформировал готовность к анализу педагогических ситуаций, своей деятельности, себя самих; закрепил интерес к исследованию, творчеству, педагогическому новаторству.

Каковы же уроки описанного педагогического опыта?

1. Включение людей с разными потребностями и ресурсами в общее жизненное пространство чрезвычайно полезно для развития и социализации всех, кто попадает в инклюзивную ситуацию.

2. Дети, лишённые попечительства взрослых, имеющие обеднённый или негативный жизненный опыт, особенно нуждаются инклюзии – в тесном, неформальном, содержательном общении с людьми, близкими им по возрасту, но обладающими позитивным опытом, несущими более высокую культуру.

3. Эффективность инклюзивной ситуации зависит не столько от материальной, сколько от духовной составляющей пространства, в котором осуществляется инклюзия.

4. Организация инклюзивной ситуации – серьёзное дело. Оно обеспечивается уважительным отношением всех участников

педагогической ситуации друг к другу, высокой степенью их личной свободы и ответственности; возникает на базе конкретной и актуальной для всех содержательной совместной деятельности и высоконравственных отношений;

5. Инклюзивная ситуация, организованная не как «парная педагогика», а как совместное бытие нескольких групп людей, нуждается в знании педагогики А.С. Макаренко, в опоре на неё;

6. Привлечение студентов к работе с воспитанниками детских домов может укрепить в них высокие идеалы, укрепить чувство социальной значимости, привести к личностной зрелости и профессиональному росту.

Л.В. Мардахаев
Принцип открытости воспитательной среды в практике С.А. Калабалина и других последователей А.С. Макаренко

13 марта 2012 года в городском музее г. Егорьевска начались первые калабалинские педагогические чтения. На чтениях было много бывших воспитанников Клемёновского детского дома Егорьевского района Московской области. Вспоминая педагогическую деятельность Семена Афанасьевича Калабалина, многие воспитанники с удовлетворением говорили о той открытости воспитательной системы, которая была создана им в детском доме и выступала одним из важных факторов, позитивно влияющих на процесс и результат воспитания.

В 2011 году в издательстве Юрайт вышел учебник по социальной педагогике, в котором введен принцип открытости воспитательной среды. Обосновать существо принципа представляется одной из важных методологических задач социальной педагогики. Первые калабалинские педагогические чтения и явились своего рода стимулом вернуться к проблеме открытости воспитательной среды, как принципу воспитания и его раскрытию.

Изучение опыта известных педагогов прошлого, обращало внимание на один из важных факторов, существенно влияющих на формируемую и развивающуюся систему воспитания. Таким фактором выступал – открытость воспитательной системы. В основе его лежала целенаправленная деятельность по созданию и поддержанию естественной, открытой воспитательной системы в учреждении. К этой идее педагоги приходили логикой организации воспитательной деятельности и заботой о ее действенности. Анализируя педагогическое наследие СТ. Шацкого, В.Н. Сороки-Росинского, А.С. Макаренко, С.А. Калабалина и других, видишь деятельность по созданию реальной открытой воспитательной среды. В этом они видели важнейший фактор здоровой воспитательной среды, необходимой для естественного формирования личности ребенка. Именно такая среда позволяет овладеть ребенком необходимой для него культурой, развить личностный потенциал в адаптации и самореализации в социокультурной среде самостоятельной жизни по выпуску.

Для раскрытия существа принципа открытости

воспитательной системы необходимо рассмотреть три проблемы:

• факторы, сдерживающие формирование и поддержание открытости воспитательной среды в образовательном учреждении и способствующие ее закрытости;

• существо открытости воспитательной системы, ее проявление и влияние на процесс и результат воспитания;

• существо открытой воспитательной системы как принципа воспитания и его требования.

Факторы, сдерживающие формирование и поддержание открытости воспитательной среды в образовательном учреждении и способствующие ее закрытости. А.С. Макаренко на практике убедился и сформулировать идею о том, что закрытость воспитательной системы имеет тенденцию к загниванию. Это связано с рядом обстоятельств, обуславливающих стремление многих руководителей образовательных учреждений к закрытости.

Во-первых, стремление оградиться от среды жизнедеятельности (чужих), боязнь того, чтобы негативные факторы, проявившиеся в образовательном учреждении ни в коем случае не стали достоянием чужих. В этом случае говорят «не вынести сор из избы». В таких учреждениях бояться внешнего взгляда, как бы что-либо негативного не увидели. От этого зависит благополучие администрации (администратора) учреждения.

В.И. Максакова вспоминала. После того, как детский дом в селе Клемёново закрыли, в котором она вместе с другими студентами вузов Москвы принимала активное участие в работе с воспитанниками, ей порекомендовали пойти в какой-нибудь другой подобный детский дом. Она вместе с некоторыми студентами так и сделали, пришли в один из московских детских домов, где их встретили приветливо. В работе с воспитанниками не отказали, выделили даже комнату для них. Однако комната оказалась такой, что студенты оказались вроде бы в детском доме, только контакта с воспитанниками у них не было и возможности взаимодействия с ними, практически отсутствовала. По существу, вроде и рады их участию в работе с воспитанниками, и в то же время не дали возможности непосредственного с ними взаимодействия, практически отстранили от них.

Во-вторых, стремление руководителей воспитательных учреждений к корпоративности, рассматривающих ее как основу их благополучия. Существуют понятия – корпоративность, корпоративная среда. В них вкладывается суждение: все, что происходит внутри – определяет корпоративное благополучие

учреждения и не может выноситься за его пределы. Такой подход смешивает понимание природы корпоративной успешности предприятия на рынке труда и непосредственно связанной с ней корпоративность секретов профессиональной деятельности и культура взаимоотношений, микроклимат, существенно влияющих на характер взаимоотношений, взаимовыручку, сплоченность, устремленность к достижению целей совместной профессиональной деятельности в этом учреждении. Особенно негативно корпоративность, как фактор боязни открытости – совместного обсуждения упущений и недостатков в воспитательной деятельности, в поведении воспитанников и воспитателей, администрации, сказывается на функционировании воспитательной системы.

В-третьих, в закрытых воспитательных учреждениях главное внешний лоск, в них активно стараются создавать видимость благополучия. Все тенденции негативного характера, которые возникают в процессе воспитания в закрытой системе, сохраняются и соответствующим образом сказываются на воспитании, главное, чтобы они не стали достоянием гласности. Подобное явление известно с давних времен, получивших отражение в таком понятии как «потемкинские деревни». По легенде, – это бутафорские деревни, которые якобы строились по указанию князя Потёмкина вдоль маршрута Екатерины II во время её поездки в 1787 году в северное Причерноморье – Новороссию и Тавриду, отвоёванные у Османской Империи. Несмотря на то, что речь идет о мифе, выражение *«потёмкинские деревни»* и до сих пор встречается в значении показухи, очковтирательства. Именно этим фактором объясняется стремление во многих воспитательных учреждениях перед приходом какого-либо начальства приукрасить, придать привлекательность чему-либо, чем показать значимость своей деятельности.

В-четвертых, благополучие любой воспитательной системы зависимость нередко от чиновничьего произвола. Такой чиновник приходит в учреждение с позиции высочайшего благодеяния, удостаивая его высокой чести и, если вдруг кто-то из воспитанников не отреагирует на его визит должным образом, или что-то покажется не соответствующим его представлению порядка, должного, то это вызывает страшное негодование. Оказывается, здесь никогда не было порядка, воспитанием не занимаются и поэтому дети не воспитаны, не уважают старших.

Виталий Еремин в книге «Отчаянная педагогика» писал:

«Помню, пришел второй секретарь Пигарев… Дежурные встречают его у входа, ведут по штаб-квартире. Увидел

стенгазету, подзывает меня:

– Это что такое?»

Возмущение секретаря вызвало название газеты – «Дети подвала». И шарж на меня.

– Что вы себе позволяете?

Я стою, молчу. Что говорить? Что ни скажешь, ничего не поймет. Подходят ребята. Пигарев спрашивает тоном проверяющего:

– Ну и кто тут среди вас «трудные»?

Немая сцена…

Как тут не вспомнить Макаренко. Бюрократы примерно так же спрашивали его воспитанников: «Вас бандиты не обижают? Ну, понятно. Как они могут обижать своих?»

– Мы все тут «трудные», – отвечает кто-то сквозь зубы».

Что же представляет собой открытая воспитательная среда? Вопрос не простой и требует осмысления и принятия ее таковой.

В-пятых, система, порой, порождает потребность закрытости среды. Благополучие определяет карьерный рост руководителя, его авторитет, благополучие. Выявление негативных факторов – это основа для осмысления причин, возможностей предупреждения и преодоления их последствий. К сожалению, проявление какого-либо негативного факта, часто, становиться основанием для «оргвыводов», начиная с самого верха. Возникает парадоксальная ситуация: выявили негативный факт – немедленно осмыслили, определили причины и сделали все, чтобы подобное не имело почвы для повторения. На практике же разобрались и наказали всех, кто в той или иной степени связан с этим подразделением – «меры приняты», чтобы подобное было неповадно. При оценке деятельности администрации по негативному факту, часто, под принятыми мерами и понимается, кого до самого верха и как наказали.

Длительная служба в Вооруженных силах показала, что такой подход очень негативно сказывался на практической деятельности командования по поддержанию дисциплины. Все командиры знали, что, если выявили грубое нарушение дисциплины среди личного состава, следовательно, – это их вина, недоработка. Наказания будут следовать от тяжести совершенного проступка в подразделении от непосредственного командира до командира соединения, а иногда и выше. Поэтому каждого командира в большей степени заботит показать, что он сделал все необходимое, чтобы подобное не произошло, надо или не надо он собирает подписи, что предупредил, проинструктировал, указал и прочее. В случае происшествия, в этой ситуации он делает все, чтобы информация не просочилась

наверх. Командование – это устраивает, так как их благополучие также зависит от благополучия вверенных им подразделений.

Объяснить все это невозможно. В армии служат все взрослые люди, понимающие всю ответственность за совершенное действие и, следовательно, каждый знает: за совершенный проступок в полном объеме отвечает он лично.

Один из коллег – деканов факультета социальной педагогики – поделился характерным примером. В одной из достаточно благополучных школ города, директор пригласил студентов, обучающихся по направлению «социальная педагогика», на практику и попросил провести социометрический анализ положения дел в школьных коллективах. Ему хотелось удостовериться, что действительно все хорошо во вверенном ему образовательном учреждении, что создавало для него дополнительные аргументы перед руководством образования города. Студенты с энтузиазмом взялись за работу и после обработки результатов принесли их директору, когда он посмотрел их, то ему стало нехорошо. Он спросил, не могли ли они ошибиться, и попросил проверить полученные ими результаты. Диагностику повторили: результат оказался тот же. Директору от этой информации совсем стало не по себе. Он попросил руководство факультета заверить практику и обещал подписать всем студентам отзывы за ее проведение. На этом практика студентов была завершена.

Личное благополучие директора оказалось выше, чем потребность постараться преодолеть те негативные явления, которые были выявлены студентами. Вывяленное может не стать достоянием администрации образования города, а там, глядишь, его переведут с повышением.

Существо открытости воспитательной системы, ее проявление и влияние на процесс и результат воспитания. Открытость это не только и не столько открытая, прозрачная среда, представляющая собой реальную ситуацию жизнедеятельности воспитанников.

Во-первых, – это свидетельство того, что учреждение открыто для других, им нечего скрывать, они доступны для знакомства и участия в воспитательной деятельности. Такой подход был базовым для Семена Афанасьевича Калабалина, когда он приехал в один из самых неблагополучных детских домов (гнездилище пороков для детей) в Клемёново. Детский дом был огорожен высоким забором от внешней среды, так как дети находились в конфликте с жителями. Они их просто боялись. Уже на первом этапе Семен Афанасьевич поставил задачу убрать забор вокруг детского дома и открыть территорию для окружающих. Все

должны были знать, что скрывать в этом детском доме нечего и они открыты для окружающих.

Во-вторых, открытость – это возможность посмотреть, увидеть, чем живет воспитательный коллектив, его доступность, принять участие в чем-либо. По своей сущности следует понимать, что социокультурная воспитательная среда детского дома, приюта, интернатного учреждения, образовательного учреждения – это не проходной дом и **следует уважать их открытость.** Ведь в чужую семью мы просто так не ходим, потому что нам захотелось придти именно в нее. Мы приходим в нее тогда, когда нас приглашают или, когда мы хорошо знаем семью и знаем, что нас там ждут. Мы приходим в связи с чем-то, поздравить с каким-либо событием, поделиться чем-то, помочь в чем-то и пр. Такой подход должен быть и по отношению к воспитательному учреждению.

В Москве во Дворце творчества молодежи под руководством Е.Б. Штемберга около сорока лет реализуется идея А.С. Макаренко и его последователя И.П. Иванова разновозрастных воспитательных коллективов. Он может часами рассказывать, как они живут и насколько привлекательна эта жизнь для взрослых и детей. Наиболее полно их жизнь проявляется в летнем оздоровительном лагере. Однако Ефим Борисович обращал внимание на то, что можно приехать летом в лагерь и посмотреть, как они живут и реализуют идею разновозрастных воспитательных групп, но оставаться там, если дети не включили Вас в какой-либо отряд нельзя. Они заняты своим делом и лишние люди могут мешать им. Если и меня какой-нибудь отряд не выберет, подчеркивал Ефим Борисович, то и я должен покинуть лагерь.

Известна методика работы Семена Афанасьевича с теми студентами, которые приезжал в клемёновский детский дом. Он встречался с ними, беседовал и направлял их к детям. Надо было включиться в диалог с воспитанниками и стать вместе с ними соучастником того процесса, в который они включены. В последующем было принято решение о создании отдельного педагогического отряда из числа этих студентов. Решение о включение очередной кандидатуры в педагогический отряд принимал совет дружины. Некоторым студентам определенное время приходилось состоять в числе кандидатов в отряд и, если он оправдывал доверие, то его включали в отряд. Таким образом, обогащалось педагогическое сообщество детского воспитательного коллектива.

В-третьих, для воспитательного коллектива важна авторитетность руководителя. Она привлекала себе подобных в

качестве соучастников воспитательного процесса. В частности, многие, кто знал Семена Афанасьевича, когда он переехал в клемёновский детский дом, находил его телефон, звонил и добивался приглашения. Им хотелось лично встречаться и знакомиться с удивительным человеком – Воспитателем с большой буквы и его воспитательной системой. Это говорит о том, что не каждому можно доверять организацию воспитательной работы. В то же время, если человеку доверили организацию воспитательной работы с детьми, то это требовало от него проявлять величайшей ответственности, инициативы и творчества в работе, формируя авторитет педагога-организатора.

В-четвертых, необходимо инициировать целесообразную открытость воспитательной среды. Известно, что профессор М.Н. Капустин директор одного из исправительных приютов г. Москвы (1870) выступал с лекциями в Московском университете (ныне МГУ имени М.В. Ломоносова). Один из студентов, посещавших его лекции, Николай Васильевич Рукавишников, попросился бывать в приюте, помогать ему в работе с детьми. В последующем, по рекомендации М.Н. Капустина, он стал его директором. Это был удивительный человек, воспитатель, который за пять лет смог так поставить воспитательную работу в исправительном приюте и завоевать огромный авторитет у воспитанников, что о нем узнали не только в России, но и за рубежом. Нравственная атмосфера, созданная Николаем Васильевичем в приюте, была поразительна. Мальчишки настолько полюбили своего юного директора (в приюте он работал с 25 до 30 лет), что слово его было для них законом. Они удерживали друг друга от проступков не из-за страха наказания, а из боязни огорчить любимого наставника. Покидавшие приют клялись сообщать о своей последующей жизни и, как правило, выполняли свои обещания. Эти сообщения неизменно и более всего радовали Н.В. Рукавишникова. Портрет его был помещен в зале Римского Всемирного конгресса по тюремным вопросам. Современники сравнивали его с великими педагогами и благотворителями – с Дж. Говардом[43], И.Г. Песталоцци[44], доктором Гаазом[45].

Интересным был опыт Семена Афанасьевича Калабалина по привлечению студенчества к социально-педагогической работе с воспитанниками. Он проехал по всем педагогическим и другим ведущим вузам г. Москвы и выступал в них с лекциями о воспитательной работе в клемёновском детском доме. После его выступления наиболее активные и энергичные студенты приезжали в детский дом и активно участвовали в воспитательной работе с воспитанниками. Студенты разных вузов

находили своих поклонников среди воспитанников, помогали им в учебе, а в последующем определиться в жизненной перспективе. Воспитанники сельской школы могли на равных конкурировать при поступлении в столичные вузы, и это способствовало тому, что многие воспитанники могли получить высшее профессиональное образование и реализовать себя в жизни. Из студенчества, как уже отмечалось выше, создавался отдельный педагогический отряд, который расширял и обогащал воспитательные перспективы детского дома.

Еще один пример подобного проявления имел место в практике директора приюта в г. Пущино Московской области Елены Исаковны Танас. После защиты диссертации по теме социально-педагогического сопровождения ресоциализации воспитанников приюта, она стала работать в вузе преподавателем и рассказывала о воспитательной работе с воспитанниками. Ее выступления вызвали неподдельный интерес студентов, которые активно включились в воспитательную работу. Они знакомились с воспитанниками, находили общие проблемы, обсуждали, выбирали проекты и совместно их разрабатывали. Студенты выступали в приюте с материалами, разработанными по теме совместных проектов, приглашали воспитанников к себе на факультет, совместно докладывали результаты проектной деятельности. Их участие в воспитательной деятельности внесло в нее качественно более высокий уровень.

В-пятых, в воспитательном учреждении специально организуются мероприятия, на которые приглашают гостей и заинтересованных лиц, чтобы они могли видеть, чем живут воспитанники, их талантливость, неординарность, культуру поведения. К таким мероприятиям относятся различные театрализованные преставления, праздники. В дни их проведения воспитанники наводят порядок и как хозяева организуют встречу гостей, демонстрируя свой дом, как центр культуры. Эти мероприятия способствуют повышению статуса воспитанников, помогают им в будущем легче адаптироваться в социокультурную среду самостоятельной жизни.

В-шестых, открытость воспитательной среды – это не дань моде, а это ее потребность, расширить свои возможности и сделать соучастниками тех, кто мог бы быть полезен в воспитании.

В одной из школ Юга страны, считавшейся престижной, по инициативе директора в недавнем прошлом во всех классах были установлены микрофоны и динамики (видеокамеры тогда не были так в ходу). В этом он видел возможность контролировать обстановку в классах, быть в курсе, не что способен тот или иной

учитель. Если директор слышал какой-либо шум в классе, он тут же включался и спрашивал, «Маргарита Васильевна, что там у Вас происходит?». От учителя, который не может управлять классом и «держать в дисциплине» учеников, быстро освобождались. Учителя с ужасом думали, что, если ученики зашумят, то директор может услышать и обязательно, в лучшем случае, выговорит им, в худшем – уволит с работы. Ситуация требовала следить за аудиторией, не позволяя проявлять ученикам никакого шума. Сами учителя говорили в повышенном тоне, подавляя их проявление. Такая позиция учителя создавала в классе повышенную напряженность и, как только звенел звонок, дети срывались с мест, создавая дикую обстановку. Им необходимо было компенсировать недостаток динамики в ходе урока, повышенную напряженность, «разрядится». Поток детей с криком несся по коридору, сметая все на своем пути. Их старались сразу же выпроводить во двор школы, где они были полностью представлены сами себе. Ситуация складывалась эмоциональной, динамичной и нередко заканчивалась потасовками. После переменки дети долго не могли успокоиться, учителю требовалось проявлять много усилий, чтоб взять ситуацию под контроль и он, естественно, переходил на повышенный тон, овладевая ситуацией и создавая напряжение в классе.

Новшество негативно сказывалось и на детях, и на учителях. Происходила деформация педагогического персонала. Учителя не могли спокойно вести урок, они постоянно были в напряжении, возбуждены и утрачивали способность к нормальному ведению урока. За перемену прийти в себя и «разрядится», как это делают дети, учитель не мог, у него накапливалось напряжение, происходила деформация личности.

Проведение урока – это искусство учителя. Ему необходимо чувствовать состояние класса, отдельных учеников, уметь кого-то ободрить, поддержать. Здоровый смех на уроке, нормальное общение, самопроявление учеников, о котором писал Ш.А. Амонашвили, в данном случае рассматривалось, как неумение учителя управлять классом. В.А. Сухомлинский подчеркивал, что, когда шел по школе и через дверь слышал бодрый смех детей и обсуждение каких-либо вопросов на уроке, то получал удовлетворение от нормальной учебной обстановке в классе.

На практике, если директору, завучу или методисту хочется посмотреть, как ведет урок учитель, он приходит к нему на занятие и затем вместе анализирует его, определяя перспективы повышения эффективности и по содержанию, и по методике, и по личностному проявлению в ходе занятия.

В детсаду № 106 г. Казани, – писала С. Брайловская, – ввели

веб-камеры. Заведующая, педагог с двадцатилетним стажем, автор идеи, видела в них возможность привлечения мам и пап в воспитательный процесс. Папа из Лондона звонит заведующей и счастлив. «Я сейчас сижу в аэропорту и смотрю через Интернет, чем занимается мой ребенок! Это здорово, спасибо вам, что это стало возможным». Далее автор подчеркивает, что один из родителей отмечал, что теперь они с женой поняли, как им раньше их не хватало, и они ежедневно наблюдают за дочерью. «Первые дни она плакала, скучала по дому… Я включал компьютер каждый час, жена тоже не отходила от монитора, мы постоянно созванивались: плачет Алиса или нет? Для меня это очень важно: из-за загруженности я вижу детей не так часто, как хотелось бы. Теперь же я могу быть в курсе».

Такие эмоционально неравнодушные родители имеют и подобного ребенка. Они обязательно будут звонить и дергать воспитателя, а у него не одно дитя, а порядка двух десятков. Воспитатель вынужден весь рабочий день находиться под наблюдением. Одно дело, когда идет трансляция утренника или детского праздника – это неплохо, а другое – надо проявлять себя с учетом складывающей ситуации развития. Кто-нибудь задумался, как можно творчески работать в такой обстановке с детьми, которые постоянно требуют внимания и ситуационного творческого проявления воспитателя?

Нельзя не согласиться с мнением Г. Бардина, режиссера-мультипликатора; «Устанавливать слежку за детьми – крайне неудачная идея. Даже если ребенок не знает про камеры и вообще не понимает, что происходит, он с младенчества привыкает к мысли, что ни одно его движение не укроется от чужих глаз. У человека есть право на одиночество, на тайну, на возможность распоряжаться личной свободой по собственному желанию – именно к этому нужно с молодых ногтей приучать каждого. Собственная совесть – наш главный советчик и наблюдатель.

Я совершенно точно уверен, что под прицелом объектива человек не может оставаться самим собой. Зная, что за нами следят, мы так или иначе начинаем играть в хорошего человека. И все же я не верю, что видеонаблюдение спасет нас от дурных поступков и преступлений. Пытаясь защититься с помощью электронных глаз, мы, как в романе Оруэлла, поставим себя в зависимость от Старшего Брата» [2, с. 12].

Последствия закрытости воспитательной среды для руководителей и их подчиненных. Закрытость среды формирует определенный тип людей, обусловленный ее своеобразием и стилем поддержания закрытости, и ведет к определенной деформации личности. Это обусловлено рядом

факторов.

Во-первых, в закрытой среде руководитель вынужден внешне играть открытость «нам нечего скрывать», а внутри устраивать определенные препятствия к проявлению открытости, что ведет к лицемерию и извращению руководителя. Подчиненные вынуждены играть по тем же правилам, стараясь демонстрировать только позитивные проявления, которые от них в большей степени ждет руководитель. Они стараются и между собой демонстрировать показное благополучие, так как опасаются, что выявленные негативные проявления, факты тут же будут достоянием руководства, что скажется на их благополучии. Данный факт ведет к лицемерию и сотрудников.

Во-вторых, многие явления закрытости образовательной среды обусловлены последствием социалистического строя в стране. Стремление Советского Союза показать, что это лучший строй в мировой цивилизации повседневно вело к тому, что все негативные явления сразу же приобретали гриф «секретно», «сов. секретно» и прочее. Политика на государственном уровне переходила на региональный уровень и на уровень отдельных подразделений, что становилось социальным фактором формирования общества и отдельных личностей. Можно много привести парадоксальных факторов данного явления, которые внешне говорили о благополучии, а по существу вели к определенной дискриминации, абсурдности. Например, забота о детях с особыми нуждами. Считалось, что это нетипично для социалистического строя, но государство заботиться о них. Их помещали в специализированные коррекционные учреждения, где специалисты творили чудеса работы с ними. Получало развитие целое направление – коррекционное. Однако среда была не готова принимать воспитанников этих учреждений. Вросшие в специализированных учреждениях, оторванных от реальной жизни дети, были не приспособлены к обществу, а общество к ним. Часто, после выпуска такие дети переходили в дома инвалидов, где и заканчивали свой жизненный путь.

В-третьих, закрытая среда формирует определенный стиль поведения руководителя и его подчиненных. В таком учреждении постоянно поддерживается страх за свое существование и зависимость участников от воли руководителя. Наиболее сложная ситуация складывается у руководителей подразделений. Они должны обеспечивать повседневное проявление взятой видимости, что негативно сказывается на них и ведет к преждевременной профессиональной деформации в виде профессионального выгорания, профессиональной усталости и прочее. Подчиненные также испытывают дискомфорт. Им

необходимо постоянно быть готовыми демонстрировать всем, кто приходит к ним в гости, какие они хорошие, особые, дисциплинированные, проявляющие особый интерес к чему-либо, ожидая, что их будут хвалить, подчеркивать их неординарность. Все это формирует не только гордость, что они не такие, как другие, но и негативно сказывается на них, формирует лицемерие и ведет к деформации личности.

Существо открытой воспитательной системы как принципа воспитания и его требования. Изложенное позволяет раскрыть сущность принципа открытой воспитательной системы. Она представляет собой естественную открытую среду, предназначенную для развития и воспитания детей, наиболее полно отражающую социокультурное своеобразие общества, в котором они живут, позволяющей включаться в целесообразное взаимодействие с воспитанниками всех заинтересованных в воспитании подрастающего поколения лиц, становясь на этапе взаимодействия частью воспитательного процесса, а каждому воспитаннику открыто проявлять себя в различных сферах деятельности, в том числе во взаимодействии с участниками воспитательного процесса, формируясь как духовно богатая личность, способная к самореализации в самостоятельной жизни. В представленном определении можно выделить основные компоненты открытой воспитательной системы:

• естественная открытая социокультурная среда, предназначенная для развития и воспитания детей;

• такая среда наиболее полно отражает социокультурное своеобразие общества, в котором живут воспитанники;

• воспитательная среда позволяет включаться в целесообразное взаимодействие с воспитанниками всех заинтересованных в воспитании подрастающего поколения лиц (тех, кто может внести позитивное влияние в процесс воспитания, стать его целесообразным дополнением);

• каждый воспитанник имеет возможность открыто проявлять себя в различных сферах деятельности, в том числе во взаимодействии со всеми участниками воспитательного процесса;

• открытая воспитательная система ориентирована на формирование духовно богатой личности каждого воспитанника, способного к самореализации в самостоятельной жизни.

Открытая воспитательная среда, с одной стороны, дисциплинирует всех участников воспитательного процесса независимо от занимаемой должности и статуса в ней, способствуя усвоению соответствующих социокультурной среде ценностей, принципов, норм и правил, опыта социального поведения и деятельности, а с другой, – привлекает тех, кто мог

естественно войти в эту среду, обогащая ее своим опытом и целесообразной деятельностью. Уход от этого принципа ведет к тому, что любое нарушение (отклонение от принятых норм) не становиться предметом осмысления и последующего недопущения, а или не замечается, или рассматривается как случайность, которая со временем становится нормой. По существу в этом случае воспитательный процесс превращается в замкнутое пространство, в котором аккумулируются упущения и недостатки, существенно сказывающиеся на процесс и результат воспитания.

Требования принципа:

• открытость – это не дань моде, не спектакль, а это образ жизни, где каждый выполняет свою профессионально-важную роль;

• воспитание осуществляется в среде, носящей открытый, доступный для общества и лиц, заинтересованных во взаимодействии с ней, характер;

• обеспечение единства жизни воспитателей и воспитанников;

• создание наиболее благоприятных возможностей для взаимодействия воспитанника с естественной средой жизнедеятельности, усвоения и проявления социального опыта;

• обеспечение доступа воспитанника к источникам национальной и региональной культуры;

• предоставление возможности каждому ребенку получения образования, соответствующего его способностям и потребностям;

• корпоративность в открытой воспитательной среде рассматривается, как совместная устремленность к общественно значимому результату и ответственность каждого за его достижение, где нет отстающих, но есть те, кто готов подставить плечо, помочь в совместной деятельности;

• посещение образовательного учреждения связано с тем, чтобы посмотреть, что и как в нем происходит в интересах оказания помощи в совершенствовании воспитательной деятельности или принятия в нем непосредственного участия;

• в открытой воспитательной среде нечего скрывать, выявленные в ней факты, негативно влияющие на процесс и результат воспитательной деятельности это предмет для поиска путей совершенствования воспитательной деятельности;

• тем, кто хочет прийти в воспитательное учреждение необходимо уважать его открытость, не отвлекая его сотрудников от дела;

• руководитель принимает участие в работе по привлечению к воспитательной деятельности тех, кто мог быть полезен своими

знаниями и опытом практической деятельности;

• участвующие в воспитательной деятельности уважают, оказанное им доверие целесообразным участием;

• защита прав и личного достоинства и ребенка, и воспитателя.

Таково существо принципа открытой воспитательной системы, позволяющей обогащать социокультурную среду воспитания, предупреждать замкнутость и загнивание.

Литература

1. Белых Г., Пантелеев Л. Республика Шкид. – М.: РИМИС, 2010.
2. Брайловская С. Кто-то хитрый и большой наблюдает за тобой // Российская газета. – 02 октября, 2008. – С. 12.
3. Детский дом: уроки прошлого: сб. / сост. Г. Мыльникова. – М.: Моск. рабочий, 1990.
4. Еремин В. Отчаянная педагогика. – М.: Гуманитарный из дат. центр ВЛАДОС, 2008.
5. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / сост. Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. – М.: «Педагогика», 1968–1986.
6. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: полный курс: учебник для студ. 5-е изд. М.: ЮРАЙТ, 2011.
7. Сорока-Росинский В.Н. Педагогические сочинения / сост. А.Т. Губко – М.: Педагогика, 1991.

Е.В. Пестова [46]
О моих дедушках и бабушке

Моего деда звали…. а как? Ведь у меня были… три деда. Вот так-то. Ну, двое – это понятно – папы родителей. А третий? Вот и хочу рассказать о третьем моём дедушке.

Есть такое понятие – названный, но, он-то и был самым настоящим. Вот так-то.

Непонятно немного? Есть такое дело, непонятно.

Кто же он, мой третий дед?

Папа моей мамы погиб в лагерях, оговоренный одним из своих приятелей, принимаемого в нашей хлебосольной семье, как и других знакомых моих родных. Папин папа погиб ночью, не дойдя до дома нескольких десятков метров, мы и не знаем, как это случилось, просто не пришёл домой, вот и весь сказ. Баба Маня попала в тюрьму, а потом на десять лет – без права переписки. Была такая странная статья. И, по-моему, её уже не существует.

Сколько было лет папе, когда его отправили в специальный режимный детдом, я просто никогда не спрашивала. Просто – знала. И всё. Вот там-то папа и встретил моего третьего дедушку. Звали его: Семён Афанасьевич Калабалин. По книге Макаренко «Педагогическая поэма» – Карабанов. Если бы не он, то неизвестно, кем бы стал мой папа. Туго ему пришлось после ареста мамы. И беспризорничал, и ночевал в асфальтовых котлах, и мечтал, как и многие другие бездомные мальчишки того тяжёлого времени, хоть раз наесться досыта, всё было… но на его пути встретился дед Семён, так я его звала про себя, стесняясь сказать это заветное слово вслух. У всех моих подруг был хоть один дедушка, а у нас с братом не было. Я его помню очень хорошо, да и то сказать, когда меня первый раз привезли к нему в гости, мне было уже пять лет. И всё время, пока родители гостили у моих названных дедушки и бабушки, я жила с ребятами в одном из детдомовских отрядов, так что, когда пришла пора прощаться с моей новой семьёй, «рёву» я задала приличного. Я не помню, чтобы мы с дедом Семёном много общались, просто мне стало легче жить от мысли, что и у меня есть дед, да ещё и какой.

Я больше помню бабушку, Галину Константиновну. У неё мы гостили летом уже с моим двухлетним сыном. Я очень любила бывать в Клемёнове, где она жила. И хотя её дети давно только навещали маму, все внуки, а, значит, и мои названные братья и сестра были не только мне знакомы, но мы дружили, пока я

гостила у Галины Константиновны, как может дружить двадцатидвухлетняя мамочка, вечно загруженная мыслями о своём капризном сыночке, и подростки. Просто это были мои младшие братишки и сестрёнка. Жили мы с сынишкой в небольшой комнате, она была посвящена памяти моего удивительного деда. Обо всём в ней рассказывалось, но больше всего там было писем и памятных подарков, сделанных руками воспитанников.

Я знаю, что на Кутузовском проспекте, недалеко от Поклонной горы, был музей Антона Семёновича Макаренко, там очень многое посвящалось и деду Семёну. Он был человеком необыкновенной скромности.

Много лет спустя, после того, как он от нас ушёл, я узнала, что в годы Отечественной войны дед был разведчиком, что он долго работал в тылу врага и только чудом спасся. Не любил дед хвастаться и своих детей приучал к этому же.

Я тоже стала учителем, осознанный ли то выбор или нет – не знаю. Просто, когда сбежала из престижной редакции, где работала корректором, я ушла в школу и поняла, что это – моё. Не знаю, каким чудом, мне передались учительские гены от моих названных дедушки и бабушки, но получилось так, что я оказалась в нужном месте в нужный день и час. Вот уже тридцать с лишним лет я – учитель, и каждый миг благословляю тех, для кого стала преемником в работе. Долгое время я не задумывалась об этом, казалось, что всё случилось само собой, но если вспомнить первый семинар по педагогике в институте… Не знаю, как получилось, но написала же я, что причиной, побудившей меня стать учителем, стала книга Вигдоровой «Это, мой дом». Книга о моих названных дедушке и бабушке, об их сложной судьбе, об их первых воспитанниках, среди которых был и мой папа.

Грустно читать о том, как дегенерат-воспитанник убил, просто так, Костика и как в одну ночь поседел Семён Афанасьевич, но не ушёл от детей, не бросил мальчишек и девчонок, с которыми пережил это тяжкое горе.

Всё в этой жизни соизмеряется для учителей чувством долга перед теми, кого «приручили» и необыкновенным чувством: любви, потому что она заложена в душах педагогов, как данность призванию, осветившему всю их жизнь. Без этого, вероятно, невозможно стать учителем, потому что только оно (это чувство) и может помочь преподавателю и его воспитаннику идти по жизни рядом.

Ученику стать человеком, – а учителю принять других и, как обычно для этой профессии, суметь не только опять, как и много-

много раз стать воспитателем и другом для новых учеников, но и полюбить их. А потом как всегда: расти, учиться вместе с теми, – кто сегодня пришёл несмышлёнышем и сел за парту, за которой ты ещё видишь того, «старого» – и невольно пытаешься в новом: найти похожие черты характера, внешности, присущие тому, кого вчера выпустил во взрослую жизнь. И только тому, кто сумел – это понять, Господь и дарует право и немножечко способности стать учителем. Всеми этими качествами с лихвой Господь оделил Семёна Афанасьевича и Галину Константиновну. И в памяти всплывает середина 1970-х, когда в «Ленкоме» с Николаем Караченцевым в одной из главных ролей был поставлен спектакль о жизни Макаренко и его воспитанников, а одним из них был Семён Карабанов – мой названный дед. С тех пор прошло, без малого, 30 с лишним лет.

Но первого апреля, как всегда на Новодевичьем кладбище, можно встретить у могилы Макаренко небольшую группу уже немолодых людей, которые пришли отдать дань памяти тому, с кого началась новая эпоха школы. В воспоминаниях этих людей, они всё те же: Машки, Кольки, Вальки, Юрки, Петьки, – а жизнь ушла вперёд, и осталась лишь память о том, кто дал им, бывшим бездомным сиротам, путёвку в будущее. И среди них мой папа, лежащий неподалёку, на том же кладбище, только в другом ряду. В восемь лет он, ставший беспризорником, потому что из спец. детдома он сумел вовремя сбежать, а к дядьке поехать гордость не позволяла. Судьба тех, кто не встретил человека, похожего на моего названного деда, к сожалению, была печальна. Без имени, без фамилии, а с придуманными чужими тётками, которым дела не было до слёз и ужаса, охватившего детей, попавших в подобное учреждение. Эти дети потеряли память о семье и о доме, а подчас и саму жизнь, точнее ту, которая у них могла бы быть, не окажись они в подобных детдомах, а родители были бы не в лагерях.

Память – память – жива она только тогда, когда о ней думаешь, когда её не забываешь, когда есть кому вспомнить и продолжить начатое тобой дело, когда потомки для красного словца не переиначивают твою жизнь, не придумывают новых фактов твоей биографии и не пытаются на ложных воспоминаниях создать себе авторитет. А память уводит в прошлое, туда в 1957 год, в тот день, когда к нам с Галиной Константиновной их сыном Антоном, собирающимся вскоре поступать в пединститут, приехал дед. Названный то ли брат, то ли дядюшка сразу стал меня дразнить: «Мы с Тамарой ходим парой – Тамара лечит – я реву. Ну а как же иначе?..

Я гордо носила на боку сумочку санитара и повязку с красным крестиком, а перед уроками проверяла, чистые ли руки у

моих одноклассников, заходящих и забегающих в кабинет после звонка на урок.

Сейчас мы почти что коллеги, Антон – учитель – я – тоже. А годы идут и у Антона с Ниной, и у меня – подрастают внучки и внуки, мы почти сравнялись с ними на жизненном пути. Наши сыновья выросли, и мы теперь стали бабушками и дедушками, а за окном уже 2012.

Как же долго мы ещё будем работать и заниматься любимым делом, растить тех, кто ещё в нас нуждается? Наверно пока – пока будут силы и желание – войти в класс и увидеть распахнутые тебе навстречу разные: серые, голубые, зелёные, карие – любопытные глазищи, ждущие самого интересного и увлекательного воспоминания, которое ты обязательно им принесла в класс, которое сейчас расскажешь. А память там в далёком 1957 году, на улице Герцена, в доме 43/Б, в полуподвальной квартире № 1, в которую часто приезжали к папе и маме мои названные дедушка и бабушка: Семён Афанасьевич и Галина Константиновна.

А.П. Прокофичев [47]
Быть педагогом…
Воспоминания о замечательном педагоге и человеке С.А. Калабалине

В 1952 году в возрасте семи лет я остался без родителей. Мои родственники не могли меня содержать и я был определён в Клемёновский детский дом Московской области. Здесь находилось около ста детей. Некоторые из них имели родственников, некоторые были совсем одиноки. В тот период было много сирот, которые воспитывались в детских домах, – сказывались последствия Великой Отечественной войны и тяжелейших послевоенных лет. И сегодня, спустя много лет я хочу выразить благодарность государству, и тем людям, которые воспитывали обездоленных детей и смогли поставить их, и меня в том числе, на ноги.

В конце 1956 года директором Клемёновского детского дома был назначен Семён Афанасьевич Калабалин. Человек удивительной судьбы, испытавший на себе все тяготы и послереволюционного времени, и Великой Отечественной войны. Сам он также рано остался без родителей, воспитывался у замечательного педагога – Антона Семёновича Макаренко, который сыграл большую роль в его жизни.

Поскольку до назначения С.А. Калабалина директором детского дома я уже прожил в нём три с лишним года, то могу рассказать о тех изменениях, которые произошли в нашей жизни с его приходом.

Семён Афанасьевич в первую очередь создал систему, которая позволила не только педагогам, но и самим ребятам принимать самое активное участие в организации жизнедеятельности детского дома. Лучшие воспитанники были назначены командирами отрядов, а заместителем директора стал председатель совета командиров. И на заседаниях совета командиров, в которых участвовал Семен Афанасьевич, принимались наиболее важные решения по всем аспектам нашей жизни.

Большое внимание уделял Семён Афанасьевич трудовому воспитанию ребят: все работы по обслуживанию территорий и зданий, выращиванию и сбору урожая и даже по уходу за домашним скотом возлагались на самих воспитанников. Привлечение к физическому труду было вызвано жизненной

необходимостью – юному организму необходимо достаточное питание, а финансирование в те нелегкие годы было ограниченным. Кроме того, Семен Афанасьевич понимал, что физический труд закаляет человека, воспитывает упорство, которое помогает в достижении поставленных целей. Сегодня, к сожалению, в нашем обществе трудовому воспитанию молодых людей не уделяется должного внимания…

Я убеждён также, что важнейшую роль в воспитании играет физическое воспитание, которое и укрепляет здоровье, и вырабатывает такое замечательное качество, как умение преодолевать жизненные трудности. Приведу пример из моего детства. Восемь классов я закончил в Клемёновской средней школе, а в девятом, десятом и одиннадцатом классах учился в Савинской школе, которая находилась в пяти километрах от детского дома, в соседнем селе. Таким образом, ежедневно посещая школу, мы преодолевали туда и обратно примерно 10 километров. Кроме того, у нас были уроки физкультуры, на которых иногда мы совершали пятикилометровые пробежки на лыжах. Поэтому физически наши ребята были очень хорошо развиты. Я выступал по многим видам спорта за взрослые команды Клемёновской швейной фабрики. Однажды спорткомитет г. Егорьевска в честь очередной памятной даты города организовал пробег на десять километрой, в котором приняли участие команды городских и районных предприятий, по маршруту Клемёново – Егорьевск. Два спортсмена, в том числе и я, выступали за мужскую команду фабрики. Первый километр бега дался очень тяжело (до начала пробега я уже преодолел пять километров), потому что мы с напарником решили держаться в лидирующей группе, а в ней было достаточно сильных бегунов из г. Егорьевска. А мне было тогда только шестнадцать лет. Середину дистанции я прошёл нормально, а затем навалилась усталость и бежать уже не было никаких сил. В это время мы с напарником в составе лидирующей группы (около 10 человек) более чем на 500 метров оторвались от основной массы, хотя и сама группа растянулась на метров восемьдесят. В это время около меня оказался мой одноклассник, ехавший на велосипеде, который ради интереса сопровождал эту колонну бегунов. Я попросил его, чтобы он хотя бы метров пятьдесят провёз меня на велосипеде, но он отказал мне, сказав, что меня сразу же снимут с пробега. Тогда я на своего товарища обиделся, хотя он был прав, две или три судейские машины курсировали по дистанции. Я всё-таки смог преодолеть желание сойти с дистанции и, собрав все свои силы, смог финишировать в первой десятке бегунов. В подобных ситуациях я оказывался не один раз, особенно часто на

лыжных дистанциях.

Это умение преодолевать трудности мне очень помогло в моей дальнейшей жизни.

В течение двух лет, под руководством Семёна Афанасьевича, на территории детского дома были оборудованы: футбольное поле, баскетбольная и волейбольная площадки, сооружения по лёгкой атлетике, городошная площадка. Закупался спортивный инвентарь – лыжи, коньки, мячи и т. д. И результаты этой деятельности не заставили себя ждать: через несколько лет команда Клемёновского детского дома стала занимать первые места в спартакиадах детских домов Московской области по лёгкой атлетике, баскетболу, волейболу и другим видам спорта. Хотя Семён Афанасьевич и прихрамывал на одну ногу (это ранение он получил при выполнении важного государственного задания в годы Великой Отечественной войны) он с юношеским задором часто играл с нами в волейбол, лапту, городки. Я почти всегда принимал участие в спортивных соревнованиях. Однажды, когда я занял первое место в прыжках в высоту на спартакиаде детских домов Московской области, он выбежал на прыжковый сектор, обнял меня и сказал, что когда он воспитывался у А.С. Макаренко, то тоже был чемпионом по прыжкам в высоту Полтавской области. Вспоминается также, что когда я окончил четвертый класс на одни пятерки, он пригласил меня к себе в кабинет и предложил сыграть с ним в шахматы. Конечно, несколько партий я проиграл, потому что Семён Афанасьевич в шахматы играл очень хорошо. Но на этом наши занятия не закончились. Постоянно я осваивал азы шахматной игры, а однажды наши шефы, студенты Московского авиационного института, подарили мне великолепную шахматную книгу «Курс дебютов» под редакцией М.М. Панова (уже потом я понял, что это было сделано с подсказки Семёна Афанасьевича). Примерно через 2,5 —Згода наша команда в первый раз заняла первое место на соревнованиях по Московской области, и я уже стал чаще обыгрывать своего учителя. На Спартакиаде детских домов Московской области, где в очередной раз я занял первое место, мне задали вопрос: где я так хорошо научился играть в шахматы? Конечно, я сказал, что моим наставником был директор нашего детского дома. Уже позже один раз я выиграл в сеансе одновременной игры на 12 досках, который проводил бывший чемпион мира М.М. Ботвинник. Но и сегодня я с удовольствием играю в разных клубах по Интернету в быстрые шахматы.

Думаю, что Семён Афанасьевич отлично понимал: спорт – это наилучший способ занять свободное время подростков. Сегодня я осознаю, что, если ребята не заняты спортом, трудовой

деятельностью, то их прибирает к рукам улица, отсюда проистекают и такие пороки, как наркотики, воровство, бандитизм и пр. Мы же в детском доме почти всё свободное время проводили на спортивных площадках.

По моему мнению, самой сильной стороной Семёна Афанасьевича было умение выстроить воспитательный процесс. Воспитанию детей он посвятил свою жизнь, всего себя. Первые годы в Клемёновском детском доме он жил со своей семьёй в одной из комнат здания, в котором воспитанники проводили своё дневное время. Только через несколько лет он построил себе дом, который также располагался на территории детского дома. Всё время рядом с ним были его воспитанники. Свой рабочий день он начинал очень рано, сначала убирал сам территорию, где находился дневной корпус, затем шёл на территорию спального корпуса и убирал её. И так целый день всё время с ребятами, а их сто человек и среди них есть сорви-головы. Он был знаток детских душ. Приведу один пример. С нами в классе (пятом или шестом) учился воспитанник, звали его Саша Фёдоров. Он был старше нас, детство у него было трудное, и в детском доме он находился под особым вниманием Семёна Афанасьевича. Однажды я пробегал мимо одной хозяйственной постройки на территории детского дома и вижу, что за её углом стоит Александр и курит. После каждой затяжки он высовывал голову из-за угла, а затем снова прятался. Я подошёл к нему и спросил, чего он там высматривает, на что он мне ответил, чтобы я ему не мешал, так как где-то поблизости находится Семён (так мы между собой называли Семёна Афанасьевича). Я тоже выглянул за угол постройки, но никого не увидел. Прошло не более минуты, я повернул голову и оторопел, к нам на цыпочках подбирался Семён Афанасьевич. Он приложил палец к губам, давая мне знать, чтобы я молчал. Он подошёл к Саше сзади, тот в это время выглядывал за угол, и тихо, изменённым голосом, попросил его дать закурить. Не поворачивая головы, Александр раздражённо сказал, да подождите мол, а то здесь где-то рядом находится Семён. Повернув голову, он обомлел и сразу скис, зная, что ему предстоит. Вот так, чаще серьёзно и строго, а иногда с юмором проходил процесс воспитания наших душ.

Во времена моей молодости было принято идеализировать образы создателей нашего государства. Я же не был склонен создавать себе кумиров, потому что всегда понимал, что в каждом человеке присутствуют как положительные, так и отрицательные черты. Про Семёна Афанасьевича сегодня написаны книги, много статей, его именем названы государственные учреждения. Но периодически у людей, в том числе и хорошо его знавших,

возникают те или иные вопросы, которые касаются его методов воспитания или его личности. Как воспитатель – он уникален, потому что безмерно талантлив, как личность – он достоин уважения и почитания. По моему убеждению, Семён Афанасьевич был простым русским человеком, которому присущи и сильные стороны характера, и человеческие слабости. Но я, вспоминая своё детство и юность, всё больше убеждаюсь, что он был педагог с большой буквы и всю свою жизнь посвятил воспитанию ребят, которые с раннего детства остались без родителей. Многие из них имели непростые судьбы, сложные характеры и их воспитание давалось Семену Афанасьевичу с большой затратой душевных сил.

Значительную роль в становлении детского дома и воспитании ребят играла подшефная работа. Семён Афанасьевич, когда принял Клемёновский детский дом, был уже известным и уважаемым педагогом, его знали представители и власти, и общественных организаций Москвы. Поэтому к шефской работе он смог привлечь Мособлоно, ГК ВЛКСМ, студентов Московского авиационного института и Московского государственного педагогического института и др. Я явственно помню, чем были для нас – воспитанников детского дома из подмосковной глубинки – первые встречи с московскими шефами. Особенно много нам давало общение со студентами. Во-первых, каким-то образом они ухитрялись проводить работу в своих институтах по сбору денежных средств для воспитанников детского дома (и это при их мизерных стипендиях). Эти деньги в основном шли на подарки, которые дарили в дни рождения воспитанников. Для нас, детдомовских ребят не было понятия *подарок*. Нам просто никто ничего не дарил. Кроме того, общение с шефами-студентами облагораживало нас, повышало наш культурный уровень. Они организовывали для нас спортивные соревнования, КВНы, прогулки и пр. Уже потом часть воспитанников пошла по их стопам – мы стали студентами этих же вузов. И в настоящее время многие из нас продолжают поддерживать с ними отношения. Спасибо вам дорогие наши наставники: Пётр и Лена Ту меля, Анатолий Мудрик, Валя Удрас, Валентин Гафт и многие другие.

В заключение хочу от имени всех его бывших воспитанников выразить Семёну Афанасьевичу Калабалину слова благодарности за те труды и помыслы, которые он вложил в наши души. И я думаю, что эти вложения в дальнейшей жизни оправдались – мы встали на ноги и стали полноправными членами нашего общества.

М.Х. Халиков [48]
Клемёновский детский дом и Калабалины

Поступил в Клемёновский детский дом 28 августа 1953 году. В этот же день пришли Щукина Евгения Павловна, Смирнов Николай Петрович, Тимофеев Николай, Стручков Алексей Алексеевич.

Принимала нас завуч по учебно-воспитательной части, Любовь Георгиевна Волкова. Определили нас во вторую группу к воспитателям Анне Петровне Чухровой и Галине Максимовне Белкиной. В тот момент в детском доме воспитывалось 137 человек. Директором был Соколов Михаил Петрович, бывший фронтовик, прошедший дорогами войны, потерявший правую руку. У нас воспитанников, детей, потерявших отцов и оставшихся без родителей, это вызывало чувство печали и жалости. Мы учились в школе и старались вместе с воспитателями принимать активное участие в жизни детского дома.

В один из весенних дней, апреля 1956 года во дворе детского дома появился человек средних лет в полувоенной форме, одет во френч, галифе, заправленные в хромовые сапоги. Когда он шагал, то прихрамывал на правую ногу. Видимо сказывались раны, полученные на войне. Его сапоги создавали какой-то скрип. Он со стороны изучал каждого воспитанника детского дома. С кем-то садился играть партию в шахматы.

Не все было гладко с поведением в детском доме. Были игры в карты, самовольные уходы воспитанников, приводы в милицию, отбор полдников у младших ребят, более отъявленными старшими.

В своей группе мы в это время читали вслух книгу А.С. Макаренко «Педагогическая поэма». Знакомились с персонажами и героями книги. После недельного пребывания в детском доме, мы узнали в нем героя «Педагогической поэмы» Карабанова Семена Афанасьевича.

После обеденного часа в один прекрасный день объявили общую линейку для всего детского дома.

Меня зовут Семен Афанасьевич Калабалин, так представился он всем воспитанникам детского дома. И с сегодняшнего дня будем жить отрядами, где будет командир, а также санитар отряда. Сразу же были образованны отряды с командирами, санитарами. После чего началось выдвижение кандидатур в Совет командиров. С Совета командиров создалось детское

самоуправление в нашем детском доме. Председателем Совета командиров была избрана Люся Щукаева. Секретарем – утвержден Веренцов Юрий Иванович (ныне живущий в Краснодарском крае в городе Железногорске).

Весь детский дом зажил какой-то новой жизнью, как разбуженный муравейник или как улей с пчелами, собирающими нектар с цветов. После недельного перерыва, опять на вечерней линейке, как было заведено, каждый вечер, каждый отряд, каждая группа, каждая служба докладывали, как прошла учеба в школе, как прошел день в детском доме. И вот доходит черед и до меня.

– А вот ты чернявый хлопец, иди-ка сюда.

Так вызволив меня на середину зала, Семен Афанасьевич сказал:

– С сегодняшнего дня будешь завхозом всего детского дома.

Я как-то отказывался, что мол я в школе не буду успевать и не смогу справиться со столь ответственным делом.

На это ответил Семен Афанасьевич:

– И в школе будешь успевать, и в детском доме.

После этого разговора я стал в 13 лет завхозом в своем детском доме, в детском коллективе, а на следующий день с Семен Афанасьевичем на машине, из инкубатора города Егорьевска привезли 150 маленьких желтых пушистых комочков – цыплят, из которых осенью выросли 137 кур, а также из 50 маленьких утят, выросли 47 полновесных уток.

Договорившись с председателем местного колхоза, Семен Афанасьевич взял заброшенный сад в три гектара. Все воспитанники от мала до велика пошли осваивать сад. Весной сад зацвел, белой кипенью. Помню, хороший урожай яблок собрали осенью.

В 1957 году были участниками ВДНХ на сельскохозяйственной выставке по выращиванию кукурузы с початками высотой до четырех метров.

Обычно Семен Афанасьевич брал чистый лист бумаги, где первым стояла его фамилия и инициалы. Этим объяснялось, что затевается новое, совсем незнакомое для всех дело и, если кто желает принять участие, то милости просим продолжить дальше список. Вот так он разбудил когда-то, бывало, инертно поглядывающих ребят и девчат.

Когда переехала к нам в детский вся семья Семена Афанасьевича, то все её члены включились в общее дело. Галина Константиновна (жена Семёна Афанасьевича) работала воспитателем разновозрастной группы, а Галина Семеновна (дочь) – старшей пионервожатой, Антом Семенович (сын – Антон младший), названный в честь Антона Семеновича Макаренко,

организовал спортивные секции по вольной борьбе, по тяжелой атлетике, боксу, гире и др. Елена Семеновна (дочь) училась в Педагогическом институте. Семен Афанасьевич часто выступал перед Московской студенческой аудиторией. После таких выступлений Семена Афанасьевича буквально через неделю у нас в детском доме появились студенты – друзья воспитанников. Во время встреч завязывались задушевные разговоры, расспросы со стороны студентов, кому что надо. После нескольких поездок Семена Афанасьевича в высшие учебные заведения Москвы, в нашем детском доме был создан сводный студенческий пионерский отряд, во главе Маевцов командиром Геннадием Лукашевым. Игорь Алексеевич Ушаков, Петр Михайлович Тумеля, Михаил Борисович Ландо, Миюшкин Ю., Ашихмин Василий Маркович, Морозов Валерий, Полячек Михаил и «главная мама» Маевцов Нина Александровна Морозова – декан с факультета ради оприборостроения. Это она написала письмо в 1956 году в конце декабря Семену Афанасьевичу в Мотовиловский детский дом. В это время Семен Афанасьевич переехал в Клеменовский детский дом. Но письмо переадресовали и доставили адресату.

В январе 1957 года на пороге детского дома появилась стройная высокая, элегантно одетая, Булгаковского возраста, дама. Оказывается, она-то и была первым организатором создания дружбы детдомовцев и студентов. От Московского авиационного института.

От Московского областного педагогического института Самохоткина (…) Павловна, Удрас Валентина Ивановна, Елена Дмитриевна Тумеля, Нина Сергеевна Катукова, Иванова Валентина, Шохова Светлана, Смелянская Эля; от МВТУ им. Баумана Борис Николаевич Пастухов, с которыми мы до сих пор общаемся и встречаемся. С той поры прошло уже времени очень много – более полувека.

Галина Константиновна возглавила группу с воспитанниками разновозрастными отрядами, где старшие воспитанники присматривали за младшими братьями, ухаживали, проверяли приготовленные ими домашние задания на следующий день, совершали совместные прогулки, организовывали подвижные игры на свежем воздухе. То есть каждый квадратный метр был отдан педагогике роста, становления человека.

Мы, воспитанники – дети, не знали, когда отдыхает Семен Афанасьевич. Если в сутках 24 часа, то для него и 25 часов не хватало. Он был для нас отцом, учителем, братом, товарищем и другом. С восходом солнца появлялся у спального корпуса и убирал двор, то метла в его руках была как дирижерская палка. Когда подходило время подъема, то он свистком давал сигнал,

тем самым оповещая начало нового наступившего дня. Воспитанники как один просыпались и выбегали на всеобщую физзарядку, которую он проводил во дворе перед зданием спального корпуса. Минут 10–15 проходила физическая пауза, переходящая в бег вдоль забора по периметру всего двора, а затем обливания, умывание, чистка зубов, то есть полный утренний туалет.

Дежурные убирали спальные помещения влажным способом, мыли полы, протирали стены, подоконники и готовились к сдаче дежурному санитару помещений. Когда в спальном корпусе все было приведено в порядок, посменно шли в столовую, где ждал вкусно приготовленный искусными руками повара Варвары Васильевны, завтрак. После завтрака дружно шли в школу совместно с сельскими ребятами. Школа была общая как для сельских учащихся, так и для нас.

Когда наступали выходные дни, то к нам приезжали наши старшие друзья – студенты. Каждый такой приезд студентов ожидали по-особому, этот день казался нам праздником. Студенты умели дарить нам праздники.

Особенно запомнился, запало в мою душу, память, весенние каникулы 1957 года. Игорь Алексеевич Ушаков – студент 5-го курса Московского авиационного института взял нас к себе, в свою семью, на целую неделю, пять человек ребят воспитанников. Володю Кузменькова, Володю Петрова, Алексея Стручкова, Володю Иванова и автора этих строк. С мамой Игоря Алексеевича, Ниной Николаевной Розовой, со дня знакомства и до ее кончины мы дружили, встречались более пятидесяти лет. Они для меня были как родные люди.

Совместно со студентами проводили дни рождения воспитанников, ходили в походы по Подмосковью. На всю жизнь запомнился семидневный пеший поход, организованный Ниной Сергеевной Катуковой и Смелянской Элей. От станции Турист – Яхрома. Цель похода: изучение следа ледника Клинско – Дмитровской гряды. С образованием Парамоновского оврага, глубина которого местами достигает 0,5 км. За этот поход все участники получили значок «Турист СССР».

Важное место в нашем воспитании занимали часы-беседы, проводимые Галиной Константиновной по музыке того или другого композитора. Эти знания обогащали нас. Показательным примером была экскурсия в Клинском доме-музее Петра Ильича Чайковского. Экскурсовод в конце беседы расспросила меня, какие произведения П.И. Чайковского я знаю. Долго не раздумывая, я перечислил все произведения, какие знал. «Черевички», «Щелкунчик», «Времена года», всевозможные сюиты

и многие другие.

Так нас воспитывали наши дорогие учителя Г.К. и С.А. Калабалины. Они учили нас все невзгоды, несчастья, беды встречать с раскрытой грудью. Правде смотреть в глаза.

Если Семен Афанасьевич Калабалин совместно с Галиной Константиновной за свою педагогическую деятельность, работая в 17 воспитательных учреждениях разного характера, воспитали и вывели в люди более 7 тысяч воспитанников, не это ли восхождение на педагогический Олимп! Выпускники Калабалинцы проживают Калининграда до самых до окраин России. Основная масса в Москве и в ближайшем Подмосковье. Многие ребята окончили высшие учебные заведения такие, как Московский авиационный институт. Среди выпускников:

• Барсков Дмитрий Павлович – кандидат технических наук, краевед, турист;

• Прокофичев Александр Павлович – работал в Центральном Банке России;

• Веремеев Геннадий Павлович окончил Московский Медицинский институт им. Н.Н. Пирогова;

• Михаил Иванович Кобзев, Светлана Мовеесян окончили МАИ;

• Тамара Серафимовна Токарева, Бахшацкая Людмила Остаповна, Мирошкина (Савельева) Надежда, Логинова Галина и другие – Коломенский педагогический институт и стали хорошими учителями в школах по месту работы;

• Галина Тихоновна Волкова и Наталья Васильевна стали инженерами дизайнерами, живут в городе Пскове;

• Николай Петрович Смирнов – майор милиции на заслуженном отдыхе;

• Юрий Иванович Веренцов, наш первый секретарь Совета Командиров, проработал на предприятиях Красноярска – 26 лет, ныне живет в Железногорске;

• Слава Чибесков – радиолюбитель, окончил два вуза, имеет свою радиостанцию;

• Виктор Иванович Слободчиков поступал в Московский авиационный институт, а затем поступил в Ленинградский педагогический институт им. Герцена на психологический факультет. В данный момент является доктором психологических наук, профессором, академиком Российской академии образования;

• Абушева Надежда Нуралиевна – работает в институте глазных болезней имени Гельмгольца;

• Морозов Владимир Васильевич окончил Коломенский педагогический институт, кандидат педагогический наук.

Длительное время проработал директором центра внешкольной работы имени А.С. Макаренко. Единственный педагогический музей А.С. Макаренко в Москве и в России. Автор этих строк тоже работал в музее им. А.С. Макаренко главным хранителем архивных фондов. Но ввиду внезапного заболевания в данный момент не работаю.

Мы, благодарные воспитанники, с величайшим восхищением вспоминаем дорогих наших родителей, которые учили нас быть примером и идеалом в жизни для других людей.

Учение о коллективе, воспитание через коллектив и сегодня, как никогда, должно быть актуально. Как важно сегодня разобраться, в чем же мудрость учения о коллективе, слабость школьных коллективов.

Последователь, продолжатель, исследователь идеи своего учителя, С.А. Калабалин посвятил свою жизнь борьбе с детской беспризорностью и нищетой – жить для тех, из среды которых вышел сам, чтобы и они своею жизнью землю украшали. Безгранично смелый, никогда не унывающий, с фигурой Аполлона, пышущий здоровьем. По прибытию к нам в Клемёновский детский дом, я лично ходил по его пятам. Боялся пропустить им сказанные слова мимо ушей. К нему тянулись, желая подражать и походить на него.

Детский дом был на плохом счету в округе, в районе и в Облоно. Но приложив максимум усилий и, опираясь на Совет командиров, Семен Афанасьевич быстро, буквально в два месяца, поправил дисциплину в детском доме, а также успеваемость в учебе ребят. Уже на первом году его работы второгодников не было.

Хочется сказать несколько добрых слов о славных ребятах – свинарях Вите Карцеве, Иване Шульгине, Анатолии Пономареве. Они ухаживали за двенадцатью поросятами и двумя свиноматками. Свиноматки ежегодно приносили приплод. Ребята очень внимательно и серьезно ухаживали за своим хозяйством. В теплое время года обмывали и купали поросят. Они это делали от всего сердца. Вряд ли какой взрослый товарищ так относился бы к порученному делу. Они выполняли эту работу от души.

Вспоминаются и наши малыши. В 1957 году, в августе из Егорьевского дошкольного детского дома, к нам в Клемёновский детский дом, прибыли малыши, поступающие в 1-й класс и у которых были старшие братья и сестры, которые воспитывались у нас. Семен Афанасьевич много сил потратил, чтобы кровно родные братья и сестры воспитывались совместно в одном отряде. Это Надя Абушева, Павел Петухов, Виктория Карнова. Была еще Зоя Леонова, которая училась в третьем классе. С рождения она

страдала детским церебральным параличом и передвигалась при помощи костылей. Я всячески старался помочь малышам, особенно когда опаздывали в школу, Зою сажал на ее же костыли и себе на спину. Так мы с ней успевали на первый урок. А другой раз Надю Абушеву сажал на плечо и с ней добирался до школы, чтобы не опоздать на урок. И так несколько раз.

И сейчас сохранились воспоминания, как дружно воспитывались в коллективе дети войны, оставшиеся без родителей, у замечательных советских педагогов, которые сами были воспитаны Великим педагогом А. С. Макаренко. С сыновней благодарностью вспоминаем мы своих учителей, воспитателей. Ведь они не только воспитатели и вывели нас на жизненную дорогу, сумев дать образование, но и интересовались, как сложилась дальнейшая судьба того или иного воспитанника, как в письменной переписке, так и на встречах.

Воспитывались мы в большом коллективе, и коллектив воспитывал неродивых, сквернословов, хулиганов, двоечников. Много строчек стихов посвящены нашим дорогим учителям, воспитателям Галине Константиновне и Семену Афанасьевичу Калабалиным:

• член союза журналистов России Виктор Байтурин из Ярославля, так и писал Калабалиным, славным преемникам и продолжателям дела Антона Семеновича Макаренко;

• Ольге Константиновне Паскаль, родной сестре Галины Константиновны Калабалиной, долгие годы проработавшей совместно рука об руку во многих детских учреждениях, колониях;

• Евгений Дмитриевич Горшков – врач-хирург, долгое время проработавший на Дальнем Востоке, а потом в Подмосковном Военном госпитале писал в письмах и поздравительных открытках. Он посвятил свои стихи Галине Константиновне и Семену Афанасьевичу Калабалиным. Эти стихи для нас Калабалинцев стали гимном жизни.

Мы, со своей супругой Евгенией Дмитриевной, прикипели к Семену Афанасьевичу и Галине Константиновне Калабалиным, а также к воспитанникам Калабалинцам-Клемёновцам.

Талант!!!

Как любил говорить Семён Афанасьевич: «Потеть можно, а пищать нельзя».

Детский орган самоуправления, коллектив движущийся, коллектив идущий вперед – по этой системе учил Семен Афанасьевич Калабалин, нас воспитанников Клемёновского детского дома. Он всегда для нас был другом, товарищем, братом, отцом, учителем и наставником, человеком в человеке.

Не люблю, повторял Семён Афанасьевич, трусов, лентяев, воров, грязных и дураков. Он, постоянно, говорил: хочу двигаться, хочу работать во имя человека, ради человека. Он был человеколюбом. И очень любил нас детей. Наши учителя, наши воспитатели провозгласили основной принцип нашего детского коллектива: один за всех, все за одного!

Для нас Клемёново остался домом родным, частицей малой Родины.

notes

Примечания

1

Литературная запись *Евгения Рысса* (опубликована – М.: «Молодая гвардия», 1968). Размещена в сети по разрешению правопреемника автора Антона Семёновича Калабалина.

2

Калабалин С.А. Я гражданин // Детский дом: уроки прошлого: сб. / сост. Г. Мыльникова. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 75–85.

З

Воспоминания о Макаренко: сб. матер. – Ленинград: Лениздат, 1960.

Воспоминания о Макаренко: сб. матер. – Ленинград: Лениздат, 1960.

5

Публичная лекция, прочитанная 14 ноября 1954 года.

6

Лекция, прочитанная 15 ноября 1960 года в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Калабалин СА. Не верьте, что Макаренко устарел // Детский дом: уроки прошлого: сб. / сост. Г. Мыльникова. – М.: Московский рабочий, 1990. -С. 8 – 97. Народное, образование: ежемесячный журнал МП РСФСР. – 1963. -№ 3. Март.

Учительская газета. – 1940.

9

Стенограмма заседания Макаренковского общества в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской 10 марта 1958 года. Стенографистки Разовская и Рытова.

10

Каиров Иван Андреевич (1893–1978) – учёный-педагог, деятель народного образования, доктор педагогических наук, профессор, действительный член Академии педагогических наук СССР.

11

Скетч (англ. *sketch* — букв, «набросок») – короткая пьеса (главным образом комедия) для двух (реже трех) исполнителей – *Л.М.*

12

Лекция прочитана в Москве, аудитория и дата не известна.

13

Воспоминания о Макаренко: сборник матер. – Ленинград: Лениздат, 1960.

Оцифровано по рукописи Г.С. Мардахаевой.

Литературная газета. – 1951. – 24 марта.

16

Калабалин С.А. Самый сладкий стакан соленого чая // Детский дом: уроки прошлого: сборник / сост. Г. Мыльникова. – М.: Московский рабочий, 1990. -С. 103–108.

В список литературы включены новые источники, к которым удалось адаптировать некоторые ссылки, приведенные С.А. Калабалиным в своей статье.

18

Отклик на статью тов. Кропачевой «Неиспользованное наследство» // Правда. – 1940. – 17 марта.

19

Выступление перед студентами Рязанского педагогического института, 1972 год.

20

1964 год. Из личного архива Г.К. Калабалиной.

21

Отрывок из выступления перед заключёнными исправительно-трудовой колонии Московской области //К новой жизни: журнал. – 1964. – № 2.

22

Из личного архива Г.К. Калабалиной.

23

Удивительный человечище: сб. – Харьков: Харьковское кн. изд-во, 1959. – С. 22.

24

Тезисы к выступлению Семёна Афанасьевича //Из личного архива Г. К. Калабалиной.

25

Из личного архива Г.К. Калабалиной.

Советское Зауралье. – 1966. – 24 марта.

27

Директор Мотовиловского спецдетдома имени СМ. Кирова. 7 февраля 1955 года.

Рукопись, архив А.Н. Мешкова.

29

Статья предназначалась для участия в дискуссии: «Каким должен быть детский дом?», организованной «Комсомольской правдой» в 1955 г.

30

Письмо в редакцию «Литературная газета».

31

Калабалин С, Тубин А., Салько Л., Клюшник В., Ройтенберг Е. По поручению колонистов-горьковцев и коммунаров-дзержинцев // А.С. Макаренко Педагогические сочинения. Т. 7. – М.: Педагогика, 1986. – С. 292–295.

32

Письмо Семёна Афанасьевича 27 февраля 1966 года.

33

Письмо матери воспитанника, сбежавшего домой (21 июля 1960 г.).

34

Письмо Совету командиров школы-интерната № 2, Ленинград, 18марта 1959 г.

35

Письмо своему коллеге в Болгарии. 18ноября 1959 г.

36

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 69.

Барсков Дмитрий, выпускник Клемёновского детского дома 1965 года, кандидат технических наук, член Союза краеведов России, член Союза писателей России.

38

Мер Фаина Натановна – педагог, основатель музея А.С. Макаренко в Москве.

39

Слободчиков Виктор Иванович, воспитанник клемёновского детского дома, президент Всероссийской макаренковской ассоциации, доктор психологических наук, член-корреспондент РАО.

Зюнкель В.В Эрлангене изучают Макаренко // Советская педагогика. – 1990. – № 4.

41

Человеческий и педагогический талант семьи Калабалиных прекрасно раскрыт в трилогии: Вигдорова Ф. Дорога в жизнь. Это мой дом. Черниговка. – М.: «Советский писатель», 1972.

42

Калабалин Антон Семёнович, сын Семёна Афанасьевича Калабалина.

43

Джон Говард (*John Howard,* 1726–1790) – английский юрист, филантроп, первый в Англии тюремный реформатор, исследователь массовых инфекционных заболеваний в Европе. Как врач, заботился о санитарно-гигиенических условиях содержания заключённых. В 1781 году и в 1789 года посещал Россию, был в Херсоне, где вспыхнула эпидемия тифа, на собственные средства лечил больных, заразился тифом и умер.

44

Иоганн Генрих Песталоцци *(Johann Heinrich Pestalozzi,* 1746–1827) – швейцарский педагог всю свою жизнь посвятивший воспитанию обездоленных детей.

45

Фёдор (Иванович) Петрович Гааз *(Фридрих-Иосиф, Friedrich-Joseph Haass;* 1780–1853) – русский врач немецкого происхождения, филантроп, известный под именем «святой доктор», католик.

Пестова Елена Валентиновна, дочь воспитанника С.А. Калабалина Валентина Удальцова.

47

Прокофичев Александр Павлович – воспитанник Клемёновского детского дома с 1953 по 1964 год, был командиром отряда, председатель совета командиров. С.А. Калабалин дал ему такую характеристику: «Концентрированная человеческая и общественная прелесть. Шахматист!». А.П. Прокофичев закончил среднюю школу с золотой медалью и поступил в Московский авиационный институт. Работал на заводах инженером, начальником цеха и т. д. В настоящее время успешно трудиться в банковской системе.

48

Халиков Михаил Халикович – воспитанник клемёновского детского дома, калабалинец пятидесятых годов, бывший главный хранитель фондов Педагогического музея А. С. Макаренко.